

ISSN 2541-8297

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

2021 № 1 (19)

Federal State Budget Institution of Science
A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

LITERATURNYI FAKT
LITERARY FACT

Academic journal

No. 1 (19). 2021

Published since 2016

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

2021. № 1 (19)

Издается с 2016 г.

Редакция

Главный редактор

Вадим Владимирович Полонский (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Заместитель главного редактора

Сергей Игоревич Панов (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Редакторы

Елена Валерьевна Глухова (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Владислав Александрович Резвый (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Зоя Сергеевна Закружная (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Ответственный секретарь

Виктория Юрьевна Попова (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Редакционная коллегия

К.М. Азадовский (Германская академия языка и литературы, Дармштадт, Германия / Санкт-Петербург, Россия), *А.Ю. Балакин* (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия), *Н.А. Богомолов* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), *Н.В. Корниенко* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.В. Лавров* (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия), *И.Е. Лоцилов* (Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия), *Д.С. Московская* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *Ф.Б. Поляков* (Институт славистики Венского университета, Вена, Австрия), *О.А. Проскурин* (Университет Эмори, Атланта, Джорджия, США), *А.И. Рейтблат* (ИД «Новое литературное обозрение», Москва, Россия), *М.В. Строчанов* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.Л. Топорков* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *М.И. Щербакова* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Международный редакционный совет

С. Гардзонио (Пизанский университет, Пиза, Италия), *А.Л. Зорин* (Оксфордский университет, Великобритания / Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия), *Д.П. Ивинский* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), *П.М. Лавринец* (Вильнюсский университет, Вильнюс, Литва), *Дж. Малмстад* (Гарвардский университет, Бостон, США), *Г.В. Обатнин* (Университет Хельсинки, Финляндия), *Л.Л. Пильд* (Тартуский университет, Тарту, Эстония), *Д. Рицци* (Университет Са' Фоскарі, Венеция, Италия), *А.Ф. Строев* (Университет Новая Сорбонна – Париж 3, Париж, Франция), *Р.Д. Тименчик* (Еврейский университет, Иерусалим, Израиль), *Л.С. Флейшман* (Стэнфордский университет, Пало-Алто, США), *М. Шруба* (Миланский университет, Милан, Италия)

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Поварская 25 а

Тел: 8 (495) 690-50-30

E-mail: editor@litfact.ru

Сайт: <http://litfact.ru/>

Editors

Editor-in-Chief

Vadim V. Polonsky (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Sergei I. Panov (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Editors

Elena V. Gluhova (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), Vladislav A. Rezvy (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), Zoya S. Zakruzhnaya (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Managing Editor

Victoria Yu. Popova (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Editorial Board

Konstantin M. Azadovsky (German Academy for Language and Literature, Darmstadt, Germany / St. Petersburg, Russia), *Alexei Yu. Balakin* (Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia), *Nikolay A. Bogomolov* (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), *Natalia V. Kornienko* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Alexander V. Lavrov* (Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia), *Igor E. Loshchilov* (Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia), *Darya S. Moskovskaya* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Fyodor B. Polyakov* (Institute of Slavic Studies, University of Vienna, Vienna, Austria), *Oleg A. Proskurin* (Emory University, Atlanta, GA, USA), *Abram I. Reitblat* ("Novoe Literaturnoe Obozrenie" Publishing House, Moscow, Russia), *Mikhail V. Stroganov* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Andrei L. Toporkov* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Marina I. Shcherbakova* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia),

International Editorial Council

Stefano Garzonio (University of Pisa, Pisa, Italy), *Andrei L. Zorin* (Oxford University, Great Britain / Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia), *Dmitry P. Ivinsky* (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), *Pavel M. Lavrinets* (Vilnius University, Vilnius, Lithuania), *John Malmstad* (Harvard University, Boston, MA, USA), *Gennady V. Obatinin* (University of Helsinki, Finland), *Lea L. Pild* (University of Tartu, Tartu, Estonia), *Daniela Rizzi* (University Ca' Foscari, Venice, Italy), *Alexander F. Stroev* (New Sorbonne University – Paris 3, Paris, France), *Roman D. Timenchik* (The Hebrew University of Jerusalem, Jerusalem, Israel), *Lazar S. Fleishman* (Stanford University, Palo Alto, CA, USA), *Manfred Schrub* (Milan University, Milan, Italy)

Address: Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia

Phone: 8 (495) 690-50-30

E-mail: editor@litfact.ru

www.litfact.ru

Содержание

Литературный факт. 2021. № 1 (19)

Номер посвящен литературе русского модернизма в память Н.А. Богомолова

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

<i>М.М. Павлова</i> , <u>Н.А. Богомолов</u> Из воспоминаний Л.Я. Гуревич о журнале «Северный вестник». Статья первая	8
<i>А.Л. Соболев</i> . Переписка З.Н. Гиппиус с Ф.А. Червинским	61
<i>А.В. Лавров</i> . Историограф и романист-историограф. Письма Д.С. Мережковского к П.Е. Щеголеву	108

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЩЕСТВА И ОБЪЕДИНЕНИЯ

<i>Г.В. Обатнин</i> . К биографии Вяч. Иванова: «четные Среды»	133
<i>Е.В. Иванова</i> . К истории блоковского вечера в обществе «Арзамас»	145

М. КУЗМИН и ЛИТЕРАТУРНЫЕ КРУЖКИ XX ВЕКА

<i>П.В. Дмитриев</i> . «Капитан один не в счет...»: М. Кузмин и «Марсельские матросы»	163
<i>А.С. Пахомова</i> . Куда плыли «Марсельские матросы» в 1917 году?	181
<i>А.Б. Устинов</i> . «Чинари» в дневниках М. Кузмина	200

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

<i>В.Е. Багно</i> , <i>Т.В. Мисникевич</i> . Соперники в символизме	253
<i>А.Д. Савина</i> . «Загадка, которую должна разрешить критика»: В. Брюсов о Вилье де Лиль-Адане	268
<i>Майкл Вахтель</i> . Философская подоплека одного скандала (Вяч. Иванов, Эдуард фон Гартман и «вселенское сораспятие»)	286
<i>Манфред Шруба</i> . Футуристическое подражание Горацию	297
<i>Ф.Б. Поляков</i> . Ранняя редакция сборника Эллиса «Крест и Лира»: попытка реконструкции	312
<i>А.Ю. Сергеева-Клятис</i> . «Переключаться Пушкиным»: Ходасевич и Пастернак о массовой и элитарной поэзии	325

ПРОБЛЕМЫ КОММЕНТАРИЯ

<i>А.А. Кобринский</i> . Комментируя Хармса	335
<i>Олег Лекманов</i> . Из заметок комментатора. Булгаков, Есенин, Олейников	354
<i>Роман Тименчик</i> . Из Именного указателя к Записным книжкам Ахматовой: Два персонажа из богомоловского списка	362

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ

<i>С.В. Сапожков</i> . Библиография Н.М. Минского. Часть 1. Стихотворные тексты	382
<i>О.А. Богданова</i> . Библиография литературной критики и эссеистики А.С. Долинина, 1906–1920 гг.	407

Contents

Literary Fact 2021, no 1 (19)

This issue in memoriam N.A. Bogomolov is dedicated to the Russian literary Modernism

MEMOIRS. LETTERS. DIARIES

<i>Margarita M. Pavlova</i> , <u><i>Nikolai A. Bogomolov</i></u> From Lyubov Gurevich's Memoirs About the Journal 'Severny Vestnik'. Part One	8
<i>Alexander L. Sobolev</i> . Z.N. Gippius's Letters to F.A. Chervinsky	61
<i>Alexander V. Lavrov</i> . Historiographer and novelist-historiographer. Letters from D. S. Merezhkovsky to P. E. Shchegolev	108

LITERARY GROUPS AND SOCIETIES

<i>Gennady V. Obatin</i> . On the Biography of Vyacheslav Ivanov: "Even Wednesdays"	133
<i>Evgeniia V. Ivanova</i> . On the History of Aleksandr Blok Party in Arzamas Society	145

M. KUZMIN AND THE XXth CENTURY LITERARY CIRCLES

<i>Pavel V. Dmitriev</i> . "The Captain Doesn't Count Alone...": M. Kuzmin and "The Sailors of Marseilles"	163
<i>Aleksandra S. Pakhomova</i> . Whither drifted "The Sailors of Marseilles" in 1917?	181
<i>Andrei B. Ustinov</i> . "Chinary" in M. Kuzmin's Journals	200

ARTICLES. NOTES. MATERIALS

<i>Vsevolod E. Bagno</i> , <i>Tatyana V. Misnikovich</i> . Rivals in Symbolism	253
<i>Anfisa D. Savina</i> . "The riddle that the critic must solve": V. Bryusov about Villiers de l'Isle-Adam	268
<i>Michael Wachtel</i> . The Philosophical Subtext of a Scandal (Vyacheslav Ivanov, Eduard von Hartman, and 'Universal Co-crucifixion')	286
<i>Manfred Schrubka</i> . A Futurist Emulation of Horace	297
<i>Fedor B. Poljakov</i> . Early Edition of Ellis' Collection <i>Cross and Lear</i> : A Study in Reconstruction	312
<i>Anna Yu. Sergeeva-Klyatis</i> . "Echoing Pushkin": Khodasevich and Pasternak on Mass and Elite Poetry	325

PROBLEMS OF CRITICAL COMMENTARY

<i>Alexandr A. Kobrinsky</i> . Annotating Kharms	335
<i>Oleg A. Lekmanov</i> . Notes of a Commentator: Bulgakov, Esenin, Oleinikov	354
<i>Roman D. Timenchik</i> . From the Index to Akhmatova's Notebooks: Two Persons from Bogomolov's List	362

BIBLIOGRAPHY

<i>Sergei V. Sapozhkov</i> . Bibliography of N.M. Minsky's Works. Part 1. Poetic texts	382
<i>Olga A. Bogdanova</i> . Literary Criticism and Essays by A.S. Dolinin. A Bibliography, 1906–1920	407

МЕМОУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

Литературный факт.
2021. № 1 (19)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (19), 2021

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-8-60>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Из воспоминаний Л.Я. Гуревич о журнале «СЕВЕРНЫЙ ВЕСТНИК» Статья первая

© 2021, М.М. Павлова, Н.А. Богомолов

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Исключительное значение для раннего этапа русского символизма имел журнал «Северный вестник» (1891–1898), вокруг которого в последние годы XIX в. группировались относительно молодые петербургские писатели — А. Волынский, Н. Минский, Д. Мережковский и З. Гиппиус, Ф. Сологуб. В публикации представлены новые архивные материалы по истории журнала: статья Л.Я. Гуревич «Символизм 90-х гг. и журнал “Северный вестник”», подготовленная для не вышедшего в свет сборника статей под редакцией Н.К. Гудзия «Русский символизм», в виде доклада прочитанная на заседании Литературной подсекции Государственной Академии художественных наук, а также протокол заседания от 14 мая 1926 г. с обсуждением этого доклада. Дополнением к статье Л. Гуревич служат ее записи (1897–1898), фиксирующие реальный и биографический контекст, в котором осуществлялось издание «Северного вестника» с момента перехода журнала в ее руки до закрытия, а также составленный ею план реорганизации журнала. Эти материалы будут представлены во второй части публикации. Вводимые в научный оборот документы позволяют расширить круг источников для изучения истории «Северного вестника» и раннего русского символизма.

Ключевые слова: журнал «Северный вестник»; Л.Я. Гуревич; ранний русский символизм; ГАХН; архивные материалы.

Информация об авторах: Маргарита Михайловна Павлова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0500-6113>. E-mail: mmpavlova@gmail.com.

Николай Алексеевич Богомолов (1950–2020) — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Для цитирования: Павлова М.М., Богомолов Н.А. Из воспоминаний Л.Я. Гуревич о журнале «Северный вестник». Статья первая // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 8–60. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-8-60>

Журнал «Северный вестник» принадлежит к числу самых известных и популярных в истории русской периодической печати конца XIX — начала XX вв. По объему написанного и напечатанного о нем, как о самостоятельном феномене и как о поле деятельности отдельных авторов, с ним могут сравниться разве что «Весы». О «Северном вестнике» существуют две книги [21; 45] и целый ряд статей и публикаций, начиная с давней работы Д.Е. Максимова [24]¹. Однако необходимо сказать, что источниковая база для изучения истории журнала и разнообразных перипетий, с ним связанных, может быть основательно расширена. Частичному выполнению этой задачи и посвящена наша публикация.

Важнейшими работами, посвященными этой теме, признаются обширные воспоминания издательницы журнала Любови Яковлевны Гуревич (1866–1940), известные в двух вариантах. Однако наряду с этими опубликованными материалами в архивах существуют еще по крайней мере два варианта изложения истории журнала и собственной судьбы автора. Восстановим последовательность создания этих четырех текстов.

Первый носит на беглый взгляд характер чисто служебный. В конце 1891 г. острый конфликт между издательницей и остальными пайщиками журнала принял характер юридического выяснения вопроса. Был созван третейский суд, разбиравший эти отношения, и для него Гуревич написала пространный документ (по ее словам, около 4 печатных листов), который был представлен на рассмотрение суда. Он назывался: «Объяснение издательницы “Северного Вестника” Л.Я. Гуревич по делу о неправильных притязаниях, предъявленных к ней пайщиками: А. Глинской, М. Свешниковым, М. Лозинским, А. Кауфманом и С. Крассовским на общем пайщиц-

¹ Более подробная библиография приведена в [6] и в примечаниях П.В. Куприяновского в [21].

ком собрании 5 декабря 1891 года». Впоследствии он был опубликован среди других документов по истории как судебной тяжбы, так и журнала вообще на страницах книги, посвященной А.Л. Волынскому [28, с. 319–396]. В той или иной степени, это «Объяснение» использовалось исследователями (хотя не всеми), но почти исключительно как источник сведений о финансовом положении журнала на раннем этапе его существования под руководством Гуревич. Однако более внимательное чтение показывает, что речь там идет не только о материальной стороне предприятия, но и о целях, задачах журнала, какими они виделись издательнице и ее ближайшему сотруднику А.Л. Волынскому, а также и о ее собственных действиях, далеко не сводившихся к контролю, проверке и корректировке денежных дел журнала. В этом смысле «Объяснение» еще должно быть осмыслено и реально использовано в работах о «Северном вестнике».

Появление второго документа, ныне печатаемого нами (см. продолжение публикации в следующем номере «Литературного факта»), объяснить труднее. Несколько цитат из него нам удалось обнаружить только в работе П.В. Куприяновского, где он назван «“Liebe Eripengungen” (“Милые воспоминания”) — воспоминания Л.Я. Гуревич о “Северном вестнике”, написанные в 1898 г.» [21, с. 50]. Такая характеристика не вполне точна. Во-первых, сам текст автором никак не озаглавлен, а лишь записан в довольно роскошную тетрадь, на переплете которой золотом вытеснено немецкое заглавие. И хотя, как увидит читатель, Гуревич его обыгрывает, она все же не дает такого названия. Во-вторых, для нас не вполне ясна прагматика этого текста. Вряд ли его можно назвать «воспоминаниями» — журнал продолжается, автор готов по-прежнему жертвовать собою, чтобы его длить, изложение не переведено в прошедшее время. Скорее его следует рассмотреть в свете кажущейся проходной фразы Гуревич уже на первой странице: «...мои дневники, которые я писала с 12 лет и которые писала как раз до начала моего издательства...» Эти записки можно представить как замену дневникам. Именно этим объясняется особая интимность текста, попытки проанализировать собственную психологию, раскрыть затушеванные или вовсе опущенные в других свидетельствах факты и т. д.

Текст не только не озаглавлен, но и не датирован. Мнение П.В. Куприяновского о 1898 г. выглядит вполне обоснованным, мы бы только на основании данных самого текста обозначили возможность его появления уже в конце 1897 г. Именно повествованием о лете этого года завершается фактическая история, изложенная на страницах тетради. К этому документу примыкает другой, сохранив-

шийся в черновике без заглавия и без окончания², в котором речь идет о планах реорганизации «Северного вестника», по содержанию документ может быть датирован 1897 годом.

Другие два текста писались уже спустя изрядное время после прекращения журнала. Первый из них, «История “Северного вестника”» [14], хрестоматиен и учитывается всеми без исключения историками литературы и журналистики, для которых «Северный вестник» хоть сколько-нибудь интересен. Это избавляет нас от характеристики данного варианта. Отметим только, что сохранился его черновой автограф, верхний слой которого практически дословно совпадает с опубликованным, но он носит иное заглавие: «Автобиография и история “Северного вестника”»³. Как нам кажется, это несколько неуклюжее заглавие точнее, чем холодное «история», отражает суть воспоминаний Гуревич, написанных в 1913 г.⁴, т. е. через 15 лет после прекращения журнала. И в этих воспоминаниях чувствуется не остывшее стремление доспорить, доказать свою правоту, объясниться с читателями книги и подписчиками журнала, а также, возможно, и с кредиторами. Напомним, что к концу журнала «общая сумма долгов достигла 155000 р.» [21, с. 48] — по тем временам сумма колоссальная.

Совершенно ускользнул от исследовательского внимания поздний текст Гуревич, который был прочитан в мае 1926 г. в виде доклада под названием «Символизм 90-х годов в журнале “Северный Вестник”» и под слегка измененным заглавием был приготовлен к печати, но остался неизданным. Он заслуживает особого рассказа.

Государственная академия художественных наук (ГАХН) в настоящее время стала предметом пристального изучения, вершиной которого стал недавно появившийся двухтомник [17]. Однако в нем практически не показана деятельность историков литературы, которая была несколько не менее активна, чем работа философов, теоретиков искусства, фольклористов и других сотрудников ГАХН. Это существенно иметь в виду тем более, что в обсуждении историко-литературных штудий участвовали отнюдь не только низкие эмпирики, но и самые различные деятели, связанные с ГАХН.

С самого начала в ГАХН (РАХН) имелась Литературная секция, которая постепенно усложнялась и к осени 1925 г. стала состоять из 7 подразделений. Нас в данном случае будет интересовать

² ИРЛИ. № 20247.

³ РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 36.

⁴ В тексте она упоминает свою книгу «Литература и эстетика», вышедшую в 1912 г., как прошлогоднюю.

деятельность подсекции русской литературы, которая до момента ликвидации ГАХН в 1929 г. вела регулярную работу, где на первый план вполне логично выдвинулась задача, хорошо определяемая временем: собрать материалы и по возможности создать историю русского символизма, значение которого осознавалось как чрезвычайно важное для всей русской литературы XX в., и в то же время его основные деятели или были еще живы, или совсем недавно ушли из жизни, оставив обширные архивы. На заседаниях подсекции выступали П.П. Перцов, Г.И. Чулков, С.М. Соловьев, обсуждались проблемы искусства и жизнотворчества А.А. Блока, В.Я. Брюсова, И.Ф. Анненского, Андрея Белого, А.М. Добролюбова и др. Два доклада были посвящены журналу «Весы»⁵. И не удивительно, что Гуревич была приглашена сделать доклад о важнейшем издании 1890-х гг., тесно связанном с русским символизмом. В бумагах ГАХН сохранились его тезисы и протокол обсуждения, которые мы печатаем ниже. Но сам текст доклада там отсутствует, равно как и в архиве Гуревич в РГАЛИ и в ИРЛИ. Однако ему повезло.

После того как ГАХН прекратила свое существование, часть собранных материалов попала в Государственную академию искусствознания (ГАИС), просуществовавшую совсем недолго (1931–1932), но часть ее архива сохранилась. И там, среди прочего, находится папка, озаглавленная: «Русский символизм: Сборник статей. Под ред. Н.К. Гудзия»⁶. Составившие портфель сборника материалы были представлены в форме докладов в ГАХН в 1926–1928 гг. В него вошли статьи Н.К. Гудзия «Тютчев в поэтической культуре русского символизма»⁷, С.Н. Дурылина «Бодлер в русском символизме»⁸, А.А. Штейнберг «Журнал “Весы” как этап в истории русского символизма»⁹, Б.В. Михайловского «Лейт-мотивизм как признак стиля русского символизма»¹⁰, Н.Г. Булычева «Блок как теоретик

⁵ Подробнее о подсекции русской литературы и ее трудах см. наше предварительное сообщение: [4].

⁶ НИОР РГБ. Ф. 81. Карт. 15. Ед. хр. 412.

⁷ Доклад был прочитан 20 мая 1927 г., опубликован: Известия АН СССР по русскому языку и словесности. 1930. Т. 3, кн. 2.

⁸ Прочитан 19 февраля 1926 г., опубликован: [18]. Ср. также протокол обсуждения: [5, с. 284–289].

⁹ Прочитан 8 апреля 1927 г., не опубликован. О его авторе нам не удалось собрать никаких сведений. Судя по всему, это была аспирантка ГАХН, доклад явно ученический.

¹⁰ Прочитан 9 марта 1928 г. под заглавием «О роли лейтмотивов в искусстве русского символизма». Не опубликован. Б.В. Михайловский в то время был аспирантом ГАХН, впоследствии стал известным историком литературы.

символизма и литературный критик»¹¹. Здесь же находится и статья Гуревич, прочитанная в виде доклада 14 мая 1926 г.

По сравнению с другими вариантами ее воспоминаний она наиболее отрешена от личности автора (хотя не вовсе избавлена от описания своих переживаний) и в наибольшей степени нацелена на воссоздание общей картины существования «Северного вестника» в русской литературе и журналистике 1890-х гг. То ли протекшее время, то ли ощущаемые требования наступающей эпохи сокрушительного социологизма заставили Гуревич выйти за пределы своего частного опыта и конкретных наблюдений, попытаться дать общую оценку не только высоко ценившейся беллетристике, делавшей журналу имя, но и символистскому движению, для которого «Северный вестник» был практически единственным органом, где можно было регулярно печатать не только отдельные стихотворения, но и прозу, вплоть до романов. И если в ранних воспоминаниях мы находим резко осудительную в адрес «декадентов» фразу, то уже в статье для издания Венгерова, а в еще большей степени в докладе для ГАХН Гуревич объективирует свои впечатления от той роли, которую играли в журнале Минский, Мережковские, Сологуб и другие авторы.

Вместе с тем в этом тексте прочитывается имплицитное стремление реабилитировать Волынского — смягчить слишком резкую и нелюбезную оценку его деятельности в журнале, данную С.А. Венгеровым все в той же «Истории русской литературы XX века», где была напечатана и статья Гуревич о журнале (вариант 1913 г.) [8; 14].

Признавая за Волынским «все права считать себя одним из создателей “новых течений” 1890-х гг.», Венгеров предельно жестоко характеризует его как ведущего критика и редактора «Северного вестника»: «...кратко скажу, что нормальна, плодотворна, создает прочные симпатии и сколько-нибудь продолжительное влияние только та критика, которая одновременно с разрушением старого, любовно и торжествующе встречает новое. А у Волынского именно любви-то никогда и не было. Он только ненавидел, а когда в литературе выступили новые, *творческие* силы и ярко определились действительно-новые настроения, он с полным отсутствием чутья совершенно не распознал в них союзников и вместо того, чтобы радостно комментировать и приветствовать, обрушился на них с таким

¹¹ Николай Гордеевич Булычев (1895 — после 1937) — видный анархист, печатавшийся чаще всего под псевдонимом Н. Отверженный. Доклад «Блок как теоретик русского символизма» он сделал 12 мая 1927 г., но ни текст в папке, ни материалы обсуждения не сохранились. Вероятнее всего это связано с тем, что в 1929 г. он был арестован, а затем выслан.

же озлоблением, с каким нападал на “старые” течения. Вся деятельность Волынского в “Сев. Вест.” сводилась вообще к ожесточенной борьбе» и т. п. [8, с. 122–123].

Гуревич не могла согласиться с подобной характеристикой своего литературного соратника и, по-видимому, в своем позднем очерке хотела восстановить справедливость, последовательно выдерживая линию «защиты». Кроме того, она планировала продолжить работу над мемуарами, о чем мы узнаем из ее письма к дочери Волынского М.А. Зеликиной (1887–1953), в котором она убеждала ее и сестру Волынского БERTУ Львовну Паргамент передать хранящийся у них архив в Литературный музей¹².

В январе 1933 г. Гуревич писала Мэри Акимовне в Ленинград: «По поводу замечания Н.К. Гудзия, что можно передать архив в Музей с предоставлением права разрабатывать и опубликовывать его только определенному лицу или лицам, могу с полной определенностью ответить, что это могут быть и лица, вовсе не принадлежащие к членам Комиссии. Я бы считала целесообразным сделать это, и вот почему: среди современных литераторов и литературоведов и сейчас найдется не мало таких, которые захотели бы разрабатывать архив А<кима> Л<ьвовича> с специально-полемическими целями, продолжая при этом и те недобросовестные нападки, которые, как я наверняка знаю, изводили его больше, чем он этого показывал, и уж во всяком случае не содействовали выяснению истины. Всего этого хотелось бы избежать. <...> я попрошу Вас назвать и меня в числе тех лиц, которым Вы доверите эту работу: не помню, писала ли я Вам уже, что я готовлюсь к писанию своих мемуаров (частью для печати, частью для более или менее отдаленного будущего), в которых, конечно, много места будет уделено и А. Л.»¹³.

Этим планам Л.Я. Гуревич не суждено было осуществиться, в позднейшие годы она всецело отдалась работе над своими театральными воспоминаниями (о МХТ и К.С. Станиславском). Таким образом, ее доклад, прочитанный на заседании ГАХН, можно назвать последним, имеющимся в нашем распоряжении, вариантом воспоминаний о «Северном вестнике».

Текст доклада Л.Я. Гуревич «Символизм 90-х гг. и журнал “Северный вестник”» воспроизводится по авторизованной машинописи из архива ГАИС, хранящегося в Российской государственной

¹² Письма Л.Я. Гуревич к М.А. Зеликиной (1931–1933): ИРЛИ. Ф. 673. Поступление 2020 года.

¹³ ИРЛИ. Ф. 673 (А. Волынского).

библиотеке: НИОР РГБ. Ф. 81. Карт. 15. Ед. хр. 412. Л. 151–172. Зачеркнутый текст заключен в прямые скобки. Тезисы доклада и протокол заседания Литературной подсекции ГАХН № 12 от 14 мая 1926 г. публикуются по машинописи из фонда ГАХН в Российском государственном архиве литературы и искусства: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 38. Л. 57–59 об.

Любовь Гуревич

Символизм 90-х гг. и журнал «Северный вестник»¹

Размеры моей работы, обусловленные самым ее характером, не позволяют мне развернуть тему ее во всю ширину, т.е. рассмотреть те многочисленные произведения символического характера в стихах и в прозе, которые печатались на страницах «Сев. Вестн.». Я принуждена ограничиться обзором материала, обрисовывающего символизм 90-ых гг. в его теории, не углубляясь даже в анализ этой теории и не сравнивая ее с более полными теориями символизма, сформулированными в последующие десятилетия. Но проследить истоки символизма на русской почве, представить его в исторической перспективе и в окружении тех идей, с которыми он был для нас органически связан, — это я и считаю своим заданием в настоящей [м]й [докладе] статье.

Нельзя понять того литературного движения, которое выразилось в 90-ых гг. на страницах «Сев. Вестн.», нельзя почувствовать его темперамента и его внутреннего пафоса, не представив себе, чем была русская жизнь и русская журналистика 80-ых гг., какова была та общая атмосфера, в которой возматало поколение, определившее собою литературную физиономию конца XIX в. Я живо помню то время — время моей ранней юности, и да будет мне позволено бегло очертить его сквозь призму моего личного восприятия. Прежде всего это время тяжелой политической реакции. В моих ушах еще звучит барабанная дробь, под которую везли на казнь, мимо окон нашей гимназии², привязанного к черной колеснице, бессильно рвавшегося и что-то кричавшего толпе Млодецкого, который совершил покушение на Лорис-Меликова...³ Этот образ остался в душе как бы символом той эпохи с политической ее стороны. Единичные героические усилия, направленные к борьбе с реакцией, оказывались

бессильными сломить ее, а другие пути «ниспровержения существующего строя» еще не наметились. Общество цепенело в унынии; бесплодные разглагольствования на гражданские темы за самоваром в мещански настроенных семейных домах, однообразные, бесформенно-протестантские разговоры и речи в студенческих кружках. Идеи, которыми передовая русская журналистика питалась уже несколько десятилетий подряд, во имя которых она отворачивалась от Пушкина, Достоевского и Толстого, игнорировала Тютчева, издевалась над Фетом, идеи эти постепенно изживались, измельчались. Кумирами молодежи среди современных писателей были Надсон с одной стороны, Михайловский с другой. В.В. Вересаев, вспоминая в своей краткой автобиографии это время, говорит: «Активное народничество в это время шло уже сильно на убыль... Во мне лично... веры в народ не было. Было только сознание огромной вины перед ним и стыд за свое привилегированное положение. Но путей не виделось». Этим путей не указывал Вересаеву, по его собственному признанию, и любимый им в то время Михайловский: «Чувствовалось, что их (этим путей) и у него нет»⁴. В этом ощущении какой-то гнетущей замкнутости кругозора, какого-то невыносимого удушья сходились, очевидно, и те, которые позднее, в середине 90-ых годов, примкнули к марксистскому движению, и те, которые сгруппировались около «Сев. Вестн.».

Нас тоже жгли вопросы социального неравенства, мы тоже мучились стыдом за свое привилегированное положение и призывали бурю, которая сокрушила бы устои окружавшей нас ненавистной и презренной жизни. Но она был презренна для нас и в своих руководящих интеллигентских верхах, которые словно накладывали запрет на то, что было нам всего ближе и дороже. Большие вечные вопросы, вопросы философии, этики, поэзии мучили нас. А Михайловский говорил, что волнующие нас вопросы — «праздные вопросы»⁵. Это возмущало не менее, чем в свое время, позже, пресловутые «бессмысленные мечтания» в устах Николая II⁶. Позитивизм, утилитаризм, натурализм — это было уже ветхо и мертво. Но живы, вечно юны были великие мыслители и писатели всех эпох и народов, и упоительную радость, восторг и надежды вселяли в сердца родные поэты — Пушкин, Тютчев. Беспредельные дали космоса пели свою песнь в душе, — и в ней закипали новые силы и вера в будущее. Какой абсурд, что передовые люди, готовые на отчаянную борьбу за лучшее будущее, отвергают эти источники обновления сил, отворачиваются от лучших, от единственных достижений нашей культуры! И что принесут они с собой в новый мир, если когда-нибудь найдут

пути к нему? какие блага откроют обездоленным классам, если осуществится мечта о социальном равенстве? Чего хотят они для них: только хлеба?

В начале 1887 г. я познакомилась в доме А.А. Давыдовой⁷, впоследствии — издательницы «Мира Божьего», с Волынским, Мережковским и Минским, которого я знала по запрещенной цензурой, ходившей в рукописи поэме его «Гефсиманская ночь»⁸. Осенью того же года вышла в свет книга стихотворений Минского. Одно из них нужно признать, во всяком случае, симптомом поворота в настроениях новейшей русской поэзии. Это стихотворение, начинающееся словами: «Как сон, пройдут дела и помыслы людей», нужно было бы привести здесь целиком. Для краткости я приведу лишь несколько строк его:

В каких бы образах и где б среди миров
 Ни вспыхнул мысли свет, как луч средь облаков,
 Какие б существа ни жили, —
 Но будут рваться в даль они, подобно нам,
 Из праха своего к несбыточным мечтам,
 Грустя душой, как мы грустили⁹.

Минский принадлежал к старшему поколению по сравнению с нами, и поэзия его, в первый период его деятельности, как известно, была окрашена гражданственно. Однако еще в 1884 г. он выступил в киевской газете «Заря» с фельетоном, где он объявлял войну 60-м годам во имя самодовлеющего значения искусства¹⁰.

Мережковский, прошедший через увлечение позитивизмом и народничеством, в то время поворачивал уже к религии, но, по собственному его признанию, находился еще под влиянием Михайловского. В противоположность Минскому и Мережковскому, с их внутренней неустойчивостью, зыбкостью, способностью поддаваться то тем, то иным влияниям, Волынский имел очень резко выраженную умственную физиономию и казался пришедшим в мир русской интеллигенции из какой-то другой страны или эпохи. Ему было всего 23 года, но впечатления молодого человека он не производил. За год перед тем он окончил юридический факультет университета, где обратил на себя внимание работой о Спинозе¹¹ и где ему сулили кафедру при условии перехода в православие. Он отказался от этого и жил на гроши, печатая литературные статьи в «Восходе»¹², погруженный в книги, в философов. Таким он и остался в известных отношениях — «вечным студентом», способным поглощать неимо-

верное количество книг на всевозможных языках, всегда что-нибудь досконально изучающим. Фанатик своих идей, непримиримый, беспощадный, с громадным умственным темпераментом, сосредоточенный в себе и часто презрительный к людям, он знает страстные интеллектуальные увлечения и порывы, но не знает радостей простого взаимного человеческого общения. У него всегда были горячие приверженцы, которым он много дает от богатства своих знаний и идей, но он всегда одинок, потому что не имеет потребности выйти из своего внутреннего одиночества и не умеет брать от людей того, что иногда питает и разум, и душу не менее книги. Широта, ясность и прозорливость ума, способность сосредоточенно воспринимать то, что он хочет воспринять, и *сознательно* делать то, что другие делают по непосредственному побуждению, часто заменяют ему и художественное чутье, и врожденную сердечность. Но никакие блага мира не могли совратить его с того пути, на который он вышел по призванию, по убеждению, и на котором ему дано было, в силу особенностей его натуры, больше разрушить и расчистить для будущего, чем теоретически [сотворить] обосновать.

В 89 г. Волынский начинает печататься в журнале «Северный Вестник» редакции Евреиновой¹³, где кроме писателей старой формации помещали свои произведения новые литературные люди: с одной стороны — Чехов, с другой — Мережковский, Минский.

Волынский пишет для «Сев. Вестн.» свою громадную статью о «Критических и догматических элементах в философии Канта»¹⁴, затем — статью, обзорающую все сочинения Вундта»¹⁵. Он выступает в этих статьях сторонником философского идеализма, — критического идеализма, который опирается на теорию познания и идет рука об руку с положительной наукой. Нельзя не отметить, что как раз в то время в Москве открывается журнал «Вопросы философии и психологии», который, несмотря на разнородность своего редакционного Комитета, — тоже приобретет идеалистическую окраску. В одной из первых книжек «Сев. В.» Волынский отмечает появление этого нового журнала и сочувственно указывает на статью Н. Грота «Что такое метафизика»¹⁶, в которой говорится о связи философии и искусства и уже шевелится какой-то неотчетливый намек на теорию художественного символизма.

К весне 1890 г. «Северн. Вестн.» Евреиновой исчерпывает свои материальные средства и должен остановиться. О приобретении журнала мечтает Михайловский, но Евреинова предпочитает продать его молодой компании, с которой до некоторой степени связан Волынский. Мне кажется в этот момент, что в связи с вопросом о «Сев.

Вестн.» решается нечто гораздо большее, чем моя личная судьба и, достав требующуюся небольшую сумму, я вхожу в эту чуждую мне компанию, покупающую журнал, в безотчетной уверенности, что это путь к полному завладению журналом. Не стану говорить здесь о тех перипетиях, которые ровно через год оправдали эту мою уверенность. Весною 1891 г., не имея ни копейки денег, я сделалась официальной издательницей «Сев. В.», уже значительно обремененного долгами, лишь наполовину покрывавшего свой бюджет подпиской, — и переехала в редакцию. Чтобы понять этот поступок, нужно учесть силу отвращения к русской действительности, к русской журналистике того времени и органическое, непререкаемое убеждение, что пришла пора обновить их. Волынский уже бросил вызов Михайловскому заметкою о нем в первом № журнала за этот год, — и бой начался¹⁷. Кругом уже закипали страсти, вражда, а друзей в этот момент как будто совсем не было. Те, которых можно было до некоторой степени считать единомышленниками — Минский, Мережковский, Гиппиус (она только что начала тогда печататься)¹⁸ — как раз в это время даже перестали присылать свои стихи. Самое существование журнала казалось им эфемерным. Состав сотрудников журнала был пестрый, случайный. Рядом с лицами, которые нужно или можно было удерживать, — были и такие, с которыми необходимо было скорее расстаться, чтобы придать журналу определенную физиономию¹⁹.

Программа журнала в те, первые годы, не была выражена в каком-либо подобии литературного манифеста; она раскрывалась постепенно в руководящих статьях Волынского. Лишь позднее, в январской книжке 1896 г. мы нашли нужным формулировать некоторые пункты ее с возможной отчетливостью в нашумевшей заметке, написанной совместно Волынским и мною и напечатанной за нашими обеими подписями на первых страницах книги под заглавием «Идеализм и буржуазность»²⁰. Я приведу выдержки из этой заметки, т.к. она наиболее определенно передает центральные идеи и настроения журнала, явившегося органом раннего символизма. Заметка начинается с указания на критический идеализм как на краеугольный камень мирозерцания, которое пришло на смену старому, и на Канта как на основоположника этого мирозерцания. «Россия не знает Канта, а это то же самое, что не знать Коперника в представлениях о мироздании», — говорилось в первом абзаце заметки. Люди, смешивающие идеализм с отживающими догматическими системами, обнаруживают незнание того многозначительного факта, что самыми яркими врагами идеализма были мыслители спиритуалистического направления. Объясняя да-

лее обособленность «Сев. Вестн.» и непримиримость его в борьбе с русской журналистикой разных направлений и оттенков, авторы заметки ставят в вину и этой журналистике, и породившему ее обществу их буржуазный характер. Идеализм неизбежно ведет к непримиримости по отношению ко всему, на чем лежит отпечаток буржуазности, как и буржуазность всегда, сознательно или бессознательно, стояла в непримиримой вражде с идеализмом. Типической чертой буржуазии всегда была *умеренность* в жизненных требованиях и теоретических идеалах. Буржуазное понятие о благе всегда ограничено и охотно вступает в компромисс с известными формами исторической действительности. Буржуазия признает необходимым разделение человечества на большие замкнутые группы, именуемые народами, государствами, и в пределах этих групп одни классы возвышаются над другими, причем это исторически сложившееся неравенство людей санкционируется как что-то необходимое. В области внутренних интересов буржуазия, стремящаяся прежде всего к внешнему благополучию жизни, требует подчинения личности единообразному шаблону и стесняет не только человеческое поведение, но и самую мысль, которая для своего развития нуждается в полной независимости от каких-либо утилитарных предписаний. Критический идеализм по самому духу своему является источником беспощадной критики. Разбирая весь материал познавательного процесса, он разрушает всякие иллюзии догматического мышления. При рассмотрении жизненных вопросов всех видов и порядков он исходит из философского понятия личности, со всеми ее низшими и высшими потребностями, и не смиряет своих радикальных требований в угоду каким бы то ни было историческим обстоятельствам. Отмечая различные ступени в историческом процессе развития, ни на одной из них он не останавливается с полным удовлетворением. Повсюду он преследует разлагающий яд буржуазности»²¹.

Отдельные мысли, выраженные в этой заметке по вопросу о соотношении идеалистической философии и практической деятельности человека на поприще социальном и политическом, были разбросаны в разных статьях Волынского, начиная с первых шагов его в «Сев. Вестн.»²². Нечего и говорить о том, что нелегко было проводить их через цензуру и что развернуть их полнее при подцензурности журнала не представлялось никакой возможности.

Вопрос об отражении идеалистической философии на художественном творчестве и на тех мерилах, с которыми должна походить к оценке художественного произведения литературная

критика, трактовался Волынским не раз и с достаточной полнотой. Натурализм требовал от произведений искусства, чтобы они были только воспроизведением действительности — и в этом смысле «Эстетические отношения искусства к действительности» Чернышевского как бы предваряли теорию натурализма²³. С точки зрения философского идеализма искусство отнюдь не задается целью изображать эмпирическую действительность, но выражает — в живых художественных образах, создавшихся из элементов действительности, — внутренний мир художника, его мирозерцание. Публицистическая критика, начиная с последнего периода деятельности Белинского, требовала от поэта оценки изображаемой им действительности с точки зрения злободневной гражданственности, она хотела замкнуть его в свой публицистический кругозор и поощряла в творчестве рассудочную тенденцию. Но «великие произведения искусства не проникнуты никакими тенденциями — никакими эмпирическими целями и задачами, — говорит Волынский. — Освещенные в самой глубине замысла цельным мировоззрением, они тем самым воспитывают людей в идеалах вечно новой, вечно прогрессирующей красоты и перестраивают исторические условия не случайными средствами»²⁴. Публицистическая критика не понимает того, что «искусство не угашает, а поднимает дух при одном условии: если оно свободно развивается по *своим* законам, если оно свободно служит *своим* целям»²⁵. Не понимая этого, публицистическая критика отвергала художественные явления высочайшей ценности. «По мере того, как высыхала философская мысль на страницах русских журналов, русская критика все более теряла под собою почву. Она пала до того, что замахнулась на Пушкина. Дальше идти было некуда»²⁶, — говорит Волынский.

Все эти соображения, по существу вовсе не новые, но формулировавшие то, что с новой силой сознавалось молодым литературным поколением, естественным образом приводили к «переоценке всех ценностей»²⁷ в области литературы и литературной критики. В первые же два года после перехода «Сев. Вестн.» в мои руки, Волынский определил отношение журнала к целому ряду литературных деятелей прошлого и настоящего. Его «Литературные заметки» этого периода дают ряд принципиальных оценок — то цельных, то частичных, — Пушкина, Гоголя, Толстого, Гончарова, Лескова, Полонского, Майкова, Надсона, Фофанова, Чехова, Короленко, Эртеля, Белинского, Чернышевского, Герцена, которому «Сев. Вестн.» отдавал все свои симпатии²⁸, Канта и Карлейля, Золя и Ибсена

и мн<огих> друг<их>²⁹. С 93 г. начали печататься систематически статьи Волынского о русских критиках³⁰.

Одновременно с этим шла работа по собиранию вокруг журнала необходимых ему литературных сил. [Это не было просто делом практической важности — это было осуществление давней потребности приобщить к боевой журналистике, к молодому движению ее всех тех, кто жил, погруженный в мир образов и идей, вдали от центров интеллигентской жизни.] Из писателей прежних поколений немногие уже оставались в живых. Первым, еще до того, как я стала официальной издательницей журнала, вошел в него Полонский. [Он полюбил молодую редакцию за ее литературные взгляды и часто появлялся в моей рабочей комнате, гремя своими тяжелыми костылями, садился в кресло и, терпеливо ожидая, пока я кончу спешную работу, мечтал или подремывал тихонько]³¹. Обращение мое к Лескову тоже привело к самым дружеским отношениям³². [Его талант тогда начинали уже признавать в передовой журналистике, он печатался в «Русской Мысли», но внутренней связи с журналами прежнего типа у него не было и быть не могло]. У нас он нашел не только признание его таланта, но и понимание³³ его яркой, сложной и самобытной личности, его тяжелых нравственных борений, его внутреннего влечения к Толстому. [С нами он мог язвительно шутить и подсмеиваться не только над публицистами «Нового Времени», но и над критиками либеральных журналов, не опасаясь вновь вызвать против себя обвинение в ретроградности. Он дал «Сев. Вестн.» очерки «Пустоплясы», «Вдохновенные бродяги, удалецкая сказка» и др.³⁴] Его расположение ко мне и к журналу выразилось, кроме того, в том, что он познакомил меня с Толстым — сделал так, что я получила приглашение приехать в Ясную Поляну³⁵. Связь с Толстым была у журнала тоже не случайная. Его страстное религиозное и этическое устремление, его беспощадное обличение буржуазного строя жизни, его анархизм были близки нам по существу³⁶. Что ключ, которым можно перевести жизнь, частную или общую, на новые пути, находится в человеческом сознании, что нет никаких средств к обновлению жизни, пока не будет *осознана* необходимость обновления, — это была одна из центральных идей Толстого, развитая им с могучей убедительностью в плохо понятой либеральным обществом статье его «Неделание»³⁷. Он отдал ее в «Северн. Вестник», в котором та же мысль высказывалась Волынским, и который он считал интересным и близким себе по целому ряду вопросов³⁸. Позднее, читая серию статей Волынского, вышедших под названием «Русские

критики», Толстой говорил мне, что теперь только, благодаря этим статьям, он понял, чем жила за последние десятилетия русская интеллигенция и почему он был так далек от нее. Он и искренно хотел поддержать журнал своим сотрудничеством, несмотря на то, что он попадал в нем под предварительную цензуру, и в течение трех лет дал нам две сказки, две статьи, предисловие к переведенному его дочерью под его редакцией «Дневнику Амиэля»³⁹ и, наконец, своего бессмертного «Хозяина и работника»⁴⁰. [С нежной благодарностью в душе вспоминаю я то обстоятельство, переданное мне Бирюковым⁴¹, что Толстой никогда еще ничего не писавший к сроку, впервые торопился окончить свой рассказ, чтобы его можно было напечатать в такое время, когда появление его могло выгодно отразиться на подписке журнала].

Одно время, в 92–93 г., довольно близко подошел к журналу Влад. Соловьев, напечатавший у нас небольшие заметки и ряд стихотворений⁴². Позднее «Русские критики» Волынского оказались неприемлемы для него. Но лучшие писатели-беллетристы старшего поколения, — кажется, все, кроме тесно связанного с Михайловским Короленко, — Чехов⁴³, Альбов⁴⁴, Эртель⁴⁵, Мамин-Сибиряк⁴⁶, Микулич⁴⁷ и др., во многом не разделяя высказываемых в журнале взглядов, отдавали туда свои вещи⁴⁸. Позднее в нем стал печататься Горький, откликнувшийся из глуши на только что изложенную мной заметку «Идеализм и буржуазность» небольшим сочувственным письмом⁴⁹. [впрочем, в то время имя его еще ничего не говорило нам.] Огромную роль в жизни журнала как органа новой русской журналистики, сыграли «Записки Смирновой», эти почти уничтоженные теперь в своем значении таинственные записки, которые я получила из рук в руки от прикованной к постели О.Н. Смирновой, с глубокой верой в их подлинность⁵⁰. [Лишь позднее в печати начались волнующие указания на некоторые анахронизмы и неточности их, но и это не подорвало доверия и острого интереса к ним со стороны целого ряда литературных людей. Недаром Мережковский начинает свою статью о Пушкине с утверждения, что во всякой другой стране эти записки «составили бы эпоху»⁵¹, — так верно и так полно воспроизводят они Пушкина как человека. Во всяком случае они создавали какой-то необычайно живой и интимный подход к Пушкину, к Гоголю и другим писателям и поэтам 20–30-х г.г., за последние десятилетия словно угасших для сознания и чувств русского общества, словно превратившихся для него в какие-то безжизненные монументы.] С уверенностью могу сказать, что под влиянием этих во многом фантастических, как теперь выяснилось, но воистину художествен-

ных записок многие русские люди совсем иными глазами начинали читать русских классиков и по-иному относиться к поэзии и поэтам.

Такова была атмосфера, в которой стал самоопределяться петербургский символизм в лице Минского, Мережковского и Гиппиус. Поверив, что «Сев. Вестн.» будет жить, они стали постоянными его сотрудниками⁵². Я решительно отказываюсь признать, что символизм «Сев. Вестн.» навеян, как это говорили иногда, западно-европейскими образцами. Волынский не интересовался в то время молодой европейской поэзией и не писал о ней. Минский в начале 90-ых г.г. интересовался по-настоящему только Ибсеном⁵³. Гиппиус, по ее собственному признанию в ее автобиографии, никогда не увлекалась французскими поэтами и в 90-ых г.г. мало их читала, а в новом литературном течении ее «занимала проблема индивидуализма и все к ней относящиеся вопросы»⁵⁴. Лишь Мережковский прошел через увлечение Эдгаром Поэ и Бодлэром⁵⁵, но не он, а Якубович-Мельшин напечатал в «Сев. Вестн.» большую заметку о Бодлэре и серию его переводов из «Цветов зла»⁵⁶. Характерно, что когда я хотела заказать кому-нибудь статью о Верлэне, Маллармэ и Рембо, мне пришлось, за неимением подготовленных к этой теме писателей, обратиться к одному моему личному знакомому, рано умершему А.С. Усову⁵⁷. Могла бы это сделать, конечно, жившая в это время в Париже Венгерова, но она сотрудничала тогда в «Вестн. Европы», где и напечатала свою осведомительную статью на эту тему еще в 92 г.⁵⁸ Характерно также, что и в дальнейшем переводы новейших и интереснейших иностранных авторов лишь в очень редких случаях предлагались нам писателями, обычно же — <p>осто интеллигентными людьми из общества.

Слово «символы» впервые громко прозвучало в русской литературе в 92 г.: Мережковский выпустил под этим заглавием книжку своих стихотворений, в которых не было, впрочем, ничего символического. В том же году, откликаясь на статью С.М. Волконского «О художественном наслаждении и творчестве»⁵⁹, упоминающую и о символизме, впервые высказывается на эту тему Волынский. «Символизм есть один из постоянных элементов всякого поэтического произведения, задуманного с какими-нибудь возвышенными философскими или религиозными намерениями», — говорит он. И далее: «Символы философские и религиозные порождают сложное художественное впечатление или, вернее, широкую волну чувств, в которых ощущение чисто-поэтическое слито с ощущением духовного подъема, нравственного порыва к вечному и бесконечному...»⁶⁰. Это первый набросок теории символизма, еще очень смутный и неуверенный.

К началу 93 г. выходит в свет книжка Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях в <современной> русской литературе», где говорится о «божественном идеализме», о Канте, об «идеальном искусстве, которое грядет на смену утилитарному, пошлому реализму»⁶¹, о мистицизме и символизме. Мережковский понимает символизм очень распространительно. Он видит его и у Гончарова. «Символы должны естественно и невольно выливаться из глубины действительной жизни», — говорит он⁶². «Высшее искусство всегда символично». Волинский возражает Мережковскому, упрекает его в том, что он смешивает типическое, обобщающее, с символическим. «Для типов нужна художественная абстракция, для символа нужна способность видеть все конкретное, частное, преходящее в связи с безграничным духовным началом, на котором держится мир... Для типа требуется гений поэзии, для символов нужен талант философский, гений широкого мышления. Вот почему только настоящие титаны поэзии, Данте, Гете могли создавать их во всем блеске литературной красоты. Писателям с талантом невеликим, скудным, символизм только вреден, только опасен»⁶³. Таков взгляд Волинского на символизм в этот ранний период. Он начинает с того самого предостережения против злоупотребления символами, которым Вяч. Иванов кончает в 1910 г., говоря в статье своей: «Заветы Символизма»: «Не нужно желать быть символистом» и т.д.⁶⁴

В дальнейшем Волинский не откажется от сделанного им в ответе Мережковскому разграничения между художественным типом, т.е. художественным обобщением, и символом. Но общий взгляд его на символизм приблизится до некоторой степени к тому, что высказано в данный момент Мережковским: определение символической поэзии значительно расширится у него, захватив все художественные произведения, освещенные изнутри идеалистическим мирозерцанием. В 95 и 96 г.г. Волинский не раз возвращается к вопросу о том, что такое символизм в искусстве и чем он должен быть, — как бы стремясь найти наиболее яркую формулировку своей мысли, связывающую ее с основным его принципом — принципом критического идеализма. Такую, наиболее ясную и наиболее характерную для Волинского формулировку я нахожу в статье его «Декадентство и символизм», напечатанную в 96 г.⁶⁵. «Как и всякое искусство, символизм обращен к простым и наглядным явлениям жизни... явлениям природы, явлениям человеческого духа, — говорит здесь Волинский. — Чем точнее и трезвее восприятие, чем меньше романтического дыма в описании конкретных фактов... тем лучше для искусства. Обладание как можно более широкое миром

явлений должно быть положено в основу всякого философского и поэтического творчества. Но, идя общим для всякого творческого процесса путем, символизм имеет большие преимущества перед прежними литературными школами и направлениями». Когда писатель, разбираясь в материале своих наблюдений, руководится при этом какими-нибудь несложными понятиями, стоящими ниже философской мысли своей эпохи, он не видит внутренней сущности стоящих перед его глазами фактов, не сознает их таинственного значения: «они не кажутся ему *явлениями*, т.е. внешним, законченным, точно и ясно оформленным выражением таинственных основ жизни. Самое понятие *явления* — прекраснейшее поэтическое достояние новейшей философии — имеет логический смысл только при мирозерцании идеалистическом, в котором видимое и невидимое, конечное и бесконечное, чувственно-реальное и мистическое слиты в неразрывном единстве как неотъемлемые признаки двух соприкасающихся между собою миров». Но «на поверхности должны быть явления и только явления: тела, костюмы, живая человеческая походка, выражение лиц и глаз, всем понятные, но постоянно углубляющиеся ощущения и мысли. [Вот настоящая сфера для искусства, которое идет сознательным путем идеализма]»⁶⁶.

Я уже сказала, что эта только что цитированная мною заметка Волынского называется «Декадентство и символизм». Волынский не раз возвращается к вопросу о необходимости резко отграничить символизм от декадентства. Фиксируя внимание на проявлении декадентства в том или ином писателе, он теряет равновесие, перестает видеть его литературную физиономию в целом, перестает ощущать его талант, которого не мог не видеть, которому отдавал должное в другое время. Тут именно — в обличении декадентства — сказывается вся его умственная страстность, резкость, весь его фанатизм. [*Вклейка, карандашом*: Он изобличает декадентство как явление нездоровое и уродливое, он преследует его везде, где встречается, не щадя ближайших сотрудников журнала, — людей, с которыми он постоянно выдается и говорит на волнующие его философские и литературные темы. Таковы, в первую очередь, Мережковский и Гиппиус.] Заметки его о них, печатавшиеся в «Сев. Вестн.» рядом с их произведениями, поистине могут быть названы беспощадными⁶⁷. Но они не уходят из журнала — до того момента, когда окончательно обозначается неизбежность его гибели, а Волынский не перестает бывать у них, проповедуя им свои идеи, — и в середине 96 г. они совершают совместное путешествие в Италию, где Волынский изучает, со свойственной ему энергией ра-

ботоспособности, ранний и поздний Ренессанс, чтобы в ряде статей о Леонардо да Винчи⁶⁸ вступить в борьбу с поздним Ренессансом, с его уклоном к демонизму, к аморализму, ко всему тому, что в более мелком и дряблом виде выразилось в литературном декадентстве нашего времени. Мережковский в это же время собирает материал для своего романа о Леонардо да Винчи⁶⁹, очень отличающегося по духу от статей Воынского. Гиппиус, путешествуя по Италии, печатает в «Сев. Вестн.» большую повесть «Златоцвет»⁷⁰, где внимательный глаз несомненно уловит тонкие декадентские изломы ее острого, но рассудочного беллетристического дарования, ее нездоровой, беспокойной и кокетливой души. Я говорю обо всем этом в связи с цитированной заметкой Воынского «Декадентство и Символизм», потому что эта заметка включает в себя письмо, которое Воынский получил как бы от неизвестного молодого автора Л. Денисова⁷¹, присоединяющегося к его мнениям о символизме и декадентстве: письмо это на самом деле было написано Гиппиус, так же, как и рассказ «Вне времени», присланный для напечатания за тою же подписью Л. Денисов и перепечатанный, значительно позднее, в книге ее «Алый меч»⁷². Как понять этот маленький маскарад? Я полагаю, что Гиппиус находилась в это время под влиянием идей, неустанно проповедуемых ей Воынским, хотела оказать ему литературную поддержку, но не решилась сделать этого <так в тексте> открыто⁷³. В идейном отношении она никогда не была оригинальна, при всей оригинальности своего значительного и пленительного поэтического дарования. «Символизм прежде всего диаметрально противоположен декадентству, — говорит Гиппиус в этом письме. — Декаденты бегут в “чистое искусство” (без символизма), в звуки, в индивидуализм, который тоже отрицает символизм. Декадентство родилось, стремилось к смерти и умерло, больное и слабое. Декадентство боялось разума, чистоты понимания. Символизм весь в свете разума, в его широком и ясном спокойствии, Символизм не рождался и потому не может умереть. Он был всегда. Он был и в раннем искусстве, в душе художника, — только слишком глубоко, куда еще не хватали лучи сознания. Но душа человека выросла. Сознание стало ярче, лучи его длиннее, и вот мы увидели горизонты, которые были всегда, но которых глаза наши, сквозь тьму и сон, не умели различить. Природа, жизнь, весь мир кажется нам иным, говорит с нами другими словами <в оригинале: голосами. — М.П.>, потому что все явления стали для нас прозрачными, *только символами*, за которыми мы теперь видим еще что-то важное, таинственное, единственно существующее»⁷⁴.

Не надо слишком удивляться тому, что Гиппиус поддалась на время литературному влиянию или, вернее, яркому ораторскому и проповедническому дарованию Волинского. Ведь и Мережковский, как я показала, стал одно время говорить вслед за ним, хотя и со своими оттенками, в свойственном ему аффективно-надрывном тоне об идеализме, о Канте, об отживающем «пошлом» реалистическом искусстве, о символизме, и если прибавил тут же, что Михайловский все-таки очень замечателен своей любовью к народу⁷⁵, то ведь это только так, на всякий случай, из осторожности. Еще гораздо более достойно внимания то обстоятельство, что и у Минского, страшно неустойчивого в своих жизненных ориентировках, но упорно-постоянного в своей идее мэонизма⁷⁶, вечно изнемогающего от «жажды *святынь, которых нет*»⁷⁷, никогда не изменяющего своему культу двойственной красоты, по вопросу о символизме слышались ноты, до некоторой степени созвучные Волинскому, до некоторой степени идеалистические — и уж никак не мэонические. В предисловии своем к драме Метерлинка «Слепые», напечатанном в «Сев. Вестн.» в 94 г.⁷⁸, он рассматривал символизм как примирение противоречий между конкретной природой искусства и обобщающих, рассудочных «стремлений культурного художника»⁷⁹; при этом он впадал в ту же ошибку, которую сделал Мережковский, смешивая понятия типа и символа. В предисловии к драме Метерлинка «Аглавена и Селизетта», напечатанном в «Сев. Вестн.» в 97 г.⁸⁰, он уже далек от этого взгляда на символизм, и хотя нового, более точного определения его не дает, но зато решительно отграничивает его от декадентства. «Не Метерлинк создал символизм, не у него одного символические настроения нашли свое чистейшее выражение <и явились в беспримесном виде>, — говорит он. — Это более не литературное новаторство, не искание редких и сильных ощущений, не дерзкое срывание цветов зла, а действительно новый строй души...»⁸¹. И далее: «...символическая поэзия по самой природе своей должна быть наиболее любвеобильной и нравственной. И действительно, в то время, как ложный символизм декаданса привел к сатанизму черных месс, изображенных Гюисмансом, и к холодным парадоксам О. Уайльда, истинный символизм в лице Ибсена и Метерлинка пришел к тому же, к чему приходили все идеалисты всех времен — к проповеди любви и подвига»⁸². Увы, это внезапно обнаружившееся сродство настроений Минского с тем, что писал Волинский, не помешало ему ровно через год — в ту минуту, когда «Сев. В.» допечатывал свою последнюю тощенькую книжку, — обрушиться на Волинского

в фельетоне «Новостей»⁸³, как за его статьи против Чернышевского и Писарева, которые лучше было бы заменить проповедью Канта и Гегеля, так за его статьи о Леонардо да Винчи, которые, имея целью «сокрушить Ницше и всех его последователей», являлись ни чем иным, как «издалека начатой подземной миной, которая должна взорвать на воздух современный символизм»⁸⁴. Минский уже не разграничивал более символизма и декадентства.

Итак, если теория символизма у Волынского недостаточно развита и может быть названа скорее общей идеей символического искусства в самом широком смысле этого слова, идеей, почти не связанной с символизмом того времени, [не освещающей характерных для него приемов], то символистические «теории» Мережковского, Гиппиус и Минского нужно считать просто эфемерными. Они тоже не касаются особенностей символизма как определенной литературной «школы», к которой они могли причислить себя, не формулируют ее внутренних принципов, не определяют ее литературных приемов. Что же касается их отношения к декадентству, то если бы не Волынский — вряд ли у них явилось бы желание отмежеваться от него, потому что оно гнездились в них самих, точно так же, как и в Бальмонте, и в Сологубе, и в других.

Но символисты или декаденты, а вернее всего и символисты и декаденты одновременно, они были живы для литературы своими дарованиями и были новы в ней своими настроениями, поэтическими мотивами и, в значительной степени, формами своего творчества. Они принадлежали своему времени, знаменовали собою культурный сдвиг, только что совершившийся, новый момент в литературной эволюции. Можно и нужно было критиковать их, бороться с тем, что было в них ядовитого и опасного для их творческого развития и для тех, кто должен был прийти вслед за ними, но нельзя было не чувствовать, при всех идеологических и психологических расхождениях, какой-то живой внутренней связи с ними, нельзя было не любить многого из того, что они создавали, нельзя было не радоваться появлению каждого нового таланта, отмеченного духом времени как в своем содержании, так и в поэтических формах, звуках, ритмах. [Легче было нести тяжкое бремя забот, связанных с существованием журнала, когда на страницах его появлялось произведение, подписанное еще ничем не говорящим именем, но обличающее в авторе настоящий талант.]

Уже в 93 г. в редакци<ю> «Северн. Вестн.» впервые прислал стихотворение «Из Шелли» Бальмонт⁸⁵ и принес первую серию стихов Сологуб⁸⁶.

Темницы жизни покидая,
Душа возносится твоя
К дверям мечтательного рая,
В недостижимые края.
Встречают вечные виденья
Ее стремительный полет.
И светлый холод вдохновенья
Из грез кристаллы создает...⁸⁷

Такими строками начиналось это первое напечатанное у нас стихотворение Сологуба, за которым последовал ряд других. В конце 94 г. он принес свой замечательный рассказ «Тени»⁸⁸. Иногда он пишет для «Сев. Вестн.» под инициалами наброски с натуры, из общественной жизни⁸⁹, сквозь которые проглядывает его лицо, это странное бледное лицо с умным и тяжелым взглядом светлых глаз, с загадочной усмешкой около сжатых губ. В жизни при встречах он молчалив, неподвижен, и когда заговорит, голос его звучит глухо и монотонно. Но все, что он говорит, это его собственное, вышедшее из его большого ума, из его сложной души, в которой живет что-то больное, жуткое и стыдливо прячется мечта о нежном и прекрасном. Еще в те времена, разговаривая с ним, я инстинктивно чувствовала в нем то, в чем окончательно убедилась много позже, когда в интимной беседе он заметил, что не нужно было бы давать в руки молодежи его тяжелых и больных произведений, а потом, заговорив о классиках, о Шекспире, рассказал, что в ранней юности он всего более любил образ Корделии и в одиночестве потихоньку разыгрывал ее роль...⁹⁰

95 и первая половина 96 года были временем расцвета «Сев. Вестн.» и особенного прилива к нему литературных сил и ценных художественных и поэтических произведений. К нему начинали тянуться как к органу современной молодой литературы, отражающему на своих страницах и литературную жизнь Запада. Из крупных беллетристических произведений печатается ром<ан> Мережковского «Отверженный»⁹¹ и ром<ан> Сологуба «Тяжелые сны»⁹². [В этот же период был напечатан в «Сев. Вестн.» «Хозяин и работник» Толстого⁹³, большая повесть Эртеля «Карьера Струкова»⁹⁴]. Печатаются повести Гиппиус⁹⁵ и особенно характерные для нее стихи «Посвящение» и «Окно мое высоко»⁹⁶.

Увы, в печали безумной я умираю,
Я умираю,

Стремлюсь к тому, чего я не знаю,
 Не знаю⁹⁷.
 О, пусть будет то, чего никогда не бывает,
 Никогда не бывает.
 Мне бледное небо чудес обещает,
 Оно обещает, —
 Но плачу без слез о неверном обете,
 О неверном обете...
 Мне нужно то, чего нет на свете,
 Чего нет на свете.

К этому же времени относится стихотворение Минского «Портрет», чрезвычайно характерное для него по приемам — действительно портрет, в котором легко было тогда узнать ту, с которой он был написан:

Я долго знал ее, но разгадать не мог.
 Каким-то раздвоением чудесным
 Томила в ней душа. Ее поставил бог
 На рубеже меж пошлым и небесным...⁹⁸

Кроме названных уже поэтов довольно часто печатаются недооцененный, отъединенный Фофанов⁹⁹ и скромный как литературная величина, но подлинный в своем творчестве Льдов¹⁰⁰ — восторженный, неунывающий в своей нищете, влюбленный в Канта, в Пушкина, в Тютчева, вечно «без вина пьяный», как он говорил. Теперь он был увлечен символизмом, и что-то на время изменилось в его собственных стихах — они стали напевнее, образы затуманились, краски смешались. Он бранил декадентов, но увлекался Александром Добролюбовым, с которым они подолгу беседовали о русских классиках. Добролюбов бывал у Вольнского¹⁰¹ вместе с Вл. Гиппиусом и у меня на моих «субботах»¹⁰², где шли иногда до рассвета оживленные разговоры и споры — о Толстом, о Записках Смирновой, о символизме, о Метерлинке¹⁰³, Ницше¹⁰⁴, Уайльде¹⁰⁵, д'Аннунцио. О них писалось и в журнале¹⁰⁶, так же, как об Ибсене¹⁰⁷, Гауптмане, об Арно Гольце и Шлафе¹⁰⁸, позднее — о Гамсуне и его «Пане»¹⁰⁹, о Райнер-Мария-Рильке¹¹⁰ и др. Многие вещи Метерлинка — не только драмы¹¹¹, но и этюды из книги его «Le Trésor des Humbles»¹¹², романы д'Аннунцио¹¹³, «Одинокие» Гауптмана¹¹⁴, отрывки из Рёскина даны были в переводах¹¹⁵. Венгерова писала статьи о П. Верлэне, Блэ<й>ке, Моррисе и его новой Утопии¹¹⁶.

Уже бесконечно далеко<й> от нас, давно прошедшей казалась жизнь 80-ых годов. А между тем руководящие идеи, понятия, умственные привычки и вкусы ее все еще жили в окружающем нас обществе, в журналах, в газетах. Те же темные силы в «Новом Времени», в «Московских Ведомостях» и тот же буржуазный либерализм в «Русской Мысли» и «Вестнике Европы», тот же Михайловский, имеющий теперь собственный журнал¹¹⁷ и по-прежнему являющийся кумиром для тысяч и тысяч стареющих и только что вышедших в жизнь людей. Марксистское движение в русской журналистике¹¹⁸, которое вскоре увело от него целые кадры молодежи, тогда еще только начинало оформляться. И занятая нами позиция — статьи Волынского, посягающие на авторитеты виднейших русских критиков, с одной стороны, символизм с другой стороны, и программная заметка об идеализме и буржуазности, и даже политико-экономические статьи журнала, не приведенные к надлежащему единству за недостатком редакционных сил, но в общем — далекие от старого народничества и принявшие в отношении к экономическим вопросам марксистский уклон, — все это волновало, возмущало, как наглость, вызывало — и со стороны консерваторов, и со стороны прогрессистов — бешеные нападки, издевательства, ругань и клевету¹¹⁹. Создавалась легенда о том, что «Сев. Вестником» руководят негодяи. Доходило до скандалов и невероятных по форме личных оскорблений, о которых не пришлось еще время говорить¹²⁰. Представители интеллигенции ссорились до разрыва отношений, заспорив о «Сев. Вестн.». Одно сочувственное открытое письмо к Волынскому упоминает о людях, которые кричат, что не читают его, так как «понаслышке знают», что его статей «нельзя взять в руки», о людях, которые «бледнея, затыкают уши», когда кто-нибудь сочувственно произносит его имя¹²¹. Произведения новейшей русской и иностранной литературы, начиная с Ибсена, без разбора трактовались как декадентство, как бессмыслица, иногда как оскорбление нравственного и эстетического чувства. Я помню письмо одного [бесплатного] подписчика «Сев. Вестн.», который отказался получать его после того, как в журнале была напечатана в переводе Мережковского новелла Анатоля Франса «Сан-Сатиро»¹²².

Все это не было бы так страшно, если бы не ставило лишних препятствий к добыванию денег, к вечным новым займам, к вечному учету и переучету бесчисленных векселей, что и само по себе является не только непривычным и трудным, но, можно сказать, противоестественным для известного типа людей. В течение 9 лет журнал постоянно находился под угрозой банкротства, [и существование его все время было эфемерным]. И чем больше было врагов

и скандалов, тем труднее было длить его существование. Но было и другое. Были эпизоды, вспоминающиеся почти как фантастика и показывающие, что журнал имел не только врагов, но и горячих приверженцев. [Помню, как одна небогатая стареющая женщина в провинции, — подписчица Сев. Вестн., узнав о его материальных затруднениях, предложила мне приехать к ней в Харьков и получить у нее с рук на руки почти все ее достоянье — 20.000, очистившихся от продажи какого-то хуторка. Я приехала — и она отдала их мне, не пожелав взять расписки. И еще вспоминается — хотя все это было совсем не реально, — как однажды в дни острого кризиса, когда я на рассвете дочитывала корректуры, прилетел ко мне Льдов с удивительным денежным проектом: мы застрахуем его жизнь на большую сумму — и он застрелится, так сказать, в пользу Сев. Вестн.: в Америке будто бы есть страховое общество, выплачивающее и за самоубийц. Выходило солнце. Льдов сидел на подоконнике открытого окна и страстно доказывал мне, что это можно и нужно сделать, потому что отдать свою жизнь ради того, что считаешь истинно важным, — “ведь это так легко и в этом блаженство”...] Пусть это была лишь романтика его пылкого воображения, но и на деле он немало поработал в помощь журналу, просиживая вместе со мною ночи напролет в типографии, когда приходил срок выпуска книжки, или помогая мне, совершенно бескорыстно, нести черную редакционную работу, что было особенно ценно в те периоды, когда Волынский уезжал за границу и вся эта работа оставалась на мне одной.

Были и другие добрые друзья и горячие сторонники у «Сев. Вестн.» — из старых и из молодых. Была целая категория людей с большими именами, которые, не будучи внутренне связаны с журналом и оспаривая многие пункты его программы, почему-то — право, я до сих пор не понимаю, почему, — все же чрезвычайно охотно откликались на приглашение к сотрудничеству, хотя безусловно имели возможность печататься в других, более «солидных», всеми признаваемых журналах, где они к тому же не рисковали бы задержкой гонорара. Книжки «Сев. Вестн» за все годы его существования в новой редакции пестрят именами выдающихся профессоров и ученых. Это прежде всего В.Д. Спасович¹²³, не только дававший в журнал свои статьи, но и страстно защищавший интересы «Сев. Вестн.» в качестве моего третейского судьи, когда столкновения с людьми приводили меня к третейскому разбирательству. Это проф. Трачевский¹²⁴, старый социалист, не очень обстоятельный в своих исторических сочинениях, но очень талантливый, много лет писавший для журнала статьи по иностранной политике и всегда

беспощадно мараемый цензурой. Это проф. Овсяннико-Куликовский, давший журналу длинную серию статей о Тургеневе и Толстом¹²⁵, это Максим Ковалевский¹²⁶, писавший на исторические темы, Алексей Веселовский¹²⁷, Бодуэн-де-Куртене¹²⁸, Шепелевич¹²⁹, писавшие об иностранной литературе, проф. Сергиевич¹³⁰ и Фойницкий¹³¹, рассматривавшие некоторые вопросы права, профессора-естественники — Холодковский¹³², Вл. Вагнер¹³³, Боргман¹³⁴, В. Шимкевич¹³⁵ и многие другие. Они придавали журналу вес в его научном отделе и, быть может, заставляли кое-кого задумываться, точно ли в редакции «Сев. Вестн.» сидят просто наглецы и шарлатаны, как намекали или открыто говорили об этом в печати.]

Во всяком случае, интерес к журналу в обществе возрастал. В 96 г. подписка его увеличилась ровно вдвое против первоначальной, так что — если бы не огромные долги, накопившиеся за прежние годы — она могла бы уже покрывать скромный бюджет «Сев. Вестн.». Но во 2-ой половине 96-го года, когда начальником Главного Управления по делам печати сделался известный реакционер Соловьев¹³⁶, начался по разным поводам систематический разгром журнала: к нему был приставлен в качестве цензора близкий родственник Победоносцева Энгельгардт¹³⁷ с предписанием так или иначе известить его. Началась отчаянная, но слишком неравная борьба, и все дальнейшее существование «Сев. Вестн.» было уже непрерывной агонией. Нужно было усиленно заботиться о том, чтобы и при этом условии он не потерял своей физиономии, не перестал быть органом русской и западноевропейской литературы, — и этого, кажется, удалось в известной степени достигнуть. Банкротство было объявлено в августовско-сентябрьской книжке 1898 г. В последней книжке за этот год, вышедшей только к весне 99 г., Волынский, отвечая на упомянутые уже внезапные нападки нашего соратника Минского, еще раз высказался по вопросу о символистах и декадентах, о связи символизма с идеалистической философией, уверенно предсказывая появление новых литературных сил, «нового высшего искусства, пропускающего через себя свет метафизической истины»¹³⁸.

Насколько оправдались его предсказания — это уже другой вопрос. Во всяком случае, первое десятилетие нового века выдвинуло ряд крупных представителей русского символизма, не чуждых настроениям «Сев. Вестника». Так Блок прямо сказал мне при первом знакомстве, что считает себя во многом обязанным «Северн. Вестнику», которым он зачитывался в гимназические годы¹³⁹. Но с Минским, Мережковским и Гиппиус у нас все уже было порвано. Они вошли в новую полосу мысли и творчества, создали свой

журнал¹⁴⁰. Ни Волынский, ни я туда не приглашались и сами туда не шли.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Протокол № 12 от 14 мая 1926 г.¹⁴¹

Присутствовали: Н.К. Гудзий, Л.Я. Гуревич, А.И. Кондратьев, М.А. Петровский, И.Л. Поливанов, Д.С. Усов, Г.И. Чулков¹⁴².

Приглашенные — 10 чел.

Председатель: Н.К. Гудзий Ученый Секретарь Д.С. Усов.

Слушали. <...> 2. доклад Л.Я. Гуревич «Символизм 90-х годов в журнале «Северный Вестник» (тезисы прилагаются).

Тезисы к докладу Л. Гуревич
«Символизм 90-ых годов в журнале «Северный вестник».

1. Литературное движение 90-ых гг. выросло из протеста против настроений и господствующих тенденций 80-ых гг.: против позитивизма в области мысли, против публицистических марок в литературной критике, против выветрившегося народничества в области политики, против гражданственных заданий в художественной литературе и поэзии.

2. Новые веяние, ощущаемые с середины 80-ых гг., выдвинули новые немногочисленные литературные силы, связанные между собою любовью к классическим писателям и поэтам XIX в., недооцененным критикою 60-ых—80-ых гг., и предчувствием наступления новой литературной эпохи.

2. «Северный Вестник», в центре которого, с конца 80-ых гг. стоял Волынский, постепенно собирает вокруг себя эти молодые литературные силы, но не может быть назван их общим органом, потому что, будучи индивидуалистами, они и в дальнейшем не вырабатывают ни общей программы, ни общей тактики в борьбе с отживающими идеями.

4. Для редакции «Сев. Вест.» основным пунктом его программы являлся критический идеализм. С ним связаны были и другие пункты программы: а) в области литературы и искусства — борьба за свободное творчество, не ограниченное никакими утилитарными

заданиями, б) в области критики — борьба с публицистическими мерилami ее; в) в области практической жизни — требование свободы человеческой личности и социального равенства, т.е. борьба с буржуазным строем.

5. Борьба за свободное художественное творчество на почве идеалистической философии естественным образом приводит к защите символизма как прямой противоположности натурализма, опирающегося на позитивную философию.

6. Теоретиком символизма в «Сев. Вестн.» является с 1892 г. Волынский, который постепенно расширяет понятие символического искусства, распространяя его на все органические художественные произведения, отражающие «мир в его явлениях».

7. Проповедуя символизм, «Сев. Вестн.» в лице Волынского ведет решительную борьбу со всеми проявлениями декадентства, не щадя и ближайших сотрудников журнала, причисляющих себя к группе символистов.

8. Первые русские символисты-декаденты, группирующиеся около «Сев. Вестн.», представляют собою психологическое и литературное явление, создавшееся помимо влияния западно-европейского символизма-декадентства.

9. Программа «Сев. Вестн.» позволяет редакции в первые же годы существования журнала привлечь к участию в нем крупных писателей старшего поколения — Льва Толстого, Лескова, Полонского, которые печатаются рядом с поэтами-символистами.

10. В отделе иностранной литературы «Сев. Вестн.» отражает по возможности все наиболее характерные явления западно-европейского символизма.

11. Совершающаяся в журнале «переоценка ценностей» в области художественной литературы, поэзии и критики, при «крайне левом» направлении в политике, навлекает на журнал вражду всех органов печати, как прогрессивной, так и консервативной, а также систематические гонения цензуры.

12. Интерес к «Сев. Вестн.» и к новой литературе в обществе постепенно растет, что выражается в цифрах подписки. Банкротство журнала является результатом цензурного разгрома.

Н.К. ГУДЗИЙ находит, что доклад Л.Я. Гуревич дает мемуарный материал, ценный и по субъективным, и по объективным признакам. Московский символизм по существу был *декадентством*, принципиально отличающимся от символизма петербургского. Отмечая эпизод мистификации З.Н. Гиппиус как характерный для

90-х годов, оппонент интересуется случаями непринятия в «Северном Вестнике» произведений некоторых поэтов; так, напр., там были отвергнуты стихи Брюсова, о чем сохранилось его письмо¹⁴³. Дальнейшее существование «Сев. Вестника» могло бы обеспечить ему видную роль в судьбах русского символизма. Не вполне понятны причины цензурных нападков на «Сев. Вестник». Затем интересно знать, почему С<офья> А<ндреевна> протестовала против Толстого в «Северном Вестнике».

Доклад Л.Я. Гуревич вновь прорабатывает и углубляет все, что было намечено в известной статье Л.Я. Гуревич о «Северном Вестнике» в «Истории русской литературы XX в.» под ред. С.А. Венгерова.

А.И. КОНДРАТЬЕВ — интересуется отношением «отмалчивавшихся» писателей, не объединенных «Северным Вестником», к журналу.

И.Л. ПОЛИВАНОВ — были бы интересны более точные 1) детали отношения Энгельгардта как цензора к «Северному Вестнику», 2) подробности отношения Я.П. Полонского к «Сев. Вестнику» *после* его привлечения в Главное Управление по делам печати.

М.А. ПЕТРОВСКИЙ — возбуждает вопрос об отношении Владимира Соловьева к «Северному Вестнику».

Л.Я. ГУРЕВИЧ — Цензура возмущалась на то, что журнал отвлекал ряд заметных лиц от привычных органов, не проводя при этом никакой неприемлемой для цензуры идеологии, а наоборот — отдавая внимание вопросам религиозным и т.д.

Восьмидесятые годы были годами исключительного культурного удущья; полная несостоятельность еще недавно почитавшихся принципов и позиций стала совершенно явственной.

Я. Полонский был в это время на полном ущербе физических сил и о возможности каких-либо активных выступлений в пользу «Сев. Вестника» с его стороны трудно говорить.

Цензурство Энгельгардта выражалось в том, что он автоматически через гранку зачеркивал корректуры «Северного Вестника» — даже не пером, а палкой, обмакнутой в красные чернила; задерживал корректуры так, что они пропадали; был случай, когда он бросил корректуру в лицо издательнице; по этому поводу она была вынуждена обратиться к Горемыкину¹⁴⁴.

На вопрос Н.К. Гудзия о причинах нелюбви С.А. Толстой к «Северн. Вестнику» докладчица отвечает, что С.А. Толстая была женщиной корыстной. Сохранилось ее письмо, где она просила «в виде взятки» лишние экземпляры корректур «Хозяина и Работника». Л.Н. Толстой застал жену за тем, что она пыталась послать этот текст

Сытину для издания. Между ними разыгралась тяжелая сцена, затем Л.Н. запер этот текст, она взломала замок и т.д.¹⁴⁵ С.А. старалась сблизиться с издательницей, чтобы отвести ее от Л.Н., читала одно свое произведение «антикрейцеровского» содержания¹⁴⁶, говорила, что Л.Н. был великим человеком до 80-х годов, говорила о тяжелых отношениях между ними в начале их супружеской жизни и т.д.

Владимир Соловьев отрицательно относился к А.Л. Волынскому за его резкое отношение к русским критикам¹⁴⁷.

Издательница имела живую беседу с Вл. Соловьевым по этому вопросу, объясняла истинность позиции Волынского, который никогда не оскорблял памяти критиков (напр., Белинского), но считал нужным считаться с ними как с живыми в их влиятельном критическом слове.

<явочный лист заседания:>

М. Петровский, Ник. Гудзий, Люб. Гуревич, А. Кондратьев, Ив. Поливанов, Д. Усов, Таудлина <?>, В. Любимова¹⁴⁸, В. Измайльская¹⁴⁹, Соловьева, Л. Кулакова <?>, О. Ляпунова, Кононова, А. Штейнберг¹⁵⁰.

¹ Первоначальное заглавие: «Символизм 90-х г.г. в журнале “Северный вестник”».

² Л. Гуревич училась в частной женской гимназии княгини А.А. Оболенской; в 1870–1901 г.г. гимназия размещалась на Средней Першпективе, 16 (ныне ул. Маяковского, начинается от Невского проспекта и проходит до ул. Кирочной).

³ Млодецкий Ипполит Осипович (1855–1880), народовец, в феврале 1880 г. совершил покушение на министра внутренних дел Лорис-Меликова (Лорис-Меликов Михаил Тариелович, граф; 1825–1888), в 1880 г. назначенного главным начальником «Верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия». 21 февраля военный суд приговорил Млодецкого к смертной казни, 22-го он был казнен.

⁴ Неточные цитаты из воспоминаний Вересаева, см. главу «В студенческие годы» [9, с. 262, 264], а также главу «Н.К. Михайловский» [9, с. С. 353]; очерк «Н.К. Михайловский» впервые (под заглавием «Редактор») опубликован в сборнике «Литературные отклики» (М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1923).

⁵ Отсылка к полемике А. Волынского и Н.К. Михайловского, возникшей в связи с публикацией в «Северном вестнике» статьи «Талант и “искра Божия” — о романе Михайловского “Карьера Оладушкина”» (1891. № 1. Отд. II. С. 150–157), в которой Волынский с позиции «новой мозговой линии» дал оценку литературной деятельности «главного» критика. Михайловский ответил статьей, содержащей уничижительные выпады против Волынского — «детский зуд, легкомысленная жажда сказать новое слово, хотя бы за душой ровно ничего не было» и т.п. (Русские ведомости. 1891. № 25. 26 янв. С. 2–3; цикл «Разные разности»). Продолжая «атаку», Волынский заявил оппоненту: «Праздные вопросы, столь нелюбимые г. Михайловским, все без исключения принадлежат к числу не только старых, и даже древних слов, — и именно философское разногласие по поводу этих, а не каких-либо новых вопросов, я признаю слишком серьезным и важным, чтобы обходить его даже в настоящее очень тяжелое время... Вопросы, *вечно* волнующие человека,

суть вопросы праздные. Сократ, Платон, Спиноза, Кант — люди праздного ума и праздного дела. <...> нет, не сильна та логика, которая должна привести к таким печальным мыслям, незавидно то знание, которое лучших людей мира объявляет людьми праздного дела и праздных вопросов...» (Ответ г. Михайловскому // СВ. 1891. № 2. Отд. II. С. 161–163).

⁶ Высказывание Николая II относительно планов ограничения царской власти конституцией, прозвучавшее на приеме земских deputаций 17 января 1895 г. Фраза получила широкую известность и муссировалась либеральной печатью из-за допущенной Николаем II оговорки, в предварительном составленном тексте речи было: «беспочвенные мечтания».

⁷ Давыдова Александра Аркадьевна (1848–1902) — журналистка, жена известного виолончелиста, директора Петербургской консерватории К.Ю. Давыдова, хозяйка либерального салона; исполняла обязанности секретаря «Северного вестника» при А.М. Евреиновой; с 1892 г. издавала журнал «Мир Божий». В архиве Гуревич хранятся 18 писем к ней Давыдовой (1890–1893): ИРЛИ. № 19890, 19891.

⁸ Поэма Н. Минского «Гефсиманская ночь» (1884), запрещенная к печати Комитетом духовной цензуры и ходившая в бесчисленных списках, была опубликована в «Пушкинском сборник» (СПб., 1899), под заглавием «Искушение».

⁹ *Минский Н.* Стихотворения. СПб., 1887. С. 189. «Как сон, пройдут дела и помыслы людей...» (1886) получило широкую известность; по мнению Блока, «...это стихотворение Минского и немногие ему подобные могут быть поставлены наряду с лучшими стихами его современников — Фофанова, Мережковского, Гиппиус: ведь “жажда святых, которых нет” — лозунг целой большой эпохи...» (*Блок А.* Письма о поэзии I. Холодные слова // Золотое руно. 1908. № 7/9. С. 97).

¹⁰ Имеется в виду статья Н. Минского «Старинный спор» (Заря. 1884. № 193. 29 авг. С. 1). Подробнее см.: [27, с. 150–161]. Михайловский в статье «Заметки о поэзии и поэтах» (март 1888) порицал Минского и И. Ясинского, инициировавших полемику в «Заре», за эстетизм и отказ от идеалов общественного служения (*Михайловский Н.К.* Собр. соч. СПб., 1897. Т. 6. С. 590–610).

¹¹ Первая большая научная работа Вольтинского «Теолого-политическое учение Спинозы», написанная под руководством О.Ф. Миллера в университетском научном обществе, была опубликована в 1885 г. (Восход. № 10 – № 12).

¹² «Восход» — еврейский журнал на русском языке, основанный А.Е. Ландау, выходил в Петербурге в 1881–1906 гг. Ранние работы Вольтинского были посвящены еврейской тематике и печатались в русско-еврейских журналах «Рассвет», «Русский еврей» и «Восход»; он был автором и одним из редакторов антологии «Палестина» (СПб., 1884). См.: [7, с. 83–84]. Обзор публикаций этого периода см.: [40, с. 18–30].

¹³ Евреинова Анна Михайловна (1844–1919) — юрист, доктор прав Лейпцигского университета, публицистка, в 1885–1889 гг. издавала журнал «Северный вестник», в котором печатались народники во главе с Н.К. Михайловским.

¹⁴ СВ. 1889. № 7, № 9 — № 12.

¹⁵ Речь идет о статьях А. Вольтинского «Вильгельм Вундт. Этика. Исследование фактов и законов нравственной жизни» (СВ. 1889. № 5); «Критический обзор главнейших произведений Вильгельма Вундта» (Там же. 1890. № 1 — № 5).

¹⁶ Грот Николай Яковлевич (1852–1899) — философ-идеалист, с 1887 г. председатель «Психологического общества», в 1889 г. основал журнал «Вопросы философии и психологии» и возглавлял его с 1889 по 1896 г. Статья Грота «Что такое метафизика» опубликована: Вопросы философии и психологии. 1890. Год 1. Кн. 2. С. 107–128. В недатированном письме к Гуревич Вольтинский писал: «Вам интересно будет узнать, что г. Грот просит меня принять участие в его журнале. Он будет “особенно рад” моему сотрудничеству, он “много слышал” обо мне и будет мне “весьма признателен” и т. д. Что ж! превосходно! Неправда ли? О Канте!! (Письмо его покажу Вам при встрече)» (ИРЛИ. № 19858. Л. 12). Грот опубликовал в своем

журнале статью Вольтского «Нравственная философия гр. Л. Толстого» (1890. Кн. 5. Ноябрь. С. 26–45), позднее статья была напечатана в «Северном вестнике» (1891. № 10. Отд. I. С. 185–215).

¹⁷ Имеется в виду заметка Вольтского «Талант и искра Божия» о романе Н.К. Михайловского «Карьера Оладушкина» (СВ. 1891. № 1. Отд. II. С. 150–157), см. примеч. 5. Отметим вклад Михайловского в отечественную критику, публицистику, общественную философию, Вольтский вместе с тем сделал в его сторону выпад: «Михайловский не прокладывал своих оригинальных путей — его литературный талант очень рельефно и эффектно обрисовался в том ярком освещении, в котором шумно играла и разливалась волна прошедшей жизни, и потому не воспринимает новизны — “целый ряд запросов и вопросов, на которые нет ответа в талантливейших произведениях былых авторитетов”» (С. 151–152). Полемику с Михайловским на страницах «Северного вестника» Вольтский продолжил в заметках: «Ответ г. Михайловскому» (1891. № 3. Отд. II. С. 161–163), «Философия самоотречения. Несколько слов о г. Михайловском» (1892. № 6. Отд. II. С. 171–179), «Итог моих пререканий с г. Михайловским» (1892. № 10. Отд. II. С. 148–152); «Г. Михайловский и его рассуждения о русской литературе» (1894. № 4. Отд. II. С. 98–122).

¹⁸ З. Гиппиус дебютировала в декабрьской книжке «Северного вестника» за 1888 г. двумя стихотворениями («Я помню аллею душистую...», «Осенняя ночь и свежа и светла...», подпись: З.Г.). Мережковский сотрудничал в журнале с 1884 г. (при Михайловском). В 1890 г. супруги отстранились от «Северного вестника», выражая своего рода протест против экстремистских нападков Вольтского на Михайловского и «шестидесятников». Будучи солидарными с Вольтским идеологически (по отношению к позитивистской критике), они не желали быть причастными к разразившейся между оппонентами полемике, принявшей некорректные формы. Мережковский полагал, что атака Вольтского на Михайловского «скомпрометировала и его самого как сотрудника дерзкого редактора», из-за чего он станет изгоем в либеральных журналах [40, с. 174].

¹⁹ О постепенном вытеснении из журнала литературного «балласта» см.: [21, с. 76–85].

²⁰ СВ. 1896. № 1. Отд. I. С. I–VI.

²¹ Гуревич пересказывает основное содержание написанной в соавторстве с Вольтским программной заметки «Идеализм и буржуазность», цитируя пассажи неточно или близко к тексту оригинала.

²² Примечание Л.Я. Гуревич: «См. “Литературные заметки”, кн. III 91 г., кн. II 92 г., кн. VI 92, кн. X 94 г. и др.». — Имеются в виду опубликованные в «Северном вестнике» рецензии и заметки Вольтского: «История шестидесятих годов, Н.Н. Шелгунов. — Соч. Н.Н. Шелгунова, в 2 томах с портретом автора и вступительной статьей Н. Михайловского. Ответ г. Михайловскому» (1891. № 3. Отд. II. С. 147–163); «“Смена”, ром. А.И. Эртея. — “Рассказы” Каронина. — “Учитель жизни”. Несколько слов о г. Потапенко» (1892. № 2. Отд. II. С. 144–172); «Письмо в редакцию. Ответ анонимной корреспонденции, упрекавшей А.Л. Вольтского в том, что он слишком “холодно относится к шестидесятым годам и деятелям этой эпохи”» (1894. № 10. Отд. II. С. 86–88).

²³ Эту мысль Вольтский развивал в статье «Ошибки реалистической эстетики» (СВ. 1892. № 7. Отд. II. С. 152–159) и др.

²⁴ Примечание Л.Я. Гуревич: «Литер. Заметки. III 1895 г.». — Неточная цитата из статьи Вольтского «Репин и Ге» (СВ. 1895. № 3. Отд. I. С. 275).

²⁵ Примечание Л.Я. Гуревич: «Литер. Заметки, кн. VII 1892 г.». — Цитата из заметки Вольтского «Проблески эстетического идеализма в ст<атье>» кн. Волконского о художественном наслаждении и художественном творчестве» (СВ. 1892. № 7. Отд. II. С. 145).

²⁶ Примечание Л.Я. Гуревич. «Лит. зам., X, 1892». — Неточная цитата из заметки Волинского «Очерки Гоголевского периода. Белинский и Гоголь» (СВ. 1892. № 10. Отд. II. С. 138).

²⁷ Нигилистический императив, провозглашенный Ф. Ницше в 1888 г. в работах «Антихрист. Проклятие христианству» и «Ессе Нотом».

²⁸ В «Северном вестнике» были опубликованы материалы А.И. Герцена, собранные Е.С. Некрасовой в то время, когда имя писателя было еще под цензурным запретом, см.: *Некрасова Е.* 1) Связка писем А.И. Герцена. 1838–1840 гг. <Переписка с женой Н.А. Герцен> (1894. № 7 — № 8); 2) Юношеские литературные труды Герцена. (На основании напечатанной части «Переписки») (1895. № 9); 3) Из интимной переписки А.И. Герцена (1895. № 12); *Тучкова-Огарева.* Н. Воспоминания об А.И. Герцене (1896. № 2). В архиве Гуревич сохранились пять писем Некрасовой (1891–1895): ИРЛИ. № 20018.

²⁹ Роспись раздела «Литературные заметки» см.: [7, с. 85–91].

³⁰ Статьи Волинского по истории русской критики, печатавшиеся в «Северном вестнике» в 1893–1896 гг. (о В.Г. Белинском, А.Н. Добролюбове, Н.Г. Чернышевском, Д.И. Писареве, журналистике 1860-х гг., В. Майкове, А. Григорьеве, Н.К. Михайловском и др.), составили книгу Волинского «Русские критики» (СПб.: Тип. М. Меркушева, бывш. Н. Лебедева, 1896). Аналитический очерк о «Русских критиках» представлен в монографии Е.Д. Толстой: [40, с. 135–171].

³¹ Стихи Я.П. Полонского довольно часто появлялись на страницах «Северного вестника», в их числе большая поэма «Мечтатель», печатавшаяся в двух номерах (1893. № 2, № 3). Полонский и редакторы журнала относились друг к другу с обоюдной симпатией, см., например, восторженную заметку Волинского «Фантазия и поэтическое творчество Полонского. Публицистические отголоски в некоторых его стихах» (СВ. 1896. № 8. Отд. I. С. 271–276). В архиве Гуревич сохранились письма Полонского 1892–1896 гг. (19 писем: ИРЛИ. № 20048; 13 писем: РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 2. № 253); четыре письма 1892–1894 гг. она опубликовала в подборке «Из архива “Северного вестника”»: Невский альманах. Жертвам войны писатели и художники. Пг., 1915. С. 95–98.

³² См.: *Л.Г. [Л. Гуревич.]* Личные воспоминания о Н.С. Лескове (Из дневника журналиста) // СВ. 1895. № 4. Отд. II. С. 64–68. Письма Гуревич к Лескову опубли. В.А. Тунимановым: [33, с. 94–106].

³³ Волинский напечатал в «Северном вестнике» цикл статей о Лескове (1897. № 1 — № 5), отд. изд. «Н.С. Лесков: Критический очерк» (СПб., 1898); Пб.: Эпоха, 1923. Книга была полемически заострена против народнической критики, осуждавшей Лескова за его общественную и литературную позицию. Подробнее см. в статье и коммент. В.А. Котельникова: [29, с. 26–29, 443–444].

³⁴ Очерк Лескова «Вдохновенные бродяги. Удаленные “сказки”» опубликован в октябрьской книжке «Северного вестника» за 1894 г. (№ 10); ранее Лесков напечатал в журнале статью «Литературный вопрос» — о завещании И.А. Гончарова (1892. № 6) и святочный рассказ «Пустоплясы» (1893. № 1).

³⁵ В письме к Гуревич от 2 июля 1892 г. Лесков сообщал: «О намерении Вашем побывать в Ясной Поляне скажу, что это хорошо: Л.Н. человек преполезный, но я знаю, что он болен, и пот. не решаюсь ему писать о Вашем намерении, а пишу об этом графине Софье Андреевне, и письмо черновое посылаю Вам, чтобы Вы знали, что я о Вас писал» (впервые: Невский альманах. Жертвам войны писатели и художники. С. 93). О поездке см.: *Гуревич Л.* Из воспоминаний о Л.Н. Толстом // Гуревич Л. Литература и эстетика. М.: Русская мысль, 1912. С. 276–294, перепеч.: [22, с. 41–48]. См. также две новонайденных мемуарных записи Гуревич о поездках к Толстому: [3].

³⁶ О сотрудничестве Л. Толстого с редакцией журнала см.: [21, с. 92–100; 40, с. 86–118].

³⁷ СВ. 1893. № 9. Отд. I. С. 281–304.

³⁸ Примечательны в этой связи письмо Волынского к Толстому от 5 мая 1894 г., в котором он поднимает вопрос о религиозности современного общества и о взаимосвязи иудейства и христианства, а также ответ ему Толстого, см. также: [19, с. 299–300].

³⁹ Дневник Амиэля / Перевод с франц. М.Л. Толстой, под редакцией и с предисловием Гр. Льва Толстого // СВ. 1894. № 1 — № 7.

⁴⁰ «Хозяин и работник» был напечатан в мартовской книжке «Северного вестника» за 1895 г. (№ 3). Кроме того, Толстой опубликовал в журнале притчу «Суратская кофейня» (1893. № 1), сказку «Карма» — переложение одноименной буддийской легенды американского писателя П. Каруса, и письмо-приложение к ней (1894. № 12); статью «Религия и нравственность», которая из цензурных опасений была напечатана под заглавием «Противоречие эмпирической нравственности» (1895. № 1), предисловие к переводу С.Л. Толстого (сына) статьи Э. Карпентера «Современная наука» (1898. № 10). Однако отношения Толстого с «Северным вестником» имели и неприятную для него сторону, о чем он сообщал в письме Д.П. Маковецкому от 17 дек. 1897 г.: «Что же касается до предисловия к Карпентеру, то оно было для меня причиной больших неприятностей. <...> Жена страдает какой-то странной ненавистью, ревностью к Гуревич. — Это началось со времени напечатания там Хоз[яина] и Раб[отника]» [41, с. 216]. Подробный очерк отношений Толстого с «Северным вестником» см.: [21, с. 105–121].

⁴¹ Бирюков Павел Иванович (1860–1931) — писатель, общественный деятель, один из руководителей толстовского издательства «Посредник»; биограф Л.Н. Толстого. В архиве Гуревич сохранилось 7 писем Бирюкова (1893–1894, 1911): ИРЛИ. № 19812.

⁴² В письме к Гуревич <1891> Волынский напутствовал ее: «Соловьева ласкайте, сколько возможно. Это наш союзник в хорошем смысле слова. С ним мы могли бы работать с успехом на общую пользу, особенно, если он отрешится от своих приспособительных тенденций. Я думаю, что предполагаемые им общественные заметки не будут опасны с точки зрения цензуры. В настоящее время Соловьев пользуется расположением очень сильных людей и в цензурном ведомстве, и без крайней надобности Коссович на статьи Соловьева налегать не станет» (ИРЛИ. № 19858. Л. 4 об. Упомянут Коссович Смарагд Игнатьевич (1895–1898) — председатель Петербургского цензурного комитета). Волынскому, как установил П.В. Куприяновский, принадлежал неподписанный благожелательный отзыв о стихах Вл. Соловьева (СВ. 1891. № 6. Отд. II. С. 110–112). Соловьев напечатал в «Северном вестнике» несколько стихотворений (1892. № 7, № 9, 10); статьи «Наш грех — наша обязанность» (1891, № 10); «Враг с Востока» (1892. № 7). Впоследствии он отстранился от журнала из-за агрессивной позиции Волынского по отношению к либеральной журналистике. Волынский поместил в «Северном вестнике» резкий критический отзыв о статье Соловьева «Смысл войны» (1895. № 10. Отд. II. С. 62–63), полемическую заметку «Соловьев о Тютчеве. — Демонизм» (1896. № 7. Отд. II. С. 228–232) и рецензию на книгу Вл. Соловьева «Оправдание добра» (1897. № 11. Отд. I. С. 289–297), в которой между прочим заявил: «Именно религиозного духа в книге Г. Соловьева нет» (С. 294); статьи вошли в книгу Волынского «Борьба за идеализм» (СПб., 1900. С. 437–453). См.: *Межуев Б.В.* Аким Волынский и Вл. Соловьев // Соловьевские исследования. 2007. Вып. 14. С. 194–212. Восемь писем Вл. Соловьева к Л. Гуревич (1891–1892) были опубликованы ею: Бодрое слово 1909. № 1.

⁴³ А.П. Чехов успешно сотрудничал в «Северном вестнике» А.М. Евреиновой (в 1888–1889 гг. опубликовал в журнале «Степь», «Огни», «Именины», «Скучная история», «Иванов»). Гуревич и Волынский получили от Чехова рассказ «Жена» (СВ. 1892. № 1). Впоследствии отношения разладились, обещанный «Северному вестнику» под взятый аванс рассказ «Палата № 6» Чехов напечатал в «Русской мысли», куда отдал и другие объемные вещи — «Рассказ неизвестного человека» и путевые записки «Остров Сахалин»; аванс Гуревич попросила вернуть под уплату долгов «Северного вестника». См.: письмо Чехова Гуревич от 2 декабря 1891 г.

[44, т. 4, с. 309–310] и от 28 июня 1893 г. [44, т. 5, с. 213–214], впервые: Русская мысль. 1909. № 12. Волинский не раз писал в «Северном вестнике» о рассказах и повестях Чехова: 1892. № 1. Отд. II. С. 177–181 («Дуэль»); 1893. № 5. Отд. II. С. 130–141 («Палата № 6», «Рассказ неизвестного человека»); 1898. № 10–12. Отд. II. С. 198–206 («Человек в футляре», «Крыжовник», «О любви», «Случай из практики», «По делам службы», «Новая дача»). Признавая несомненный художественный дар Чехова, Волинский в привычной для него критической манере нередко высказывал резкие немотивированные замечания, например: «Это смелые наброски многого, но неглубокого художника, это проблемы симпатичного таланта, страдающего скудостью идей, замыслов, с небольшим запасом наблюдений в определенном направлении, без широкой психологической перспективны»; «Идея палаты нам кажется всяюю и фальшивою» (о «Палате № 6»), «Ничего не объяснено, не мотивировано, но драма построена фальшиво, произвольно, туманно. <...> от всего рассказа веет ограниченность знаний, неподготовленность, а, может быть, и неспособность к широкому и вдумчивому анализу русской жизни» (о «Рассказе неизвестного человека») (СВ. 1893: № 5) и т.п. Об истории взаимоотношений см.: [40, с. 218–247: 21, с. 86–91].

⁴⁴ Беллетрист Михаил Нилович Альбов (1851–1911) в 1891–1894 гг. занимал должность редактора «Северного вестника», редакторская работа его тяготила, по обоюдному согласию с Гуревич и Волинским он вышел из редакции, с августа 1894 г. его место официально заняла Гуревич [21, с. С. 38–39]; в «Северном вестнике» Альбов опубликовал рассказы «Тоска» (1890. № 10 — № 12), «В тихих водах» (1891. № 5–6), «Сороковой бес» (1893. № 12). Гуревич оставила теплые воспоминания об Альбове и их совместной работе в «Северном вестнике», см. очерк-некролог «Альбов. Характеристика» в кн. Гуревич «Литература и эстетика» (М.: Русская мысль, 1912. С. 302–312). Сохранились 18 писем Альбова к Гуревич за 1891–1909 гг.: ИРЛИ. № 19781; 4 письма (1891–1892 гг.): РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. № 86.

⁴⁵ Речь идет о романе Александра Ивановича Эртеля (1855–1908) «Карьера Струкова» (СВ. 1895. № 2, 1896. № 1 — № 3; № 5 — № 6). Волинский опубликовал в журнале рецензию на роман Эртеля «Смена» (Вестник Европы. 1891): СВ. 1891. № 2. Отд. II. С. 156–159. О взаимоотношениях Эртеля с редакцией см.: [21, с. 83–84; 11, с. 10–11].

⁴⁶ Основные публикации Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка (1852–1912) в «Северном вестнике»: повесть «Верный раб» (1891. № 7– № 8), очерк «Платина» (1891. № 10 — № 12), роман «Золото» (1892. № 1 — № 6); Волинский поместил в журнале сочувственную, в целом, рецензию на повесть Мамина-Сибиряка «Братья Гордеевы» (1891. № 11. Отд. II. С. 126–131). В архиве Гуревич сохранились 10 писем Мамина-Сибиряка (1891–1892 гг.): ИРЛИ. № 19995.

⁴⁷ В. Микулич (Лидия Ивановна Веселитская, 1857–1936) опубликовала в «Северном вестнике» повести «Зарницы» (1894. № 1 — № 4) и «Черемуха» (1898. № 1 — № 2); перевела с французского «Записки» О.А. Сенриной-Россет (см. примеч. 50). Волинский отметил в журнале пространный рецензией ранний роман Микулич «Мимочка на водах» (1891. № 4. Отд. II. С. 147–163); дал положительный отзыв о ее прозе в статье «Современная русская беллетристика» (1896. № 2. Отд. II. С. 335–336). В архиве Гуревич сохранились 7 писем В. Микулич (1892–1894, 1938 гг.): РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. № 101.

⁴⁸ См.: [21, с. 76–85].

⁴⁹ 5 марта 1896 г. М. Горький послал в редакцию «Северного вестника» рассказ «Обман» (опубликован не был), сопроводив его письмом: «Послать рассказ вам меня побуждает статья Волинского и Гуревич, — я не думаю, что вы напечатаете рассказ, но мне было бы крайне важно знать ваше мнение о нем» (цит. по: [21, с. 127]). Горький напечатал в журнале очерк «Озорник» (1897. № 8), рассказ «Мальва» (1897. № 11, № 12); повесть «Варенька Олесова» (1898. № 3 — № 5). В последнем выпуске журнала Волинский поместил развернутую положительную рецензию на книгу Горького «Очерки и рассказы» (СПб., 1898): СВ. 1898. № 10–12. Отд. II. С. 206–212.

⁵⁰ В 1893 г. Ольга Николаевна Смирнова (1834–1893) — дочь Александры Осиповны Смирновой-Россет (1809–1882), при содействии Л.Я. Гуревич опубликовала в «Северном вестнике» воспоминания матери — «Записки А.О. Смирновой» (отд. изд.: СПб., 1895); после смерти О.Н. Смирновой публикация была приостановлена на полгода (в связи с установлением права наследования), затем возобновлена. Сомнения в подлинности мемуаров высказывали С.А. Венгерова, П.Е. Щеголев, В.Д. Спасович, В.В. Сиповский и мн. др.; исследователи пришли к выводу, что текст является результатом сотворчества матери и дочери Смирновых. См. статью Е.И. Анненковой: [37, с.684].

⁵¹ См.: [26, с. 230]. Очерк «Пушкин» впервые был напечатан в 1896 г. в сборнике «Философские течения русской поэзии», составленном П. Перцовым, затем в книге Мережковского «Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы» (СПб., 1897).

⁵² Литературные характеристики Н. Минского и З. Гиппиус начала 1890-х гг., составленные Гуревич, см.: [38, с. 100–125].

⁵³ Первое знакомство с драматургией Ибсена в «Северном вестнике» состоялось в 1891 г., в июльском номере журнала была напечатана драма «Гедда Габлер» (1891. № 7) в переводе П. Ганзена. Вслед затем Н. Минский опубликовал в журнале очерк «Генрих Ибсен и его пьесы из современной жизни» (1892. № 9. Отд. I. С. 75–102; № 10. Отд. I. С. 65–100); позднее он выпустил книгу «Генрих Ибсен. Его жизнь и литературная деятельность» (СПб.: Общественная польза, 1897); ему принадлежит статья об Ибсене в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» (СПб., 1894. Т. 24. С. 746–748).

⁵⁴ Примечание Л.Я. Гуревич: «Русск. Литер. XX в. под ред. Венгерова». — Цитата из «Автобиографии» З. Гиппиус [35, с. 176].

⁵⁵ Мережковский опубликовал в «Северном вестнике» перевод поэмы Э. По «Ворон» (1890. № 11. Отд. I. С. 188–194). Его переводы из Бодлера впервые были напечатаны в журнале «Изящная литература» (1884. № 10); см.: [15, с. 305–323, 431–445].

⁵⁶ Имеется в виду биографический очерк «Шарль Боделэр» <так> и переводы из «Цветов зла» П.Ф. Мельшина-Якубовича (СВ. 1890. № 12. Отд. I. С. 201–222; 1891. № 4. Отд. I. С. 105–110); его же очерк «Могила Бодлэра» (СВ. 1897. № 2. Отд. I. С. 169–172; подпись: *Библиофил*). Будучи политкаторжанином и затем ссыльным, поэт был вынужден печатать переводы без подписи или под псевдонимом. В 1909 г. книга бодлерианы Мельшина-Якубовича вышла в издательстве «Общественная польза».

⁵⁷ Примечание Л.Я. Гуревич: «Статья эта напечатана в Сев. Вест. в 1893 г., кн. VIII, под скромным заглавием “Несколько слов о декадентах”». — Статья имеет подзаголовок «Бодлэр, Верлэн, Маллармэ, Рембо» (Отд. I. С. 191–205). В архиве Гуревич сохранились 3 письма Александра Степановича Усова за 1893 г.: ИРЛИ. № 20124; письмо Гуревич к нему 1889 г.: РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. № 79. Как *Алексей Сергеевич* Усов прокомментирован в: [36, с. 539]. В журнале также была напечатана статья Зин. Венгеровой «Поль Верлен» (СВ. 1896. № 2. Отд. I. С. 271–287).

⁵⁸ *Венгерова З.А.* Поэты-символисты во Франции // Вестник Европы. 1892. № 9. Отд. I. С. 115–143.

⁵⁹ Волконский Сергей Михайлович, кн. (1860–1937) — театральный деятель, критик, мемуарист, директор Императорских театров (1899–1901). Упомянутая статья была публично прочитана Волконским 2 мая 1892 г., опубликована: Вестник Европы. 1892 г. Кн. 6: Июнь. С. 651–701.

⁶⁰ *Вольнский А.* Проблески эстетического идеализма в ст<атье> кн. Волконского о художественном наслаждении и художественном творчестве // СВ. 1892. № 7. Отд. II. С. 147, 148.

⁶¹ Переделанная цитата, см.: *Мережковский Д.С.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1893. С. 46; [26, с. 461].

⁶² Там же. С. 42; [26, с. 458].

⁶³ Цитата из рецензии А. Вольнского на книгу Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях в современной русской литературе» (СВ. 1893. № 3. Отд. II. С. 134). Сосредоточившись на полемическом пуанте рецензии, Гуревич умолчала о некорректных высказываниях Вольнского о книге Мережковского, например: «Это какое-то приторно-слащавое красноречие с рыхлыми, бессильными периодами, с бесцветным содержанием, с искусственным экстазом в приподнятых фразах, раздражающих слух, как вопли, крики и слезы поддельной истерики. Присмотритесь к этим ходульным эффектам, к которым прибегает г. Мережковский, и вы поймете, что перед вами писатель без глубоких настроений, с вымученными фальшивыми фразами на возвышенные темы, для которых нужен талант, ум, нужна внутренняя свобода, светлость души и чувства» (С. 108), и т.п. Отчасти подобный отзыв был спровоцирован Мережковским, который порицал Вольнского за его выпады против Михайловского и суды над русскими критиками и писателями, за сухость языка.

⁶⁴ Примечание Л.Я. Гуревич: «Аполлон, № 8 за 1910 г.». — Приводим контекст цитаты из статьи Вяч. Иванова «Заветы символизма» по журнальной публикации: «Не надо желать быть “символистом”; можно только наедине с собой открыть в себе символиста — и тогда лучше всего постараться скрыть это от людей. Символизм обаявает. Старые чеканы школы истерлись. Новое не может быть куплено никакою другою ценой, кроме внутреннего подвига личности» (С. 20).

⁶⁵ Примеч. Л.Я. Гуревич: «Литерат. Заметки, 1896, кн. XII, гл. II. — См. также заметку, написанную на ту же тему и в том же смысле под заглавием “О символизме и символистах” в последней X–XII книжке Сев. Вестн. за 98 г., вышедшей с запозданием в начале 99 г.».

Итоговая статья Вольнского «О символизме и символистах», на которую ссылается здесь Гуревич, по иронии судьбы или злой воле автора, была напечатана на последних страницах последнего выпуска «Северного вестника» (1898. № 10–12. Отд. II. С. 216–225). Вольнский по сути констатирует здесь завершение исторической миссии журнала, давшего площадку «декадентам и символистам» («Сами они провозглашают себя символистами. Публика называет их декадентами»; «Они хотели бы быть символистами, но, постоянно надрываясь в придумывании необычайных красок и в алхимических поисках за несуществующими настроениями, они все более удаляются от строгой правды настоящей поэзии»). Суждения Вольнского о творчестве недавних соратников — Минского, Мережковского, Гиппиус, Сологуба, Бальмонта — вызывающе резки и оскорбительны: «В произведениях Минского не занималась заря того прекрасного утра, которое он призывал в своих напыщенных аллегориях, тихим, словно охрипшим голосом своих шероховатых стихов, лишенных музыкальной и поэтической мелодии. <...> это — фигура бессильная и болезненная: это приподнятое кверху лицо, умное и недоброе, — лицо литературного горбуна, уродливого приземистого человека, которого судьба с ранних лет обезобразила двумя горбами — на спине и на груди, сломав ему тело и душу»; о Мережковском: «не распространяясь о скудости его оригинального творчества и склонности поэта к заимствованиям и компиляторству, нельзя было не отметить, что между другими поэтами Мережковский является терпеливой и упорной рабочей силой. И я всегда отмечал это, показывая в то же время всю ограниченность и банальность его неумного оригинальничанья, все бессилие напускного пафоса в духе латинского языка». О Гиппиус, Бальмонте и Сологубе я писал в разное время, когда они были на заре своей литературной известности. Я всегда указывал на их талантливость, разьедаемую многочисленными языми. Певучие бессмыслицы Бальмонта, окутанная дымкой “нежно-золотому” невыносимая вульгарность Сологуба <...> Относительно таланта Гиппиус <...> несмотря на краткость карьеры этой писательницы, талант ее кажется мне уже совершенно законченным, застывшим и безвозвратно искаленным. Ее погубила сухая рассудочность и болезненная манерность. Отвращаясь от банального, она создала себе культ из

нравственно уродливого, а этот культ находится за чертою истинного искусства, строго и честного» (1898. № 10–12. Отд. II. С. 225) и т.п. Статья вошла в книгу Волинского «Борьба за идеализм. Критические статьи» (СПб.: Изд. Н.Г. Молоцова, 1900. С. 477–489).

⁶⁶ Неточная цитата из заметки А. Волинского «Декадентство и символизм» (СВ. 1896. № 12. Отд. II. С. 254–255); позднее: *Волинский А. Борьба за идеализм*. С. 319.

⁶⁷ Имеются в виду рецензии, статьи и заметки Волинского: «О рассказе Гиппиус “Злосчастная”» (1890. № 10. Отд. II. С. 153); «Этюд З. Гиппиус “Одинокий”, “В<естник> Е<вропы>”, май» (1891. № 6. Отд. II. С. 204–206); «О причинах упадка и о новых течениях в современной русской литературе» (1893. № 3. Отд. II. С. 110–134); «Современная русская беллетристика» (1896. № 2. Отд. II. С. 336–337); «З.Н. Гиппиус-Мережковская. Зеркала. 1898» (1898. № 8–9. Отд. II. С. 242–246); «О символизме и символистах» (1898. № 10–12. Отд. II. С. 216–225) и др. Заметки и рецензии Волинского по большей части содержали беспощадную критику, характерный пример — статья о лирике Мережковского, в которой он упрекает его за отсутствие вдохновения, «живой искренности, умственной простоты и ясности, не допускающей никакой шумной декламации», в «бессодержательной риторике» («Несмотря на философские притязания, лирика его не отличается ни силой, ни оригинальностью» и т.п.), советует оставить «нервическую крикливость», «демонизм, не свойственный его духу», как искусственную тенденцию и «быть самим собой» (*Волинский А. Д.С. Мережковский*. Новые стихотворения. 1891–1895 гг. СПб., 1896 // СВ. 1896. № 3. Отд. II. С. 37, 42, 43).

⁶⁸ В феврале–мае 1896 г. Волинский вместе с Мережковскими путешествует по Италии с целью сбора материалов для книги о Леонардо да Винчи, поездка закончилась полным разрывом отношений; см.: [40, с. 193–194]. В 1897–1898 гг. он опубликовал в «Северном вестнике» цикл статей: «В поисках за Леонардо да Винчи» (1897. № 9 — № 11); «Леонардо да Винчи, его жизнь и научно-философские труды» (1898. № 1 — № 4). Статьи вошли в его книгу «Леонардо да Винчи» ([Изд. 1-е]. СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1900. В последующие годы Волинский продолжал изучать наследие Леонардо, работая в европейских архивах, музеях и библиотеках. Новые материалы он опубликовал в «Книге великого гнева»: Критические статьи. Заметки. Полемика» (СПб., 1904; статья «Около Леонардо да Винчи». С. 350–370); затем использовал во втором переработанном издании монографии: [Изд. 2-е]. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1909. Подробнее о пафосе исследования, акцентированном во второй части труда («Демоническое искусство»), см.: [20].

⁶⁹ Мережковский, знавший о планах Волинского пустить очерки о Леонардо да Винчи в «Северном вестнике», начал печатать свой роман в журнале «Начало» под названием «Возрождение» (1899. № 1–№ 2, № 4), однако из-за прекращения издания публикация не была закончена; полностью роман «Воскресшие боги: Леонардо да Винчи» (вторая часть трилогии «Христос и Антихрист», 1895–1907) был напечатан в 1900 г. в журнале «Мир Божий» (№№ 1 — 12). Волинский раздраконил его в «Книге великого гнева» (СПб., 1903. С. 149).

⁷⁰ «Златоцвет. Петербургская новелла» (СВ. 1896 г. № 2 — № 4) вошла в сборник З. Гиппиус «Зеркала. Вторая книга рассказов» (СПб., 1898). Повесть имела очевидный для Гуревич автобиографический подтекст, в отношениях главных героев Валентины Сергеевны Муратовой и Льва Львовича Звягина просвечивает драматическая история взаимоотношений Гиппиус с Минским, в образе критика Кириллова опознаваем Волинский; подробнее см.: Переписка З.Н. Гиппиус с Н.М. Минским / вступ. статья, примеч. С.В. Сапожкова, сост. и подгот. текста А.В. Сысоевой, С.В. Сапожкова // [23, с. 113–114]; [16, с. 122].

⁷¹ Имеется в виду заметка З. Гиппиус «Письмо Л. Денисова», опубликованная в составе статьи А. Волинского «Декадентство и символизм» (СВ. 1896. № 12. Отд. II. С. 250–251). Мистификация Гиппиус, возможно, не случайна; в архиве Гуревич сохранились письма поэта Л.И. Денисова (ИРЛИ. № 20197).

⁷² Впервые: СВ. 1896. № 10. Отд. I. С. 35–51 (подпись: *Л. Денисов*); под заглавием «Вне времени. Старый этюд» в книге «Алый меч. Рассказы. (4-я книга)» (СПб., 1906. С. 273–301).

⁷³ Об истории взаимоотношений см.: [34; 10, с. 260–265].

⁷⁴ СВ. 1896. № 12. Отд. II. С. 251.

⁷⁵ Здесь, видимо, иронически; имеется в виду пятая глава из книги Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», озаглавленная «Любовь к народу: Кольцов, Некрасов, Глеб Успенский, Н. К. Михайловский, Короленко» (СПб., 1893. С. 57–76).

⁷⁶ Меонизм — метафизическая система Минского, изложенная в его трактате «При свете совести. Мысли и мечты о цели жизни» (СПб., 1890, 1897), в более систематизированном виде в книге «Религия будущего. Философские разговоры» (СПб., 1905). Вольтинский отозвался на книгу Минского критической заметкой: СВ. 1890. № 2. Отд. II. С. 101–107.

⁷⁷ Цитата из стихотворения Н. Минского «Как сон, пройдут дела и помыслы людей...» (1886).

⁷⁸ Примечание Л.Я. Гуревич: «Кн. V».

⁷⁹ Предисловие Н. Минского к переводу пьесы М. Метерлинка «Слепые»: СВ. 1894. № 5. Отд. I. С. 229–230. (В предисловии Минский сформулировал принципы «нового искусства»).

⁸⁰ Примечание Л.Я. Гуревич: «Кн. I».

⁸¹ *Метерлинк М.* Аглавена и Селизета / Перев. С франц. С предисловием Н. Минского // СВ. 1897. № 1. Отд. I. С. 74.

⁸² Там же. С. 76.

⁸³ Статья Н. Минского «Русская литература за 1898 г.» (Новости и Биржевая газета. 1899. № 28, от 28 янв. С. 3) дискредитировала критическую деятельность А. Вольтинского («инквизиторский тон», «судороги самолюбия», «узколобое сектанство» и т.п.); см.: [39, с. 49–50].

⁸⁴ *Минский Н.* Русская литература за 1898 г. // Там же. С. 3.

⁸⁵ Имеется в виду публикация переводов К. Бальмонта «Из Шелли» — стихотворений «Царица моего сердца» и «Ночь» (СВ. 1893. № 5. Отд. I. С. 94–96); еще раньше был напечатан перевод Н. Минского — «Облако (из Шелли)» (СВ. 1893. № 3. Отд. I. С. 240–242). З. Венгерова поместила в журнале критическую рецензию на издание сочинений Шелли в переводе Бальмонта (СВ. 1896. № 5. Отд. II. С. 318–323), в которой, в частности, отметила: «...с поэзией Шелли русская публика еще не знакома; она знает только Шелли, прошедшего через индивидуальные настроения г. Бальмонта и утрагившего в значительной степени глубину и своеобразность своего творчества» (С. 324).

⁸⁶ Неточность, Федор Сологуб дебютировал в «Северном Вестнике» стихотворением «Вечер» за подписью: *Ф. Т.* (1892. № 2. Отд. I. С. 250). В 1892–1897 гг. он был постоянным автором журнала, где помещал стихи и прозу, а также статьи на общественные темы и рецензии. Псевдоним — *Федор Сологуб* был предложен редакцией. О поддержке, оказанной писателю в «Северном Вестнике», а также об истории его отношений с редакцией журнала в период публикации романа «Тяжелые сны» см.: [42; 31, гл. 3, 4].

⁸⁷ Первая строфа стихотворения «Творчество» («Темницы жизни покидая...») (впервые: СВ. 1893. № 4. Отд. I. С. 52), при публикации которого поэт впервые выступил под псевдонимом: *Федор Сологуб*.

⁸⁸ Рассказ «Тени», принесший Сологубу известность и признание в кругу символистов, был напечатан в декабрьской книжке «Северного вестника» за 1894 г. (№ 12. Отд. I. С. 1–20); в Собр. соч. в 20 т. — «Свет и тени» (Т. 3. СПб.: Сирин., 1913).

⁸⁹ Обзор статей и рецензий Сологуба в «Северном вестнике» за 1892–1897 гг. см.: [31, с. 113–115].

⁹⁰ Биографический факт, известный со слов Сологуба, см.: [30, с. 240].

⁹¹ Первый роман трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист» — «Смерть богов. Юлиан Отступник» (первоначальное название «Отверженный»): СВ. 1895. № 1 — № 6; отд. изд.: СПб., 1896. Роман был закончен и передан в редакцию в 1892 г., но из-за редакторской правки Волинского, вносящего в текст изменения по своему усмотрению, Мережковский забрал рукопись из журнала; роман был напечатан после восстановления отношений с Волинским. Подробнее см.: [40, с. 178–182].

⁹² Роман Ф. Сологуба «Тяжелые сны»: СВ. 1895. № 7 — № 12; отд. изд.: СПб., 1896). В период прохождения рукописи в журнале Сологуб, под давлением Волинского и Гуревич, опасавшихся цензурных репрессий, был вынужден вынимать из романа целые эпизоды и главы, подробнее см.: [31, с. 117–122].

⁹³ СВ. 1895. № 3. Отд. I. С. 137–175.

⁹⁴ См. примеч. 45.

⁹⁵ В 1895–1896 гг. З. Гиппиус напечатала в «Северном вестнике» рассказы и повести: «Мисс Май» (1895. № 10), «Златоцвет. Петербургская новелла» (см. примеч. 70), «Рассказ» (1896. № 8), «Зеркала» (1896. № 12), «Среди мертвых» (1897. № 3); впоследствии они вошли в ее сборники «Новые люди. Рассказы» (СПб.: Тип. М. Меркушева, 1896) и «Зеркала. Вторая книга рассказов» (СПб.: Изд. Н.М. Геренштейн, 1898).

⁹⁶ Имеются в виду стихотворения З. Гиппиус: «Посвящение» («Небеса унылы и низки...»), впервые: СВ. 1895. № 3. Отд. I. С. 136, в сборнике «Новые люди» (С. 222); «Песня» («Окно мое высоко над землею...»), впервые: СВ. 1895. № 12. Отд. I. С. 206, в сборнике «Новые люди». С. 219.

⁹⁷ Далее пропущен катрен: «И это желанье не знаю, откуда / Пришло откуда, / Но сердце хочет и просит чуда, / Чуда!».

⁹⁸ Стихотворение Минского «Портрет» («Я долго знал ее, но разгадать не мог...») впервые опубликовано: СВ. 1895. № 3. Отд. I. С. 176. Гуревич подразумевает, что Минский дал в стихотворении психологический портрет З. Гиппиус (подробнее см.: [38, с. 119]. Об истории взаимоотношений поэтов см. публикацию С.В. Сапожкова и А.В. Сысоевой [23, с. 108–397].

⁹⁹ К. Фофанов был постоянным автором «Северного вестника». Волинский не раз одобрительно или восторженно писал о его лирике; первая статья «Библейские песни русского поэта. Стихотворения Константина Фофанова (1880–1887)» была напечатана в журнале «Восход» (1887. № 3. С. 11–16).

¹⁰⁰ Константин Льдов (наст. имя Витольд-Константин Николаевич Розенблом; 1862–1937; поэт, прозаик, переводчик) — постоянный сотрудник «Северного вестника»; корреспондент Л. Гуревич (6 писем 1893–1896 гг.: ИРЛИ. № 19986; 14 писем 1895–1898 гг.: РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. № 151).

¹⁰¹ О книге Добролюбова *Natura naturans. Natura naturata* (1895) Волинский отзывался иронически: «...произведения г. Добролюбова производят иногда тягостное, иногда забавное впечатление. Вы ищете в книжечке какого-нибудь поэтического содержания, волнующих автора настроений <...>, и вместо всего этого видите бессвязный бред человека мало жившего, ничего глубоко не испытывавшего, но, быть может, уже болезненно изнемогающего от какого-то скверного недуга воображения» и т.п. (*Волинский А. «Русские символисты»*. Выпуск I–II. Александр Добролюбов. *Natura naturans // СВ. 1895. № 9. Отд. II. С. 71*).

¹⁰² По субботам в помещении редакции «Северного вестника» (квартира в меблированных комнатах гостиницы Пале-Рояль на Пушкинской улице, д. 20) Гуревич устраивала журфиксы, которые посещали сотрудники и гости, близкие

по духу направлению журнала. См. воспоминания В.В. Гиппиуса о «Северном вестнике» в его очерке «А.М. Добролюбов» [35, с. 280–281].

¹⁰³ О публикациях драм М. Метерлинка см. примеч. 79, 81, 111; см. также статью Волинского «“Тайны души” М. Метерлинка» (СВ. 1896. № 1. Отд. I. С. 309–316).

¹⁰⁴ В «Северном вестнике» печатался очерк подруги философа Лу Андреас-Саломэ «Фридрих Ницше в своих произведениях» (СВ. 1896. № 3. Отд. I. С. 273–295; № 4. С. 253–272; № 5. С. 225–239). О сотрудничестве Андреас-Саломэ с «Северным вестником» см.: [2, с. 16–21]. В том же году Волинский напечатал в журнале статью «Аполлон и Дионис» (1896. № 11. Отд. I. С. 232–255), в которой дал сжатый анализ эстетического трактата Ницше «Рождение трагедии из духа музыки» (1872); статья вошла в книгу Волинского «Борьба за идеализм» (СПб., 1900. С. 46–72).

¹⁰⁵ Впервые имя английского писателя, в то время находившегося под следствием, прозвучало на страницах «Северного вестника» в статье А. Волинского «Оскар Уайльд» (1895. № 12. Отд. I. С. 311–317).

¹⁰⁶ Комментарий этого пассажа требует подробной росписи содержания «Северного вестника», таковая в настоящее время отсутствует, потому мы ограничимся здесь сведениями об отдельных или наиболее заметных публикациях.

¹⁰⁷ Первая обстоятельная статья в «Северном вестнике» о драмах Ибсена (Н. Минского) появилась в 1892 г. (см. примеч. 53); вслед затем была напечатана заметка Волинского «Новая драма Г. Ибсена “Строитель Солнec”». Идеалистическая тенденция драмы» (1893. № 5. Отд. II. С. 110–130) и статья графа М. Прозора «Характер Ибсеновских драм» (1895. № 6. Отд. I. С. 31–40), известного своими переводами драм Ибсена на французский язык.

¹⁰⁸ Имеется в виду обзорная статья А. Браунера «Современная “Молодая Германия”» (СВ. 1895. № 11. Отд. I. С. 259–270; № 12. Отд. I. С. 263–278), знакомившая читателей с «новой» немецкой литературой, в частности, с представителями «берлинской школы натурализма» (Арно Гольц, Иоганнес Шлаф, Герхарт Гауптман), а также с писателями «Молодой Австрии» (Герман Бар, Артур Шницлер, Лорис (Гуго фон Гофмансталь), Г. Зудерман). Подробнее о взаимосвязях редакции «Северного вестника» с «Молодой Австрией» см.: [1]. В «Северном вестнике» также были напечатаны статьи Лу Андреас-Саломэ «Драма «Молодой Германии» (Гергард Гауптман, Макс Гальбе, Георг Гиршфельд) (1898. № 2. Отд. I. С. 53–69); «Современные писательницы. Германская романистика» (1898. № 3. Отд. I. С. 157–169).

¹⁰⁹ Имеется я виду публикация К. Льдова «Лесной человек. “Пан”. Роман Кнута Гамсуна» (роман представлен в извлечениях, в пересказе Льдова): СВ. 1896. № 5. Отд. I. С. 240–264.

¹¹⁰ Ранний рассказ Райнера Марии Рильке «Все в одной», полученный от него А. Волинским во время поездки в Германии в 1896 г. («по следам за Леонардо да Винчи») был напечатан в октябрьской книжке «Северного вестника» за 1897 год в переводе С. Шпильберг. См.: [2, с. 18].

¹¹¹ Речь идет о драмах М. Метерлинка «Слепые», «Аглавена и Селизета» в переводе Н. Минского (см. примеч. 79 и 81), «Смерть Тэнтажиля. Драма для кукольного театра» (1895. № 12).

¹¹² «Le Trésor des Humbles» — книга М. Метерлинка «Сокровища смиренных» (1896). Речь идет о публикации «Три этюда Мориса Метерлинка» («Невидимая доброта», «Внутренняя красота», «Глубины жизни»): СВ. 1896. № 2. Отд. I. С. 296–318.

¹¹³ В «Северном вестнике» печатались романы Г. д’Аннунцио «Невинная жертва» (1893. № 5 — № 10), в позднейших изданиях под заглавием «Невинный»; «Торжество смерти» (1894. № 9 — № 12) — оба в переводе М.М. Иванова; рассказ «Епископ и К^о» в переводе Н. Арабажиной (1894. № 6, № 7).

¹¹⁴ Драма Г. Гауптмана «Одинокие люди» (СВ. 1895. № 7), перевод <О.Н. Поповой>; в «Северном вестнике» были опубликованы также его рассказ «Железнодорожный сторож Тиль» (1894. № 3), перевод З. Журавской; «Торжество примирения. Семейная драма» (1898. № 4), перевод С. Чацкиной (ИРЛИ. Картотека Н.Н. Бахина); заметка Л. Гуревич: *Л.Г. Из дневника журналиста. Пьеса Гауптмана «Ганнеле»* (1895. № 5. Отд. II. С. 100–104).

¹¹⁵ Искусство и действительность. Избранные места из сочинений Джона Рескина / пер. с англ. О. М. Соловьевой // СВ. 1896. № 6, № 10 — № 12.

¹¹⁶ Имеются в виду напечатанные в «Северном вестнике» статьи З.А. Венгеровой: «Новая Утопия: Вильям Моррис и его последняя книга» (1893. № 7. Отд. I. С. 249–256); «Вилльям <так в тексте> Моррис, певец “Земного Рая”» (1896. № 11. Отд. I. С. 155–163); «Поль Верлэн» (1896. № 2. Отд. I. С. 271–287); «Родоначальник английского символизма [Вильям Блэк]» (1896. № 9. Отд. I. С. 81–99). Впоследствии статьи вошли в двухтомник Венгеровой «Литературные характеристики» (Т. I. СПб., 1897; Т. II. СПб., 1904).

¹¹⁷ В 1892 г. журнал «Русское богатство» перешел из рук Л.Е. Оболенского (в 1881–1891 гг. — издатель журнала) в руки народников; с 1893 г. Н.К. Михайловский вел в журнале рубрику «Литература и жизнь», в 1895 г. в редакцию вошли В.Г. Короленко, А.И. Иванчин-Писарев, Н.Ф. Анненский.

¹¹⁸ Журналы «Новое слово» (1897), «Начало» (1899), «Жизнь» (1897–1900), в которых П.Б. Струве, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, А.С. Изгоев и др. с позиции легального марксизма выступали с критикой либерального народничества.

¹¹⁹ В защиту «Северного вестника» Волынский выступил со статьями «Вражда и борьба партий» (СВ. 1894. № 5. Отд. II. С. 137–155), «Русским ведомостям» (СВ. 1895. № 2. Отд. II. С. 107–108; № 3. Отд. II. С. 128), и др.

¹²⁰ Один из таких инцидентов произошел в марте 1894 г., когда Волынскому было отказано в присутствии на торжественном обеде в честь юбилея А.М. Скабичевского. Волынский счел себя незаслуженно оскорбленным и опубликовал в журнале «Письмо в редакцию (Инцидент на юбилее г. Скабичевского)» (СВ. 1894. № 4. Отд. II. С. 145–147). Широкою скандальной огласку получил инцидент, произошедший в редакции «Северного вестника» в марте 1896 г., когда ворвавшийся туда Н.Н. Шелгунов (сын писателя-шестидесятника Н. В. Шелгунова) плюнул в лицо Гуревич. Поводом послужила допущенная Минским (в то время он был секретарем редакции) небрежность при публикации «Воспоминаний об А.И. Герцене» Н.А. Тучковой-Огаревой (СВ. 1896. № 2). Подробнее об инциденте см.: [32].

¹²¹ Примечание Л.Я. Гуревич: «С.В. Кн. XI за 1894 г.». — Имеется в виду «Письмо к Г-ну Волынскому» (СВ. 1897. № 12. Отд. II. С. 80–82; подпись: *Ваш современник*). Вероятно, мистификация, за которой скрываются адресаты. Автор выражал поддержку редакторам «Северного вестника»: «Я утверждаю, что большинство Ваших самых ярых противников не искренни, фальшивы — не потому что они защищают то, чего сами не знают, чего не любят, потому что они защищают не определенные мысли, а имена, к которым они просто привыкли с детства, фразы, которые они затвердили с чужих слов. Книги, которые Вы критикуете во имя истины, они или читали очень давно, почти бессознательно, или даже вовсе не читали. <...> Вот это та беспредметность в негодующих речах по Вашему адресу, это пристрастие к именам, к названиям, к фразам вместо любви к хорошо усвоенным предметам и определенным понятиям — вот что кажется мне позорной фальшью в нашем обществе. <...> Я уверен, впрочем, что когда время застоя кончится, а оно должно придти к концу, многим станет ясно, что осуждение, которое бросают со всех сторон Вашим твердым и светлым взглядам во имя будто бы “либерализма”, есть не что иное, как жалкая ложь и фальшь, которою прикрываются люди, стыдящиеся обнаружить свои настоящие бессильные настроения» и т.д. Публикация сопровождается редакционным примечанием: «Письмо это полученное г. Волынским, мы охотно предаем гласности без всяких комментариев с нашей стороны» (С. 80).

¹²² Сан-Сати́ро. Из флорентийских легенд Анато́ля Франса. Пер. Д. Мережковско́го // СВ. 1895. № 11. Отд. I. С. 243–257. Письмо, о котором идет речь, предположительно принадлежит дяде Л.Я. Гуревич по матери – Александру Ивановичу Ильину (1851–1921), см.: «...пишу о том ужасе, который обьял меня <...> при чтении ноября С.В.» (далее указаны страницы с описанием «непристойностей»); «Друг мой, ты знаешь, сколько у вас врагов, к чему же давать им пишу на совершенно новом поле? А ведь книга подписана тобой и как издательницей и как редактором!» (ИРЛИ. № 20171. Л. 1–1 об.).

¹²³ Спасович Владимир Данилович (1829–1906) — правовед, адвокат публицист, историк польской литературы; выступал защитником Гуревич в третейском суде с пайщиками, см.: [28, с. 319–396]; напечатал в «Северном вестнике» статьи: «По поводу книг проф. Г.Ф. Шершеневича об авторском праве на литературные произведения» (1891. № 11. Отд. II, С. 61–70) «Избирательная реформа 1893 года в Бельгии» (1895. № 5. Отд. I. С. 183–207), «А.Я. Пассовер» (1897. № 3. Отд. II. С. 319–327, в соавторстве с Н. Карабчевским) и др. В архиве Гуревич сохранились 11 писем Спасовича за 1891–1898 гг.: ИРЛИ. № 20090.

¹²⁴ Трачевский Александр Семенович (1838–1906) — историк, приват-доцент Санкт-Петербургского университета (не преподавал, читал публичные лекции в «Соляном городке»), либеральный публицист; в «Северном вестнике» вел политический отдел. В связи с жестким прессингом со стороны цензуры 6 марта 1894 г. он писал Гуревич: «Сейчас я увидел себя в С.В., как в кривом зеркале: ни кожи, ни рожи моей. Аким Львович прав: так невозможно вести дело. К тому же у читателей может сложиться неверная умственная перспектива. Не знал цензурных условий, которым подвержен С.В., и прочитав более листа “Провинциальной печати”, более листа “Внутреннего обозрения” и менее пол-листа “Политической” Летописи”, он может подумать, что теперь Запад совсем сгнивает, а Восток кипит жизнью. Если б я разделял такое мнение — еще куда бы ни шло. Но я убежден в противном. Давно русская жизнь не представляла так мало содержания и заинтересованности: да еще при нынешней цензуре! Никогда жизнь Запада не была так поучительна и любопытна. Вы знаете, как больно мне было жертвовать нередко яркими фактами и непустыми мыслями, — и все-таки я немного отставал. Жизнь Запада теперь так бойка, у нее такой богатырский рост, что политическая летопись должна полнеть (если не выносить в научный отдел крупных вопросов, в более законченном виде), а она все худела. Надеюсь, Вы найдете мои доводы основательными для того, чтобы мне отказать от дальнейшего введения политической летописи в С.В. Я делаю это теперь же. Позаботьтесь, чтобы уже апрельская летопись принадлежала не моему перу» (ИРЛИ. № 20118. Л. 9). Трачевский, тем не менее, продолжал работать в журнале почти до его закрытия.

¹²⁵ Критический очерк «Тургенев и Толстой» Дмитрия Николаевича Овсянникова Куликовского (1853–1920) печатался в «Северном вестнике» из номера в номер в продолжение 1895–1897 гг. Кроме того, он опубликовал в журнале объемную работу «Психология художественного процесса» (1893. № 11 — № 12).

¹²⁶ Ковалевский Максим Максимович (1851–1916) — историк, юрист, социолог, общественный деятель, член-корреспондент (1899), академик Петербургской Академии наук (1914); один из лидеров русского масонства; опубликовал в «Северном вестнике» работы: «Кавалеры и круглоголовые. Опыт изучения их политических воззрений» (1892. № 7 — № 8); «Общественные доктрины прошлого века» (1893. № 3 — № 8). В архиве Гуревич сохранились три письма Ковалевского (1892–1893): ИРЛИ. № 19943.

¹²⁷ Веселовский Алексей Николаевич (1843–1918) — литературовед, ординарный профессор Московского университета, специалист по западноевропейской литературе, почетный академик Петербургской Академии наук (1906), брат академика Александра Веселовского; в «Северном вестнике» напечатал лекцию о зарубежной литературе XIX в. — «Накануне нового столетия» (1892. № 3). В архиве Гуревич сохранились два письма Веселовского к ней (б.г.): ИРЛИ. № 198590.

¹²⁸ Бодуэн де Куртене Иван Александрович (*польск.* Jan Niecisław Ignacy Baudouin de Courtenay; 1845–1929) — лингвист, профессор сравнительного языкознания; член-корреспондент Петербургской Академии наук (1897); опубликовал в «Северном вестнике» статью «Элиза Ожешко. Итоги 25-ти-летней литературной деятельности» (1892. № 12).

¹²⁹ Шепелевич-Лазаревич Лев Юлианович (1863–1909) — археолог, историк литературы, профессор Харьковского университета, наиболее активный сотрудник «Северного вестника»; публ.: «Гюи де Мопассан» (1893. № 8); «Первый публицист в Европе» (1894. № 3), «Противоречия эмпирической нравственности гр. Л. Толстого» (1895. № 10); «Романист-моралист (Эдуард Род)» (1895. № 3); «Гергард Гауптман: Характеристика» (1895. № 7); «Программа по истории всеобщей литературы» (1896. № 12; раздел «Вопросы самообразования»), «Очерки из истории новейшей испанской литературы» (1896. № 3); «Всеобщая литература» (1896. № 6); «Боккаччо в исследовании русского ученого» (1897. № 2 — рец. на труд А.Н. Веселовского «Боккаччо, его среда и сверстники»). В 2 т. СПб., 1893–1894; «Очерки из истории новейшей испанской литературы (Драма 1850–1892 г.)» (1897. № 5); «Сенкевич как романист-психолог» (1897. № 8). В архиве Гуревич сохранились три письма Шепелевича к ней (1893–1895): ИРЛИ. № 20163.

¹³⁰ Сергеевич Василий Иванович (1832–1910) — историк права, профессор и ректор Петербургского университета (1897–1899); в «Северном вестнике» напечатаны статьи: «Порядок приобретения ученых степеней» (1897. № 10); «Пересмотр истории служилого землевладения» (1897. № 11); журнал поместил рецензию на капитальный труд ученого: «Проф. В. Сергеевич. Русские юридические древности. Том второй. Власть. Выпуск второй. Советники князя» (1896. № 8). В архиве Гуревич содержится три письма к ней Сергеевича (1898): ИРЛИ. № 20080.

¹³¹ Фойницкий Иван Яковлевич (1847–1913) — юрист, криминолог, ординарный профессор, товарищ обер-прокурора Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената; опубликовал в «Северном вестнике» статьи: «Женщина-преступница» (1893. № 2 — № 3); «Факторы преступности» (1893. № 10 — № 11), «Бернский съезд международного союза уголовного права» (1890. № 10), «Кистяковский как криминалист» (1895. № 2), «Русские юристы в Берлине» (1895. № 12), «Проект уголовного уложения» (1898. № 2). В архиве Гуревич сохранились 4 письма Фойницкого (1891–1895 гг.): ИРЛИ. № 20132.

¹³² Холодковский Николай Александрович (1858–1921) — поэт-переводчик; зоолог, один из основоположников научной энтомологии в России, член-корреспондент Петербургской Академии наук; заслуженный профессор; опубликовал в «Северном вестнике»: «Научная летопись: Организм и окружающая среда. Биологический очерк» (1891. № 10), «Из Гете Стихотворения» (1892. № 4); «Карл-Эрнст фон Бэр. Критико-биографический очерк» (Там же. № 11), «Старый и новый Ламаркизм» (1895. № 6). В архиве Гуревич хранятся 4 письма Холодковского (1890–1895): ИРЛИ. № 20135.

¹³³ Вагнер Владимир Александрович (1849–1934) — зоолог, психолог, профессор; опубликовал в «Северном вестнике» статьи: «Русская зоологическая станция в Вилла-Франке» (1891. № 3), «Материнское чувство животных и человека» (1894. № 4); «Принцип свободы в царстве животных» (1894. № 7), «Самообразование по зоопсихологии» (1896. № 1); «Границы и область биологии» (1898. № 6–7). Три письма Вагнера к Гуревич (1894–1895): ИРЛИ. № 19833.

¹³⁴ Боргман Иван Иванович (1849–1914) — физик, профессор, в 1875–1901 гг. редактор «Журнала Русского Физического общества и Химического общества»; преподавал на Бестужевских курсах (в очерке «История «Северного Вестника»» Гуревич сообщает, что слушала лекции Боргмана, см.: [35, с. 237]); ректор Петербургского университета (1905), автор статьи «Самообразование по физике» (СВ. 1896. № 2).

¹³⁵ Шимкевич Владимир Михайлович (1858–1923) — зоолог, пропагандист эволюционизма, с 1889 г. профессор и заведующий кафедрой зоологии беспозвоночных Петербургского университета; публ. в журнале: «Венский естественно-исторический музей» (1891. № 7), «Вековая загадка (К вопросу о наследственности)» (1894. №10), «Полемика по вопросу наследственности» (1895. № 3); «Эволюционная идея в ее естественноисторическом движении» (1895. № 7), «О самообразовании по зоологии» (1896. № 1). В архиве Гуревич сохранились два письма Шимкевича (1893 и б.д.): ИРЛИ. № 20164.

¹³⁶ Соловьев Михаил Петрович (1841–1901) возглавлял Главное управление по делам печати МВД в 1896–1901 гг.; в годы его управления были приостановлены многие органы печати.

¹³⁷ Энгельгардт Владимир Александрович (1862–1912), с 10 дек. 1892 г. причислен к МВД и откомандирован в Петербург. С 18 марта 1896 г. исполняющий должность цензора, с 10 апреля 1899 утверждён в должности [43, с. 349]. Сын (?) Александра Андреевича Энгельгардта — члена петербургской сухопутной таможни, тестя обер-прокурор Синода К.П. Победоносцева.

¹³⁸ *Волынский А.* О символизме и символистах // СВ. 1898. № 10–12. Отд. II. С. 220.

¹³⁹ Знакомство Л. Гуревич с А. Блоком состоялось в 1907 г. Этот эпизод отсутствует в мемуарном очерке Гуревич о Блоке, см.: [13]. В «Северном вестнике» была напечатана статья деда Блока, А.Н. Бекетова — «Вопросы самообразования. VII. Ботаника» (1896. № 4. Отд. I. С. 95–108).

¹⁴⁰ Религиозно-философский журнал «Новый Путь» (1903–1904), издававшийся П.П. Перцовым, во главе которого стояли Мережковский, Гиппиус и Д.В. Философов.

¹⁴¹ Машинопись с правкой карандашом: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 36. Л. 57–59 об.

¹⁴² Кондратьев Аким Ипатьевич (1885–1953) — писатель, литературовед, член Всероссийского союза поэтов, действительный член ГАХН (с 1921), заместитель заведующего Кабинетом художественной агитации и пропаганды (1928–1929), член дирекции Театральных мастерских ГАХН. Петровский Михаил Александрович (1869–1937) — филолог-германист, переводчик Э.Т. А. Гофмана; действительный член ОЛРС и ГАХН (с октября 1921 г.), в 1923–1924 г. — заведующий Подсекцией теоретической поэтики Литературной секции ГАХН, член Редакционной комиссии «Словаря художественных терминов» ГАХН. Поливанов Иван Львович (1867–1942) — литератор, участник заседаний Литературной секции ГАХН, член-корр. Академии (с февр. 1927). Усов Дмитрий Сергеевич (1896–1943) — поэт, переводчик, литературовед, сотрудник ГАХН по Социологическому отделению и Литсекции, ученый секретарь Секции русской литературы. Чулков Георгий Иванович (1879–1939) — прозаик, поэт, историк литературы, действительный член ГАХН, член Комиссии по изучению исторической и теоретической поэтики и методологии литературы и по изучению русской критики. Подробнее об участии присутствовавших лиц в работе ГАХН см. по указат. в: [17].

¹⁴³ Имеется в виду письмо В. Брюсова в редакцию «Северного вестника» от 20 июня 1892 г., опубликовано по черновику: [12, с. 230], к которому приложены шесть стихотворений: «Сегодня судьба мне послала свиданье...», «Смерть — то спокойная ночь...» (пер. из Гейне), «Поэзия», «Октава», «В пространстве эфира блуждая, «Мне снилось, ты пришла ко мне...».

¹⁴⁴ Гуревич обращалась к министру внутренних дел Ивану Логгичу Горемыкину (1839–1917) с просьбой о снятии с журнала предварительной цензуры; в апреле 1897 г. цензура была снята.

¹⁴⁵ Об отношении С.А. Толстой к Л.Я. Гуревич см.: [21, с. 109, 124; 3, с. 172–173].

¹⁴⁶ Повесть С.А. Толстой «Чья вина? По поводу “Крейцеровой сонаты” Льва Толстого» (1895), впервые: Октябрь. 1994. № 10. С. 6–59.

¹⁴⁷ Уместно в этой связи процитировать письмо В.С. Соловьева к Л.Я. Гуревич от 3 декабря 1892 г., неучтенное в издании писем философа (Письма В.С. Соловьева / под ред. Э.С. Радлова. СПб., 1911. Т. 3), в котором он высказывает неодобрительное отношение к критической деятельности Вольтинского (благодарим В.А. Котельникова, любезно предоставившего нам это письмо, извлеченное из архива Е.М. Браудо; приводим текст с правой автора и Вольтинского): «Я нахожу, что [зач. Флексер *надпис.* Вольтинский] занял публицистическую позицию, вредную для него самого, пагубную для журнала, весьма неудобную для благожелательных сотрудников и, наконец, подливающую воды на мельницу антисемитов. С самого начала, еще при “покойном” Г<линском> (с которым я, разумеется, не сравниваю А.Л. Вольтинского в других отношениях) я неоднократно советовал ему (т.е. Глинскому) воздержаться от преждевременного воинствования и не отстаивать столь решительно положения, еще не завоеванного. Самонадеянный “покойник” не внял дружескому совету, но не мог, однако, на одной лишь гордости утвердить своего благополучия. У [зач. Флексера *надпис.* Вольтинского], кроме гордости, есть литературное дарование и образованность [зач. (не говоря уже о литере <слово не дописано> практической порядочности)] — тем печальнее его полемика с Михайловским» (Браудо Е.М. Аким Львович Вольтинский. Материалы для биографии // РГАЛИ. Ф. 95. № 1104. Л. 7–8).

¹⁴⁸ Неустановленные лица.

¹⁴⁹ Измаильская (урожд. Ходорова) Вера Давыдовна (1884 — не ранее 1953) — историк русской и французской литературы, сотрудник ГМИИ (1924 — ок. 1946).

¹⁵⁰ Неустановленные лица.

Литература

1. *Азадовский К.М.* Венский акцент: Федор Сологуб и его переводчик. Приложение: Александр Браунер. Письма Федору Сологубу 1897–1912 годов / подгот. текста и коммент. М.М. Павловой // *Русская литература*. 2020. № 1. С. 122–161.
2. *Азадовский К.* Рильке и Россия. Статьи и публикации. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 432 с.
3. *Богомолов Н.А.* В Ясной Поляне 125 лет тому назад // *Русская литература*. 2018. № 3. С. 170–180.
4. *Богомолов Н.А.* Другое литературоведение: занятия подсекции истории русской литературы ГАХН 1925–1929 // *Русская литература и философия: пути взаимодействия*. М.: Водолей, 2018. С. 461–474.
5. *Богомолов Н.А.* Из комментаторских заметок. 4. К публикациям статей С.Н. Дурылина о символизме // *Литературный факт*. 2017. № 4. С. 284–289.
6. *Богомолов Н.А.* Печать русского символизма: Учеб. пособие. М.: МГУ, 2020. 120 с.
7. *Веккер Б.* Библиография трудов А.Л. Вольтинского // Памяти Акима Львовича Вольтинского: Сборник под ред. П.Н. Медведева. Л.: Всероссийский союз писателей, 1928. С. 83–93.
8. *Венгеров С.А.* А. Вольтинский // *Русская литература XX века: 1890—1910* / под ред. С.А. Венгерова. М.: Мир, 1915. Ч. I. Т. II. С. 122–123.
9. *Вересаев В.В.* Собр. соч.: в 5 т. М.: Правда, 1961. Т. 5: Воспоминания. 536 с.
10. *Вольтинский А.Л.* Русские женщины / предисл., коммент., публ. А.Л. Евстигнеевой // *Минувшее: Исторический альманах*. М.; СПб.: Atheneum, 1994. Вып. 17. С. 209–292.
11. *Гречишкин С.С.* Архив Л.Я. Гуревич // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л.: Наука, 1978. С. 3–29.

12. *Гудзий Н.* Юношеское творчество Брюсова // Литературное наследство. М.: Жургаз, 1937. Т. 27–28. С. 198–238.

13. *Гуревич Л.* Из воспоминаний о Блоке / вступ. статья Е.И. Поляковой // Литературное наследство. М.: Наука, 1982. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. С. 839–849.

14. *Гуревич Л.Я.* История «Северного вестника» // Русская литература XX века. М.: Мир, 1914. Т. I. С. 235–264.

15. Дафнис и Хлоя. Итальянские новеллы. Шарль Бодлер. Избранные стихотворения. Переводы Дмитрия Мережковского / сост. и подгот. текста Г.Н. Мартынова. М.: Ломоносовъ, 2010. 448 с.

16. *Иванова Е.В.* «Северный вестник» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX–XX века. 1890–1904. М.: Наука, 1982. С. 91–128.

17. Искусство как язык — языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов: в 2 т. / под ред. Н.С. Плотникова и Н.П. Подземской при участии Ю.Н. Якименко. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

18. К истории русского символизма: С.Н. Дурылин о Ш. Бодлере / публ. и примеч. Г.В. Нефедьева // Книгоиздательство «Мусaget»: История. Мифы. Результаты: Материалы и исследования. М.: РГГУ, 2014. С. 253–327.

19. *Котельников В.А.* Афон и Габима. (Религиозный путь Акима Волянского) // Христианство и русская литература. СПб.: Наука, 2006. Сб. 5. С. 296–322.

20. *Котельников В.А.* Творческая личность Леонардо в трактовке Акима Волянского // Образы Италии в России — Петербурге — Пушкинском Доме. СПб.: Изд. Пушкинского Дома, 2014. С. 121–132. («Россия — Запад — Восток»: Литературные связи; вып. 2).

21. *Куприяновский П.В.* «Оглядываясь на прошлое...» Журнал «Северный вестник» 1890-х годов и его литературная позиция. Воронеж: Изд. фирма «Воронеж», 2009. 200 с.

22. Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников: в 2 т. / сост. П.М. Фортунатов. М.: Худож. лит., 1978. Т. 2. 671 с.

23. Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Т. 106: Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус / сост. Н.А. Богомолов и М.М. Павлова. Кн. 1. 890 с.

24. *Максимов Д.Е.* «Северный вестник» и символисты // Евгеньев-Максимов В., Максимов Д. Из прошлого русской журналистики. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. С. 85–128.

25. *Межуев Б.В.* Аким Волянский и Вл. Соловьев // Соловьевские исследования. 2007. Вып. 14. С. 194–212.

26. *Мережковский Д.С.* Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы / изд. подготовила Е.А. Андрущенко. СПб.: Наука, 2007. 904 с. (Литературные памятники).

27. *Миц З.Г.* Блок и русский символизм: Избранные труды: в 3 кн. СПб.: Искусство–СПб., 2004. Кн. 3: Поэтика русского символизма. 478 с.

28. *Молоствов Н.Г.* Борец за идеализм (А.Л. Волянский) / 2-е изд. СПб.: Тип. П. Сойкина, 1903. 396 с.

29. Н.С. Лесков: Классик в неклассическом освещении / отв. ред. О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2011. 590 с.

30. Неизданный Федор Сологуб: Стихи. Документы. Мемуары / под ред. М.М. Павловой и А.В. Лаврова. М.: Новое литературное обозрение, 1997. 575 с.

31. *Павлова М.* Писатель-Инспектор: Федор Сологуб и Ф.К. Тетерников. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 512 с.

32. *Павлова М.* «Этот пресловутый плевок в лицо...»: Из истории журнала Северный вестник // New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J.

Rabinowitz / ed. by Catherine Ciepela and Lazar Fleishman. Stanford, 2014. P. 117–137. (Stanford Slavic Studies. Vol. 45).

33. Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1980. Л.: Наука, 1981. 564 с.
34. Письма З.Н. Гиппиус к А.Л. Волынскому / публ. А.Л. Евстигнеевой и Н.К. Пушкиревой // *Минувшее: Исторический альманах*. М.; СПб.: Atheneum, 1993. Вып. 12. С. 274–341.
35. Русская литература XX века. 1890–1910 / под ред. проф. С.А. Венгерова. М.: Мир, 1915. Ч. 1. 367 с.
36. Русская литература XX в., 1890–1910 / под ред. С.А. Венгерова; послесл., подгот. текста А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2004. 543 с.
37. Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. Т. 5. 800 с.
38. Русские Modernen — Зинаида Гиппиус и Николай Минский (Из писем Любови Гуревич к Эдгару Мешингу) / вступит. ст. и коммент. М.М. Павловой и С. Рабиновича; подгот. текста М.М. Павловой и К.В. Яковлевой // *Русская литература*. 2010. № 2. С. 100–125.
39. *Сапожков С.В.* Поэзия и судьба Николая Минского // *Ранние символисты*. Николай Минский. Александр Добролюбов. СПб.: Академический проект, 2005. С. 7–95. (Новая Библиотека поэта).
40. *Толстая Е.Д.* Бедный рыцарь: Интеллектуальное странствие Акима Волынского. М.: Мосты культуры, 2013. 632 с.
41. *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: ГИХЛ, 1954. Т. 70: Письма 1897 г. 240 с.
42. Ф. Сологуб. Письма к Л.Я. Гуревич и А.А. Волынскому / публ. И.Г. Ямпольского // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 год*. Л.: Наука, 1974. С. 112–130.
43. Цензоры Российской империи. Конец XVIII — начало XIX века: Библиографический справочник. СПб.: РНБ, 2013. 480 с.
44. *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. М.: Наука, 1974–1983.
45. *Cieslik K.* «Siewiernyj wiadnik»: Zarys monograficzny. Szczecin: Wyd. nauk. wyższej szkoły ped., 1977. 160 S.

Research Article and Publication of Archival Documents

From Lyubov Gurevich's memoirs about the journal “SEVERNY VESTNIK” Part One

© 2020. Margarita M. Pavlova, Nikolai A. Bogomolov

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russia

Abstract: The journal “Serny Vestnik” (1891–1898), around which relatively young Petersburg writers — A. Volynsky, N. Minsky, D. Merezhkovsky and Z. Gippius, F. Sologub — were grouped in the last years of the 19th century, was of exceptional importance for the early stage of Russian Symbolism. The publication presents new archival materials on the history of the journal: an article “Symbolism of the 1890s and the journal ‘Serny Vestnik’” by L.Ya. Gurevich, prepared for an unpublished

collection of articles “Russian Symbolism” edited by N.K. Gudzii and read in the form of a report at a meeting of the Literary Subsection of the State Academy of Arts, as well as the minutes of the meeting dated May 14, 1926 with the discussion of this report. An addition to L. Gurevich’s article is her notes (1897–1898), which record the real and biographical context of the publication of “Severnoy Vestnik” from the moment the journal passed into her hands until it was closed, as well as her plan for reorganizing the journal. These materials will be presented in the second part of the publication. Documents introduced into scientific circulation allow expanding the range of sources for studying the history of “Severnoy Vestnik” and early Russian Symbolism.

Keywords: “Severnoy Vestnik”; Lyubov Gurevich; early Russian Symbolism; GAKhN; archival materials.

Information about the authors: Margarita M. Pavlova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0500-6113>. E-mail: mmpavlova@gmail.com.

Nikolai A. Bogomolov (1950–2020), DSc in Philology, Professor, M.V. Lomonosov Moscow State University.

For citation: Pavlova, M.M., Bogomolov, N.A. “From Lyubov Gurevich’s Memoirs About the Journal ‘Severnoy Vestnik’. Part One.” *Literaturnyi fakt*, 2021, no. 1 (19), pp. 8–60. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-8-60>

References

1. Azadovskii, K.M. “Venskii aktsent: Fedor Sologub i ego perevodchik” [“Vienna accent: Fedor Sologub and His Translator”]. Appendix: Aleksandr Brauner. Pis'ma Fedoru Sologubu 1897–1912 godov” [“Alexander Brauner. Letters to Fedor Sologub, 1897–1912”], text prep. and comm. by M.M. Pavlova. *Russkaia literatura*, no. 1, 2020, pp. 122–161. (In Russ.)
2. Azadovskii, K. *Ril'ke i Rossiia. Stat'i i publikatsii* [Rilke and Russia. Essays and Publications]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. 432 p. (In Russ.)
3. Bogomolov, N.A. “V Iasnnoi Poliane 125 let tomu nazad” [“In Yasnaya Polyana 125 Years Ago”]. *Russkaia literatura*, no. 3, 2018, pp. 170–180. (In Russ.)
4. Bogomolov, N.A. “Drugoe literaturovedenie: zaniatiia podseksii istorii russkoi literatury GAKhN 1925–1929” [“Alternate Literary Criticism: Studies of the Subsection for the History of Russian Literature of the GAKhN in 1925–1929”]. *Russkaia literatura i filosofia: puti vzaimodeistviia* [Russian Literature and Philosophy: Ways of Interaction]. Moscow, Vodolei Publ., 2018, pp. 461–474. (In Russ.)
5. Bogomolov, N.A. “Iz kommentatorskikh zametok. 4. K publikatsiiam statei S.N. Durylina o simvolizme” [“From the Notes of a Commentator 4. About S.N. Durylin’s Works on Symbolism”]. *Literaturnyi fakt*, no. 4, 2017, pp. 284–289. (In Russ.)
6. Bogomolov, N.A. *Pechat' russkogo simvolizma: Uchebnoe posobie* [Printing of Russian Symbolism: Textbook]. Moscow, MGU Publ., 2020. 120 p. (In Russ.)

7. Vekker, B. "Bibliografiia trudov A.L. Volynskogo" ["Bibliography of A.L. Volynsky's Works"]. *Pamiati Akima L'vovicha Volynskogo: Sbornik [In Memory of Akim Lvovich Volynsky: Collection]*, ed. by P.N. Medvedev. Leningrad, Vserossiiskii soiuz pisatelei Publ., 1928, pp. 83–93. (In Russ.)
8. Vengerov, S.A. "A. Volynskii" ["A. Volynsky"]. *Russkaia literatura XX veka: 1890—1910 [Russian Literature of the 20th Century: 1890–1910]*, vol. II, part I, ed. by S.A. Vengerov. Moscow, Mir Publ., 1915, pp. 122–123. (In Russ.)
9. Veresaev, V.V. *Sobranie sochinenii: v 5 t. [Collected Works: in 5 vols.]*, vol. 5: Vospominaniia [Memoirs]. Moscow, Pravda Publ., 1961. 536 p. (In Russ.)
10. Volynskii, A.L. "Russkie zhenshchiny" ["Russian Women"], introd., comm., publ. by A.L. Evstigneeva *Minushee: Istorich. al'manakh [The Past: Historical Almanac]*, issue 17. Moscow, St. Petersburg, Atheneum Publ., 1994, pp. 209–292. (In Russ.)
11. Grechishkin, S.S. "Arkhiv L.Ia. Gurevich" ["L. Ya. Gurevich Papers"]. *Ezhгодnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1976 god [Pushkin House Manuscript Department Annual for 1976]*. Leningrad, Nauka Publ., 1978, pp. 3–29. (In Russ.)
12. Gudzii, N. "Iunosheskoe tvorchestvo Briusova" ["Bryusov's Youth Works"]. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 27–28. Moscow, Zhurgaz Publ., 1937, pp. 198–238. (In Russ.)
13. Gurevich, L. "Iz vospominanii o Bloke" ["From Memoirs About Blok"], introd. by E.I. Poliakova. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 92: Aleksandr Blok. *Novye materialy i issledovaniia [Alexander Blok: New Materials and Studies]*, book 3. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 839–849. (In Russ.)
14. Gurevich, L.Ia. "Istoriiia 'Severnogo vestnika'." ["History of 'Severny Vestnik'."]. *Russkaia literatura XX veka [Russian Literature of the 20th Century]*, vol. 1. Moscow, Mir Publ., 1914, pp. 235–264. (In Russ.)
15. *Dafnis i Khloia. Ital'ianskie novelly. Sharl' Bodler. Izbrannye stikhotvoreniia. Perevody Dmitriia Merezhkovskogo [Daphnis and Chloe. Italian Short Stories. Charles Baudelaire. Selected Poems. Translations by Dmitry Merezhkovsky]*, comp. and text prep. by G.N. Martynov. Moscow, Lomonosov" Publ., 2010. 448 p. (In Russ.)
16. Ivanova, E.V. "'Severnii vestnik.'" ["'Severny Vestnik'."]. *Literaturnyi protsess i russkaia zhurnalistika kontsa XIX–XX veka. 1890–1904 [Literary Process and Russian Journalism of the Late 19th — 20th Centuries. 1890–1904]*. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 91–128. (In Russ.)
17. *Iskusstvo kak iazyk — iazyki iskusstva. Gosudarstvennaia akademiia khudozhestvennykh nauk i esteticheskaia teoriia 1920-kh godov: v 2 t. [Art as a Language — Languages of Art. State Academy of Arts and Aesthetic Theory of the 1920s. In 2 vols.]*, ed. by N.S. Plotnikov and N.P. Podzemskaya with the participation of Yu.N. Yakimenko. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. (In Russ.)
18. "K istorii russkogo simvolizma: S.N. Durylin o Sh. Bodelere" ["On the History of Russian Symbolism: S.N. Durylin on Ch. Baudelaire"], publ. and comm. by G.V. Nefedyev. *Knigoizdatel'stvo "Musaget": Istoriiia. Mify. Rezul'taty: Materialy i issledovaniia [Musaget Publishing House: History. Myths. Results: Materials and Studies]*. Moscow, RGGU Publ., 2014, pp. 253–327. (In Russ.)
19. Kotel'nikov, V.A. "Afon i Gabima. (Religiozni put' Akima Volynskogo)" ["Athos and Habima. (The Religious Path of Akim Volynsky)"]. *Khristianstvo i russkaia literatura [Christianity and Russian Literature]*, issue 5. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006, pp. 296–322. (In Russ.)
20. Kotel'nikov, V.A. "Tvorcheskaiia lichnost' Leonardo v traktovke Akima Volynskogo" ["The Creative Personality of Leonardo as Interpreted by Akim Volynsky"]. *Obrazy Italii v Rossii — Peterburge — Pushkinskom Dome [Images of Italy in Russia —*

Petersburg — Pushkin House]. St. Petersburg, Izd. Pushkinskogo Doma Publ., 2014, pp. 121–132. (In Russ.)

21. Kupriianovskii, P.V. “*Ogliadyvaias' na proshloe...*” *Zhurnal “Severnii vestnik” 1890-kh godov i ego literaturnaia pozitsiia* [“*Looking Back at the Past...*” *The journal “Severnii Vestnik” of the 1890s and Its Literary Position*]. Voronezh, Izd. firma “Voronezh” Publ., 2009. 200 p. (In Russ.)

22. *L.N. Tolstoi v vospominaniakh sovremennikov: v 2 t.* [L.N. Tolstoy in the *Memoirs of Contemporaries: in 2 vols.*], vol. 2, comp. by P.M. Fortunatov. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1978. 671 p. (In Russ.)

23. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 106: *Epistoliarное nasledie Z.N. Gippius [Epistolary Heritage of Z.N. Gippius]*, book 1, comp. by N.A. Bogomolov and M.M. Pavlova. Moscow, IWL RAS Publ., 2018. 890 p. (In Russ.)

24. Maksimov, D.E. “Severnii vestnik’ i simvolisty” [“Severnii Vestnik’ and Symbolists”]. Evgen’ev-Maksimov, V., Maksimov, D. *Iz proshlogo russkoi zhurnalistiki [From the Past of Russian Journalism]*. Leningrad, Izd-vo pisatelei v Leningrade Publ., 1930, pp. 85–128. (In Russ.)

25. Mezhuiev, B.V. “Akim Volynskii i Vl. Solov’ev” [“Akim Volynsky and Vl. Solovyov”]. *Solov’evskie issledovaniia [Solovyov Studies]*, issue 14. Ivanovo, 2007, pp. 194–212. (In Russ.)

26. Merezhkovskii, D.S. *Vechnye sputniki. Portrety iz vseмирnoі literatury [Eternal Companions. Portraits from World Literature]*, prep. by E.A. Andrushchenko. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 904 p. (In Russ.)

27. Mints, Z.G. *Blok i russkii simvolizm. Izbrannye trudy: v 3 kn. [Blok and Russian Symbolism: Selected Works: in 3 books]*, book 3: *Poetika russkogo simvolizma [Poetics of Russian Symbolism]*. St. Petersburg, Iskusstvo–SPb. Publ., 2004. 478 p. (In Russ.)

28. Molostov, N.G. *Borets za idealizm (A.L. Volynskii) [Fighter for Idealism (A.L. Volynsky)]*, 2nd ed. St. Petersburg, Tip. P. Soikina Publ., 1903. 396 p. (In Russ.)

29. *N.S. Leskov: Klassik v neklassicheskom osveshchenii [N.S. Leskov: A Classic in Non-Classical Lighting]*, ex. ed. O.L. Fetisenko. St. Petersburg, Vladimir Dal’ Publ., 2011. 590 p. (In Russ.)

30. *Neizdannii Fedor Sologub: Stikhi. Dokumenty. Memuary [Unpublished Fedor Sologub: Poems. Documents. Memoirs]*, ed. by M.M. Pavlova and A.V. Lavrov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1997. 575 p. (In Russ.)

31. Pavlova, M. *Pisatel’-Inspektor: Fedor Sologub i F.K. Teternikov [The Writer-Inspector: Fedor Sologub and F.K. Teternikov]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007. 512 p. (In Russ.)

32. Pavlova, M. “Etot preslovutyi plevok v litso...”: Iz istorii zhurnala ‘Severnii vestnik’.” [“This Notorious Spit in the Face...”: From the History of the Journal ‘Severnii Vestnik’.”] *New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz*, ed. by Catherine Ciepela and Lazar Fleishman. Stanford, 2014, pp. 117–137. (In Russ.)

33. *Pamiatniki kul’tury. Novee otkrytiia. Ezhegodnik 1980 [Monuments of Culture. New Discoveries. Annual 1980]*. Leningrad, Nauka Publ., 1981. 564 p. (In Russ.)

34. “Pis’mo Z.N. Gippius k A.L. Volynskomu” [“Z.N. Gippius’ Letters to A.L. Volynsky”], publ. by A.L. Evstigneeva and N.K. Pushkareva. *Minuvshee: Istorich. al’manakh [The Past. Historical Almanac]*, issue 12. Moscow, St. Petersburg, Atheneum Publ., 1993, pp. 274–341. (In Russ.)

35. *Russkaia literatura XX veka. 1890–1910* [*Russian Literature of the 20th Century. 1890–1910*], part 1, ed. by prof. S.A. Vengerov. Moscow, Mir Publ., 1915. 367 p. (In Russ.)
36. *Russkaia literatura XX v., 1890–1910* [*Russian Literature of the 20th Century, 1890–1910*], ed. by S.A. Vengerov, afterword, text prep. by A.N. Nikoliukin. Moscow, Respublika Publ., 2004. 543 p. (In Russ.)
37. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'* [*Russian Writers. 1800–1917: Biographical Dictionary*], vol. 5. Moscow, Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia Publ., 2007. 800 p. (In Russ.)
38. “Russkie Modernen — Zinaida Gippius i Nikolai Minskii (Iz pisem Liubovi Gurevich k Edgaru Meshingu)” [“Russian Modernen — Zinaida Gippius and Nikolai Minsky (From Lyubov Gurevich's Letters to Edgar Mesching)”, introd. and comm. by M.M. Pavlova and S. Rabinovich, text prep. by M.M. Pavlova and K.V. Yakovleva. *Russkaia literatura*, no. 2, 2010, pp. 100–125. (In Russ.)
39. Sapozhkov, S.V. “Poeziia i sud'ba Nikolaia Minskogo” [“Nikolai Minsky's Poetry and Fate”]. *Rannie simvolisty. Nikolai Minskii. Aleksandr Dobroliubov* [*Early Symbolists. Nikolay Minsky. Alexander Dobrolyubov*]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2005, pp. 7–95. (In Russ.)
40. Tolstaia, E.D. *Bednyi rytsar': Intellektual'noe stranstvie Akima Volynskogo* [*The Poor Knight: The Intellectual Journey of Akim Volynsky*]. Moscow, Mosty kul'tury Publ., 2013. 632 p. (In Russ.)
41. Tolstoi, L.N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t.* [*Complete Works: in 90 vols.*], vol. 70: Pis'ma 1897 g. [Letters. 1897]. Moscow, GIKhL Publ., 1954. 240 p. (In Russ.)
42. “F. Sologub. Pis'ma k L.Ia. Gurevich i A.A. Volynskomu” [“F. Sologub. Letters to L.Ya. Gurevich and A.A. Volynsky”], publ. by I.G. Yampolsky. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1972 god* [*Pushkin House Manuscript Department Annual for 1972*]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, pp. 112–130. (In Russ.)
43. *Tsenzory Rossiiskoi imperii. Konets XVIII — nachalo XIX veka: Bibliograficheskii spravochnik* [*Censors of the Russian Empire. Late 18th — Early 19th Centuries: Bibliographic Reference Book*]. St. Petersburg, RNB Publ., 2013. 480 p. (In Russ.)
44. Chekhov, A.P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 12 t.* [*Complete Works and Letters: in 30 vols. Letters: in 12 vols.*]. Moscow, Nauka Publ., 1974–1983. (In Russ.)
45. Cieslik, K. “Siewiernyj wiestnik”: Zarys monograficzny. Szczecin, Wyd. nauk. wyzszej skoly ped., 1977. 160 S. (In Polish)

Переписка З.Н. Гиппиус с Ф.А. Червинским

© 2021, А.Л. Соболев

Москва, Россия

Аннотация: В публикации представлены 33 письма З.Н. Гиппиус 1890-х гг. к литератору, поэту и драматургу, петербургскому юристу Ф.А. Червинскому. Кратковременный роман Гиппиус с Червинским, как это бывало и в случаях других сердечных увлечений писательницы, спровоцировал ее на интенсивный эпистолярный диалог, избегающий, однако, прямого высказывания и авторефлексии чувств. В письмах Гиппиус доминирует игра и легкое кокетство, полное намеков и провокаций, а сам жизненный роман выстраивается ею как напряженный психологический эксперимент. Их отношения 1892–1893 гг. нашли отражение в художественных произведениях обоих участников: в сказке Гиппиус «Время», в рассказе Червинского «Сильфида», типичных образцах модернистского взаимопреломления литературы и жизни. Одновременно письма интересны общааемыми в них деталями литературных событий, характеристиками целого ряда современных писателей — Н. Минского, Д. Мережковского, А.П. Чехова и других общих знакомых корреспондентов.

Информация об авторе: Александр Львович Соболев, независимый исследователь, Москва, Россия. E-mail: trirodov@gmail.com.

Ключевые слова: биография писателя; литературная жизнь; З. Гиппиус; Д. Мережковский; жизнетворчество модернизма; письма; публикация архивных документов.

Для цитирования: *Соболев А.Л.* Переписка З.Н. Гиппиус с Ф.А. Червинским // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 61–107. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-61-107>

«Очень далеко, на севере, жила принцесса, которую звали Белая Сирень»¹, — так начинается сказка, написанная Гиппиус после болезненного разрыва с писателем Федором Алексеевичем Червинским (1864–1917)². В этом тексте будут зашифрованы (впрочем, достаточ-

¹ [З, т. 1, с. 445]. О связи сказки с пережитой историей Гиппиус писала Червинскому в недатированном письме (№ 30 по нашей нумерации).

² О Червинском см.: [16; 18, с. 997–999].

но прозрачно) обстоятельства их отношений: сама Гиппиус отвела себе роль правительницы сиреневой страны, сделав своего недолгого возлюбленного прототипом сына старого министра по имени Челава. Описан он в сказке не слишком комплиментарно: «Судьба отказала ему в знатном имени, не наделила талантами и даже красотой; но Челава думал, и не ошибался, что и при его доле талантов и красоты можно недурно устроиться» [3, т. 1, с. 458]. И далее: «Челава, несмотря на свой нежный возраст, был уже толст, широколиц, но при этом бледен чрезвычайно и с нездоровой кровью» [3, т. 1, с. 458–459]. Заканчивается их роман с отъездом Челава в морское путешествие, несмотря на уговоры принцессы, которая, заболев, умирает.

Не менее узнаваемым вышел и ответный образ: в рассказе Червинского «Сильфида» главная героиня, петербургская художница Валентина Ниловна Чибисова, несет черты явного портретного сходства с Гиппиус: «худощавая блондинка с длинною пепельною косою, зеленоватыми глазами и тонкими бледными губами»³. Еще больше подобия с прототипом в ее речах и поведении, хотя и изображенных несколько карикатурно: на протяжении рассказа она будет стараться увлечь всех попадающихся лиц мужского пола, очаровывая их и ошеломляя своей загадочностью (персонаж-свидетель утверждал, что «на нее кто ни взглянет, тот и зачахнет от любви»⁴). В одном из монологов она сообщает своей очередной жертве: «А впрочем, я замуж не собираюсь. Это так банально — любовь, замужество... и даже измена. Я хочу чего-то иного, — того, что лучше и чище... хочу необычного. Но, да вы не поймете меня — все равно»⁵. Это почти дословная цитата из интимного дневника Гиппиус, с которым Червинский был знаком⁶: на излете их романа, весной 1893 г., она записывала: «Да, верю в любовь, как в силу великую, как в чудо зем-

³ Живописное обозрение. 1899. № 42. С. 331.

⁴ Там же.

⁵ Живописное обозрение. 1899. № 42. С. 355. По этой реплике прототип был отгадан каким-то пронизательным современником или потомком: в экземпляре РГБ пассаж отчеркнут карандашом и на полях написано: «Гиппиус» (впрочем, по новой орфографии). Черты Гиппиус явно отразились и в образе Нины Александровны Басмановой, героини романа Червинского «Пустоцвет» (см. примеч. 1 к п. 18).

⁶ В дневниковой записи от 22 сентября 1893 г. Гиппиус упоминает, что обещала вернуть Червинскому все его письма [3, т. 8, с. 38]. В действительности у нее в бумагах осталось два письма (возможно, их фрагменты, поскольку оба — без дат и обращения). Одно из них как раз содержит впечатление от прочитанных «Contes d'amour» (или его не дошедшего до наших дней предшественника): «Если вы захотите погубить какое-нибудь создание Божье (менее дикое и живучее, чем я), дайте, дайте ему свой дневник, это будет дьявольски-верный расчет.

Скорее берите их наконец, Ваши афоризмы, ваши скорби, и жажды, и ныряния в души — свою и чужие — берите эти пестрые страницы с их правдой, поэзией и ложью. А то я надолго останусь в тумане, в каковом пребываю с танцев <?>».

ли. Верю, но знаю, что чуда нет и не будет. <...> Хочу того, чего не бывает. Хочу освобождения...» [3, т. 8, с. 32]. Позже рассказ «Сильфида» был переделан в пьесу (оставшуюся неопубликованной), где биографические акценты расставлены еще ярче: художник, бывший в рассказе проходным персонажем, здесь приобретает функции резонера и упрекает героиню: «Вы очень любите себя, немножко — искусство. Всегда вы на себя смотрите со стороны, даже в горькие минуты. Вы можете почувствовать мгновенную нежность к человеку, полюбившему вас, за то, что он вас оценил. Но не большую нежность — и ненадолго — потому что всегда вам будет казаться, что он недостаточно оценил вас. А любить... так — простою и глубокою любовью, как все простые смертные... Это вы не можете»⁷. Вскоре после этой встречи художник, провожаемый завистливыми взглядами Валентины Ниловны, убывает в Рим, а сама сильфида выходит замуж за купца, взяв с него клятвенное обещание после свадьбы не скупиться.

В посюстороннем мире канва их отношений выглядит немногим сложнее. Хотя Червинский был знаком с Мережковским еще с первой половины 1880-х годов⁸, с Гиппиус они впервые увиделись несколько лет спустя, в 1891-м [16, с. 614]. Впечатление, произведенное ею на нового знакомого, было настолько велико, что тот попросил разъяснений у своего товарища и кумира, А.П. Чехова: «Еще одна просьба — очень большая: Вы бывали у Мережковских; будьте добры скажите мне под величайшим секретом, что Вы думаете о Мме Мережковской. Охарактеризуйте ее так, как Вы характеризуете иногда действ<ующих> лиц Ваших рассказов — сжато, ярко и с полнейшей откровенностью. Только не отговаривайтесь, что совсем ее не знаете

Кстати — касается Вы прошлого, будущего, настоящего — всюду и везде замыкаетесь на Минском. Многие упорхнули или упорхнут еще из Вашего нарочито настроенного воображения, а он, М., как ни дуйте, не шелохнется, ибо тяжел как дядя Пуз. Именно в силу этого Вы вечно будете спотыкаться на него. И я все-таки понимаю и торжествую, что Минск., Ч. и пр. — одна сотая вас, но не думайте, что я не угадывал этого раньше. Я жалею теперь, что зачеркивал кое-что в последних письмах и не послал длиннейшего — не потому что “обнимал новый угол” своей души и говорил неожиданным для Вас языком (о, не думайте, что романтическим, не то), а потому что до дневника угадал многое. А теперь Вы не поверите» (РГАЛИ. Ф. 154. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 4–4 об.). Упомянутые здесь лица и положения комментируются далее. Под литерой «Ч.» Червинский мог подразумевать и себя самого, и А.П. Чехова. О влюбленности Гиппиус в последнего он рассуждал во втором из сохранившихся писем (Там же. Л. 1).

⁷ РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 41.

⁸ Ср. в его письме к С.Я. Надсону от 21 января (?) 1884 г.: «Червинского также что-то не видно» [8, с. 189]. Они могли познакомиться в университете (Червинский окончил юридический факультет в 1889, Мережковский — историко-филологический в 1888-м).

и пр.: не поверю. Не думайте, что я подвох устраиваю — я ей богу порядочный человек»⁹.

Первые письма Гиппиус к Червинскому (ответные практически не сохранились) написаны в типичной и узнаваемой манере полужутливого полукокетства: такова большая часть ее эпистолярных диалогов 1890-х, а отчасти и более поздних годов. Главное исключение — ее письма к Н.М. Минскому¹⁰, в которых с самого начала (по крайней мере — в сохранившейся и известной нам части) был взят глубоко интимный тон. Многолетний их с Минским роман (насколько это несвежее слово применимо по отношению к любовным практикам Гиппиус) станет фоном для короткой вспышки чувств Гиппиус и Червинского. Для того чтобы разобраться в происходящем, ей понадобилось сделать несколько хроникальных записей в дневнике «Contes d'amour», который, собственно, и был начат в связи с образовавшейся коллизией «треугольника». Согласно этим записям, отсчет новому этапу диалога с Червинским начался осенью 1892 г.:

«Этой зимой, 17 ноября, мы долго рассуждали о любви. Я думала: “Нет, я не во всякого могу влюбиться. До чего с этим безнадежно”.

“Я мог бы полюбить вас только, если бы отнеслись ко мне... Но я вас боюсь”. Я смеялась.

— Да я уж влюблена в вас!

Он поцеловал кончик моих волос, увлечен не был, но я почувствовала, что *могу*...

Письма, неуверенность, неопределенность, моя полуправда, игра... Два месяца. В жестах неоскорбительный, допоцелуйный прогресс. Это ничего» [3, т. 8, с. 31].

Эта любовная история закончилась ровно четыре месяца спустя, вечером 17-го марта, когда Гиппиус вызвала Червинского для решительного объяснения — и на волне эмоций после случившегося разрыва через два дня написала знаменитую впоследствии «Песню» («Окошко мое высоко над землею...»). Формальные их отношения продолжались и далее, хотя, кажется, Червинский был опален месяцами их накала значительно сильнее, чем Гиппиус: впрочем, в беседах с третьими лицами он старался держаться при упоминаниях о ней на смешливого тона: «М-ме Мережковскую встретил как-то в “Лит. Общ<ест>ве”. Она долго очаровывала меня и обещала посвятить мне свои “Зеркала”, “Златоцветы” и прочие перлы, с которыми я за недо-

⁹ Недатированное письмо // РГБ. Ф. 331. Карт. 62. Ед. хр. 10. Л. 6 об.

¹⁰ Опубликовано: [7, с. 108–397], вступительная статья, примечания С.В. Сапожкова; составление и подготовка текстов А.В. Сысоевой и С.В. Сапожкова.

сугом еще не ознакомился. Муж ее гудит на всех перекрестках, что пишет какую-то трилогию и что это будет очень хорошо»¹¹. Позже он и вовсе отошел от литературы — так, что посылая фельетон старому знакомому в надежде (кажется, неисполнившейся) на публикацию, добавлял: «Стихов пишу мало. “Где уж! Что уж!” как говорит старушка у Островского. Рассказы пишу — впрочем редко»¹².

Три главные любовные истории Гиппиус 1890-х — с Волынским, Минским и обсуждаемая, развивались по очень похожим сценариям: ее фундаментальная литературоцентричность превращала любой роман в эпистолярный и делала главным фактом отношений отправленное или хотя бы написанное письмо. Эта манера сохранилась у нее и в дальнейшем: например, в диалоге с Д.В. Философовым у Гиппиус были письма в продолжение разговора, письма взамен разговора, письма, подsunутые под дверь соседней комнаты и отправленные из одного гостиничного номера в другой. Но само это отношение к письму как к субституту любовной встречи зарождалось еще в 1890-е, причем, вероятно, прежде всего в отношениях с Червинским. Именно по его поводу она записывает в дневнике свидетельство на этот счет: «О, эти мои письма! О, как они меня жгут, каждое, даже невинное, не содержанием, а самим фактом! <...> Люблю свои письма, ценю их и отсылаю, точно маленьких, беспомощных детей под холодные, непонимающие взоры. Я никогда не лгу в письмах. Никто не знает, какой кусок мяса — мои письма! Какой редкий дар» [3, т. 8, с. 37]. Благодаря сочетанию счастливых обстоятельств этот дар можно оценить: письма Гиппиус к Червинскому, хотя и рассеяны между несколькими архивными фондами, сохранились если и не целиком, то, как минимум, в составе, близком к исходному.

Письма приводятся полностью, без изъятий, по современной орфографии. Мы соблюдаем важное для Гиппиус различие «Вы» и «вы» в обращении к собеседнику в зависимости от степени приязни к нему. Обоснования датировки (которой большая часть корпуса изначально лишена) излагаются в комментариях. Пользуемся случаем принести глубокую благодарность М.М. Павловой, Л.И. Соболеву и Н.Н. Соболевой за помощь.

¹¹ Недатированное письмо Червинского к А.П. Чехову // РГБ. Ф. 331. Карт. 62. Ед. хр. 10. Л. 14 об. «Зеркала» — рассказ Гиппиус (впервые: Северный вестник. 1896. № 11. С. 1–47). «Златоцвет» — роман (впервые: Северный вестник. 1896. № 3–4). Первый роман исторической трилогии Мережковского начал публиковаться в 1895 г.

¹² Письмо к П.В. Быкову от 3 января 1908 г. // РНБ. Ф. 118. Ед. хр. 909. Л. 1 об. Цитируется пьеса «Волки и овцы».

1. 17/29 апреля 1891. Неаполь.

Неаполь, 17 апреля (ст. стиль) 91 г.

Пишу Вам, Федор Алексеевич, (воображаю при этом ваше изумление) пишу вам, погруженная в разные горести. Во-первых — с отчизны ни звука; все забыли о моем существовании, не получаю ни от кого ни единой строки. Не удивлюсь, если и вы мне не ответите — только разве скажу с горечью: и ты, Брут! Хотя вы для меня скорее что угодно, чем Брут, но я все-таки скажу это, ибо полна Римом и его воспоминаниями¹. Были вы когда-нибудь там? Если нет — то советую немедля написать семь или восемь комедий, уложить свои чемоданы, отправить рукописи Глинскому² и, получив соответственный гонорар, лететь на Варшавскую дорогу³. Посмотрим, будете ли вы меня упрекать!

Если же Рим уже видел вас в своих стенах — то мой совет бесполезен: вы и без него вернетесь туда сейчас же по написании семи комедий.

Неаполь я еще не видала; мы приехали только вчера — сегодня идет дождь, море серое, как лужа — и у меня лихорадка. Из окна вид довольно банальный, bello Napoli похож на Ялту, но хуже, потому что слишком расплылся. Красота — во всем и везде одна, здесь — как в литературе: нужна гармония, сжатость и, главное, чувство меры (а это не то, что сжатость).

Пока у меня есть только два города: Венеция и Рим, оба разные, но оба прекрасные; хотя Венеция мила, а Рим — велик. Я знаю, вы боитесь громких слов, сейчас же стараетесь улыбнуться насмешливо и перейти к шуткам, но я повторю, что Рим — велик, и нет слов достаточно громких для него, и я им проникнута до последних пределов!

Мне кажется, что здесь даже ваша скептическая льдина (которая у вас вместо сердца) растает: вы поймете и привяжетесь к Риму; даже, может быть, позабыв свой страх и нелюбовь к женскому полу — серьезно влюбитесь в Венеру Медичейскую⁴. Если же вы уже были здесь и остались равнодушны... нет, это невероятно.

Распространяться о Рафаэле и Микель-Анджело было бы глупо, а я делаю достаточно бессознательных глупостей, чтобы прибавлять к ним еще сознательные. Это надо видеть. Никто, даже Гете (помните его «Письма из Италии»?) не смог нам рассказать о прекрасном. Я дала обет молчания.

Поведаю вам лучше наши непрерывные бедствия. Мы наслаждаемся наперекор судьбе, которая нас преследует. Стоит нам предпринять прогулку — начинается проливной дождь; в одном монастыре я безнадежно влюбилась в францисканского монаха; в Ассизи я вывихнула ногу; по дороге в Фолиньо у нас разбился экипаж и околела (?) лошадь; здесь у меня лихорадка и, наконец, в Риме нас... взорвало!! Не совсем нас, а 265 тысяч килограммов пороху, но это все равно. Лопнули все стекла в Риме, у нас закачало потолок, упало зеркало и развалился камин. Все выбежали полураздетые, думая что это землетрясение и ожидая второго удара⁵. Нету места, а второго листа мне жаль, ибо я не уверена, ответите ли вы. На всякий случай — адрес мой — Сорренто, *poste restante*, Merezjkowsky. Когда увидите Варвару Леонидовну, Варвару Андреевну и Тихона Ивановича⁶ — не будьте ленивы (я вас знаю) и передайте им мой привет. Потрудитесь для меня хоть раз.

Зин. Мережковская.

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 1–2 об.

¹ Письмо написано из крайней южной точки первого итальянского путешествия Гиппиус и Мережковского, предпринятого ими в марте–апреле 1891 г. В мемуарах Гиппиус вспоминала: «Но вот — весной 1891 г. — наша первая поездка за границу, — в Италию, конечно. Смешно сказать, с какими капиталами мы пустились в путь! Мне самой не верится! У нас было скоплено на это — 400 рублей. По тогдашнему курсу — около 1200 франков. Но это нас не смутило, все ведь так дешево. Через Варшаву (где у меня сделалась ангина, но и на это мы не обратили вниманья) мы — в Вене, а через несколько дней — в Венеции» [3, т. 16, с. 71]. Из Венеции они отправились в Болонью, оттуда во Флоренцию, Ассизи, далее в Рим, откуда Гиппиус писала Л.Я. Гуревич: «Не стану описывать Италии, — это было бы глупо — ее нужно видеть. Венеция — мила, дивны произведения искусства во Флоренции, но что такое Рим — этого я вам не скажу. Какое счастье видеть этот истинно великий город. Воспоминания всегда прекрасны, а здесь такие воспоминания, такое прошлое — какого нет больше нигде» [4, с. 126]. О прочих подробностях этой поездки см.: [17, с. 798–801].

² Борис Борисович Глинский (1860–1917) — писатель и журналист. Гиппиус здесь подразумевает временно возглавлявшийся им журнал «Северный вестник» и иронизирует по поводу принятой туда стихотворной комедии Червинского «В глуши» (1891. № 5. С. 1–54).

³ Обычный путь путешествующих из России в Италию в это время пролегал через Варшаву и Вену.

⁴ Почему Гиппиус, говоря о Риме, упоминает статую, с XVII века хранящуюся во Флоренции, объяснить мы не можем: впрочем, этот скульптурный тип Венеры очень распространен и в Риме хранятся его близкие подобию.

⁵ 15 апреля 1891 г. Гиппиус писала Л.Я. Гуревич: «Все выбежали на улицу полуодетые, думая, что это землетрясение. Удар был поразителен. Медные двери Петра сорвались с петель. Лопнули все окна» [4, с. 126]. Взрыв порохового склада под Римом произошел утром 11 апреля. Обстоятельства произошедшего появились и в русских газетах: «Римские газеты наполнены подробностями

об ужасной катастрофе 11-го (23-го) апреля. Катастрофа могла бы принять еще большие размеры и стоить еще больших жертв, если б не хладнокровие инженер-капитана Спаккамела. В 7 час. утра капитан производил привычный обход форта Браветта. При приближении к пороховому складу ему послышался странный треск, напоминающий звуки отдаленной ружейной стрельбы. Чужа опасность, капитан приказал бить тревогу, собрал гарнизон форта, вывел его в поле и послал сказать работавшим на поле крестьянам прекратить работы и бежать. <...> Взрыв был слышен на значительном расстоянии, давление воздуха ощущено было до Фраскати, в 20 километрах от места катастрофы; в Риме господствовало страшное смятение, граничащее с паникою. Во многих палатках и домах были выбиты окна, отчасти треснули стены, как будто было землетрясение» (Новое время. 1891. 15 апреля. № 5434. С. 2).

⁶ Варвара Леонидовна Оппель (урожд. Михайловская-Данилевская; 1851–1912). Гиппиус вспоминает о ее салоне как раз в связи с Червинским: «Где-то на Моховой или Пантелеймонской был тогда очень гостеприимный дом г-жи Оппель. Молодой поэт Червинский (рано умерший) говорил, что стоит кому-нибудь прийти и сказать: “Меня душит реакция”, чтобы быть принятым с распростертыми объятиями» ([3, т. 13, с. 408–409]; действительный адрес Оппель был: Моховая, 11). Краткую характеристику собраний в доме ее и ее мужа («воскресенья Оппелей») см.: [20, с. 165]. Варвара Андреевна Оппель (1870–1928), дочь предыдущей. Состояла в переписке с В. Г. Короленко [21, с. 91]; после 1917 г. вынужденно сделалась теоретиком и практиком прогрессивного животноводства, см.: [18, с. 625–626]. Тихон Иванович Полнер (1864–1935) — на тот момент студент юридического факультета, приятель репетитора, обучавшего сына Варвары Леонидовны, Владимира Андреевича Оппеля, впоследствии выдающегося хирурга. См. в его воспоминаниях: [12, с. 101–102]. Сам Полнер сделался позже журналистом и издателем.

2. 18 августа 1891. Глубокое.

Глубокое, им. Шашиных¹.
18 августа.

Плачу́ вам черной неблагодарностью, Федор Алексеевич, и в ответ на ваше письмо, которое больше похоже на простыню, чем на благовоспитанное письмо — пишу всего несколько строк. Крайне тронута, крайне обласкана, крайне сочувствую вам — но все это лишь до известной степени. Я нахожу, что вы удивительно умеете изливать свою душу, но... я уже сказала, что сочувствую вам не вполне. Во-первых — к чему вам знать по-шведски? И вообще к чему вам разговаривать с вашей богиней? Излишне². Поверьте моей опытности, если человек влюблен, то он умнее всего, когда молчит. Уж это верно. Затем — что у вас за предрассудки? «Она чиста и недоступна...» Если даже она чиста и недоступна как вершина... не Эльбруса, а Риги-Кульм³ (а это более вероятно), то что из этого? Право не понимаю вас с вашими устарелыми понятиями.

Вижу одно: вы все-таки на краю гибели. Вам необходимо провернуть себя, свою думу, уединиться в тихих полях, обдумать и взвесить все обстоятельства... А для этого вам было бы всего лучше

приехать к нам. (Я и Д.С. вероятно останемся здесь за 1-е сентября — до 15 включительно) Известно, впрочем, что вы не слушаете добрых советов и никогда не исполняете обещаний — особенно ежели вы люблены.

Мои сестры — норвежки⁴ и могли бы вам напомнить вашу Гельгу. Ведь это близко. (По-моему — скверное имя, некрасивое). И если вы уж непременно хотите — могли бы привезти с собой учебник шведского языка и подучиться на свободе.

Вот мое мнение и мой совет. Поступайте, как подскажет вам голос разума. А засим до свиданья, ибо окказия <так> уезжает. В сущности — я очень люблю такие длинные письма, как ваше последнее. Это такое утешение в деревенской глуши... Что говорят о последней новости — Буренин обругал Суворина? Читал ли это Суворин?⁵ А что ваши комедии?⁶ Мои повести процветают. Хотя вы и не поклонник моего таланта, но это ничуть не мешает мне быть гениальной. Спросите Минского, Флексера, Суворина, Льдова, Биби⁷, — всех, кому когда-либо делала глазки... И будь у меня оспа, право они нашли бы меня вдвое талантливее... Если бы теперь сделалась оспа, конечно...

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 6–7 об.

Год опознается благодаря обратному адресу. В сельце Глубоком недалеко от Вышнего Волочка Мережковские (вместе с семьей Гиппиус) жили летом 1891 г. Поселились они там, вернувшись из европейского путешествия, около 26 июля (см. письмо Гиппиус к А. Волынскому от 27 июля: [3, т. 14, с. 14]) и первоначально собирались прожить до конца августа (20 августа Гиппиус в письме к тому же Волынскому выражала надежду на скорую встречу в Петербурге: [3, т. 14, с. 15]).

¹ Имение «Глубокое» принадлежало сестрам Аделаиде Сергеевне (1817–1904) и Елизавете Сергеевне (1806–1903) Шашиным. Обе они занимались музыкой и в середине XIX века пользовались известностью в Петербурге (см. реестр отзывов по ук.: [9]). О них см. статью Б. Виноградова «Забывтые земляки-музыканты» (Удомельская газета. 2009. № 10. 6 марта. С. 9).

² Эта серия намеков Гиппиус расшифровке не поддается.

³ Невысокая и легкодоступная гора неподалеку от Цюриха с живописным видом.

⁴ О чем идет речь, мы не знаем. Возможно, Гиппиус подразумевает скандинавский тип внешности Т.Н. и Н.Н. Гиппиус. Их род происходил из Германии и никакого явного отношения к Норвегии ни одна из сестер не имела.

⁵ Вероятно, имеется в виду вышедший двумя днями ранее «Журнальный разговор» Виктора Петровича Буренина (1841–1926), где он достаточно мягко, но все же иронически отзывался об Алексее Сергеевиче Суворине (1834–1912), своем работодателе. Говоря о повести Л.И. Веселитской-Микулич (которая не раз появляется в комментируемой переписке, см. примеч. 4 к п. 14) «Мимочка на водах», Буренин пишет:

«— А какое же ваше особое мнение?»

— Да очень простое: рассказ этот по идее — посредственная и банальная вещь, а по исполнению — и того меньше. <...>

— Однако, как же это вы так говорите? Ведь и в “Новом времени” А.С. Суворин рассказ похвалил?

— Так что же? Во-первых, у А.С. Суворина может быть свое мнение, а у меня свое. Во-вторых, А.С. Суворин, надо думать по доброте похвалил, быть может, сознавая, что хвалить-то особенно нечего» (*Буренин В.* Журнальные разговоры. Разговор девятый // Новое время. 1891. № 5554. 16 августа. С. 2).

⁶ Несмотря на регулярные шпильки Гиппиус в адрес творческой плодовитости Червинского, он написал не так уж много комедий: стихотворную «В глуши» (см. примеч. 2 к п. 1), прозаические «Орел» (СПб., 1909), «Завтрак» (Пробуждение. 1910. № 13. С. 443–446; № 17. С. 555–562), «Конец Мочалкина» (СПб., 1912), «Сильфида» (переделана из рассказа, о котором см. вступительную статью; РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 13), «Репетитор» (РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 17) и «Старый друг» (РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 29); вероятно, часть осталась неучтенной.

⁷ Подряд перечислены лица, связанные с Гиппиус отношениями разной степени интенсивности: поэт Николай Максимович Минский (наст. фам. Виленкин; 1855–1937); критик Аким Львович Вольтский (наст. фам. Флексер; 1863–1926); издатель и писатель Алексей Сергеевич Суворин (1834–1912); поэт Константин Льдов (наст. имя Витольд-Константин Николаевич Розенблюм; 1862–1937) и писатель Виктор Иванович Бибиков (1863–1892).

3. 20-е числа февраля 1892. СПб.

Федор Алексеевич!

26 мы уже уедем. Но помешать это ничему не может. Минский сам возьмется отослать деньги Бибикову¹.

Почему это чтение Д. Мережк<овского> назначено днем? Никто не пойдет, гораздо лучше вечером. Нельзя ли это как-нибудь устроить? Я бы хотела продавать билеты. Минский тоже находит, что вечером удобнее. Приходите в среду непременно².

26-го, может быть, и не уедем³. Только это секрет. Для всех — уедем.

З.М.

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 37–38.

Письмо не могло быть написано позже середины марта 1892 г., поскольку упоминаемый в нем В.И. Бибиков скончался от чахотки 15 марта 1892 г. При этом сюжет его связан, по всей вероятности, с идеей литературных вечеров в пользу больного Бибикова, следовательно, оно должно относиться к осени 1891 — весне 1892 года. За это время мы знаем один планировавшийся отъезд Мережковских — в Европу, причем первоначально в качестве даты отъезда называлось именно 26-е: «Еду не в Воскресенье, как Вам писала, а в Четверг, 2 Марта, так как должна кончить еще одну работу до тех пор» (письмо Гиппиус к Минскому от 25 февраля 1892 г.: [7, с. 178]; воскресенье в этом году как раз падало на 26 февраля).

¹ Речь идет о выручке, которая должна была быть получена в результате благотворительного литературного вечера в пользу смертельно больного В.И. Биби-

ва. 25 февраля Гиппиус сообщала Минскому «Вечер Бибикова не состоялся» [7, с. 179]. Ср., впрочем, в подробной биографической справке о нем: «<...> Литературный фонд дал пособие, а члены “Русского Литературного общества”, одним из членов которого состоял Бибиков, собрали между собою для него несколько сот рублей» [2, с. 259]. О подписке в пользу Бибикова сообщал и И.И. Ясинский в его некрологе (Новое время. 1892. № 5765. 17 марта. С. 2–3).

² Вероятно, это — отголоски тех же планов благотворительного вечера. Среда — 22 февраля.

³ 25 февраля Гиппиус сообщала Минскому, что они планируют выехать 2 марта; вероятно, это намерение было исполнено, поскольку 4 марта Мережковские уже были в Варшаве: [7, с. 178].

4. Март 1892. Ницца.

Ницца, ? марта <sic!> 92 г.

Пишу Вам, Федор Алексеевич, в глубоком пессимизме. Выбирала-выбирала день, чтобы не угнетать вас понапрасну — да и потеряла терпение: все равно, буду писать хоть в пессимизме, авось получу ответ, который разгонит мою тоску. Только уж вы пожалуйста мне поскорее ответьте, а не то я уеду — куда — неизвестно, и ваших драгоценных строк не увижу. О моей повести дозволяю вам не писать: я в ней совершенно разочаровалась¹. Вот погодите, напишу другую — хорошую! Главное — не надо унывать. Уныние всему мешает.

Здесь, в Ницце, премерзко. Ни капли зелени, кроме деревянных кактусов и дурацких пальм, которые ужасно похожи на банные веники. Иногда эти же самые пальмы напоминают мне старых дев, так противно они шелестят своими желтыми сухими ветками, точно сплетничают между собою. Кроме пальм — есть променада <sic>, где дамы распускают шлейфы и показывают шляпки. А еще нет ничего. Ни даже Донона² и симпатичных людей. Разве вот Боборыка³? Да уж больно много говорит. Он каждый раз отчасти сводит меня с ума. Вы его знаете?

Скоро, скоро мы возвратимся в любезный город Петербург. И хорошее дело. А как вы поживаете? Выбрали в Обществе Сахарову и Мердер?⁴ Что Оппеля?⁵ Пламя их, я думаю, так и не разгорелось⁵. У меня к вам маленькая просьба. Когда будете у Шеллера, спросите его пожалуйста, в каком номере напечатана моя «Детская повесть» и, если возможно, пришлите мне этот номер⁶. А если вам трудно и не хочется, то, по правде, не надо. Знаю, что вы будете скучать, читая

это письмо, ибо мне грустно — а вам никогда не бывает грустно. Но я надеюсь следующее письмо написать вам не как это, а как все вообще мои письма. Ведь вам они нравились.

Ваша Зина М.

Nice, Hôtel Beau-Rivage, Mme de Merejkovsky.

РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 235. Л. 1–2 об.

Мережковские приехали в Ниццу в начале марта 1892 г. 24 февраля / 7 марта 1892 г. А.Н. Плещеев сообщил П.И. Вейнбергу: «Вчера получил письмо от З.Н. Она с мужем должна быть на днях в Ницце, — и вероятно остановится в одном с нами отеле, только ее ждет здесь маленькое разочарование: она жаждет тепла, а в настоящее время в Ницце стоит ужасный холод, — да и не в одной Ницце, а по всей Ривьере <...>» (ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 75 об.). См. также примеч. 3 к этому письму.

¹ Речь идет об упомянутой далее «Детской повести» Гиппиус (Живописное обозрение. 1892. № 3. С. 43–47).

² Петербургский ресторан (наб. Мойки, 24).

³ Петр Дмитриевич Боборыкин (1836–1921) — плодовитый романист. Когда исполнился месяц его соседства с Мережковскими, живший в том же отеле «Beau-Rivage» (он существует и сейчас) А.Н. Плещеев писал П.И. Вейнбергу: «Вчера у Ковалевского он <Боборыкин> немного пощипал Мережковского, который сначала был им очарован, а теперь уже отзывается о нем значительно менее восторженно. Но Боборыкин, по-моему, совершенно прав, обвиняя его и в эклектизме, и в том, что он и вся его компания — открывают Америку — которая уже давно всем известна; — Мережковский здесь с утра до ночи сидит у себя в комнате за Этикой Спинозы — и ни о чем другом не разговаривает. На свою жену он успел также повлиять и она также вдалась в мистицизм и занята преимущественно вопросом о бессмертии души, хотя у ней молодость и жажда жизни по временам берут верх над мистическим настроением» (письмо от 2/14 апреля 1892 г. // ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 2–2 об.).

⁴ Надежда Ивановна Мердер (1837 или 1839–1906) и Анна Гавриловна Сахарова (1851–1900) — писательницы. Возможно, речь идет об их вступлении в «Общество русских драматических писателей и оперных композиторов» (куда входила первая, см.: Список Действительных Членов Общества Русских Драматических Писателей и Оперных Композиторов, имеющих право голоса в Общем Собрании 1897 года. <М., 1897>. С. 3) или «Русское литературное общество».

⁵ О семействе Опшелей см. примеч. 6 к п. 1. Что подразумевается под разгоранием пламени, мы не знаем.

⁶ См. примеч. 1 к этому же письму. Александр Константинович Шелер (псевд. Михайлов; 1838–1900) — писатель, редактор газеты «Сын Отечества» и журнала «Живописное обозрение».

5. Июнь — начало августа 1892. Ворота.

Ст. Преображенская, Варшавской жел. дороги.
Имение Глинки-Мавриной.
Ворота¹.

Федор Алексеевич,

хочу вам писать — и от вас иметь ответ. Где вы? Есть ли в Петербурге? Наугад пишу, тоскую по вас весьма. Черкните строчку. Да поскорее.

Зин. Мережковская.

Бойтесь холеры?²

РГАЛИ. Ф. 154. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 6.

Датируется по содержанию. Письмо несомненно относится к 1892 г., поскольку Мережковские только тогда жили в Воротах (см. примеч. 1 к этому же письму). Оно не могло быть написано ранее мая (когда они вернулись из Европы) и даже июня, когда новости об эпидемии холеры впервые приобрели угрожающий характер (см. далее). При этом оно предшествует недатированному п. 6 и датированному 7.

¹ Помета «Ворота» помимо писем Гиппиус к Червинскому встречается лишь на нескольких ее письмах к Н.М. Минскому, датированных летом 1892 г., а также в помете Минского на одном из ее писем [7, с. 196]. В литературе принято идентифицировать «Ворота» с дачей «Шевино», где Мережковские жили в 1897 г., но это не так: Гиппиус в письмах из «Ворот» несколько раз упоминает дорогу на пароходе, между тем как Шевино, расположенное недалеко от станции Преображенская Балтийской железной дороги (ныне — г. Толмачево Лужского р-на Ленинградской области) — место вполне сухопутное. При этом ст. Преображенская действительно единожды упоминалась в качестве промежуточной точки путешествия в «Ворота» — в письме Гиппиус к Минскому от 12 июня 1892 г. Известно, что от Преображенской существовало регулярное пароходное сообщение по рекам Луга и Ордеж, см., напр.: «Преображенская (116 в. от Пб.) расположена в довольно живописной местности на берегах р. Луги и Ордежа <sic>, по которым ходит пароход до села Тесова, в соседней Новгородской губ.» (Симанский В.К. Куда ехать на дачу? Петербургские дачные местности в отношении их здравости. Выпуск II. СПб., 1892. С. 92). В действительности речь идет о мызе «Ворота», принадлежавшей в середине XIX века семье Мавриных (Алфавитный список селений, по уездам и станам С.-Петербургской губернии, составленный при Губернском статистическом комитете. СПб., 1856. С. 124). Сама усадьба давно утрачена; место, где она находилось, поглощено поселком Ордеж. См. о ней: [11, с. 311–313]. Дача эта была снята еще из Ниццы: 8/20 апреля 1892 г. Мережковский сообщал П.И. Вейнбергу: «В Петербург мы вернемся в начале мая. В Преображенском мы уже наняли дачу за 185 рублей — 9 комнат, но три часа туда на пароходе от станции, в имении Глинки» (ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 16–16 об.). Последней ее владелицей была Вера Борисовна Глинка-Маврина (1857 – после 1920).

² В 1892 г. в России началась очередная эпидемия холеры. Занесена она была, как и в предыдущие годы, из Персии: первый случай был зафиксирован 12 мая 1892 г. на станции Каакха Закаспийской железной дороги. 6 июня холера проникла в Баку, 18 июня больной был обнаружен в Астрахани, 21 в Царицыне, 22 в Саратове, 23 в Самаре, 25 в Казани. К июлю эпидемия захватила уже большую часть Европейской России, пик ее пришелся на август. В Петербурге эпидемия началась в первых числах августа и две трети всех заболеваний пришлось на тот же август. В борьбе

с холерой привлекались не только штатные врачи, но и в большом количестве спешно нанявшийся медицинский персонал (*Владыкин Б.В.* Материалы к истории холерной эпидемии 1892–95 гг. в пределах Европейской России. СПб., 1899. С. 13–14, 25, 78, 83). Именно к числу добровольцев хотела примкнуть и Гиппиус. План этот, кажется, остался неосуществленным.

6. Июнь — начало августа 1892. Ворота.

Ворота, понедельник.

Из вашего сегодняшнего письма, Федор Алексеевич, я вывела много заключений и некоторые скажу вам. Но прежде, чем начать, спешу оговориться по поводу бумаги: она, правда, пробковая¹, но вашему остроумию да не будет здесь пищи: пишу без всякой задней мысли, без всяких намеков. Забегаю вперед, как видите, и это весьма похвально, неправда ли?

Минский никакого доноса еще не написал, хотя и пишет².

У меня к вам, Федор Алексеевич, две просьбы, только настоящие. Извольте сделать серьезное лицо, не думать о моих растрепанных волосах и спутанных лентах (см. Жабьи издевки³) и вообразить, что я настоящий человек, без спорных повестей с желанием быть гениальной, и без Минского с его Черными морями⁴. Ежели не можете — нечего и читать дальше, прямо ответ пишете, а можете — ну другое дело.

Первая моя просьба — это чтоб вы приехали к нам «взаправду», потому что мне взаправду хочется вас. Знаю, что причина недостаточная, но как же быть? Это правда, а вы ведь о ней скучаете. Можете себе представить, какое совпадение! Я тоже о правде стосковалась и отправляюсь искать ее немножко далеко — т.е. не в прямом смысле, а так, знаете, когда говорят: они далеко зашли... Короче — я отправляюсь к холерным⁵. Для меня это так же трудно, как для вас — меня полюбить. Можете судить! У меня мало физических сил, нет опытности, нет умения, но все это вздор, все будет, надо только желание. Немножко странно, не правда ли? До сих пор только за мной ухаживали, а теперь я буду. Проповедовала порок — и делаюсь добродетельной. Как быть? И в пороке, и во лжи, и в «красоте» — тоска порой такая, просто не жил бы на свете. И нельзя отрицать, не зная; надо узнать, что такое «добро», которое дает счастье миллионам людей. Может быть и мне оно даст счастье? Но уж если говорить о добре, о правде, о любви — так надо идти до конца... вы меня понимаете? Не умею стоять на золотой серединке. Не надо ни о чем жалеть. Заражусь — ну

туда мне и дорога, Минский поплачет, да это ему не вредно. Хотела ехать в Нижний, но там эпидемия ослабевает, началась в Петербурге. Не знаю, что и делать. Уехать лучше, по крайней мере своих не заразишь. А тут, пожалуй, и не утерпишь, пойдешь к ним. Насчет этого я как в лесу, если вы знаете немножко больше меня, как и куда нужно обратиться — напишите мне. Это моя вторая просьба. Мне, кроме вас, решительно некого попросить. Не знаете ли, может меня и не возьмут? Думаю, впрочем, что возьмут. Вы видите много самых разнообразных лиц, вам ничего не стоит узнать даже тайну государственную, а не только это. И еще, Федор Алексеевич, если вам не трудно, не говорите о моем проекте никому: ни Андреевскому⁶, ни Минскому и т.д. Часто непонятное кажется смешным. Да и не нужно.

Буду ждать вашего ответа, а в эту субботу вас самих. Пожалуйста, приезжайте! И не забывайте, что в воскресенье нет парохода к нам. Во все дни, кроме воскресенья. Вот чем вы меня можете огорчить, если не приедете. А слова? Что слова? Вздор один. Об остальных пунктах письма — до следующего раза.

Зина.

<Приписка в левом верхнем углу:> Все мои сестры и кузины, и кузены, и тетушки, и бабушки — равно жаждут вас. Приезжайте!

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 33–36 об.

Датируется по помете «Ворота»: 1892-й год был единственным, когда Мережковские снимали там дачу. Оно предшествует датированному письму от 10 августа, поскольку в последнем говорится о намерении Гиппиус отправиться волонтером в холерные бараки как о деле, уже известном адресату, но следует за п. 5: первым, написанным после возвращения из Европы.

¹ Для письма Гиппиус взяла почтовую бумагу светло-коричневого цвета.

² О чем идет речь — неясно.

³ В переписке Гиппиус и Минского несколько раз упоминается лицо по имени Саша Жаба (см., например: [7, с. 214, 256, 257, 306]). Вопреки ожиданию, это не прозвище, а вполне существующий Александр Константинович Жаба, на тот момент студент-юрист, позже — чиновник Департамента шоссейных и водяных сообщений. Его личное дело (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 28061), которое помогло бы установить минимум биографических подробностей, осталось нам недоступным. Остальных лиц из этой же компании мы знаем лишь по кратким упоминаниям, напр.: «А я просто вернулась с острова, где была Соня и Лелька, и много-много студентов, поющих разными голосами по нотам, а за стеной, у Жабы, еще студенты были, поющие уже без нот. Я сидела темная, костлявая, холодная, тихая, с развитыми волосами, смотрела сквозь студентов и страдала удивительно бескорыстно» (письмо к Н.М. Минскому от февраля 1893 г.: [7, с. 257–258]).

⁴ О чем идет речь — неясно.

⁵ См. примеч. 2 к п. 5.

⁶ Сергей Аркадьевич Андреевский (1847–1918) — адвокат и поэт, давний друг Гиппиус и один из героев ее мемуаров.

7. 10 августа 1892. Ворота.

10 августа, 92
Ворота.

Отчего вы, Федор Алексеевич, так часто зачеркиваете написанное? Уж не хотите ли вы подействовать на мое любопытство? Но ведь я знаю, что вы добрый, и, если бы любопытство слишком замучило меня, вы бы объяснили мне всякие тайны. Но мне кажется — я не любопытна. Не люблю терять времени. Все равно, много останется неизвестного, хотя бы даже и узнала, что в зачеркнутых строках. (В это время вы думаете: и чего она так распространяется о вздоре? Неужели она действительно может интересоваться... и т.д.) Говорю правду, но ведь вы не можете допустить, чтобы я сказала что-нибудь спроста, без задней мысли. Не можете?

Интересно мне знать, как это Минский «проговорился»? Где это «там» считают вас покоренным? Кончая с прискучившим вопросом говорю вам совершенно серьезно: честное слово, никогда в жизни не думала, что нравлюсь вам в известном смысле (вы хорошо ко мне относились и, надеюсь, относитесь, но я говорю про влюбление), никогда не выражала мнения, что могу в будущем вам понравиться — и до сей минуты, по совести, считаю это несбыточным. Мне больно, что вы со мной так настороже.

Относительно холерных — столько осложнений, что и подумать страшно¹. Все против меня, я просто оглушена. Вы один только сказали, что «мне это нужно». Да, именно мне нужно; иначе быть не может. Пусть я не права, пусть вернусь, не найдя ничего, но пойти я должна, а они должны меня пустить. Вы говорите о «эффекте». Я сама думала об этом раньше ваших слов. Но знаете? эффекта не будет. Только очень близкий человек, знающий меня, может угадать, как мне трудно — труднее нет, чем я рискую (ведь у меня определенная грудная болезнь) и вообще как я себя должна переломить. А для всех — я иду как все, из «любви к ближним», да и женщина создана быть сиделкой, она исполняет только свое назначение... Не знаю, поймете ли вы, что я хочу сказать.

Об «Идиоте» поговорим при свидании. Я читала его давно и хочу перечесть. По моему, это лучший после Прест<упления> и Нак<азания> роман Достоевского. Помните последнюю сцену с трупом? Она меня поразила. Вы любите князя?

Федор Алексеевич, приезжайте вы, в самом деле. Если вам нужны два праздника подряд — то вот они, как раз: в субботу пятнадцатое².

В субботу ждем вас и выйдем встречать на пристань. Если не хотели приезжать, то дали бы понять, что шутите. А ведь я доверчивая.

Зина М.

<Приписка в левом верхнем углу:> Если пойду к холере, долго не увидимся. Пожалуйста приезжайте. Узнали что-нибудь новенькое?

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 3–4 об.

¹ См. примеч. 2 к п. 5.

² 15 августа — Успение Богородицы, один из двенадцатых праздников.

8. Конец августа 1892. Ворота.

Ворота.

Ну вот видите! Честное слово, у меня было подозрение, что просто вам у нас не понравилось, а все дела — одна выдумка. Положим, говоря по справедливости, чему и нравиться-то? Кругом болота, ни одной арфистки, серая корчма, влюбленный Минский¹, Зина с психопатией в виде холерных да еще якобы уверенная в вашей пламенной любви, подурневшая Ната², мацони, кисель и море! Подумаешь... до чего скука!

А впрочем это я так. Не старайтесь любезно возражать. Это совсем не нужно.

Все пришли в восторг от ваших стихей... Простите, теперь поздно, и я забыла родительный падеж... И вот — просят неотступно продолжения. Даже Ната сказала: «хороши стихи». А она насчет слов туга. Не любит тратить даром.

Во вторник некоторое население разезжается. Мы мокнем под дождем и надеемся на обещанные Дм. Серг. «чудные осенние дни». Когда холерные будут валяться по улицам и от вас убегут все братья³ — прошу презреть парходные часы (7 часов!) и приезжать в Ворота. До чего хорошо! Все мы единогласно находим, что вы «обольстительно прекрасны» и все жаждем вас видеть. Но, знаете, гостю, который в Ворота приезжает вторично — назначена премия. И несмотря на премию — смельчак еще не выискался.

Зина.

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 23–24 об.

Датируется по упоминанию о пребывании в «Воротах». См. примеч. 1 к п. 5.

¹ Гиппиус весьма настойчиво зазывала Минского в письме от 23 июня 1892 г.: [7, с. 195], но когда он воспользовался этим приглашением, мы не знаем.

² Наталья Николаевна Гиппиус (1880–1963), сестра З.Н.

³ У Червинского было два брата — Владимир Алексеевич (1859–?) и Андрей Алексеевич (1861–?), см. в биографии их отца: [10, с. 472].

9. Сентябрь — октябрь 1892 ?. СПб.

Милый Федор Алексеевич... впрочем вы совершенно не стоите этого эпитета и я его беру назад.

Отчего вы не ответили на мое последнее письмо? Это не хорошо, даже просто скверно. Если вы искренно хотели меня видеть... разве вы это выражали? Или мне приснилось? Или я просто считаю это в порядке вещей? Все равно. Одним словом: если вы хотите меня видеть, зайдите завтра часов в 5 к Мурузи¹.

Пошли бы вместе обедать... Измените на полчаса Mles Сандберг².

З.Н.М.

Я не влюблена в доктора³.

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 20–21 об.

Датируется по упоминанию «доктора» — Н.Ф. Чигаева, с которым, вопреки утверждению, у Гиппиус был краткий роман осенью 1892 г.

¹ Адрес Мережковских этого времени: Литейный, 24, кв. 20. В обиходе этот дом именовался «дом Мурузи» по фамилии первого владельца.

² Неизвестное нам лицо. Вряд ли это Дина Давыдовна Сандберг (Дебеле), выпускница Бестужевских курсов 1887 г., впоследствии известный врач. Возможно это та же Гельга (Хельга), что упоминается в письме 2, но из многочисленных лиц по имени Helga Sandberg, учтенных мировыми генеалогическими справочниками, ни одно, кажется, не имеет явных связей с Россией.

³ Доктор — Николай Федорович Чигаев (1859–1919), позже - семейный врач Мережковских. Они познакомились весной 1892 г. во Франции. Гиппиус записывала в дневнике: «На Ривьере — доктор. <...> Мне казалось, что я играю, шучу. Искание любви, безумие возможности (чего?) — яркая влюбленность (вилла Элленрок, дача М. Ковалевского) — и вдруг опять, несмотря на все мужество во имя влюбленности, — холод и омерзение. А между тем ведь мне дан крест чувственности. Неужели животная страсть во мне так сильна? Да и для чего она? Для борьбы с нею?» [3, т. 8, с. 30]. Осенью 1892 г., судя по череде упоминаний в письмах к Минскому, Гиппиус переживала новый этап влюбленности в Чигаева, закончившийся к октябрю (см.: [7, с. 200–217])

10. Сентябрь — октябрь 1892 ?. СПб.

Понедельник.

Федор Алексеевич, обстоятельства изменились, приходите к нам сейчас же (12 ½) и пойдем завтракать. Пожалуйста!

3.

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 22.

На той же приметной синей бумаге, что и предыдущее письмо.

Датируется (весьма условно) благодаря этому обстоятельству.

11. Последние числа декабря 1892 г.? СПб.

«Апельсин! Ты начинаешь портиться!»
из оперетки «Сердце и Рука»¹.

Очень жаль и очень глупо, что вы не хотите ехать. Даже не написали почему. Что это такое? У меня уже «скребет». Вы хотите устроить покойное житье. Напрасно! Или я — или покой. Опять зайцы, Господи, какая скука!

Ошибаетесь. Новый год мы встречаем в постелях. Никого не хочу!! Сегодня целую ночь не буду спать и завтра упаду в летаргию в 10 часов. Чехов был у нас сегодня. Не советую любить его и ухаживать за ним: от него пахнет йодоформом! Клянусь. В субботу ничего не будет, а в воскресенье. Но до воскресенья мы еще увидимся в пятницу, если вам хочется, рано. Итак — до будущего года!

Зина.

Вы отдаете мне ваше свободное время... Благодарю вас.

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 19–19 об.

Главная деталь, позволяющая хотя бы приблизительно датировать это письмо, — сочетание приближающегося нового года и упоминание визита Чехова. Познакомился он с Мережковскими в 1890 г., то есть письмо точно не могло быть написано раньше. Декабрь 1890 г. Чехов провел в Москве. Декабрь 1891-го, в принципе, возможен: Чехов вернулся в Петербург утром 27 декабря. Декабрь 1892-го вероятен: Чехов в Петербурге. Декабрь 1893-го исключен: Чехов в Мелихове. При этом в 1892 г. 1 января падало на среду, так что прощание в последних числах декабря 1891 г. «до пятницы» и «до будущего года» выглядит менее естественно, чем для последних чисел декабря 1892-го, поскольку 1 января 1893-го как раз было пятницей.

¹ Оперетту Григория Александровича Арбенина-Пальма (1858–1915) «Сердце и рука», представляющую собой «перделку с французского», мы знаем только по литографированному изданию московской театральной библиотеки С.Ф. Рассохина

(М., 1883?). Указанной строки там нет, но есть несколько похожих: «Апельсинчик, ты меня надуваешь» (Л. 28), «Неужели ты мне лжешь, апельсинчик» (Л. 28), «Апельсинчик! Ты обманываешь мужа» (Л. 107): все это реплики героя по имени Моралес.

12. Зима 1892–1893 ?. СПб.

Суббота.

Как порой несколько слов, сказанных без цели, но почему-то не гармонирующих с данным настроением — могут скверно влиять на человека и разогорчить его в конец. Это вы сделали своим письмом. «Надо все иное...», «... вас вовсе отсюда...». А мне как раз казалось, что не нужно иначе (о, Боже сохрани!). Ну — и расстроили вы меня окончательно этим «не тем». У меня являются большие и грозные мысли. В Ricord¹, впрочем, не погрузилась... еще. Авось завтра, увидав Нату и вас, я убеждусь <sic!> снова, что я умница, а вы хотите мне хорошо, и авось я стану прежней веселой Зиной. Жду вас пораньше, дорога дальняя; мы поедем с вами на 14 л.²

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 45–45 об.

¹ Что это значит неясно. Существуют книги по медицине, подписанные этим именем, но вряд ли речь идет о них.

² Т.е. к матери и сестрам Гиппиус (см. примеч. 1 к п. 13).

13. Зима 1892–1893 ?. СПб.

Воскр.

Крайне признательна вам за то, что изволите скучать без меня. Это очень мило с вашей стороны. Что касается поездок к маме¹ (я все-таки смею думать, что вы говорили о моей маме, приписка слишком не удалась), то осмелюсь вам доложить — я не из стали, которая, как известно, на морозе ломается, а из тела и крови, и морозов не боюсь; потому и езжу туда очень часто, вчера вечером, например. Сегодня Тата² и Ната приедут ко мне, ибо тоже не боятся морозу. Решительно не понимаю ваших темных намеков о Ивашкевиче. Какой Ивашкевич?³ Когда не пришел? Разве он должен был ко мне прийти? Вы, вероятно, все спутали по обыкновению. Или выдумали

из своей головы. Это бывает. Что касается до вашей гангрены — то я была права, не придав ей значения: вас, несмотря на эту опасную болезнь, никогда дома нет и письмо может поймать разве утром. Но — *really it hurts me*⁴ — почему вы не обратили внимания на наши бедствия, даже на то, что нас сошлют в Любань⁵? Разве это не важно? Ведь я же просила зайти поскорее, чтобы прослушать предисловие и решить в качестве практического человека, можно ли его читать публично. Затем мой пакет от Минского... Впрочем *now all is over*⁶: предисловие Д.С. потерял (?), а пакет тоже исчез⁷. Уж не знаю, что вам еще написать. Не понимаю, почему я с вами ссорюсь. А у меня такое чувство, что я ссорюсь, и виноваты вы, вы, вы и вы недостаточно. <вычеркнуто несколько слов>

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 39–39 об.

Это письмо, наполненное не поддающимися комментарию деталями, условно датируется по сочетанию тона (характерного для разгара отношений автора с адресатом) и упоминанию морозов.

¹ В первой половине 1890-х годов Анастасия Васильевна Гиппиус (урожд. Степанова, 1849–1903) с дочерьми Татьяной и Натальей жила по адресу: Васильевский остров, 14 линия д. 57, кв. 2. Переехали они оттуда, очевидно, в 1897 г. — и тогда же мать Гиппиус впервые появилась в адресной книге (4-я линия Васильевского острова, д. 45).

² Татьяна Николаевна Гиппиус (1877–1957) — сестра З.Н.

³ Я. Ивашкевич — поэт, несколько раз печатавшийся в «Северном вестнике». Возможна его идентификация с Яковом Ивашкевичем, окончившим юридический факультет Санкт-Петербургского университета в 1895 г. и /или с корреспондентом А.С. Суворина Яковом Фортунатовичем Ивашкевичем (его письма: РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 1593).

⁴ Это по-настоящему меня ранит (*англ.*)

⁵ О чем идет речь — неясно.

⁶ Нынче все кончено (*англ.*).

⁷ О чем идет речь — неясно.

14. Начало февраля 1893 ?. СПб.

Вторник.

Медведский¹ написал, что ни он, ни Сафонов² не могут быть у нас завтра и просят отложить среду на воскресенье. Не знаем, извещены ли вы об этом. А в ожидании будущих благ — Пятковский выпустил три лучшие страницы из статьи Д. С-ча и даже не предварив автора³. На вопрос: зачем? отвечал, что это ему так нравится. Все сие не обещает особенных торжеств, согласитесь.

Чуть не познакомилась с Микулич⁴. Впрочем — что отложено, то не потеряно. Не хотите ли в четверг или в субботу на остров со мной⁵? Если нет, что очень жаль, то предупреждаю, что в эти дни я там буду.

З.Н. Мереж.

Ваше чувство правдивости (связанное, как всегда, с эстетическим чувством) ни в чем не упрекало вас на вечере баронессы?⁶

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 10–11.

Датируется условно по содержанию: в переписке Гиппиус с Минским несколько раз упоминаются поездки на «остров» (т.е. на Васильевский остров к А.К. Жабе; см. примеч. 3 к п. 6), причем один раз в качестве ее предполагаемого спутника назывался и Червинский; все эти упоминания относятся к февралю 1893 г. Впрочем, достоверно известная поездка была в воскресенье 7 февраля, а в этом письме Червинский приглашается на четверг или субботу. С другой стороны, на том же Васильевском острове жила мать Гиппиус с ее сестрами (см. примеч. 1 к п. 13), так что это намерение вполне может относиться к ним.

¹ Константин Петрович Медведский (1866 – после 1919) — поэт и критик. Письма его к Мережковским неизвестны. См. о нем статью Е.Н. Петуховой и А.В. Чанцева: [15, с. 559–560].

² Сафонов Сергей Александрович (1867–1904) — поэт, прозаик, актер. См. о нем: [17, с. 895–898]. Примечательную встречу Медведского и Сафонова несколько лет спустя зафиксировал В.Я. Брюсов: «Они пили водку и пиво и говорили, много говорили. “У нас тут кабак, а тут и храм. Рыло у нас в навозе, но мы моемся. Мы поэзии поклоняемся”» [1, с. 73].

³ Александр Петрович Пятковский (1840–1904) — историк литературы, издатель журнала «Наблюдатель». В авторизованной библиографии Мережковского значится единственная его прозаическая публикация в «Наблюдателе» — рассказ «Пророк» (1891. № 12. С. 92 — 108); вряд ли речь идет о нем. В 1892 и 1893 гг. его сочинения там не появлялись.

⁴ Микулич или Веселитская-Микулич Лидия Ивановна (1857–1936) — писательница. Гиппиус была разочарована ее повестью 1894 г. (см.: [7, с. 288–289]). Вероятно, позже они все-таки познакомились, поскольку десятилетие спустя рекомендательное письмо от Микулич привез Мережковским в Париж Н.С. Гумилев [3, т. 14, с. 223].

⁵ Имеется в виду загадочная студенческая компания Гиппиус 1892–1893 гг. (из участников которой мы доподлинно знаем только А.К. Жабу, см. примеч. 3 к п. 6). Ср., кстати, в письме Гиппиус к Минскому от 6 февраля 1893 г.: «Завтра <...> вечером жабе рождение, и я прислала Червинского отвезти меня на остров, а если он, т. е. Червинский, отлынет, — то поеду одна, увы, — на лошади!» [7, с. 256]. Не исключено, впрочем, что речь идет о поездке к матери и сестрам Гиппиус (см. примеч. 1 к п. 13).

⁶ Баронесса — Варвара Ивановна Икскуль фон Гильдебрандт (Гильденбандт, Гилленбанд; урожд. Лутковская; в первом браке Глинка-Маврина; 1850 (по др. источникам: 1852)–1928) — писательница и переводчица, давняя знакомая Мережковских. Данных о ее вечере у нас нет.

15. Середина марта 1893. СПб.

Суббота. 5 ч.

Федор Алексеевич,

письма от меня вы, конечно, ожидаете — и вы не ошиблись. Я пользуюсь минутой искренности — вам все равно, от чего происходит эта минута.

Я рада, что вы получите это письмо утром, когда у вас будет болеть голова, — и прочитаете его со скукой. Не бойтесь, оно не длинно.

Я угадываю лучше вас. Сегодня все, что вы думали — я думала тоже и знаю так, как будто все это вы сказали громко. Оно и не трудно, возрадите вы. Конечно, не трудно. Не в том дело. Мы оба обмануты — вот главное. Вы хотели от меня преданности, честности и правды. Я хотела от вас «чудесной» любви, которой я не достойна (говорю это просто, как факт). И теперь ясно и вам и мне, что я не преданна и не честна, а вы меня не любите. Может быть, это письмо лишнее подчеркивание — простите мою слабость. И хорошо для вас, что вы меня не любите. Потому что если б вы любили... знаете, слишком глубоко в жизнь не надо заглядывать. Я хочу слишком много и слишком сильно... то, чего я хочу — больше меня самой. Я это вижу и покоряюсь этому. Неизбежный конец я теперь вижу, не только чувствую. Вы уезжаете за границу¹. Я тоже исчезаю — куда — прошу вас, не говорите со мной, если даже и догадываетесь. Не предполагайте трагизма. Я это делаю оттого, что все во мне — больше меня самой. Если непонятно — не беда. Теперь — последняя просьба, очень серьезная, которую вы, конечно, исполните: вы придете ко мне во вторник (не забудьте мои письма)², я вам обещаю, что ничего ужасного не будет. Все-таки было красивое — а красивое нужно кончить красиво, смело и просто. Ну, вы меня понимаете. Жаловаться друг другу не станем, и мне, и вам больно, конечно, я знаю. Вот — мне уже хочется жаловаться — но я удержусь. Когда мне казалось, что вы можете, и, главное, что следует меня любить — в моей душе было к вам такое чувство, которое... ну которое больше меня самой. Кто знает истину? Кто не ошибается? Но что бы с вами еще не случилось в жизни, не забывайте меня. Я много хотела — простите мне много за это.

<Приписка:> Вы понимаете, что не надо ничего писать мне.

Возможно, это то самое письмо, о котором Гиппиус упоминала в дневнике: «Во вторник вечером я написала Червинскому такое письмо, которое привела бы здесь, если б он его возвратил. Я сказала все, что думала. И как переменялись мои мысли. Я говорила, что надо проститься, надо оборвать отношения сразу. Просила прийти вечером, 17-го марта (ровно 4 месяца). Когда получила в постели записку с одним словом: “приду” (я не хотела других слов) — мне стало так жаль себя, что расплакалась» [3, т. 8, с. 33]. Об этом говорит и упоминание о предстоящем отъезде Червинского за границу, и общий тон и тематика письма, нацеленного на разрыв. Но с этим совершенно не сопрягаются дни недели: Гиппиус делает дневниковую запись в пятницу 19-го марта, сообщая, что письмо написано во вторник 16-го (ср. кстати упоминание того же 16-го в п. 17), а приглашен Червинский на среду 17-го. Наше же письмо записано в субботу, а приглашен адресат на вторник. Любопытно, что Гиппиус просит в нем принести ее письма, упоминает в дневнике о том, что письма с разрывом у нее сейчас нет, но при этом комментируемое письмо отложено в ее архиве. Может быть, это черновик, а белой вариант был отправлен три дня спустя? Тогда наше письмо должно быть датировано субботой 13-го марта.

¹ Центральный момент разрыва Гиппиус и Червинского — отъезд последнего за границу, в Италию. Виделись в последний раз они 17-го марта [3, т. 8, с. 33]; 28-го она получила от него письмо из Венеции (Там же. С. 35).

² Просьба эта не была исполнена: большая часть корпуса писем Гиппиус сохранилась в составе архива Червинского.

16. Осень 1893. СПб.

Дмитрий Сергеевич не хочет в два, не хочет в воскресенье, или в это воскресенье (правда, мы в 3 часа едем в Лесной) и вообще я не знаю, чего он хочет. Он гудит, жалуется на вас, что вы, мол, в глубине души не очень-то жаждете шапронировать¹ его к П-вым² и т.д. Сговаривайтесь с ним сами, я умываю руки.

О второй странице вашей записки скажу только два слова. Ничего я не знаю ни о себе, ни в себе такого, чего бы вы не должны знать или уже не знали бы, и я не ждала вторичных намеков; от них вы уже раз отказались, после нашего с вами литературного вечера — «я был неправ». Если вы все-таки говорите серьезно, если вы знаете во мне чего я сама не знаю — мне кажется, вы должны сказать мне это. (Ведь вы допускаете в человеке чувство долга?) Тем менее умею даже предположить что-либо, что, по вашим словам, это противоречит истине моих формул.

А если вы написали так, нарочно, для шутки или для чего-нибудь другого — поверьте, это нехорошие, невеликодушные шутки.

Зин.

Датируется предположительно по упоминанию «П-вых», т.е., по нашей атрибуции, братьев Перцовых. Если это и в самом деле так, письмо должно относиться к месяцам, предшествующим знакомству (о котором см. примеч. 7 к п. 22).

¹ Сопровождать (от *фр.* *accompagner*).

² Вероятно — к Перцовым, т.е. П.П. Перцову (см. примеч. 7 к п. 22) и его двоюродному брату В.В. Перцову, вместе с которым они издали в 1895 г. альманах «Молодая поэзия».

17. Сентябрь 1893 ?. СПб.

Среда.

Бог с вами, ну зачем этот тон в последнем письме? И зачем вы опять. — Мне просто было очень, очень дурно эти дни, и теперь нехорошо. Напрасно вы побоялись прийти... (отчего-то я гадко пишу, как будто делала гимнастику и устала). Я одна во всем виновата — вы правы, а я виновата, потому что я безумная. Я хочу того, чего на свете нет, я хочу и жду чудес¹. И напрасно вы не пришли. Ничего бы я вам не сказала, ни в чем бы не упрекнула, мне только хотелось, чтобы мы вместе, вместе грустили о том, что нет чудес. Я вам скажу, если вы не будете смеяться, я вам скажу, что я серьезно верила в понедельник, что если вы меня любите — то без моего слова, без намека должны угадать мое желание, угадать, что я больна, что я тоскую, что мне дурно и одиноко, что я — — понимаете, должны сами, только потому, что мое сердце этого хотело. И ваше невинное (говорю без иронии) письмо в такую минуту сделало меня несчастной. Да не улыбайтесь, пожалуйста, это не утрировка. Видите, я с вами просто говорю, без всяких вывертов, и не хочу вам сделать больно, я объясняю неясное для вас — и даже стыжусь перед вами своего сентиментального безумия. Вы не думали ведь, что я романтична без предела? Ну вот, каюсь. *C'est à prendre ou à laisser*², *Monsiers*. Я хотела избежать единого фальшивого звука в наших отношениях — и не сообразила, что это было бы чудом, потому что вы человек и я человек. Ваши письма не вовремя, ваши отказы и смешки — для вас ничто, они ранят только меня, только меня одну, и я, как видите, даже не спешу жаловаться вам, а прячусь в подушку и тушу лампу, чтобы стены меня не увидали — или пишу вам безумные, безнадежные письма, которые, конечно, прячу в особый конверт. И, знаете, этого не расскажешь, вот того, что я пыталась рассказать. Это можно или почувствовать (ведь вы хотите вместе жалеть о чуде?) или совсем все принять за насмешку, за ложь, за причуды, обидеться, пожалуй,

ответить «с достоинством». Это я не про вас говорю, я думаю все-таки, что вы почувствуете, как мне в самом деле нехорошо теперь.

Избегаю, боюсь писем. Если я пишу — значит это необходимо, почти неизбежно. Вы не знаете, как трудно, как не хочется писать. Но я не красноречива, не умею говорить, или говорю так, что меня не понимают. И я в среду говорила не то, и вы думали не то. Дайте мне сказать два слова без волнения и без ваших враждебных глаз.

Можно было подумать, слушая меня, что я прошу... нет, что я хотела бы возобновления прошлого и опять ждала от вас чего-то. А между тем если бы вы сказали мне, что любите меня бесконечно, готовы на всякую жертву, никогда не разлюбите — я слушала бы, как слушаю ветра шум — без горести и без отрады. Думать, что после «того» можно вернуть хоть один взгляд, одно движение души — все равно, что желать вернуть тот снег, по которому мы с вами ездили на Васильевский остров³. Кончилась зимняя сказка. Теперь слушайте. Вы должны вспомнить, что я вас ни минуты не обманывала, — и поступала только так, как предупреждала. В письме от шестнадцатого марта, и вам лично на другой день — я говорила одно: все кончится, и помешать кончиться — не в моей власти⁴. До подробностей, до последнего слова вы знали, что будет. Я хотела избавить вас от неожиданности. Вы не поверили — разве я виновата? Или просто забыли мои слова. Вы ударили меня — и ушибли руку, и сердитесь на меня же за боль, хотя я вам говорила, что будет немножко больно. Ваша враждебность меня поразила своей неожиданностью, я не думала, что может случиться такое несправедливое. Поразила в первую минуту — следствие — наш разговор и это письмо. Теперь я уж начинаю привыкать. Простите упрямый оптимизм очень одинокого и порою очень слабого человека. Я не хочу говорить, что мне было тяжело в то время; вашей тяжести я не знаю, знаю только свою. Просто скажу — очень нехорошо мне было. Это не станет вас тревожить, потому что — видите ли: никогда, ничем, ни при каких обстоятельствах ни искупить, ни исправить вы этого не могли бы, если б захотели; только безнадежность даст спокойствие; и вы имеете право на это спокойствие. — Вы говорили, что любите меня. Прошло два месяца — и ваша любовь превратилась в безотчетную злобу. Я сказала, что я не изменилась. И никакая боль, хотя бы смертельная, не заставит меня измениться, перестать к тому идти, что мне кажется прекрасным. Это исчезнет во мне со мной вместе. Не могу измениться, не могу идти против себя. И в ответ на вашу злобу у меня в душе прежнее чувство; без надежды, без ожидания, без будущего — но и без тени неприязни за тот ужас, который вы

со мной сделали. Я почти удивляюсь. А между тем я вас не любила и не люблю. Т.е., выражаясь точно, вы мне не «нравились» и не были «дороги». А я вам и нравилась, и была дорога, и ваше чувство вы называли не злобой, как теперь, а любовью. Пожалуй что мое, не любовь, было «лучше чем это».

Вы весь теперь непонятны для меня, и ваш приезд в Наплатье⁵ — я его не ждала. Вам хотелось посмотреть, как я второй раз буду переживать дни, похожие на мартовские, и как опять станут тревожить меня безумные, высокие уже побежденные мечты — не новые, а старые, только воспоминания —

<Приписка на первом листе:> Если возможно, придите завтра от 7 ½ до 9 ½, я вам не скажу ничего дурного.

<Приписка на втором листе:> адрес пишу ни<же?>

РГАЛИ. Ф. 154. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 7–10 об.

Это письмо (возможно, черновое и неотправленное) явно относится к одной из осенних встреч автора и корреспондента [3, т. 8, с. 36–37]. Оно не могло быть написано раньше лета 1893 г., поскольку в нем упоминается летний визит Червинского в Наплатье (дачу Мережковских недалеко от Луги). С другой стороны, оно явно относится к 1893 г., поскольку послание с разрывом упоминается просто как «письмо от шестнадцатого марта» — без уточнения года. Тогда упоминаемые в тексте два месяца, за которые любовь Червинского «превратилась в безотчетную злобу» нужно отсчитывать с летнего визита в Наплатье.

¹ Эту формулировку (прямо перекликающуюся с самой, вероятно, известной строчкой стихов Гиппиус) практичный Червинский передал героине своего рассказа «Сильфиды», художнице Валентине Ниловне: она говорит: «Я хочу чего-то иного, — того, что лучше и чище... хочу необычного» (*Червинский Ф. Сильфида // Живописное обозрение. 1899. № 42. С. 355*).

² Это можно взять или оставить (*фр.*).

³ См. примеч. 5 к п. 14.

⁴ Это письмо и последовавшую за ним встречу Гиппиус упоминает в «Contes d'amour»: «Во вторник вечером я написала Червинскому такое письмо, которое привела бы здесь, если б он его возвратил. Я сказала все, что думала. И как переменялись мои мысли. Я говорила, что надо проститься, надо оборвать отношения сразу. Просила прийти вечером, 17-го марта (ровно 4 месяца). <...> Мучительный вечер! Этого человека я не понимаю. Не понимаю, любит он меня или нет. И он меня определенно не понимает» [3, т. 8, с. 33].

⁵ Имение близ г. Луги (ныне им поглощенное), где Мережковские жили летом 1893 г. О визите Червинского туда Гиппиус также сделала запись в дневнике [3, т. 8, с. 36].

18. Конец сентября — начало октября 1893. СПб.

Вторник.

Послушайте, Федор Алексеевич — я, право, не понимаю, серьезно не понимаю, почему вы не хотите дать мне прочесть ваш роман целиком?¹

Личные отношения наши — каковы бы они ни были — не играют тут никакой роли, если вы признаете во мне человека, любящего и — по своему — понимающего литературу. Я хочу знать вполне то, что знаю наполовину (меньше), хочу иметь свое определенное мнение (хотя бы для себя, если вас оно мало интересует), почему вы мне отказали?

Я не настаиваю, вероятно у вас есть причины — я только рада была бы их выяснить.

Если же и этого никак нельзя — простите. Я в самом деле, и очень серьезно, решила не идти против ваших желаний... в тех редких случаях, когда ваши желания имеют какое-либо отношение ко мне.

Зин. Гиппиус.

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 12–13.

Датируется предположительно: письмо должно предшествовать п. 22, из текста которого следует, что Гиппиус получила от Червинского рукопись его романа и прочла его. Вероятно, речь идет о романе Червинского «Пустоцвет» (Ежемесячное приложение к журналу «Живописное обозрение». 1900. № 3. С. 540–595; № 4. С. 59–122) или о произведении, оставшемся в рукописи. Если бы не сделанная через несколько писем (см. примеч. 4 к п. 21) оговорка, из которой следует, что в упоминаемом романе более, чем двадцать две главы, мы бы могли предположить, что речь идет о рассказе «Сильфида» (Живописное обозрение. 1899. № 42–44), в котором действует героиня, весьма похожая на Гиппиус (см. вступ. статью).

19. Конец сентября — начало октября 1893. СПб.

Суббота.

Я вспомнила, что вы собирались на остров именно сегодня. Может быть вы и не собирались, а так сказали — но на всякий случай сообщаю, что они не дома¹. По непредвиденным обстоятельствам они сегодня у меня. Если хотите — можете и вы зайти ко мне, а если нет — то передаю вам по просьбе моих, что они вам всегда рады, хотя и не верят больше в ваш действительный приезд.

С удовольствием подожду (насчет романа) ответа редакции². Только пожалуйста и тогда дайте мне черновик. Предпочитаю ваш почерк, мне знакомый, тому, неизвестному, неинтеллигентному, которым написана чистая рукопись. Думаю — от него рябит в глазах. Напрасно, напрасно изменили ремингтону...³

А будете на вечере в память Тютчева?⁴

Stia bene⁵.

З. Гиппиус.

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 15–16.

Датируется предположительно: письмо должно предшествовать п. 22, из текста которого следует, что Гиппиус получила от Червинского рукопись его романа и прочла его.

¹ Речь идет о поездке на Васильевский остров к матери и сестрам Гиппиус (см. примеч. 1 к п. 13).

² См. примеч. 1 к п. 18. Если речь идет об этом романе, то ответ редакции был явно отрицательным: его публикация отложилась на несколько лет.

³ «Ремингтон» — марка пишущей машинки.

⁴ В лучшей тютчевской библиографии [19] нет упоминаний о каких бы то ни было мемориальных мероприятиях 1893 г.; хронологически ближайший тютчевский вечер состоялся в 1895 г. (*Сигма* <Сыромятников С.Н.> К памяти Тютчева // Новое время. 1895. № 6829. 4 марта. С. 2); при этом отнести наше недатированное письмо к 1895 г. довольно трудно (хотя и не невозможно). На этом вечере, устроенном у А.С. Ермолова, среди прочих читал стихи Тютчева и Мережковский (а В.С. Соловьев вступал с докладом). При этом вполне может быть, что девяносто лет со дня рождения Тютчева, падавшее на 1893 г., отмечалось приватно и сведений об этом не сохранилось. См. также: [6, с. 60–70].

⁵ Будьте здоровы (ит.).

20. Начало октября 1893. СПб.

Прежде писания романов нужно поучиться жить. Откуда мы пришли, что все человеческое нам так долго чуждо, так долго невероятно и так оскорбляет? Хорошенько, крепче пожелайте мне счастья и присутствия духа в подобных вчерашних обстоятельствах. *Le malheur ne vient jamais seul*¹; буду ждать еще парочку.

Вы ненормальны? Вот никогда не сказала бы этого по письму. Что же с вами такое? И тоном, кажется, овладели. Взамен вашего милого обещания — я даю слово не ассомировать² вас письмами ни в каком случае. Если бы в вас мне все стало ясно так же, как в себе — я сделалась бы совсем спокойной, значит и счастливой. Но никогда на небе не было столько облаков.

P.S. Отчего же вы не исполнили Натаино³ желание? Еще есть время: по случаю серьезных семейных несчастий⁴ (я не шучу) мы не уезжаем сегодня.

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 14–14 об.

Датируется (весьма предположительно) по упоминанию семейного несчастья: полагаем, что под этим подразумевается помешательство старшей родственницы, о котором идет речь в пп. 20 и 21.

¹ Неприятности никогда не приходят по одной (*фр.*).

² От фр. *assommer* — оглушать, ошеломлять.

³ Н.Н. Гиппиус. Кажется, Червинский был знаком с ней ближе, чем с Татьяной Николаевной. Несколько лет спустя, сообщая А. П. Чехову о своей женитьбе, он писал: «Я женился — тому назад 1 ½ месяца. Жене 19 лет, белого цвета, характера нервного, напоминает Нату Гиппиус» (РГБ. Ф. 331. Карт. 62. Ед. хр. 10. Л. 17).

⁴ Вероятно, имеется в виду госпитализация родственницы, о которой сообщается в п. 21.

21. Начало октября 1893. СПб.

Вы хотите знать мамино¹ несчастье; я немножко запоздала и, может быть, оно вам уже известно. Ольга Васильевна² в день переезда помешалась от любви к хозяину дачи. Несколько дней тому назад ее отправили в больницу св. Николая³. От недельного пребывания с буйной мама и остальные члены семьи (дети были удалены из дому) сделались сами полупомешанными. Особенно мама, в таком состоянии, что мне не хочется об этом говорить. Да и вообще все так плохо, что не стоит распространяться. Я могла бы взять вас с собой в одну из моих почти ежевечерних поездок (маму надо меньше оставлять одну), но, во-первых — я не знаю, как они теперь смотрят на гостей, а главное — и вам самим будет очень там невесело. У каждого так много своих неприятностей, что очень понятно, если всякий старается быть дальше от чужого горя.

Желаю хорошего вашему роману. Мой не ладится. Что значит 22 главы? У меня уже 8 листов⁴.

З. М.

О столоначальнике: если вы с тех пор, как сами назвали себя им — успели дослужиться до помощника министра — я об этом извещена не была⁵.

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 25–26 об.

На первом листе помета неизвестным почерком: «ДМК <или DMR> 26». Датируется по связи с п. 22, в котором также упоминается больница Св. Николая.

¹ О матери Гиппиус см. примеч. 1 к п. 13.

² Неизвестное нам лицо. Основываясь на общем отчестве, можно предположить, что речь идет о сестре матери Гиппиус (несколько раз упомянутой в мемуарах последней), но до нахождения новых сведений это обречено оставаться гипотезой.

³ Психиатрическая больница Св. Николая Чудотворца.

⁴ Вероятно, речь идет о романе Червинского «Пустоцвет» (см. примеч. 1 к п. 18) или о произведении, оставшемся в рукописи: по крайней мере, среди его опубликованной прозы нет других текстов, объемом превышающих двадцать две главы. Гиппиус скорее всего говорит о своем романе «Без талисмана» (см. примеч. 3 к п. 22).

⁵ С 1889 по 1895 г. Червинский занимал разные должности при прокуроре петербургского Окружного суда и Первого Департамента Министерства юстиции [16].

22. 8 октября 1893. СПб.

8 окт.

Имею честь пригласить вас на фестиваль¹. Супруг присоединяется к моей просьбе. Несколько необходимых слов: каждый раз, вспоминая о «славном Червинском», (простите фамильярную откровенность) я должна сделать великое усилие, чтобы вспомнить о наших недоразумениях. Уверены ли вы, что они действительно были? Не есть ли это главное недоразумение? Таковы мои мысли, искренность и логичность коих подтвердит вам ваше писательское чутье. И если ваши тождественны — ничто не мешает нам с вами взять старинный train², который всегда служил к общему удовольствию и один приличествовал нам как нельзя больше. Заходите и без фестиваля: я прочту вам главу моего романа³, которая... странно напоминает главу вашего. Я открыла это вчера и даже несколько обеспокоилась.

В собрании у нас найдете перемену. Состоится оно 14-го, в четверг.

При встрече с мамой⁴, сделайте одолжение, молчите о больнице Николая⁵. Мама и без того мучается, что больница отвратительна, а частные и вообще все другие — не по средствам.

Отчего вы так перфидно⁶ не познакомили Перцова с Дм. С-чем, спрашивает сей последний?⁷

Зин. М.

P.S. Кто же вы наконец? Не скромничайте, скажите⁸. Не слишком ли чин ваш важен для нашего скромного фестиваля?

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 8–9 об.

Год проставлен, исходя из того, что только в этом году в первой половине 1890-х 14 октября падало на четверг.

¹ Подробности предстоящего мероприятия нам неизвестны. Приглашая на тот же день недатированным письмом П.И. Вейнберга, Гиппиус писала: «Дорогой и единственный Петр Исаевич! Приходите к нам в четверг на той неделе, 14-го числа. Пишу вам нарочно раньше, потому что мои письма часто запаздывают. Пожалуйста, приходите! Во что бы то ни стало, приходите! У нас будет скромнейший из фестивалей» [7, с. 439].

² Вероятно, Гиппиус подразумевает одно из значений французского *train* — «ход», в частности, в выражении «*le train de pensées*» — «ход мысли».

³ Вероятно, Гиппиус говорит о своем первом романе «Без талисмана» (Наблюдатель. 1896. № 5–9).

⁴ Об А.В. Гиппиус см. примеч. 1 к п. 13.

⁵ Гиппиус хочет удержать Червинского от соображений по поводу психиатрической больницы святого Николая Чудотворца, куда была помещена родственница по имени Ольга Васильевна (см. п. 21).

⁶ Регулярно встречающееся у Гиппиус слово, означающее «вероломно, коварно».

⁷ Весьма судьбоносная встреча Мережковских с Петром Петровичем Перцовым (1868–1947) случилась вечером этого же дня. В переписке они состояли с 1890 г. (см.: [13, с. 64–65]); в 1892 г. Перцов был среди слушателей его знаменитых лекций «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы». 7 октября 1893 г. получив от Перцова письмо на пяти листах (оно не сохранилось), Мережковский назначал ему встречу: «Может быть, Вы завтра в пятницу будете свободны между 7 и 10 часами вечера, приходите ко мне, Вы должны знать и чувствовать, что я буду Вам рад» [14, с. 159]. «Наше свидание было свиданием двух нашедших друг друга друзей...», — вспоминал позже Перцов [13, с. 94]. С Червинским Перцов был уже к этому времени знаком по журфиксам А.М. Скабичевского [13, с. 79].

⁸ Гиппиус продолжает шутку, начатую в п. 21, требуя у Червинского подробностей его карьерного роста.

23. 9 октября 1893 ?. СПб.

Суббота.

Булька¹ укусила больную родственницу за ногу, родственница испугалась, обиделась, (чуть не случилось серьезное несчастье, после которого пришлось бы дезинфицировать квартиру ведром *grabapp'l'a²*) — и уехала, сию минуту. У нас опять чистота, хотя сердце мое еще не успокоилось. Предлагаю вам пятницу, среду или вторник грядущей недели. Выберите день и дайте знать скорее, чтобы я могла распорядиться остальными днями. Предупреждаю, что во вторник я буду думать по-итальянски, в среду по-английски (у меня англичанин³), а я пятницу опять по-итальянски. Избирайте, что угодно. В 9 ½ все равно уходят. В четверг, должна признаться, у нас фестиваль⁴. Я бы не решилась отнять у вас еще лишний вечер,

но, к сожалению, роман необходимо читать наедине!⁵ Делать нечего, вам придется покориться.

3.

Нельзя ли написать сразу на двух листах?

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 42.

Датируется условно, на основании гипотезы, высказанной в примеч. 4. Если она ошибочна, то в любом случае, вероятно, письмо относится к осени 1893 г.

¹ Собака. Гиппиус вспоминала о ней: «Как-то очень скоро после нашего приезда в СПб, еще зимой, Д. вдруг вернулся с прогулки неожиданно и закричал из передней: “Зина, мопс!” Я выбежала и увидела крошечного черно-серого щенка, на руках продавца. Заплатили мы за него 3 рубля, и эта собачка — Буленька оказалась нашим товарищем потом лет десять. Она была очень породистая, злая, и решительно никого не признавала, кроме Д. и меня. Нас она зато обожала, не позволяя никому к нам и близко подойти. Мы, я и Д., тоже ее любили» [3, т. 16, с. 66]. Появилась она не позже 1890 г., поскольку упоминается в поэме Мережковского «Семейная идиллия» («А Булька серая, любимый мопс, меж нами / В тревоге бегает, как между двух огней»).

² Популярные духи российско-французской фирмы А. Ралле.

³ Нам известна англичанка, обучавшая Гиппиус языку (и рекомендованная ей Минским), г-жа Краун, но о ком идет речь здесь, неясно.

⁴ Не исключено, что это тот же фестиваль 14 октября 1893 г., о котором идет речь в п. 22 (в котором также упоминается чтение романа).

⁵ См. примеч. 3 к п. 22.

24. 28 декабря 1893. СПб.

Вторник.

Елка у меня, по обычаю прошлых лет, будет в субботу, 1-го января. Если вы свободны — приходите (7 ч.). Да если и не свободны — это вам не помешает, елка кончается рано, и Тага-Ната уйдут от меня, верно, в тот самый час, когда начинаются петербургские журфиксы и другие удовольствия. Вы можете прийти спокойно¹. А я вам всегда рада, Федор Алексеевич.

Зин. Мереж.

Пусть новый год будет для вас таким же счастливым и веселым, как этот старый. Примите мое пожелание.

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 43–44.

1 января падало на субботу из всех биографически возможных годов только в 1894.

¹ Судя по п. 26, этот визит состоялся.

25. 1891–1893 ?. СПб.

Нет ли у вас грамматики Нурока?¹

Очень была бы ей рада — или, вернее, сообщению — есть или нет.

З. Г.

P.S. А если в пятницу вам точно предстоит «казнь» (вы так выразились), то ведь можно и не приходиться. Неужели я в самом деле палач? Право, я очень серьезно решила гармонизировать наши желания, а вы вот все этому не верите.

Так что если «казнь» — я вас милую, а если вам интересно — пожалуйста.

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 17.

¹ Одно из изданий «Практической грамматики английского языка», составленной Павлом Мартьяновичем Нуроком (1827–1888).

26. 1 января 1894. СПб.

1 января, 94.

Конечно, одному из нас было «неприятно». Кому — история умалчивает, как умалчивает о многом. Но скучно старое. Только вы, я надеюсь, не забудете, что сами завели ёлочный разговор? Иначе я, верно, не обеспокоила бы вас. И жаль еще, что вы так нелюбезны и не извещаете раньше, благоприятствуют ли обстоятельства.

Дм. Серг. просит меня передать вам приглашение гостем в Шекспировский кружок, у нас, на свой реферат 5-го января, в среду¹. Если вам интересно и не страшно после веселья окунуться в нашу сравнительную серьезность — приходите.

Дети поручили мне спросить, когда же будет Энрольд?²

Исполнив свои миссии, остаюсь, с желанием вам успехов

Зин. Мережковская.

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 5–5 об.

¹ Шекспировский кружок возник в Санкт-Петербурге в 1874 г.; см.: [20, с. 262–263]. Гиппиус упоминает его в мемуарах: «Я в это время писала уже везде, бывала и в Литер<атурном> о<бществ>е и даже в еще более закрытом “Шекспировском кружке”, членами которого состояли, или должны были состоять, только

литературные критики. Но большинство там были известные адвокаты, как кн. Урусов, часто приезжавший из Москвы, Спасович и другие. Впрочем, был там и старый, ныне забытый, романист Боборыкин. Там Урусов, помню, сделал первый доклад о Нитше, тогда в России еще малоизвестном» [3, т. 16, с. 75]. Какой реферат читал Мережковский 5 января, мы не знаем.

2 Чиновник особой канцелярии по кредитной части Сергей Федорович Энрольд (1862–1900). Подробности его отношений с Червинским и Мережковскими нам неизвестны. Дети — очевидно, Т.Н. и Н.Н. Гиппиус.

27. 1894 ?. СПб.

Если бы я, сверх ожидания, не получила от вас этой записки — я сама послала бы вам сказать, что не могу ехать сегодня. Последние три дня я провела, почти не вставая, за романом¹, кончила его — и со вчерашнего вечера у меня очень сильно болит голова. Десять минут назад приняла два антипирина² и потому могу думать и писать эти несколько слов с надлежащей ясностью. Хотя, собственно, что писать? Теперь, я вижу, вы правы, понять друг друга трудно и, главное, незачем. И без красноречия я поверила всему, что вы написали, тому, что «любили» в редкие минуты жалости и т.д., только у Донона³ я никогда не думала, что вы меня ревнуете, я же знала, что вы давно равнодушны; ведь это тогда вы не могли «овладеть тоном». Я не умею победить себя и не верить словам, а в особенности вашим. И самое мучительное для меня — это когда нужно перестать верить одному, чтобы можно было верить другому. Когда два слова несомнимых. Но все равно. Вот главное и, вы увидите, такое же по-сильно-правдивое, как моя тетрадь⁴. В тот вечер, вернее — в ту ночь, когда я вам читала все, что могла — мне вдруг показалось, что между нами растаял тот дурной, непрозрачный лед, который был последнее время. Я на минутку до конца поверила, что вы все можете понять, что вы можете пожалеть, когда мне больно, — и что вы мне так же верите, как и я вам. Я знала, что вы меня не любите, и вы знали, что я вас не люблю — но — понимаете — не могло быть ничего, чего бы я тогда не сделала и не сказала, боялась бы сделать и сказать. Свободно и вольно с вами, — как я хочу, чтоб было свободно. Если бы я не ошибалась тогда, — разве такое чудо хуже любви? Я думала, что я могу быть вам нужна, потому что и у меня и у вас — души с двойными днами, и вместе будет легче жить. Когда первое счастье от этих мыслей прошло — явились другие мысли и тихонько привели меня к жизненной правде, то есть — что мое воображение болезненно, что меня тревожат призраки, которые напрасно отнимают у меня силу,

нужную на другое. Я дошла даже до мелочей в своем угадывании: я была уверена, что сегодня утром, именно сегодня — получу от вас такую записку, какую получила. Не хочу спорить, быть может — это случайность. Пусть будет как есть. Я знаю, что будь я в вашей комнате, вот теперь, когда вы читаете мое письмо — вы бы сказали, что вам скучно читать такое длинное письмо. Если это правда — простите. Но вздор и рабство упрекать себя в излишней правдивости, называть «позором» и стыдиться чего-нибудь не потому, что чувствуешь, а только потому, что это сказано. Я знаю, знаю, что позорнее лжи нет ничего. Поэтому я не раскаиваюсь в этом письме — и в том, что прочла вам свою тетрадь. Тем, что прочла — я вам дала много мне дорогого; и думала потом, что может быть какое-то равновесие. Теперь я вам прощаю все, что дала и хочу примириться с тем, что ничего не получила взамен. Поймите меня, как вы умели понимать в тот вечер, а не так, как я боялась бы всяким быть понятой. Голова опять болит у меня. Спешу закончить. Завидую вам, вы верите себе больше, чем другим и умеете быть одиноким. Я буду стараться так же. Я никогда в прошлом году не доверяла вам, как в тот вечер. Я не знаю, что труднее терять, веру или любовь. Если вы такой, как мне показалось, есть на свете — вы поймете, как я это пишу, а если не такой, то мне все равно, что вы подумаете.

Зина.

Простите, едва вижу бумагу, ложусь в постель.

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 40–41 об.

Условно датируется по содержанию: из письма следует, что написано оно на следующий год после разрыва («никогда в прошлом году не доверяла вам, как в тот вечер»).

¹ Вероятно, речь о романе «Без талисмана» (см. примеч. 3 к п. 22).

² Жаропонижающее и обезболивающее средство.

³ См. примеч. 2 к п. 4.

⁴ Судя по характеру упоминаний, речь идет о тетради любовных историй «Copies d'amour», где упоминается и Червинский (см. примеч. 6 к вступительной статье).

28. 4 января 1895. СПб.

4 января, 95.

Федор Алексеевич!

Я только что узнала о «Каждом Семнадцатом Месяце»¹. Сознаться, мне немножко больно, потому что подробности нашего разговора для меня были дороже, чем для вас — но все-таки не думайте,

это не упрек. Я просто хочу попросить вас — если еще есть время и если мое последнее письмо сохранилось у вас (я и тогда выразила желание, чтобы вы не шутили над ним) — пожалуйста, не показывайте его другим и не говорите о нем. Конечно, это только просьба, вы в полном праве поступать, как захочется в данную минуту; но может быть просьба моя будет иметь значение хотя <sic> теперь, когда вы знаете, что в отношении вас я права даже перед строгим судом внутренней красоты.

Более ничего.

Зин. Мережк.

<Притиска:> Собиралась запечатать письмо, когда муж сообщил мне, к моему удивлению, что в четверг вы не придете². К удивлению — ибо я не знала, чтобы вас звали.

РГАЛИ. Ф. 154. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 1–1 об.

¹ О чем идет речь — неясно.

² О вечере у Мережковских в ближайший четверг, 5 января, на следующий день после этого письма, сведений у нас нет, равно как и уверенности в том, что он состоялся. Вероятнее, имеется в виду вечер 12 января, о котором, напротив, кое-что известно: «Вечер у Мережковских. Обращение к бюсту Грибоедова очень» тепло. Венгерова защищает «Тени» Сологуба и видит в них символизм. Родственник З.Н. Гиппиус. Красивый Философов. Лохматый Ясинский (М. Белинский). Стройный С.А. Андреевский. <...> Д.С. прочел главу (арена) из «Юлиана» (дневниковая запись А.В. Половцова от этого же дня // РНБ. Ф. 601. Ед. хр. 99. Л. 69).

29. 7 января 1895. СПб.

7 января, 95.

Как вам угодно. Только имея корректную привычку всегда отвечать на все — я оставляю за собой последнее слово о злосчастных инцидентах. Да кстати уж разьясню «таинственное»... как выразились вы. Моя торжественность происходила от одного неумного (сознаюсь) убеждения, имеющего пагубное влияние на мою «карьеру»: я думала, что искренность всесильна. Остальное понятно.

Ч<ернави>ну¹ я видела в С<еверном> В<естнике> — и вовсе не подошла к ней, не имея понятия о размере и сущности сплетни. Никакого человека, хорошо знающего Ч<ернави>ну, я не встречала, след<овательно> и писем ему цитировать не могла. А знаете, тому, кто эти цитаты слышал — весьма нужно бы раньше и хорошо быть

знакомому с теми же письмами, чтобы угадать, от кого и кому они! Так что я моей единственной фразой: «звезды ваших глаз зажгут иллюминации» — никому не открыла Америки.

Напрасно не пояснили К.С.М.² Не все ли равно, если вы заранее знали, что быстрая особа получит приблизительные разъяснения от М<инско>го? Не могу этого проверить, ибо с М<инским> не общаюсь, но основываясь на ваших словах, что это более, чем возможно. «Невежливым» замечанием я хотела сказать, что от меня М<инский> ничего о лампе не знал.

Не забывайте же мудрого совета и никогда не обманывайте себя (если и захочется), что искренность всесильна. Опыт жизни говорит — нет.

А засим — как угодно, говорить так говорить по новому, молчать — так молчать. Будьте уверены, что я имени вашего не произнесу и никаких изысканий делать не стану. Ежели вы думаете, что я на что-нибудь гожусь, кроме предательства — возможны в будущем новые разговоры, а если петербургские доброжелатели (в соединении с моими легкими ошибками и дурным случаем) достаточно выяснили перед вами мою личность — и ваша пронизательная душа видит во всем этом больше правды и красоты, чем в моих словах — остается умолкнуть и ждать... разве страшного суда, где нас всех обещают рассудить с большой справедливостью. Позволяю себе припомнить фразу вашего старого письма: «все, как вы хотите».

Зин. Гиппиус.

РГАЛИ. Ф. 154. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 2–3 об.

¹ О Чернавиной, т.е. Л.И. Веселитской-Микулич, см. примеч. 4 к п. 14. Сюжет этот будет иметь продолжение в п. 30. В «Северном вестнике» она печатала, в частности, повесть «Зарницы» (1894. № 1–4).

² Почти наверняка речь идет о том же непонятном «Каждом Семнадцатом Месяце», что и в п. 28.

30. Январь 1895. СПб.

Федор Алексеевич, я хочу, чтобы вы меня выслушали. Я не думала писать вам больше, но ваше письмо вызывает меня на правду, на слова, которых я никогда не хотела произносить. Я отвечу вам так же ясно на каждое положение вашего письма, с тою же определенностью, с какою говорили вы. Начнем не с самого начала — начнем со сказки¹. Я не умею писать то, что думаю, у меня просто нет таланта. Я писала эту

сказку весной, той далекой весной, когда вы бросили меня, не жалея, отдали такую, как я, беспомощную и преданную вам бесконечно — всем оскорблениям жизни². Я страдала тогда так, как я не желаю, чтобы страдали вы. Вы мне сделали всю боль, какую могли и все-таки я писала эту сказку, и стихи³ — как молилась. Может быть — горечь проскользнула в ней... но она просто плоха, я не сумела ничего сказать... Помню, я надеялась тогда сказать такое, чтобы убедить вас, вернуть вас, потому что я не представляла себе жизни и красоты в моей жизни — без вас. В Луге, я помню, я хотела несколько раз дать вам эту сказку — и не посмела, потому что ведь вы помните, что было в Луге...⁴ Потом я оторвалась от этой сказки — не перечитывала ее год — и все-таки искренно думала, что она не может как-нибудь дурно подействовать на вас. Этой сказкой я как бы отбрасывала все дурное, внешнее от вас, я вызывала вас на истину, я хотела умолять вас: скажите, скажите мне внутреннюю причину всего этого, пусть даже извне это не напоминает пошлое, обыкновенное... Я не могу и не хочу рассказывать, до какой степени тяжело мне было... другому трудно понять. Вот я упомянула, что не могла представить себе, как буду жить дальше без вас и с той невыносимой тяжестью и темнотой, в которой вы меня покинули; а вы говорите о том, что я считала какое-то ваше остроумие ничтожным и находила вас глупым... Да, вы очень забыли меня. Одна из моих главных слабостей — слишком усердное охранение моего истинного чувства от посторонних ушей. Я говорила о вас дурно и презрительно, потому что вы мне были слишком дороги. Я говорила с отчаянием, со злобой на себя — потому что я очень хотела измениться к вам, пока не поняла, что не нужно этого хотеть. Если вы психолог — вы поймете и эпизод с лампой (Минский не мог говорить вам это — Минский ничего не знал) и многое другое, переданное вам услужливыми сплетниками в уродливом виде⁵. О Чернавиной. Вы верите, что я люблю свою мать? Вам не покажется риторикой, если я ее жизнью поклянусь, что не говорила ничего никаким неблизким людям о том, что было сказано вами мне? Кажется — я говорила о ее сказке⁶. Помните рукопись, которую вы мне давали? Об этой сказке я говорила. Изю всех сил стараюсь вспомнить, что еще я говорила о ней и о вас. Кажется — приводила фразу из ее письма без имен совершенно, судила ее с литературной точки зрения, с кем говорила — не помню. Вот все. Не будете верить — что ж я могу еще сделать для этого? А фразы из писем и вы приводили раньше, и без всяких вторичных настроений. Теперь последнее — то, что вы сделали весной. Моя душа перед вами — точно без покровов: пыль, сор, самое малейшее, почти невидимое — царапает и рвет ее, а я, желая снять

соринку, раскрываю рану и умираю от нее, потому что не умею не страдать. Вы знаете — и я знаю, что я глубоко больна и, вероятно, умру. Я говорю это просто, совсем просто, мне кажется — я привыкла... Но об этом страшно говорить, потому что вы можете не понять, как я это говорю — и тогда будет нехорошо. Но вы меня видели — значит, подробностей не нужно. Я упоминаю об этом только для пояснения моей психологии. Тогда, прошлой весной, я узнала, почувствовала это в первый раз с необычной остротой. Я не была очень испугана, но я сильно взволновалась. Ведь это все-таки очень важно для меня. Прошлая зима — сплошной кошмар, незаметный и неинтересный ни для кого, кроме меня — сделала меня бессильной, жалкой почти не мной. Сердце мое ныло и я, без расчета, без соображений — хотела успокоить его, думая что в этом последнем слове вы мне не откажете. Я готова была крикнуть вам: ведь я человек! Ведь у меня больше сил нет против этой несправедливости! У вас есть жалость, у вас есть совесть: я ничего не хочу от вас, кроме одного дружеского слова... У вас нет его — обманите — но скажите, ведь я — вам когда-то близкий человек, ведь я все-таки ваш брат и равный... Равный ли? Не знаю. Все равно. Вы мне отказали в едином слове утешения — и сделали это так... неосторожно... Как будто со мной нужна резкость, чтобы ранить меня, как будто недостаточно вашего полунамека, чтобы уязвить мою душу, не приспособленную к оскорблениям жизни? Я помню ваше письмо, точно я сейчас получила его.

Друг мой (простите это слово), я могу смело смотреть вам в глаза — и я смотрю без стыда и без надежды, я, такая вам теперь ненужная и неинтересная, непохожая на всех, вас окружающих. Повторять ли, что я ничего не хочу от вас и ничего не жду — даже ответа на мое письмо?

Тогда, после, когда со мной что-нибудь случится — вы вспомните об этом письме, хорошо? А теперь только одно: не шутите над ним.

Да, я отношусь к вам глубоко и неизменно — и я имею право это сказать — мне было так больно... Помните, я искала чуда? Что, если чудо было во мне? Но как оно мне дорого стоит.

3.

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 29–32.

Датируется по явной связи с п. 29 от 7 января 1895 г., которое, вероятно, предшествует этому: в обоих упоминается история с лампой (нам неизвестная) и обиды «Чернавиной», т.е. Л.И. Веселитской-Микиulich (см. примеч. 4 к п. 14).

¹ Вероятно, речь идет о сказке Гиппиус «Время» (единственное известное нам ее выступление в этом жанре). В 1894 г. она писала Н.М. Минскому: «Будет очень

милу, если вы в СПб. купите в редакции Новостей №№ 83 и 84 Русской Жизни и привезете. Там напечатана моя сказка. Я ее очень хотела бы видеть, сама купить не соберусь — и даже черновой не имею. Интересно потому, что написав год тому назад, — и с тех пор не перечитывала. Это не conte d'amour. Мало помню, кому там достается. Вообще — не современно. Мимо, мимо!» (письмо от 13 июля 1894 г. [7, с. 299]). Между тем, в указанных номерах публикаций Гиппиус нет — и вообще сказка эта, похоже, впервые напечатана в составе ее первого сборника: *Гиппиус-Мережковская З.Н.* Новые люди. СПб., 1896. С. 327–358. Очевидна связь ее сюжета с несколькими любовными историями Гиппиус, в том числе и с той, что развивалась при участии адресата письма (см. вступительную статью).

² Т. е. весной 1893 года, когда Червинский после решительного объяснения 17 марта уехал в Венецию (где, между прочим, побывала и принцесса, героиня сказки). В Венецию же отправляется и там умирает героиня романа Червинского «Пустоцвет», отчасти списанная с Гиппиус (см.: Ежемесячное приложение к журналу «Живописное обозрение». 1900. № 4. С. 99, 116–120).

³ В той же дневниковой записи, где Гиппиус фиксирует состоявшийся разрыв с Червинским, она записывает знаменитую в будущем «Песню» («Окошко мое высоко над землею...») — один из ключевых текстов русского символизма.

⁴ Приезд Червинского на дачу в Лугу летом 1893 г. Гиппиус описывает в дневнике: «Зачем Червинский приехал к нам в Лугу? К маме? Но он мог бы подождать до осени. Не знаю.

Приехал в день нашего (меня и Дмитрия Сергеевича) отъезда по делам в СПб.

Я все-таки волновалась, укладывая чемоданчик. Цвела сирень, я чувствовала себя хорошенькой и свежей и думала: “А ведь он любит меня еще!” Я приходила и уходила, звеня ключами. Он сидел в столовой, черный, расплывший, бритый...» [3, т. 8, с. 36].

⁵ Эпизод с лампой нам неизвестен.

⁶ Речь об уже упоминавшейся выше (см. примеч. 4 к п. 14) Л.И. Веселитской-Микулич, фамилия которой по мужу (с которым она, впрочем, рассталась еще в 1887 г.) была Чернавина. О какой ее сказке идет речь, нам неизвестно.

31. 7 февраля 1895. СПб.

7 февраля, 95.

Федор Алексеевич!

Я только что получила записку от баронессы¹ (с которой вы так демонстративно порвали), где она извещает нас о чтении Вл. Соловьева у нее, в четверг². Поэтому наш четверг откладывается до следующей недели, 16-го февраля. Пожалуйста, приходите, я буду рада. И не забудьте — я напишу только в случае отмены.

Вы обещали дать мне ваш роман: это было бы очень хорошо³. Между прочим — свойство нашего друга Флексера — легко поддаваться гипнозу — т.е. чужому мнению о художественных вещах⁴. Каждый мало-мальски понимающий человек, его взгляд — имеют

значение. И чем больше будут говорить о вашем романе — тем несомненное его появление на страницах Сев<ерного> Вестника. Но все это — мимоходом. А главное — я хотела бы для себя прочесть вещь, начало и облик которой мне помнится с такого давнего времени.

Зина Мережк.

Не забывайте о Статуе⁵.

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 27–27 об.

¹ О баронессе см. примеч. 2 к п. 31.

² Одно из немногих материальных свидетельств отношений В.И. Икскуль фон Гильдебрандт с Владимиром Сергеевичем Соловьевым (1853–1900) см. в работе: [5]. См. также упоминание в воспоминаниях Гиппиус о встречах с Соловьевым в доме Икскуль [3, т. 13, с. 409–410].

³ Вероятно, имеется в виду тот же «Пустоцвете» Червинского (см. примеч. 1 к п. 18).

⁴ Флексер — Аким Львович Вольнский (1861 или 1863–1927), переживавший в эти месяцы бурный роман с Гиппиус. Он действительно, как прямо сообщает далее Гиппиус, оказывал решающее влияние на политику журнала «Северный вестник», но даже ее протекция (если она и состоялась) не помогла роману Червинского там появиться.

⁵ О чем идет речь — неясно.

32. Лето или осень 1895 ?. СПб

Федор Алексеевич!

Ваша фраза о том, что я хочу поссорить Вас и А. Л. Флексера¹ — была мне очень неприятна, и я хотела бы, чтобы Вы взяли ее назад. В данное время и при некоторых данных обстоятельствах (Вам, правда, неизвестных) я не желала бы слышать подобную фразу даже в шуточной форме. Вы знаете, что несмотря на Ваше несправедливое и некрасивое отношение ко мне, даже несмотря на последний неожиданный поступок Ваш против меня весной (не стану и вспоминать о нем, жалея Вас: ведь мое дело идет к определенному концу — и я боюсь, что после это воспоминание будет тревожить Вас во время бессонницы) — несмотря на все — я отношусь к Вам искренно, глубоко и доброжелательно.

Я ничего не хочу от Вас и, видите, делаю Вам теперь самое приятное, что могу — не напоминаю о себе. Ваша психология, хотя вы говорили достаточное количество ясных, грубоватых и неискренних слов, Ваша неровная, странная «веселая злость»² — останутся для меня навсегда непонятыми — но и Бог с ними. Я не пытаюсь восстановить правду между нами, это безнадежно. Я прошу

Вас только взять назад Вашу шутку о ссоре — она имеет для меня большое внутреннее значение.

А вот маленькая поправка, ни на что не нужная: когда Вы ушли — я спросила А. Л. опять о Вашем романе при лицах, слышавших только что и Ваши слова: и Флексер опять, и даже с некоторым удивлением, повторил, что он сказал только об отсутствии «принципиальных препятствий» — и ни о чем больше. Эта поправка — ненужная во-первых потому, что я-то не сомневаюсь относительно принятия Вашего романа, а во-вторых — ведь я знала, что Вы шутите... Вы все шутите....

Жму Вашу руку.

З.Н.М.

РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 235. Л. 3–4.

Датируется условно по содержанию: вероятно, письмо это продолжает тему публикации романа Червинского в «Северном вестнике», начатую в письме от 7 февраля 1895 г. Если так — «неизвестные обстоятельства» — это роман Гиппиус с Флексером (Волинским), развивавшийся в 1895 г.

¹ См. примеч. 4 к п. 31.

² Если это не отсылка к прежним разговорам корреспондентов, то можно предположить, что выражение взято из романа Я.П. Полонского «Дешевый город», заведомо известного Гиппиус (см.: *Полонский Я.П.* Полн. собр. соч. СПб., 1886. Т. 7. С. 342).

33. 26 декабря 1900. СПб.

Федор Алексеевич,

вы совсем презрели ваших «коллег» и литературу. Согласно, что ни первые, ни вторая особенного блеска теперь не имеют, но и прежде его в литературе не было, однако же имели вы к ней «причастие». Может быть зайдете к нам как-нибудь между 4-7 дня?

Очень хотелось бы поговорить с вами об Энрольде, смерть которого всех нас очень поразила¹. Вот человек, казалось бы менее всего способный на такую серьезную вещь, как смерть!

Всего хорошего.

З. Мережковская.

Так как я очень занята, то мне лучше знать день, когда вы зайдете. Скажем — в ближайшую субботу, 30-го. Если вы несвободны — то известите и назначьте другой день.

Литейный, 24, кв. 33.

26 дек. 1900.

СПб.

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 28–28 об.

¹ С.Ф. Энрольд (см. примеч. 2 к п. 26) умер 11 декабря 1900 г. Сообщение об этом («жена и сестры с душевным прискорбием извещают родных и знакомых о кончине их незабвенного мужа и брата») появилось на странице некрологов в «Новом времени» (1900. № 8908. 13 декабря. С. 1).

Литература

1. *Брюсов В.* Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М.: Олма-Пресс, 2002. 415 с.
2. *Венгеров С.А.* Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. СПб.: Типо-литогр. И. Ефрона, 1892. Т. 3. 27 + 444 с.
3. *Гиппиус З.Н.* Собрание сочинений: в 16 т. / сост. Т.Ф. Прокопов, А.Н. Николокин. М.: Дмитрий Сечин, 2001–2019.
4. Зинаида Гиппиус. Письма к Любви Гуревич / публ. М.М. Павловой // Русская литература. 2010. № 2. С. 125–128.
5. *Котрелев Н.В.* Из неизданного и несобранного Владимира Соловьева: Дарственная надпись баронессе В.И. Икскуль фон Гильденбандт и авторские маргиналии на книге «Стихотворения» (1891) // Тихие песни. Историко-литературный сборник к 80-летию Л.М. Турчинского. М.: Трутень, 2014. С. 169–177.
6. *Лавров А.В.* Тексты и комментарии. Из материалов к истории русской литературы первой трети XX века. СПб.: Нестор-История, 2018. 528 с.
7. Литературное наследство. М.: Наука, 2018. Т. 106: Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус / сост. Н.А. Богомол и М.М. Павлова; отв. редактор О.А. Коростелев. Кн. 1. 896 с.
8. *Мережковский Д.С.* Письма к С.Я. Надсону / предисл., публ. и примеч. А.В. Лаврова // Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 174–193.
9. Музыкальная библиография русской периодической печати XIX века / сост. Т.Н. Ливанова. М.: Советский композитор, 1967. Вып. IV: 1851–1860. Ч. 1. 212 с.
10. *Мурзанов Н.А.* Словарь русских сенаторов 1711–1917 гг. Материалы для биографий / под ред. Д.Н. Шилова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 735 с.
11. *Набокина О., Носков А.* Луга и окрестности. Из истории населенных мест Лужского района. М.; СПб.: Центрполиграф, 2015. 637 с.
12. *Опель В.А.* Мое жизнеописание. СПб.: Издат. дом СПбМАПО, 2003. 447 с.
13. *Перцов П.П.* Литературные воспоминания. 1890–1902 / сост., подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М.: Новое лит. обозрение, 2002. 496 с.
14. Письма Д.С. Мережковского к П.П. Перцову / публ. М.Ю. Кореновой // Русская литература. 1991. № 2. 156–181.
15. Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М.: Большая Рос. энциклопедия; Фанит, 1994. Т. 3: К–М. 592 с.
16. *Сапожков С.В.*, при участии *Гучкова С.М.* Червинский Федор Алексеевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М.; СПб.: Большая Рос. энциклопедия; Нестор, 2019. Т. 6: С–Ч. С. 612–615.

17. *Соболев А.Л., Тименчик Р.Д.* Венеция в русской поэзии. 1888–1972. Опыт антологии. М.: Новое лит. обозрение, 2019. 1104 с.
18. *Троицкий В.М.* Очерки семейной хроники. Тула: Гриф и К., 2005. 720 с.
19. *Ф.И. Тютчев.* Библиографический указатель произведений и литературы о жизни и деятельности. 1818–1973 / сост. И.А. Королева, А.А. Николаев. М.: Книга, 1978. 264 с.
20. *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов. Словарь. М.: Новое лит. обозрение, 2004. 440 с.
21. *Юдина И.М.* Рукописи и переписка В.Г. Короленко. Научное описание // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1970 г. Л.: Наука, 1971. С. 3–107.

Research Article and Publication of Archival Documents

Z.N. Gippius's letters to F.A. Chervinsky

© 2021, Alexander L. Sobolev

Moscow, Russia

Abstract: The publication introduces 33 letters of the 1890s from Z.N. Gippius to the writer, poet and playwright, St. Petersburg lawyer F.A. Chervinsky. Gippius's short romance with Chervinsky, as happened with her other heartfelt passions, provoked an intense epistolary dialogue, avoiding, however, direct expression and self-reflection of feelings. Gippius's letters are dominated by playing and light coquetry, full of hints and provocations, and the life romance itself is built by her as a tense psychological experiment. Their relationship in 1892–1893 found reflection in the works of both participants — in Gippius's fairy tale “Time” and Chervinsky's story “Sylphide”, typical examples of modernist interrelation of literature and life. At the same time, the letters are interesting for the details of literary events reported in them, for the characteristics of a number of contemporary writers — N. Minsky, D. Merezhkovsky, A.P. Chekhov and other common acquaintances.

Keywords: biography of a writer, literary life, Z. Gippius, D. Merezhkovsky, Modernist life creation, letters, publication of archival documents.

Information about the author: Alexander L. Sobolev, independent researcher, Moscow, Russia. E-mail: trirodov@gmail.com.

For citation: Sobolev, A.L. “Z.N. Gippius's Letters to F.A. Chervinsky.” *Literaturnyi fakt*, 2021, no. 1 (19), pp. 61–107. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-61-107>

References

1. Briusov, V. *Dnevnik. Avtobiograficheskaia proza. Pis'ma* [Diaries. Autobiographical prose. Letters]. Moscow, Olma-Press Publ., 2002. 415 p. (In Russ.)
2. Vengerov, S.A. *Kritiko-bibliograficheskii slovar' russkikh pisatelei i uchenykh* [Critical-Bibliographic Dictionary of Russian Writers and Scientists], vol. 3. St. Petersburg, Tipo-litografiia I. Efrona Publ., 1892. 27 + 444 p. (In Russ.)
3. Gippius, Z.N. *Sobranie sochinenii: v 16 t.* [Collected Works: in 16 vols.], comp. by T.F. Prokopov, A.N. Nikoliukin. Moscow, Dmitrii Sechin Publ., 2001–2019. (In Russ.)
4. “Zinaida Gippius. Pis'ma k Liubovi Gurevich” [“Zinaida Gippius. Letters to Lyubov Gurevich”], publ. by M.M. Pavlova. *Russkaia literatura*, no. 2, 2010, pp. 125–128. (In Russ.)
5. Kotrelev, N.V. “Iz neizdannogo i nesobrannogo Vladimira Solov'eva: Darstvennaia nadpis' baronesse V.I. Ikskul' fon Gil'denbandt i avtorskie marginalii na knige ‘Stikhotvoreniia’ (1891)” [“From the Unpublished and Unassembled Works by Vladimir Solovyov: Dedicatory Inscription to Baroness V.I. Uexküll von Güldenband and the Author's Marginalia on the Book ‘Poems’ (1891)”]. *Tikhie pesni. Istoriko-literaturnyi sbornik k 80-letiiu L.M. Turchinskogo* [Quiet Songs. Historical and Literary Collection to the 80th Anniversary of L.M. Turchinsky]. Moscow, Truten' Publ., 2014, pp. 169–177. (In Russ.)
6. Lavrov, A.V. *Teksty i kommentarii. Iz materialov k istorii russkoi literatury pervoi treti XX veka* [Texts and Commentary. From Materials on the History of Russian Literature of the First Third of the 20th Century]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2018. 528 p. (In Russ.)
7. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 106: Epistoliarное наследие Z.N. Gippius [Epistolary Heritage of Z.N. Gippius], book 1, comp. by N.A. Bogomolov and M.M. Pavlova, ex. ed. O.A. Korostelev. Moscow, Nauka Publ., 2018. 896 p. (In Russ.)
8. Merezhkovskii, D.S. “Pis'ma k S.Ia. Nadsonu” [“Letters to S.Ya. Nadson”], introd., publ. and comm. by A.V. Lavrov. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 8, 1994, pp. 174–193. (In Russ.)
9. *Muzykal'naia bibliografiia russkoi periodicheskoi pechati XIX veka* [Musical Bibliography of Russian Periodicals of the 19th Century], issue IV: 1851–1860, part 1, comp. by T.N. Livanova. Moscow, Sovetskii kompozitor Publ., 1967. 212 p. (In Russ.)
10. Murzanov, N.A. *Slovar' russkikh senatorov 1711–1917 gg. Materialy dlia biografii* [Dictionary of Russian Senators 1711–1917 Materials for biographies], ed. by D.N. Shilov. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2011. 735 p. (In Russ.)
11. Nabokina, O., Noskov, A. *Luga i okrestnosti. Iz istorii naseleennykh mest Luzhskogo raiona* [Luga and Surroundings. From the History of Luga Region Settlements]. Moscow, St. Petersburg, Tsentrpoligraf Publ., 2015. 637 p. (In Russ.)
12. Opel', V.A. *Moe zhizneopisanie* [My Life Story]. St. Petersburg, Izdatel'skii dom SPbMAPO Publ., 2003. 447 p. (In Russ.)

13. Pertsov, P.P. *Literaturnye vospominaniia. 1890–1902* [*Literary Memoirs. 1890–1902*], comp., text prep. and comm. by A.V. Lavrov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. 496 p. (In Russ.)

14. “Pis'ma D.S. Merezhkovskogo k P.P. Pertsovu” [“D.S. Merezhkovsky's Letters to P.P. Pertsov”], publ. by M.Iu. Koreneva. *Russkaia literatura*, no. 2, 1991, pp. 156–181. (In Russ.)

15. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [*Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary*], vol. 3. Moscow, Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia Publ., Fianit Publ., 1994. 592 p. (In Russ.)

16. Sapozhkov, S.V., with the participation of Guchkov, S.M. “Chervinskii Fedor Alekseevich” [“Chervinsky Fedor Alexeyevich”]. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [*Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary*], vol. 6. Moscow, St. Petersburg, Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia Publ., Nestor Publ., 2019, pp. 612–615. (In Russ.)

17. Sobolev, A.L., Timenchik, R.D. *Venetsiia v russkoi poezii. 1888–1972. Opyt antologii* [*Venice in Russian Poetry. 1888–1972. Attempt of an Anthology*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. 1104 p. (In Russ.)

18. Troitskii, V.M. *Ocherki semeinoi khroniki* [*Family Chronicle Essays*]. Tula, Grif i K. Publ., 2005. 720 p. (In Russ.)

19. *F.I. Tiutchev. Bibliograficheskii ukazatel' proizvedenii i literatury o zhizni i deiatel'nosti. 1818–1973* [*F.I. Tyutchev. Bibliographic Index of Works and Literature on His Life and Work. 1818–1973*], comp. by I.A. Koroleva, A.A. Nikolaev. Moscow, Kniga Publ., 1978. 264 p. (In Russ.)

20. Schruha, M. *Literaturnye ob"edineniia Moskvy i Peterburga 1890–1917 godov. Slovar'* [*Literary Associations of Moscow and St. Petersburg in 1890–1917*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. 440 p. (In Russ.)

21. Iudina, I.M. “Rukopisi i perepiska V.G. Korolenko. Nauchnoe opisaniie” [“Manuscripts and Correspondence of V.G. Korolenko. Scientific Description”]. *Ezhгодnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1970 g.* [*Pushkin House Manuscript Department Annual for 1970*]. Leningrad, Nauka Publ., 1971, pp. 3–107. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 18.12.2020
Дата публикации: 25.03.2021

The article was submitted: 18.12.2020
Date of publication: 25.03.2021

Историограф и романист-историограф. Письма Д.С. Мережковского к П.Е. Щеголеву

© 2021, А.В. Лавров

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Публикация посвящена взаимоотношениям одного из наиболее крупных писателей русского модернизма Д.С. Мережковского и выдающегося специалиста по истории освободительного движения и общественно-политической жизни России XVIII–XIX вв. П.Е. Щеголева. Впервые печатаются 15 писем Мережковского к Щеголеву (1905–1914); наряду с обсуждением текущих событий в мире литературы и журналистики, главной темой переписки является работа Мережковского над историческими произведениями — драмой «Павел I», романами «Александр I», «14 декабря». Щеголев активно помогал писателю в подборе исторических материалов, предоставлял копии архивных дел следствия и суда над декабристами; ему импонировал строгий документальный подход Мережковского к воссозданию героев и эпохи Александровского и Николаевского царствований. В письмах и научном комментарии освещается противоречивое восприятие произведений Мережковского современной ему русской критикой.

Ключевые слова: переписка писателей, Д. Мережковский, П. Щеголев, литература и история, периодическая печать, декабристы, архивные материалы.

Информация об авторе: Александр Васильевич Лавров — доктор филологических наук, академик РАН, главный научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. Author ID SCOPUS: 56735870700. E-mail: pavlova.lavrov@gmail.com.

Для цитирования: Лавров А.В. Историограф и романист-историограф. Письма Д.С. Мережковского к П.Е. Щеголеву // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 108–132. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-108-132>

Крупнейший историк русского революционно-общественного движения, видный пушкинист, издатель исторического журнала «Былое» Павел Елисеевич Щеголев (1877–1931) был связан теснейшими узами дружбы и сотрудничества со многими своими современниками — не только коллегами-историками, но и представителями литературно-художественных кругов. Среди последних не последнее место занимает Д.С. Мережковский; точнее — «триумvirат» Мережковских, который составляли, помимо знаменитого писателя, З.Н. Гиппиус и их идейный сподвижник Д.В. Философов.

В столичную литературно-общественную жизнь Щеголев включился вскоре после того, как стал в 1895 г. студентом Петербургского университета (по санскрито-персидско-армянскому разряду факультета восточных языков), опубликовал в последующие годы несколько десятков рецензий в «Историческом вестнике» и ряд статей в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. Контакты с представителями современной литературы у Щеголева установились позднее, когда он оказался, после восьмимесячного заключения за антиправительственную деятельность, в ссылке в Полтаве, а затем в Вологде (1902–1903). В вологодском кружке ссыльных радикалов, который составляли столь яркие впоследствии фигуры, как Б.В. Савинков, И.П. Каляев, А.В. Луначарский, Н.А. Бердяев, Б.А. Кистяковский, А.А. Богданов и начинающий литератор модернистской ориентации А.М. Ремизов, наладилась связь с видными писателями и учеными из Москвы, Петербурга и других мест — в том числе и с Д.В. Философовым, тогда заведовавшим литературным отделом первого российского модернистского журнала «Мир искусства»¹. Видимо, Философов и послужил связующей нитью между Мережковскими и Щеголевым, обосновавшимся после отбытия ссылки в начале 1903 г. в Петербурге.

Хронологически первое свидетельство их знакомства — письмо З.Н. Гиппиус к Щеголеву от 18 февраля 1903 г.: «Мы слышали, что Вы собираетесь навестить нас. <...> Может быть, соберетесь, наконец, — хотя бы в этот четверг вечером? Очень были бы рады. Необходимо поговорить о разных делах и полуделах»². Не исключено,

¹ Ср. письмо Философова к Щеголеву от 23 января 1903 г. с искаженным упоминанием фамилии Ремизова: «Не надо ли высылать Ребезову “Мир Искусства”? Может быть, это ему было бы приятно? В данном случае не откажите сообщить его точный адрес» (ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1818). О том, что Философов высылал в Вологду «Мир искусства», Ремизов упоминает в мемуарной книге «Иверень», добавляя: «Все книги, выходившие в России, в первую голову высылались в Вологду и не в книжный магазин Тарутина, а к тому ж П.Е. Щеголеву» [23, с. 484].

² ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 712.

что предполагаемые «дела и полудела» подразумевали возможное участие Щеголева в руководимом Мережковскими журнале «Новый Путь», но таковое не состоялось; его литературная деятельность в это время была сосредоточена главным образом в журнале «Исторический вестник», в издании которого он принимал непосредственное участие (в 1903–1904 гг. был помощником редактора С.Н. Шубинского). Со своей стороны, Щеголев пытался пристроить в «Новый Путь» рукопись первого романа Ремизова «Пруд», но неудачно:³ «Пруд» увидел свет лишь в 1905 г. в «Вопросах жизни» — ежемесячнике, во многом преемственным по отношению к «Новому Пути», но руководимом уже другими лицами (литературный отдел в основном формировал Г.И. Чулков, дружески связанный со Щеголевым).

Сохранились разрозненные, но достаточно убедительные свидетельства того, что в середине 1900-х гг. общение «триумвирата» со Щеголевым приобрело устойчивый и доброжелательный характер. Как выясняется из письма к Щеголеву Философова от 23 августа 1905 г.⁴, он воспользовался своими личными связями «в верхах», чтобы добиться разрешения на предоставление Щеголеву и Н.П. Павлову-Сильванскому хранящегося в Государственном архиве уникального первопечатного цензурного экземпляра первого издания «Путешествия из Петербурга в Москву» для пересъемки его в типографии Р. Голике и А. Вильборга — с целью подготовки первого после 1790 г. полного издания книги Радищева (СПб., 1905). О неформальных и достаточно близких отношениях говорят и письмо Гиппиус к Щеголеву от 10 февраля 1906 г. (с приглашением «к нам на блины в воскресенье»⁵), и письма Мережковского к Щеголеву, адресованные в петербургскую тюрьму «Кресты», где тот отбывал наказание по суду за редактирование закрытого властями журнала

³ 15 апреля 1904 г. Гиппиус писала Щеголеву: «Роман Ремизова кажется мне очень талантливым, в некоторых местах удивительно сильным; Д.С. находит, однако, что он написан в чересчур “декадентской” форме и опасен для современного журнала с такой уже сомнительной репутацией, как Новый Путь. Если вы можете оставить нам рукопись еще на несколько времени, ее прочтут другие члены редакции. Хотя должна сказать откровенно, что есть к напечатанию одно, прозаическое но сильное, препятствие — прежде других: отсутствие денег у Нового Пути. Как вы знаете, мы все предаемся “бесконечному служению идее”, и даже Д.С. отдал даром свой роман, стоивший ему долготелетнего труда. Заплатить за длинный роман Ремизова (а он нуждается в деньгах, насколько я знаю) у нас нет никакой возможности. Я думаю, он пристроит его с большей для себя выгодой в один из новых или нарождающихся журналов, где и за “декадентство” его с него не так строго взыщут» (ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 714. Упомянут роман Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)»).

⁴ См.: ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1826.

⁵ См.: ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 726.

«Былое» — первого периодического издания, посвященного истории освободительного движения в России.

Для «троебратства» Мережковских, в ходе революции 1905 г. стремительно эволюционировавших в направлении сближения с наиболее радикальными противниками самодержавного режима, отношения со Щеголевым, полноценным представителем этого сообщества, безусловно, были значимы и притягательны. Особенно ценны были эти отношения собственно для Мережковского, в своем творческом интересе к переломным событиям российской истории во многом совпадавшем со Щеголевым — историографом-профессионалом, архивистом и публикатором.

Во время двухлетнего пребывания за границей (1906–1908) Мережковский написал историческую драму «Павел I», мыслившуюся им как первая часть исторической трилогии. В первом отдельном издании драмы (СПб., 1908) перед ее текстом значится указание: «Трилогия. I. Павел I. II. Александр I. III. Николай I. — Декабристы». Воссоздание эпохи, которая на этот раз стала предметом пристального интереса писателя, требовало знакомства с широким кругом документальных источников, мемуарных свидетельств, исторических изысканий — в полном соответствии с уже неоднократно апробированным методом Мережковского — исторического романиста, предполагавшего использование в художественном тексте достоверных историко-культурных памятников в максимальной мере, а привлечение беллетристической фантазии — в минимальной. В этом отношении личное знакомство со Щеголевым послужило одним из факторов, способствовавших ориентации автора трилогии в рассыпанном по множеству первоисточников историческом материале и претворению этого материала в сюжетные коллизии романов «Александр I» и «14 декабря».

Первые крупные работы, напечатанные Щеголевым по возвращении из ссылки, — биографический очерк о предтече декабристов «Владимир Раевский и его время» (Вестник Европы. 1903. № 6) и «Император Николай I» (Исторический вестник. 1903. № 7; 1904. № 1) — свидетельствовали о глубоком профессиональном постижении автором той эпохи, которая поглотила внимание Мережковского-романиста. За упомянутыми историческими очерками последовали книга Щеголева «А.С. Грибоедов и декабристы. Из истории общественных и литературных отношений двадцатых годов XIX века» (СПб., 1904), основанная на впервые публиковавшемся следственном деле автора «Горя от ума», и изданная под редакцией Щеголева и с его вступительной статьей «“Русская Правда”: Наказ

Временному Верховному Правлению» П.И. Пестеля (СПб., 1906). Щеголев был редактором и составителем (совместно с В.И. Семеновским и В.Я. Богучарским) фундаментального издания «Общественные движения в России в первую половину XIX века. Т. 1. Декабристы: М.А. Фонвизин, кн. Е.П. Оболенский и бар. В.И. Штейнгель. Статьи и материалы» (СПб., 1905). В редактировавшемся Щеголевым журнале «Былое» было помещено множество статей и документальных материалов по истории декабристов, в том числе его собственные работы — историко-психологический этюд «Петр Григорьевич Каховский» (1906. № 1), «Император Николай I — тюремщик декабристов» (1906. № 5), «О числе жертв 14 декабря 1825 г.» (1907. № 3 (15)), «Декабрист князь Ф.П. Шаховской» (1907. № 8 (20)). Щеголев наряду с Н.П. Павловым-Сильванским был одним из инициаторов и основных авторов трехтомной «Истории декабристов»; работа над ней велась в 1906–1907 г., но так и не была доведена до издания [10, с. 81–85].

Щеголев, как явствует из ряда писем Мережковского к нему, оказывал ему многообразную помощь в библиографических изысканиях, разрешении разнообразных источниковедческих вопросов, а также помогал ему знакомиться с материалами, извлеченными из архивов. В частности, он содействовал получению еще не доведенных до печати следственных дел декабристов: в архиве Мережковского имеются рукописные копии дел А.М. Булатова, Ф.Н. Глинки, кн. С.П. Трубецкого, кн. Е.П. Оболенского и кн. А.И. Одоевского⁶. Разумеется, в поле зрения Мережковского были и опубликованные труды Щеголева о декабристах. В предварительных заметках и выписках из книжных источников, предназначавшихся для отражения их в романах, значатся работа Щеголева о Каховском (с указанием страниц по ее первой публикации в «Былом») и его авторский сборник «Исторические этюды» (СПб., 1913)⁷, включавший, среди других материалов, статью «Катехизис Сергея Муравьева-Апостола (Из истории агитационной литературы декабристов)», впервые опубликованную в журнале «Минувшие годы» (1908. № 11).

Обращаясь к работам Щеголева об этих двух декабристах, нетрудно убедиться в том, что духовно-психологические черты Каховского и С. Муравьева-Апостола, отмеченные и акцентированные историком, нашли свое отражение и под пером романиста. «Он был религиозен в высшем значении этого слова, — характеризует Щеголев Муравьева-Апостола. — Он не удовлетворял идеалам обрядового

⁶ ИРЛИ. № 24199, 24202, 24203, 24205, 24206.

⁷ ИРЛИ. № 24201.

христианства, но его мятежное возбуждение, его жажда революционным путем улучшить жизнь человечества носит на себе все признаки религиозного вдохновения. <...> Вера и свобода, христианское мировоззрение и политическое освобождение — противоречат ли эти понятия одно другому или нет? <...> Муравьев синтезировал в своей душе оба настроения и вынес глубокое и проникновенное убеждение, что вера не только не противна свободе, а наоборот, она только и носит в себе начало истинной свободы, что христианство в своей неискаженной наслоениями форме должно вложить в руки борцу за свободу самое надежное оружие» [25, с. 330, 331]. Столь четко прописанный историком идеологический портрет казненного декабриста давал основания Мережковскому в своей обрисовке С. Муравьева-Апостола, включающей и художественную имитацию его дневниковых записей, усиленно обозначить те же самые черты, вполне родственные религиозно-философским и социально-политическим убеждениям самого автора исторической трилогии. Аналогичным образом Каховский в изображении Мережковского — неприкаянный и отчужденный от других членов тайного общества, решительный и резкий в своих поступках — воспроизводит многие из тех характерологических и бытовых черт, которые отразил в своем историко-психологическом этюде Щеголев: «...он был совсем один»; «...чтобы понять психологию Каховского, нужно помнить о его полнейшем одиночестве, о какой-то заброшенности»; «Если собрать эпитеты, присвояемые Каховскому, то со стороны следователей они исчерпываются словами “дерзкий, отчаянный, неистовый”, а со стороны товарищей по делу — “пылкий и решительный”<...>» [26, с. 6, 7, 19].

В 1910-е гг. Щеголев был одним из руководителей ежедневной петербургской газеты «День», по идейной направленности близкой к эсеровской партии, редактировал еженедельное литературное приложение к ней под заглавием «Отклики». Сотрудничество в «Дне» — основная тема переписки Щеголева с Мережковским в этот период; особенно активным было сотрудничество Гиппиус в «Откликах», где регулярно помещались ее статьи, посвященные новинкам текущей литературы.

Статей, посвященных творчеству Мережковского, Щеголев не опубликовал, однако о том, какое место в его сознании занимал этот писатель, можно судить по заметке, напечатанной в связи с намечавшимися выборами на освободившиеся места почетных академиков по разряду изящной словесности и кандидатурами на них П.С. Соловьевой (Allegro) и А.А. Лугового (Тихонова). По мнению Щеголева,

среди современных писателей России на эти места имеют право претендовать три кандидата — Д.С. Мережковский, Л.Н. Андреев и А.И. Куприн: «Смысл избрания в почетные академики — не в поощрении отечественных талантов, а только в подтверждении того признания со стороны общества, которое настало для писателя. <...> Д.С. Мережковскому, Л.Н. Андрееву и А.И. Куприну должны быть представлены академические кресла. Избрав их, академия наук, несомненно, удовлетворит общественное мнение»⁸.

Письма Д.С. Мережковского к П.Е. Щеголеву публикуются впервые по автографам, хранящимся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН: п. 8 — в архиве М.С. Лесмана (Ф. 840), остальные письма — в архиве П.Е. Щеголева (Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1211–1225). Письма Щеголева к Мережковскому, по всей вероятности, не сохранились.

⁸ Щеголев П. К выборам в почетные академики // День. 1912. № 18, 19 октября. С. 4.

1. *Июль – август (?) 1905 г. Петербург*Четверг.
Литейная 24.

Глубокоуважаемый Павел Елисеевич,

мне передавал Алексей Михайлович Ремизов, что Вы хотели меня видеть¹. Я сегодня и завтра до 3 ч. дня в Петербурге. Потом уезжаю на дачу. Сегодня я свободен до 6 ч. вечера. Завтра от 11 ч. дня до 3. Если Вам это время неудобно, то не приедете ли к нам на дачу. Мы будем очень рады. Только напишите, чтобы мы могли Вас встретить, а то, пожалуй, не найдете извозчиков — платформа крошечная, и хотя наша дача близко от нее (2 версты), но ее (т. е. дачу) не сразу найдешь. Адрес: Варшавск<ая> ж. д. Карташевская платформа (для почты станц<ия> Суйда). Имение Марковичей Малое Кобрино.

Итак, надеюсь до скорого свидания.

Искренне преданный Вам

Д. Мережковский.

¹ Алексей Михайлович Ремизов (1877–1957) обосновался на жительство в Петербурге с 1 февраля 1905 г., получив должность «заведующего хозяйственной частью» журнала «Вопросы жизни»; с Д.С. Мережковским и З.Н. Гиппиус познакомился в редакции журнала на следующий день (см. его запись от 2 февраля 1905 г.: [18, 1987. № VI, р. 283]). Встреча Ремизова с Мережковскими, здесь подразумеваемая, произошла, по всей вероятности, у них на даче; ср. письмо Ремизова к жене от 7 июля 1905 г. из Петербурга: «Нужно побывать, когда вернешься, у Мережковских, как-нибудь в воскресенье поедем <...>» [18, 1990. № IX, р. 462]. С П.Е. Щеголевым Ремизова связывали узы тесной дружбы со времени их совместного отбывания ссылки в Вологде в 1902–1903 гг. (см.: [20; 21]).

2. *Конец декабря 1905 г. Петербург*

Глубокоуважаемый и дорогой Павел Елисеевич,

я уезжаю завтра утром на Иматру¹. Вернусь 4–5 января. Тогда извещу и надеюсь, Вы не откажетесь навестить нас и принесите книги, которые обещали.

Сердечно Ваш Д. Мережковский.

¹ Речь идет о поездке в Финляндию — в санаторий «Каскад» близ водоската Иматра. См.: [12, с. 409].

3. 19 июня / 2 июля 1908 г. Гомбург

Homburg v<on> d<er> Höhe
(via Frankfurt am Main).
2 июля 1908.

Дорогой Павел Елисеевич,

письмо Ваше странствовало очень долго — было в Париже — в St. Jean-de-Luz (на границе Испании) и, наконец, пришло сюда¹. Очень я тронут, что Вы вспомнили обо мне. Написать статью для Мин<увших> Год<ов> — моя мечта². Я теперь приступаю к работе (предварительной) об Александре I и Декабристах. И тут много найду сюжетов для статей и очерков. Но в Париже и вообще за границей я был лишен всех пособий. Еду отчасти в Россию, чтобы собирать материалы. В этом отношении очень рассчитываю на Вашу помощь. Мне нужна бы подробнейшая библиография Александр<овской> эпохи — главным образом ее *интимной* стороны и *мистицизма* (специально, декабриста Лунина³). Нужна также любовная история Александра и Марии Антоновны Нарышкиной⁴. Нет ли о ней неизданных архивных материалов? Где я найду подробную библиографию Александра I? Обо всем этом хотелось бы переговорить с Вами лично. Но как это сделать? Ведь Вы не можете приехать в Петербург⁵. Так это для меня важно, что, м<ожет> б<ыть>, я соберусь к Вам в Юрьев осенью. Мы возвращаемся в Россию очень скоро — дней через десять⁶. Оттуда напишу. Мой адрес там прежний: Литейная 24, кв. 10. Напишите туда. Хотелось бы с Вами поддерживать сношения хоть письменно.

У меня задумана статья о Дневнике цензора Никитенко под заглавием «Рабья Жизнь»⁷. Я бы Вам мог ее дать. Думаю также писать о «судьбе Лермонтова»⁸.

Меня очень обрадовало, что Вам понравился «Павел I». А меня за него будут судить⁹. Очень просил бы Вас дать о нем рецензию в «Мин<увших> Годах»¹⁰ и защитить меня — ведь с точки зрения правительственной конфискация несправедлива. Такая статья могла бы способствовать моему оправданию на суде¹¹. Еще лучше, если бы в какой-либо газете, напр<имер> в «Речи», Вы написали эту статью¹². Этим Вы оказали бы мне огромную услугу. Подумайте же об этом! Очень, очень прошу. Если сами не соберетесь, то поручите кому-нибудь написать, напр<имер>, Гершензону¹³. Кстати, где он? Мне бы нужно его повидать. Он бы мог мне тоже быть полезен по собранию материалов¹⁴.

Сердечный привет от З.Н. и Дм.Вл. Философова. Не забывайте нас, а мы Вас всегда помним.

Что-то ждет нас в России — жутко подумать... Отвыкли мы от русского климата. Как-то уживемся. Вообще трудно, труднее, чем когда-либо. М<ожет> б<ыть>, в России сейчас совсем ничего нельзя делать¹⁵. Тогда опять уедем за границу. Там у нас друзья — самые теперь близкие родные люди...¹⁶

Ну, всего хорошего. Еще раз спасибо сердечное, что вспомнили меня. Крепко жму Вашу руку. Жду ответа и помощи для Александра!

Ваш Д. Мережковский.

¹ После двухлетнего пребывания за границей, в основном в Париже, и перед возвращением на родину Мережковские провели несколько недель (вторая половина мая — начало июня н. ст. 1908 г.) во французском приграничном курортном городке Сен-Жан-де-Люс (на берегу Бискайского залива) и затем, в июне — начале июля, в немецком Гомбурге, бальнеологическом курорте близ Франкфурта-на-Майне, где, по свидетельству З.Н. Гиппиус, «Д<митрий> С<ергеевич> и Д<митрий> Ф<илософов> должны были пить воды» [7, с. 182]. Ср. письмо Мережковского к В.Я. Брюсову от 25 мая / 4 июня 1908 г.: «Здесь в St.-Jean-de-Luz очаровательно. Непременно приезжайте сюда. Океан и милые тихие поля с маргаритками и лютиками. Запах моря с запахами горных трав. Прогулки великолепные. Нет «питоресков» — но тем лучше: благородная и величаявая простота. Отель превосходный, не очень дорогой — 11 франков — полный пансион. <...> Вы здесь отдохнете. Мы можем предупредить хозяина, что вы приедете — он очень любезный человек и будет за вами ухаживать» [19, с. 203]. Как известно, Брюсов воспользовался рекомендациями Мережковского в том же году.

² «Минувшие годы» — ежемесячный исторический журнал, издававшийся в Петербурге в 1908 г. вместо приостановленного судебными инстанциями «Былого». Фиктивным редактором журнала был Н.Я. Селюк, издателем — Н.В. Мешков, фактически изданием руководили В.Я. Богучарский и Щеголев. Мережковский в «Минувших годах» участия не принял (хотя в объявлении о подписке значился в перечне его участников).

³ Михаил Сергеевич Лунин (1787/88–1845) — подполковник лейб-гвардии Гродненского гусарского полка; член Союза спасения (1816), Союза благоденствия и Северного общества. Приговорен в каторжную работу на 20 лет, срок сокращен до 15 лет. Лунин интересовал Мережковского, главным образом, благодаря сочетанию в нем революционных идеалов с приверженностью католицизму. Рассказывая о своем замысле в письме к М.О. Гершензону (конец июля — начало августа 1908 г.), Мережковский отмечал, что «особенно интересует» его «личность декабриста Лунина — пережитый им религиозный переворот» [13, с. 48]. Образ Лунина обрисован Мережковским в романе «Александр I» (ч. V, гл. 4).

⁴ М.А. Нарышкина (урожд. княжна Святополк-Четвертинская; 1779–1854) — фрейлина, жена обер-егермейстера Д.Л. Нарышкина; фаворитка Александра I, имела детей от императора.

⁵ После двух месяцев тюремного заключения, которое Щеголев отбывал по делу прекращенного журнала «Былое», он был по постановлению Особого совещания выслан на два года под гласный надзор полиции в Юрьев (Дерпт, ныне Тарту), куда прибыл 18 апреля 1908 г. См.: [10, с. 21–22; 16, с. 106].

⁶ Мережковский, З.Н. Гиппиус и Д.В. Философов возвратились в Петербург 11 или 12 июля 1908 г. З.Н. Гиппиус сообщает: «Мы немного задержались в Гомбурге из-за моей болезни: у меня была тогда какая-то очень страшная ангина» [7, с. 183].

⁷ Александр Васильевич Никитенко (1804–1877) — историк литературы, журналист; цензор Петербургского цензурного комитета в 1833–1848 гг. Обширный «Дневник» Никитенко, который он вел на протяжении десятилетий, имеет огромную культурную ценность; впервые опубликован под заглавием «Моя повесть о самом себе и о том, “чему свидетель в жизни был”». Записки и дневник (1826–1877)» (Т. 1–3. СПб., 1893). 2-е издание, исправленное и дополненное по рукописи, под редакцией и с примечаниями М.К. Лемке: Т. 1–2. СПб., 1904–1905. Позднейшее издание (со вступительной статьей и примечаниями И.Я. Айзенштока): Дневник. Т. 1–3. М., 1955–1956. Интерпретацию «Дневника» Никитенко Мережковский предложил в статье «Свинья Матушка», опубликованной в газете «Речь» 1 ноября 1909 г. (№ 300) и вошедшей в его книгу «Большая Россия» (СПб., 1910); в ней, в частности, говорилось: «Это — исповедь, обнимающая три царствования, три поколения — от наших прадедов до наших отцов. <...> Рабья книга о рабьей жизни. Писавший — раб вдвойне, по рождению и по призванию: крепостной и цензор; откупившийся на волю крепостной и либеральный цензор. <...> Вся жизнь его — песнь раба о свободе» [17, с. 94].

⁸ Очерк «Поэт сверхчеловечества. Лермонтов» Мережковский опубликовал в «Русской мысли» (1909. № 3. Отд. II. С. 1–32), затем выпустил отдельным изданием под заглавием «М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества» (СПб.: Пантеон, 1909).

⁹ Историческая драма Мережковского «Павел I» была опубликована в «Русской мысли» в 1908 г. (№ 2. Отд. I. С. 1–70) и в том же году вышла в свет отдельным изданием в Петербурге (в издательстве М.В. Пирожкова) и в Берлине (под заглавием «Смерть Павла I»). По цензурному распоряжению пьеса из тиража «Русской мысли» изымалась, петербургское издание ее было конфисковано, против Мережковского было возбуждено судебное преследование по ст. 128 Уголовного уложения (за «дерзостное неуважение к Верховной Власти»).

¹⁰ В «Минувших годах» рецензия на «Павла I» не появилась.

¹¹ В тот же день Мережковский писал Андрею Белому: «А мне за Павла I предстоит суд. Я просил Брюсова написать в Весах защитительную статью, — выяснив, что конфискация Павла даже с правительственной точки зрения — нелепа, так как в драме нет ничего, что бы раньше не появлялось в легальной печати. Боюсь, что Брюсов не соберется написать. Тогда не напишете ли Вы? Этим Вы оказали бы огромную услугу мне и моему издателю, который потерпел огромные убытки вследствие конфискации. Такая статья могла бы способствовать оправдательному приговору» [1, с. 181]. Белый статью о «Павле I» не написал, в отличие от Брюсова, отрцензивировавшего драму Мережковского в «Весах» (1908. № 6) и давшего ей однозначную оценку: «“Павел I”, быть может, — лучшее, что создал Д. Мережковский как художник» [2, с. 270].

¹² Печатные отзывы Щеголева о драме Мережковского не зафиксированы.

¹³ Михаил Осипович Гершензон (1869–1925) — историк русской литературы и общественной мысли, публицист, философ, переводчик. Он поместил рецензию на «Павла I» в «Вестнике Европы» (1908. № 8. С. 761–763. Подпись: М.Г.), назвав пьесу «слабой и неудачной вещью», хотя и отметив в ней «несколько счастливых моментов».

¹⁴ Щеголев в письме к Гершензону от 21 июля 1908 г. упомянул о желании Мережковского связаться с ним и сообщил петербургский адрес писателя, чем способствовал установлению между ними переписки. См.: [13, с. 47–48].

¹⁵ Ср. признания Мережковского в письме к О.А. Флоренской от 27 июля 1908 г.: «Россия произвела на меня грустное впечатление — бедность, угнетенность, униженность, уныние. <...> в России — все несчастны, все неблагополучны — ”все к худу” <...>» [24, 2006. № 79/80, с. 127].

¹⁶ Подразумеваются жившие тогда в Париже политические эмигранты — прежде всего члены партии социалистов-революционеров и представители ее Боевой организации И. Бунаков (И.И. Фондаминский) и Б.В. Савинков. См.: [22].

4. 17 августа 1908 г. Петербург

Варш<авская> ж. д. Суйда. Дача Бергера¹.

Дорогой Павел Елисеевич, боюсь, что Вы в переездах последнего письма моего не получили². А там важный вопрос для меня: где или у кого достать сведения о *М.А. Нарышкиной*. Я спрашивал Богучарского³ — он не знает; Гершензон тоже⁴. И Бороздин тоже⁵. Статья в Истор<ическом> Вест<нике> ничтожна.⁶ Я достал донесения Коленкура — но там слишком мало сведений⁷.

Нет ли надежды на *неизданные* материалы — напр<имер>, письма Марии Антоновны. Но у кого бы они могли быть?

И затем вопрос общий — укажите всё, что возможно, о мистицизме и мистиках Алек<андровской> эпохи. Если это слишком обширно (знаю, сколько обширно!), то где *наилучшая* библиография и к кому мне обратиться за теми сведениями, которые, как Вы догадаетесь, именно *мне* нужны (*интимн<ая>* психология, характ<ерные> черты).

Ваш Д. Мережковский.

Статья Семевск<ого> «Декабр<исты> и масон<ы>» безнадежна по серости <?>⁸. Статьи Дубровина в Рус<ской> Стар<ине> я знаю⁹. Они любопытны.

Открытка. Почтовые штемпели: Петербург. 17. 8. 08; Чудово. 17. 8. 08.

Датируется по почтовому штемпелю. Отправлено по адресу: Николаевская железная дорога, ст. Чудово, «Бор<ису> Гл<ебовичу> Успенскому для передачи П.Е. Щеголеву».

¹ С середины июля до конца августа 1908 г. Мережковские проживали на даче близ усадебного селения Суйда (бывшее имение А.П. Ганнибала, прадеда А.С. Пушкина) и одноименной железнодорожной станции Варшавской железной дороги (к югу от Гатчины), над рекой Суйда. Дача (поселок Малое Кобрино) принадлежала служащему Марининского театра Николаю Александровичу Бергеру; сохранялась до недавнего времени, нежилая и полуразрушенная; снесена летом 2017 г.

² Подразумевается п. 3.

³ В. Богучарский (наст. имя Василий Яковлевич Яковлев; 1860 или 1861–1915) — публицист, историк революционного движения в России; соиздатель журналов «Былое» (1906–1907; совместно с В.Л. Бурцевым и Щеголевым) и «Минувшие годы» (1908; совместно со Щеголевым). О его взаимоотношениях с Мережковскими см. комментарии А.Л. Соболева: [14, с. 683–684].

⁴ С тем же вопросом Мережковский обратился к Гершензону в письме от 8 августа 1908 г. [13, с. 50].

⁵ Александр Корнилович Бороздин (1863–1918) — историк русской литературы; приват-доцент Петербургского университета, экстраординарный профессор историко-филологического института; университетский наставник и старший друг Щеголева (см.: [15, с. 26–27]).

⁶ Видимо, имеются в виду «Записки» графини В.Н. Головиной, в которых общается о начале романа Александра I и М.А. Нарышкиной и приводятся краткие биографические сведения о ней и двух ее дочерях (Исторический вестник. 1899. Т. LXXVII. № 8. С. 428–429).

⁷ Арман-Огюстен-Луи де Коленкур, герцог Виченцкий (1773–1827) — французский генерал, дипломат. См.: *Caulaincourt Arman-Louis-Augustin, duc de Vicence. Rapport présenté à l'Empereur, le 7 juin 1815, par le ministre des Affaires étrangères*. Paris: P. Didot aîné, s. d.

⁸ Василий Иванович Семевский (1848–1916) — историк, доцент Петербургского университета в 1880-х гг., член редакции журнала «Голос минувшего». Его работа «Декабристы-масоны» была опубликована в журнале «Минувшие годы» (1908. № 2. С. 1–50; № 3. С. 127–170; № 5/6. С. 379–433).

⁹ Николай Федорович Дубровин (1837–1904) — историк, академик Петербургской Академии наук. Имеется в виду цикл его статей под общим заглавием «Наши мистики-сектанты: А.Ф. Лабзин и его журнал “Сионский Вестник”» в «Русской старине» (1894. Т. 82. № 9–12; 1895. Т. 83. № 1, 2).

5. 7 октября 1908 г. Петербург

7 X 1908.

Дорогой Павел Елисеевич,

спасибо за память. Я давно Вам собирался написать — да все хворал и безмерно занят был. Готовился к разным лекциям — в Петербурге, Москве, Саратове, Киеве, Одессе. Скоро еду их читать¹. Затем — Религ<иозно>Фил<ософские> собрания². И, наконец, «Рус<ская> Мысль», где я вступил в заведование Литературно-Критическ<им> отделом³. Очень просим Вас, давайте нам что-нибудь в Р<усскую> М<ысль> — т. е. *все, что хотите*. Разумеется, мне бы хотелось больше всего статью о Павле⁴. Книгу Вам вышлю, как только увижу Пирожкова⁵, которого, как Вы знаете, видеть не всегда приятно. А у меня сейчас экземпляра нет — все роздал.

Спасибо за указания относительно Алексан<дра> I. Том Вел<икого> Кн<язя> о Елизавете уже *вышел*, и я сегодня его купил⁶. Если еще найдете что, сообщите.

Неужели нет никакой надежды на Ваше скорое возвращение в Петербург?⁷

Сердечный привет от З.Н. и Дм.Вл.⁸ На днях выходит моя книга (крит<ических> статей по текущим вопросам) — ее вышлю непременно⁹.

Не забывайте нас. От души желаю Вам всего хорошего — а главное, здоровья и бодрости.

Искренне Ваш Д. Мережковский.

¹ Запланированное лекционное турне не состоялось. Мережковский приехал только в Москву, где 28 ноября 1908 г. выступил с докладом о Лермонтове «Поэт сверхчеловечества» в публичном заседании московского Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева, проходившем в Большой новой аудитории Политехнического музея. См.: [4, с. 111–112].

² Имеется в виду Религиозно-философское общество в Петербурге, начавшее свою деятельность осенью 1907 г. (первое публичное заседание — 3 октября). Сразу после возвращения в Петербург из-за границы летом 1908 г. Мережковские активно включились в деятельность Общества. 31 октября 1908 г. газета «Речь» оповестила, что председателем Религиозно-философского общества избран проф. И.Д. Андреев, товарищем председателя — Д.С. Мережковский, секретарем — Д.В. Философов [11, с. 37].

Мережковский принял на себя заведование литературно-критическим отделом ежемесячного журнала «Русская Мысль» в октябре 1908 г. по договоренности с его соредакторами П.Б. Струве и А.А. Кизеветтером. Ср. сообщение в рубрике «Литературная летопись»: «Д. С. Мережковский вступил в состав редакции “Русской Мысли” и с 1909 года берет на себя заведование беллетристическим, литературно-критическим и художественным отделами журнала. З.Н. Гиппиус и Д.В. Философов вошли в состав постоянных сотрудников “Русской Мысли”» (Речь. 1908. № 254, 22 октября. С. 5). Свои обязанности Мережковский исполнял непродолжительное время — с ноября 1908 г. по начало 1909 г. См.: [6, с. 73–76].

⁴ Т. е. о драме Мережковского «Павел I» (см. п. 3, примеч. 9, 12).

⁵ Михаил Васильевич Пирожков (1867–1926 или 1927) — книгоиздатель (с 1898 г.); в 1903–1908 гг. подавляющее большинство книг Мережковского было опубликовано в его издательстве. См.: [27, с. 159–185].

⁶ Великий князь Николай Михайлович (1859–1919) — старший сын великого князя Михаила Николаевича, генерал-адъютант, генерал от инфантерии; историк, председатель Императорского Русского исторического общества. Имеется в виду том I его труда «Императрица Елисавета Алексеевна» (Т. I–III. СПб., 1908–1909).

⁷ Летом 1908 г. по требованию прибалтийского генерал-губернатора А.Н. Меллер-Закомельского место ссылки Щеголева в Юрьев (см. примеч. 5 к п. 3) было заменено на Астраханскую губернию, но в результате ходатайств в петербургских инстанциях он сумел переехать сначала (в августе 1908 г.) в Чудово (Новгородская губерния), а в начале сентября обосновался вместе с семьей в Любани (в той же губернии), где имел возможность пользоваться богатейшей библиотекой на даче историка С.Н. Шубинского. См.: [15, с. 118–119, 129].

⁸ З.Н. Гиппиус и Д.В. Философов.

⁹ Имеется в виду сборник статей Мережковского «В тихом омуте» (СПб., 1908).

6. 3 октября 1909 г. Петербург

СПб. 3 октября 1909.

Дорогой Павел Елисеевич,

спасибо за письмо и за предостережение, которое, я знаю, идет от доброго сердца¹. М<ожет> б<ыть>, Вы *фактически* правы, но ведь тут дело не в фактах, а в *воле*. Можно ли с волею спорить фактами. Я не думаю, что это так, а я хочу, чтобы это было так. И пусть оно не

так, а все-таки хочу. Может ли оно быть так или не может, мы оба не знаем, ни Вы, ни я...

Но в письме этого всего не скажешь. Непременно посету Вас и тогда поговорим. Сейчас я не совсем здоров и беспредельно занят, но когда вздохну свободнее, то и зайду. Дм<итрий> Вл<адимирович> тоже зайти хочет.

«Елисавету» я читаю², и мне она очень нужна сейчас для моей работы. Но по миновании надобности с удовольствием Вам ее доставлю.

Отраднo мне было почувствовать по Вашему письму, что Вы в бодром настроении. З.Н. сердечно Вас приветствует.

Искренне Ваш Д. Мережковский.

Закрытое письмо – «секретка». Почтовые штампы: Петербург. 3. 10. 09; Петербург. 4. 10. 09. Отправлено по адресу: Арсенальная наб., д. 5. Тюрма.

¹ Предостережение Щеголева, вероятно, было связано с предстоявшим Мережковскому судебным процессом за опубликование исторической драмы «Павел I» (см. примеч. 9 к п. 3) и основывалось на собственном опыте взаимоотношений с властью. За издание журнала «Былое» он был обвинен по ст. 129, ч. 1, Уголовного уложения (возбуждение «к учинению бунтовщического или изменнического деяния») и 13 января 1909 г. приговорен Петербургской судебной палатой к трем годам заключения в крепости. Наказание Щеголев отбывал в петербургской тюрьме «Кресты» в одиночной камере. См.: [15, с. 130–134].

² Имеется в виду труд вел. кн. Николая Михайловича «Императрица Елисавета Алексеевна» (см. примеч. 6 к п. 5).

7. 3 ноября 1909 г. Петербург

3 ноября 1909.

Дорогой Павел Елисеевич,

не думайте, что я забыл мое обещание¹. Но все это время мне нездоровилось — был сначала ларингит, потом невралгия. И от этого состояние духа угнетенное. А тут еще всякие неприятности. Теперь мне полегче, и на днях (завтра или послезавтра) напишу Валентине Андреевне², чтобы условиться с нею, когда идти к Вам.

Во всяком случае, очень прошу, не думайте, что мое промедление — от забвения: можно сказать, дня не проходит, чтобы я не вспоминал Вас, и что мне нужно пойти к Вам. Знаю, что *нужно* — будьте покойны. Да поможет Вам Господь.

Сердечно Ваш Д. Мережковский.

¹ Речь идет о намерении Мережковского посетить Щеголева в «Крестах».

² В.А. Щеголева (урожд. Богуславская; 1878–1931) — жена П.Е. Щеголева; актриса.

8. 28 мая 1911 г. Петербург

28/V 1911. СПб. Литейная 24, кв. 10.

Дорогой Павел Елисеевич,

очень прошу и умоляю и заклинаю — пришлите мне обещанные документы!¹ Я останусь здесь в Петербурге до среды (1 июня)². Нельзя ли до тех пор прислать? Если нельзя, то можно и позже: Д<митрий> Вл<адимирович> остается в городе и привезет мне документы. Но хотелось бы получить до среды. Обещаю, что всё будет в полной сохранности. Очень, очень прошу — пришлите поскорее. Ответьте по телефону (наш № 714.06).

Ваш Д. Мережковский.

¹ Вероятно, речь идет о копиях с архивных материалов, относящихся к Александровской эпохе и следствию над декабристами, которые имелись в распоряжении Щеголева.

² В начале июня 1911 г. Мережковские переехали на дачу в имение Подгорное Новгородской губ. (ст. Веребье Николаевской ж. д.).

9. 9 ноября 1911 г. Петербург

9 XI 1911 г., СПб.

Дорогой Павел Елисеевич,

забыл послать Вам статью Игнатова¹. Прилагаю при этом письме.

Сердечно Ваш Д. Мережковский.

¹ Илья Николаевич Игнатов (1856–1921) — литературный и театральный критик, публицист; редактор московской газеты «Русские ведомости» (с 1907 г.). Речь идет о статье И. Игнатова «Литературные отголоски» (Русские ведомости. 1911. № 245, 25 октября. С. 3), в которой дается критический разбор литературных новинок — романов «У последней черты» М.П. Арцыбашева и «Александр I» Мережковского (главы, опубликованные в октябрьском номере «Русской мысли» за 1911 г.). Образы декабристов у Мережковского вызвали у Игнатова негативную оценку (заключительная фраза статьи: «Кто пожелает сравнить героев Мережковского хотя бы с Пьером из “Войны и мира”, будущим декабристом, тот увидит, где живые люди и действительность и где куклы, сделанные из лоскутков исторических записок»).

10. 17 декабря 1911 г. Петербург

17/XII¹ 1911 г.

Дорогой Павел Елисеевич,

очень прошу, пришлите мне письмо М. Мурав<ьева>² и дело Вал<ериана> Голицына³, если возможно. Мне они чрезвычайно важны для следующей главы, и не хотелось бы уезжать без них. Убедительно прошу, пришлите их завтра в воскресенье.

Сердечно Ваш Д. Мережковский.

Открытка; почтовый штемпель: Петербург. 18. 12. 11. Отправлено по адресу: Петербургская сторона. Широкая ул., 23.

¹ В автографе описка: 17/XI. Исправлено по почтовому штемпелю и указанию на «завтра в воскресенье», т. е. 18 декабря.

² Граф Михаил Николаевич Муравьев (1796–1866) — отставной подполковник (с 1820 г.), член преддекабристской организации «Священная артель», Союза спасения, Союза благоденствия; арестован в Москве 11 января 1826 г. и по высочайшему повелению освобожден с оправдательным аттестатом (2 июня 1826 г.). Подразумевается, видимо, его письмо к А.Х. Бенкендорфу от 4 апреля 1826 г. вместе с приложенным к нему подробным «всепокорнейшим объяснением», опубликованное в составе статьи Щеголева «Гр. М.Н. Муравьев — заговорщик (1816–1826): По неизданным материалам» (Современник. 1913. Кн. 1. С. 320–326). Статья включает и другие письма Муравьева — ответы на заданные Следственным комитетом вопросы и обращения к Николаю I.

³ Князь Валерьян Михайлович Голицын (1803–1859) — титулярный советник, камер-юнкер; член Северного общества. Арестован 23 декабря 1825 г., приговорен к ссылке в Сибирь на поселение вечно (см.: [9, с. 53–54, 245]). Главный герой романов Мережковского «Александр I» и «14 декабря». Материалы дела о декабристе камер-юнкере кн. Вал. Голицыне были опубликованы В.И. Семевским в «Голосе минувшего» (1913. № 2. С. 219–229). См.: [5, с. 215–229, 470–471]. Среди подготовительных материалов к упомянутым романам копия следственного дела кн. В.М. Голицына в архиве Мережковского отсутствует.

11. 29 декабря 1911 г. / 11 января 1912 г. Париж

11/1 1912¹.

Дорогой Павел Елисеевич,

возвращаю с благодарностью письмо М. Муравьева². Оно очень интересно. Кстати, прилагаю копию: м<ожет> б<ыть>, она Вам пригодится. Простите, что немножко запоздал. В первые дни по приезде трудно было достать переписчика. Не напишете ли мне сюда?

Сердечно Ваш Д. Мережковский.

¹ В автографе описка: «1911». Письмо — на почтовой бумаге с обозначением: «11bis, Avenue Mercédès, Paris XVIe». По указанному парижскому адресу Мережковские поселились в конце декабря 1911 г. — в купленной ими квартире в Пасси [7, с. 195]. Сообщая этот адрес в письме к О.А. Флоренской из Петербурга от 24 декабря 1911 г., Мережковский уточнял: «...через два дня уезжаем <...> В Париже пробудем, кажется, около месяца <...>» [24, 2007. № 82, с. 45].

² См. п. 10, примеч. 2.

12. 26 февраля / 11 марта 1914 г. Париж

26 II / 11 III 1914.

Paris XVIe. 11bis Av<enu> Mercédès.

Дорогой Павел Елисеевич,

пошлю Вам корректуру с этим письмом. Покажите ее В.Я. Богучарскому — там есть маленькие неточности в цитатах, которые он обещал исправить¹. Опечаток множество — пожалуйста, просмотрите сами тщательно.

Распорядитесь, чтобы мне высылали «День» сюда — это мне нужно и

З. Н., чтобы следить за статьями. Она тоже готовит Вам для Четверга — о Чуковском². Известие о получении корректуры и о том, когда пойдет статья. Не забывайте нас.

Сердечно Ваш Д. Мережковский.

Открытка. Почтовые штемпели: Paris. 11 III 1914; Петербург. 1. 3. 14. Отправлено по адресу: С.-Петербург. Широкая ул., 23.

¹ Вероятно, речь идет о статье Мережковского «Религиозное народничество», опубликованной в газете «День» 18 и 19 мая 1914 г. и вошедшей в его сборник «Было и будет. Дневник 1910–1914» (<Пг.>, 1915). Статья представляет собой отклик на книгу В. Богучарского «Активное народничество семидесятых годов» (М., 1912).

² По четвергам выходили в свет еженедельные литературные приложения к газете «День» — «Отклики». З.Н. Гиппиус регулярно публиковала критические статьи в «Откликах» под своим обычным псевдонимом «Антон Крайний». Ее статья о К.И. Чуковском — «Невзрослый критик. Этюд в кавычках» — была опубликована в 1914 г. в № 18 «Откликов» (С. 1–4; приложение к № 123 «Дня»); в ней отстаивалась своеобразная точка зрения на опыты Чуковского-критика как на «одно единственное произведение, — о себе, о себе»: «... порою искренно Чуковский навязывает *собственные* свойства неповинным писателям, на чужой шкуре их исследует и не одобряет». О своей готовности написать «через две недели» для «Откликов» о Чуковском Гиппиус извещала Щеголева в письме от 9/22 марта 1914 г. из Парижа (ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 716), подтверждала свое намерение в письме к нему же от 11/24 марта из Ментона: «В след<ующий> раз напишу “о погибшем, но милом созданыи”, сиречь о Чуковском» (Там же. Ед. хр. 717).

13. 19 августа 1914 г. Кезево

19 авг<уста>.

Дорогой Павел Елисеевич,
 посылаю Вам «Мысли о войне». Если что не<цен>зурно, исключите.

Не потеряйте их. Если Вам не пригодятся, то отдам в «Речь»¹.

Вот бы Вы к нам приехали и привезли корректуру. Тут у нас хорошо — тихо². Кстати, поговорили бы о делах и о «Декабристах»³, за которых я хотел бы засесть, если только позволит война.

Ваш Д. Мережковский.

¹ В петербургской ежедневной газете «Речь» Мережковский регулярно публиковал свои статьи в конце 1900-х – 1910-е гг. Цикл его афоризмов «Мысли о войне» был напечатан Щеголевым в газете «День» (1914. № 224, 20 августа. С. 4). Опасения Мережковского вызваны несопадением эмоционально-смысловой тональности его афоризмов с преобладавшими в печати в первые месяцы после начала войны однозначно «патриотическими» нотами; ср., например, первый из опубликованных в «Дне» афоризмов: «Идущие на войну, — кровные, родные нам: дети, отцы, мужья, братья. За их кровь мы кровью своей отвечаем. Вот почему каждое слово так тяжело, так страшно. Каждое слово тотчас же кровью наливается. И за каждое лживое слово родная кровь падает на голову тех, кто лжет».

² Лето 1914 г. Мережковские проводили в поселке Кезево (Ивановский пр., дача Е.В. Ивановой; близ станции Сиверская Варшавской ж. д., к югу от Петербурга). См. об этом в письме З.Н. Гиппиус к П.С. Соловьевой от 14 июня 1914 г. ([14, с. 886–887]; подготовка текста О.А. Блиновой), а также: [7, с. 210–211].

³ Продолжение романа «Александр І». Опубликовано впервые отдельным изданием под заглавием «14 декабря» (<Пг.>, 1918).

14. 7 октября 1914 (?) г. Петербург

7 окт<ября>.

Дорогой Павел Елисеевич,
 посылаю Вам статью. Хотелось бы, чтобы Вы решили не один, а вместе с редакцией¹.

Известите о решении.

Ваш Д. Мережковский.

¹ Если предполагаемая датировка по году верна, то в данном случае может подразумеваться статья Мережковского «Убийца лебедей», опубликованная в газете «День» (1914. № 286, 21 октября. С. 5) в специальном выпуске, посвященном «Героической Бельгии» — в знак неприятия оккупации нейтральной страны войсками Германии. См.: [8, с. 266–279]. Статья Мережковского, переосмысляющая сюжет рассказа Ф.-О.-М. Вилье де Лиль-Адана «Убийца лебедей» (из его книги «Трибуна

Бономе», 1887) как символический аналог разрушительного варварства современной войны, вошла в его сборник «Невоенный дневник. 1914–1916» (Пг.: Огни, 1917).

15. Октябрь 1914 г. Петербург

Дорогой Павел Елисеевич,

посылаю Вам для «Дня» несколько строк, которые появятся в Англии, в одной книге («Книга короля Альберта»)¹. Напечатайте².

Ваш Д. Мережковский.

¹ Альберт I (Альберт Леопольд Клемент Мари Мейнрад; 1875–1934) — король Бельгии (с 1909 г.); приобрел широкую известность в начальный период Первой мировой войны, став символом сопротивления бельгийцев армии германских оккупантов. Речь идет о международном сборнике, посвященном королю Бельгии и бельгийцам, который был издан на английском языке в Нью-Йорке и Лондоне: King Albert's book: a tribute to the Belgian king and people from representative men and women throughout the world / <Ed. by> William Dean Howells, Sir Hall Cain. New York: Hearst's International Library Co, 1914; London: Daily Telegraph, 1915. «Книга короля Альберта» вышла в России в 1915 г. в четырех различных изданиях; см.: [3, с. 81–83]. Обращение Мережковского («Бельгийскому народу») было в них напечатано в русском оригинале (Книга короля Альберта: Посвящается бельгийскому королю и его народу представителями народов и государств всего мира. М.: Идея, 1915. С. 16–17) и в обратном переводе с английского, выполненном А. Васильевой и А. Михеевой (Книга короля Альберта: Дань королю и народу Бельгии представителей всего мира. М.: Изд. В. Португалова, 1915. С. 326–327).

² Обращение под заглавием «Д.С. Мережковский о Бельгии» было помещено в газете «День» 21 октября 1914 г. (№ 286. С. 5). Выражаю признательность А.А. Холликову за библиографическую справку.

Литература

1. «Боря, Боря, мальчик мой любимый, единственный...»: Письма Д.С. Мережковского Андрею Белому / вступ. ст., публ. и коммент. А. Холикова // Вопросы литературы. 2006. № 1. С. 135–185.
2. Брюсов В. Среди стихов. 1894–1924: Манифесты. Статьи. Рецензии / сост. Н.А. Богомоллов и Н.В. Котрелев. М.: Советский писатель, 1990. 724 с.
3. Бусыгина Е.А. О переводе Вячеслава Иванова из Анни Виванти // Русская литература. 2011. № 4. С. 81–83.
4. «Ваш рыцарь»: Андрей Белый. Письма к М.К. Морозовой. 1901–1928. М.: Прогресс-Плеяда, 2006. 293 с.
5. Восстание декабристов. Документы. М.: Наука, 1976. Т. XIV: Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии / под ред. акад. М.В. Нечкиной. 508 с.
6. Гапоненков А.А. Журнал «Русская Мысль» 1907–1918 гг. Редакционная программа, литературно-философский контекст. Саратов: Изд. Саратовского университета, 2004. 228 с.
7. Гиппиус З. Собр. соч.: в 15 т. М.: Дмитрий Сечин, 2019. Т. 16 (дополнительный): Он и мы. Дмитрий Мережковский. Его жизнь, его работа / предисл., подгот. текста и коммент. Р.А. Городницкого и А.И. Серкова. 592 с.
8. Грякалова Н.Ю. Русские писатели — героической Бельгии: Специальный выпуск газеты «День» // Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: Политика и поэтика: Исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 266–279.
9. Декабристы. Биографический справочник / изд. подгот. С.В. Мироненко; под ред. акад. М. В. Нечкиной. М.: Наука, 1988. 446 с.
10. Емельянов Ю.Н. П.Е. Щеголев — историк русского революционного движения. М.: Наука, 1990. 256 с.
11. Ермищев А.А. Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917). Хроника заседаний. СПб.: Изд. Санкт-Петербургского университета, 2007. 323 с.
12. Зобнин Ю. Дмитрий Мережковский. Жизнь и деяния. М.: Молодая гвардия, 2008. 436 с.
13. Лавров А.В. На подступах к «Александру I»: Письма Д.С. Мережковского к М.О. Гершензону // Emigrantica et cetera: К 60-летию Олега Коростелева. М.: Дмитрий Сечин, 2019. С. 41–57.
14. Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Т. 106: Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус / сост. Н.А. Богомоллов и М.М. Павлова. Кн. 1. 890 с.
15. Лурье Ф. Пушкинист поневоле: Дела и дни П.Е. Щеголева. СПб.: Коста, 2017. 408 с.
16. Лурье Ф.М. Хранители прошлого. Журнал «Былое»: история, редакторы, издатели. Л.: Лениздат, 1990. 255 с.
17. Мережковский Д. Большая Россия. М.: Республика, 2011. 461 с.
18. «На вечерней заре». Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / публ. А. Д'Амелия // Eupora Orientalis. 1985. № IV. P. 149–190; 1987. № VI. P. 237–310; 1990. № IX. P. 443–498.
19. Переписка З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского, Д.В. Filosofova с В.Я. Брюсовым (1906–1909) / публ. М.В. Толмачева // Литературоведческий журнал. 2001. № 15. С. 124–247.

20. Письма А.М. Ремизова к П.Е. Щеголеву / вступ. ст., подгот. текстов и коммент. А.М. Грачевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 121–177.

21. Письма А.М. Ремизова к П.Е. Щеголеву / вступ. ст., подгот. текстов и коммент. А.М. Грачевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 153–205.

22. «Революционное христовство»: Письма Мережковских к Борису Савинкову / вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. Е.И. Гончаровой. СПб.: Пушкинский Дом, 2009. 448 с.

23. *Ремизов А.М.* Собр. соч. М.: Русская книга, 2000. [Т. 8:] Подстриженными глазами. Иверень. 700 с.

24. *Флоренский П.В., Шутова Т.А., А.И. Олексенко.* Три тысячи верст и четверть века пролегли между нами // Наше наследие. 2006. № 79/80. С. 121–135; 2007. № 82. С. 26–47.

25. *Щеголев П.Е.* Исторические этюды. СПб.: Шиповник, 1913. 443 с.

26. *Щеголев П.Е.* Петр Григорьевич Каховский. М.: Альциона, 1919. 158 с.

27. *Эльзон М.Д.* Издательство М.В. Пирожкова // Книга: Исследования и материалы. М.: Книга, 1987. Вып. 54. С. 159–185.

Research Article and Publication of Archival Documents

Historiographer and Novelist-historiographer Letters from D. S. Merezhkovsky to P. E. Shchegolev

© 2021, Alexander V. Lavrov

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russia

Abstract: The publication is devoted to the relationship of Dmitry Merezhkovsky, one of the main authors of Russian modernism, and Pavel Shchegolev, an outstanding specialist in the history of the liberation movement and the socio-political life of Russia in the 18th–19th centuries. For the first time, 15 letters from Merezhkovsky to Shchegolev (1905–1914) are published. Along with a discussion of current events in the world of literature and journalism, the main topic of the correspondence is Merezhkovsky's work on historical compositions – the drama “Paul I”, the novels “Alexander I”, “December 14”. Shchegolev actively helped the writer in the selection of historical materials, provided copies of archival files of the investigation and trial of the Decembrists; he was impressed by Merezhkovsky's strict documentary approach to the recreation of the heroes and the era of Alexander and Nikolay. The letters and scientific commentary highlight the contradictory perception of Merezhkovsky's works by contemporary Russian criticism.

Keywords: correspondence of writers, Dmitry Merezhkovsky, Pavel Shchegolev, literature and history, periodicals, Decembrists, archival materials.

Information about the author: Alexander V. Lavrov, DSc in Philology, Member of the Russian Academy of Sciences, Director of Research, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia. Author ID SCOPUS: 56735870700. E-mail: pavlova.lavrov@gmail.com.

For citation: Lavrov, A. V. “Historiographer and novelist-historiographer. Letters from D. S. Merezhkovsky to P. E. Shchegolev.” *Literaturnyi fakt*, 2021, no. 1 (19), pp. 108–132. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-108-132>

References

1. “Boria, Boria, mal'chik moi liubimyi, edinstvennyi...”: Pis'ma D.S. Merezhkovskogo Andreiu Belomu” [“Borya, Borya, My Beloved Boy, the Only One...”: Letters from D.S. Merezhkovsky to Andrei Bely’], introd. publ. and comm. by A. Kholikov. *Voprosy literatury*, no. 1, 2006, pp. 135–185. (In Russ.)
2. Briusov, V. *Sredi stikhov. 1894–1924: Manifesty. Stat'i. Retsenzii* [Among Verse. 1894–1924. Manifests. Essays. Reviews], comp. by N.A. Bogomolov and N.V. Kotrelov. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990. 724 p. (In Russ.)

3. Busygina, E.A. "O perevode Viacheslava Ivanova iz Anni Vivanti" ["On Vyacheslav Ivanov's Translation from Annie Vivanti"]. *Russkaia literatura*, no. 4, 2011, pp. 81–83. (In Russ.)

4. "Vash rytsar": Andrei Belyi. Pis'ma k M.K. Morozovoi. 1901–1928 ["Your Knight": Andrei Bely. Letters to M.K. Morozova]. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2006. 293 p. (In Russ.)

5. *Vosstanie dekabristov. Dokumenty [Decembrist Revolt. Documents]*, vol. XIV: Dela Verkhovnogo ugovolnogo suda i Sledstvennoi komissii [Files of the Supreme Criminal Court and the Investigative Commission], ed. by acad. M.V. Nechkina. Moscow, Nauka Publ., 1976. 508 p. (In Russ.)

6. Gaponenkov, A.A. *Zhurnal "Russkaia Mysl" 1907–1918 gg. Redaktsionnaia programma, literaturno-filosofskii kontekst [The Journal "Russkaia Mysl", 1907–1918. Editorial Program, Literary and Philosophical Context]*. Saratov, Izd. Saratovskogo universiteta Publ., 2004. 228 p. (In Russ.)

7. Gippius, Z. *Sobranie sochinenii: v 15 t. [Collected Works: in 15 vols.]*, vol. 16: On i my. Dmitrii Merezhkovskii. Ego zhizn', ego rabota [Him and Us. Dmitry Merezhkovsky. His Life, His Work], introd., text prep. and comm. by R.A. Gorodnitsky and A.I. Serkov. Moscow, Dmitrii Sechin Publ., 2019. 592 p. (In Russ.)

8. Griakalova, N.Iu. "Russkie pisateli — geroicheskoj Bel'gii: Spetsial'nyi vypusk gazety 'Den'." ["Russian Writers for Heroic Belgium: A Special Issue of the Newspaper 'Den'."]. *Russkaia publitsistika i periodika epokhi Pervoi mirovoi voiny: Politika i poetika: Issledovaniia i materialy [Russian Journalism and Periodicals of the First World War: Politics and Poetics: Studies and Materials]*. Moscow, IWL RAS Publ., 2013, pp. 266–279. (In Russ.)

9. *Dekabristy. Biograficheskii spravocnik [Decembrists. Biographical Reference Book]*, prep. by S.V. Mironenko, ed. by acad. M. V. Nechkina. Moscow, Nauka Publ., 1988. 446 p. (In Russ.)

10. Emel'ianov, Iu.N. *P.E. Shchegolev — istorik russkogo revoliutsionnogo dvizheniia [P.E. Shchegolev as a Historian of the Russian Revolutionary Movement]*. Moscow, Nauka Publ., 1990. 256 p. (In Russ.)

11. Ermichev, A.A. *Religiozno-filosofskoe obshchestvo v Peterburge (1907–1917). Khronika zasiedanii [Religious and Philosophical Society in St. Petersburg (1907–1917). Chronicle of Meetings]*. St. Petersburg, Izd. Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 2007. 323 p. (In Russ.)

12. Zobnin, Iu. *Dmitrii Merezhkovskii. Zhizn' i deianiia [Dmitry Merezhkovsky. Life and Work]*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2008. 436 p. (In Russ.)

13. Lavrov, A.V. "Na podstupakh k 'Aleksandru I': Pis'ma D.S. Merezhkovskogo k M.O. Gershenzonu" ["Approaching 'Alexander I': Letters from D.S. Merezhkovsky to M.O. Gershenzon"]. *Emigrantica et cetera: K 60-letiiu Olega Korosteleva [Emigrantica et cetera: To the 60th Anniversary of Oleg Korostelev]*. Moscow, Dmitrii Sechin Publ., 2019, pp. 41–57. (In Russ.)

14. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 106: Epistoliarное nasledie Z.N. Gippius [Epistolary Heritage of Z.N. Gippius], book 1, comp. by N.A. Bogomolov and M.M. Pavlova. Moscow, IWL RAS Publ., 2018. 890 p. (In Russ.)

15. Lur'e, F. *Pushkinist ponevole: Dela i dni P.E. Shchegoleva [A Reluctant Pushkinist: Works and Days of P.E. Shchegolev]*. St. Petersburg, Kosta Publ., 2017. 408 p. (In Russ.)

16. Lur'e, F.M. *Khraniteli proshlogo. Zhurnal "Byloe": istoriia, redaktory, izdateli [Keepers of the Past. The Journal 'Byloe': History, Editors, Publishers]*. Leningrad, Lenizdat Publ., 1990. 255 p. (In Russ.)

17. Merezhkovskii, D. *Bol'naiia Rossiia* [*Russia Out of Health*]. Moscow, Respublika Publ., 2011. 461 p. (In Russ.)
18. “‘Na večernei zare’. Perepiska A. Remizova s S. Remizovoi-Dovgello” [“‘At the Evening Dawn’. Correspondence Between A. Remizov and S. Remizova-Dovgello”], publ. by A. D’Amelia. *Europa Orientalis*, no. IV, 1985, pp. 149–190; no. VI, 1987, pp. 237–310; no. IX, 1990, pp. 443–498. (In Russ.)
19. “Perepiska Z.N. Gippius, D.S. Merezhkovskogo, D.V. Filosofova s V.Ia. Briusovym (1906–1909)” [“Correspondence of Z.N. Gippius, D.S. Merezhkovsky, D.V. Filosofov with V.Ya. Bryusov (1906–1909)”], publ. by M.V. Tolmachev. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 15, 2001, pp. 124–247. (In Russ.)
20. “Pis'ma A.M. Remizova k P.E. Shchegolevu” [“A.M. Remizov’s Letters to P.E. Shchegolev”], introd., text prep. and comm. by A.M. Gracheva. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1995 god* [*Pushkin House Manuscript Department Annual for 1995*]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1999, pp. 121–177. (In Russ.)
21. “Pis'ma A.M. Remizova k P.E. Shchegolevu” [“A.M. Remizov’s Letters to P.E. Shchegolev”], introd., text prep. and comm. by A.M. Gracheva. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1997 god* [*Pushkin House Manuscript Department Annual for 1997*]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2002, pp. 153–205. (In Russ.)
22. “‘Revoliutsionnoe khristovstvo’: Pis'ma Merezhkovskikh k Borisu Savinkovu” [“‘Revolutionary Christianity’: The Merezhkovskys’ Letters to Boris Savinkov], introd., comp., text prep. and comm. by E.I. Goncharova. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2009. 448 p. (In Russ.)
23. Remizov, A.M. *Sobranie sochinenii* [*Collected Works*], [vol. 8:] Podstrizhennymi glazami. Iveren' [With Trimmed Eyes. A Crock]. Moscow, Russkaia kniga Publ., 2000. 700 p. (In Russ.)
24. Florenskii, P.V., Shutova, T.A., Oleksenko, A.I. “Tri tysiachi verst i chetvert' veka prolegli mezhd u nami” [“Three Thousand Miles and a Quarter of a Century Lay Between Us”]. *Nashe nasledie*, no. 79/80, 2006, pp. 121–135; no. 82, 2007, pp. 26–47. (In Russ.)
25. Shchegolev, P.E. *Istoricheskie etiudy* [*Historical Sketches*]. St. Petersburg, Shipovnik Publ., 1913. 443 p. (In Russ.)
26. Shchegolev, P.E. *Petr Grigor'evich Kakhovskii* [*Petr Grigoryevich Kakhovskiy*]. Moscow, Al'tsiona Publ., 1919. 158 p. (In Russ.)
27. El'zon, M.D. “Izdatel'stvo M.V. Pirozhkova” [“M.V. Pirozhkov Publishing House”]. *Kniga: Issledovaniia i materialy* [*Book: Studies and materials*], issue 54. Moscow, Kniga Publ., 1987, pp. 159–185. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 18.01.2021
Дата публикации: 25.03.2021

The article was submitted: 18.01.2021
Date of publication: 25.03.2021

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЩЕСТВА И ОБЪЕДИНЕНИЯ

Литературный факт.
2021. № 1 (19)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (19), 2021

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-133-144>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

К биографии Вяч. Иванова: «четные Среды»

© 2021, Г.В. Обатнин

Университет Хельсинки, Финляндия

Аннотация: В статье рассматривается история последних литературно-философских собраний в легендарном петербургском салоне Вяч. Иванова и Л. Зиновьевой-Аннибал на Таврической, известном как «башня». На основе архивных, эпистолярных и мемуарных материалов делается попытка восстановить события и истолковать их противоречивые оценки современниками, выяснить максимально полный круг приглашенных и программу вечеров. Второй сезон деятельности «башни», традиционно собиравшейся по средам, ее жителями был организован по четным дням, но вследствие сначала пожара, потом болезни хозяйки, фактически завершился после четырех собраний между октябрём 1906 и февралем 1907 г. В работе также дополняются и уточняются некоторые факты и обстоятельства, знакомые по мемуарам посетителей «башни Иванова» (Н. Бердяева, М. Сабашниковой).

Ключевые слова: литературные общества; «башня» Вяч. Иванова; жизнелюбие; русский модернизм; М. Кузмин; дневники; переписка; архивные документы.

Информация об авторе: Геннадий Владимирович Обатнин — Ph.D., доцент Отделения языков Гуманитарного факультета Хельсинкского университета, P.O. Box 24 00014, Finland. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9216-8684>. E-mail: gennadi.obatnin@helsinki.fi.

Для цитирования: Обатнин Г.В. К биографии Вяч. Иванова: «четные Среды» // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 133–144. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-133-144>

Сейчас уже невозможно себе представить ни одной работы по истории «башни» без ее «документальной хроники», составленной Н.А. Богомоловым [2]. Однако она охватывает лишь первый сезон существования знаменитого петербургского салона, то есть доведена до конца мая 1906 г. После перерыва на лето, когда Л.Д. Зиновьева-Аннибал июль и три недели августа пробыла в Швейцарии с детьми, а Вяч. Иванов пережил увлечение С. Городецким не только как поэтом, собрания на «башне» возобновились, но теперь ее жители попытались придать дополнительный ритм череде многолюдных собраний. М. Волошину, который в конце сентября снял комнаты в художественной школе Званцевой этажом ниже, Иванов даже предлагал: «...не соединиться ли нам вместе и не привлечь ли к этому Званцеву, чтобы устраивать эти собрания в ее мастерской. Потому что у меня очень уж тесно. И придать этому немного характер клуба. С известным небольшим взносом. Об этом подымался уже в прошлом году вопрос»¹. В письме от 2/15 ноября 1906 г. к В.К. Шварсалон Зиновьева-Аннибал сообщала о новом башенном жителе: «Из него <Городецкого> бьют ключи жизни, но так глубок и серьезен его дух, что из всех наших друзей он единственный наш. И вот на основании этого чуда: нашего триединого соединения мы основали (добыли немного денег) книгоиздательство “Трех” с маркой треугольника и славянской буквы Г, т.е. Ğ, означающей цифры 3². Наши имена теперь действительно известны в литературных кругах, чтобы этот факт нашего книгоиздательства произвел сильное впечатление. <...> Затем Среды, которые теперь нас интересуют как пропаганда книгоиздательства. Их делаем по четным числам, значит, 2 раза в месяц приблизительно. Была всего одна: 63 человека! Прямо головокружительно. Затем есть “субботы” при театре Коммиссаржев-

¹ См. письмо Волошина к М. Сабашниковой от 24 сентября 1906 г.: [5, с. 134].

² Этим знаком помечены в рукописи некоторые из составивших сборник «Эрос» стихотворений Иванова. Так, Г с титлой в треугольнике находим на беловом автографе стих. «Зодчий (“Я башню трех светочей зижду”»), дата 9 октября <1906> (ИРЛИ. Ф. 607. № 75). Дополнительные смыслы значения буквы (первая в слове «Городецкий») можно вывести из двух ивановских рисунков на том же листе, где записан густо правленный черновик стих. «В одном таинственном кратере»: буквой Г отмечен тщательный карандашный портрет юноши en face, а треугольник помещен на щеке, надо думать, части его же лица в профиль (ИРЛИ. Ф. 607. № 27. Л. 1 об.). Еще одна расшифровка буквы, как «глагола», записана рядом со знаком Г с титлой на автографе стих. «Утешитель» (ИРЛИ. Ф. 607. № 118. Л. 283). Наконец, Г с титлой в треугольнике, а также второй вариант, римская цифра III в треугольнике, присутствуют на эскизе обложки будущего сборника «Эрос», который здесь еще называется «Триглав» и помечен 1906 г. (ИРЛИ. Ф. 607. № 203. Л. 180). Всем этим уже был предreshen выбор треугольника как символической фигуры для созданной М. Добужинским марки издательства «Орь», где в начале 1907 г. сборник «Эрос» увидел свет. О других возможных значениях символа треугольника см.: [22, с. 385].

ской, актеры хотят знакомиться с “новыми” писателями, художниками и их искусством. Очень уютно, богемно и красиво-фантастично»³.

Поэтому логичным было послать приглашение на первую четную среду художнику «Ор», М.В. Добужинскому:

17. X. 1906

Многоуважаемый Мстислав Валерианович,

Не знаю, поправились ли Вы, просим Вас, на всякий случай, быть у нас завтра вечером (первая из наших четных Сред) с многоуважаемой Вашей супругой. Сердечный привет и пожелания. Ваш

Вяч. Иванов⁴.

В тот же день поэт послал приглашение и К. Чуковскому: «Завтра первая из четных Сред наших. Приезжайте с супругой, Вы нам доставите радость»⁵. Тем же 17 октября датирована и записка к А.М. и С.П. Ремизовым: «...зовем Вас, усердно и умильно, к нам, завтра вечером: первая из четных Сред»⁶. Четвертое из известных нам приглашений было адресовано Л.Я. Гуревич:

Таврическая 25 кв. 24

17 окт. 06.

Многоуважаемая Любовь Яковлевна,

Завтра у нас первая из четных Сред этой зимы. Вы истинно обрадовали бы Лидию Дмитриевну и меня, если бы нас посетили. С глубоким уважением

Вяч. Иванов⁷.

³ НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 24. Ед. хр. 24. Л. 37 об.–38 об. При цитировании мы почти целиком купировали фрагмент послания, уже приведенный в работе Н.А. Богомолова: [3, с. 326]. На первой «субботе» в театре Комиссаржевской 14 октября Блок читал «Короля на площади», а 21-го члены «кружка молодых» поставили дифирамб Иванову «Огненосцы» (см. приглашение актрисы Иванову, а также отрывок из письма Зиновьевой-Аннибал к М.М. Замятниной от 17 октября 1906 г.: [18, с. 259]).

⁴ СР ГРМ. Ф. 115. Ед. хр. 153. Л. 3.

⁵ Опубликовано в составе работы С.В. Федотовой: [23, с. 413].

⁶ РО РНБ Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 114. Л. 9 об. В публикации переписки с Ремизовыми письмо несет ошибочную дату 14. XI. 06, что является (хотя бы частично) опечаткой, так как предшествует записке от 9 ноября: [20, с. 89].

⁷ ИРЛИ. № 19919. Л. 1. Судя по содержанию записки Н. Рериха к Зиновьевой-Аннибал от 25 октября 1906 г., где художник выражал сожаление, что «не пришлось мне быть на Вашей Среде», приглашение было послано также и ему (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 33. Ед. хр. 61, за сообщение этого текста приношу благодарность А.Л. Соболеву).

Меж тем будущее уже отбрасывало свою тень на этот план, столь деятельно продвигавшийся ровно за год до смерти Зиновьевой-Аннибал. Первые две среды под таким названием состоялись 18 октября и 22 ноября, и обе были описаны Кузминым в дневнике⁸. Первое собрание — его имеет в виду Зиновьева-Аннибал в процитированном выше письме к дочери — открывалось теоретическим собеседованием об Эресе, заслужившим пренебрежительную оценку от его практика: «Там была уже масса всяческого народа. Сомов говорил с Вилькиной. Сначала говорили об Эресе профессора, потом Аничков, Луначарский, Карташев. Все это было довольно скучно. Потом была музыка, потом стихи, потом остались en petit comité. Беседовал с Сомовым о нем, о Павлике. <...> Когда остались одни, Сомов и Диотима пели» [16, с. 244]. На следующий день о том же иронично отзывалась в своих дневниковых записях-эпистолах Т.Н. Гиппиус, вовлеченная своей сестрой в процесс формирования новой духовности в семейных рамках: «Народу тьма — первая среда. Иваниха в алом бархате. Об Эресе говорили» [19] (цитируем с любезного разрешения публикатора). Позже в очерке Н. Бердяева «Ивановские среды» этот диспут был описан как образцовый для всей деятельности «башни»: «Вспоминаю беседу об Эресе, одну из центральных тем сред. Образовался настоящий симпозион, и речи о любви произносили столь различные люди, как сам хозяин Вячеслав Иванов, приехавший из Москвы Андрей Белый и изящный проф. Ф.Ф. Зелинский, и А. Луначарский, видевший в современном пролетариате перевоплощение античного Эроса, и один материалист, который ничего не признавал, кроме физиологических процессов»⁹. М. Сабашниковой, впервые оказавшейся на среде, выступление Бердяева запомнилось не по содержанию, но по впечатлению от него: «Из его вступительного реферата я теперь ничего не помню, равно как и из речей других собеседников. Знаю лишь, что мысли об Эресе явились для меня совершенно новыми и глубокими, восхищению моему не было границ»¹⁰.

⁸ Ю.В. Зобнин считал, что первая из четных сред, которые, как он полагал, планировались в форме интимных собраний, продолжавших весенние «Вечера Гафиза», состоялась 15 ноября 1906; см.: [11].

⁹ [7, с. 352–353], соотнесение фрагмента с этой средой отмечено в работе: [24, с. 128]. Андрей Белый на этом собрании присутствовать не мог, так как в начале октября уехал в Мюнхен; ошибка мемуариста объясняется тем, что конец августа и весь сентябрь 1906 г. писатель и в самом деле провел в Петербурге, где в том числе общался с Ивановым; см.: [1, с. 117, 302]. Следы этого общения можно заметить в процитированной записи в дневнике Т.Н. Гиппиус: «Вяч. Иванов ужасался и огорчился, как Боря поносил христианство, с грязью мешал — К<арташ>ову говорил» [19].

¹⁰ [6, с. 152]. По этим воспоминаниям, именно на этой среде началось «обстреливание» оратора апельсинами: «На большом сером столе, отодвинутом

Карандашный автограф ивановского стихотворения «Вызывание Вакха» (вошло в сб. «Эрос») имеет помету «Окон.<чено> 18. X», т.е. в день первой четной среды¹¹. Из тех же мемуаров М. Сабашниковой мы знаем, что на ней Иванов «читал из своей новой книжки “Эрос” заклинание Диониса, представлявшегося ему полуоюношей-полуптицей, и другие стихи, действовавшие на меня почти магически» [6, с. 153]. Пэонический ритм запомнившейся мемуаристке строки проходил через весь текст, вызывая в памяти строки кузминских стихотворений из создававшегося летом 1906 г. и внушенного чувствами к тому самому Павлику (Маслову) цикла «Любовь этого лета», который, согласно тем же воспоминанием, автор прочел после Иванова. Достаточно сравнить: «Чаровал я, волхвовал я, / Бога Вакха зывал я», «Полуотрок, полуптица / Под бровями туч зарница» и «Умывались, одевались, / После ночи целовались» или «Мне не спится: дух томится, / Голова моя кружится» и из того же стихотворения «Прижимались, целовались, / Друг со дружкой сплетались», а также «Замиранье, обниманье, / Рук змеистых завиванье» [17, с. 60–62]¹².

Первый сбой в течении четных сред случился из-за начавшегося восьмого ноября на чердаке и перекинувшегося затем в квартиру пожара, который был Ивановым (и Ремизовыми, посчитавшими, что это был сглаз) воспринят как событие мистическое, так что писатель попытался даже защититься от него заклинательным стихотворением¹³. Зиновьева-Аннибал, впрочем, восприняла его совершенно по-иному

к дверям, чтобы освободить место для многочисленных гостей, сидели Лидия, Сомов и Городецкий и представляли “галерку”. Если оратор, по их мнению, говорил слишком абстрактно, они обстреливали его апельсинами» [6, с. 152]. О том, как это позднее отозвалось в режиссерской практике Мейерхольда, см.: [8, с. 203].

¹¹ ИРЛИ. Ф. 607. № 118. Л. 175.

¹² Разумеется, Кузмин в свою очередь мог прислушаться к ивановскому «Завету Солнца» (1905): «Ты, сжимаясь, разжимаясь, / Замирая, занимаясь / Пылом пламенным, горишь». Учитывая пушкинский зачин одного из процитированных стихотворений (ср.: «Мне не спится: дух томится» и «Мне не спится, нет огня...»), стоит также иметь в виду ритмику первой строки его перевода «Оды LVI» Анакреона («Поредели, побелели / Кудри, честь главы моей»), опиравшегося, по замечанию М.Л. Гаспарова, на «традицию анакреонтического безрифменного 4-ст. хоря, знакомую России с сумароковских времен» [10, с. 225]. О распространенности этой (шестой) ритмической вариации см.: [21, с. 78–79]. Попутно отметим появление имени адресата ряда гомосексуальных стихотворений Анакреона в заглавии стихотворения Кузмина и рассказа Ауслендера «Флейта Вафила» (1907).

¹³ Напомним его начало: «Ты гребнем алым прянул на берег мой, / Лизнул шатер мой, Пламень! Отхлынь, отхлынь. / Я звал, и ты возник. Покорствуй / Ныне вождю роковых становий!» (Иванов В.И. Собрание сочинений. Брюссель, 1974. Т. II. С. 381). Под вызыванием огня здесь ближайшим образом, видимо, имелся в виду «факельный» дифирамб «Огненосцы». Отметим, что схожую логику находим в посвященном рефлексии над собственной ролью в революции стихотворении «Да, сей пожар мы поджигали» (1919).

и писала Замятниной 13 ноября о «необыкновенно могучем и прекрасном огне» и «римских касках» пожарных, правда, с сожалением добавив, что это «была четная среда», об отмене которой пришлось уведомлять гостей через швейцара¹⁴. Из дневниковой записи Т.Н. Гиппиус от 8 ноября мы знаем, что на ней планировалось чтение Н. Бердяевым главы из его новой книги («Новое религиозно сознание и общественность») под названием «Великий Инквизитор» [19].

Проводить далее собрания помешала болезнь Зиновьевой-Аннибал, наступившая уже на следующий день после второй «четной Среды», описание которой находим в дневнике Кузмина за 22 ноября: «Маленькие актрисы тащили куда-нибудь после спектакля <<“Сестра Беатриса” в театре Коммиссаржевский>, но мы поехали к Ивановым. Было чудно ехать, обогнали Сомова и Нувель, кузину Лемана. У Иванов<ых> была уже куча народа. Мы не пошли в зал, где, потом оказалось, говорили о театре Коммиссаржевской. А я с Судейкиным, бывшим все время со мною и Сераф<имой> Павловной <Ремизовой-Довгелло>, удалясь в соседнюю комнату, занялись музыкой; приползла кое-какая публика. Вилькина с Нувель и Сомовым так громогласно говорили, хотя рядом были 2 пустые комнаты, что музыку пришлось прекратить» [16, с. 274].

На следующий день он там же отмечал: «Денег нет, ходил к Ивановым. Диотима серьезно больна» [16, с. 275]. В письме к Добужинскому от 25 ноября Иванов сообщал, что хозяйка «башни» слегла с катаральным воспалением легких и температурой 38¹⁵, так что собрания смогли возобновиться только через два месяца, т.е. в следующем году. В подаренной адресатом известному собирателю Ф.Ф. Фидлеру записке Зиновьевой-Аннибал к К. Чуковскому, которая по штемпелю датируется 23 января 1907 г., содержалось приглашение критика опять на «четные Среды» вместе с супругой¹⁶. В недатированном, но написанном, судя по содержанию, в 1907 г. письме к Н.А. Котляревскому Иванов сообщал: «24го у нас должна

¹⁴ Цит. по: [9, с. 483], о пожаре см. там же: [9, с. 482–484]. Кузмин записал о событии сухо: «У Ивановых, по случаю бывшего днем пожара, среды не было, и мы, посидевши немного у Званцевой (где, напомним, жили Волошины. — Г.О.), пошли ко мне <...>» [16, с. 259, 492–493].

¹⁵ СР ГРМ Ф. 115. Ед. хр. 153. Л. 5 об.

¹⁶ ИРЛИ. Ф. 649. Оп. 4. № 152. Незадолго до этого Городецкий съехал с «башни». В 1909 г. он пытался вновь на ней поселиться, но уже вместе с семьей, «всем гнездом», как он написал Иванову в письме от 5 августа, прося выделить для них четыре комнаты (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 16. Ед. хр. 53). Он получил отказ в письме от 10 августа, который был мотивирован тем, что на башне уже «жильцом Кузмин в задних двух комнатах» (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 9. Ед. хр. 24. Л. 4 об.; см. в дневнике Иванова запись от 8 августа: «Они просятся всей семьей на башню, в чем я откажу» [13, с. 785]).

впервые после перерыва состояться Среда. Ожидается реферат Н.А. Бердяева. Зовем Вас с надеждой!!»¹⁷. Ивановское приглашение Е.С. Зарудной-Кавос, датированное 23 января, где говорится о «наших возобновляющихся завтра Средах» и сообщается о реферате философа, уже было введено в научный оборот в комментариях к тому письму Бердяева к Иванову, где он сообщал, что вместо главы о метафизике пола и любви все-таки будет читать главу о Великом Инквизиторе из своей книги [14, с. 131–132, 141]. Однако вместо этого, уже читавшегося им за пределами «башни», текста философ представил доклад «Декадентство и мистический реализм», который будет опубликован в «Русской мысли» летом того же года. По обыкновению, неприязненное, но на этот раз подробное описание вечера оставила Т.Н. Гиппиус в дневниковой записи 27 января, как всегда, адресованной сестре в Париж: «Я была у Вячеслава Иванова с Ремизовыми, из нас *одна*. Бердяев читал “Декадентство и мистический реализм”. Не понимаю, как он может опять здесь же о догматах, о религии, Христа поминать. Лидия Дмитриевна сидит в кресле на колесах (у нее нога болит¹⁸), похудевшая (*так!*), лучше стала, в красном плюше задрапирована и золотом ожерелье. На полу в голубой рубашке по-детски сидит Гофман (Зина, может быть, это не тот Гофман, о котором Нувель пишет, — их два), “играя мальчика”. Носится Чеботаревская, Волошин, Нувель, Бакст, Городецкий, Блок, Вергежский, Маковский, Рерих, Сюннерберг, Мейерхольд, актрисы потом приехали, Блок с Чулковым ухаживали за ними, Серафима Павловна говорит. И Гофман и Вяч. Иванов возражали. Вяч. Иванов утверждал несоединимость искусства с религиозным действием и во имя сохранения искусства опять свое мифотворчество. Причем стихи Городецкого сказал наизусть из “Яри”, про рожь¹⁹. Густая, разная атмосфера. Появился рояль, и в следующих комнатах гудели люди и играли на рояли. Бердяев доказывал свою правду, как заведенный, никому не нужную. Никто даже не понял сути, а решили, что он против декадентства в искусстве, и герой. Отчего люди такие незрячие?» [15, с. 444–445].

¹⁷ ИРЛИ. Ф. 135. № 331. Л. 3–3 об.

¹⁸ Ср. в описании обстоятельств возвращения Сабашниковой на «башню» из пансионата в Финляндии: «Лидия сидела, вытянув больные ноги, в кресле <...>» [6, с. 156].

¹⁹ К совершенно верному комментарию публикатора, что имеется в виду стихотворение С. Городецкого «Ты пришла, Золотая царица...», добавим, что Иванов цитировал его в статье «Две стихии в современном символизме», находя, что автор здесь «предчувствовал тайну мифа»; см.: [12, кн. I, с. 186, кн. II, с. 373].

Следующая по счету четная среда, ставшая последним большим публичным собранием на «башне», в письме Зиновьевой-Аннибал к Замятниной была названа просто «Новая Среда — гигант»²⁰. Она состоялась 14 февраля и была опять посвящена теме Эроса и пола, так что, корректируя слова Бердяева, ее можно было бы назвать «центральной темой четных сред»²¹.

Литература

1. *Белый А.* Материал к биографии / подгот. текста А.В. Лаврова, Дж. Малмстада и Т.В. Павловой, коммент. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада // Литературное наследство. М.: Наука, 2016. Т. 105: Андрей Белый. Автобиографические своды. С. 29–328.
2. *Богомолов Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М.: Intrada, 2009. 296 с.
3. *Богомолов Н.А.* Русская литература первой трети XX века: Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск: Водолей, 1999. 630 с.
4. *Волошин М.А.* Собр. соч. / под общей ред. В.П. Купченко, А.В. Лаврова. М.: Эллис Лак, 2008. Т. 6. Кн. II. 1086 с.
5. *Волошин М.А.* Собр. соч. / под общей ред. В.П. Купченко, А.В. Лаврова. М.: Эллис Лак, 2015. Т. 11. Кн. II. 782 с.
6. *Волошина М.* (М.В. Сабашникова). Зеленая Змея. История одной жизни / пер. с нем. М.Н. Жемчужниковой. М.: Энигма, 1993. 413 с.
7. Вяч. Иванов: pro et contra. Личность и творчество Вячеслава Иванова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: РХГА, 2016. Т. 1. 996 с.
8. *Галанина Ю.Е.* В.Э. Мейерхольд на башне Вяч. Иванова // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб.: Санкт-Петербургский гос. университет, 2006. С. 187–205.
9. *Галанина Ю.Е.* О некоторых реалиях в мифологическом пространстве Башни Вяч. Иванова (по архивным материалам) // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. СПб.: Пушкинский Дом, 2010. Вып. 1. С. 469–492.
10. *Гаспаров М.Л.* Метр и смысл: Об одном из механизмов культурной памяти. М.: РГГУ, 2000. 297 с.

²⁰ В письме от 17 февраля 1907 г., см.: [3, с. 239]. Судя по нему, свою речь на ней Иванов обработал в спораду «О любви дерзающей», которая выйдет той же весной во втором сб. альманаха «Факелы». Об этом собрании сохранился ряд мемуаров, см. запись в дневнике Кузмина и пояснения к ней [16, с. 321, 511], а также комментарии А.В. Лаврова к прочтенной на ней в первый раз лекции Волошина «Пути Эроса» [4, с. 825–826]. Ее описание с пикантными подробностями нарядов некоторых из посетительниц см. в дневнике Т.Н. Гиппиус от 17 февраля [15, с. 447].

²¹ Из составленного Н.А. Богомоловым списка обсужденных за первый сезон тем видно, что тема любви и пола обсуждалась на «башне» лишь дважды, 7 декабря 1905 и 24 мая 1906 г., см.: [2, с. 197–198].

11. *Зобнин Ю.В.* Материалы к летописи жизни и творчества Вяч. И. Иванова. Часть 1 (1866 – 25.10.1907). URL: http://www.v-ivanov.it/wp-content/uploads/2011/02/zobnin_materialy_k_letopisi_ivanova_2011.pdf (дата обращения 2.11.2020)
12. *Иванов В.И.* По звездам: опыты философские, эстетические и критические / отв. ред. К.А. Кумпан. СПб.: Пушкинский Дом, 2018. Кн. I: Тексты, 430 с. Кн. II: Комментарии, 672 с.
13. *Иванов В.И.* Собрание сочинений. Брюссель, 1974. Т. II. 852 с.
14. Из писем к В.И. Иванову и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал Н.А. и Л.Ю. Бердяевых / вступ. ст., публ. и коммент. А.Б. Шишкина // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М.: Наследие, 1996. С. 119–144.
15. Истории «новой» христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из «дневников» Т.Н. Гиппиус 1906–1908 годов / вступ. ст., подгот. текста и примеч. М.М. Павловой // Эротизм без берегов: Сб. статей и материалов. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 391–455.
16. *Кузмин М.А.* Дневник 1905–1907 / предисл., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2000. 608 с.
17. *Кузмин М.А.* Стихотворения / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Н.А. Богомолова. СПб.: Академический проект, 1996. 832 с.
18. Литературное наследство. М.: Наука, 1982. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. 862 с.
19. Новые материалы из Амхерстского архива Мережковских. 2. Н.А. Бердяев в «дневниках» Т.Н. Гиппиус (1906–1908) / подгот. текста и примеч. М.М. Павловой // Русская литература. 2021. № 2. (В печати)
20. Переписка В.И. Иванова и А.М. Ремизова / вступ. ст., примеч. и подгот. писем А. Ремизова А.М. Грачевой, подгот. писем Вяч. Иванова О.А. Кузнецовой // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М.: Наследие, 1996. С. 72–118.
21. *Тарановский К.Ф.* Русские двусложные размеры. Статья о стихе. М.: Языки славянской культуры, 2010. 550 с.
22. *Устинов А., Шишкин А.* Pictura roemata silens: Мстислав Добужинский на «башне» Вяч. Иванова. Статья первая: художественные контексты // Историческое и надвременное у Вячеслава Иванова. К 150-летию Вяч. Иванова. Salerno, 2017. С. 355–389.
23. *Федотова С.В.* Реконструкция подтекста эпиграммы Вячеслава Иванова «Чуковский, Аристарх прилежный...» // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 404–430.
24. *Шишкин А.Б.* История Башни Вячеслава Иванова. Roma, 1996. 320 с.

On the biography of Vyacheslav Ivanov: “Even Wednesdays”

© 2021, Gennady V. Obatnin

University of Helsinki, Finland

Abstract: The article examines the history of the latest literary and philosophical meetings in the legendary St. Petersburg salon of Vyach. Ivanov and L. Zinovieva-Annibal on Tavricheskaya St., known as “The Tower”. On the basis of archival, epistolary and memoir materials, an attempt is made to reconstruct the events and interpret their contradictory assessments by contemporaries, to find out the fullest possible circle of guests and the program of the evenings. The second season at “The Tower”, with its traditional meetings on Wednesdays, was organized by its inhabitants on even days, but due to the fire at first and then to the hostess’ illness, it actually ended after four meetings between October 1906 and February 1907. The work also supplements and clarifies some facts and circumstances familiar from the memoirs of visitors of the “Ivanov Tower” (N. Berdyaev, M. Sabashnikova).

Keywords: literary societies; Vyacheslav Ivanov’s “Tower”; life-creation; Russian modernism; M. Kuzmin; diaries; correspondence; archival documents.

Information about the author: Gennady V. Obatnin — PhD, Associate Professor at the Faculty of Arts, University of Helsinki, P.O. Box 24 00014, Finland. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9216-8684>. E-mail: gennadi.obatnin@helsinki.fi

For citation: Obatnin, G.V. “On the Biography of Vyacheslav Ivanov: ‘Even Wednesdays’.” *Literaturnyi fakt*, 2021, no. 1 (19), pp. 133–144. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-133-144>

References

1. Belyi, A. “Material k biografii” [“Biography Material”], text prep. by A.V. Lavrov, J. Malmstad and T.V. Pavlova, comm. by A.V. Lavrov and J. Malmstad. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 105: Andrei Belyi. *Avtobiograficheskie svody [Andrei Bely: Autobiographical Codes]*. Moscow, Nauka Publ., 2016, pp. 29–328. (In Russ.)
2. Bogomolov, N.A. *Viacheslav Ivanov v 1903–1907 godakh: Dokumental'nye khroniki [Vyacheslav Ivanov in 1903–1907: Documentary Chronicles]*. Moscow, Intrada Publ., 2009. 296 p. (In Russ.)
3. Bogomolov, N.A. *Russkaia literatura pervoi treti XX veka: Portrety. Problemy. Razyskaniia [Russian Literature of the First Third of the 20th Century: Portraits. Issues. Discoveries]*. Tomsk, Vodolei Publ., 1999. 630 p. (In Russ.)

4. Voloshin, M.A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], vol. 6, book II, ed. by V.P. Kupchenko, A.V. Lavrov. Moscow, Ellis Lak Publ., 2008. 1086 p. (In Russ.)
5. Voloshin, M.A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], vol. 11, book II, ed. by V.P. Kupchenko, A.V. Lavrov. Moscow, Ellis Lak Publ., 2015. 782 p. (In Russ.)
6. Voloshina, M. (M.V. Sabashnikova). *Zelenaia Zmeia. Istoriia odnoi zhizni* [Green Snake. The Story of a Life], transl. from German by M.N. Zhemchuzhnikova. Moscow, Enigma Publ., 1993. 413 p. (In Russ.)
7. *Viach. Ivanov: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Viacheslava Ivanova v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei. Antologiya* [Viacheslav Ivanov: Pro et Contra. The Personality and Work of Vyacheslav Ivanov Assessed by Russian and Foreign Thinkers and Researchers. Anthology], vol. 1. St. Petersburg, RKhGA Publ., 2016. 996 p. (In Russ.)
8. Galanina, Iu.E. “V.E. Meierkhol'd na bashne Viach. Ivanova” [“Meyerhold on Vyacheslav Ivanov’s Tower”]. *Bashnia Viacheslava Ivanova i kul'tura Serebriannogo veka* [Vyacheslav Ivanov’s Tower and the Culture of the Silver Age]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskii gos. universitet Publ., 2006, pp. 187–205. (In Russ.)
9. Galanina, Iu.E. “O nekotorykh realiiakh v mifologicheskom prostranstve Bashni Viach. Ivanova (po arkhivnym materialam)” [“On Some Realities in the Mythological Space of Vyacheslav Ivanov’s Tower (Based on Archival Materials)”]. *Viacheslav Ivanov: Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov: Studies and Materials], issue 1. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2010, pp. 469–492. (In Russ.)
10. Gasparov, M.L. *Metr i smysl: Ob odnom iz mekhanizmov kul'turnoi pamiati* [Meter and Meaning: On a Mechanism of Cultural Memory]. Moscow, RGGU Publ., 2000. 297 p. (In Russ.)
11. Zobnin, Iu.V. *Materialy k letopisi zhizni i tvorchestva Viach. I. Ivanova. Chast' I (1866 — 25.10.1907)* [Materials to the Chronicle of Vyacheslav Ivanov’s Life and Work (1866–25.10.1907)]. Available at: http://www.v-ivanov.it/wp-content/uploads/2011/02/zobnin_materialy_k_letopisi_ivanova_2011.pdf (Accessed 2.11.2020)
12. Ivanov, V.I. *Po zvezdam: opyty filosofskie, esteticheskie i kriticheskie* [By the Stars: Philosophical, Aesthetic and Critical Experiments], ex. ed. K.A. Kumpan. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2018. Book I: Teksty [Texts], 430 p. Book II: Kommentarii [Commentary], 672 p. (In Russ.)
13. Ivanov, V.I. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], vol. II. Brussels, 1974. 852 p. (In Russ.)
14. “Iz pisem k V.I. Ivanovu i L.D. Zinov'evoi-Annibal N.A. i L.Iu. Berdiaevykh” [“From N.A. and L.Yu. Berdiaev’s Letters to V.I. Ivanov and L.D. Zinovieva-Annibal”], introd., publ. and comm. by A.B. Shishkin. *Viacheslav Ivanov: Materialy i issledovaniia* [Vyacheslav Ivanov: Materials and Studies]. Moscow, Nasledie Publ., 1996, pp. 119–144. (In Russ.)
15. “Istorii ‘novoi’ khristianskoi liubvi. Eroticheskii eksperiment Merezhkovskikh v svete ‘Glavnogo’: Iz ‘dnevnikov’ T.N. Gippius 1906–1908 godov” [“Stories of a ‘New’ Christian Love. The Merezhkovskys’ Erotic Experiment in Light of the ‘Main Thing’: From T.N. Gippius’ ‘Diaries’ for 1906–1908”], introd., text prep. and comm. by M.M. Pavlova. *Erotizm bez beregov: Sbornik statei i materialov* [Eroticism Without Shores. Collection of Essays and Materials]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004, pp. 391–455. (In Russ.)
16. Kuzmin, M.A. *Dnevnik 1905–1907* [Diary 1905–1907], introd., text prep and comm. by N.A. Bogomolov and S.V. Shumikhin. St. Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbakha Publ., 2000. 608 p. (In Russ.)

17. Kuzmin, M.A. *Stikhotvoreniia* [Poems], introd., text prep. and comm. by N.A. Bogomolov. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1996. 832 p. (In Russ.)
18. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 92: Aleksandr Blok. *Novye materialy i issledovaniia* [Alexander Blok: New Materials and Studies], book 3. Moscow, Nauka Publ., 1982. 862 p. (In Russ.)
19. “Novye materialy iz Amherstskogo arkhiva Merezkovskikh. 2. N.A. Berdiaev v ‘dnevnikakh’ T.N. Gippius (1906–1908)” [“New Materials from the Merezkovskys Collection in Amherst. 2. N.A. Berdiaev in T.N. Gippius (1906–1908)”], text prep. and comm. by M.M. Pavlova. *Russkaia literatura*, no. 2, 2021. (In print)
20. “Perepiska V.I. Ivanova i A.M. Remizova” [“Correspondence Between V.I. Ivanov and A.M. Remizov”], introd., comm. and text of A. Remizov’s letters prep. by A.M. Gracheva, text of Viach. Ivanov’s letters prep. by O.A. Kuznetsova. *Viacheslav Ivanov: Materialy i issledovaniia* [Vyacheslav Ivanov: Materials and Studies]. Moscow, Nasledie Publ., 1996, pp. 72–118. (In Russ.)
21. Taranovskii, K.F. *Russkie dvuslozhnye razmery. Stat’i o stikhe* [Russian Dissyllabic Meters. Essays on Verse]. Moscow, Iazyki slavianskoï kultury Publ., 2010. 550 p. (In Russ.)
22. Ustinov, A., Shishkin, A. “Pictura poema silens: Mstislav Dobuzhinskii na ‘bashne’ Viach. Ivanova. Stat’ia pervaiia: khudozhestvennye konteksty” [“Pictura poema silens: Mstislav Dobuzhinsky at Vyacheslav Ivanov’s Tower. Article One: Artistic Contexts”]. *Istoricheskoe i nadvremennoe u Viacheslava Ivanova. K 150-letiiu Viach. Ivanova* [Historical and Supratemporal in Vyacheslav Ivanov’s Works. To the 150th Anniversary of Vyacheslav Ivanov]. Salerno, 2017, pp. 355–389. (In Russ.)
23. Fedotova, S.V. “Rekonstruktsiia podteksta epigrammy Viacheslava Ivanova ‘Chukovskii, Aristarkh prilozhnyi...’.” [“Reconstruction of the Subtext of Vyacheslav Ivanov’s Epigram ‘Chukovsky, diligent Aristarchus...’.”]. *Viacheslav Ivanov: Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov: Studies and Materials]. Moscow, IWL RAS Publ., 2018, pp. 404–430. (In Russ.)
24. Shishkin, A.B. *Istoriia Bashni Viacheslava Ivanova* [The History of Vyacheslav Ivanov’s Tower]. Roma, 1996. 320 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 22.01.2021
Дата публикации: 25.03.2021

The article was submitted: 22.01.2021
Date of publication: 25.03.2021

К истории блоковского вечера в обществе «Арзамас»

© 2021, Е.В. Иванова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: В статье прослеживается недолгая история петроградского общества «Арзамас», анализируется его связь со вторым Цехом поэтов. Центральное внимание уделено организованному Г. Ивановым и Г. Адамовичем от имени «Арзамаса» в мае 1918 года вечеру, на котором состоялось первое публичное выступление Л.Д. Блок с чтением поэмы «Двенадцать». В скандале, разразившемся вокруг этого вечера, проявилась острота, с которой современники приняли поэму Блока. Анна Ахматова и Владимир Пяст отказались от участия в вечере, при этом, как обоснованно показывается в статье, мотивы их были различны. В статье также приводится оценка Ф. Сологуба произведений Блока, написанных в январе 1918 года, а также предпринимается попытка реконструировать отношение к поэме «Двенадцать» Николая Гумилева.

Ключевые слова: А. Блок; поэма «Двенадцать»; литературные общества; «Арзамас»; мемуаристика; Г. Адамович; Г. Иванов.

Информация об авторе: Евгения Викторовна Иванова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: : <https://orcid.org/0000-0002-2076-0424>. E-mail: evi@l-z.ru.

Для цитирования: *Иванова Е.В.* К истории блоковского вечера в обществе «Арзамас» // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 145–162. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-145-162>

Публикация трех произведений Блока, написанных в январе 1918 года — статьи «Интеллигенция и революция», поэмы «Двенадцать» и стихотворения «Скифы», составивших в его творчестве особую «январскую трилогию» [13], произвела подлинный переворот в отношениях поэта с его ближайшим литературным окружением. Уже после публикации статьи «Интеллигенция и революция» 19 января 1918 года последовали возмущенные отклики, 26 января Блок записывает: «Впечатление от моей статьи («Интеллигенция

и революция”): Мережковские прозрачно намекают на будущий бойкот, Сологуб (!) упоминал в своей речи, что А.А. Блок, которого “мы любили”, печатает свой фельетон против попов, когда громят Александро-Невскую лавру (!)» [4, т. 7, с. 321]. После публикации поэмы «Двенадцать» (3 марта) список тех, кто осуждал позицию Блока, быстро пополнялся, возмущение выразили А.Н. Чеботаревская, А.Г. Горнфельд, П. Губер, А.В. Тыркова-Вильямс; даже один из ближайших друзей Блока В.А. Зоргенфрей высказал свое несогласие [3, с. 389].

Андрей Белый, воспринявший январские произведения Блока полусочувственно, в письме от 16–17 марта 1918 года предостерегал: «Читаю с трепетом Тебя. “Скифы” (стихи) — огромны и эпохальны, как “Куликово Поле”. <...> По-моему, ты слишком неосторожно берешь иные ноты. Помни — Тебе не “простят” “никогда”... Кое-чему из Твоих фельетонов в “Знамени Труда” и не сочувствую, но поражаюсь отвагой и мужеством Твоим» [2, с. 513]. В ответном письме от 9 апреля Блок признавался: «Твое письмо очень поддержало меня, и Твое предостережение я очень оценил. Было (в январе и феврале) такое напряжение, что я начинал слышать сильный шум внутри и кругом себя и ощущать частую физическую дрожь. Для себя я назвал это *Erdegeist*¹ом¹. Потом (ко времени Твоего письма) наступил упадок сил, и только теперь становится как будто легче. А то — было очень трудно: растерянность, при которой всякий может уловить» [2, с. 514].

Некоторые публицисты, и среди них М. Пришвин, решительно зачисляли Блока в ряды большевиков [13, с. 195–197], но поддержка со стороны большевиков была двусмысленной, например, Л.Д. Блок не смогла получить от Театрального отдела Наркомпроса разрешения на публичное исполнение поэмы «Двенадцать», о чем Блок записал 9 марта: «О.Д. Каменева (комиссар Театрального отдела) сказала Любе: “Стихи Александра Александровича (‘Двенадцать’) почти гениальное изображение действительности. Анатолий Васильевич (Луначарский) будет о них писать, но читать их не надо (вслух), потому что в них восхваляется то, чего мы, старые социалисты, больше всего боимся”. Марксисты умные, — может быть, и правы. Но где же опять художник и его бесприютное дело?» [3, с. 394]. Мужество временами покидало Блока, «потеряна почва», — записал он 5 марта [3, с. 393].

¹ Духом земли (нем.).

На этом фоне развернулась история с вечером общества «Арзамас», состоявшимся 13 мая 1918 года в зале Тенишевского училища, на котором впервые Л.Д. Блок выступила с чтением поэмы «Двенадцать». О самом обществе «Арзамас» известно совсем немного: оно было организовано незадолго до этого вечера и к тому моменту еще ничем не успело себя прославить. Сложилась традиция связывать «Арзамас» со вторым Цехом поэтов, именно так оно представлено в хронике «Литературная жизнь России» под 31 марта 1918 года: «Организовано общество “Арзамас”. Участники — литераторы, близкие к журналу “Аполлон” и 2-му Цеху поэтов» [15, с. 109]. Еще более решительно констатирует эту связь А.Г. Мец в статье «Как сделан “Арзамас” Георгия Иванова»: «Реальный “Арзамас” — общество, в которое был преобразован второй Цех поэтов» [16, с. 312].

Но как следует из той же летописи «Литературная жизнь России», история 2-го Цеха поэтов развивалась параллельно и независимо от «Арзамаса». 19 марта в газете «Московский вечер» была опубликована информация о возобновлении деятельности петроградского Цеха поэтов (2-го), где сказано, что Цех в новом составе «отказался от издательской деятельности ввиду невозможности издавать книги и ограничился кружковыми рефератами» [15, с. 134]. Между тем первое обращение от лица «Арзамаса» к Блоку было связано именно с издательской деятельностью, о чем он записал 7 апреля 1918 г.: «Георгий Викторович Адамович предлагает издать “Двенадцать” для начала нового издательства “Арзамас” (типа некрасовского)» [3, с. 398]. 8 апреля Блок обсуждал с Ивановым-Разумником «предложение Адамовича. Издание статей» [3, с. 399], очевидно, подразумевалось издание цикла статей Блока о народе и интеллигенции, которые в январе-феврале печатались в «Знамени труда».

Второй «Цех поэтов», как отмечал Н.А. Богомолов, «был создан в 1916 г. 1 октября Гумилев сообщал Ахматовой: “Адамович с Г. Ивановым решили устроить новый цех, пригласили меня. Первое заседание провалилось, второе едва ли будет” <...> Однако этот “Цех” просуществовал до 1917 г.» [8, с. 170]. Г. Адамович в беседе с Ю. Иваском перечислил имена его участников: «Во второй “Цех” вошли участники старого (Мандельштам, Лозинский, Г. Иванов) и новые члены (Рождественский, Оцуп, Адамович, Одоевцева, Нельдихен, Ходасевич приехал из Москвы). Собирались два раза в месяц в Доме Искусства. Разбор формальный, придирались к мелочам, говорили иногда резко, но все же дружелюбно. Потом пили чай, ели пирожные, но не ужинали (время было голодное)» [8, с. 150]. Как видим, повестка второго Цеха ни в чем не совпадает с «Арзамасом», не

совпадает и место локации — Дом искусств, объединяет их лишь то, что в число учредителей того и другого входили Адамович и Иванов.

«Арзамас» был не поэтическим, а просветительским объединением, о чем сказано в протоколе учредительного собрания: «В полном согласии с культурно-просветительскими начинаниями советской власти, общество “Арзамас” ставит себе целью способствовать культурному развитию народа»; предполагается «проведение лекций и выставок, издательская деятельность и организация библиотек и книжной лавки». В правление помимо Адамовича и Иванова вошли И. Средник и г. Босняцкий (казначей) [15, с. 109]. Во всех последующих документах и воспоминаниях в качестве членов общества «Арзамас» фигурируют только эти четыре фамилии.

Есть основания доверять тому, как история возникновения этого объединения изложена в очерке Г. Иванова «Арзамас»: «Основываясь, “Арзамас” не думал быть ни “Арзамасом”, ни “литературно-художественным”. В замыслах основателей он рисовался нарядной кондитерской. Уже и название было придумано — “*Quelques douceurs*”². Иванов поясняет, что в тот момент одно за другим открывались частные кафе, кондитерские, чайные и «“Арзамас”, по первоначальному замыслу, должен был увеличить на единицу число таких кафе. Но затеяли его слишком поздно. К этому моменту большевики уж очень стали притеснять всякую “частную торговлю”. На один эклер накладывалась стоимость двух налогов. Слишком часты стали поиски оружия. Тем более, что за отсутствием оружия забиралась касса, по тем, вероятно, соображениям, что капитал и есть злейшее оружие для угнетения пролетариата. Тут основателям и пришла мысль объединиться с поэтами, желавшими открыть книжную лавку» [11, с. 387–388].

По версии Г. Иванова, «Арзамас» был двусоставным предприятием, в котором они с Адамовичем представляли «поэтов, желавших открыть книжную лавку», их вклад в деятельность общества он описал так: «Несколько стульев, две сотни книг и портрет Мандельштама работы Зельмановой (крайне пестрое полотно, все в рыже-красных клетках) были перевезены в угловую комнату подвала, и литературно-художественно-кондитерская деятельность “Арзамаса” началась» [11, с. 389]. Это и есть тот, по выражению Р.Д. Тименчика, «фактический субстрат» истории «Арзамаса» [19, с. 67], который удается извлечь из очерка Георгия Иванова. Еще об одной цели, которую преследовали организаторы «Арзамаса», он не

² «Немного сладостей» (*фр.*).

пишет, но она считывается благодаря протоколу, который приводит А.Г. Мец в своей статье [16, с. 314]:

ЦЕХ ПОЭТОВ

Верейская 11, тел. 237-71.
Петроград, 16 апреля 1918 г.

Бюро Цеха поэтов, прилагая при сем копию Протокола Учредительного Собрания Лит. О–ва Арзамас просит т. Комиссара по Делах Искусства не отказать в получении О–вом необходимых восьми (8 000) тысяч рублей с текущего счета члена О–ва г.В. Босняцкого (счет Конторы Государственного Банка № 237879).

Георгий Адамович
Георгий Иванов.

В пояснении к этому протоколу А.Г. Мец писал: «комиссар по делам искусств — это А.В. Луначарский, курировавший коллегия по делам искусств при СНК. Он и после переезда правительства в Москву 10 марта оставался в Петрограде, занимая одновременно пост комиссара по просвещению Совета Народных Комиссаров Петроградской Трудовой Коммуны» [19, с. 314]. В воспоминаниях Г.В. Иванова есть отдельная глава «Прием у Луначарского» [11, с. 271–280], и похоже, что на прием поэты попали в связи с «Арзамасом», а в секретаре наркома легко узнаются черты Рюрика Ивнева, имя которого очень скоро появится на афише вечера «Арзамаса». Очевидно, что хлопоты об извлечении арестованного капитала велись при его посредничестве. Марка Цеха поэтов была пущена в ход с той же целью. К сожалению, в опубликованном дневнике Ивнева никаких сведений об этих хлопотах нет, в тот момент он находился в разъездах между Москвой и Петроградом и либо записей не вел, либо позднее уничтожил их в ходе переписывания дневника [14, с. 334–335].

Есть основания отождествить упомянутого в этом протоколе, а потом и на афише Илью Средника с описанным в очерке Г. Иванова «Арзамас» креативным инженером С., который приехал «из Чикаго в 1917 году “организовывать промышленность”. Когда в 1918 году оказалось, что организовывать нелегко, — деятельная натура С. устремилась на поэзию» [11, с. 389]. Однако поэтические успехи Средника ограничились так и не увидевшими свет переводами из Омара Хайяма.

Для проведения вечера общества «Арзамас» организаторы избрали зал Тенишевского училища, главным событием вечера по

замыслу устроителей должно было стать выступление Л.Д. Блок с чтением поэмы «Двенадцать». После уже упоминавшейся неудачной попытки устроить выступления через Театральный отдел, возник новый план. 22 февраля Блок записал: «Люба вечером в “Привале комедиантов”. Сговорилась читать “Двенадцать” в течение месяца за 900 руб. (“гвоздь программы”）」 [3, с. 390], но эти выступления должны были начаться только осенью. Видимо, Г. Иванов в качестве завсегдатая «Привала комедиантов» знал об этих планах и обратился к Л.Д. Блок с предложением выступить на вечере «Арзамаса». 21 апреля 1918 г. Блок записал: «У Любы днем Георгий Иванов (зовет нас выступить на вечере и хочет издавать “Двенадцать”）」 [3, с. 401].

Блок был хорошо знаком с Георгием Ивановым, состоял с ним в переписке с 1911 года, но в ходе общения Иванов успел зарекомендовать себя не с лучшей стороны, сделав несколько денежных займов без отдачи [9, с. 415–416]. Поэтому он начал с обращения к Л.Д. Блок и, заручившись ее согласием, получил от Блока право поместить его имя в числе выступающих на афишу, но при этом участвовать в вечере Блок не собирался.

Первый вариант афиши, сохранившийся в собрании П.Н. Лукицкого, приводим по публикации А.Г. Меца:

ТЕНИШЕВСКИЙ ЗАЛ

(Моховая, 33)

Понедельник, 13 мая (30 апреля) 1918 г.

О-во АРЗАМАС

(первое собрание)

ВЕЧЕР

ПЕТЕРБУРГСКИХ ПОЭТОВ

участвуют: Георгий Адамович, Анна Ахматова, Александр Блок, Георгий Иванов, Рюрик Ивнев, М. Кузмин, О. Мандельштам, В. Пяст и др.

Л.Д. Басаргина-Блок

прочтет поэму А. Блока

«Двенадцать»

О.А. Глебова-Судейкина — стихи Пушкина и Ин. Анненского

Музыка — Артур Лурье

Пролог Арзамаса.

Начало в 6 час. веч.

Билеты (ненумерован.) от 10 до 2 р. у Вольфа (Невский, 13), Шредера (Невский, 52), М. Яснаго (б. Попова, Невский, 66), в «Книжном углу» (пр<отив> Цирка) и при входе [16, с. 318].

Сразу после появления этого первого варианта афиши разразился скандал, 10 мая в правозэсеровской газете «Дело народа» появилась заметка «Тоска по сретению», приводим ее полный текст:

На улицах висят многообещающие афиши о вечере поэтов общества «Арзамас». Афиши по новой орфографии, с поэмой Блока «Двенадцать» и вообще с обещанием «сретений». В числе участвующих объявлен ряд поэтов, двое из которых заявили следующее: «Прочитав свое имя среди имен участников вечера поэтов “Арзамас”, считаю нужным заявить, что согласия на участие в этом вечере я не дала и просила мое имя в программу не ставить». *Анна Ахматова*. «На понедельник, 13 мая, общество “Арзамас” объявило “Вечер С-Пб поэтов”, в числе участников которого значусь и я. Вынужден заявить, что согласия на помещение моего имени я не давал, и выступать на вечере с такую программю и с гг. Рюриком Ивневым и Александром Блоком в числе участников не считаю для себя возможным». *Вл. Пяст*. История повторяется: в свое время был объявлен вечер, где «русская интеллигенция» должна была демонстрировать свою любовь к советской власти в лице г. Луначарского. Увы, и тогда для большинства намеченных к «сретенью» (Петрова-Водкина, Иванова-Разумника и др.), появление их фамилий на афишах оказалось сюрпризом³.

Несмотря на то, что биографы и комментаторы Блока постоянно ссылаются на эту заметку, многие выводы, сделанные со ссылками на нее, нуждаются в уточнениях. Прежде всего, комментарий заслуживает содержащееся в заглавии слово «сретение», ставшее к тому моменту знаковым с легкой руки наркома А.В. Луначарского. 15 и 17 ноября 1917 года Луначарский опубликовал в газете «Правда» обращение к интеллигенции, предлагая ей встать на путь сотрудничества с большевиками. Откликнулся на призыв один Иероним Ясинский, беседу с которым Луначарский изложил в статье «Сретение» («Известия», 17 ноября), где, приветствуя приход Ясинского, писал: «...у него были ошибки, он бывал в чужих нам лагерях, но все-таки честь ему, старому литератору, который... берет на руки новорожденную свободу и поет ей песни, глотая искренние слезы» [18, с. 61]. Журналисты самых разных толков, а также М. Горький, подняли эту статью на смех, а слово «сретение» употреблялось после этого только с ироническим оттенком.

³ Дело народа. 1918. 10 мая. № 38. С. 2.

31 декабря 1917 года в газете правых эсеров «Дело народа» появилась заметка «Очередное сретение», она была написана по поводу организованного Рюриком Ивневым митинга «Народ и интеллигенция». На афише митинга в числе участников без их согласия были поставлены имена А. Блока, К.С. Петрова-Водкина и Иванова-Разумника [13, с. 106–109], которые на митинг не пришли, «сретение», таким образом, не состоялось, что и было тогда отмечено⁴.

Заметка «Тоска по сретению» продолжила эту тему, поместив отказы Ахматовой и Пяста, имена которых значились на афише вечера, выступать на нем. Однако внимательно заметку прочитали тогда весьма немногие, никто не обратил внимания, что отказы выступать на вечере Ахматовой и Пяста имели разную мотивировку, они не случайно в тексте заметки помещены отдельно. Для начала еще раз процитируем письмо Ахматовой: «Прочитав свое имя среди имен участников вечера поэтов “Арзамас”, считаю нужным заявить, что согласия на участие в этом вечере я не дала и просила мое имя в программу не ставить». Совсем другие мотивы, напрямую связанные с предстоящим чтением поэмы «Двенадцать», приводил Пяст. Вопреки этому утвердилось мнение об их солидарной позиции, причем — на основании записи Блока от 11 мая 1918 года: «Поразительное известие от Разумника Васильевича (вчерашний № “Дела Народа” — отказы Пяста и Ахматовой от меня. Сологуб тоже)» [3, с. 406]. Очевидно, что Блок заметку не видел, возможно, не видел ее и Иванов-Разумник, иначе бы он не присоединял к Ахматовой и Пясту еще и Сологуба, имени которого не было ни на афише, ни в заметке «Тоска по сретению». Вероятно, об отказе Сологуба выступать на вечере Иванов-Разумник узнал из других источников.

Запись Блока от 13 мая говорит о том, что благодаря Иванову-Разумнику он прочно утвердился во мнении, что все трое отказались выступать именно из-за его поэмы: «Вечер “Арзамаса” в Тенишевском училище. Люба читает “Двенадцать”. Отказались Пяст, Ахматова и Сологуб» [3, с. 406]. Благодаря данной записи в научной литературе стало традицией объединять эти имена, например, в комментариях В.Н. Орлов указывал: «В правозэсеровской газете “Дело народа” 10 мая 1918 г. В. Пяст, А. Ахматова и Ф. Сологуб объявили, что отказываются участвовать в литературном вечере кружка “Арзамас”, поскольку в программе стоит исполнение поэмы “Двенадцать”» [5, с. 452]. То же самое повторено и в летописи «Литературная жизнь России», причем со ссылкой на заметку «То-

⁴ Дело народа. 1917. 31 декабря. № 245. С. 2.

ска по сретению»: «включение поэмы “Двенадцать” в программу вечера стало причиной отказа от выступления на нем А. Ахматовой, В. Пяста и Ф. Сологуба» [15, с.187]. Однако правомерность этого объединения вызывает сомнения.

Например, Ф. Сологуб в заметке «Тоска по сретению» вообще не упоминался, и его отказ от участия в вечере был лишь косвенно связан с поэмой «Двенадцать», поскольку он тогда еще не успел ее прочитать, о чем вспоминал Г. Адамович: «Литературный вечер эфемерного общества “Арзамас” в Тенишевском зале. 1919 год. Жена Блока, Любовь Дмитриевна Басаргина, должна читать “Двенадцать”. Кроме поэтов более или менее “своих” решили пригласить Федора Сологуба. Принял он Георгия Иванова и меня очень вежливо и очень холодно. Не давая еще согласия, справился о программе вечера. — Раз будет чтение “Двенадцати”, я участвовать не могу. — Федор Кузьмич, что Вы! Вы читали “Двенадцать”? <...> “Нет, не читал. И читать такую мерзость не намерен”. “Как? Правда, не читали?” “Нет, не читал. И вообще новейших мерзостей не читаю”. Настаивать было бессмысленно и бесцельно» [1, с. 461–462]. Судя по записи в дневнике Чуковского от 25 апреля 1922 года, Сологуб прочитал поэму «Двенадцать» достаточно поздно: «Я только теперь познакомился с этой вещью — ужасная» [24, с. 38].

И поскольку публично свое отношение к январским произведениям Блока Сологуб тогда никак не выражал, он продолжал общаться с Блоком как ни в чем не бывало, что тот отмечал с некоторым удивлением. Например, запись 12 марта: «Приглашение от Ф. Сологуба (!) в Академию художеств» [3, с. 394]. В день вечера общества «Арзамас» 13 мая Блок получил от Сологуба письмо «с предложением ответить на анкету профессионального союза» [3, с. 407]. Блок составил ответ, но материалы анкеты по каким-то причинам тогда остались ненапечатанными, впервые «Ответ на анкету Союза деятелей художественной литературы» был опубликован в «Литературном наследстве» [6, с. 675–676], в собрании сочинений печатается под заглавием «Что сейчас делать?..» [4, т. 6, с. 58–59]. К сожалению, комментаторы не учитывают обстоятельства, в которых Блок отвечал на вопросы анкеты и которые в значительной степени объясняют вызывающий тон ответов. Закончив с анкетой, Блок записал: «Ответив, я таки пошел на вечер, и читал (с успехом)» [3, с. 407]. Надо отметить, что резкий тон высказываний Блока не повлиял на его отношения с Сологубом, который, возможно, вообще не узнал о том, как его отказ участвовать в вечере «Арзамаса» был расценен Блоком.

Похоже обстояло дело и с Ахматовой. Ни в воспоминаниях, ни в более поздних рассказах об истории своих отношений с Блоком эпизод с вечером «Арзамаса» она не упоминала, нет в ее высказываниях и прямых оценок поэмы «Двенадцать». Вряд ли за заявлением Ахматовой стояли политические причины: в вечере «Арзамаса» приняли участие ее ближайшие друзья тех лет — Ольга Судейкина и Артур Лурье.

Отказ Ахматовой мог быть связан с ее недружественным отношением к «двум Жоржикам» — Г. Адамовичу и особенно к Г. Иванову. Показательна история, переданная Л.К. Чуковской как «маленький эпизод из Левиного детства»: «Пришли два эстета: Георгий Иванов и Георгий Адамович. Лева слушал их, слушал и вдруг спросил: “Где вы живете, дураки?”» [22, т. 2, с. 228–229]. Ахматова пересказывала слова сына с явным одобрением, поводом же для визита «Жоржиков» вполне могло быть приглашение принять участие в вечере «Арзамаса». Об этих «двух эстетах» Ахматова всегда отзывалась с неприязнью: «Я помню Адамовича здесь, в нашем мире, в Доме Литераторов на Бассейной. Его и Георгия Иванова, которого я терпеть не могла и боялась из-за красных губ и пробора» [22, т. 2, с. 377–378].

Итак, единственным человеком, отказавшимся выступать на вечере именно из-за поэмы «Двенадцать», оказался Вл. Пяст, что было особенно болезненно для Блока, поскольку Пяст входил в число тех, кого поэт называл в числе своих «действительных друзей» [3, с. 309]. Их исключительно содержательные и духовно напряженные отношения отражены как в воспоминаниях Вл. Пяста «Встречи» [18], так и в их переписке, опубликованной З.Г. Минц [17]. Но именно Пяст публично заявил тогда: «...выступать на вечере с такою программой и с гг. Рюриком Ивневым и Александром Блоком в числе участников не считаю для себя возможным». Более того, спустя месяц с небольшим, 29 июня 1918 года Блок записал: «Встреча с Пястом, который “не подал руки”. После этого (вероятно) — зараза» [3, с. 414]. На следующий день после этой встречи Пяст вернул Блоку давнишний долг и в письме предлагал внести «добавочную сумму», чтобы компенсировать разницу в курсе [18, с. 227], проявив оскорбительную для поэта щепетильность.

Именно Пяста Блок имел в виду в «Записке о “Двенадцати”», написанной 1 апреля 1920 года, упоминающая друга, который «только один до сих пор не подает мне руки» [13, с. 247]. 22 октября 1920 года после вечера в клубе поэтов Блок записал: «Пяст, топорщащийся в углах (мы не здороваемся по-прежнему» [4, т. 7, с. 371]. Непримируемую позицию Пяста пыталась сгладить Н. Павлович,

утверждая, будто бы Пяст «на каком-то вечере в Доме искусств, в артистической, подошел к Блоку с протянутой рукой. Александр Александрович ответил на его рукопожатие. Я их оставила вдвоем. Потом Пяст рассказывал, что он заходит к Блоку, но прежняя близость так и не восстановилась» [7, с. 478]. Этому свидетельству нет оснований доверять: невозможно себе представить, чтобы Блок не отметил в записной книжке даже условное примирение с Пястом. А тот так и не примирился с поэмой Блока, вспомнив о ней в некрологе поэту: «Появляются “12” — многих, надолго отделившая от него поэма...»⁵.

Возвращаясь к вечеру «Арзамаса», отметим, что никакие отказы не повлияли на его судьбу, афиша во втором варианте получила существенное пополнение:

Общество «Арзамас»
(первое собрание)
ВЕЧЕР

ПЕТЕРБУРГСКИХ ПОЭТОВ

13 мая 1918 года

I

Пролог Арзамаса (соч. Георгия Адамовича) О.А. ГЛЕБОВА-СУДЕЙКИНА

В. ПЯСТ

АННА РАДЛОВА

РЮРИК ИВНЕВ

«Двенадцать», поэма А. Блока – Л.Д. БАСАРГИНА-БЛОК

II

Стихи Пушкина – О.А. ГЛЕБОВА-СУДЕЙКИНА, АРТУР ЛУРЬЕ

Стихи Ин. Анненского – О.А. ГЛЕБОВА-СУДЕЙКИНА

III

А. БЛОК

О. МАНДЕЛЬШТАМ

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

ГЕОРГИЙ АДАМОВИЧ

М. КУЗМИН

Книгоиздательство АРЗАМАС

Ближайшие издания

⁵ Вестник литературы. 1921. № 8 (32). С. 12.

Платон. Пир. Пер. Сергея Радлова. Ла-Брюйер. О сердце. Фрагмент. Омар Кайям. 99 рубайят. Пер. Ильи Средника. «Старые арзамасцы». Сборник ⁶.

Имя Пяста устроители исключить забыли, но зато Блок стал реальным участником вечера, к этому его подтолкнуло полученное накануне письмо от Г. Адамовича:

Многоуважаемый Александр Александрович.

Простите, что я тревожу Вас таким делом, как участие в вечере. Любовь Дмитриевна передала нам Ваш отказ, и мы бы не думали еще раз беспокоить Вас. Но с тех пор многое выяснилось.

Мне не зачем повторять, — Вы вероятно сами знаете все что сплелось вокруг Вас и «Двенадцати». Лично для меня это неожиданно и непонятно.

Но теперь, когда Арзамасский вечер почти гибнет от этого, нам надо все-таки думать о нем. Уже не только по общим соображениям, но и из-за всего, что говоришь и слушаешь, мы просим Вас быть самому на вечере и читать стихи.

Это было бы очень дорого нам, и «показательно», и очень мы надеемся, что, может быть, Вы измените первоначальное ваше решение.

Мне очень стыдно, что это письмо надоедливое и «деловое» и что обращаясь к Вам не говорил о Двенадцати, мне сейчас, в этом письме, невозможно говорить, что для меня с Двенадцатью связано и как я «привязан» к ним.

Г. Адамович. Верейская, 11 ⁷.

Вопреки опасениям Адамовича, вечер оказался удивительно успешным, хотя не все обозначенные на афише поэты приняли в нем участие. Вместо отсутствовавших в Петрограде Рюрика Ивнева и Осипа Мандельштама на вечере выступил только что вернувшийся в город Н.С. Гумилев, о чем его свояченица А.А. Гумилева вспоминала: «Помню, как однажды Коля, такой бодрый и веселый, пришел к мужу в кабинет и пригласил нас в Тенишевское училище на литературное утро. Выступали там — Коля, А.А. Блок, жена Блока — Любовь Дмитриевна и молодые поэты. Зал был переполнен.

⁶ РГАЛИ. Ф. 993. Оп. 1. Ед. хр. 190.

⁷ РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 6–7. Датируется на основании пометы Блока на л.6: Получено 12.V.1918. Обращает внимание, что адрес Адамовича совпадает с тем, который указан в протоколах «Арзамаса».

Любовь Дмитриевна в первый раз публично прочла “Двенадцать”. Когда она продекламировала последние слова поэмы “В белом венчике из роз, впереди — Иисус Христос” — в зале поднялся сильный шум. Одни громко аплодировали, другие шикали, свистели, громко кашляли. Творилось что-то ужасное! Зал еще бушевал, когда мы увидели с мужем, что на эстраду не спеша поднимается наш Коля. Мне было за него как-то не по себе. Мы сильно за него волновались. Коля поднялся на эстраду и стал. Он стоял спокойно, выдержанно. Ждал пока публика перестанет бушевать. Мало-помалу шум улегся. Коля подождал еще некоторое время. И тогда, когда все успокоилось, он стал читать свои “Персидские газеллы”. После него выступил А. Блок. Только на следующий день Коля нам рассказал, что А. Блок отказался сейчас же после поэмы “Двенадцать” выйти на эстраду. Тогда Коля решил его выручить и вышел раньше времени, не по программе» [10, с. 76].

Из-за предшествовавших вечеру осложнений выступление стоило Блоку большого внутреннего напряжения, например, Л. Страховский даже обвинял Блока в трусости: «Первая часть утренняя закончилась первым публичным чтением поэмы Блока “Двенадцать”, эффектно продекламированной его женой, которая выступала под своей сценической фамилией: Басаргина. По окончании этого чтения в зале поднялся бедлам. Часть публики аплодировала, другая шикала и стучала ногами. Я пошел в крохотную артистическую комнату, буквально набитую поэтами. По программе очередь выступать после перерыва была за Блоком, но тот с трясущейся губой повторял: “Я не пойду, я не пойду”. И тогда к нему подошел блондин среднего роста с каким-то будто утиным носом и сказал: “Эх, Александр Александрович, написали, так и признавайтесь, а лучше бы не написали”. После этого он повернулся и пошел к двери, ведущей на эстраду. Это был Гумилев» [10, с. 245]. Но «с трясущейся губой» Блока запомнил только Страховский, Вс. Рождественский запомнил трагическое выражение лица Блока в момент его появления за кулисами: «И тут я впервые близко увидел его лицо. Оно было безмерно уставшим и, как мне казалось тогда, покрытым паутиной презрительного равнодушия. Не торопясь, холодно и несколько дерзко Блок обвел взглядом присутствующих. Все, потупившись, молчали. Молчал и он, видимо чего-то выжидая, готовый ко всему. Горько дрогнули уголки его тяжелого скорбного рта» [5, с. 199].

Блок не преувеличивал, когда писал об успехе, сопутствовавшем его выступлению на вечере, о чем свидетельствует заметка в газете «Петроградский голос» от 15 мая: «Курьезно читать программы

и афиши, напечатанные зачем-то по новому правописанию, без ятей, ериков, без десятиричных *i*; забавно слушать, как один за другим выступали косноязычные, шепелявые, многоглаголивые стихотворцы “приготовительного класса” — г. Адамович, Георгий Иванов, Майзельс, Рождественский и другие, имена же их Ты, господи, веши... Бесплодно было догадываться, зачем эти господа присвоили себе славное имя “Арзамаса” Александровской эпохи, блиставшего именами Пушкина, Жуковского и т.д. Но довольно одного луча солнца, чтобы скрасить и оживить самый грустный ландшафт. Когда художественно, с большим настроением и подъемом, г-жа Басаргина-Блок прочитала потрясающую лирическую поэму Блока “Двенадцать”, мы давно не слышали таких рукоплесканий, какие раздались после чтения г-жи Басаргиной. Появление на эстраде самого г. Блока было настоящим триумфом. Он прочел пять стихотворений, и каждое из них вызывало бурные восторги. Но как переменялся поэт: это уже не прежний мечтательный рыцарь Прекрасной дамы, не бодрый некогда певец России, теперь — это пораженный в самое сердце провидец в грядущем дней новых “мятежей и войн”, разочарованный, мрачно настроенный поэт-пессимист. После Блока не хотелось уже никого слушать, и публика стала энергично расходиться» (цит. по: [16, с. 322–323]).

Единственные, кто не оставил никаких воспоминаний о вечере, были его устроители — Г. Адамович и Г. Иванов, а между тем благодаря им «Двенадцать» впервые прозвучали со сцены в исполнении Л.Д. Блок, так что вечер в некотором роде стал важной вехой в истории поэмы. В очерке Г. Иванов «Арзамас» упоминает вечер с участием певицы Зои Лодий, а о вечере, где выступали одновременно Блок и Гумилев, не сказано ни слова, в лаврах первых пропагандистов поэмы «Двенадцать» «арзамасцы» явно не нуждались. Объяснение их общей «забывчивости» содержится в статье о Блоке Адамовича: «“Двенадцать” одна из тех вещей, которые похожи на быстро опьяняющее вино: о нем не скажешь, что оно “чем старше, тем сильнее”. Поэма всем вскружила голову, ее чарам нельзя было противиться. Но прошли годы — и она обветшала, выветрилась. Чувствуется остов, “дно”, не во что вчитываться» [1, с. 296]. Видимо в этой перемене и состоит причина «забывчивости», потому что само творчество Блока оставалось одним из постоянных предметов размышлений как Адамовича, так и Иванова.

Совсем по-разному описывали Адамович и Иванов отношение к поэме Блока Н. Гумилева, о котором Иванов в «Петербургских зимах» писал: «Гумилев особенно осуждал Блока за “Двенадцать”».

Помню фразу, сказанную Гумилевым незадолго до их общей смерти, помню и холодное, жесткое выражение его лица. Когда он убежденно говорил: “Он (т.е. Блок), написав ‘Двенадцать’, вторично распял Христа и еще раз расстрелял Государя”. Я возразил, что, независимо от содержания, “Двенадцать” как стихи близки к гениальности. “Тем хуже, если гениально. Тем хуже и для поэзии, и для него самого. Дьявол, заметь, тоже гениален — тем хуже и для дьявола, и для нас...”» [11, с. 183]. В полном противоречии с этим свидетельством находятся слова Г. Адамовича, относящиеся к 1926 году: «Гумилев сразу, с первого дня приветствовал “Двенадцать”, восхищался поэмой и считал ее лучшей вещью Блока. А уж о том, чтобы Гумилев не подал Блоку руки, никогда, ни при каких обстоятельствах, не могло быть и речи. Для Гумилева выше политики, выше патриотизма, даже, может быть, выше религии была поэзия, не обособленна от них, а их в себе вмещающая и своей ценностью их отдельные заблуждения искупающая. В “Двенадцати” для Гумилева заблуждения или ошибки не было. Но если бы он заблуждение там и нашел, он простил бы его за качество стихов» [11, с. 704].

Еще одно свидетельство принадлежит К. Чуковскому, оно говорит о том, что истина лежит посередине. Чуковский присутствовал на лекции Гумилева вместе с Блоком, отметившим в записной книжке 4 июля 1919 года: «Мы с Чуковским и Евдокией Петровной <Струковой> слушали в институте графа Зубова последнюю (4-ю) лекцию Гумилева обо мне (анализ “Двенадцати”)» [3, с. 465]. Содержание лекции Чуковский передал в самых общих чертах: «Вчера в Институте Зубова Гумилев читал о Блоке лекцию — четвертую. Я уговорил Блока пойти. Блок думал, что будет бездна народу, за спинами которого можно спрятаться, и пошел. Оказались девицы, сидящие полукругом. Нас угостили супом и хлебом. Гумилев читал о “Двенадцати” — вздор — девицы записывали. Блок слушал, как каменный. Было очень жарко. Я смотрел: — его лицо и потное было величественно: Гёте и Данте. Когда кончилось, он сказал очень значительно, с паузами: мне тоже не нравится конец “Двенадцати”. Но он цельный, не приклеенный. Он с поэмой одно целое. Помню, когда я кончил, я задумался: почему же Христос? И тогда же записал у себя: “к сожалению, Христос. К сожалению, именно Христос”» [23, с. 253].

Из этой записи следует, что между Блоком и Гумилевым состоялся разговор о финале поэмы «Двенадцать», но при этом отношение Гумилева к поэме ничем не напоминало то, как передавал его Г. Иванов.

Литература

1. *Адамович Г. В.* Собр. соч.: «Комментарии» / сост. О.А. Коростелев. СПб.: Алетей, 2000. 757 с.
2. Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919. М.: Прогресс-Плеяда, 2001. 608 с.
3. *Блок А.А.* Записные книжки. 1901–1920. М.: ИХЛ, 1965. 663 с.
4. *Блок А.А.* Собрание сочинений: в 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1960–1963.
5. Блок в воспоминаниях современников / сост., подготовка текста и коммент. Вл. Орлова: в 2 т. М.: Художественная литература, 1980. Т. 2. 527 с.
6. [Блок А.] Из неизданных текстов Александра Блока / публ. Вл. Орлова // Литературное наследство. М.: Жур.-газ. объединение, 1937. Том 27-28. С. 675–682.
7. Блоковский сборник. Труды научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А.А. Блока, май 1962 г. Тарту, 1964. 575 с.
8. *Богамолов Н.А.* Проект «Акмеизм» // Новое литературное обозрение. 2002. № 58 (6). С. 140–180.
9. Георгий Владимирович Иванов: Исследования и материалы: 1894–1958: II Международная научная конференция / отв. ред. Р.Р. Кожухаров. М.: Литературный институт им. А.М. Горького, 2021. (В печати).
10. Жизнь Николая Гумилева: Воспоминания современников / сост. Ю.В. Зобнин, В.П. Петрановский, А.К. Станюкович. Л.: Изд-во Междунар. фонда истории науки, 1991. 333 с.
11. *Иванов Г.* Китайские тени. Мемуарная проза / сост. С.Р. Федякин. М.: АСТ, 2013. 778 с.
12. *Иванова Евг.* Александр Блок: последние годы жизни. СПб.; М.: Росток. 2012. 604 с.
13. *Иванова Евг.* Январская трилогия Александра Блока: «Интеллигенция и революция», «Двенадцать», «Скифы». М.: Рутения. 2020. 304 с.
14. *Ивнев Рюрик.* Дневник: 1906–1980 / сост. Н.П. Леонтьев, коммент. А.П. Дмитриева. М.: Эллис Лак, 2012. 877 с.
15. Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Том 1. Часть 1. Москва и Петроград. 1917–1920 гг. / отв. ред. А.Ю. Галушкин. М.: ИМЛИ РАН. 2005. 766 с.
16. *Мец А.Г.* Тенишевское училище и другие работы об Осипе Мандельштаме и его времени. СПб: Издательский Дом «Гиперион», 2020. 356 с.
17. Переписка <А. Блока> с Вл. Пястом / статья, публ. и комм. З.Г. Минц // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 175–228.
18. *Пяст Вл.* Встречи / под ред. Р. Тименчика. М.: НЛЮ, 1997. 416 с.
19. *Тименчик Р.Д.* О фактическом субстрате мемуаров Г.В. Иванова // De visu. 1994. № 1/2 (14). С. 67.
20. *Тименчик Р.Д.* Пяст В. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. Т. 5. С. 228–231.
21. *Тименчик Р.* Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим–М.: Мосты культуры, 2008. 686 с.
22. *Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. М.: Согласие, 1997.
23. *Чуковский К.* Собр. соч.: в 15 т. М.: Терра- Книжный клуб, 2006. Т.12: Дневник: 1901–1921 / коммент. Е. Чуковской. 591 с.
24. *Чуковский К.* Собр. соч.: в 15 т. М.: Терра- Книжный клуб, 2006. Т.13: Дневник: 1922–1925 / коммент. Е. Чуковской. 656 с.

Research Article

On the History of Aleksandr Blok Party in Arzamas Society

© 2021, Evgeniia V. Ivanova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: The paper traces the history of a short-lived Petrograd literary society “Arzamas” and analyses its connections with the Second Workshop of Poets. A special attention is paid to the Party organized by G. Ivanov and G. Adamovich on behalf of Arzamas society in May 1918. At the party L.D. Blok made her first public performance reciting Blok’s poem *The Twelve*. The scandal that took place during the party, demonstrated the overreaction of Blok’s contemporaries to the poem. Anna Akhmatova and Vladimir Piast refused to participate in the party – for different reasons, as it is proved in paper. The paper also considers F. Sologub’s opinion of Blok’s works written on January 1918. An attempt is made to recreate Nikolay Gumilev’s attitude to the poem *The Twelve*.

Keywords: A. Blok; poem *The Twelve*; literary societies; Arzamas society; memoirs; G. Adamovich; G. Ivanov.

Information about the author: Evgeniia V. Ivanova — DSc in Philology, Leading research fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: : <https://orcid.org/0000-0002-2076-0424>. E-mail: evi@l-z.ru.

For citation: Ivanova E.V. “On the History of Aleksandr Blok Party in Arzamas Society.” *Literaturnyi fact*, 2021, no 1 (19) pp. 145–162. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-145-162>

References

1. Adamovich, G. *Sobranie sochinenii: “Kommentarii”* [Collected Works: Commentary], comp. O.A. Korostelev. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2000. 757 p. (In Russ.)
2. *Andrei Belyi i Aleksandr Blok. Perepiska. 1903–1919* [Andrei Bely and Alexander Blok. Correspondence. 1903–1919]. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2001. 608 p. (In Russ.)
3. Blok, A.A. *Zapisnye knizhki. 1901–1920* [Notebooks. 1901–1920]. Moscow, IHL Publ., 1965. 663 p. (In Russ.)
4. Blok, A.A. *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [Collected Works: in 8 vols]. Moscow; Leningrad, GIKhL Publ., 1960–1963. (In Russ.)
5. *Blok v vospominaniakh sovremennikov: v 2 t.* [A. Blok in Memoirs of His Contemporaries: in 2 vols.], vol. 2, comp., text prep. and comm. by Vl. Orlov. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1980. 527 p. (In Russ.)
6. Orlov V. “Iz neizdannykh tekstov Aleksandra Bloka” [“From the Unpublished Texts by Alexander Blok”]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 27–28. Moscow, Zhurnal’no-gazetnoe ob’edinenie Publ., 1937, pp. 675–682. (In Russ.)

7. *Blokovskii sbornik. Trudy nauchnoi konferentsii, posviashchennoi izucheniiu zhizni i tvorchestva A.A. Bloka, may 1962 goda* [Blok Collection. Proceedings of the Scholar Conference on A.A. Blok's Life and Work, May, 1962] Tartu, 1964. 575 p.
8. Bogomolov N.A. 'Proekt «Akmeizm».' [Project "Akmeizm"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 58 (6), 2002, pp. 140–180. (In Russ.)
9. *Georgii Vladimirovich Ivanov: Issledovaniia i materialy: 1894–1958: II Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia* [Georgii Vladimirovich Ivanov: Studies and Materials: 1894–1958: II International Scholar Conference], ed. R.R. Kozhukharov. Moscow, Literaturnyi institut im. A.M. Gor'kogo Publ., 2021. (In print) (In Russ.)
10. *Zhizn' Nikolaia Gumileva: Vospominaniia sovremennikov* [The Life of Nikolay Gumilev: Memoirs of the Contemporaries], comp. Iu.V. Zobnin, V.P. Petranovskii, A.K. Staniukovich. Leningrad, Izd-vo Mezhdunarodnogo fonda istorii nauki Publ., 1991. 333 p. (In Russ.)
11. Ivanov G. *Kitaiskie teni. Memuarnaia proza* [Chinese Shadows. Memoir Prose.], comp. S.R. Fediakin. Moscow, AST Publ., 2013. 778 p. (In Russ.)
12. Ivanova Evg. *Aleksandr Blok: poslednie gody zhizni*. [Alexander Blok: The Last Years of His Life]. St. Petersburg; Moscow, Rostok Publ., 2012. 604 p. (In Russ.)
13. Ivanova Evg. *Ianvarskaia trilogiia Aleksandra Bloka: "Intelligentsiia i revoliutsiia", "Dvenadtsat'", "Skify"* [January Trilogy by Alexander Blok: "Intelligentsia and Revolution", "The Twelwe", "Skify"]. Moscow, Ruteniia Publ., 2020. 304 p. (In Russ.)
14. Ivnev Riurik. *Dnevnik: 1906-1980* [Diary: 1906-1980], comp. N.P. Leont'ev, comm. A.P. Dmitriev. Moscow, Ellis Lak Publ., 2012. 877 p. (In Russ.)
15. *Literaturnaia zhizn' Rossii 1920-kh godov. Sobytiia. Otryvy sovremennikov. Bibliografiia*. [The Literary Life of Russia in the 1920s. Events. Reviews of Contemporaries. Bibliography], vol. 1, part 1 Moskva i Petrograd. 1917–1920 gg. [Moscow and Petrograd. 1917–1920], ed. A.Iu. Galushkin. Moscow, IWL RAS Publ., 2005. 766 p. (In Russ.)
16. Mets, G.A. *Tenisevskoe uchilishche i drugie raboty ob Osipe Mandel'shtame i ego vremeni* [Tenishev School and Other Works on Osip Mandelstam and His Time]. St. Petersburg, Giperion Publ., 2020. 356 p. (In Russ.)
17. "Perepiska <A. Bloka> s Vl. Piastom" ["Correspondence [of A. Blok] with Vl. Piast"], introd., publ. and comm. Z.G. Mints. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 92: Aleksandr Blok: Noveye materialy i issledovaniia [Alexander Blok: New Materials and Studies], book 2. Moscow, Nauka Publ., 1982. pp. 175–228. (In Russ.)
18. Piast Vl. *Vstrechi* [Encounters], ed. R. Timenchik. Moscow, NLO Publ., 1997. 416 p. (In Russ.)
19. Timenchik R.D. "O fakticheskom substrate memuarov G.V. Ivanova" ["On the Factual Substrate of G.V. Ivanov's Memoirs"]. *De visu*, no. 1/2 (14), 1994, p. 67. (In Russ.)
20. Timenchik R.D. "Piast V." ["Piast V."]. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary], vol. 5. Moscow, Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia Publ., 2007, pp. 228–231. (In Russ.)
21. Timenchik, R. *Chto vdrug: Stat'i o russkoi literature proshlogo veka* [What's All About: Essays on Russian Literature of the Past Century]. Jerusalem; Moscow, Mosty kul'tury Publ., 2008. 686 p. (In Russ.)
22. Chukovskaia, L. *Zapiski ob Anne Akhmatovoi: v 3 t.* [Notes on Anna Akhmatova: in 3 vols.]. Moscow, Soglasie Publ., 1997. (In Russ.)
23. Chukovskii, K. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [Collected Works: in 15 vols.], vol. 12: Diary, 1901–1921, comm. E. Chukovskaia. Moscow, Terra Publ., 2006. 591 p. (In Russ.)
24. Chukovskii, K. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [Collected Works: in 15 vols.], vol. 13: Diary, 1922–1925, comm. E. Chukovskaia. Moscow, Terra Publ., 2006. 656 p. (In Russ.)

М. КУЗМИН И ЛИТЕРАТУРНЫЕ КРУЖКИ XX ВЕКА

Литературный факт.
2021. № 1 (19)

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-163-180>

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (19), 2021

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«КАПИТАН ОДИН НЕ В СЧЕТ...» М. Кузмин и «Марсельские матросы»

© 2021 П.В. Дмитриев

Санкт-Петербургская академическая филармония им. Д.Д. Шостаковича,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье рассматривается история недолговечного петроградского литературного кружка «Марсельские матросы» (весна-осень 1917 г.), группировавшегося вокруг М. Кузмина. Несмотря на обширные планы, анонсированные в печати и представление группы как литературно-художественного общества, творческая продуктивность «Марсельских матросов» оказалась весьма скромной. Неразрешенным остается вопрос о степени вовлеченности участников Второго Цеха поэтов в новое художественное предприятие. В статье указывается на некоторые текстовые совпадения и переклички в текстах поэтов, постоянных участников кружка, отмечена связь с другими художественными группировками. Особое внимание обращено на само название «Марсельские матросы», выдвигается новое предположение о его генезисе. Впервые публикуется законченный отрывок из «Марсельезы» в переводе М. Кузмина, выполненного им в 1921 г.

Ключевые слова: Петроградские литературные общества и объединения; Второй Цех поэтов, кружок «Марсельские матросы»; Е.А. Баратынский; М.А. Кузмин; Ю.Е. Деген; М.М. Бамдас.

Информация об авторе: Павел Вячеславович Дмитриев, кандидат искусствоведения, заведующий Музыкальной библиотекой Санкт-Петербургской академической филармонии им. Д.Д. Шостаковича. Михайловская ул., д. 2. 191186, Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0295-8402>. E-mail: dmitrievp@mail.ru

Для цитирования: Дмитриев П.В. «Капитан один нее в счет...»: М. Кузмин и «Марсельские матросы» // // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 163–180. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-163-180>

О петроградском поэтическом кружке «Марсельские матросы» (далее — ММ), эфемерном образовании, возникшем в Петрограде весной 1917 года и просуществовавшем не более полугода, мало что известно. Поэты-члены сообщества выпустили несколько поэтических сборников. Издательские планы, анонсированные сразу же после появления группы, были обширны, но им не суждено было осуществиться (во всяком случае, в их первоначально задуманном виде). Под маркой Книгоиздательства «Марсельских матросов» вышли три сборника: один Ю. Дегена¹ и два М. Бамдаса [1; 3]. «Идейным вдохновителем» общества и автором предисловия к первому сборнику Бамдаса [3] был М. Кузмин. В сущности, это всё, что можно сказать о «Марсельских матросах» определенного.

Первая попытка авторефлексии группы, если можно так сказать, возникла после отъезда из Петрограда в Тифлис осенью 1917 года наиболее деятельного ее члена Юрия Дегена. В 1920 году в Тифлисе после нескольких других сборников выходит поэтическая книга Дегена «Оттепель», обозначенная как «поэма» и датированная автором «январем-апрелем 1919 г.». По своему содержанию это — лирическое признание Дегена в любви к Петрограду и той культурной среде, где он осознал себя поэтом, и некоторая ностальгия по близкому и невозвратному прошлому. По форме это цикл из десяти сонетов: вступительного («Посвящение»), восьми пьес под римскими цифрами (I–VIII) и заключительного («Весна»), причем текст сонета VI заменен точками (и, вероятно, знаменует собой сюжетную кульминацию, скрытую от читателя). Подзаголовок первого сонета — Акростих, и посвящен он М. Кузмину. Учитывая важность этого текста для истории ММ, позволим себе привести стихотворения целиком:

«Марсельский портъ» намъ былъ отрадой новой
И новой голось нашимъ пѣснямъ дань
Химерой нѣжной о зарѣ здоровой.
А горизонтъ уже закрылъ туманъ,

¹ Деген Ю. Лето. 1-я книжка стихов. Обложка по рис. худ. В. Сафоновой. К-во «Марсельских матросов». Петроград. <Год не обозначен>. — Указано на внутренней стороне задней обложки в изд.: [6]. Еще раньше эта книга названа в анонсах «Маленькой библиотеки поэзии и графики» на последней странице сборника М. Бамдаса «Голубь» ([Пг.], 1918. С. 22). Нам эта книга не встречалась, в двух главных библиотеках России ее нет, нет ее и в справочниках А.К. Тарасенкова «Русские поэты XX века. 1900–1955: Библиография» (М.: Сов. писатель, 1966) и Л. Турчинского «Русские поэты XX века: Материалы для библиографии» (М.: Знак, 2007). Возможно, это мистификация Дегена, и сборник так и не вышел. Но то, что стихи в книгу под таким названием были собраны, явствует из строчки первого стихотворения Дегена в поэме «Оттепель»: «Здесь я писал и “Этих глаз”, и “Лето”» [4, с. 4].

И Вы, надъ нами милый капитанъ,
 Любили этотъ сумракъ предгрозовый.
 У Васъ нашлись и новый мэтръ и слово
 Къ призванью Бога въ дикій ураганъ.
 Уже сдвигались нервно Ваши брови,
 Заиндевъли ночи блѣдной кровью.
 Морскою влагой вѣяло съ Невы.
 И, точно Русью призванные судьи,
 Надъ Петроградомъ встали три орудья
 У позолоты облачной канвы².

Предпоследняя строка стихотворения сопровождалась авторским комментарием: «В мае 1917 г. около трех дней стояли над Петроградом облака, напоминающие своею формой тяжелые артиллерийские орудья». К первым словам «Марсельский порт» было сделано следующее примечание: «В апреле 1917 г. мною было основано в Петрограде худ. об-во “Марсельских матросов”, “капитаном” которого был М. Кузмин».

Можно сказать, что это — основные сведения о «Марсельских матросах», полученные из «первых рук». Приведенное стихотворение кажется нам важным для истории ММ, «Оттепель» здесь не только климатическая, но и политическая (эпоха февральской революции 1917 года, которая отнюдь не закончилась в феврале), но главное — это время образования кружка ММ.

Другое свидетельство — стихотворение М. Бамдаса из книги «Голубь», названное «Посвященіе Юрію Дегену, старшему штурману “Марсельскихъ матросовъ”»:

Мой другъ, мы оба юны
 И оба пѣсни поемъ.
 Перебирая струны,
 Въ утреннемъ морѣ плывемъ.

Наша Марсельская лодка
 Синѣе небесъ синевы.
 Драгоценнѣйшая находка —
 Спутникъ такой, какъ Вы³.

² [4, с. 3]. Мы сохраняем не только старое, но и авторское правописание из опасения диктовать свои правила поэту, выпустившему книгу под названием «Поэма о солнце» (Пг., 1918).

³ [1, с. 9]. Программным для ММ может считаться и предыдущее стихотворение, открывающееся строчками «Прощай навсегда, контора! / Да славится путь моряка!».

Отсюда можно вывести и некоторую иерархию (может быть, и поэтическую): если Кузмин — капитан, Деген — старший штурман, то кто Бамдас? Очевидно — матрос? Есть в этой книге Бамдаса и стихотворение, посвященное (или обращенное к) своему первому сборнику «Предраассветный ветер» («Моя путеводная птица...») [1, с. 11], что не знаменует ли в некотором смысле и конец группы? Еще одно отчасти «документальное» стихотворение принадлежит Дегену, посвятившему его М. Кузмину. Заманчиво рассматривать его как позднейший взгляд на события 1917 года из Тифлиса 1919-го, но это не так (а почему, мы еще увидим):

не легко трехпалубное судно,
с якорей ему рвануться трудно,
стоит — тяжелый битюг —
сразу хочет на север и на юг.

заскрипели канаты,
песенку запели,
двинулось в середине апреля.

коричневый пускает дым,
гнется море под ним.

путешествовать к чудесным странам
мне на пароходе странном.
прощай, далеких долинок пух! —
старшим штурманом стал пастух [6, с. 6].

Из этого лирического излияния мы узнаем чудесным образом несколько фактических деталей. И если тяга к странствиям, пароход и пастух — скорее поэтические метафоры, то «двинулось в середине апреля», кажется, указывает на фактическое начало кружка Марсельских матросов, а «старшим штурманом» Деген аттестует себя сам (хотя мы уже знаем о его «звании» из посвящения Бамдаса в сборнике «Голубь»).

Остальное в существовании ММ — лишь своего рода «декларация о намерениях». К последней относятся, как было сказано, несколько анонсов, напечатанных в книгах участников группы. Самая полная информация представлена на последних страницах первой

и завершающееся: «А как загуляемь, пріятель, / Когда придемь въ Марсель!» [1, с. 7, 8].

же изданной книги — сборника стихов М. Бамдаса «Предрасветный ветер», вышедшего с предисловием М. Кузмина в Книгоиздательстве «Марсельских матросов».

Как уже существующие отмечены три книги: действительно вышедший «Предрасветный ветер» «обрамлен» двумя изданиями, к которым сделано примечание — «печатается». Это «Альманах Марсельских матросов» и «Враждебное море», ода М. Кузмина.

Обращает на себя внимание целая серия книг, названная «Маленькой библиотекой поэзии и графики», из которой под маркой «Марсельских матросов» появилась на следующий год лишь одна книжка — второй стихотворный сборник М. Бамдаса «Голубь». Примечателен последний (шестой) номер в этом списке: «Купреянов. Житие иже во святых отца нашего Николая епископа мирликийского чудотворца. Резьба на дереве». Очевидно, речь идет о поэме М. Кузмина, в сохранившемся автографе названной «Николино житие». Текст Кузмина был опубликован только в 1977 году (без иллюстраций): [8, с. 472–483] и позже перепечатан: [9, с. 77–91], иллюстративный ряд полностью не опубликован до сих пор⁴. Отметим здесь важный момент: издания «Марсельских матросов» изначально предполагалось делать «художественными». Среди перечисленных произведениях, готовящихся к изданию, оба «художественных издания» — произведения Кузмина (в случае с «Николиным житием» — с «утаенным» авторством). Первым же в ряду «художественных изданий» было объявлено «“Враждебное море” Ода М. Кузмина. Издание факсимиле с рисунками В.Д. Дмитриева, иллюминированными от руки»⁵.

Таким образом, как видно из «поэтического признания» Юрия Дегена и книжных анонсов, объединяющими моментами группы явились два пункта: морская тема и тема Петербурга (или в обратной последовательности). ММ возникли в период, когда Петербург уже несколько лет был переименован в Петроград. В сложном деле периодизации истории города, возможно, будет когда-нибудь сделана попытка рассмотрения «петроградского» ее периода как «переходного». Несмотря на всю условность такого членения, этот «петроградский» период, номинально длившийся почти десяти-

⁴ Отдельные воспроизведения иллюстраций Н.Н. Купреянова см.: [11].

⁵ [3, с. <47>]. Художник Дмитриев с такими инициалами нам не известен. Соблазнительно видеть здесь простую опечатку и предположить В.В. Дмитриева (1900–1948), знаменитого впоследствии театрального художника, входившего в круг младших друзей Кузмина, однако нам неизвестно, были ли они уже знакомы в это время (дневник Кузмина за 1917 год в значительной степени утрачен). Кузмин написал о В.В. Дмитриеве в мае 1927 г. статью, оставшуюся неопубликованной (см. авторский список произведений в рабочей тетради: ИРЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 319. Л. 117 об.)

летие, характерен эфемерностью своих начинаний, в том числе и культурных.

Наиболее представительный список имен, призванный объединить членов кружка под знаменем «Марсельских матросов», дает нам объявленный «Альманах Марсельских матросов». Мы находим среди перечисленных авторов не только поэтов, но прозаика и художника. «Альманах Марсельских матросов» затевался «при участии Г. Адамовича, М. Бамдаса, Л. Бермана, Юрия Дегена, Бориса Евгеньева, Георгия Иванова, Рюрика Ивнева, М. Кузмина, Н. Купреянова, Всеволода Курдюмова, Владимира Пруссака, Анны Радловой, М. Струве, Юр. Юркуна и др.» [3, с. <47>].

Здесь заметно присутствие целого ряда представителей Второго Цеха поэтов (что в свое время уже было отмечено Р. Д. Тименчиком:

Посетители второго, «беспартийного» Цеха поэтов в 1917 году планировали издавать стихи в издательстве «Марсельских матросов» [15, р. 316–317]).

Некоторой литературной «компенсацией» не вышедшего «Альманаха Марсельских матросов» и расстроившихся планов книгоиздания стал, как нам кажется, выпуск Дегеном в 1919 г. в Тифлисе «альманаха стихов» под «говорящим» именем — «Нева», который объединил часть авторов — несостоявшихся Марсельских матросов, в частности Рюрика Ивнева и Михаила Струве, а также самого Дегена и Кузмина⁶.

Возвращаясь к петроградскому не вышедшему альманаху ММ, мы не можем не отметить присутствия участников Второго Цеха поэтов и некоторых других писателей и художников. Однако, если иметь в виду «действительных членов» общества, то мы вынуждены ограничиться двумя именами: Юрием Дегеном, чья судьба оказалась трагичной (он был расстрелян в Баку в 1923 году), и Моисеем Бамдасом, чья жизнь сложилась более-менее благополучно⁷.

⁶ Нева: Альманах стихов. Юрий Деген. Рюрик Ивнев, Борис Корнеев, М. Кузмин, Н. Семейко, М. Струве. Тифлис: Изд-во «Феникс», 1919.

⁷ Правда, при личном общении с Т.Л. Никольской в середине 1970-х Лазарь Берман (упомянутый выше в списке авторов «Альманаха Марсельских матросов») аттестовался «штурманом». Пользуемся случаем поблагодарить Т.Л. Никольскую за ее любезные консультации.

Марка Книгоиздательства «Марсельских матросов». Художник А.И. Божерянов. (Из книги: М. Бамдас. Предзвездный ветер: Стихи / Предисловие М. Кузмина. [Пг.], 1917. С. 1).

Emblem of the Sailors of Marseilles by A.I. Bozherianov, Source: Bamdas, M. *Pre-Dawn Winter. Poems*, preface by M. Kuzmin. Petrograd, 1917, p. 1

За последнее время о Юрии Дегене появилось несколько исследований⁸, в том числе в интернете⁹ и на радио¹⁰, вышла также книга с неопубликованными текстами М. Бамдаса (с предисловием Н.А. Богомолова) [2], однако никаких фактических сведений о ММ как поэтическом образовании, помимо вышеприведенной информации, они не добавляют¹¹.

Если у нас недостает фактов и биографических сведений для выстраивания целостной картины, то и определение «поэтики» этой поэтической группы в нашем случае затруднено (поскольку текстов не так много) и мало показательное, так как все они принадлежат либо Ю. Дегену, либо М. Бамдасу. Одну характерную черту, условно говоря, «поэтики» ММ все же можно отметить. Это своеобразная «переключка» текстов, когда какой-либо образ, появившийся у одного поэта, «переходит» в текст другого.

Так, если у Бамдаса стихотворение начинается «Подъ уютнымъ бордовымъ абажуромъ / Свѣтитъ лампа, спокойна и свѣтла» [3, с. 22], то у Дегена мы, похоже, встречаем ту же лампу: «нам бронзовая лампа светит, / вся комната об'ята сном» [6, с. 14]. Или (из другого его стихотворения и другой книги): «И на столе от лампы круг спокойный» [4, с. 10].

Заключительные строчки стихотворения Бамдаса «Точка не была поставлена...» выглядят так: «Ни годы, ничто не вымоетъ / Изъ сердца этихъ глазъ» [1, с. 17]. Представляется весьма вероятным, что последние два слова дали название поэтическому сборнику Дегена

⁸ См.: [12; 13; 14, с. 148–153], а также в статье Т.Л. Никольской «Рецепция творчества М. Кузмина в независимой Грузии» // [10, с. 271–279].

⁹ https://degen.ru/?page_id=218 (сайт семьи Дегенов).

¹⁰ Радиостанция «Свобода». Программа «Поверх барьеров». Из истории поэтического авангарда. Юрий Деген. (Автор программы Татьяна Вольская). Нам не удалось обнаружить в архиве радиостанции эту передачу, известно только, что она выходила в эфир в 2003 г.

¹¹ В авторитетном указателе отмечено участие Ю. Дегена в апреле 1917 г. в Союзе деятелей искусств, в «блоке левых», объединившем 28 обществ и кружков и представлявшем в блоке общество «Марсельские матросы» (вместе с В.В. Сафоновой). М. Кузмин вместе с Юр. Юркуном в том же блоке был представлен обществом «Фелана» [7, с. 20].

«Этих глаз» (даже без какого-либо падежного изменения), в особенности, если знать, что Деген в свой закавказский период тяготеет к чистому эксперименту и организует в Тифлисе свой футуристический цех поэтов.

Схожим образом в стихотворении самого Дегена «не для того ль я в город вышел» (посвященного Артуру Лурье) строчка «лицо напудрено, как сердце» [6, с. 8] вызывает в памяти название сборника не состоявшегося, но объявленного в списках «марсельского матроса» Вс. Курдюмова «Пудренное сердце» (1913), причем, может быть сопоставлено не столько точностью образа, но и его большей даже претенциозностью — не сердце напудрено, как лицо (как можно понимать название курдюмовской книжки), а наоборот — в том смысле, что пудренное сердце это нечто в порядке вещей.

Влияние Кузмина на тексты младших товарищей присутствует, скорее, имплицитно. Например, Ю. Деген, как известно [12, р. 101–102], исповедовал нечто вроде культа Кузмина. Ему принадлежит статья «Михаил Кузмин» (несколько апологетического толка), опубликованная в 1918 году уже на Кавказе¹². Примечательно, однако, что в ней он никак не упоминает Марсельских матросов. Но мысль о Кузмине так или иначе «растворена» в его творчестве¹³. Так, в Тифлисе Дегеном было организовано издательство «Куранты», а также журнал под тем же названием (оба они оказались, конечно, недолговечными). И хотя музыкально-драматическая сюита Кузмина называется «Куранты любви» (1910), связь представляется нам здесь очевидной¹⁴.

Первое стихотворение сборника «Этих глаз» начинается «заплаканные глаза, серые, / за тонкими стрелами ресниц твоих» [6, с. 3], что не может не вызвать в памяти много раз повторяющегося образа «Александрийских песен» Кузмина: «Серые глаза под густыми (вар.: темными) бровями». Впрочем, и в уже упомянутом стихотворении Дегена «нам бронзовая лампа светит...» встречаются строчки «за

¹² Деген Юрий. Михаил Кузмин // Кавказское слово. 1918. 26 янв. № 20. С. 2–3. Опубликовано: [9, с. 279–284].

¹³ Деятельность Дегена (и поэтическая, и организационная) на Кавказе освещена в названных работах Т.Л. Никольской. Вопрос, однако, заключается в том, не является ли этот, условно говоря, «футуристический» период его жизни на Кавказе (с осени 1917) продолжением и развитием его «марсельского» периода в Петрограде? Немаловажно отметить близость Дегена к Кузмину, которому он посвятил после переселения в Грузию две статьи и опубликовал несколько его произведений в издаваемых им журналах и сборниках.

¹⁴ В культурном быту Петербурга «Куранты любви» часто фигурировали именно с «усеченным» названием. Да и у самого Кузмина встречаются упоминания этого произведения в таком виде, даже в стихах (напр.: «Я играл Вам свои “Куранты”» — стихотворение «На вечере» из цикла «Прерванная повесть» (Сети. М., 1908)).

чаем и хрустящей булкой, / когда начав наш день прогулкой...». Такую явную переключку с едва ли не самым знаменитым стихотворением Кузмина («Где слог найду, чтоб описать прогулку, / Шабли во льду, поджаренную булку...») нельзя не заметить, что было сделано еще Т. Вечеркой в ее рецензии на книгу Дегена [10, с. 273].

Очень вероятно, что и для книги «Оттепель» (Тифлис, 1919) Деген (возможно, неосознанно) выбирает название поэтического цикла из «Осенних озер», самой изощренной (в смысле богатства использования разнообразных и сложных поэтических форм) книги Кузмина¹⁵.

Примерно то же происходит и с Бамдасом¹⁶, к первой книге которого Кузмин написал предисловие. На страницах этого сборника мы находим стихотворение с первой строчкой «В последних числах февраля», примечательное своей изысканной формой¹⁷ — с повторяющимися строками в различных комбинациях, что также, вероятно, не случайно, а свидетельствует о начитанности автора в текстах Кузмина, в частности, в тех «Осенних озерах» (1912), в первой ее части, разнообразнейшей в деле освоения сложных стихотворных форм с повторяющимися строчками (см., например, как это сделано в стихотворениях «С чего начать, толпою торопливой...», «Ты замечал: осеннею порою...», «Ты сидишь у стола и пишешь...»). Последнее стихотворение Бамдаса в его первом сборнике сопровождается подзаголовком (Ода). Здесь весьма вероятно влияние (хотя бы на самом внешнем уровне) стихотворения Кузмина «Враждебное море» с тем же подзаголовком, посвященное В. Маяковскому и предполагавшееся к изданию в Книгоиздательстве «Марсельских матросов»¹⁸. Несложно услышать в этом тексте и дальнего эха стихотворения «Мои предки» (1907) Кузмина.

Вклад Кузмина в ММ — общение с ним, участие в обсуждении стихов и, может быть, единственное сочиненное им «на тему» сти-

¹⁵ Правда, судя по содержанию, оттепель у Кузмина осенняя, а у Дегена — весенняя.

¹⁶ Между прочим, в опубликованных недавно стихах Бамдаса, недатированных, но относящихся к этому же времени, встречаем строчки «Не меня одного сегодня / Оттепель сводит с ума» [2, с. 24].

¹⁷ Тут также присутствуют и такие строки: «Увидев берег с корабля / Матрос от радости танцует» [3, с. 31].

¹⁸ «Морская» тема сопровождала М. Бамдаса и дальше, по крайней мере во второй половине 1920-х гг. встречаются такие строчки: «За запах твоих волос, / За взволнованный хриплый твой голос / Я сегодня отдать готов / Самое дорогое — / Волны, ветер, вздох / Морехода среди океана, / Беснований восторг, / Тоску по неведомым странам» [2, с. 86].

хотворение, ставшее своеобразным гимном ММ (вместе со стихотворением Дегена «Не легко трехпалубное судно»)¹⁹:

Славный городок Марсель,
Он далеко ли отсель?
Расскажите нам про то.
У вас, марсельские матросы,
Один ответ на все вопросы:
Гисса-Ги, Гисса-Ги,

Гисса, Гисса, Гисса-Ги.
Всякий весел, всякий горд,
Кто вступил в Марсельский порт
И в команду к вам попал.

Всякий молод, всяк хорош.
Это — правда, а не ложь —
Капитан один не в счет.

Чаркой друга помянуть
И опять в далекий путь —
Такова у нас судьба.

Не горюй о том, не плачь —
Мы корабль погоним вскачь
И вернемся снова к вам [9, с. 74].

Стихотворение интересно, прежде всего, своей строфикой и непривычной рифмовкой — две рифмованные и одна не зарифмованная строчка. Это призвано, очевидно, с одной стороны, создать образ матросского танца, с другой — обусловлено вокальной природой этого произведения, написанного именно для пения²⁰.

Некоторый специфический обертон в образе матроса (как представителя корпорации, куда не допущены женщины) и то, как он может быть истолкован, исходя из семантики этого образа у Кузмина, похоже, в данном случае отсутствует. Кузмину безусловно

¹⁹ См. объявление: Песенки Марсельских матросов: «Славный городок Марсель». Слова и музыка М. Кузмина; «Не легко трехпалубное судно». Слова Юрия Дегена, музыка М. Кузмина (Печатаются.) // [3, с. <48>].

²⁰ Сочинение музыки («Матросская песня») отмечено в авторском списке произведений (РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 7 об.).

нравилось внимание молодых людей, которым он был окружен, но из существующих текстов ММ никаких эротических подтекстов не извлекается.

Важная составная часть образа ММ — само название кружка. Первым отметил возможные истоки этого названия Р.Д. Тименчик в своей статье 1977 года, указав, что название «восходит к стихотворению Е.А. Баратынского “Пироскаф”» [15, р. 321] (а точнее, является цитатой из его четвертой строфы):

Много земель я оставил за мною;
Вынес я много смятенной душою
Радостей ложных, истинных зол;
Много мятежных решил я вопросов,
Прежде, чем руки марсельских матросов
Подняли якорь — надежды символ!

В стихотворении Баратынского обозначение матросов марсельскими означает только лишь порт их «приписки», не более, для петроградского же кружка это словосочетание наполнено, конечно, каким-то другим смыслом.

Любопытно сравнить наш случай с другим эпизодом, относящимся к русской эмиграции. В 1936 году то же стихотворение Баратынского даст название самой известной антологии русской зарубежной поэзии — «Якорь»²¹. В предисловии Г. Адамовича к антологии этот выбор (из Баратынского) обосновывается так:

Признаюсь, что и навеяно было это слово <«Якорь»> старинными стихами, где именно в таком смысле употреблено. Стихи принадлежат поэту, которого все пишущие русские стихи должны бы признать одним из немногих великих, настоящих учителей — Боратынскому: <...> «Надежды символ»: вот лучшее и самое глубокое определение книги. Кстати, и Боратынскому надежда явилась вдалеке от родины [16, с. 7].

Как видно, для поэтов представительной зарубежной антологии²² центром стихотворения явилось именно словосочетание «якорь —

²¹ «Якорь»: Антология русской зарубежной поэзии / сост. Г.В. Адамович и М.Л. Кантор. Петрополис, 1936. См. переиздание: [16].

²² Среди ее авторов отметим, между прочим, и одного бывшего участника Второго Цеха поэтов и почти, можно сказать, «марсельского матроса» — Михаила

надежды символ», взятое как символ, подразумевающим вереницу смыслов. Однако, если якорь — символ надежды, то нам остается только догадываться — надежды на что? Для эмигрантов вероятнее всего, символ возвращения на родину (и для кого-то возвращение в Ленинград, т.е. Петербург). Но в стихотворении Баратынского марсельские матросы *поднимают* якорь, иначе говоря, снимаются с якоря, отрываются от земли для того, чтобы отправиться в странствия, чая новых путешествий, посещения новых земель («Завтра увижу Элизий земной»). Такова была «оптика» издателей антологии 1936 года.

«Марсельские матросы» из Петрограда почти за двадцать лет до того, как кажется, чаяли именно этого «земного Элизия», но только метафизического, явленного через искусство, а именно — поэзию. Потому их образ, с одной стороны, гораздо скромнее — просто «Марсельские матросы» (что имплицитно сохраняет память об эталоне стиля — Баратынском)²³, с другой стороны, не так обусловлен привязкой к «символу» эмигрантов — им никуда не надо было возвращаться.

В качестве дополнения к теме отметим и позднейшее поэтическое высказывание Дегена в книжке «Путешествие Сергея Городецкого в Батум» 1919 года (сборник публицистики, стихов и рисунков) — сатирическое освещение фигуры Сергея Городецкого, руководителя тифлисского Цеха поэтов (и синдика Первого петербургского), от которого Деген отпочковался, основав свое художественное общество «Кольчуга» [12, р. 101]. Дегену принадлежит в книге стихотворение, которое нам кажется уместным привести целиком:

Элегія батумцевъ

Нѣтъ! Не забудемъ, помнимъ мы
Твой голосъ властный и медовый,
Игрушку – якорь, двѣ тесьмы
Изъ подъ штановъ, какъ символъ новый.

Струве. Он представлен в антологии одним стихотворением «В конторе душевной, где стекло...» [16, с. 65].

²³ Р.Д. Тименчик справедливо упоминает в связи с этим статью Ю. Дегена «Баратынский», опубликованную в первом номере тифлисского журнала «Феникс» [15, р. 321].

Еще мы помнимъ межъ зубовъ
Въ мечтахъ окуренную трубку,
Твой взоръ, что говорилъ безъ словъ,
И руку, емкую, какъ губку.

Но все же помнимъ, о матросъ,
Всего мы больше длинный носъ ²⁴.

Если отвлечься от первого смыслового слоя — иронического изображения героя, хорошо видно, насколько непривычно вызывающе поданы образы (якорь, символ, рука, матрос) стихотворения Баратынского, что, конечно, определенным образом соотносится и с ММ.

Есть, наконец, еще один аспект в названии кружка.

Несколько упрощая, можно сказать, что для «Марсельских матросов» всё начинается с их названия и всё исчерпывается им. Нам представляется очевидным его происхождение, или, точнее, переосмысление (если считать, что это словосочетание счастливо найдено у Баратынского). И здесь в поле зрения попадает фигура Моисея Бамдаса, самого плодovitого «матроса» (да, собственно, только он один матрос и есть, остальные имели командные звания или должности, Деген — старшего штурмана, Кузмин — капитана). О Бамдасе известно, что он жил на Марсовом поле²⁵. И хотя Марс и Марсель не связаны этимологически, для русского уха они звучат сходно.

Другое слово в названии — «матросы» — прибавляет дополнительные культурные коннотации. Это не просто «море» (которое без эпитета «марсельские» воспринималось бы как суровое, холодное, Балтийское море), а именно Средиземное — колыбель европейской культуры. Есть и еще один аспект — звуковая игра. Объединение «Марс-» и «матр-» в названии группы (не будем забывать о латинской основе имени *Mars* — «Mart-») не напоминает ли своеобразную поэтическую паронимасию?

Словосочетание, хотя и не придуманное, но именно что «удачно обретенное». Кому точно принадлежит это обретение-переосмысление сказать нельзя. Бамдасу ли — жителю Марсова поля, Дегену —

²⁴ Путешествие Сергѣя Городецкаго въ Батумъ. Тифлисъ, 1919. С. 19.

²⁵ См: [12, р. 102]. Если принять во внимание городской ландшафт, то жить можно было лишь на Царицынской улице (называвшейся так по другому наименованию этого места — Царицын луг) с западной стороны Марсова поля. К сожалению, в справочнике «Весь Петроград на 1917 год» адреса М.М. Бамдаса не обнаружено.

ценителю Баратынского, или Кузмину — для которого звуковая игра — один из главнейших приемов в его поэтическом творчестве? Мы, вероятно, никогда этого не узнаем.

И в заключение — сюжет, прямого отношения к заявленной теме не имеющий, однако вызывающий его в памяти. Речь идет о малоизвестном факте в творческой жизни Кузмина — переводе им нескольких куплетов знаменитой «Марсельезы».

Точных сведений для кого и зачем сделан этот перевод у нас нет. Однако 28 февраля 1921 г. Б.В. Папаригопуло (будущий участник другой литературно-общественной эфемериды — группы «эмоционалистов») писал Кузмину: «Дорогой Михаил Алексеевич, Вот “Карманьола” и “Ça îga”; “Интернационала” нигде не достал. Губполитпросвет умоляет сделать перевод к 3-му с. м.»²⁶. О судьбе этого перевода у нас сведений нет; скорее всего, он и не был осуществлен, вместо него мы располагаем, хотя и не полным (недостает последних двух куплетов), переводом «Марсельезы», судя по всему, относящимся к тому же времени²⁷.

Марсельеза

(военная песнь Рейнск<ой> армии)

Идем вперед, друзья народа,
 День нашей славы настает,
 Тиранов гордая порода
 С кровавым знаменем идет.
 В полях уж слышится рычанье,
 Свирепость вражеских солдат.
 Ни сыновья, ни дед, ни брат
 Тут не избегнут истязанья.

*Товарищи, к ружью,
 Ряды свои сом<кнем>,
 Идем, идем,
 Пусть вражья кровь
 За нами льет ручьем.*

²⁶ РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 325. Л. 1. С<его> м<есяца> — надо полагать, марта 1921 г.

²⁷ ИРЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 319. Л. 165 об.—166. В рабочей тетради переводу «Марсельезы» предшествует (л. 165) стихотворение «Пушкин» («Он жив! у всех душа нетленна...»), вошедшее в книгу «Нездешние вечера» (1921), датированное февралем 1921 г.

Чего же толпам этим надо?
Изменникам и королям?
Кому готовится преграда
Французы, неужели нам?
Снести ль такое оскорбленье
Врагу ль смеяться суждено?
Он нам грозит вернуть <ярмо>
И прежнее порабощенье.

[Принева]

Как, эти полчища чужие
Свои законы дать спешат?
Как, эти руки покупные
Бойцов свободных сокрушат?
И рабству преданные руки
Под иго снова нас согнут
И нашу долю обрекут
На тягостной неволи муки?

[Принева]

Дрожи, тиранов подлых свора,
Людей и стран живой позор!
Дрожи, твои злодеяния скоро
Получат должный приговор.
Во всех горит душа солдата,
Когда один герой падет,
Из праха сотня восстает
И павшего заменит брата.

[Принева]

Правомочно предположить, что перед нами одна из попыток аполитичного, в сущности, Кузмина «вписаться» в советскую действительность, осуществлявшаяся для большинства писателей, желавших сохранить лицо, в самой доступной форме — перевода с иностранных языков. Однако ни с помощью перевода «Марсельезы», ни посредством более поздней «Волшебной флейты» Моцарта (либретто которой Кузмин перевел в 1924 году: [10, с. 359–404]) стать «своим» Кузмину так и не удалось.

Литература

1. *Бамдас М.* Голубь: Вторая книга стихов. Пг.: Кн-во «Марсельских матросов», 1918. 22 с.
2. *Бамдас Моисей.* Надежды символ: Стихи из дневников 1915–1958 гг. / сост. Т.М. Корзинкина; предисл. Н.А. Богомолова. М.: Рудомино, 1994. 135 с.
3. *Бамдас М.* Предрассветный ветер: Стихи. Пг.: Кн-во «Марсельских матросов», 1917. 48 с.
4. *Деген Ю.* Оттепель: Поэма. Тифлис: Куранты, 1920. 14 с.
5. *Деген Ю.* Поэма о солнце. [Тифлис: Б.м.,] 1918. 20 с.
6. *Деген Юрий.* Этих глаз. Книга стихов. Изд. 2-е. Пг.: Феникс, 1919. 16 с.
7. *Крусанов А.В.* Русский авангард: 1907–1932: (Исторический обзор): в 3 т. М.: Новое лит. обозрение, 2003. Т. 2. Кн. 1. 807 с.
8. *Кузмин М.* Собрание стихов. III: Несобранное и неопубликованное / под ред. В. Маркова и Дж. Мальмстада. München: Wilhelm Fink Verlag, 1977. 761 с.
9. *Кузмин Михаил.* Стихотворения. Из переписки / сост., примеч. Н.А. Богомолова. М.: Прогресс-Плеяда, 2006. 492 с.
10. Михаил Кузмин: Литературная судьба и художественная среда / под ред. П.В. Дмитриева и А.В. Лаврова. СПб.: Реноме, 2015. 558 с.
11. Н.Н. Купреянов. Литературно-художественное наследие / сост. Н.С. Изнар и М.З. Холодовская; общ. ред., предисл. и коммент. Ю.А. Молока. М.: Искусство, 1973. 458 с.
12. *Никольская Т.* Юрий Деген // Russian Literature. 1988. № XXIII. P. 101–112.
13. *Никольская Т.Л., Богомолов Н.А.* Деген Юрий Евгеньевич // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия; Фианит, 1992. Т. 2. С. 92–93.
14. *Никольская Татьяна.* «Фантастический город»: Русская культурная жизнь в Тбилиси (1917–1921). М.: Пятая страна, 2000. 192 с.
15. *Тименчик Р.Д.* По поводу «Антологии петербургской поэзии эпохи акмеизма» // Russian Literature. 1977. Vol. 5. № 4. P. 315–323.
16. «Якорь»: Антология русской зарубежной поэзии / под ред. О. Коростелева, Л. Магаротто, А. Устинова. СПб.: Алетейя, 2005. 413 с.

Research Article

“THE CAPTAIN DOESN’T COUNT ALONE...”: M. Kuzmin and “The Sailors of Marseilles”

© 2021, Pavel V. Dmitriev

*D.D. Shostakovich St. Petersburg Academic Philharmonia,
Saint-Petersburg, Russia*

Abstract: The paper is dedicated to the history of a short-lived Petrograd literary group “The Sailors of Marseilles” (spring-autumn, 1917) united around M. Kuzmin. Despite its ambitious plans announced in the press, and self-positioning as a literary

and artistic society, the creative output of the group was quite modest. The degree of commitment within the group remains unclear – to what extent the members of the Second Workshop of poets were involved in the new literary project? The paper brings out certain coincidences and similarities in the texts of the poets – regular members of the group, highlights their connections with other artistic communities. A special attention is paid to the name of the group – “The Sailors of Marseilles”, and a new hypothesis about its origin is put forward. The paper comprises the first publication of a fragment of *Marseillaise* translated by M. Kuzmin in 1921.

Keywords: Literary societies and communities of Petrograd; Second Workshop of poets; “The Sailors of Marseilles”; E.A. Baratynskii; M.A. Kuzmin; Yu.E. Degen; M.M. Bamdas.

Information about the author: Pavel V. Dmitriev, PhD in Arts, Director of the Philharmonic Library of the D.D. Shostakovich St. Petersburg Academic Philharmonia, Mikhailovskaia 2, 191186, Saint-Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0295-8402>. E-mail: dmitrievp@mail.ru.

For citation: Dmitriev, P. “‘The Captain Doesn’t Count Alone...’: M. Kuzmin and ‘The Sailors of Marseilles’”. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (19), 2021, pp. 163–180. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-163-180>

References

1. Bamdas, M. *Golub': Vtoraia kniga stikhov* [Dove. The Second Book of Poems]. Petrograd, Marsel'skie Matrosy Publ., 1918. 22 p. (In Russ.)
2. Bamdas, M. *Nadezhdy simvol: Stikhi iz dnevnikov 1915–1958 gg.* [A Symbol of hope: poems from the journals, 1915–1958], comp. T.M. Korzinkina, introd. N.A. Bogomolov. Moscow, Rudomino publ., 1994. 135 p. (In Russ.)
3. Bamdas, M. *Prekrassvetnyi veter: Stikhi.* [The Pre-Dawn Wind. Poems]. Petrograd, Marsel'skie Matrosy Publ., 1917. 48 p. (In Russ.)
4. Degen, Iu. *Otpepel': Poema* [The Thaw. Poem]. Tiflis, Kyranty Publ., 1920. 14 p. (In Russ.)
5. Degen, Iu. *Poema o sontse* [The Poem about the Sun]. [Tiflis,] n.p., 1918. 20 p. (In Russ.)
6. Degen, Iu. *Etikh glaz. Kniga stikhov. Izd. 2-e* [Those Eyes. A Book of Poetry. Second edition]. Petrograd, Feniks publ., 1919. 16 p. (In Russ.)
7. Krusanov, A.V. *Russkii avangard 1907–1932: Istoricheskii obzor: v 3 t.* [Russian Avant-Gard. The Historical Overview: in 3 vols.]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2003. T. 2, v. 1. 807 p. (In Russ.)
8. Kuzmin, M. *Sobranie stikhov. III: Nesobrannoe i neopublikovannoe* [A Collection of Poems. III: Miscellaneous and unpublished], ed. V. Markov, Dzh. Mal'mstad. München, Wilhelm Fink Verlag, 1977. 761 p. (In Russ.)
9. Kuzmin, M.A. *Stikhotvoreniia. Iz perepiski* [Poems. From the Correspondence], ed. N.A. Bogomolov. Moscow, Progress-Pleyada Publ., 2006. 490 p. (In Russ.)
10. Mikhail Kuzmin: *Literaturnaia sud'ba i khudozhestvennaia sreda* [Mikhail Kuzmin: Literary destiny and artistic environment], ed. P.V. Dmitriev, A.V. Lavrov. Saint-Petersburg, Renome publ., 2015. 558 p. (In Russ.)

11. *N.N. Kupreianov. Literaturno-khudozhestvennoe nasledie [N.N. Kupreianov. Literary-Artistic Heritage]*, comp. N.S. Iznar, M.Z. Kholodovskaia, ed., introd. Iu.A. Molok. Moscow, Iskusstvo publ., 1973. 458 p. (In Russ.)
12. Nikol'skaia, T.L. *"Fantasticheskii gorod": Russkaia kul'turnaia zhizn' v Tbilisi (1917–1921) ["Fantastic city": Russian Cultural Life in Tbilisi, 1917–1921]*. Moscow, Pyataya strana Publ., 2000. 192 p. (In Russ.)
13. Nikol'skaia, T.L. "Iurii Degen". *Russian Literature*, vol. XXIII, 1988, pp. 101–112. (In Russ.)
14. Nikol'skaia, T.L., Bogomolov, N.A. "Iurii Degen". *Russkie pisateli 1800–1917 [Russian writers, 1800–1917]*, vol. 2. Moscow, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia Publ., 1992, pp. 92–93. (In Russ.)
15. Timenchik, R. "Po povodu Antologii peterburgskoi poezii epokhi akmeizma" ["On the Anthology of St. Petersburg Poetry of the Acmeism Era"]. *Russian Literature*, vol. 5, no. 4, 1977, pp. 315–323. (In Russ.)
16. *"Iakor'": Antologiya russkoi zarubezhnoi poezii ["Anchor": Anthology of Russian poetry from abroad]*, ed. O. Korostelev, L. Magarotto, A. Ustinov. Saint-Petersburg, Aleteiia publ., 2005. 413 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 26.01.2021

Дата публикации: 25.03.2021

The article was submitted: 26.01.2021

Date of publication: 25.03.2021

Куда плыли «Марсельские матросы» в 1917 году?

© 2021, А.С. Пахомова

Тартуский университет, Эстония

Аннотация: В статье рассматривается литературное объединение «Марсельские матросы» в контексте творчества и литературной репутации его наиболее заметного участника — М.А. Кузмина. Делаются наблюдения, уточняющие отношение Кузмина к литературным группам и состояние его литературной репутации на 1917 г. Хотя Кузмин был известен как противник писательских союзов, на деле он признавал их необходимость, однако понимал формат и прагматику таких объединений своеобразно: не отвергая техническую общность приемов внутри группы, поэт отрицательно относился к сходству идей и иерархической структуре. Идеальной основой литературного союза Кузмин считал дружеские, интимные отношения. Однако организационным принципом кружка «Марсельских матросов» стала ориентация на творчество Кузмина и признание его авторитета, что было вызвано в том числе и тем, что группа должна была поддержать литературную репутацию писателя, переживающую кризис в 1917 г. Название и замысел группы вписываются в динамику творчества Кузмина в революционный год: морская символика в произведениях этого времени выражает стихийную, несущую разлад силу войны, противостоять которой могут братские узы. «Марсельские матросы» оказываются также жизнотворческим проектом, претворяющим в жизнь мечты Кузмина о подлинном литературном братстве.

Ключевые слова: М.А. Кузмин; «марсельские матросы»; литературные объединения; литературная репутация; М.М. Бамдас; Ю.Е. Деген.

Информация об авторе: Александра Сергеевна Пахомова, докторант Тартуского университета, Юликооли 18, 50090 Тарту, Эстония. ORCID: 0000-0002-2145-754X. E-mail: aleks.pakhomova@gmail.com.

Для цитирования: Пахомова А.С. Куда плыли «Марсельские матросы» в 1917 году? // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 181–199. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-181-199>

Отношение Михаила Кузмина к литературным группам и его положение в литературном процессе начала XX века — одна из отправных точек большинства кузминоведческих исследований. Автор, живший в эпоху расцвета всевозможных литературных союзов, демонстративно дистанцировался от большинства из них, что делало его позицию, наряду с прочими факторами, в некотором роде уникальной. Попытки объяснить такое положение дел привели к тому, что первые исследователи подчеркивали факт принципиального неучастия писателя в литературных союзах. Со временем это отношение уточнилось, и Н.А. Богомолов справедливо заметил, что скепсис Кузмина распространялся только на те писательские объединения, которые «желали диктовать своим членам какие-либо принципы, ограничивающие творческую индивидуальность <...> тогда как группы иного типа, основанные на свободном дружески-любовном общении их членов, были для него привлекательны на протяжении почти всей жизни в литературе» [3, с. 116]. Это допущение позволяло объяснить, почему автор, негативно отзывавшийся в своей критике о символистах и — особенно — акмеистах, в разные годы не избегал участия в целом ряде предприятий: ивановских «Вечерах Гафиза» (1906–1907) [3, с. 67–98], Обществе ревнителей художественного слова (нач. 1910-х), «Цехе поэтов» (1911–1912), и, наконец, в начале 1920-х создал собственную группу эмоционалистов. После революции 1917 г. Кузмин принял и более официальные формы кооперации, уже в первые пореволюционные месяцы присоединившись к петроградскому Союзу деятелей искусств, а в начале 1920-х став деятельным участником Петроградского отделения Всероссийского Союза поэтов. Кроме того, в 1917 г. Кузмин вступил в группу, которой не суждено было стать сколь-либо заметным участником литературного поля, что, однако, вовсе не исключает ее значимости для исследователей жизни и творчества автора.

Немногочисленная фактическая информация о группе «Марсельские матросы» хорошо известна, суммирована в работе Т.Л. Никольской [18] и воспроизведена в словаре М. Шрубы [22, с. 114–115]. В силу краткости существования и небольшого числа сохранившихся текстов «марсельские матросы» остались в истории литературы в основном как малозначительное и не слишком своевременное предприятие Кузмина. Однако и в контексте творчества и литературной позиции писателя союзу не уделялось достаточного внимания: в авторитетной биографии факт существования «матросов» и вовсе попал только в примечание [5, с. 376]. Между тем, участие в кружке представляет интерес не только как еще один пример отношения

Кузмина к литературным объединениям, позволяющий уточнить его позицию, но и как штрих к малоизученной творческой биографии автора в революционный год.

Существование группы было недолгим: с апреля¹ по начало осени 1917 г. Основателем объединения был, по его собственным словам, молодой поэт Ю.Е. Деген². В число «матросов» входили также М.М. Бамдас, с середины 1910-х гг. бывший частым посетителем Кузмина (который посвятил Бамдасу рассказ «Слава в плюшевой рамке», вошедший в сборник «Антракт в овраге» (1916)) и другом Юрия Юркуна, Л. В. Берман (1894–1980)³, В.В. Курдюмов (1892–1956), Б.Е. Рапгоф (писавший под псевдонимом Евгеньев, 1892–1941/42) и, вероятно, сам Ю.И. Юркун (1895–1938). Можно заметить, что это писатели одного поколения и очень схожей творческой судьбы: до революции многие успели выпустить одну-две книги, почти не замеченные публикой. К 1917 г. эти молодые авторы, обладая уже некоторым опытом, были готовы войти в литературу с новыми силами и искали лидера, вокруг которого они могли бы сплотиться. Им стал Кузмин, получив у «матросов», распределивших между собой морские звания, титул «капитана».

Изучение деятельности группы осложняет тот факт, что дневниковых записей Кузмина за это время не сохранилось. Одним из источников сведений о «матросах» становятся их издательские планы. Группа собиралась выпускать свой альманах при участии Г. Адамовича, М. Бамдаса, Л. Бермана, Ю. Дегена, Г. Иванова, Р. Иванова, М. Кузмина и др.⁴, несколько отдельных книг Бамдаса, Дегена,

¹ См.: «В апреле 1917 г. мною было основано в Петрограде худ.<ожественное> общест<во> “Марсельских матросов”, “капитаном” которого был М. Кузмин» [8, с. 3]. Осенью 1917 г. Деген уехал в Тифлис.

² О нем см.: [16; 18; 19].

³ О беседах с Берманом Т. Л. Никольская вспоминала так: «У этого поэта я бывала в гостях уже в конце 70-х годов и расспрашивала о “Марсельских матросах”. О том, что такая группа существовала, он помнит. Сказал мне, что был штурманом у “Марсельских матросов”. Но когда я попросила, чтобы он подробно сказал, о чем они говорили, чем они занимались, он сказал, что помнит только, что они собирались на квартире у поэта Моисея Бамдаса <sic!>, который жил на Марсовом поле. И когда они читали друг другу стихи или беседовали, за стеной плакал маленький ребенок Бамдаса, который им мешал» (Из истории поэтического авангарда. Юрий Деген // Радио Свобода. 14 дек. 2003. <https://www.svoboda.org/a/24200211.html>. Дата обращения: 06.06.2020).

⁴ Наши предшественники использовали план альманаха как подтверждение участия всех упомянутых лиц в группе [18, с. 101; 22, с. 114]. Нам представляется, что к заявленному составу нужно подходить с осторожностью, помня о характерной для начала XX века практике литературного альманаха, которому было свойственно как объединение писателей подчеркнuto несходных творческих устремлений (как выходившие на протяжении 1900–1910-х гг. «Альманахи издательства “Шиповник”»), так и ситуативное сближение на фоне какого-либо значимого

Кузмина и серию «Маленькая библиотека поэзии и графики». Свет увидели в итоге лишь два сборника стихотворений М. Бамдаса: «Предрассветный ветер» (1917) и «Голубь» (1918) — оба вышли под грифом «К-во “Марсельских матросов”».

Из наблюдений над временем создания и составом группы можно сделать вывод, что «матросы» были довольно типичным для своего времени предприятием. В середине 1910-х гг. кооперация молодых писателей вокруг известного автора (преимущественно снискавшего славу на рубеже веков или в самом начале 1900-х) была очень продуктивна и отражала общее состояние литературного поля в эпоху постсимволизма: поиск новых творческих ориентиров сочетался с показательной преемственностью начинающих авторов — известным. Подобные собрания проходили у З.Н. Гиппиус, Ф. Сологуба и многих других, причем и воскресенья Сологуба, и салон Гиппиус не имели определенной литературной платформы и были скорее площадками для неиерархичного общения. Другим полюсом притяжения в эти годы был продвигаемый Н.С. Гумилевым «цеховой» принцип, основанный, напротив, на иерархии и модели научения.

Кузмин мог казаться достаточно авторитетной фигурой — к 1917 г. его статус как «одного из самых больших поэтов наших дней»⁵ закрепился отмеченным в 1916 г. десятилетием литературной деятельности, что связывало его в сознании молодых поэтов с эпохой расцвета русского модернизма. Организация «Марсельских матросов» оказывается на пересечении самых разных тенденций: усвоения молодыми поэтами модернистского наследия и оживления кружковой жизни в Петрограде во второй половине 1910-х гг. Кроме того, зимой 1916 — весной 1917 гг. Кузмин, как и некоторые другие «матросы» (Деген, Берман), посещал собрания второго Цеха поэтов. Представляется, что это событие и стимулировало создание группы: в число «матросов» вошли некоторые бывшие участники гумилевского предприятия, объединившиеся вокруг Кузмина на основаниях, противоположных «цеховой» программе.

Эти основания можно реконструировать из предисловия Кузмина к книге Бамдаса «Предрассветный ветер». В нем Кузмин, как и в двух других своих предисловиях (к сборнику А. Ахматовой

события (сборник «Вечер “Триремы”. Лазарету деятелей искусств» (Петроград, 1916)). Альманах «Матросов» типичен для своего времени. В настоящей работе мы обратимся к несомненным участникам группы — тому, чьи стихи вышли под маркой одноименного издательства (Бамдас), и кто оставил свидетельства о своем участии в ней (Деген).

⁵ *Жирмунский В. М.* Преодолевшие символизм // Русская мысль. 1916. Кн. 12. Отд. II. С. 25–56.

«Вечер» (1912) и роману Юр. Юркуна «Шведские перчатки» (1914)), подчеркивал уникальность творчества молодого автора. Однако если произведения Ахматовой наследовали в глазах Кузмина богатой литературной традиции, то лирика Бамдаса подавалась как полностью лишенная «литературности»⁶, то есть ориентации на существующую поэзию: «...книга его литературна лишь настолько, чтобы ее можно было назвать книгой. Почти *minimum*» [11, с. 487]. Кузмин выводит творчество Бамдаса за границы литературы, отмечая доминирование в нем не традиции, а неповторимого голоса («тон, скорее даже человека, чем поэта»). За такой позицией стоит определенная ценностная система: Кузмин провозглашает, что «традиция» (под которой в этом случае уместно понимать поэтические приемы, технику, влияния) для подлинного творчества значит меньше, чем уникальный взгляд поэта на жизнь. Демонстративный отказ Бамдасу в наследовании чьей бы то ни было поэтики играет и прагматическую роль: юный стихотворец выводится из-под любого влияния (прежде всего влияния самого Кузмина), представая самобытным дарованием. На это намекает и одна из финальных фраз кузминского предисловия: «Может быть, г-ну Бамдасу надоест писать песни и он займется торговлей, путешествиями — кто знает?» [11, с. 487]. Отождествляя молодого поэта со стихийным, органичным гением Артюром Рембо, сам Кузмин принимает на себя роль Верлена⁷ — авторитета, но не образца и не учителя⁸. Особенно выразительно то, что Кузмин подчеркивает «еврейскость» лирики Бамдаса, то есть выделяет ту ее сторону, которая точно не была свойственна его собственному творчеству. Представляется, что в этом случае мы имеем дело не просто с речательством за юного поэта, но с выражением неких важных для Кузмина творческих и организационных принципов.

Размышления о природе литературных групп появляются в критических статьях Кузмин в первой половине 1910-х гг., — период

⁶ Фрагмент предисловия с идеей о разделении «литературности» и «талантливости» следует популярной идее критики начала XX в. См., например, в рецензии Гумилева на сборник Сологуба «Пламенный круг»: «Стих его, мягкий и певучий, лишен и медной звонкости брюсовского стиха, и неожиданных поворотов блоковского. Но зато он и менее подвергся влиянию старых мастеров, в нем при той же пленительности чувствуется меньше литературности» (Письмо III. 1908 [7, с. 78]).

⁷ Это отметила в своей рецензии и Л. Рейснер, характеризуя предисловие Кузмина: «В таких выражениях Верлен мог написать о фантастическом “любительстве” своего друга Rimbeau» (*Рейснер Л.* [Рец. на:] М. Бамдас. Предрасветный ветер. Предисловие М. Кузьмина. К-во «Марсельских матросов» // *Летопись. 1917. № 7–8. С. 319*).

⁸ Перенос в пореволюционное время жизненную ситуацию двух поэтов, Кузмин отчасти оказался прав в своих предположениях: последняя тоненькая книжка лирики Бамдаса вышла в 1924 г., после чего он вел «непоэтическую» жизнь технического переводчика, сочиняя стихи на досуге. О судьбе Бамдаса см.: [4].

преимущественно «группового» существования литературы. Из немногочисленных фрагментов можно реконструировать отношение Кузмина к литературным «школам»⁹. Вопреки распространенному мнению, вопросы личных отношений в группе для писателя были важны, но не как простое противопоставление иерархичной и жесткой организации — дружеской атмосфере. Более существенным для Кузмина было разграничение школы как места научения формальным приемам («технике») — и школы как способа формирования общего отношения к искусству и творчеству. Схожесть формальных приемов в рамках школы Кузмин скорее приветствовал (отмечая, например, «заслуги акмеизма и футуризма (освобождение слова)» («Как я читал доклад в “Бродячей собаке”», 1914 [11, с. 390])), хотя и напоминал, что она не может быть достаточной для подлинного искусства (отмечая «преходящесть произведений, построенных на одной минутной новизне приемов» [11, с. 390]). Идеологические основания литературных групп и школ Кузмин решительно отвергал: «Результаты всяких школ должны быть техническими; неудобство, почти невозможность идеалистических оснований литературных школ» [11, с. 390].

Позиция Кузмина проясняется на фоне отношения к литературным школам Гумилева, для которого «школьный» принцип был определяющим для писателя. Отзываясь о новых книгах на протяжении многих лет, Гумилев старательно подмечал, является ли рецензируемый писатель основателем или последователем «школы»: «Мечтающий о мифе Сергей Городецкий понял, что ему необходима иная школа, более суровая и плодотворная, и обратился к акмеизму» (Письмо ХХ, 1912 [7, с. 160]) и др.; ему также было свойственно представление истории литературы как смены школ (см., например, в неопубликованной лекции <<О французской поэзии>> (<1919>)). По словам Кузмина, Гумилев «находил школы необходимыми, как ярлыки и паспорта, без которого, по уверению оппонента, человек только наполовину человек и нисколько не гражданин» [11, с. 391]. С мнением о *необходимости* школ Кузмин не мог согласиться: по его представлениям, писатель мог войти в литературу с помощью какой-либо группы или школы, но никогда — если он настоящий

⁹ Кузмин употребляет слово «школа» в расширительном значении, называя так объединения, основанные не только на технических приемах, но и имеющие общую концепцию искусства («...почтенные и явно литературные школы, как символизм, футуризм и, пожалуй, имажинизм» («Парнасские заросли», 1923 [11, с. 404]) — то, что современные исследователи скорее бы назвали «направлением» (такое словоупотребление было распространено в начале ХХ в. — см. его частотность в критическом словаре Н.С. Гумилева).

писатель, а не эпигон — не мог на этом остановиться: «Школа всегда итог, вывод из произведений одинаково видевшего поколения, но никогда не предпосылка к творчеству, потому смею уверить футуристов и особенно акмеистов, что заботы о теоризации и программные выступления могут оказать услугу чему угодно, но не искусству, не творчеству» («Раздумья и недоумения Петра Отшельника», 1914 [11, с. 361]).

Эта идея станет одной из центральных в кузминской концепции искусства, перейдя с минимальными изменениями в его критику 1920-х гг., когда, отмечая дарование Анны Радловой, он несколько раз подчеркнет независимость ее дара от «групповых выступлений»: «Выступление ее резко отличается от гуртовых появлений партийных школ и студий, где сила — в количестве и преданности мэтру и школьной дисциплине. “Корабли” — не результат формальной выучки и не собрание упражнений. <...> а подлинные безумные, крылатые годы, в вещих глазах взволнованного и глубоко чувствующего человека»¹⁰. Последние слова вскрывают ценности автора: искусство в его глазах всегда самостоятельное, уникальное упражнение, которое не должно быть стеснено никакими внешними рамками, в том числе и существующей литературной традицией. Тому свойству поэта, которое во вступлении к книге Бамдаса описательно называется «своим голосом» и противопоставляется «литературности», Кузмин впоследствии придаст более изящную форму в своей концепции «эмоционального искусства»: «Эмоциональное, свое, единственное, неповторимое восприятие, овеществленное через соответствующую форму для произведения эмоционального же действия («Эмоциональность и фактура», 1922 [11, с. 623]).

«Антишкольные» выпады Кузмина почти всегда в той или иной степени затрагивали акмеизм и «Цех поэтов»: он не мог принять нововведения, которые привнесли школы Гумилева в формы литературной кооперации, сделав своей основой не только технические приемы, но и общую концепцию искусства, а позднее выдвинув предпосылку о возможности научения и тому, и другому. Это вступало в противоречие с главной мыслью Кузмина об автономности искусства, его независимости от внешнего диктата: «Всеякие требования религиозные или нравственные, как бы правильны они ни были, не могут относиться к теории искусства, не нуждающегося, чтобы для его возвышения обуживались религия и философия <...> размышления об этом идут мимо искусства, еще более мимо поэ-

¹⁰ Кузмин М.А. Голос поэта: (Анна Радлова. «Корабли») // Жизнь искусства. 1921. № 702/705. 26–29 марта. С. 1

тических школ, и группировка по таким признакам напоминала бы группировку поэтов по покрою платья, по цвету глаз и прическам» («Письмо в редакцию», 1912 [11, с. 110]). Программа литературной группы, заходящая дальше общих формальных приемов и технических достижений, в этом фокусе становится рамкой, ограничивающей свободу и уникальность ее участников.

Отсутствие этой рамки могла обеспечить общность творческих взглядов, возможная, по мнению Кузмина, только среди близких людей. Дружеская сплоченность и равенство, возведенные в принцип, исключали процесс научения и давления авторитета, создавая плодотворную среду для развития уникального видения: «...где же и расцветать искусству, как не в атмосфере дружбы и любви?» [11, с. 361]). Жизненные связи для Кузмина всегда были тесно переплетены с творческими, и в этом проглядывает не изолированный принцип, а глубокая внутренняя основа его эстетической позиции. В программной статье «Пристрастная критика» (1924) Кузмин будет настаивать на правомерности сочетания личного и критического отношения к творцу: «Упрек: “Ему нравится тот или другой артист, так как они друзья”, — предлагаю перелицевать: “Они друзья, так как тот-то артист ему нравится”. <...> От общения с живым человеком вы можете лучше понять его искусство» [11, с. 352].

Однако из наблюдения над творчеством «матросов» можно сделать любопытный вывод. Отношение Кузмина к стихам Бамдаса не слишком соответствовало правде: «уникальный» голос юного стихотворца был во многом перенят у старшего поэта. Интерес вызывает не сам факт влияния (он был отмечен уже немногочисленными рецензентами¹¹), а то, какие именно особенности кузминской лирики использовали «матросы» в собственном творчестве.

При знакомстве с лирикой Бамдаса и Дегена становится очевидным, что они ориентируются не на поэзию Кузмина 1910-х гг., а на творчество более раннего периода. Первое стихотворение «Предрасветного ветра» Бамдаса («В переполненной маленькой комнате...») можно рассматривать как реплику кузминской лирики, вошедшей в первый сборник автора «Сети» (1908). Верлибр, разговорная интонация которого упорядочена изоморфизмом строк, основанных на перечислении, очевидно (в том числе и потому, что стихотворение следует сразу за предисловием Кузмина) отсылает к «Моим предкам» — начальному стихотворению «Сетей». Ср. у Кузмина:

¹¹ Рейснер Л. [Рец. на:] М. Бамдас. Предрасветный ветер. Предисловие М. Кузьмина. К-во «Марсельских матросов» // Летопись. 1917. № 7–8. С. 319; Большаков К. За весь сезон: Стихи за зиму 1917–1918 г. // Жизнь. 1918. № 36. С. 4.

«Моряки старинных фамилий, / влюбленные в далекие горизонты, / пьющие вино в темных портах, / обнимая веселых иностранок; / франты тридцатых годов...» [12, с. 57]; у Бамдаса: «В переполненной маленькой комнате / так странно шумят / по французски и итальянски / актеры из цирка и варьете, / клерки иностранных контор...» [2, с. 7].

Можно отметить и несколько более характерных заимствований. «Мой друг», наматывающий макароны на вилку у Бамдаса («...когда тут же, рядом, за тем же столом, / **наматывает макароны на вилку быстрым ножом** <...> / мой друг!» [2, с. 8]), ранее появился в интимных «Ночных разговорах» Кузмина (1913): «Как странно, <...> / Что твои руки / пишут, / застегивают перчатки, / **держат вилку и нелепый нож...**» [12, с. 258–259]. Выражение «мой друг» — явное подражание постоянному кузминскому именованию своего возлюбленного в стихах: «**Мой друг** уехал без прощанья, / Оставив мне картонный домик. / Милый подарок, ты — намек или предсказанье? / **Мой друг** — бездушный насмешник или нежный комик?» (из цикла «Прерванная повесть», 1906–1907 [12, с. 70]). На этом фоне наличие у Бамдаса нарочито прозаизированных кулинарных образов, соседствующих с описанием возлюбленного («**Макароны. Томат. Кофе. Сигары.** / Запах сыра всего слышней... / А рядом со мной **мой друг...**» [2, с. 7]), также представляется, поверх других традиций, заимствованием из поэтики Кузмина, а именно из девятого стихотворения «Прерванной повести» («**Вот ужин, чай, холодная котлета,** / Ленивый спор домашних — я молчу...» [12, с. 73]). Кузминский прием — детальное изображение ужина в контексте любовного переживания — оказался настолько новаторским для своего времени, что был специально отмечен несколькими критиками¹². В других стихотворениях сборника («Сквозь мышинные норы...», «Предки, певшие псалмы...») Бамдас использует анафорические начала и риторические вопросы, сочетание которых популяризировали «Александрийские песни» Кузмина (1906).

Юрий Деген также старательно перечислял в своих стихах свойства ранней кузминской лирике «мелочи» — предметы гардероба, детали внешности: «...завиток оранжевый узора, / он поймет, он поймет! — / <...> мне остались рыжие перчатки / с милых рук, с милых рук» («На обоях плоские лошадки...» [9, с. 17]). В поэме «Оттепель» (1920), помимо заглавного акростиха, посвя-

¹² Соловьев С.М. [Рец. на:] М. Кузмин. «Сети». Книгоиздательство «Скорпион». Москва. 1908 // Весы. 1908. № 6. С. 64–65; Эренбург И. М. Кузмин («Сети»). М. 1908 г., «Куранты любви». М. 1910 г.) // Голос Сибири (Иркутск). 1911. № 74. С. 2.

щенного Кузмину, можно найти и прямые заимствования, например, рифменную пару в строках «Другой какой же мудрости **не мудрой** / Нам было верить, пудрясь снежной **пудрой?**» [8, с. 8], отсылающую к первому стихотворению цикла «Обманщик обманувшийся» (1907): «Я бледность щек удвою **пудрой**, / Я тень под глазом наведу, / Но выраженья воли **мудрой** / Для жалких писем я найду» [12, с. 86].

Тот «минимум литературности», о котором пишет Кузмин в предисловии к «Предрассветному ветру», был, вне всякого сомнения, усвоен из его собственной поэтики. Этот факт странно сочетается с попыткой Кузмина затушевать, нивелировать свое влияние на лирику Бамдаса. Это обстоятельство можно объяснить двояко. Во-первых, тем компромиссным отношением к «технике», которое выказывал Кузмин: поэтические приемы могли стать основанием литературной школы, сплачивая ее последователей, однако не могли исчерпать творчество каждого ее представителя. Для Кузмина «голос еврейского мальчика» Бамдаса, как внутреннее и уникальное свойство его поэзии, был более значим, чем воплощающие его приемы.

Во-вторых, презентация «матросов» как группы, каждый член которой был внутренне независим в своем творчестве, отвечала представлениям Кузмина об идеальном литературном содружестве. Несмотря на то, что не Кузмин был создателем группы, именно принципы старшего поэта просматриваются в ее организации и репрезентации: в предисловии к книге Бамдаса и в структуре группы в целом подчеркиваются интимность, дружба и равенство. Как команда матросов не могла быть большой, так и кружок «матросов» ограничился несколькими участниками, что создавало образ тесного мужского круга, поддерживаемый намеками и дружескими шутками (позднее эта форма оживет в проекте эмоционалистов). Дружба становится одним из основных мотивов в «песенках» и стихах «матросов», как, например, в посвященном «старшему штурману» Дегену стихотворении Бамдаса: «Наша Марсельская лодка / Синее небес синевы. / **Драгоценнейшая находка — / Спутник такой, как Вы**» [1, с. 9]. Роль капитана «матросов» иронично конструируется самим Кузминым: «Всякий молод, всяк хорош. / Это — правда, а не ложь — / **Капитан один не в счет**» [13, с. 74]. Сознывая и подчеркивая свое особое положение, Кузмин в то же время давал понять, что ощущает себя таким же объектом дружеской насмешки, как и прочие «матросы». Однако нельзя не отметить, что равенство и интимность были более сконструированными, чем действительными: ориентация на лирику старшего поэта отчетливо проявлялась в стихах «матросов», а широкие издательские планы имели целью превращение личных

отношений в факт литературы. По-своему требования Кузмина были той же рамкой, приложенной к реальному творчеству, — отсутствие иерархичности, возведенное в принцип, было не менее жестким, чем организация «Цеха поэтов», и накладывало свои ограничения на творчество и репрезентацию группы и отдельных ее участников.

Таким образом, «марсельские матросы» предстают не изолированным предприятием, а органично встраиваются в многолетние попытки Кузмина создать литературную группу на основаниях, прямо проистекающих из его собственной концепции автономного неиерархичного искусства. Вовлечение в творческо-дружеские объединения было характерно для Кузмина с самого начала его писательской карьеры: вторая половина 1900-х гг. отмечена его дружескими контактами с «мирискусниками» (К.А. Сомовым, А.Н. Бенау), неоднократно переходившими в совместную творческую работу. Жизнетворческая стратегия лежала также в основе «вечеров Гафиза». Первая проба создания собственного творческо-интимного союза относится к осени 1907 г., когда Кузмин собирает вокруг себя так называемый «кружок гимназистов», эротический интерес которых (и к которым) писатель стремился преобразовать в творческое предприятие — постановку «Курантов любви» [3, с. 99–116]. «Марсельские матросы» оказываются шагом на пути от «гимназистов» с их идеей мужского полу-эротического союза, дружба в котором стимулирует творческие связи, — к эмоционалистам, более скрепленным дружескими отношениями, чем любовными.

Преимственность по отношению к предшествующим «групповым» опытам обнаруживает и прагматика создания «матросов» именно весной 1917 г. Как мы отметили выше, молодые поэты ориентировались на творчество старшего поэта 1900-х — начала 1910-х гг. Поэтику этого времени Деген считал самым значительным из достижений Кузмина: «Кузмин заговорил на таком простом языке, о таких интимных, милых и близких сердцу всякого предметах и так скромно, что слова его были приняты сразу и бесповоротно, не вызвав протестов и негодований»¹³. Такая оценка явно наследовала рецепции Кузмина 1900-х гг., когда его ранние произведения («Александрийские песни» (1906), «Крылья» (1906), «Сети» (1908) и др.) привлекли внимание критики и публики и создали определенную репутацию, основанную на нескольких константах (Кузмин-«александриец», «гомосексуал» и др.). Внимание Кузмина к «духу мелочей прелестных и воздушных» было одной из таких констант,

¹³ Деген Ю. Поэт прекрасной ясности // Кавказское слово. 1918. № 20. С. 2.

транслируемых в рецензиях на протяжении многих лет: ее можно обнаружить как в статьях известных критиков («Все принять, все полюбить без пафоса, смотреть на вещи, как на милых бессловесных братьев, вот чего хочет его сердце, усталое от гордых слов и отвлечений» [7, с. 75]), так и у рецензентов менее популярных изданий («в этом сочетании простого, несложного содержания — простодушных мыслей о жизни, элементарных правил житейской мудрости с изысканным рисунком повествования, и кроется тайная прелесть сказок Кузмина»¹⁴). К середине 1910-х гг. эта репутация образовала то, что можно назвать «каноном», некоей застывшей моделью восприятия личности и творчества Кузмина. Именно его и продуцируют молодые поэты.

«Марсельские матросы» заявляют о себе в тот момент, когда разрыв Кузмина с его предшествующим творчеством становится особенно очевидным: в своих стихотворениях он начинает активно использовать элементы авангардной поэтики [20], и его посвящения революции (прежде всего стихотворение «Русская революция», опубликованное в № 15 «Нивы» в марте 1917 г.) встречаются ехидными рецензиями в популярных еженедельных журналах. Критика высмеивала несовпадение революционного творчества автора и тех интимных, эстетских тем и образов, которые были свойственны поэту ранее. В апреле 1917 г. (когда начались собрания «матросов») в петроградском «Журнале журналов» появились первые прицельные нападки — фельетон за подписью *W*, в котором Кузмин осуждался за то, что «пачкает... нечистыми прикосновениями» слово «революция»¹⁵. В следующем номере этого же издания был опубликован фельетон Арк. Бухова, который припоминал «гомосексуальную историю Кузмина»¹⁶; а в начале лета (№ 21–22) — Д.Н. Тигера, который писал о стремительном повороте Кузмина к политике: «... огромный красный бант / К груди пришив блудливой музе, / Он славит, как влюбленный франт, / Лик “ангела в рабочей блузе”»¹⁷. Вступая в объединение в атмосфере усиливавшейся критики, Кузмин совершал противодействие, объявляя литературному миру о том, что, несмотря на восприятие его и его произведений как неприличных и устаревших, они способны объединить вокруг себя молодых поэтов, стать популярными и актуальными. В похожей обстановке

¹⁴ Гвоздев А. Литературная летопись // Северные записки. 1915. № 11–12. С. 238.

¹⁵ *W*. На новой службе // Журнал журналов. 1917. № 16. С. 13.

¹⁶ Бухов Арк. Испуганные // Журнал журналов. 1917. № 17. С. 7.

¹⁷ Доль [Тигер Д. Н.] Самоопределившиеся. (История новейших метаморфоз) // Журнал журналов. 1917. № 20–21. С. 13.

десятью годами ранее Кузмин организовал «кружок гимназистов»: он был создан осенью 1907 г., а несколькими месяцами ранее на писателя обрушилась яростная критика за публикацию романа «Крылья». Двукратное повторение сходной ситуации показывает, что Кузмин осознавал репутационный вес, придаваемый ему наличием кружка молодых последователей, и вовлекался в литературные объединения для подновления своей репутации. В период, когда он сам осваивает новые темы и поэтику, он не противится организации кружка вокруг его творчества более раннего периода, понимая, что усвоение молодыми поэтами известных приемов позволит ему выглядеть авторитетно в глазах критиков, осуждавших именно эти приемы. Символически обозначив свое место в литературе, создав школу, писатель мог двигаться дальше, развивать иные манеры и творческие методы, что он и делает в 1917 г., — в то время, как его репутация, продуцируемая молодыми поэтами, работает на упрочение существующего статуса.

Влияние Кузмина на литературную молодежь, однако, было велико и до начала 1917 г. — достаточно вспомнить племянника поэта С.А. Ауслендера, а также Г.В. Иванова, А.Э. Беленсона, В.В. Курдюмова и др. Тем не менее попыток создать собственную группу в период расцвета своей славы, на рубеже 1900–1910-х гг., Кузмин не предпринимал. Представляется, что факт организации «матросов» именно в пореволюционное время можно объяснить интенсификацией групповой жизни, в том числе созданием многочисленных пореволюционных полуофициальных художественных союзов и групп. На весну 1917 г. приходится сразу несколько групповых предприятий, в которых Кузмин принимает участие: став членом Союза деятелей искусств в начале марта, уже в конце месяца он входит в выделившееся в Союзе художественное общество «Искусство. Революция» [10, т. 2, кн. 1, с. 19]. В первой половине апреля Кузмин и Юркун организовали общество «Фелана» [10, т. 2, кн. 1, с. 20, 656]¹⁸, от имени которого они вошли в «литературную курию» в Союзе деятелей искусств и в «Блок левых» (от «матросов» в нем представительствовал Деген). Вступление в группу «матросов» встраивалось в череду попыток Кузмина присоединиться к пофевральской деятельности: в пикку союзам и куриям (и организационно внутри них) с их официальной, иерархичной структурой, Кузмин

¹⁸ Так же называлось издательство, под маркой которого в 1917 г. вышла книга Юркуна «Дурная компания». Вероятно, это был очередной кратковременный проект Кузмина и Юркуна, прекратившийся именно вследствие сближения с «матросами».

хотел создать собственный кружок «любящих и ценящих друг друга людей».

Загадочное название группы проясняется на фоне творчества и позиции Кузмина 1917 г. На связь названия со стихотворением Е.А. Баратынского «Пироскаф» впервые указал Р.Д. Тименчик, подчеркнув, что Баратынский «занимал почетное место в пантеоне» поколения Дегена и Бамдаса [21, с. 321]. «Марсельские матросы» ведут пироскаф сквозь бурное море к «Элизию земному» и символизируют надежды на новую жизнь: «...Много мятежных решил я вопросов, / Прежде, чем руки марсельских матросов / Подняли якорь, надежды символ!» [6, т. 3, ч. 1, с. 133]. Однако эта связь, хотя и подкрепляется прямым использованием цитат из «Пироскафа» в произведениях «матросов»¹⁹, не объясняет актуализации этого названия в конкретных историко-литературных условиях.

Для ответа на вопрос, почему группа назвалась именно так, нужно обратиться к тексту, который Кузмин планировал опубликовать в книгоиздательстве «Марсельских матросов» отдельной книгой в количестве 75 нумерованных экземпляров с иллюстрациями художника В.В. Дмитриева [14, с. 528]. Это большое стихотворение «Враждебное море», имеющее авторское жанровое определение «ода» и написанное в апреле 1917 г. — параллельно началу собраний группы. «Враждебное море» привлекает внимание не только повторением морской темы, но и одним из центральных образов — «корабельщики-братьев», сражающихся с необузданным «враждебным морем»:

Оттуда несется глухо,
ветра глуше:
— Корабельщики-братья, взроет
хмурое брюхо,
где урчит прибой и отбой! [12, с. 333]

Как мы показали выше, структура «команды корабля» разгрыбалась в «матросских» стихах, однако немаловажным для этой

¹⁹ Стихотворение Бамдаса «Прощай навсегда контора» явно ориентируется на «Пироскаф», повторяя его композицию, но представляя лирический сюжет с точки зрения матроса, а не путешественника. Бамдас переносит в свое стихотворение деталь — птицу: «Наедине мы с морскими волнами; / Только что чайка вьётся за нами / Белая, рея меж вод и небес» [6, т. 3, ч. 1, с. 133], у Бамдаса — «Над палубой вьется птица, / Минутами еле видна» [1, с. 7]. Примечательны финальные строки у Баратынского: «Завтра увижу я башни Ливурны, / Завтра увижу Элизий земной» [6, т. 3, ч. 1, с. 134], и их «сниженный» вариант у Бамдаса: «А как загуляем, приятель, / Когда придем в Марсель!» [1, с. 8].

игры был мотив плавания, выдвижения в путь: см. стихотворение Бамдаса «Прощай навсегда, контора...», песенку Дегена: «...заскрипели канаты. / песенку запели, / двинулось с середины апреля» [9, с. 18], песенку Кузмина: «Всякий весел, всякий горд, / Кто вступил в Марсельский порт / И в команду к нам попал...» [13, с. 74]. Образ моряка неоднократно появляется в стихотворениях Кузмина 1917 г., например, в тексте «Мореход на суше» (май 1917), в котором представлена точка зрения мореплавателя, смущенного находжением в несвойственной ему обстановке: «И только снится иногда / Шатанье накрененных палуб: / Ведь путевых не надо жалоб, / Коль суша под ногой тверда» [12, с. 422]²⁰. «Море» в стихотворениях этого периода чаще всего символизирует стихию, с которой человек отважно вступает в противоборство, а за метафорой «отплытия» скрывалось погружение в нее и готовность ей противостоять²¹.

Образ «матросов» является своеобразным вариантом «корабельщиков-братьев». В свою очередь мотив «братства» стал центральным для «революционной» лирики Кузмина, отразив его позицию: с братством, которое обещала революция, он связывал надежды на прекращение мировой войны, противопоставив порыв единения — порыву стихии. Так, именно братание образует композиционный стержень стихотворения «Русская революция» — в основу его сюжета лег отказ солдат стрелять друг в друга: «Двинулись казаки. / “Они отказались... стрелять не будут!..” — / Шипят с поднятыми воротниками шпики» [12, с. 630]; «братскому» отношению солдат конфликтующих сторон посвящено стихотворение «Волынский полк», а личному, эмоциональному переживанию революции как момента единения — «Не знаю, душа ли, тело ли...». Одновременно нельзя отрицать и гомосексуальные коннотации образа «брата», на что указывает личная кузминская традиция — в его стихотворениях «братское чувство» почти всегда выступает субститутутом любовной или эротической связи: «Умывались, одевались, / После ночи целовались, <...> Будто с гостем, будто с *братом*, / Пили чай, не снявши маск» (из цикла «Любовь этого лета», июнь–август 1906) [12, с. 61]. В этом измерении образ «матросов» (подкрепленный семантикой

²⁰ Анализ стихотворения см.: [15].

²¹ Появившаяся в предисловии Кузмина к «Предрассветному ветру» проекция Бамдаса на Рембо призывает еще один возможный контекст образа «матросов» — «Пьяный корабль» Рембо: «И шторм благословил морские мне тревоги / Я пробкой танцевал средь бешеных зыбей / Бродяга, проходил безумные дороги / Все десять злых ночей под жустью фонарей» (пер. С. Боброва, 1910). Неуправляемое плавание корабля выступает метафорой существования в революционном времени.

демонстративной маскулинности) также несет гомосексуальный оттенок.

Тесный кружок «Марсельских матросов» выступил жизненной проекцией «братства» — тесно связанных друг с другом мужчин, своими узами и своим творчеством противостоящих бурному времени. Создание объединения, таким образом, преследовало вполне жизнотворческую цель — не только влиться в революционный поток, но и сохранить в нем узы дружбы и взаимного уважения, поддерживая групповой принцип, который особенно ценил Кузмин.

Последнее наблюдение, которое можно вынести из скупого фактографического материала о деятельности «матросов», — возможный смысл прилагательного «марсельские». Помимо биографического контекста, в который эта локация попадает в «Пироскафе», Марсель становится неким пространством «инаковости», уход в которое позволяет матросам не оглядываться на события произошедшей революции и не отражать ее в своем творчестве. Попытка символического удаления от реальности симптоматична: после стихотворений о революции, появившихся в печати в марте–апреле 1917 г., Кузмин быстро охладевает к насущным проблемам общества. Его творчество второй половины революционного года характеризуется постепенно увеличивающимся интересом к «отвлеченным» темам: гностическим (осенью 1917 г. создается большая часть стихотворений из цикла «София. Гностические стихотворения») и эротическим (тогда же задуманы «Занавешенные картинки»). Метафорическое отплытие команды матросов может трактоваться и как отход от актуального, политизированного контекста — в область чистого искусства, автономного от любых требований, то есть того, за которое всегда ратовал Кузмин.

Так не слишком значительный проект 1917 г. вбирает в себя сразу несколько смыслов, позволяя уточнить отношение Кузмина к литературным группам, рассмотреть репутацию Кузмина в 1917 г. и вскрыть символическое значение этого союза: предчувствуя бурные годы, писатель стремился подобрать себе команду единомышленников. Быстро прекратившаяся деятельность «матросов» не дала развиваться заложенным в объединение возможностям; к концу года «матросы», вероятно, были уже неинтересны Кузмину. Позволим себе на мгновение воскресить игривый характер объединения и заметить, что выражение «поматросить и бросить» едва ли найдет в истории русской литературы более удачное приложение.

Литература

1. *Бамдас М.* Голубь: Вторая книга стихов. Пг.: Кн-во «Марсельских матросов», 1918. 22 с.
2. *Бамдас М.* Предраассветный ветер: Стихи. Пг.: Кн-во «Марсельских матросов», 1917. 46 с.
3. *Богомолов Н.А.* Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 1995. 367 с.
4. *Богомолов Н.А.* Несколько слов к читателю // Бамдас М. Надежды символ: Стихи из дневников 1915–1958 гг. М.: Рудомино, 1994. С. 3–6.
5. *Богомолов Н.А., Малмстад Дж.Э.* Михаил Кузмин. М.: Молодая гвардия, 2013. 393 с.
6. *Боратынский Е.А.* Полн. собр. соч. и писем. М.: Языки славянской культуры, 2002–.
7. *Гумилев Н.С.* Письма о русской поэзии / сост., вступ. статья Г.М. Фридендера; подг. текста и коммент. Р. Д. Тименчика. М.: Современник, 1990. 383 с.
8. *Деген Ю.* Оттепель: Поэма. Тифлис: Куранты, 1920. 14 с.
9. *Деген Ю.* Поэма о солнце. [Тифлис: Б.м.,] 1918. 20 с.
10. *Крусанов А.В.* Русский авангард 1907–1932: Исторический обзор: в 3 т. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
11. *Кузмин М.А.* Проза и эссеистика: в 3 т. / сост. и коммент. Е.Г. Домогацкой, Е.А. Певак; вступ. статья Е.А. Певак. М.: Аграф, 2000. Т. 3: Эссеистика, критика. 768 с.
12. *Кузмин М.А.* Стихотворения / вступ. статья, сост., подг. текста и примеч. Н.А. Богомолова, СПб.: Академический проект, 1996. 832 с.
13. *Кузмин М.А.* Стихотворения. Из переписки / сост., подг. текста и примеч. Н.А. Богомолова. М.: Прогресс-Плеяда, 2006. 490 с.
14. *Лавров А.В., Тименчик Р.Д.* Комментарии // Кузмин М. Избранные произведения. Л.: Худож. лит., 1990. С. 500–562.
15. *Николаенко В.В.* Как мореход оказался на суше (О границах интертекстуального метода) // Михаил Кузмин: Литературная судьба и художественная среда / под ред. П.В. Дмитриева и А.В. Лаврова. СПб.: Реноме, 2015. С. 113–118.
16. *Никольская Т.Л.* «Фантастический город»: Русская культурная жизнь в Тбилиси (1917–1921). М.: Пятая страна, 2000. 192 с.
17. *Никольская Т.Л.* Рецепция творчества М. Кузмина в независимой Грузии // Михаил Кузмин: Литературная судьба и художественная среда / под ред. П.В. Дмитриева и А.В. Лаврова. СПб.: Реноме, 2015. С. 271–279.
18. *Никольская Т.Л.* Юрий Деген // Russian Literature. 1988. Vol. XXIII. С. 101–112.
19. *Никольская Т.Л., Богомолов Н.А.* Юрий Деген // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. М.: Науч.-внедренч. предприятие «Финанит»; Большая рос. энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 92–93.
20. *Пахомова А.С.* Поэтика и риторика «революционных» стихов Михаила Кузмина // Русская филология. 2020. Вып. 31. С. 204–219.
21. *Тименчик Р.Д.* По поводу Антологии петербургской поэзии эпохи акмеизма // Russian Literature. 1977. Vol. 5. № 4. С. 315–323.
22. *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 440 с.

Whither drifted “The Sailors of Marseilles” in 1917?

© 2021, Aleksandra S. Pakhomova

University of Tartu, Tartu, Estonia

Abstract: The article analyzes the history of lesser-known literary union “The Sailors of Marseilles” that existed in Petrograd in 1917. Mikhail Kuzmin was the central figure and the most popular writer in this union. Other “sailors” were young poets who wanted to reach out the audience and to get the opportunity for publication. Until now, this union has not been studied in the context of Kuzmin’s oeuvre, literary reputation and author’s strategies. Some conclusions have been made in the process of our research. First of all, Kuzmin’s attitude to literary unions has been specified. As we can see, he considered literary groups as a commonwealth of independent authors exploiting shared writing technics. On the other hand, he did not approve ideological unification within such unions. Denying hierarchy in literary groups, Kuzmin strove to create a literary union on an equal footing. He emphasized the individuality of each “sailor” to create to make it real, but in fact, this union was just adopting Kuzmin’s techniques, i.e., it followed the authoritative model. It should be mentioned, that the organization of the group was also the Kuzmin’s endeavour to assert his literary reputation that was in decline during 1917. Moreover, the whole concept of “The Sailors of Marseilles” was carried in accordance with the nautical symbolics developed by Kuzmin in 1917. *The sea* was the sign of power and war, and *the sailors* were the image of fraternity capable to contradict this power. “The Sailors of Marseilles” in the final count can be considered as creative-life Kuzmin’s project.

Keywords: Mikhail Kuzmin, “The Sailors of Marseilles”, literary union, literary reputation, Yuri Degen, Moisey Bamdas.

Information about the author: Aleksandra Pakhomova, PhD-student at the University of Tartu, Ülikooli 18, 50090, Tartu, Estonia. ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-2145-754X>. E-mail: aleks.pakhomova@gmail.com.

For citation: Pakhomova, A. “Whither drifted ‘The Sailors of Marseilles’ in 1917?”, *Literaturnyi fakt*, no 1 (19), 2021, pp. 181–199. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-181-199>

References

1. Bamdas, M. *Golub': Vtoraia kniga stikhov [Dove. The Second Book of Poems]*. Petrograd, Marsel'skie Matrosy Publ., 1918. 22 p. (In Russ.)
2. Bamdas, M. *Preдрассветnyi veter: Stikhi [The Pre-Dawn Wind. Poems]*. Petrograd, Marsel'skie Matrosy Publ., 1917. 46 p. (In Russ.)
3. Bogomolov, N.A. *Mikhail Kuzmin: Stat'i i materialy [Mikhail Kuzmin. Articles and Materials]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1995. 367 p. (In Russ.)
4. Bogomolov, N.A. “Neskol'ko slov k chitateliu” [“A Few Words to the Reader”]. Bamdas, M. *Nadezhdy simvol: Stikhi iz dnevnikov 1915–1958 gg. [The Symbol of a Hope. Poems from Diaries of 1915–1958]*. Moscow, Pudomino Publ., 1994, pp. 3–6. (In Russ.)
5. Bogomolov, N.A., Malmstad, Dzh.E. *Mikhail Kuzmin [Mikhail Kuzmin]*. Moscow, Molodaia Gvardiia Publ., 2013. 393 p. (In Russ.)

6. Boratynskii, E.A. *Poln. sobr. soch. i pisem* [Complete Works and Correspondence]. Moscow, Yazyki Slavyanskoj Kyltury Publ., 2002. (In Russ.)
7. Gumilev, N.S. *Pis'ma o russkoi poezii* [Letters about Russian Poetry], comp. by G.M. Fridlender and R.D. Timenchik, introd. by G.M. Fridlender, ed., comm. by R.D. Timenchik. Moscow, Sovremennik Publ., 1990. 383 p. (In Russ.)
8. Degen, Iu. *Ottepel': Poema* [The Thaw. Poem]. Tiflis, Kyranty Publ., 1920. 14 p. (In Russ.)
9. Degen, Iu. *Poema o sontse* [The Poem about the Sun]. [Tiflis,] n.p., 1918. 20 p. (In Russ.)
10. Krusanov, A.V. *Russkii avangard 1907–1932: Istoricheskii obzor: v 3 t.* [Russian Avant-Gard. The Historical Overview: in 3 vols.]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2003. (In Russ.)
11. Kuzmin, M.A. *Proza i esseistika: v 3 t.* [Prose and Essays in 3 vols.], vol. 3, comp., comment. by E.G. Domogatskaya, E.A. Pevak, introd. by E.A. Pevak. Moscow, Agraph Publ., 2000. 768 p. (In Russ.)
12. Kuzmin, M.A. *Stikhotvoreniia* [Poems], ed. by N.A. Bogomolov. St. Petersburg, Akademicheskij Proekt Publ., 1996. 832 p. (In Russ.)
13. Kuzmin, M.A. *Stikhotvoreniia. Iz perepiski* [Poems. From the Correspondence], ed. by N.A. Bogomolov. Moscow, Progress-Pleyada Publ., 2006. 490 p. (In Russ.)
14. Lavrov, A.V., Timenchik, R.D. “Kommentarii” [“Comments”]. Kuzmin M. *Izbrannye proizvedeniia* [Selected Works]. Leningrad, Khudozhesvennaya literature Publ., 1990, pp. 500–562. (In Russ.)
15. Nikolaenko, V.V. “Kak morekhod okazalsia na sushe (O granitsakh intertekstual'nogo metoda)” [“How the Sailor Ended Up on Land (The Boundaries of the Intertextual Method)”]. *Mikhail Kuzmin: Literaturnaia sud'ba i khudozhestvennaia sreda* [Mikhail Kuzmin: Literary Fate and Artistic Environment], ed. by P.V. Dmitriev, A.V. Lavrov. St. Petersburg, Renome Publ., 2015, pp. 113–118. (In Russ.)
16. Nikol'skaia, T.L. “Fantasticheskii gorod”: *Russkaia kul'turnaia zhizn' v Tbilisi (1917–1921)* [“Fantastic city”: Russian Cultural Life in Tbilisi, 1917–1921]. Moscow, Pyataya strana Publ., 2000. 192 p. (In Russ.)
17. Nikol'skaia, T.L. “Retseptsiia tvorchestva M. Kuzmina v nezavisimoi Gruzii” [“Reception of Mikhail Kuzmin's Works in Independent Georgia”]. *Mikhail Kuzmin: Literaturnaia sud'ba i khudozhestvennaia sreda* [Mikhail Kuzmin: Literary Fate and Artistic Environment], ed. by P.V. Dmitriev, A.V. Lavrov. St. Petersburg, Renome Publ., 2015, pp. 271–279. (In Russ.)
18. Nikol'skaia, T.L. “Iurii Degen”. *Russian Literature*, vol. XXIII, 1988, pp. 101–112. (In Russ.)
19. Nikol'skaia, T.L., Bogomolov, N.A. “Iurii Degen”. *Russkie pisateli 1800–1917* [Russian writers, 1800–1917], vol. 2. Moscow, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia Publ., 1992, pp. 92–93. (In Russ.)
20. Pakhomova, A.S. “Poetika i ritorika ‘revoliutsionnykh’ stikhov Mikhaila Kuzmina” [“Poetics and rhetoric of ‘revolutionary’ poems by Mikhail Kuzmin”]. *Russkaia filologiya*, no. 31, 2020, pp. 204–219. (In Russ.)
21. Timenchik, R. “Po povodu Antologii peterburgskoi poezii epokhi akmeizma” [“On the Anthology of St. Petersburg Poetry of the Acmeism Era”]. *Russian Literature*, vol. 5, no. 4, 1977, pp. 315–323. (In Russ.)
22. Shrubu, M. *Literaturnye ob'edineniia Moskvy i Peterburga 1890–1917 godov: Slovar'* [Literary associations of Moscow and St. Petersburg in 1890–1917: Dictionary]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. 440 p. (In Russ.)

«Чинари» в дневниках Михаила Кузмина

© 2021, Андрей Устинов

Сан-Франциско, США

Аннотация: В настоящей публикации представлены избранные дневниковые записи Михаила Кузмина, имеющие прямое или косвенное отношение к Даниилу Хармсу и его литературным соратникам, начиная с первого упоминания «мистика-футуриста Введенского» 16 марта 1924 г. и вплоть до ареста Хармса и Введенского по «Делу Детского сектора Госиздата» в декабре 1931 г. Записи раскрывают многие новые факты биографий писателей и литературной жизни эпохи. Публикация сопровождается необходимыми комментариями и вступительной статьей, в которой реконструируется контекст взаимоотношений Кузмина с «чинарями», а после — «обэриутами» на фоне ленинградской культуры 1920-х — начала 1930-х гг. Также внимание уделено литераторам из «круга Кузмина», у которых сложились собственные взаимоотношения с Введенским и Хармсом.

Ключевые слова: М. Кузмин; «чинари»; ОБЭРИУ; Д. Хармс; А. Введенский; Н. Заболоцкий; кружки и объединения писателей; дневники; литературный быт.

Информация об авторе: Андрей Борисович Устинов — доктор филологических наук, главный редактор издательства «Аквилон», Сан-Франциско, СА 94122, США. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8468-4854>. E-mail: abooks@gmail.com.

Для цитирования: Устинов А.Б. «Чинари» в дневниках Михаила Кузмина // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 200–252.

<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-200-252>

так и наши боренья, паренья,
развлеченья, влеченья, волненья,
лишь материал для стилистик,
как и вялые на заборе афиши –
найдется потом, кто их опишет,
эти ахи да охи, вздохи
занимательнейшей, увы, эпохи.

Андрей Николев

В настоящей публикации представлены избранные дневниковые записи Михаила Кузмина, начиная с первого упоминания «мистика-футуриста Введенского» 16 марта 1924 года¹. Именно тогда 19-летний поэт-экспериментатор — Введенский родился 6 декабря (23 ноября по старому стилю) 1904 г. — начинает появляться в квартире Кузмина со всё большей регулярностью и обязательно по субботам, когда хозяин устраивал чаепития. Был ли это «пустой чай» или «чай с вареньем», гостей особенно не волновало, как не волновало и то, присутствовал ли в квартире сожитель Кузмина Юрий Юркун, «прекрасный дилетант» в литературе, где он пробовал себя как прозаик, и в живописи — он представлял свои моменталистские акварели на выставках группы «Тринадцать», в которую входила Ольга Гильдебрандт-Арбенина, его любимая женщина².

Главным во всех этих визитах в проходные комнаты Кузмина в ничем не примечательной — за исключением соседей по фамилии Черномордик — коммунальной квартире на Спасской улице (д. 17/19, кв. 9) было явление *мэтра*. В пореволюционном Ленинграде Кузмин выступал одним из двух «патриархов» настоящей «петербургской»

¹ РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 69. Я искренне признателен покойным Сергею Шумихину и Николаю Богомолу за возможность ознакомиться с распечатками дневников М. Кузмина за 1923–1931 гг., которые были подготовлены ими к публикации со всей тщательностью и историко-литературной ответственностью. С недавним уходом последнего проблема ознакомления с этой хроникой культурной истории пред- и пореволюционного Петрограда/Ленинграда встает с невыразимой остротой. Я признателен Игорю Лошилову, Глебу Мореву и Александру Соболеву за консультации и живую помощь в подготовке этой работы.

² Прекрасное представление о круге общения Юркуна и Арбениной-Гильдебрандт дает ее альбом: [7].

культуры. Другим был Фёдор Сологуб³, который устраивал у себя по вторникам собрания «Ассоциации неоклассиков»⁴.

Участница этих встреч поэтесса и переводчица Лидия Аверьянова, хорошая знакомая Хармса и Введенского, писала Сологубу 12 мая 1926 года: «Владимир Викторович Смиренский написал мне, что Вы больны, и что вторник не состоится. Я очень много думала о радости снова бывать у Вас на вторниках, но раз я не могу сказать Вам лично, позвольте написать Вам, Федор Кузьмич, как я благодарна за тот кружок людей, который Вы собрали вокруг себя, за возможность бывать на этих Вторниках, <...> если бы Вы знали, Федор Кузьмич, как мне ужасно хорошо бывать в Вашем доме и слушать запоем каждое произносимое здесь слово»⁵.

На вечера «неоклассиков» она попала как раз благодаря Смиренскому — 4 января 1925 года он писал Аверьяновой: «Лидочка, приходите обязательно (через неделю) 11го января, в 7 часов вечера (не опаздывая) к Федору Кузьмичу Сологубу. <...> У Сологуба будет Е.Я. Данько, М.В. Борисоглебский, В.С. Алексеев и я. Стихи захватите непременно» [16, с. 518]. В то же время Смиренский осуждал ее дружбу с «чинарями», равно как и их поэтические эксперименты. Например, 4 февраля 1925 года он предостерегал ее: «Что же касается Сологуба — так я его очень люблю и считаю большим и прекрасным поэтом. Несомненно для меня, что повертеться около него “мелким бесом” — дело стоящее. А за стихи Ваши Вам от него влетит, потому что пропускать в стихах сказуемое можно только одному Хармсу, да и то потому, что в его стихах вообще всё пропущено: и смысл — и тема. А стихи Аверьяновой совсем иные» [16, с. 519].

Не изменил он своего отношения и год спустя. «...советую Вам прекратить Ваше беззастенчивое ухаживание за безумником Хармсом, — писал Смиренский Аверьяновой 15 января 1926 года, — иначе я всё открою Вашему бедному обманутому мужу, который ничего не подозревает о Ваших интригах и кознях. Мемуары достопочтенного Казановы, видимо, Вам впрок не пошли. <...> Мне очень понравилось, как написал Введенский: “Крадется хитрый сыр”. Представьте

³ 16 декабря 1928 г. Кузмин записал в дневнике: «Встретили Ахматову с Пуниным. Сологуб умирает. Неизлечимо, но без страданий. Как все подбираются. Вот и я скоро умру...» (РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 115).

⁴ Об «Ассоциации неоклассиков» см. мои комментарии к публикации: [16, с. 517–518].

⁵ [15, с. 194–195], опечатки исправлены по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 4. Л. 1. Здесь же на с. 193–195 сообщаются другие подробности из истории «Ассоциации неоклассиков».

себе лунную ночь — и по снегу — осторожно крадется сыр. Очень забавно» [16, с. 519].

Одновременно с этим он поощрял общение Аверьяновой с Анной Ахматовой, которая, наряду с Сологубом и Марией Ватсон, была избрана «почетным членом “Ассоциации”» [2, с. 545]⁶. «Очень хорошо, что ты побывала у Ахматовой, — писал Смиренский 21 марта 1927

⁶ «Ассоциация» продолжила свою деятельность и после смерти Сологуба. «Вырабатываю новую декларацию неоклассиков, — писал упоминавшийся выше Владимир Смиренский 12 октября 1928 г. поэту и беллетристу Михаилу Борисоглебскому, — подобрал крепкую группу поэтов, вступил к нам опять Вл<адимир> Ленский, и уже 2 раза мы выступали (в школе и в Губсуде), в субботу — будем читать у меня в Статотделе, и еще до Нового года намечено у нас около 10 выступлений. <...> Четверговую атмосферу я оздоровил, изгнал <Якова> Година и <Константина> Олимпова, <Михаил> Андреев ходит редко — и пьяный не принимается, новых же людей много и всё идет по-хорошему» (ОР РНБ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 282. Л. 18–19 об.). Смиренскому принадлежит эпиграмма на Борисоглебского из цикла «Вечера на Фонтанке. Экспромты и эпиграммы», посвященного литературному обозревателю Августе Рашковской:

XIII.

Борисоглебский

В квартирах у поэта — тьма,
Но в этой тьме — и сон не снится,
Рашковская сошла с ума,
Палей уже давно в больнице.
Смиренский — вешаться готов,
И Жихарева — ждет рассвета.
А он — над книгами стихов —
Плетёт себе «Венок Сонетов».

(ОР РНБ. Ф. 92. Оп. 2. Ед. хр. 115. Л. 4 об.; упоминаются жена Борисоглебского редактор Ксения Жихарева, а также литератор Абрам Палей). Приведу также его остроумную и построенную на каламбурах авто-эпиграмму:

IV.

Цензор, Рашковская и Смиренский

Цензурой Цензор запрещен,
Но в раж Рашковская не входит:
Смиренский будет усмирен
В Народном Доме при народе.

(Там же. Л. 3–3 об.). В тот же цикл 1924 г. входят также две эпиграммы, имеющие отношение к Сологубу, ленинградскому Союзу поэтов и литературным встречам 1920-х годов:

года. — Это большой и хороший человек»⁷. В свою очередь, Аверьянова обратилась и к Кузмину, четвертому из почетных избранных «Ассоциации неоклассиков»:

Петербург, 12 / II <19>28.

Глубокоуважаемый

Михаил Алексеевич:

Не откажите написать пару слов на прилагаемом экземпляре «Вожатого».

С большой и теплой любовью к каждой строке Ваших стихов —
Лидия Аверьянова⁸.

На исходе 1925 года в дневниках Кузмина начинает фигурировать Даниил Хармс, о котором он к тому времени уже наслышан. «Сидел у меня Введенский, — отмечает Кузмин 1 декабря. — Собирается к нам кто-то. <Б.> Черный, Хармс...»⁹, — и вскоре дает портрет поэта, который в то время представляет собственное «Направление Взирь Зáуми». Они знакомятся у Введенского на Петроградской стороне (Съезжинская ул., д. 37, кв. 14), в субботу, 5 декабря 1925 года: «У А<лександр> И<вановича> был Хармс. Похож на эстонца или

XLI.

Участь поэтов

Мы отвечаем за грехи
Ахматовой и Сологуба.
И потому у нас стихи,
Как ни пиши, выходят грубо.

XLVI.

Сологуб

Он мирно спит в тяжелом кресле,
Посасывая шоколад.
Но нашему Союзу если
Его доставят прямо в ад, —
То нам обратно возвратят
его, на том-же самом кресле.

(Там же. Л. 9 об., 10–10 об.). Вечера «Ассоциации неоклассиков» вынужденно прервались после ареста Смиренского в 1930 г. С этого дня в его жизни вплоть до 1948 г. «периоды свободы чередуются с принудительным трудом на строительстве Беломоро-Балтийского канала, канала Москва–Волга, Волго-Донского канала. <...> По некоторым свидетельствам, В. Смиренский был приговорен к расстрелу, несколько раз его приводили на расстрел, но приговор не был приведен в исполнение» [32, с. 396].

⁷ РО ИРЛИ. Ф. 355. Ед. хр. 54. Л. 47 об. Об их отношениях см.: [42, с. 248–249].

⁸ РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 75; ср.: [1, с. 239].

⁹ РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 63. Л. 314 об.

даже на эстонку, имеет рост дылды (?) и не ужасные стихи. Все читали. <...> Хозяин ужасно напился и ходил с Хармсом всё тошниться. Все залегли там. Я на одном диване с Хармсом, причем О<льга> Н<иколаевна Гильдебрандт-Арбенина> беспокоилась, не произошло ли чего у нас¹⁰. С этой записи Хармс, в основном спорадически, появляется в дневниках Кузмина вплоть до ареста по «Делу Детского сектора Госиздата»¹¹.

В апреле 1926 года при поддержке Кузмина «чинари» обращаются с письмом к Борису Пастернаку, поводом для чего послужило создание в Москве кооперативного издательства «Узел» — в его учреждении, кроме Пастернака, приняли участие Пётр Зайцев, София Парнок, Софья Федорченко, Михаил Зенкевич, Александр Ромм, Абрам Эфрос, Вера Звягинцева, Пётр Антокольский, Бенедикт Лившиц, Алексей Чичерин и другие поэты [13]. Хармс и Введенский залихватски и не без гордости представляются «единственными левыми поэтами Петрограда», которые «не имеют возможности здесь печататься» и потому ищут возможности публикации либо «в альманахе “Узла” или же отдельной книжкой»¹², но непременно вместе — как «чинари».

Письмо, видимо, осталось без ответа, однако сам факт этого обращения более чем показателен. «После выхода “Сестры моей жизни” и смерти Хлебникова, — отмечал Лазарь Флейшман, — именно Пастернак объявляется преемником эстафеты поэтического экспериментирования; позднее к нему присоединяют Мандельштама и прокламируется¹³ смена периода “эксперимента в области метра и ритма” периодом “новаторства семантического и синтаксического” <...>. В противовес туфановскому курсу на “фонетическую” заумь, обэриуты пошли к смысловому высказыванию, сталкивающему смыслы внутри синтаксических единиц и в плане монтажа текста» [51, S. 3–4, 6].

Обращение в издательство «Узел» стало, видимо, последним совместным проектом «чинарей» и Туфанова¹⁴. Его обращение было обнаружено в архиве Пастернака до того, как стало известно о письме Хармса и Введенского, Миланом Гюрчиновым, который

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 63. Л. 317 об.

¹¹ См. подробнее: [49].

¹² ОР ИМЛИ. Ф. 120. Оп. 1. Ед. хр. 33; впервые опубликовано: [10, p. 227].

¹³ См., например, «Конспект речи о Мандельштаме» Б. Эйхенбаума: [57, с. 447–448].

¹⁴ См. воспоминания Зелика Штейнмана (1907–1967) — представителя объединения «Непокой» и вечного антагониста сначала «чинарей», а после — как вспоминал Игорь Бахтерев — и обэриутов (см.: [48, с. 125–126]):

опубликовал этот документ, в том числе, сохранившееся (в отличие от посланных в «Узел» материалов «чинарей») приложение: [14]. К сожалению, эта работа вышла с опечатками и коньектурами публикатора — например, «Борис Леонидович» вместо такого же, как в письме Хармса и Введенского, обращения «Борис Леонтьевич»¹⁵.

Поскольку эти недостатки не были исправлены при републикации письма Туфанова [35, с. 202], представляется полезным привести его заново по автографу¹⁶.

Уважаемый Борис Леонтьевич,

В своей книге «К зауми», напечатанной в прошлом году, я дал результат своей 4-летней работы над установлением основных, хотя бы неполных, законов зауми — лингвистически усилил фундамент, заложенный Велемиром Хлебниковым.

На эстраду один за другим всходили «чинари». Было тогда такое «поэтическое содружество». Рослый и широкоплечий парень в гольфах басил, не утруждая себя запятыми и точками:

Как-то бабушка махнула
и тотчас же паровоз
детям подал и сказал
пейте кашу и сундук

Его сменил томного вида юноша, ростом пониже и в плечах поуже, но по части точек и запятых своему коллеге не уступавший:

Спит пунцовая соломка
на спине сверкает три
пол английский ерусланский
шепчет важное ура

После этих двух объявился третий: горбатенький, в длиннополом сюртуке с лоснящимися лацканами и припудренным перхотью воротнике.

Поправляя съезжавшее с носа пенсне на шнурочке, он голосом простуженного псаломщика возглашал:

Какой-то полоумной плясовицей
Всё семивечье в толоке певит,
Плывя в ушкуе к древней синевеце,
По овиди спадая в кипень-вир.

(Штейнман З. Стихи и встречи // Звезда. 1959. № 7. С. 185). Здесь легко узнаются Хармс, Введенский (обе цитаты — из «Собрания стихотворений») и Туфанов, при этом Штейнман приводит без ошибок катрен из «фрагмента» I «Ушкуйников» («По изгари в перстагицах собольих»); см.: [45, р. 47]. О «Непокое» см.: [11].

¹⁵ [14, с. 436]. Письмо Туфанова не датировано, поэтому сложно предположить, следовал ли он за «чинарями», или же сообщил им такую версию имени и отчества Пастернака.

¹⁶ ОР ИМЛИ. Ф. 120. Оп. 1. Ед. хр. 32. Я признателен Константину Поливанову за копию письма Туфанова.

У нас, в Ленинграде, есть небольшая группа заумников, которые хотя и взврод работают, но пока что объединены моими 20 законами.

После напечатания книги, в области творчества я отошел от абстрактной зауми, и, при установке на расширенное восприятие времени, заумно воскрешаю стихийность древне-русской речи. Мой жанр XV столетие Великого Новгорода, с которым я связан архангельскими преданиями и двинскими летописными сказаниями. Я закончил поэму «Домой — в Заволочье» и работаю над другой о Марье Борецкой. В последней мое языковое творчество распространяется до высказывания древне-русской речи путем озарения стихийной корневой основы всем доступным мне формальным окружением.

К сожалению, моя поэма не разрешается к печати Ленинградским Гулитом¹⁷.

Я переслал ее Льву Ивановичу Гумилевскому (Москва, Новобасманная <ул.> д. 10, кв. 9, телеф<онный номер> 6-65-76)¹⁸.

Не найдете ли возможности оказать мне содействие в ее напечатании. Я решил ее напечатать на личные средства. Но для меня было

¹⁷ Главное управление по делам литературы и издательств, известное как «Главлит».

¹⁸ Гумилевский вспоминал о работе с Туфановым в петроградском журнале «Вольный плуг» (см.: [58, с. 632, 637]):

Журнал составлялся главным образом мной и секретарем редакции — Александром Васильевичем Туфановым. Я познакомился с ним у «Владимира» Поссе.

Человек удивительного добродушия и неисчерпаемого оптимизма, невысокого роста, горбун, он ходил в тяжелых сапогах, с палкой, прихрамывая. Длинные, по традиции поэтов, волосы, прямые и гладкие, свисали ему на лоб. Он постоянно откидывал их за ухо. При каждом движении, даже при одном повышении голоса они падали на глаза.

Он сам называл себя «Председатель Земного Шара Зауми», но стоял особо от тогдашних футуристов, символистов, декадентов. Стихи он писал легко, не стесняясь выдумывать свои слова, если не находил подходящих в общем словаре. Выходило и звучно и непонятно. <...>

Но в «Вольном плуге» как секретарь работал он чудесно, составлял еженедельные обзоры событий, и немислимо было предположить, что этот же самый человек писал:

Кичет Русь, как лебедь белая,
Колоколит на кону.
Только щоборты бестелые
Слышит часовой в плену.

Чужень к чарочке притаился
Чайца Ручи по чамрой.
Чумарь с чунями охатился
С чалой тресью под чадрой...

(Гумилевский Л. Судьба и жизнь: Воспоминания // Волга (Саратов). 1988. № 7. С. 163).

бы легче, если б это можно было сделать в «Узле», и, так как в этом случае я был бы избавлен от типографских расходов, то от гонорара я отказался бы.

Если цензурные условия в Москве такие же, как в Ленинграде, и моя поэма не пройдет только потому что написана заумником, сообщите пожалуйста, могу ли я рассчитывать на издание в «Узле» фрагментов из другой поэмы «Марфа Борецкая».

С соверш<енным> уважением

А. Туфанов

Адрес: Ленинград. Нижегородская ул. дом 12, кв. 12,
Александрю Васильевичу Туфанову.
Для ознакомления Вас с своей работой прилагаю
Проспект и декларацию.

Очевидно, что с Пастернаком как представителем издательства «Узел» ленинградских заумников связывает не кто иной, как Кузмин. Несмотря на различие творческих предпочтений — характерна в этом смысле сделанная Хармсом во время чтения Введенским своих «вещей» запись в январе 1927 года: «Странно, что со мной делается. По-моему Кузмин и Юркун ничего не понимают. Их похвала Введенс<кому>» [54, кн. 1, с. 129], — «чинари» стараются не пропускать чаепития на Спасской. Скорее всего, Кузмин посоветовал обратиться к Пастернаку после получения от него в подарок книги «Избранные стихи», выпущенной «Узлом» в марте 1926 года. Как он отметил в дневнике три месяца спустя касательно дарственной надписи автора: «Пастернак на книге мне написал целую литературу»¹⁹. Возможно, что в разговорах с «чинарями» он характеризовал Пастернака как «левого» поэта или, по крайней мере, как близкого им по поэтическим установкам. Не случайно в фельетоне «Говорящие» он отметил, что в стихах Пастернака «отдана обильная дань формальному модничанью»²⁰.

Поэзия Пастернака оказалась в сфере внимания Хармса еще раньше. При стойком интересе к творчеству Алексея Кручёных он

¹⁹ См. публикации этой дарственной надписи Пастернака на его книге «Избранные стихи» (М., 1926), сделанной вокруг изысканной марки издательства «Узел» работы Владимира Фаворского: [59, С. 67–69; 36, с. 227]. Эта книга хранилась в собрании А.Д. Левинсона (Ленинград). Однако Н.А. Богомолов уже отметил в примечании: «Местонахождение оригинала неизвестно. Печатается по фотокопии, предоставленной Е.Б. Пастернаком» [36, с. 227]. Факсимильно эта фотокопия была воспроизведена в составе публикации Жоржа Шерона [59, С. 69].

²⁰ Кузмин М. Условности. Статьи об искусстве. Пг.: Полярная Звезда, 1923. С. 159.

вряд ли мог пропустить выступления Пастернака в сборнике «Жив Кручёных» (М., 1925) и в отпечатанном на гектографе «Календаре» (М., 1926). Эти заметки явно обнаруживают «теоретический интерес Пастернака к зауми <...>, приведший его — вслед за Кручёных — к признанию зауми неотъемлемой частью литературного творчества» [51, S. 7]. Показательно и то, что в конце 1926-го — начале 1927 года Хармс переписал в записную книжку пастернаковскую «Метель» («В посаде, куда ни одна нога / не ступала, лишь ворожеи да вьюги...»)²¹.

Впрочем, в 1930-е годы его интерес сменился едва ли не презрением. Резкая перемена литературного положения Пастернака, публикации в центральной прессе и, как следствие, неожиданная известность и стремительное признание его на высшем номенклатурном уровне были восприняты Хармсом как непозволительное явление советского литературного «мейнстрима», достойное разве что функционеров Союза писателей СССР, но никак не *поэта*. В июле 1935 года, составляя список «*Вот что плохо*», он включает в него «Пастернака» наравне с «Современным культурным вкусом», «Палеховскими мастерами», «Широкими лацканами на мужск<их> пиджаках» и «Модой на художавых женщин» [16, с. 489–490].

Более того, вослед Первому съезду советских писателей Хармс сочиняет серию анекдотов о литераторах-сервилистах, в том числе миниатюру «Экспромт» о «полупоэте» Пастернаке, которому не может простить измены «левому» искусству:

Как известно у полупоэта Бориса Пастернака была собака по имени Балаган. И вот однажды, купаясь в озере, Борис Пастернак сказал столпившемуся на берегу народу:

— Вон смотрите, под осиной
Роет землю Балаган!

С тех пор этот экспромт известного полупоэта сделался поговоркой.

Даниил Хармс²².

²¹ Следом записано стихотворение самого Хармса «Купался грозный Петр Палыч / Закрыв глаза нырял к окну...» (Записная книжка № 8; ср.: Ср.: [54, кн. 1, с. 150–151]).

²² РГАЛИ. Ф. 2982. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 12. Текст сохранился в архиве тещеца Антона Шварца (1896–1954), который вместе с его женой Наталией Шанько фигурирует в дневниковых записях Хармса как «Шварцы Невские» [16, с. 517],

К сожалению, мы не располагаем дневниковыми записями Кузмина с начала апреля до конца октября 1928 года — времени активной деятельности Объединения Реального Искусства (ОБЭРИУ)²³. В начале 1930-х пути Кузмина и Хармса с Введенским расходятся после их ареста в декабре 1931 года, записью о котором завершается наша подборка из дневников.

В опубликованном Глебом Моревым «Дневнике 1934 года», который в не меньшей мере принадлежит жанру мемуарной прозы, Кузмин упоминает «чинарей» лишь единожды, причем сравнивает их ситуацию с недавно проведенной в Ленинграде паспортизацией²⁴. «Прошелся по Невскому, — записывает он 28 июля. — Встретил Тинякова на костылях и Хармса. Их всех в Союз <писателей> Маршак провел, даже Введенского, даже Заболоцкого. Это вроде как с паспортами: волнений было масса, но людей, которые бы так или иначе не получили бы паспорта, я своими глазами (да и никто) не видал»²⁵.

также как и другая миниатюра Хармса, направленная против прозаика Николая Никитина, в далеком прошлом одного из «Серапионовых братьев»:

Метро

В Москве построили метро. Вот что сказал по этому поводу известный писатель Н.Н. Никитин:

— Садись и поезжай! —

Даниил Хармс

(РГАЛИ. Ф.2982. Оп.1. Ед. хр. 38. Л. 10; ср.: [16, с. 576]). В упоминавшемся списке «Вот что плохо» Хармс указывает также: «Сокращение слова из “метрополитен” в “метро”» [16, с. 490].

²³ По сообщению С. Шумихина, это зияние объясняется тем, что во время их с Н. Богомоловым подготовки материалов к печати сотрудники архива не смогли обнаружить «Тетрадь XVIII» кузминских дневников (РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 66).

²⁴ Ср. дневниковую запись Хармса 18 февраля 1933 г.: «Я ревновал к Введенскому. Но в 20-х числах января мы снова подружились. В конце января наступило тревожное время в связи с паспортизацией» [16, с. 470], — и пояснения в моей вступительной статье к публикации [16, с. 424]. Ср. свидетельство современника: «Настоящим бичом явилась недавняя “паспортизация”, во время которой происходили многочисленные высылки совграждан из крупных правительственных и промышленных центров. Эти высылки сопровождалась часто ужасными драмами. Принуждали уехать из города в десятидневный срок (иногда и скорее), часто происходили ошибки, путали фамилии, людей возвращали обратно и т.д. За бесценок продавались уцелевшие обстановки, бросалась “ценная” жилплощадь для того, чтобы выехать в неизвестность и на голод. Страх перед высылкой толкал людей на доносы и на всевозможные подлости. Самоубийства приняли прямо эпидемический характер. Даже советская власть обратила внимание на беспорядок и “подтянула” состав. Характерно, что в это тяжелое время театры, кино и прочие увеселительные заведения были переполнены» (*Иогансон Л.* Как «там» живут // Журнал Содружества (Viipuri / Выборг). 1933. №8. С. 19).

²⁵ [24, с. 53]. См. также упоминание Введенского в записи 20 июля: «Звонил Саяновым, опять день его рождения. Когда-то сболтнули, и О. Н. запомнила на всю жизнь, вроде Введенского» [24, с. 51].

Оба «чинаря» вместе возникают в воспоминаниях Ольги Гильдебрандт-Арбениной о Кузмине: «О стихах <...>. — Считал талантливым Введенского (больше Хармса), не слишком <...>, — Пастернака (особенно проза), — но как будто не клюнул на обожаемого Пастернаком Рильке. К Блоку относился прохладно, хотя не судил!» [24, с. 151]. И особенно в наполненных любовью её записках о Юркуне, причем в рассказе о другом *мэтре* и любимом поэте самой Гильдебрандт-Арбениной: «16/XII <19>54, ночь <...> Юра относился к Г<умилёву> очень отрицательно, не только как к сопернику (из-за меня); но, скорее, как к идеологическому сопернику. <...> Самое лучшее, по мнению Юры, в Г<умилёве> было “мальчишеское” начало — жажда экзотики у мальчишки, начитавшегося Майн Рида и Ф. Купера. Я думаю, у них было много общего: что-то повелительное, организаторское, режиссерское, очень доброе отношение к своему “клану” (восхищение Г<умилёва> Мандельштамом, Юр<ы> к “найденному” им <художнику Павлу> Басманову²⁶, <...> вообще у Юры удивительное умение “распознавать” таланты и доброжелательное до беспредельности отношение к чужой одаренности — признак высокой души и таланта личного. Я назову Хармса третьим в этой категории людей, с его отношением к Введенскому и умению создавать “кружок”»²⁷.

Влияние Кузмина на творчество «чинарей», а позже и обэриутов еще ждет своего исследователя²⁸. Исходные позиции — на основании записных книжек Хармса — были определены Николаем Богомоловым:

Всего мы находим не так много упоминаний, но каждое из них заслуживает внимания. Выписываем, пользуясь алфавитным указателем: в записной книжке 1926 года встречаем адрес Кузмина (1, 70), 17 ноября этого же года — запись о визите к нему. В обширной книжке конца 1926 — начала 1927 года <...> переписаны два стихотворения, при жизни Кузмина не печатавшиеся (1, 159), с некоторыми разночтениями. В начале августа 1927 г. Хармс слушает чтение цикла «Форель разбивает лёд» и кратко конспектирует свои впечатления, по большей части сугубо положительные (1, 179–180). В записной книжке 1929 и января 1930 гг. появляется характерная запись: «Коля, мне роман не очень нравится. Что-то от Кузмина и Ко» (1, 346).

²⁶ См. о нем: [22].

²⁷ [24, с. 160]. О гумилёвской «ноте» в творчестве обэриутов см. заметки А. Кобринского «Обэриуты и творчество Н. Гумилёва (к постановке проблемы)» в его книге: [21, т. 2, с. 97–106].

²⁸ Необходимо упомянуть первопрородческую статью: [60].

Прибавим еще записи, так или иначе связанные с Ю.И. Юркуном, постоянным спутником Кузмина. <...>Впечатления Юркуна от чтения Введенского записаны в марте 1927 года (1, 141). Наконец, вблизи от этой записи зафиксированы некоторые фразы из коллекции, которую Юркун собирал (1, 143). [8, с. 5–6].

Имеет смысл сравнить переписанные Хармсом стихотворения Кузмина с оригиналами, хотя бы для того, чтобы увидеть, насколько внимательным он был копиистом, тем более, что автограф первого стихотворения не сохранился²⁹. Оно было опубликовано в 1-м выпуске альманаха «Часть речи» (Нью-Йорк, 1980) Геннадием Шмаковым по списку неизвестного происхождения и восстановлено Н. Богомоловым в собрании стихотворений Кузмина³⁰.

Переписано Хармсом

– Весёленькую! ну, привольно! –
В клетки запел слепой скворец.
Ты помнишь? – Пэт, совсем не больно
И в ванну падает отец.³²

Оригинал Кузмина

«Весельную! Ну, привольно!»
В клетке запел слепой скворец.
Ты помнишь? – Нет, совсем не больно! –
И в ванну падает отец.

²⁹ Копии записных книжек Хармса были любезно предоставлены мне Жан-Филиппом Жаккаром.

³⁰ Ср. его комментарий: «Печ<а>ается» по неавторизованной машинописной копии (РГАЛИ, арх<ив> В.Н. Орлова), дающей более осмысленное чтение первой строфы. <...>Дата — по публ<икации> Шмакова (по списку РГАЛИ — май 1925) [25, с. 787].

³¹ Ср. вариант строки, опубликованный Г. Шмаковым: «Ты помнишь: “Пэт, совсем не больно!”...», — протягивающий поэтическую нить к стихотворению Кузмина «Переселенцы», которое будет написано в апреле 1926 г.

³² Сразу же вспоминается строчка Хармса «В ванну шлепнулся Махмет...» из стихотворения «Ванна Архимеда», законченного 1 октября 1929 г. («Эй Махмет / гони мочало...»), но в первую очередь его посвящение «А.И. Введенскому»:

В смешную ванну падал друг
Стена кружилась вокруг
Корова чудная плыла
Над домом улица была
И друг мелькая на песке
ходил по комнатам в носке
вертя как фокусник рукой
то левой, а потом другой
Потом кидался на постель
[Уже] Когда в болотах коростель
чирикал шапочкой и выл
Уже мой друг не в ванне был.
5 марта <1927г.>

К этому стихотворению имеют отношение записанные ниже строчки: «Ты с размаху с потолка падал в Ванну. Не долга жизнь поэта». На предыдущей странице — запись, сделанная в тот же день: «Подвел Н.А. Заболоцкого. 5 Марта» (Записная книжка № 8; ср.: [54, кн. 1, с. 143]).

Но в высотули, в глубинули
 Забагровел седой прыгун,
 Когда пелёнки затагнули
 Глухую мать глазных лагун?

Вспорхну я выдуманым пухом, –
 Пускай гниёт смешной старик.
 По озеру, над царским духом
 Плывут подтяжки и парик.

И бросилась к щекам щетина –
 Небритого гниенья сад.
 На зелень зазывая, тина,
 Но не поднять ноги назад.

Одна уступка разделенью, –
 Держите крепче я пропал!
 Но эти дни меж днём и тенью.
 Бессчетный счет московских шпал.

1925 май.

Но в высоту ли, в глубину ли
 Забагровел седой прыгун,
 Когда пеленки затагнули
 Глухую мать глазных лагун?

Вспорхну я выдуманым пухом,
 Пускай гниет смешной старик.
 По озеру, под легким духом
 Плывут подтяжки и парик...

И бросилась к щекам щетина –
 Небритого гниенья сад, –
 На зелень зазывает тина,
 Но не поднять ноги назад.

Одна уступка разделенью...
 Держите крепче! Я пропал!..
 Но эти дни меж днем и тенью!
 Бессчетный счет московских шпал!..

30 мая 1925 [25, с. 669]

Базарный фокус — покус
 Живу не дольше дня,
 А всё же мне сдаётся
 Что любишь ты меня
 У лужи уд[я]ит рыбу
 учёный дурачёк
 Возьмись за Спинозу
 и взглянешь на крючок.
 Один кричит на стенке
 Другой плывет в воде
 До одури понятно
 и что и как и где
 Фантазия рисует
 проворней маляра
 Куда то ускакали
 и завтра и вчера
 и [грус<гная>] русая прическа.
 и узкие бока
 Поправит Портупею
 Порутчика рука.

Базарный фокус-покус
 Живет не дольше дня,
 А всё же мне сдаётся,
 Что любишь ты меня.

У лужи удит рыбу
 Ученый дурачок..
 Возьмись за Спинозу –
 И взглянешь на крючок.

Один крючок на стенке,
 Другой плывет в воде...
 До одури понятно,
 И что, и как, и где!..

Фантазия рисует
 Проворней маляра.
 Куда-то ускакали
 И завтра, и вчера.

И русая прическа,
 И узкие бока...
 Поправит портупею
 Поручика рука.

Вдали играют трубы
 «Тра-ра – тра ра тра ра!»³³
 Поют из за плотины
 и завтра и вчера.
 Совсем ведь не похоже
 Но верно всё до слёз
 и карточные бредни
 мой вечерок разнёс.

1926 Дек<абрь>.

Вдали играют трубы:
 Тра-ра, тра-ра, тра-ра.
 Поют из-за плотины
 И завтра, и вчера.

Совсем ведь непохоже,
 А верно всё до слез,
 И карточные бредни
 Мой ветерок разнес.

Декабрь 1926 [25, с. 674–675]

Фразы Юркуна записывали и другие современники, например, поэтесса Мария Шкапская, которая посвятила им целую страницу в одном из своих альбомов:

Юркун

Двое влюбленных в ночи дивились огромной звездой —
 Утром постигли они — это сияла Луна.
 (Мандельштам)

Пепли плечо и молчи — вот твой удел, Златозуб!
 (Г<еоргий> Иванов и Гумилев <о Мандельштаме>)

«Гусь свинье не попутчик».
 (новая поговорка)

«Не так страшен чорт, как фининспектор».

«Век живи, век язви — Сологубом умрешь».

«Ахматова была в глубоком, но безсодержательном декольтэ»³⁴.

Просматривая записные книжки Хармса на предмет упоминаний Кузмина (и Юркуна), Н. Богомоллов предлагает следующую интерпретацию развития их отношений:

Даже по этим записям пунктирная канва взаимоотношений
 вырисовывается: взаимный интерес, потом обида на то, что Кузмину

³³ От этой строки проведена стрелка и нарисованы ноты (см.: [54, кн. 1, с. 159]). То же самое и в беловом автографе Кузмина, сохранившемся в коллекции А. Луценко (Санкт-Петербург): «В нем возле ст<роки> 22 записана нотная фраза» [25, с. 788].

³⁴ РГАЛИ. Ф. 2182. Оп. 1. Ед. хр. 141. Л. 10.

и Юркуну больше нравятся произведения Введенского, при общем одобрительном отношении к творчеству как того, так и другого, а уже к началу 1930-х годов — разочарование. Однако в эту канву следует добавить и еще одну запись, не расшифрованную комментатором. Она зачеркнута, но тем не менее вполне поддается истолкованию.

Переселенцы.

Увеселение на мосту

Дождливою овцой княжна чем Петрушка не (1 нрзб.)

Бенуа уехал жаль

голопузая Эллада и другой

нам и не надо

три Марии <...> (1, 110)³⁵.

«Переселенцы» — название стихотворения Кузмина, написанного в апреле 1926 года, а «Три Марии» — майское стихотворение³⁶ <...>. Подчеркнутое «Увеселение на мосту» — почти наверняка является отсылкой к поминаемому на предыдущем листе рукописи «Золотому горшку» Э.Т.А. Гофмана³⁷. <...> Следующие две строки про княжну и Петрушку все-таки остаются непонятными, но зато возникновение строк про Бенуа и голопузую Элладу становится довольно очевидным: «Переселенцы» — стихотворение, имеющее в виду, конечно, судьбу России и ее обитателей, внезапно перенесенных в новый, иной мир. Эмиграция А.Н. Бенуа (независимо от того, принадлежит ли строка «Бенуа уехал жаль» Кузмину или Хармсу, представляет ли она реплику в разговоре или стих) в этом контексте, конечно, предстает знаменательным фактом, а «голопузая Эллада / <a> другой нам и не надо» — собственный вариант Хармса на тему, заданную «Переселенцами»:

³⁵ Запись читается несколько иначе:

Переселенцы

Увеселение на мосту

Дождливою овцой княжна

сам Петрушка нелюдим(?)

Бенуа уехал жаль

голопузая Эллада

а другой нам и не надо (Записная книжка № 8).

³⁶ Ср. соответствующее замечание: «Согласно комментарию Дж. Мальмстада и В.Ф. Маркова, стихотворение “представляет из себя черновик или набросок, где монолог римского декурiona незадолго перед тем, как наступить тьме (за три часа до того, как Распятый испустил дух) переходит в хор трех Марий (т.е. Марии Магдалины, Марии Клеоповой и Марии матери Иакова у гроба Господня)”» [8, с. 8].

³⁷ См. пометку Хармса на предыдущем листе той же записной книжки: «“Золотой Горшок”. Гоёман» (Записная книжка № 8; ср.: [54, кн. 1, с. 110]).

*Зачем нам просыпаться, если завтра
Увидим те же кочки и дорогу,
Где палка с надписью «Проспект побед»,
Лавчонку и кабака на перекрестке
Да отгороженную лужу «Капитолий»?
А дети вырастут, как свинопасы... — и т. д. [8, с. 8–9].*

И всё же нельзя не обратить внимание на явные параллели между риторическими повторами этого стихотворения, законченного в апреле 1926 г.: «Как старомодно ваше платье, Молли! / Как опустился ваш веселый Дик...», «Как ваши руки, Молли, погрубели / Как выветрилась ваша красота!..» [25, с. 672], — и строками в стихотворении Хармса «Пророк с Аничкиного моста»:

Как загорели щеки их!
Как взгляд послушный вдруг притих! [55, т. 1, с. 11]

Если интерпретировать эту «вещь» в соответствии с методикой, предложенной Лазарем Флейшманом, который отмечал в разборе стихотворения Хармса «I Разрушение» (ноябрь 1929): «...внешне “заумное” стихотворение получает вполне рациональное толкование. Вместе с тем становится ясно, что и “соседние” стихи Хармса могут быть просто расшифрованы аналогичным образом: <...> “Нева течет вдоль Академии” и “Тюльпанов среди хореев” представляют собой зарисовки октябрьского (1929) наводнения в Ленинграде и вызванного им разрушения» [52, р. 257–258], — то правомерно вообразить, что «Пророк с Аничкиного моста» был вдохновлен воспоминанием о большом петроградском наводнении 23 сентября 1924 года³⁸. На следующий день Кузмин записал в дневнике: «Газеты сплошь о наводнении. Л<ев> Льв<ович Раков> попал в поток и заночевал у Кршижановских. Введенский тоже. Вообще на улицах было впечатление и катастрофы, и переворота...»³⁹.

Приводимые здесь выдержки из этих дневников, в первую очередь, приоткрывают бытовую сторону литературной жизни в эпоху «промежутка», как обозначил этот перелом в эволюции русской литературы Юрий Тынянов. И здесь нам особенно важен отчасти насмешливый, отчасти сочувствующий ракурс Кузмина, когда перед его глазами проходят не только Хармс и Введенский, но также близкие им поэты и художники — те, кто, вопреки всем неблагоприятным внешним обстоятельствам, создавал ленинградскую культуру 1920–1930-х годов.

³⁸ Ср.: «Можно уточнить датировку стихотворения: май 1926 года (см. примечание к стихотворению “в репей закутанная лошадь...”; запись <Хармса на обороте листа>: “Написать: Пророка. <2 мая. День>”)» [55, т. 1, с. 172].

³⁹ РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 454.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Из дневников М. Кузмина, 1924–1931

1924 год ¹*16 марта (воскресенье).* (69)²

День скучный и темный. Пошел на собрание, где никого не было, кроме мистика-футуриста Введенского³. Как-то мрачно пришел домой. <...> Вагинов пришел поздно⁴. <...>

29 марта (суббота). (103)

Так же тает. Еще три дня, и все сойдет, но голова не перестает болеть. <...> Был Введенский. Он живой и неглупый мальчик. <...>

18 апреля (пятниц)⁵. (198)

Совсем заленился. <...> Дела мои идут очень плохо. <...> У Кроленко⁶ денег нет. Миклашевский⁷ уезжает совсем за границу. Переезжают к ним Радловы. Дмитриев⁸ бродит перед отъездом. Всё, — уже жить нельзя. Арестовывают студентов. <...> У нас футуристы⁹. <...>

7 мая (среда). (235)

Чудная, прохладная погода. <...> К чаю пришли футуристы и Ауслендер¹⁰. Долго сидел, рассказывая о Сибири, Колчаке и т.п. Вышел пройтись с ним. Денег не прислали. Не знаю, что будем делать.

8 мая (четверг). (237)

Чудная погода. <...> Был<и> Вагинов, О. Н. и Ауслендер. <...>

23 мая (пятница). (264)

<...> Не брился. Теплая, темная погода. Были футуристы. <...>

27 мая (вторник). (270)

<...> Перед тем получил еще неожиданное письмо от Пастернака¹¹. <...> Пастернак печально, но верно пишет об отлетающей жизни.

28 мая (среда). (272)

Погода прелестна, но дела наши швах. <...> Ходил в Союз¹². Купил к чаю, брился. Набрался народ: О. Н., Введенский, Жак, Папаригопуло, Лёвушка, Капитан¹³. <...>

3 июня (вторник). (281)

Дожди. Потом прошли. Холоднее. <...> Живу чудом, жить не чудом в Сов<етской> России не хочу и не могу. <...> Чай пить пришел Введенский.<...>

12 июня (четверг)¹⁴. (295)

С утра темно. Потом чудно. <...> Пришел Введенс<кий>, потом Фролов¹⁵ и О. Н. Читал Введ<енский> отличную вещь. Вышли. Проводил Юр. до «Аквариума», но в кино не пошел. <...>

23 июня (понедельник). (312)

Какой смешной день. Ни гроша. <...> Был Введенский. Юр. сидит раздетый, рисует сотни картинок. <...>

3 июля (четверг). (327)

Вот чудная погода. <...> Были Введенский, Капитан и Папаригопуло. Вчера Лёвушка забеспокоился, что Введенский к нам повадился ходить. Юр. ушел. Капитана только что судили за неплатеж. Играл и читал странички из дневника. Пошли кто куда. <...>

8 июля (вторник). (335)

Всю ночь и все утро шел дождь. <...> Пили чай рано. Пришел Введенский. Его будут судить за продажу револьвера. Потом Вагинов. <...>

26 июля (суббота). (361)

Чудесная погода продолжается. Сделали мне в два счета. Был там Мандельштам с золотым ртом. Купил вина, персиков, слив, салами, варенья, сыру. Рано поели, но отлично. <...> Дома ждал Лившицов¹⁶, а они не пришли; обиделись? Введенский сидел, как подружка. Обрезал очень палец. Юр. пришел не поздно.

7 августа (четверг). (378)

Порыв мой к деятельности ничем не кончился, да, по правде сказать, и не начинался. <...> Был Введенский. Читал посвященную мне вещь¹⁷. Поздно О. Н. пила чай. Бессмысленно гулял, бессмысленно мечтал. Юр. дома долго нет. Дремал. Он был на «Интолеранс»¹⁸. Скучное наше житье. И тревожное, и безнадежное. <...>

9 августа (суббота). (382)

Надежды, ни на чем не основанные. Усердно писал опасные и не нужные вещи о герметичности для «России»¹⁹. Юр. возмущался и ругал

формализм²⁰. <...> Что делать. Введенский еще у нас. Исповедуется. Как экспериментатор. Несколько противно. Хотел завтра везти нас к своим барышням в Сестрорецк. Вышли. <...>

27 августа (среда). (408)

Ясно, как в ноябре. Солнце припекает приятно бок, который болит. Скучаю, сплю и ничего не делаю. <...> Пришли Введенский с товарищем²¹. Юр. высказывал за медом. Опять ушел. Печально гулял. Чудесный вечер, ясный и не слишком холодно. Скучно мне до смерти и страшно. И ленюсь, как последняя бездарь. <...>

29 августа (пятница). (413)

Какой ужасный день. <...> Почему-то шел по Невскому, встретил Мандельштама и Геркена²². Рассказы о Кисловодске, о работах etc. <...> Введенский пришел и Вагинов. Все читали. Правда, у всех есть общее: эпический дух²³. Введенский подстрижен. <...>

30 августа (суббота). (414)

Чудная, ясная погода. Переводил. Введенский немного опоздал. Весело отправились. Юр. покупал чего-то. Я шел по мосту с Введенским, говоря о разных странах. <...>

3 сентября (среда). (423)

Денег нет и работает плохо. Болит голова. Может быть оттого, что пишу почему-то без очков. Все забыли меня. <...> Поехали с О. Н. к Введенскому. Расписанная стена, как у Бриков²⁴. Медицинские книги, цветочки, petitfour'ы, чай, все как следует. Готовился, бедняга. Поперлись в Нар<одный> дом. Я почему-то не хотел идти в кино, о чем потом жалел, так как говорят, что Валентино очень хорош и в моем вкусе²⁵. Мы с Введенским смотрели акробатов, уч<еных> собак, танцы, горн<ый?> иллюзион, женщину без рук, паука, змею и т.п., просто публику. Домой шел пешком. <...>

4 сентября (четверг). (425)

Несколько катастрофично, но не слишком. <...> Дома пришла масса народа. Дмитриев с братом²⁶, Введенский, Липавский, Фролов, ломился еще Иванов, мой товарищ по гимназии²⁷. Оборванный, небритый, в черных очках, что-то написавший во «флюберовских тонах». И совсем уже ни к чему О. Н. Как-то не в тон, как всякая женщина. Все разошлись. Остались братья. Я всё играл Дебюсси. Дмитриев впадает в лирику, говор<ит>, что я — единственный не свихнувшийся от большевиков. <...>

8 сентября (понедельник). (431)

<...> Насилу выскреб грош<и> купить чая и к чаю. У нас Введенский и мрачный Липавский. Читал Ал<ександр> Ив<анович>. Юр. ушел. Я встретил днем О. Н. с Аней Гумилевой²⁸, будто времена Дома литер<аторов>. Видел еще Скалдина²⁹, из той же оперы. Бестактен, как бог, но видел Пастернака у Мандельштама. Тоже нашел компанию. Впрочем, национальность обязывает.

10 сентября (среда). (433)

Ветер, дождь. Переводил. Вдруг придумал снова обратиться в Союз. Ходил после обеда. <...> Введенский сидел, пил чай. Он славный мальчик и очень талантливый. <...>

12 сентября (пятница). (435)

Сидел дома. Дождь. Вышел поздновато. Мандельштам Осип пытался разводить панику, что денег нет. Оказалось вздором. Купил меду и варенья у Лора³⁰. Нашла масса народа. Кузнецов Кокоша³¹, как с того света, Введенский с Липавским, О. Н. и наконец поздно Л<ев> Льв<ович>. <...> О. Н. и Введенский мечтательно что-то горготали <sic!> на диване. Я — с Лёв<ушкой> у окна. Ему хотелось даже, чтобы я не играл, а говорил с ним. Потом сажился на диван, попросил прочесть, что пишет Введенский, и мамаша слушала мирно. С деньгами вообще настанёт мир. <...>

16 сентября (вторник). (441)

Так же тепло. <...> В Госиздате задержали меня до 4 ½ часов. Видел вдову Блока³², Мандельштама, Лившица. Разболелась голова. <...> Радуюсь, но усталый — домой. <...> А у нас сидели уже Введенский и Липавский. Потом и О. Н. После чая отправились в кино, пригласили и Введенского. Америк<анский>, с Присциллой. Романтично, немецкое влияние. Китайские кварталы, кража на балу, побег³³. <...>

24 сентября (среда). (454)

Чудная, теплая погода. Бегают за водой на реку, осматривают разрушения, в садах оно огромно, на Фонтанке сушат постели, ковры и мягкую мебель. Кажется, весь город на улице. <...> Газеты сплошь о наводнении. Л<ев> Льв<ович> попал в поток и заночевал у Кршижановских³⁴. Введенский тоже. Вообще на улицах было впечатление и катастрофы, и переворота. Власть впала в панику: особое положение, патрули, открытые до 12 ч. лавки и т.п. <...> Но трамы шли. За чаем был Введенский, Раков и О. Н. Лев Львов<ич> очень домашен и хозяйствен, но мил не слишком. Юр., О. Н. и Введенский отправились в «Великан», мы остались сидеть. Приперся Бе-

нед<икт> Лившиц. Почтенно сидел, отгласил на завтра, пригласил Л<ьва> Львовича. Вышли все вместе. Тепло, темно и тихо. Купили бутылочку и сыру. <...> Потом пришел и Юр. Кинематографа не было, и они просидели у Введенского с Тamarой³⁵ вчетвером. Вот так.

3 октября (пятница). (467)

Чудесная теплая погода. Что Италия переехала к нам. Ходил в «Красную»³⁶. Видел разных людей. Был у нас Введ<енский> с Липавским. Юр. с О. Н. что-то повздорил, не ходит, и она не заглядывает, но это, конечно, пустяки. Пошли. Еле перебрались по развороченной мостовой. Сыро, даже стулья мокрые. <...>

4 октября (суббота). (468)

До пяти был в Госиздате и денег не получил. Билетов тоже. <...> Погода чудеснейшая, но шел я сам не свой. <...> Что делать, что делать? со всех сторон туга. А главное — в себе, в себе, в себе. Юр. и Введ<енский> пошли в Союз писателей. <...>

16 октября (четверг). (484)

Писал. <...> Юр. оставил записку. Пошли с О. Н. и Введенским в «Великан»³⁷. Пришел голодный. Что-то начинается. <...>

22 октября (среда). (491)

До обеда не выходил. Погода ничего, хотя чуть-чуть холодновато. Юр. пошел к О. Н., я в «Academy» <...>. Еще просил Юр. зайти к Кроленке. О. Н. поехала к матери Введенского³⁸, вероятно, насчет аборта. У Юр. было бы уже 3 детей, не считая его ранней юности. <...>

29 октября (среда). (504)

Что было. Вышел рано. В Муз<ыкальной> Ком<едии> Орлова. Сидел с Утесовым и Фореггером. Говорил с Ксендзовским³⁹. <...> Немного объяснялись. Утром вызов на репетицию в Мих<айловский> театр. И вдруг Шифманович⁴⁰ зовет вниз. Я перепугался, думая, что по дому. Оказывается, вернулся из Берлина и Блохи⁴¹ сообщают всё о тех же несчастных 25 ф<ранках>, что посланы с Ионовым. Удивительный народ: евреи, женщины и актеры. Из каждого шага делают всенародное событие, из-за рубля всех поднимают на ноги. Беспокойная нация. Сообшил, что издает меня Ульштейн⁴², тираж огромный, «плохого не издаст». Что у меня много «единомышленников» и т.д.<...> Чай пили Введенский и Вагинов. <...>

10 ноября (понедельник). (517)

Болит смертельно голова. Целый день. Еле дошел до Ионова⁴³. Какие-то уроды, выродки, шарлатаны и бездарности там болтаются. Светит солнце. Ионов крайне нелюбезен, тем более, что сегодня в интервью он сообщил, что русские заграничные издания никогда в Россию не пропустятся⁴⁴. <...> Еле шел. Пообедал и лег. Ужасно болит голова. <...> Пришла О. Н., Введенский и Скалдин. Вяч. Ив<анов> пишет из Рима. Там ждут до 2 мил<лионов> паломников в <19>25 году. Рим расширяется. <...>

12 ноября (среда). (519)

Ходил в Госиздат, но Ионов ничего мне не оставил. <...> Введенский с О. Н. оставались у нас <...>. Введенский всю компанию звал 6 декабря. От Лежнева принесли денег. <...>

21 ноября (пятница). (4)⁴⁵

С утра денег не было, но ничего. <...> Пришли Л<ев> Льв<ович>, О. Н., Введенский, потом Ан<на> Дм<итриевна>, Вл<адимир> Вл<адимирович>, Митрохин, Корнилий и Папаригопуло⁴⁶. Хорошо было, хотя Л<ев> Льв<ович> был крайне нелюбезен и держался все Введенского. Ан<на> Дм<итриевна> ориентировалась кое-как, хотя Льва Льв<овича> и не звала при прощании. Она обстриглась, что ей не очень идет. Читал я, Юр. и Введенс<кий>. <...> Наконец все кто-куда разошлись. <...>

1925 год

14 января (среда). (43 об.)

<...> Введенский читал. Будто речи с того света. <...>

17 января (суббота). (47)

<...> Пошли к Лившицам⁴⁷. Одна она. Рассказывала о белых в Киеве. Приехал Бен <Лившиц>, Мандель<штам>, жена <Н. Мандельштам>⁴⁸, Клюев и Пав<ел> Ник<олаевич> <Лукницкий>, специалист по Гумилёву. <...>

18 января (воскресенье). (47 об.)

<...> Был Введенский, удручен тем, что провалился в Союзе поэтов⁴⁹. <...>

24 января (суббота). (53)

<...> Мандельшт<ам> удивляется моей ярости по отношению к большевикам. <...>

13 февраля (пятница). (70)

<...> Весело пили чай с Введенским. Потом Лёв<ушка> и Юр. ушли, я почитал Введ<енскому> дневник. <...>

18 февраля (среда). (75 об.)

<...> Идут аресты лицеистов⁵⁰. <...>

20 февраля (пятница). (76 об.)

<...> Введенский принес Гольдшмита⁵¹. Да, утром заходил к Мандельштамам⁵². Аресты чуть ли не начались с Блока, брат которого близок к Кириллу Влад<имировичу>⁵³. <...>

26 февраля (четверг). (82)

<...> Я читал Введ<енскому> дневник и много беседовали о друзьях, знакомых, любви и т. п. Вышел с ним. <...>

13 апреля (понедельник). (117 об.)

<...> Пришел Гумильвёнок⁵⁴. Потом Введенский и Лип<авский>. <...>

5 мая (вторник). (133)

<...> Введенский почитал, Лившиц торжественно и серьезно разбирался. Потом читал я, потом закусили с вином. <...>

14 мая (четверг). (139 об.)

<...> Вдруг являются Клюев и Мансуров⁵⁵. Клюев ханжил <sic!>, подкапывался к Лёв<ушке>. <...>

12 июня (пятница). (161 об.)

<...> Терентьев⁵⁶ чего-то дурил голову. <...>

3 июля (пятница). (180)

<...> Введенский рассказывает о брожении умов насчет гомосексуализма. И т.п. Вечер сидели дома. <...>

31 июля (пятница). (204–204 об.)

<...> Пришли к Ельш<ину>⁵⁷. Там О. Н. и Асеев⁵⁸. Выпили вместе. Он позвал к Введенс<кому>. В Союзе <поэтов> читал ЛАПП⁵⁹. <...> Сегодня ругают книгу Черемшановой. Да и меня заодно⁶⁰. Было почти весело, хотя Введ<енский> и Юр<ий> Ив<анович> Юркун> сбежали от нас в пивнушку. Введ<енский> напился. Я всё думал, что он полезет к О<льге> А<лександровне> Черемшановой, но ничего, кажется, страшного не произошло.

7 августа (пятница). (210 об.)

<...> Пришел вдруг Скалдин. Толст и благополучен. У него вид, будто он ошастливил посещением, как крестный. Рано они ушли. Пришел Введенский и мир<н>о говорил. <...>

13 августа (четверг). (215)

<...> Явился Введ<енский> в панике от того, что проиграл все деньги, а я ему должен. <...>

24 августа (понедельник). (224)

<...> Введенский читал стихи, которые нам не очень понравились. <...>

10 октября (суббота)⁶¹. (264 об.)

<...> Потом к Ан<не> Дм<итриевне Радловой>. Блохи⁶² ничего не прислали, уверяя, что я получил даже по несколько раз, а немцы затягивают. Что-то неприятное всё-таки вкралось от ее рассказов о знакомых: о подлости Адамовича, славы Ходасевича; коварства Ремизова⁶³, официальности Блохов, общего равнодушия. Но что же немцы и Гюнтер?⁶⁴ Читала описание путешествия, в роде «опавших листьев». Очень по-дамски, но ничего. <...>

14 ноября (суббота). (297 об.–298)

<...> Введенский со своими конструктивистами был у Клюева. Кажется, огорчен, что Черный⁶⁵ тому больше понравился, чем он. <...>⁶⁶

1 декабря (вторник). (314 об.)

<...> Сидел у меня Введенский. Собирается к нам кто-то. Черный, Хармс. Не прочно это, думается⁶⁷. <...>

4 декабря (пятница). (316 об.)

<...> Привел Введенский Черного⁶⁸. Краснощекий москвич. Так чудит, что ничего не поймешь. <...>

5 декабря (суббота). (317 об.)

<...> У А.И. <Введенского> был Хармс. Похож на эстонца или даже на эстонку, имеет рост дылды (?) и не ужасные стихи. Все читали. Выходила и мать⁶⁹. Очень мила. Хозяин ужасно напился и ходил с Хармсом всё тошниться. Все залегли там. Я на одном диване с Хармсом, причем О. Н. беспокоилась, не произошло ли чего у нас. <...>

7 декабря (понедельник). (2 об.)⁷⁰

<...> Пришел Введ<енский> с Хармсом. <...>⁷¹

1926 год

20 января (среда). (25 об.)

<...> После чая уже является Хармс⁷² с Марселем⁷³. Марсел<ь → румяный мальчик, плохо говорящий по-русски, и ничего не соображающий. Впрочем, с музыканта чего же спрашивать. <...>

2 февраля (вторник). (35)

<...> К чаю было много народа. Л<ев> Льв<ович>, Введенский с Хармсом, О. Н. Беспокойство какое-то. «Чинари»⁷⁴ нашли на себя разноцветных тряпочек и пуговиц. <...>

10 февраля (среда). (41 об.)

<...> Пришли Введенский с Хармсом, они отошли как-то. <...>⁷⁵

14 февраля (воскресенье). (46 об.)

<...>Вагинов показывал присланную ему рецензию о нем Адамовича⁷⁶. Дурацкий Гумилёвский тон.

26 февраля (пятница). (52 об.)

<...> Читал Введенский хорошие вещи. <...>

1 марта (понедельник). (57)

<...> Дома у меня Л<ев> Льв<ович>, Введенский и Нельдихен⁷⁷. Забавные похабности про Клюева. <...>

13 марта (суббота). (66 об.)

<...> Сидели Введенский и Хармс. Звонил Петников перед отъездом⁷⁸, чтобы «слышать мой голос».

19 марта (пятница). (70 об.)

<...> Пошел в Союз <поэтов>, догнали меня Введенский с Хармсом, проводили⁷⁹. <...>

26 марта (пятница). (74 об.)

<...> Сидели Введенский с Хармсом. Гоношатся понемногу. <...>⁸⁰

28 марта (воскресенье). (75 об.–76)

<...> Пришли Мандельштам и Лившиц⁸¹. Очень был рад последнему, тем более, что он сообщил приятные вещи об америк<анском> альманахе⁸², о предполагаемой Собаке⁸³, об Узле⁸⁴ и т. п. Неужели это ростки жизни? <...>

3 мая (понедельник). (104)

<...> Встр<етил> Мансурова, он вернулся к нам. Клюеву делали «аборт», выскоблива<ли> геморройные шишки. <...> Вышли книги «Узла», вроде немецких⁸⁵.

7 мая (пятница)⁸⁶. (106 об.)

<...> К чаю пришли Хармс, Введенский, Лёв<ушка> и Ивнев⁸⁷. <...>

12 мая (среда). (110 об.)

<...> У нас сидел Введенский, рассказывал о покушении на него Русинова⁸⁸. <...>

26 мая (среда). (119 об.)

<...> Нашло масса народа на пустой чай. Не только Марков, оказавшийся ужасным гнусовцем каким-то⁸⁹, Лев Льв<ович> и О. Н., но и Введенский и даже Хармс в белых подштаниках⁹⁰. <...>

10 июня (четверг). (133 об.)

<...> Пастернак на книге мне написал целую литературу⁹¹. <...>

25 июля (воскресенье). (169 об.)

<...> Был Введенский, брат его *травился*, положительный человек. Водятся потихоньку с Хармсом, Вагиновым, пробивают себе дорогу. <...>

20 августа (пятница)⁹². (189)

<...> Звонил Хармс. <...>

9 октября (суббота)⁹³. (226)

<...> Введенский привел Заболоцкого⁹⁴. С виду не очень талантлив и есть педагогич<еская> важность, от молодости, вероятно⁹⁵. <...>

15 октября (пятница)⁹⁶. (230)

<...> Не могу сказать, чтобы не было планов и желаний, но они в каком-то утробном состоянии, вроде вещей Введенского. <...> Был Введенский, читал очень хорошие вещи. <...>

16 октября (суббота)⁹⁷. (231)

<...> Потом Вагинов читал свой роман. Интересно⁹⁸. <...>

24 октября (воскресенье)⁹⁹. (236 об.)

<...> Введ<енский>, Хармс и Лев Льв<ович>. Они колыхаются понемногу, но, кажется, им скучно. Введенский сегодня выиграл в клубе. <...>

4 декабря (суббота)¹⁰⁰. (6 об.)¹⁰¹

<...> Были Клюев, Хармс, О. Н. и Лев Льв<ович>¹⁰². Сначала чинно: сидели мать с сестрою. Читали стихи, болтали (?), потом сплавили их. Мальчики безобразили. Клюев лез на Хармса и Лёв<ушка>. Долго тошнились и орали (?). Потом Клюев опочил, Юр. и Хармс залегли, а я, Лёв<ушка> и Введенский дулись в карты до первого трамвая. Вышли часов в семь. Светло. <...>

14 декабря (вторник)¹⁰³. (10)

<...> Пришел Мандельштам и Введенский с Хармсом и собакой¹⁰⁴. <...>

1927 год

11 января (вторник)¹⁰⁵. (22)

<...> Пришел Лихачев¹⁰⁶ с «метафизическими поэтами»¹⁰⁷. <...>

24 января (понедельник)¹⁰⁸. (26 об.)

<...> Пришли Хармс¹⁰⁹ с Введенским¹¹⁰. <...>

3 февраля (четверг). (26 об.)

<...> Вечером зашла О. Н. и пошли к Лившицам. Там Клюев. Он всё-таки заветный и уютный человек. <...>

5 февраля (суббота). (31)

<...> Днем Введенский с Хармсом, звать сегодня на вечер¹¹¹. <...> В Академии был скандал с Осипом Мандельштамом¹¹².

7 февраля (вторник). (31 об.)

<...> Приходил Хармс переписывать стихи для альманаха¹¹³. Рассказывал о вечере, не особенно интересно¹¹⁴. <...>

16 мая (понедельник)¹¹⁵. (75)

<...> Пришли О. Н., Лев Льв<вович>, Введ<енский> и Хармс. Хармс читал всё-таки мертвечину какую-то¹¹⁶. <...>

9 июля (суббота). (99 об.)

<...> Пришли Введенский с Хармсом¹¹⁷. Они как-то всё одно и то же рассказывают, и похождения их однообразны. <...>

11 августа (четверг). (115 об.)

<...> К чаю пришли Русинов, Введенский и Хармс. Играли. Читали. Хармс так же физически крепок (?)¹¹⁸.

1928 год

15 ноября (четверг)¹¹⁹. (29)¹²⁰

<...> Прибыл Введенский и Папаригопуло. Будто по-старому. Введ<енский> читал превосходную штуку. <...>

21 ноября (среда). (42–43)

<...> Введенский читал новую вещь, кажется, очень понравилась¹²¹. Даже Ан<на> Д<митриевна> на всякий случай привезла свой красный альбомчик. <...>

1929 год

13 января (воскресенье). (140)

<...> Приходила Радкевич¹²², а потом утешительный Егунов, оставивший мне совсем хорошие и увлекательные рассказы¹²³. Захотелось с ним подружиться. Нужно это сделать. <...>

16 января (среда). (144)

Ужасный мороз. Забежал в «Академию» просто погреться. Потом в Госиздат. Я-то договор подписал, но ни Адриан <Пиотровский>, ни начальство. Наверху лирический Маршак¹²⁴, Липавс<кий>, Заболоцкий¹²⁵. <...>

25 января (пятница)¹²⁶. (158)

<...> К чаю набежало страшно много народа. Введен<ский>, Хармс, Л<ев> Льв<ович>, О. Н. и Голлербах¹²⁷. <...> Но было как-то нескладно. Абереуты <sic!> ушли. Л<ев> Льв<ович> остался на ужин и был очень доволен. Говорит, что что-то хочет сказать мне, чтобы я любил его. <...>

3 апреля (среда). (264)

<...> Кажется, утром был Сторицын с какими-то оскорбительными глупостями насчет Заболоцкого и Хармса¹²⁸. Да и Багриц<кий —> свинья морская, если это не штуки П<етра> И<льича>¹²⁹.

4 мая (суббота). (301)

<...> Каталог и приглашение на выставку Мансурова в Риме¹³⁰. <...> После чая вышел побриться. Идет компания. Введ<енский>, Хармс, Маршак¹³¹. Поговорил с ними хорошо. <...>

2 июня (воскресенье). (362)

<...> Прибегал с каким-то сумбуром Хармс¹³². <...> А у нас записка от Лили Брик. Зовет завтра обедать. Но остановилась где-то в частной квартире во дворе. <...>

3 июня (понедельник). (363–364)

Являлся бессовестный Сторицын. <...> Юр. согласился пойти к Лиле Юл<ьевне><sic!> и даже просил подождать его. <...> Юр. меня долго задержал. Это на углу Кировной, боюсь, не родственники ли жены Введенского. Рита Райт¹³³. Л<илия> Ю<рьевна>, конечно, постарела, но мила бесконечно. К ней не очень идет прическа без прямого пробора и новая более светлая окраска волос. <...> Разделение <гостей> всё острее чувствовалось. Особенно, когда явился Клюев с очередным отроком. Была Ермолаева, сестры Эндер и еще какой-то художник¹³⁴. Ужинали хорошо. <...> Потом Клюев читал до второго часа замечательную «Погорельщину»¹³⁵ и читал мастерски. Очень хорошо.

5 июня (среда). (367)

Солнце, но ветрено. Вышел я в Изд<ательство>. Деньги они получили, но мне выдадут в субботу. Кое-кому дают и сегодня, давали и вчера. Бузил там Заболоцкий, болтался Коля Чуковский¹³⁶. Немного дали и теперь. Купил разных вещей. <...>

1931 год ¹³⁷

16 сентября (среда)¹³⁸. (171)

<...> О. Н. осталась дожидаться Введенского. Тот похудел, сам разболтал о своих похождениях. И ему хотелось разболтать об [аресте] обыске. Мрачные вести о Госиздате¹³⁹.<...>

21 сентября (понедельник). (172–173)

<...> За Сережей <Радловым> ходила О. Н. с Введенским. <...>

27 сентября (воскресенье). (174–175)

<...> Да, видел Адриана <Пиотровского>. Маршак ему говорил уже, что мне не нравится его «Илиада»; был как-будто задушевен, почтителен и ласков, но ведь он очень фальшивый человек, а, м<ожет> б<ыть>, это манеры детского отдела¹⁴⁰ на него перескочили. <...>

10 октября (суббота). (177)

<...> Видел Введенского в каком-то черном легком балахоне. Говорит, идет к доктору, лечится от нервного расстройства. М<ожет>

б<ыть>, история с Тамарой¹⁴¹. Несмотря на изначальный цинизм, циники в отнош<ении> чувств часто более чувствительны, чем блюстители нравственности, которые не «прощают» без всякой муки, по недостатку просто чувств. Вообще, «не прощать» чего-нибудь (кроме убийства) очень плохая рекомендация, особенно если дело может походить на оскорбленное самолюбие. <...>

29 октября (четверг). (180)

<...> Здоровье мое плохо очень. А я еще отправился к Вагинову. Там мирно, уютно, но холодно. Костя читал. Потом был какой-то разговор. <...>

23 декабря (среда). 24 декабря (четверг). (192)

Никуда не выходил и никто у меня не был — вот что меня удручает. <...> Оказывается, Хармс, Калашников, Андроников и Бакшнев <т.е. Игорь Бахтерев> арестованы¹⁴². Введен<ский> не подвергся тем, что уехал. Тамара <Мейер> затем и приезжала к О<льге> Н<иколаевне>, чтобы предупредить ее. Никто даже не звонит. <...>

Примечания

¹ Разночтения в написании Кузминым дней недели унифицированы. В соответствии с предшествующими публикациями его дневников сохранены повторяющиеся обозначения: *Юр.* — Юрий Юркун; *О. Н.* — Ольга Гильдебрандт-Арбенина; *Лев Львович / Лёвушка* — Лев Раков.

² Здесь и далее следуют записи из «XIV тетрадки» дневника (РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 62; листы указываются в скобках).

³ Сам поэт, отвечая на вопрос «К какому направлению в поэзии себя причисляете» в «Анкетe для членов Всероссийского Союза поэтов», которую заполнил 6 мая 1924 г., обозначил «Футуризм» (см. публикацию Вл. Эря в приложении к нашей работе: [61, S. 223]).

⁴ Днем раньше Вагинов одним из первых заполнил анкету для вступления в Союз поэтов, в том числе указав свой полный адрес (Екатерининский канал д. 105, кв. 15), который и сам по себе и с окружающим петроградским локусом служил сюжетом его стихотворений, например, «Живу отшельником живу — Екатеринбургский канал, 105 / За окнами растет ромашка, клевер дикий...» (Записки Передвижного театра П.П. Гайдебурова и Н.Ф. Скарской. 1923. № 60. С. 3). Вагинов включил это стихотворение в переработанном виде в книгу «Петербургские ночи», которую он указывает в анкете как «сборник, готовый к печати» (см. публикацию Вл. Эря в приложении к нашей работе: [61, S. 220–221]).

⁵ Именно в эти дни происходит учреждение Ленинградского отделения Всероссийского Союза поэтов. 23 апреля 1925 г. Павел Лукницкий отметил годовщину его создания в своей «Acumian'e»:

В помещении Союза писателей на Фонтанке, 50 от 6 до 12 ½ час<ов> ночи было общее годичное собрание Союза поэтов. Отчет правления, выборы нового правления. Всего в Союзе около 100 человек. В. Рождественский сидит со списком и отмечает тех, кого нечего ждать на собрании — «безнадежных» членов его: Сологуба, Ахматову, Кузмина, Клюева... О. Мандельштам — даже не состоит членом Союза.

Собрание шумное, более 40 человек. Балаганщины много, И. Садофьев председательствует и делает с собранием всё, что хочет (умеет вести собрания). Выбраны в правление: председ<атель> — Садофьев; товарищи председ<ателя> — <А.> Крайский и Н. Тихонов; секретари: 1-й — М. Фроман, 2-й — <М.> Шкапская; члены — Е. Полонская, <В.> Саянов, <Г.> Фиш; кандидаты: И. Оксёнов, <П.> Васильев, <И. Афанасьев->Соловьёв (2 последних — «аповцы») и еще кто-то.

В приёмочной комиссии — Н. Тихонов, <А.> Крайский, К. Вагинов (о нем сильно спорили, потому что по «тактическим соображениям» его хотели сделать не членом, а кандидатом) и другие [28, с. 155].

Как известно, Осип Мандельштам подал заявление о приеме в Союз поэтов только 24 января 1927 г. и был 28 января «принят в действ<ительные> члены» [26, с. 293].

⁶ Александр Кроленко — директор издательство «Academia».

⁷ Режиссер и театровед Константин Миклашевский эмигрировал в 1924 году.

⁸ Театральный художник Владимир Дмитриев — частый гость Кузмина, участник группы «эмоционалистов».

⁹ Имеются в виду Введенский со-товарищи. Поскольку Леонид Липавский и Владимир Алексеев вряд ли подходят под определение «футуристы», осторожно предположу, что Введенского к Кузмину сопровождал настоящий «футурист» Игорь Терентьев, под руководством которого он работал в фонологическом отделении ленинградского ГИНХУКа (Государственного института художественной культуры). См. в обзоре Г. Крыжицкого:

Футуризм не нуждается ни в «Домах Искусства», ни в «Домах Пролетарской Культуры»; не нуждается он и в политике Наркомпроса, — ибо не боится никаких Нэп'ов. Он уже сейчас прозревает коммунистический строй; и живет там, впереди, в будущем; и творит свое свободное искусство. — Какое ему дело до настоящего!

— «Без отношения в каменном мире, полет без смысла, и это хорошо».

— «Первое солнце ударило под нашими письменными столами, второе и пятнадцатое — над ковром и Атлантическим океаном. Об остальных неизвестно. Узнай только».

— Здесь больше революционного пафоса, чем в тысячах пишущих сейчас произведениях, вместе взятых, изображающих (читай: фотографирующих) революционный быт.

— «Слушая гортанный шопот собак, учись слушать потолок, лампочка».

— Это уже «там», где восприятие мира переродилось, где основной принцип композиции — «игра» или — использование всех видов ассоциаций (цитированное выше, взято из произведений футуриста — Александра Введенского).

(К<рыжицкий> Г. Футуризм // Жизнь искусства. 1923. № 27 (901). 10 июля. С. 15).

¹⁰ Прозаик Сергей Ауслендер, племянник Кузмина, приехал навестить своего дядю. После возвращения в Москву из Сибири, где он служил пресс-секретарем у адмирала Колчака, он переквалифицировался в автора книг для юношества.

¹¹ Это письмо Пастернака к Кузмину не сохранилось.

¹² Так Кузмин обозначает «Союз музыкальных и драматических писателей», в случае других «союзных» организаций он обычно (за одним исключением, ср. запись 19 марта 1926 г.) использует их полные наименования, например, «Союз писателей» или «Союз поэтов».

¹³ Также названы сотрудник Петроградского ТЕО Яков Израилевич, участник группы «эмоционалистов» Борис Папаригопуло и художник Владимир Милашевский, он же «Капитан».

¹⁴ Этим днем помечено (предположительно, поскольку не подлежит подтверждению) «первое известное нам произведение Хармса — стихотворение “Медная...” (“медный таз ударю лапой...”»)» [56, с. 419]. А. Александров указал, что он публикует стихотворение по (весьма сомнительному) «списку, находившемуся у Б.Ф. Семенова — художника, иллюстратора произведений Д. Хармса, автора воспоминаний о нем» [5, с. 158]. Семёнов познакомился с Хармсом не раньше 1939 года. Первым из дошедших до нас стихотворений Хармса следует считать зачеркнутое двустишие:

Я, так сказать,
готов заржать [54, кн. 1, с. 15].

¹⁵ О поэте Александре Фролове, участнике группы «Кольцо поэтов имени К.М. Фофанова», который вскоре эмигрировал, см.: [24, с. 212]. См. приводимую там же запись Кузмина 22 ноября 1924 г.: «Фролов. Они, оказывается, хотят бежать с матерью. Если не сочиняет. Разволновал меня. Будто 20-й год. Серьезная, конспиративная, настоящая жизнь».

¹⁶ Имеются в виду Екатерина и Бенедикт Лившицы.

¹⁷ «Вещь» Введенского не сохранилась, тем не менее, нельзя не отметить, как Кузмин следует терминологии «чинарей».

¹⁸ Знаменитая эпическая картина Д.У. Гриффита «Нетерпимость» (1916), шедевр немого кино. См. в воспоминаниях О. Гильдебрандт-Арбениной о Кузмине: «Кино он любил — особенно немецкий экспрессионизм. <...> Нравился режиссер Гриффитс (“Интолеранс”))» [24, с. 150].

¹⁹ Журнал, выходивший под редакцией Исаия Лежнева.

²⁰ Трудно предположить, чем именно была вызвана реакция Юркуна. *Tur de forcs* русского формализма — статья Юрия Тынянова «Промежуток», по его определению, «о современной поэзии», появилась только в декабре 1924 г. в № 4 журнала «Русский современник»; см.: [46, с. 471–472].

²¹ Введенского сопровождал Леонид Липавский.

²² Кузмин написал предисловие к поэтической книге Евгения Геркена «Башня» (Л., 1926).

²³ От альманаха «Эпопея», четыре выпуска которого вышли в берлинском издательстве «Геликон» в 1922–1923 гг. под редакцией Андрея Белого.

²⁴ Имеется в виду квартира Лили и Осипа Брикков.

²⁵ Этим вечером в кинотеатре «Великан», открытом в 1924 г. в бывшем Оперном зале «Государственного Народного Дома имени К. Либкнехта и Р. Люксембург» (Парк Ленина, д. 4), шла «Гранд<иозная> увлекательная драма в 8-ми актах по роману Бласко Ибаньеса “КРОВЬ и ПЕСОК”. Постановка Фред Нибло. В главн<ой> роли Рудольф Валентино» (Жизнь искусства. 1924. № 26. 2 сент. С. <26>).

²⁶ Владимир и Лев Дмитриевы.

²⁷ Как любезно сообщил мне А. Соболев с указанием на «Памятную книжку Санкт-Петербургской восьмой гимназии, преобразованной из V прогимназии: 1874 — XXV — 1899» (СПб., 1900), речь идет об Александре Георгиевиче Иванове (1873–?).

²⁸ Анна Энгельгардт, вдова Николая Гумилёва.

²⁹ Прозаик Алексей Скалдин был близок обэриутам на рубеже 1930-х годов.

³⁰ То есть в кондитерской Рихарда Лора.

³¹ Художник Николай Кузнецов.

³² Актриса Любовь Блок (Менделеева).

³³ Речь идет о фильме Тода Браунинга «Дрейфуя» (“Drifting”, 1923) с Присциллой Дин в главной роли. Кузмин отмечает влияние на картину экспрессионистского кино Германии. См. замечательную статью: [38].

³⁴ Художники-графики Евгений Кршижановский и его сестра Елена («Люля»), впоследствии ставшая детской писательницей; см.: [24, с. 196].

³⁵ Тамара Мейер, жена Введенского до 1931 г. В 1932 г. вышла замуж за Л. Липавского.

³⁶ То есть в редакцию ленинградской «Красной газеты».

³⁷ Как сообщала афиша, с 14-го по 19-е октября в кинотеатре «Великан» шел «Исключительный американский фильм в 7 ч<астях> ДОЧЬ МОНТЕЦУМЫ. В главной роли **Джеральдина Фаррар**. Картина демонстрируется в сопровождении симфонического оркестра под управлением *Э.Е. Беллинга*» (Жизнь искусства. 1924. № 42. 14 октября. С. <28>).

³⁸ Евгения Ивановна Поволоцкая (1872–1935) — известный в Ленинграде 1920–1930-х врач-гинеколог.

³⁹ Названы актеры Театра Музыкальной комедии Изабелла Орлова и ее муж Михаил Ксендзовский, актер и певец Леонид Утесов (Лазарь Вайсбейн) и режиссер и балетмейстер Николай Фореггер (Фореггер фон Грейфентурн).

⁴⁰ Сосед Кузмина по дому Евгений Шифманович.

⁴¹ В данном случае имеются в виду основатели издательства «Petropolis» Яков Блох и Абрам Каган, которые на рубеже 1922–1923 гг. выпустили в Берлине поэтическую книгу Кузмина «Параболы».

⁴² То есть «Ullstein Verlag» — одно из ведущих германских издательств, основанное в 1877 г. Леопольдом Ульштайном и существующее до сих пор.

⁴³ Илья Ионов (Бернштейн) — в эти годы директор Ленинградского отделения Госиздата. Благодаря его интригам и при его непосредственном участии 16 декабря 1924 г. было закрыто основанное М. Горьким издательство «Всемирная литература»; см.: [18].

⁴⁴ Очевидно, Кузмин интересовался судьбой своих заграничных изданий, в первую очередь, сборника «Параболы», выпущенных «Petropolis»'ом.

⁴⁵ Здесь и далее следуют записи из «XV тетрадки (1924 Ноябрь — 1925 Декабрь)» дневника (РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 63).

⁴⁶ Кроме уже указанных выше («Владимир Владимирович» — это Дмитриев), названы поэтесса и переводчица Анна Радлова (урожд. Дармолатова), художник-график Дмитрий Митрохин, а также инженер Корнилий Покровский, которому Кузмин посвятил цикл «Лазарь» (1928).

⁴⁷ Е. и Б. Лившицы жили в б. доме Веригина в квартире переводчика Давида Выгодского (см. в письме Лившица к Давиду Бурлюку 26 января 1925 г.: «Мой адрес: Бенедикту Константиновичу Лившицу / Моховая 9, кв. 1. Ленинград, СССР» [40, с. 191]; любезно сообщено мне Денисом Ахапкиным). 14 февраля 1938 г. Выгодский был арестован по «Делу Лившица и Заболоцкого» или «Делу ленинградских писателей» и 23 июля 1940 г. был приговорен к 5 годам ГУЛага. Как писал Н. Заболоцкий в «Истории моего заключения», «Дав<ида> Ис<аевича> Выгодского, честнейшего человека, талантливого писателя, старика, следовательно таскал за бороду и плевал ему в лицо» [17, с. 325]. Выгодский умер в лагере 27 июля 1943 г.

⁴⁸ Впоследствии она желчно вспоминала этот и другие визиты к Лившицам: «Так начиналась петербургская идиллия с хождением к Горлину, изредка в гости к Бенедикту Лившицу, где процветал Кузмин, всех нас презиравший и даже не пытавшийся этого скрывать. Его всегда сопровождал Юркун и по-старомодному жеманная, но миленькая Арбенина» [29, с. 234].

⁴⁹ Введенский был зачислен в члены ЛО ВСП 14 ноября 1924 г. (см. публикацию Вл. Эрля в приложении к нашей работе: [61, С. 223]). Вечером того же дня на союзном вечере, состоявшемся в новом ленинградском «Доме искусств» (пр. 25 Октября, д. 86), выступал А. Туфанов [19, с. 151]. В данном случае «провалился» означало, что Введенский был исключен за неуплату членских взносов.

⁵⁰ То есть выпускников Александровского лицея по сфабрикованному ОГПУ «делу № 194Б», получившему название «Дело лицестов» 1925 года. В ночь на 15 февраля было арестовано больше 150 человек, из них 26 были расстреляны 22 июня. См. подробнее: [41; 44].

⁵¹ Возможно, имеется в виду книга уроженца Перми и «футуриста жизни» Владимира Гольцшмидта «Послания Владимира жизни С ПУТИ К ИСТИНЕ» (Камчатка, Петропавловск: Областная Типография, 1919).

⁵² С июля 1924-го по ноябрь 1925 г. Надежда и Осип Мандельштамы снимали квартиру в дворовом флигеле особняка Е. Вонлярлярского (ул. Герцена, д. 49, кв. 4).

⁵³ Писатель, историк литературы, пушкинист Георгий Блок был одним из учредителей и главным редактором петроградского кооперативного издательства «Время» (1923–1934). В 1924 г. он издал там книгу «Рождение поэта. Повесть о молодости Фета. По неопубликованным материалам» в серии «Труды Пушкинского Дома при Российской Академии наук» (см. рецензию Влад. Княжина: Русский современник. 1924. № 2. С. 299). Блоку не удалось избежать ареста по «Делу лицестов» из-за эмигрировавшего брата, приближенного великого князя Кирилла Владимировича. См. в воспоминаниях его дочери Наталии Магеровской: «Пришли к нам в субботу (14 февраля 1925 г. — А. У.) поздно вечером. Мы еще не спали. Лежали в кроватках после ванны. <...> К нам засовывали руки под матрацы, искали что-то. И папу увели. <...> кое-что из мебели и книг сохранили для нас родные и друзья. Квартиру конфисковали...» [4, с. 310]. После завершения следствия по делу № 31855 и «проведа, по свидетельству дочери, 7 месяцев сначала в общей, а потом в одиночной камере» [4, с. 310], по приговору ОГПУ Блок был выслан на три года на Северный Урал вместе с другими гуманитариями Петром Вейнером, Павлом Рейнботом, Валерианом Чудовским. В справке из архива УФСБ по СПб. и Ленинградской области, полученной по запросу ИРЛИ РАН (2020), содержатся следующие сведения об аресте и осуждении Блока по «Делу лицестов» (сообщил Никита Охотин):

Блок Георгий Петрович, родился 11 марта 1888 г., в Санкт-Петербурге, беспартийный, окончил Императорский Александровский лицей, заведующий научно-издательского отдела комиссии при Российской Академии Наук, проживал в Петрограде по адресу: пр. Володарского, д. 30, кв. 19. <...>

Блок Г.П., с 1921 г. управляющий делами Российской Академии Наук, с 1923 г. заведующий редакцией и член правления кооперативного издательства «Время» в Ленинграде, проживающий в Ленинграде по адресу: пр. Володарского, д. 30, кв. 19, арестован 15 февраля 1925 г. ПП ОГПУ в ЛВО. Обвинялся в совершении преступления пр. ст. 61 и 68 УК (участие в контрреволюционной монархической организации, недонесение о контрреволюционной организации). Постановлением Коллегии ОГПУ от 22 июня 1925 г. Блок Г.П. осужден к ссылке на Урал сроком на 3 года. Ссылку отбывал в г. Соликамске. Постановлением Коллегии от 24 марта 1928 г. по амнистии срок ссылки сокращен на 1/4. Постановлением Коллегии ОГПУ от 16 июля 1928 г. Блоку Г.П. по отбытию срока наказания запрещено проживание в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону, означенных губерниях, округах, и пограничных губерниях сроком на 2 года. Постановлением Коллегии ОГПУ от 29 октября 1928 г. Блоку Г.П. разрешено свободное проживание по СССР. В 1928 г. Блок Г.П. вернулся в Ленинград. Заключением Военного прокурора ЛВО от 16 февраля 1994 г. Постановление Коллегии ОГПУ от 22 июня 1925 г. отменено. Блок Г.П. реабилитирован. (Основание: АУД № П-85538).

⁵⁴ Сын Николая Гумилёва и Анны Ахматовой Лев Гумилёв.

⁵⁵ Поэт Николай Клюев и художник Павел Мансуров, сотрудник ГИНХУКа.

⁵⁶ Театральный режиссер Игорь Терентьев, к тому времени ушедший из ГИНХУКа.

⁵⁷ Инженер Владимир Ельшин, муж поэтессы Ольги Черемшановой (урожд. Чижовой).

⁵⁸ Приехавший из Москвы поэт Николай Асеев. См. о встрече с ним обзорютов на диспуте «о состоянии современной поэзии» в здании ленинградской Капеллы [39, с. 118].

⁵⁹ ЛАПП — Ленинградская ассоциация пролетарских писателей. Хармс выступил на собрании ЛАПП весной 1927 г.: «Читал прошлую пятницу, т.е. 18 марта в Доме Печати на собрании Лапп'а. Прочел мило. Там же встретил Ваньку Приблудного. Он уже давно не пишет стихов. Занялся спортом. Читает он теперь значительно хуже: утерял свою певучесть» [16, с. 535]. В это время в литературном Ленинграде разошлась эпиграмма Бориса Соловьева (1904–1976), записанная в свой альбом поэтессой Марией Шкапской с пометой «Сообщил <Геннадий> Фиш»:

Ах, мама, мама, мама,
У Горбачева — драма —
Печатает он ЛАПП,
А любит Мандельштама
(РГАЛИ. Ф. 2182. Оп. 1. Ед. хр. 141, л. 133).

⁶⁰ Кузмин написал предисловие к единственной вышедшей книге Черемшановой «Склеп. Стихи» (Л., 1925).

⁶¹ Днём раньше, 9 октября, Хармс подал заявление о вступлении в Союз поэтов на очередном «пятничном» собрании.

⁶² См. примеч. 41.

⁶³ Перечисляются эмигрантские литераторы: поэт и критик Георгий Адамович, поэт и пушкинист Владислав Ходасевич, прозаик и мемуарист Алексей Ремизов.

⁶⁴ Очевидно, что книга Кузмина в берлинском издательстве «Ульштайн» (см. примеч. 42), «затянувшим» ее выход, готовилась в переводах его близкого приятеля Йоханнеса фон Гюнтера.

⁶⁵ Поэт-конструктивист Борис Черный (1904–1984) в сентябре 1925 г. стал студентом факультета языкознания и материальной культуры ЛГУ. До этого на протяжении трех лет являлся секретарем Московского Цеха поэтов, как сообщается во вступительной статье Т. Двинятиной и А. Крусанова к их публикации [19, с. 153–154]. См. там же в «Протоколе» оргсобрания группировки «Самовщина» 12 ноября 1925 г.: «Черный: О связи с Всерос<сийским> Цехом Поэтов. В Цехе конструктивисты... <...> Черный — не согласен с названием “Самовщина”. Введенский не согласился. Балагурное собрание» [19, с. 160].

⁶⁶ В ноябре 1925 г. Хармс написал стихотворение «О том как Иван Иванович попросил и что из этого вышло». Это его первый известный беловой автограф с указанием даты сочинения. Стихотворение подписано: «Даниил Заточник (Хармс)».

⁶⁷ Вопреки предположениям Кузмина, в эти недели происходит консолидация сил «Левого Фланга». См. публикацию «протоколов заседаний» этой группировки 3 ноября, 12 ноября, 25 ноября, 9 декабря 1925 г.: [19, с. 158–162].

⁶⁸ На заседании объединения 25 ноября 1925 г. было принято решение «выступать от “Левого фланга”, рекламируя других», и в частности, обсуждалось совместное выступление Введенского и Черного как раз «в Союзе поэтов» [19, с. 160]. В то же время, на основании протоколов можно сделать заключение, что, по крайней мере, на этом этапе Хармс отказался выступать от имени «Левого Фланга». Впрочем, в «Протоколе Заседания Объединения 23 декабря», помимо вынесенного за «неявку Хармса и Введенского 16 дек<абря>» порицания, определено поручение «Введенскому, Хармсу и Черному выработать программу выступлений» группировки [19, с. 162].

⁶⁹ См. примеч. 38.

⁷⁰ Здесь и далее следуют записи из «XVI тетрадки (дек<абрь> 1925 — 1926)» дневника (РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 64).

⁷¹ 22 декабря Хармс написал стихотворение «мехом лисичьим глаз поволоклó...», а 24 декабря, накануне Рождества, Хармс «переехал вместе с родителями на Надеждинскую ул. (с 1936 — ул. Маяковского), 11, кв. 9 (впоследствии — кв. 8; ныне — часть квартиры 58), где проживал до ареста 23 августа 1941 г.» [56, с. 424].

⁷² В январе 1926 г. Хармс занимается «перестройкой» «Левого Фланга», о чем свидетельствует его дневниковая запись:

Заседание С. Т. Р.
Левого фланга
5-го января 1926

Порядок выступл<ений>

1) Введенский, Хармс, Джемла <Вигилианский>, Черный, Туфанов, Марков, <Афанасьев->Соловьев.

2) Соловьев, Марков, Туфанов, Черный, Джемла, Хармс, Введенский. О Богаевском. Мы строим свободную организацию и сами упираемся на старую.

Каргашёва.

Это не верно —
— мы рухнем лениво.

[Вполне основательное лошадиное недоверие.] [16, с. 440–441].

⁷³ Музыкальный исполнитель и композитор Поль Марсель (Павел Русаков), брат Эстер Русаковой. В его личном деле указано: «В 1937 г. жил по ул. Садовой, д. 13/15, кв. 5 с матерью: Русакова Ольга Григорьевна 1876 г. рождения, сестрой: Эстер Русакова 1909 г. рождения. Переехали с ул. Желябова, д. 19, кв. 4 25/1 — 1935 г. и по домовый книге отмечены 28/VIII — 1937 г. по месту назначения высылки. Работал композитором при доме Красной Армии им. С.М. Кирова» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 211. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 3).

⁷⁴ Ср. индексацию Хармса на стихотворениях «Половинки» и «В'юшка смерть»: «Школа чинарэй > Взирь зáуми».

⁷⁵ С самого начала года до середины февраля Хармс активно готовит дополнительную подборку стихотворений для вступления в Союз поэтов: 1 января 1926 г. «писано» стихотворение «Полька затылки (Срыв)» («метит балагур татарин...»); в первую декаду января — «Половинки» («присудили у стогов...»); 14 января — «В'юшка смерть» («ах вы сёни мои сёни...»), с посвящением «Сергею Есенину»; 4 февраля — «Ваньки Встаньки» («волчица шла дорогаю / дорогаю манашенькой...»); 11 февраля — вторая версия «Ванек Встанек» («ты послушай ка карась...»). В эти дни Хармс записывает в блокноте среди других книг к прочтению: «Есенин I и III том. “Березовый ситец”. “Радуница”» [54, кн. 2, с. 163].

⁷⁶ Имеется в виду очередная «Литературная беседа» Г. Адамовича в парижском еженедельнике «Звено» (1926. № 156. 24 января. С. 1–2), где Кузмина мог задеть оценочный тон обобщений этого литературного обозревателя. К тому же, в отличие от «Писем о русской поэзии» Н. Гумилёва, в случае Адамовича совершенно неоправданный, как, например: «Не думаю, чтобы Вагинов когда-нибудь стал знаменитым. У него нет ни воли, ни силы, ни настойчивости. Однако его стихи, своеобразные в высшей степени, должны всё-таки найти в мире какой-то ответ или отзвук»; или: «Гумилёв относился к нему дружелюбно, но чуть-чуть насмешливо. Надежд он с ним не связывал. <...> В современной русской поэзии Вагинов одинок» [3, с. 396–397]. Адамович писал о Вагинове в одной из первых своих эмигрантских публикаций «Поэты в Петербурге» (Звено. 1923. № 32. 10 сент. С. 2), а Кузмина упоминал с завидной частотой и посвятил ему нелицеприятный фельетон «Об М. Кузмине» в том же еженедельнике (1924. № 89. 13 октября. С. 2). См. обе эти статьи: [3, с. 37, 39–40, 96–101].

⁷⁷ Поэт Сергей Нельдихен, в прошлом участник Третьего «Цеха Поэтов».

⁷⁸ Видимо, перед отъездом в Харьков, где поэт и переводчик Григорий Петников жил до окончательного переезда в Ленинград, где он получил рабочее предложение от издательства «Academia».

⁷⁹ Оба поэта также присутствовали на очередном заседании ЛО ВСП, см.: [56, с. 424].

⁸⁰ Вероятно, поэты пришли к Кузмину вскоре после заседания Союза поэтов, на котором Хармс был наконец-то принят в члены ЛО ВСП, см. [56, с. 424]. В свою очередь, Введенский взял 3 марта 1926 г. с подачи М. Фромана анкету на перерегистрацию в Союзе поэтов и 4 марта восстановил свое членство (см. публикацию Вл. Эрля в приложении к нашей работе: [61, S. 223–224]). Вагинов также перерегистрировался в Союзе поэтов 4 марта 1926 г. [61, S. 223–224].

⁸¹ Вопреки воспоминаниям Н. Мандельштам, ее муж в эти годы очень близко общается с Лившицем. Свидетельством тому служит хотя бы стихотворение, написанное поэтами в соавторстве и посвященное Д. Выгодскому:

На Моховой семейство из Полесья
Семивершковый празднует шабаш.
Здесь Гомель — Рим, здесь папа — Шолом Аш
И голова в кудрявых пейзах песья.

Из двух газет — о чудо равновесья! —
Два карлика построили шалаш
Для ритуала, для раввинских каш —
Испано-белорусские отчесья.

Семи вершков, невзрачен, бородат,
Давид Выгодский ходит в Госиздат
Как закорючка азбуки еврейской,

Где противу площадки брадобрейской,
Такой же, как и он, небритый карл,
Ждет младший брат — торговли книжной ярл.

⁸² Речь идет о планах по изданию на «Мангангане» (Манхэттене) футуристического альманаха с участием Лившица. 26 января 1925 г. он писал Д. Бурлюку: «Преждевременная смерть Хлебникова, безнадежное падение Маяковского, спорное размножение имажинистской сволочи, моя полная изолированность, порождающая у меня состояние, близкое к закупорке лирических сосудов, — всего этого, вероятно, не произошло бы, будь ты здесь — ты подлинный “отец российского футуризма”, на моих глазах из ничего создавший мощное направление в русском искусстве, а теперь силою обстоятельств вынужденный напоминать о своих исторических заслугах наивным подзаголовком манганганской брошюрки (а именно: Бурлюк пожимает руку Вульворт Бильдингу. Стихи. Картины. Автобиография. Нью-Йорк: Изд. кооператива газеты «Русский Голос», 1924. — А.У.). <...> Пишу очень мало, целиком поглощен работой в Госиздате, где (в форме редактуры переводных романов) через мои руки проходит едва ли не вся современная французская литература. Это в смысле материального меня более или менее устраивает, но не дает никакого внутреннего удовольствия» [40, с. 191].

⁸³ Имеются в виду достигшие Ленинграда слухи о планах Бориса Пронина, знаменитого кабарежного импресарио, по открытию в Москве новейшего «Подвала Бродячей собаки». Этим планам не суждено было осуществиться: во второй половине 1926 г. Пронин был арестован, «осужден Особым совещанием (ОСО) при коллегии ОГПУ по статье 58–5 и выслан из Москвы в Йошкар-Олу» сроком на 3 года [43, с. 214]. По окончании срока ссылки он не вернулся ни в Ленинград, ни в Москву, а поселился в Батуме. Последней театрално-кабаретной антрепризой Прони-

на осталась московская «Мансарда» (1924–1925); см. реконструкцию ее истории Р.Д. Тименчиком: [43, с. 211–214].

⁸⁴ Речь идет о московском издательстве «Узел», созданном в начале 1920-х для издания одноименного журнала. «Вскоре в Москве начнет выходить ежемесячник литературы и искусства “Узел”, под ред.<акцией> Б. Зайцева, Б. Ильинского и Е. Шамурина, — сообщалось в хронике журнала “Новая Русская книга”, выходившего под редакцией профессора А. Ященко. — В журнале принимают участие: А.А. Ахматова, А.В. Бакушинский, Андрей Белый, А.А. Боровой, М.О. Гершензон, Б.Р. Виппер, Л.П. Гроссман, И.А. Груздев, Д.С. Дарский, Б.К. Зайцев, Е.И. Замятин, И. Новиков, Б.Л. Пастернак, Б.А. Пильняк, В. Ходасевич, С. Шервинский и др.» (Новая Русская книга (Берлин). 1922. № 5. С. 48).

⁸⁵ Этим днем помечена дарственная надпись Кузмину Б. Лившица — на выпущенной издательством «Узел» его поэтической книге «Патмос» (М., 1926): «Дорогому Михаилу Алексеевичу Кузмину, чудесному поэту, чье прекрасное творчество — подлинная моя отрада, — с нежной и неизменной дружбой. Бенедикт Лившиц. 3. V. 1926. Петербург» (собрание В.А. Успенского; см.: [40, с. 186]).

⁸⁶ Видимо, в этот день Кузмин получил официальное приглашение на бланке Всероссийского Союза поэтов (Москва, Тверской бульвар, 25, «Дом Герцена») с вписанной личной просьбой поэта Георгия Шенгели (ЦГАЛИ СПб. Ф. 436):

5 Мая

1926 г., № 152

Глубокоуважаемый Михаил Алексеевич.

Прошу Вас прислать для сборника, издаваемого Всероссийским Союзом Поэтов Ваши стихи (от 50 до 200 строк).

Гонорар будет выслан по выходе сборника стихов из расчета пятьдесят (50) коп. за строку.

Примите уверения в совершенном уважении к Вам.

Ответ<ственный> Секретарь ВСП *Евг. Сокол.*

Стихи присылать по адресу:

Москва. Новинский бульвар – 109, кв. 18. Е.Г. Соколу.

М. А. — не откажите поддержать начинание: после больших трудов получили возможность выпустить несколько сборников. Единственная отдушина для живых стихов. Первый сборник высылаем.

Преданный Вам Г. Шенгели.

5/V 26.

⁸⁷ Поэт Рюрик Ивнев, состоявший в московской группировке «Центрифуга», но перекинувшийся в стан имажинистов. Впоследствии — плодовитый и чрезвычайно ненадежный мемуарист.

⁸⁸ Алексей Русинов, «постоянный посетитель вечерних чаепитий у Кузмина в компании Введенского, Хармса, Ракова; театрал, художник-любитель» [30].

⁸⁹ «Экспрессионист-речевок» и «деловод» (по профессии инженер) «Левого Фланга» Игорь Марков. См. о нем: [19, с. 154].

⁹⁰ К маю 1926 г. относится знакомство Хармса с Николаем Заболоцким («Заболоцкий. Вторник 18 мая. 4 ½ ч<аса> дня»), который становится для него «камертоном» в поэзии. В ноябре 1926 г. Хармс делает признание в записной книжке:

Что мне делать! Что мне делать! Как писать? В меня прёт смысл. Я ощущаю его потребность. Но нужен ли он? Бог помощи. И вам того же. 9 ноября.

Два человека, Введенский и Заболоцкий, мнения которых мне дороги. Но кто прав — не знаю. Возможно, что стихотворение, одобренное тем, и другим,

есть наиболее правильное. Такое суть пока «Комедия Города Петербурга». Я же лично стою за «Казачью Смерть». Если оно оправдается целиком, я буду рад. <...>

Написать стихотворение: муж выбрасывает любовника своей жены из окна <sic!> шестого этажа. Тот летит, произнося монолог. Потом, упав, лежит. Лежит опять. Потом произносит проклятия и снова лежит. Диалог с прохожими. Потом снова лежит. Что дальше, незнаю <sic!>, но умирать он не должен, но не должен и встать и уйти. Этого он тоже делать не должен. У читателя же должно сохраниться яркое впечатление того, что он жив. Это очередная работа.

(Записная книжка № 8; ср.: [16, с. 443]). В продолжение Хармс записывает:

Вещи пророческие не имеют автора.

Сделать сборничек 1926 года, в который войдут четыре творения:

«Комедия Города Петербурга»

«Ваньки Встаньки»

«Конец Героя»

«Казачья Смерть»

Сделал и подарил Наташе <Колубакиной> [16, с. 443].

⁹¹ См. в предисловии, примеч. 19. 18 июня поэт и переводчик Дмитрий Усов пишет библиографу Евгению Архиппову: «В Петербурге видел еще: Кузмина (почти мельком — отвозил ему протокол о нем, который есть и у Вас, да еще музыку А.Н. Александрова на “Александрийские песни” с моим немецким переводом — издание Музсектора Госиздата, М. 1926, тетрадь I и III), М. Лозинского (в Публичной Библиотеке, где он заведует отделом искусства), О. Мандельштама (который больше совсем не пишет, а только переводит разные случайные книги и мечтает открыть ларек)...» [47, с. 390–391]. Под «протоколом о нем» имеется в виду «протокол заседания подкомиссии русской литературы литературной секции ГАХН от 4 декабря 1925 г., где был сделан доклад Н.В. Волькенау “Лирика Михаила Кузмина”» [47, с. 393].

⁹² Во второй половине года тиражом 1000 экз. вышел сборник ВСП «Ленинградский Союз поэтов. Собрание стихотворений», в котором, в том числе, были напечатаны стихотворения знакомых Хармсу Л. Аверьяновой, В. Алексева, И. Афанасьева-Соловьева, К. Вагинова, Н. Дмитриева, Б. Лившица, С. Полоцкого, В. Ричитти, Н. Рославлевой, И. Синельникова, В. Смиренского, А. Туфанова, М. Фромана, Г. Шмерельсона. Кузмин напечатал в сборнике стихотворения «Не рыбу на берег зову, / А птицу в воздух кличу...» и «Олень Изольды» («Олень комельский, сотник благочестный...»), Введенский — «Начало поэмы» («верьте верьте / вагонной смерти...»), а Хармс — «(случай на железной дороге)» («Как-то бабушка махнула...»). Он подписался «Чинарь-взиральник», а Введенский — «ЧИНАРЬ Авто-ритет бессмыслицы». Однако главным произведением, напечатанном в сборнике, следует признать стихотворение Николая Клюева «Наша собачка у ворот отлаяла, / Замело пургою башмачёк светланы...» (стр. 20–21).

⁹³ В этот день Хармс написал «Семейство Рыжых».

⁹⁴ Поэт Николай Заболоцкий, будущий соратник Хармса, Введенского, Вагинова и Игоря Бахтерева по «Объединению Реального Искусства». О его участии и роли в ОБЭРИУ см. нашу работу: [50].

⁹⁵ После сдачи экзаменов, в октябре Хармс «принят на киноотделение Курсов искусствования при ГИИИ. Одновременно на киноотделение принят К.Б. Минц, на Театральное отделение — <Е.И.> Вигилянский и Д. <Б.М.> Левин, на Отделение словесных искусств — И.А. Рахтанов, И.Г. Берлин, Ю.П. Варшавский, В.В. Клюйков. На втором курсе Театрального отделения в это время учились <И.В.> Бахтерев, <С.Л.> Цимбал и <Г.Н.> Кацман, на втором курсе Словесного отделе-

ния — К.К. Вагинов, на втором курсе Музыкального отделения — П.А. Вульфис» [56, с. 425].

⁹⁶ «Хармс отметил в записной книжке: “К 12 ч. Узнать о Союзе <поэтов?> и ждать Заболоцкого. С 2 ½ в Музее И<нститута> Х<удожественной> К<ультуры>”» [56, с. 426].

⁹⁷ В этот день в 2 часа дня дома у Бахтерева (ул. Некрасова, д. 60, кв. 81) «состоялась очередная репетиция спектакля “Моя мама вся в часах”» [56, с. 426].

⁹⁸ В 1926 г. Вагинов работал над романом «Козлиная песнь», который был опубликован в сокращенной редакции в журнале «Звезда» (1927. № 10), а в 1928 г. выпущен отдельной книгой ленинградским издательством «Прибой». Судьба романа и история восприятия «Козлиной песни» современниками подробно изложена в комментариях Т. Никольской и Вл. Эрля: [9, с. 514–515].

⁹⁹ На следующий день, в понедельник 25 октября, Хармс отметил в записной книжке «С этого дня регулярно хочу в И<нститут> И<стории> И<скусств>» [56, с. 426].

¹⁰⁰ В конце ноября — начале декабря 1926 г. Хармс знакомится со стихотворением Кузмина «Переселенцы», которое, вероятно, предполагает выучить наизусть. См. его пометку в Записной книжке № 8: [54, кн. 1, с. 110].

¹⁰¹ Здесь и далее следуют записи из «XVII тетради (1926 ноябрь — 1928 март)» дневника (РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 65).

¹⁰² 3 декабря Хармс был на «пятнице» в Союзе поэтов [56, с. 428]. В декабре он придумывает название и предисловие для своего сборника стихотворений:

ЧИНАРЬ Даниил Иванович ХАРМС

УПРАВЛЕНИЕ

ВЕЩЕЙ

стихи малодоступные

Предисловие

Читателю

Читатель, боюсь, ты не поймешь моих стихов. Ты бы их понял, если бы знакомился с ними постепенно, хотя бы различными журналами. Но у тебя не было такой возможности, и я с болью на сердце издаю свой первый сборник стихов.

Рецензенту

Во-первых, прежде чем сказать что-либо о формальных недочётах в моих стихах, прочти «Управление Вещей» от корки до корки. Во-вторых, прежде чем отнести меня к футуристам прошлого десятилетия, прочти их, а потом меня *вторично* [6, S. 298].

¹⁰³ Во второй половине декабря Хармс делает запись о создании «Фланга Левых» — нового объединения, в которое должны были войти участники коллектива «Радикс», «рухнувшего» 10 ноября 1926 г.: «Предполагаемые члены будущего “Фланга Левых”: А.И. Введенский, Н.А. Заболоцкий, И.В. Бахтерев, Д.И. Хармс, К.С. Малевич, Н.<П.> Дмитриев, С.Л. Цимбал, <И.М.> Синельников, А.В. Туфанов, Е.И. Вигилянский, <В.П.> Матвеев из Универс<итета>, Г.Н. Матвеев из Владивостока. Перечень названий для “Фланга Левых”» [56, с. 429].

¹⁰⁴ К сожалению, невозможно установить, с какой именно собакой Хармс навестил Кузмина. Может быть, это была «Бранденбургский концерт», а может быть, и «Чти память дня сражения при Фермопилах» (сокращенно — «Чти»). Ср.: «**Ономастика** <...> Хармс каждый день давал новое имя знакомой собаке, и гулявшая с нею домработница важно говорила знакомым: “Сегодня нас зовут Бранденбургский Концерт!”» [12, с. 270].

¹⁰⁵ Хармсов план этого дня: «На 11-е января. Позвонить Блуме. Вечером танцевать фокстрот. Позвонить Фроману» [56, с. 429].

¹⁰⁶ См. в воспоминаниях Т.Л. Никольской о поэте, а впоследствии переводчице Иване Лихачеве:

У Михаила Алексеевича Кузмина Иван Алексеевич часто бывал в 1920-х годах в квартире на Большой Спасской. Кузмин занимал две проходные комнаты огромной коммунальной квартиры, в которых кроме него жил его друг Юрий Юркун со своей матерью. По словам Старика, Кузмин был настолько деликатен и доброжелателен, что у него ни разу не возникало трений с соседями, которые проходили через его комнаты. Обедать Кузмин ходил в гости, а дома у него пили чай с вареньем. Иван Алексеевич помог мне составить реальный комментарий к поэме Кузмина «Фурель разбивает лёд». Сказал, в частности, что «красавица, как полотно Брюллова» — Анна Радлова, герои «Четвёртого удара» — Клюев и Есенин и что в «Четвёртом ударе» Кузмин описывает в зашифрованном виде поездку Есенина к Клюеву во Льгов, которая состоялась в 1915 или 1916 году, что «кавалер умученных Жизелей» — намёк на убийцу балерины Лидочки Ивановой [34, с. 23].

Ср. также пояснения к двум опубликованным Никольской стихотворениям Лихачева «Привезла с собой жена девичью мебель...» и «Вот прошелся по сосне рубанок...» (1932): «В молодости “старик” писал стихи, которые иногда по просьбе гостей читал на “субботах”. Два своих стихотворения он подарил мне. Одно было написано в духе “Александрйских песен” М. Кузмина, другое носило несколько инфернальный характер» [33, с. 12].

¹⁰⁷ См. дневниковую запись Хармса 10 января 1927 г.: «Теперь я понял, я явление из ряда вон выходящее» [16, с. 443].

¹⁰⁸ В январе Хармс закончил одно из лучших своих стихотворений «Авиация превращений», начатое им еще в 1926 г. См. мою публикацию этого стихотворения по списку Геннадия Гора: [53].

¹⁰⁹ Накануне Хармс записывает в дневнике:

16 янв<аря> 1927 г.

На 2-е февраля 1927 г.

- 1) Сесть в кресло-качалку и углубит<ь>ся до полного забвения, представляя себе кусок бумажки с нарисованной на ней фигурой.
- 2) Переписать<ь> «Песнь о предмете роскоши» Н<иколая> Асеева.
- 3) Закурить только после ужина.

Тогда ты на 2 февраля свободен [16, с. 443].

¹¹⁰ На середину января приходится работа над проектом сборника «Левого Фланга». «Участники: Введенский, Хармс, Заболоцкий, Вагинов, Бахтерев, Дмитриев <Н.П. Дмитриев>, Кох-Боот <Г.Н. Кацман> (статьи «Музык-холл», «Бессюжетный балет»), Малевич, Бахтерев (статья о живописи). Сборник не был издан» [56, с. 430].

¹¹¹ 5 февраля состоялся вечер «Фланга Левых».

¹¹² Скандал Мандельштама с издательством «Academia» был вызван обращением Б. Казанского, секретаря Отдела словесных искусств ГИИИ, 10 января 1927 г. к А. Кроленко «с просьбой выплатить О.М. аванс на сборник его статей “О поэзии”. <...> **Февраля 2.** Запись дневника А.А. Кроленко: “Звонит Казанск<ий> (просит денег для Мандельштама). Я категорически заявляю, что денег у нас нет” [26, с. 293].

¹¹³ Скорее всего, имеется в виду альманах «Ленинградского Союза поэтов» 1927 г. «Костер», где были напечатаны четыре стихотворения Кузмина под общим заглавием цикла, в который они вошли — «Из “Панорамы с выносками”» (С. 44–47): второе — «Природа природствующая и природа оприроденная» («Кассирша ласково твердила...»); третье — «Первая выноска» («Скок, скок / Лакированный ремешок...»); седьмое — «Темные улицы рожают темные мысли» («Не так, не так рождается любовь!...»); и девятое — «Выноска 3-я» («По веселому морю летит паро-

ход...»). Сам Хармс отдал в «Костер» свое стихотворение «Стих Петра Яшкина коммуниста» («Мы бежали как сажени...»), которое появилось там под цензурованным заглавием «Стих Петра — Яшкина», но зато с сохранением акцентировки в предпоследней строке: «! пропадай кому не жаль!» (С. 101–102). Введенский выступил в альманахе со стихотворением «Но вопли трудных англичан / прорезали могучий воздух...» — фрагментом его поэмы «Минин и Пожарский», создававшейся с мая по 11 июля 1926 г. (С. 23–25). 1 марта 1927 г. Хармс побывал «на закрытом собрании Союза поэтов по обсуждению вопроса о 2-м альманахе ЛЮ ВСП. Участвовал в прениях» [56, с. 430].

¹¹⁴ Вероятно, Хармс рассказывал о предыдущей «пятнице» Союза поэтов. Более интересное выступление состоялось 9 февраля «в 59 стрелковом полку, где проходили службу Заболоцкий и Вигилянский» [56, с. 430]. Он читал следующие произведения: «Сказка кататься», «История одной войны», «Наука о современной доброте» и «Разбойники» [56, с. 430]. Из всех перечисленных известно только последнее стихотворение.

¹¹⁵ В промежутке между этими датами была создана «Академия Левых Классиков», как пояснял Хармс:

<...> так назвались мы с пятницы 25 марта 1927 г. Название пришло почти одновременно Гаге <Г. Кацману>, Игорю <Бахтереву> и мне. Пришло оно у Кацманых <sic!>, мы были там, чтобы писать декларацию и вот нас осенило название. Все согласны. Кроме Шурки <Введенского>. Этот скептик проплеванный ни на какое название, кроме Чинаря, не гош

Долгожданное решение этой задачи, наконец, пришло. Надо полагать, решение блестящее.

Наши ближайшие задачи:

1. Создать твердую Академию Левых Классиков.
2. Для этого собрать конференцию и составить манифест.
3. Войти в Дом Печати как Секция Левых работников искусства.
4. Добиться вечера с танцами, для получения суммы около 600 руб<лей> на издание своего сборника [16, с. 444].

Кроме того, между 21 и 25 марта был составлен «Материал на I сборник “Радикса”»:

Теоретический отдел

1) Шкловский	— О Хлебникове
2) Малевич	— Об искусстве (Запад<ные> корреспонденци<и>)
3) Липавский	— О Чинарях
4) Ключков	— О Левом Фланге (Радиксе).
5) Бахтерев	— О живописи
6) Кох-Боот <Г. Кацман>	— О театре.
7) Цимбал	— Информация «Радикса»
8) <А.>Островский	— Московский Леф.
9) <Б.> Бухштаб	— Константин Вагинов.
10) Л. Гинзбург	
11) <В.> Гофман	
12) <Н.> Степанов	

Творческий отдел

1) Введенский	— Прозу и стихи
2) Хармс	— Стихи и драма

- 3) Заболоцкий — Стихи
- 4) Бахтерев — стихи
- 5) Вагинов — Прозу и стихи
- 6) Хлебников — Стихи
- 7) Туфанов — Стихи ?

Живопись

- 1) Бахтерев
- 2) Димитриев <Н. Дмитриев>
- 3) Из Инхука

Графика

- 1) Заболоцкий
- 2) Филонов

([10, с. 236–237]; фрагменты из записных книжек Хармса подготовлены для этого издания Вл. Эрлем). Замечание Хармса относительно Введенского: «Этот скептик проплеванный ни на какое название, кроме Чинаря, не гожд», — и упорное самоотжествление последнего с этим «названием» подтверждается его автобиографической запиской, сохранившейся в коллекции Кручёных: «В прошлом до 1930 г. Обэриут Чинарь Авто-ритет бессмыслицы. В группе были Хармс Даниил Иванович, Заболоцкий Николай Алексеевич и др. А. Введенский. 18 марта 1936 г. Москва» (РГАЛИ. Ф. 1334. Оп. 1. Ед. хр. 1121; ср.: [20, с. 268–269; 27, с. 62]).

¹¹⁶ Возможно, Кузмин отреагировал так на свежее стихотворение «Фокусы», которое Хармс закончил за две недели до этого, 2 мая 1927 г. [56, с. 432].

¹¹⁷ Следующим днем («Детское Село, вокзал, 10 июля 1927») помечено стихотворение Хармса «Н.А. Заболоцкому»:

Смотрю пропала жизни вежа,
я сам изрядно и зело
из Ленинграда прочь уехал
уехал в Детское Село.

Пиши мой друг ко мне посланье
пока ухватка горяча
твоя строка прочитается ланью
передо мною как свеча.

¹¹⁸ В августе 1927 г. Хармс написал стихотворения «Кучер стыл. / Блестели дрожки...» и «Восстание» («был стручок балован судеб / и в министерство к ночи мехом...»). К этому же времени относится мемуарная запись Александра Разумовского (4 августа 1975 г.):

Август 1927.

Мне 20. Собрание у Хармса. Комната Хармса.

ИИИ — к Обэриу (еще нет Обэриу). Н.П. Баскаков — предложил, собрание этому посвящено. Введенский о Семене Полоцком и Сологубе.

Предварительное собрание.

[на собрании — Введенский, Заболоцкий, Вагинов, Левин, Бахтерев, Разумовский.]

(ОР РНБ. Ф. 1254. Ед. хр. 12. Л. <нenum.>).

¹¹⁹ 14–18 ноября 1928 г. Хармс сочиняет эпическое стихотворение «Жизнь человека на ветру» («В лесу меж сосен ехал всадник / Храня улыбку вдоль щеки...»), которое он посвятил Эрике Эдельман.

¹²⁰ Здесь и далее следуют записи из «тетради XIX (1928 ноябрь — 1929 июнь)» дневника (РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 67).

¹²¹ Вероятно, Введенский читал вещь «Евстафьев и Маргарита Кронпринцева», которая сохранилась только во фрагментах. 13 ноября 1928 г. он прочитал ее Хармсу [10, с. 212–213].

¹²² Историк и переводчица Ксения Раткевич (Радкевич; 1886–1942) переводила в начале 1920-х вместе с Кузминым Анатоля Франса (см.: *Франс А.* Избранные сочинения. М.; Пб.: Всемирная литература, 1922. Т. 8: Рассказы).

¹²³ Античник и переводчик Андрей Егунов, участник кружка филологов-классиков «АБДЕМ», известный под литературным псевдонимом «Андрей Николев», автор книги стихов «Елисейские радости» и романа «По ту сторону Тулы» (Л., 1931).

¹²⁴ К этому времени Самуил Маршак возглавил Детский сектор Ленинградского отделения Госиздата, который расположился в пятом этаже Дома печати (Невский проспект 28), известного как «Дом Зингера».

¹²⁵ Два дня спустя Хармс был на вечере Ильи Сельвинского в Ленинградской Капелле (наб. реки Мойки, д. 20). Тогда же он отмечает в Записной книжке № 16 (л. 19 об.):

Такое имя как Бухарин никого шокировать не будет.

То, что говорит Сельвинский, я начисто не приемлю!
 Всё, что он говорит, обратно моим убеждениям.
 Сельвинский, крепкий, дубинистый человек, на совершенно чужом пути.
 Если Эйхенбаум и компания молодых формалистов объединится с Сельвинским, я с ними не желаю иметь никакого дела.

Я думаю, что Эйхенбаум наиболее близок мне [16, с. 527–528].

¹²⁶ 22 января Хармс закончил стихотворение с ремарками «Полёт в небеса» (см. мою публикацию по списку Г. Гора: [53, с. 83]).

¹²⁷ Искусствовед и критик Эрих Голлербах.

¹²⁸ В марте–апреле 1929 г. Хармс писал «Историю Сдыгр Аппр».

¹²⁹ Здесь одессит Пётр Сторицын, критик и фельетонист, непочтительно отзываясь о поэте Эдуарде Багрицком, своим земляке и литературном наставнике. Подробнее об отношениях Кузмина с обоими см.: [31].

¹³⁰ О заграничной командировке Мансурова, из которой он не вернулся в СССР, см. в нашей работе: [61].

¹³¹ За день до этого Хармс ездил к Маршаку в Детское Село [56, с. 442].

¹³² 2 июня Хармс выступал от Госиздата [56, с. 442].

¹³³ Знаменитая переводчица Рита Райт-Ковалева (урожд. Раиса Черномордик; 1898–1988). Ей принадлежат замечательные воспоминания о В. Маяковском и Л. Брик: [37].

¹³⁴ Названы художницы Вера Ермолаева, Ксения и Мария Эндер (сестры Бориса Эндера, оформившего среди прочего книгу «К зауми. Стихи и исследование согласных фонем» (Пб.: Изд. автора, 1924) А. Туфанова) и, вероятно, график Лев Юдин.

¹³⁵ Знаменитая поэма Н. Клюева, написанная в 1928 г. и впервые напечатанная Б. Филипповым (Филистинским) в 1954 г. в составе двухтомного собрания сочинений поэта по автографу, подаренному Клюевым в 1929 г. известному итальянскому слависту Этторе Ло Гатто.

¹³⁶ Литератор Николай Чуковский, сын Корнея Чуковского, известный также под псевдонимом «Николай Радищев».

¹³⁷ РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 67а. Фрагменты даются по публикации С. Шумихина: [23] с указанием в скобках страниц.

¹³⁸ Хармс в этот день провел вечер с Липавскими [56, с. 450].

¹³⁹ Имеется в виду Детский сектор Госиздата.

¹⁴⁰ См. примеч. 20 в публикации С. Шумихина [23, с. 195].

¹⁴¹ Имеется в виду развод Введенского с Т. Мейер.

¹⁴² Хармс был арестован 10 декабря. См. также комментарий С. Шумихина к дневниковой записи Кузмина: «А.И. Введенский был арестован спустя несколько дней. И.Л. Андроников был вскоре освобожден, без каких-либо последствий для себя (за него ходатайствовал отец, когда-то работавший вместе с С.М. Кировым). Аресты были связаны с так называемым Делом Детского сектора Госиздата, в результате которого в начале 1932 <года> большинство сотрудников Детского сектора были высланы из Ленинграда (Хармс и Введенский — в Курск) на полугодичный срок, после полугодичного заключения в ленинградском ДПЗ <Шпалерная ул., д. 25. >> [23, с. 192]. О «Деле Детского сектора Госиздата» см. подробнее: [49].

Литература

1. *Аверьянова Л. Vox Humana: Собрание стихотворений* / сост. М. Павлова. М.: Водолей, 2011. 416 с.

2. *Аверьянова-Дидерихс Л. Запись о «вторнике» «неоклассиков» 16 ноября 1926 года* / публ. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 545–559.

3. *Адамович Г. Литературные беседы* / сост. О. Коростелев. СПб.: Алетей, 1998. Кн. 1: «Звено» 1923–1926. 406 с.

4. *Аксенко Е. Г. П. Блок. К истории отечественного фетоведения* // А.А. Фет и русская литература. XV Фетовские чтения. Курск: Изд-во Курского государственного педагогического университета, 2001. С. 299–317.

5. *Александров А. О первых литературных опытах Даниила Хармса* // Русская литература. 1992. № 3. С. 155–158.

6. *Александров А. ОБЭРИУ. Предварительные заметки* // Československá Rusistika. 1968. № 5. S. 296–303.

7. Альбом Ольги Арбениной-Гильдебрандт. Факсимильное воспроизведение / статья Н. Поповой; коммент. А. Дмитренко. СПб.: Вита Нова, 2009. 96 с.

8. *Богомолов Н. Из маргиналий к записным книжкам Хармса* // Столетие Даниила Хармса. Материалы международной научной конференции / науч. ред. А. Кобринский. СПб.: СПГУТД, 2005. С. 5–17.

9. Вагинов К. Полное собрание сочинений в прозе / сост. А. Вагинова, Т. Никольская и В. Эрль. СПб.: Академический проект, 1999. 590 с.
10. Введенский А. Полное собрание сочинений / под ред. М. Мейлаха: в 2 т. Ann Arbor: Ardis, 1984.
11. Галушкин А. Из истории литературного авангарда в Ленинграде: группа «Непокой» // Хармс–Авангард: Материалы международной научной конференции / ред. К. Ичин. Белград: Филологический факультет Белградского университета, 2006. С. 419–424.
12. Гаспаров М. Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.
13. Громова Н. Хроника поэтического издательства «Узел». 1925–1928. М.: Культурный центр Дом-музей Марины Цветаевой. М., 2005. 188 с.
14. Гурчинов М. Едно непознато писмо до Борис Пастернак // Годишен зборник / Annuaire. Skopje. 1971. Т. 23. С. 435–440.
15. Данько Е. Воспоминания о Федоре Сологубе. Стихотворения / публ. М. Павловой // Лица: Биографический альманах. 1. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1992. 190–261.
16. Дневниковые записи Даниила Хармса / публ. А. Устинова и А. Кобринского; <вступ. ст. и коммент. А. Устинова> // Минувшее. Исторический альманах. 11. Paris: Atheneum, 1991. С. 417–583.
17. Заболоцкий Н. История моего заключения / вступ. ст. и примеч. Е. Эткинда // Минувшее. Исторический альманах. 2. Paris: Atheneum, 1986. С. 310–333.
18. Замятин Е. Краткая история Всемирной Литературы от основания и до сего дня / Публ. В. Троицкого <Д. Зубарева> // Память. Исторический сборник. Вып. 5. М., 1981 – Париж: La Presse Libre, 1982. С. 287–314.
19. К истории «Левого Фланга» Ленинградского отделения Союза поэтов / публ. Т. Двигатиной и А. Крусанова // Русская литература. 2008. № 4. С. 149–207.
20. Кобринский А. Даниил Хармс. М.: Молодая гвардия, 2009. 512 с.
21. Кобринский А. Поэтика «ОБЭРИУ» в контексте русского литературного авангарда: в 2 т. М.: Московский культурологический лицей, 2000.
22. Козырева Н., Попова Н. Павел Иванович Басманов (1906–1993). Каталог выставки. СПб.: Palace Edition, 1996. 40 с.
23. Кузмин М. Дневник 1931 года / публ. С. Шумихина // Новое литературное обозрение. 1994. № 7. С. 163–204.
24. Кузмин М. Дневник 1934 года. Изд. 2-е, испр. и доп. / под ред. Г. Морева. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2007. 416 с.
25. Кузмин М. А. Стихотворения / вступ. статья, сост., под. текста и примеч. Н. А. Богомолова, СПб.: Академический проект, 1996. 832 с.
26. Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама / под ред. А.Г. Меца. СПб.: Интернет-издание, 2019. 512 с.
27. Лоцилов И. Из наследия Николая Заболоцкого. Материалы Николая Заболоцкого в архивном фонде Алексея Кручёных // Вторые Заболоцкие чтения: Материалы Всероссийской конференции. Киров: ИД «Герценка», 2018. С. 60–71.
28. Лукицкий П.Н. Асумиана. Встречи с Анной Ахматовой. Париж: YMCA-press, 1991. Т. I. 1924–1925 гг. 348 с.
29. Мандельштам Н. Вторая книга. Paris: YMCA-press, 1983. 724 с.
30. Михаил Кузмин: Жизнь подо льдом. (Дневник 1929 года) / публ. С. Шумихина // Наше наследие. Редакционный портфель: http://www.nasledie-rus.ru/red_port/Kuzmin08.php.
31. Морев Г. Советские отношения М. Кузмина (К построению литературной биографии) // Новое литературное обозрение. 1997. № 23. С. 78–86.

32. Неизданный Федор Сологуб: Стихи. Документы. Мемуары / под ред. М.М. Павловой и А.В. Лаврова. М.: Новое литературное обозрение, 1997. 575 с.
33. *Никольская Т.* Из воспоминаний об Иване Алексеевиче Лихачеве // Русская мысль (Париж). 1991. 27 сентября. № 3897.
34. *Никольская Т.* Спасибо, что вы были. СПб.: Юолукка, 2014. 164 с.
35. *Очеретянский А., Янечек Дж., Крейд В.* Забытый авангард. Россия, первая треть XX столетия. Нью-Йорк; СПб., 1993. Кн. 2: Новый сборник справочных и теоретических материалов. 278 с.
36. Письмо Б. Пастернака Ю. Юркуну / публ. Н. Богомолова // Вопросы литературы. 1981. № 7. С. 225–232.
37. *Райт Р.* «Все лучшие воспоминанья...» (Отрывки из книги) / публ. З. Минц // Труды по русской и славянской филологии. IX: Литературоведение. Tartu: Tartu Riiklik Ülikool, 1966. С. 257–287. (Ученые записки ТГУ. Вып. 184).
38. *Ратгауз М.* Кузмин — кинозритель // Киноведческие записки. 1992. № 13. С. 52–86.
39. *Синельников И.* Молодой Заболоцкий // Воспоминания о Н. Заболоцком. Изд. 2-е. М.: Советский писатель, 1984. С. 101–120.
40. «Слово в движении и движение в слове». Письма Бенедикта Лившица / публ. П. Нерлера и А. Парниса // Минувшее. Исторический альманах. 8. Paris: Atheneum, 1989. С. 177–207.
41. *Телетова Н.* «Дело лицеистов» 1925 года // Звезда. 1998. № 6. С. 115–131.
42. *Тименчик Р.* Тьянянов в стихах современницы // Пятые Тьяняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения / отв. ред. М. Чудакова. Рига: Зинатне, 1990. С. 247–268.
43. *Тименчик Р.* Что вдруг: статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2008. 684 с.
44. *Толстой И.* Великое отупение. 90 лет расстрелу лицеистов // Радио Свобода. 2005. 18 июля (<https://www.svoboda.org/a/27135657.html>).
45. *Туфанов А.* Ушкуйники / сост. Ж.-Ф. Жаккар и Т. Никольская. Oakland: Berkeley Slavic Specialties, 1991. 197 p. (Modern Russian Literature and Culture. Studies and Texts. Vol. 27).
46. *Тьянянов Ю.* Поэтика. История литературы. Кино / изд. подг. Е. Тоддес, А. Чудаков. М. Чудакова. М.: Наука, 1977. 574 с.
47. *Усов Д.* «Мы сведены почти на нет...» / сост. Т. Нешумова. М.: Эллис-Лак, 2011. Т. 2: Письма. 768 с.
48. *Устинов А.* 1929 год в биографии Мандельштама // Новое литературное обозрение. 2002. № 6 (58). С. 123–126.
49. *Устинов А.* Дело детского сектора Госиздата 1932 г. Предварительная справка // Михаил Кузмин и русская культура XX века / сост. и ред. Г. Морев. Л.: Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, 1990. С. 125–136.
50. *Устинов А., Лоцилов И.* «Наше объединение свободное и добровольное»: Николай Заболоцкий в ОБЭРИУ // Unacknowledged Legislators. Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel / Ed. by Lazar Fleishman, David M. Bethea, and Ilya Vinitzky. (Stanford Slavic Studies. Vol. 50.) Berlin: Peter Lang, 2020. P. 519–550.
51. *Флейшман Л.* Маргиналии к истории русского авангарда (Олейников, обэриуты) // Олейников Н. Стихотворения. Времен: K-Press, 1975. S. 3–16.
52. *Флейшман Л.* Об одном загадочном стихотворении Даниила Хармса // Stanford Slavic Studies. 1987. Vol. 1. P. 247–258.
53. *Хармс Д.* Летание без крыл жестокая забава / подг. текста и коммент. А. Устинова // Искусство Ленинграда. 1990. № 2. С. 82–83
54. *Хармс Д.* Полное собрание сочинений. Записные книжки. Дневник / сост. В. Сажин, Ж.-Ф. Жаккар; примеч. В. Сажина: в 2 кн. СПб.: Академический проект, 2002.

55. Хармс Д. Собрание произведений / под. ред. М. Мейлаха и Вл. Эрля. Кн. 1–4. Времен: К-Press, 1978–1988.
56. Хроника жизни и творчества Даниила Хармса / составлена А. Крусановым // Хармс Д. Случай и вещи. СПб.: Вита Нова, 2004. С. С. 415–484.
57. *Эйхенбаум Б. О литературе* / сост. О. Эйхенбаум, Е. Тоддеса. М.: Советский писатель, 1987. 550 с.
58. Эстетика «становления» А.В. Туфанова: статьи и выступления конца 1910-х — начала 1920-х гг. / вступ. ст., публ. и коммент. Т. Двинятиной и А. Крусанова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 614–694.
59. *Cheron G. B. Pasternak and M. Kuzmin. (An Inscription)* // Wiener Slawistischer Almanach. 1980. Bd. 5. S. 67–69.
60. *Cheron G. Mixail Kuzmin and the Oberiuty: An Overview* // Wiener Slawistischer Almanach. 1983. Bd. 12. S. 87–105.
61. *Jaccard J.-Ph., Ustinov A.* Заумник Даниил Хармс: Начало пути. Неопубликованные материалы Д. Хармса // Wiener Slawistischer Almanach (München). 1991. Bd. 27. S. 159–183.

Research Article
and Publication of Archival Documents

“Chinary” in M. Kuzmin’s Diaries

© 2021, Andrei B. Ustinov
San Francisco, USA

Abstract: The paper presents selected records from Mikhail Kuzmin’s diary that deal with – directly or indirectly – Daniil Kharmis and his literary associates since the first mentioning of “mystic-futurist Vvedensky” on March 16, 1924, and up to the arrest of Kharmis and Vvedensky in “Gosizdat Juvenile Sector case” in December 1931. The records reveal lots of new biographical facts and aspects of literary life of the time. The publication is provided with the necessary commentary and the introductory article that recreates the background of Kuzmin’s relations with “Chinary” and later with OBERIU in the context of Leningrad culture of the late 1920s-early 1930s. A special attention is paid to the writers of “Kuzmin circle” that had personal relationships with Vvedensky and Kharmis.

Keywords: M. Kuzmin; “Chinary”; OBERIU; Daniil Kharmis; A. Vvedensky; N. Zabolotsky; literary circles and communities; diaries; literary life.

Information about the author: Andrei Ustinov, Dr. Phil. Hab., Director of “Aquilon Books”, San Francisco, CA 94122, USA. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8468-4854>. E-mail: abooks@gmail.com.

For citation: Ustinov, A.B. “Chinary in M. Kuzmin’s Diaries”. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (19), 2021, pp. 200–252. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-200-252>

References

1. Aver'ianova, L. *Vox Humana: Sbranie stikhotvorenii [Vox Humana: Collected Poems]*, comp. M. Pavlova. Moscow, Vodolei Publ., 2011. 416 p. (In Russ.)
2. Aver'ianova-Diderikhs, L. "Zapis' o 'vtornike' 'neoklassikov' 16 noiabria 1926 goda" ["A Note on a 'Neoclassical' 'Tuesday', November 16, 1926], publ. M. Pavlova. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2003–2004 gg. [Annuary of the Manuscripts Department of the Pushkin House IRL RAS, 2003–2004]*. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2007, pp. 545–559. (In Russ.)
3. Adamovich, G. *Literaturnye besedy [Literary Conversations]*, book 1: Zveno. 1923–1926, comp. O. Korostelev. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 1998. 406 p. (In Russ.)
4. Aksenenko, E. "G.P. Blok. K istorii otechestvennogo fetovedeniia" ["G.P. Blok. To the History of A.A. Fet Studies in Russia"]. *A.A. Fet i russkaia literatura. XV Fetovskie chteniia [A.A. Fet and Russian Literature. XV Fet Readings]*. Kursk, Izd-vo Kurskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta Publ., 2001, pp. 299–317. (In Russ.)
5. Aleksandrov, A. "O pervykh literaturnykh opytakh Daniila Kharmsa" ["On the First Literary Experiments of Daniil Kharms"]. *Russkaia literatura*, no. 3, 1992, pp. 155–158. (In Russ.)
6. Aleksandrov, A. "OBERIU. Predvaritel'nye zametki" ["OBERIU. Preliminary Notes"]. *Československá Rusistika*, no. 5, 1968, pp. 296–303. (In Russ.)
7. *Al'bom Ol'gi Arbeninnoi-Gil'debrandt. Faksimil'noe vosproizvedenie [Album of Olga Arbenina-Gildebrandt. A Facsimile Reproduction]*, sci.art. by N. Popova; comm. by A. Dmitrenko. St. Petersburg, Vita Nova Publ., 2009. 96 p. (In Russ.)
8. Bogomolov, N. "Iz marginalii k zapisnym knizhkam Kharmsa" ["From Marginalia to the Notebooks by Daniil Kharms"]. *Stoletie Daniila Kharmsa. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [On the Birth Centenary of Daniil Kharms. Proceedings of the Scholar Conference]*, ed. A. Kobrinskii. St. Petersburg, SPGUTD Publ., 2005, pp. 5–17. (In Russ.)
9. Vaginov, K. *Polnoe sobranie sochinenii v proze [Complete Works in Prose]*, comp. A. Vaginova, T. Nikol'skaia, V. Erl'. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999. 590 p. (In Russ.)
10. Vvedenskii, A. *Polnoe sobranie sochinenii: v 2 t. [Complete Works: in 2 vols]*. Ann Arbor, Ardis, 1984. (In Russ.)
11. Galushkin, A. "Iz istorii literaturnogo avangarda v Leningrade: gruppa 'Nepokoi'" ["From the History of the Literary Avant-Garde: 'Nepokoi' Group"] *Kharms–Avangard: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Kharms–Avant-Garde: Proceedings of the International Scholar Conference]*, ed. K. Ichin. Belgrad, 2006, pp. 419–424. (In Russ.)
12. Gasparov, M. *Zapisi i vypiski [Notes and Extracts]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2001. 416 p. (In Russ.)
13. Gromova, N. *Khronika poeticheskogo izdatel'stva "Uzel". 1925–1928 [Chronicles of the Poetic Publishing House "Uzel". 1925–1928]*. Moscow, Kul'turnyi tsentr Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi Publ., 2005. 188 p. (In Russ.)
14. Ĭurchinov, M. "Edno nepoznato pismo do Boris Pasternak" ["An Unknown Letter by Boris Pasternak"] *Godishen zbornik / Annuaire*, vol. 23. Skopje, 1971, pp. 435–440. (In Russ.)
15. Dan'ko, E. "Vospominaniia o Fedore Sologube. Stikhotvoreniia" ["Memoirs on Fedor Sologub. Poems"], publ. M. Pavlova. *Litsa: Biograficheskkii al'manakh [Faces: Biographical Almanac]*, issue 1. Moscow, St. Petersburg, Feniks Publ., Atheneum Publ., 1992, pp. 190–261. (In Russ.)
16. "Dnevnikovye zapisi Daniila Kharmsa" ["Diary Entries by Daniil Kharms"], publ. by A. Ustinov, A. Kobrinskii, introd., comm. by A. Ustinov. *Minuvshee. Istoricheskii al'manakh [The Past. Historical Almanac]*, issue 11. Paris, Atheneum Publ., 1991, pp. 417–583. (In Russ.)

17. Zabolotskii, N. "Istoriia moego zakliucheniia" ["The Story of My Imprisonment"], intro. art., notes by E. Etkind. *Minuvshee. Istoricheskii al'manakh* [*The Past. Historical almanac*], issue 2. Paris, Atheneum Publ., 1986, pp. 310–333. (In Russ.)
18. Zamiatin, E. "Kratkaia istoriia 'Vsemirnoi Literaturnoi' ot osnovaniia i do sego dnia" ["A Brief History of 'Vsemirnaia Literatura' Publishing House from Its Formation to the Present Day"], publ. V. Troitskii [D. Zubarev]. *Pamiat'. Istoricheskii sbornik* [*Memory. Historical Collection*], issue 5. Moscow, 1981; Paris, La Presse Libre Publ., 1982, pp. 287–314. (In Russ.)
19. "K istorii 'Levogo Flanga' Leningradskogo otdeleniia Soiuza poetov" ["To the History of the 'Left Wing' of the Leningrad Section of the Union of Poets"], publ. T. Dviniatina, A. Krusanova. *Russkaia literatura*, no. 4, 2008, pp. 149–207. (In Russ.)
20. Kobrinskii, A. *Daniil Kharms. 2-e izd., ispr. i dop.* [*Daniil Kharms. 2nd ed. enl. ed.*]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2009. 512 p. (In Russ.)
21. Kobrinskii A. *Poetika "OBERIU" v kontekste russkogo literaturnogo avangarda: v 2 t.* [*Poetics of the "OBERIU" in the Context of Russian Literary Avant-Garde: In 2 vols*]. Moscow, Moskovskii kul'turologicheskii litsei Publ., 2000. (In Russ.)
22. Kozyreva, N., Popova, N. *Pavel Ivanovich Basmanov (1906–1993). Katalog vystavki* [*Pavel Ivanovich Basmanov (1906–1993). Exhibition Catalogue*]. St. Petersburg, Palace Edition Publ., 1996. 40 p. (In Russ.)
23. Kuzmin, M. "Dnevnik 1931 goda" ["Diary, 1931"], publ. S. Shumikhin. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 7, 1994, pp. 163–204. (In Russ.)
24. Kuzmin, M. *Dnevnik 1934 goda.* [*Diary, 1934*], 2nd ed., rev. and edd., ed. G. Morev. St. Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbakha Publ., 2007. 416 p. (In Russ.)
25. Kuzmin, M.A. *Stikhotvoreniia* [*Poems*], ed. by N.A. Bogomolov. St. Petersburg, Akademicheskij Proekt Publ., 1996. 832 p. (In Russ.)
26. *Letopis' zhizni i tvorchestva O.E. Mandel'shtam* [*Chronicles of Life and Work of O.E. Mandelshtam*], ed. A.G. Mets. St. Petersburg, Internet-izdanie Publ., 2019. 512 p. (In Russ.)
27. Loshchilov, I. "Iz naslediia Nikolaia Zabolotskogo. Materialy Nikolaia Zabolotskogo v arkhivnom fonde Alekseia Kruchenykh" ["From the Heritage of Nikolai Zabolotskii. Materials of Nikolai Zabolotskii at the Archival Fund of Aleskei Kruchenykh"]. *Vtorye Zabolotskie chteniia: Materialy Vserossiiskoi konferentsii [II Zabolotskii Readings: All-Russia Conference Proceedings]*. Kirov, ID "Gertsenka" Publ., 2018, pp. 60–71. (In Russ.)
28. Luknitskii, P.N. *Acumiana: Vstrechi s Annoi Akhmatovoi* [*Acumiana: Encounters with Anna Akhmatova*], vol. 1: 1924–1925. Paris, YMCA-press Publ., 1991. 348 p. (In Russ.)
29. Mandel'shtam, N. *Vtoraia kniga* [*Second Book*]. Paris, YMCA-press Publ., 1983. 724 p. (In Russ.)
30. "Mikhail Kuzmin: Zhizn' podo l'dom. (Dnevnik 1929 goda)" ["Mikhail Kuzmin: Life Under the Ice (Diary, 1929)"], publ. S. Shumikhin. *Nashe nasledie. Redaktsionnyi portfel'* [*Our Heritage. Portfolio*]. Available at: http://www.nasledie-rus.ru/red_port/Kuzmin08.php. (In Russ.)
31. Morev, G. "Sovetskie otnosheniia M. Kuzmina (K postroeniiu literaturnoi biografii)" ["Soviet Relations of M. Kuzmin (On the Construction of a Literary Biography)"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 23, 1997, pp. 78–86. (In Russ.)
32. *Neizdannyy Fedor Sologub: Stikhi. Dokumenty. Memuary* [*Unpublished Fedor Sologub: Poems. Documents. Memoirs*], ed. by M.M. Pavlova and A.V. Lavrov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1997. 575 p. (In Russ.)
33. Nikol'skaia, T. "Iz vospominanii ob Ivane Alekseeviche Likhacheve" ["From the Memoirs on Ivan Alekseevich Likhachev"]. *Russkaia mys'* (Paris). 27 September 1991. (In Russ.)
34. Nikol'skaia, T. *Spasibo, chto vy byli* [*Thank You for Being*]. St. Petersburg, Iuolukka Publ., 2014. 164 p. (In Russ.)

35. Ocheretianskii, A., Ianechek, Dzh., Kreid, V. *Zabytyi avangard. Rossiia, pervaiia tret' XX stoletiiia* [Forgotten Avant-Garde. Russia in the Early XX Century], book 2: Novyi sbornik spravocnykh i teoreticheskikh materialov [The New Collection of Background and Theoretical Materials]. New York; St. Petersburg, 1993. 278 p. (In Russ.)

36. "Pis'mo B. Pasternaka lu. Iurkunu' ["A Letter from B. Pasternak to lu. Iurkun"], publ. N. Bogomolov. *Voprosy literatury*, no. 7, 1981, pp. 225–232. (In Russ.)

37. Rait, P. "'Vse luchshie vospominania...' (Otryvki iz knigi)" ["'All the Best Memories...' Fragments from the Book"], publ. Z. Mints. *Trudy po russkoi i slavianskoi filologii. IX: Literaturovedenie* [Works in Russian and Slavic Philology. IX: Literary Studies]. Uchenye zapiski TGU [Proceedings of the TGU], issue 184. Tartu, Tartu Riiklik Ülikool Publ., 1966, pp. 257–287. (In Russ.)

38. Ratgauz, M. "Kuzmin — kinozritel'" ["Kuzmin the Film-goer"]. *Kinovedcheskie zapiski*, no. 13, 1992, pp. 52–86. (In Russ.)

39. Sinel'nikov, I. "Molodoi Zabolotskii'" ["Young Zabolotskii'"]. *Vospominaniia o N. Zabolotskom: Izd. 2-e* [Memoirs on N. Zabolotskii: 2nd ed.]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1984, pp. 101–120. (In Russ.)

40. "'Slovo v dvizhenii i dvizhenie v slove'. Pis'ma Benedikta Livshitsa" ["A Moving Word and Movement in a Word. Letters of Benedikt Livshits"], publ. P. Nerler and A. Parnis. *Minushee. Istoricheskii al'manakh* [The Bygone. A Historical Almanac], issue 8. Paris, Atheneum Publ., 1989, pp. 177–207. (In Russ.)

41. Teletova, N. "'Delo litseistov' 1925 goda" ["Case of Pupils of the Lyceum"]. *Zvezda*, no. 6, 1998, pp. 115–131. (In Russ.)

42. Timenchik, R. "Tynianov v stikhakh sovremennitsy'" ["Tynianov in Poems of His Contemporary"]. *Piatye Tynianovskie chteniia: Tezisy dokladov i materialy dlia obsuzhdeniia* [V Tynianov Readings. Proceedings and Materials for Discussion], ed. M. Chudakova. Riga, Zinatne Publ., 1990, pp. 247–268. (In Russ.)

43. Timenchik, R. *Chto vdruz: Stat'i o russkoi literature proshlogo veka* [What's All About: Essays on Russian Literature of the Past Century]. Jerusalem; Moscow, Mosty kul'tury Publ., 2008. 686 p. (In Russ.)

44. Tolstoi, I. "Velikoe otupenie. 90 let rasstreliu litseistov'" ["Great dullness. 90 years since the shooting of Lyceum students"], Radio Svoboda. 2005. 18 July. <https://www.svoboda.org/a/27135657.html>. (In Russ.)

45. Tufanov, A. *Ushkuiniki* [Ushkuiniks], comp. by J.-P. Jaccard, T. Nikol'skaia. Oakland: Berkeley Slavic Specialties, 1991. 197 p. (Modern Russian Literature and Culture. Studies and Texts. Vol. 27). (In Russ.)

46. Tynianov, Iu. *Poetika. Istoriia literatury. Kino* [Poetics. Literary history. Cinema], ed. by E. Toddes, A. Chudakov. Moscow, Nauka publ., 1977. 574 p. (In Russ.)

47. Usov, D. "*My svedeny pochti na net...*" ["We almost don't exist..."], comp. by T. Neshumova. Moscow, Ellis-Lak publ., 2011. Vol. 2: Pis'ma [Letters]. 768 p. (In Russ.)

48. Ustinov, A. "1929 god v biografii Mandel'shtama" ["The year 1929 in Mandel'shtam's Biography"], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2002, no 6 (58), pp. 123–126. (In Russ.)

49. Ustinov, A. "Delo detskogo sektora Gosizdata 1932 g. Predvaritel'naia spravka" [The Case of the Gosizdat sector of juvenile literature, 1932. Preliminary data]. *Mikhail Kuzmin i russkaia kul'tura XX veka* [Mikhail Kuzmin and the XX century Russian culture], comp., ed. by G. Morev. Leningrad, Muzei Anny Akhmatovoi v Fontannom Dome publ., 1990, pp. 125–136. (In Russ.)

50. Ustinov, A., Loshchilov, I. "'Nashe ob'edinenie svobodnoe i dobrovol'noe': Nikolai Zabolotskii v OBERIU" ["'Our community is free and voluntary': Nikolai Zabolotskii in OBERIU"]. *Unacknowledged Legislators. Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel*, ed. by Lazar Fleishman, David M. Bethea, and Ilya Vinitzky. (Stanford Slavic Studies, vol. 50). Berlin, Peter Lang, 2020, pp. 519–550. (In Russ.)

51. Fleishman, L. “Marginalii k istorii russkogo avangarda (Oleinikov, oberiuty)” [“Marginalia to the history of the Russian Avant-Garde (Oleinikov, OBERIU)”]. Oleinikov, N. *Stikhotvoreniia* [Poems]. Bremen, K-Press, 1975, pp. 3–16. (In Russ.)
52. Fleishman, L. “Ob odnom zagadochnom stikhotvoreniia Daniila Kharmsa” [“On a mysterious poems by Daniil Kharms”]. *Stanford Slavic Studies*, 1987, vol. 1, pp. 247–258. (In Russ.)
53. Kharms, D. “Letanie bez kryl zhestokaia zabava” [“Flyina withot wings is a cruel entertainment”], ed., comm. by A. Ustinov. *Iskusstvo Leningrada* [The Art of Leningrad], 1990, no 2, pp. 82–83. (In Russ.)
54. Kharms, D. *Polnoe sobranie sochinenii. Zapisnye knizhki. Dnevnik: v 2 kn.* [Complete Works. Notebooks, Diary: in 2 books], comp. by V. Sazhin, J.-P. Jaccard, comm. by V. Sazhin. Saint-Petersburg, Akademicheskii proekt, 2002. (In Russ.)
55. Kharms, D. *Sobranie proizvedenii* [Collected works], ed. by M. Meilakh, Vl. Erl'. Books 1–4. Bremen, K-Press, 1978–1988. (In Russ.)
56. “Khronika zhizni i tvorchestva Daniila Kharmsa” [“Daniil Kharms Timeline”], comp. by A. Krusanov. Kharms, D. *Sluchai i veshchi* [Events and things]. Saint-Petersburg, Vita Nova publ., 2004, pp.415–484. (In Russ.)
57. Eikhenbaum, B. *O literature* [On Literature], comp. by O. Eikhenbaum, E. Toddes. Moscow, Sovetskii pisatel' publ., 1987. 550 p. (In Russ.)
58. “Estetika ‘stanovleniia’ A.V. Tufanova: stat'i i vystupleniia kontsa 1910-kh — nachala 1920-kh gg.” [“A.V. Tyfanov's ethics of ‘becoming’: articles and speeches, late 1910s-early 1920s”], introd., ed., comm. by T. Dviniatina, A. Krusanov. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2003–2004 gg.* [Pushkin House Manuscript Division Yearbook, 2003-2004]. Saint-Petersburg, Dmitrii Bulanin publ., 2007, pp. 614–694. (In Russ.)
59. Cheron, G. B. “Pasternak and M. Kuzmin. (An Inscription).” *Wiener Slawistischer Almanach*, 1980, Bd. 5, S. 67–69.
60. Cheron, G. “Mixail Kuzmin and the Oberiuty: An Overview.” *Wiener Slawistischer Almanach*, 1983, Bd. 12, S. 87–105.
61. Jaccard J.-Ph., Ustinov A. “Zaumnik Daniil Kharms: nachalo puti. Neopublikovannyye materialy D. Kharmsa” [Zaumnik Daniil Kharms: the beginnings. Unpublished Daniil Kharms' materials”]. *Wiener Slawistischer Almanach* (München), 1991, Bd. 27, S. 159–183. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 03.02.2021
Дата публикации: 25.03.2021

The article was submitted: 03.02.2021
Date of publication: 25.03.2021

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

Литературный факт.
2021. № 1 (19)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (19), 2021

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-253-267>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Соперники в символизме

© 2021 В. Е. Багно, Т. В. Мисникевич

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье рассматривается проблема рецепции западно-европейского модернизма в России в конце XIX — начале XX в., акцент сделан на феномене «кривого зеркала» инонационального восприятия, которое не только наделяет произведение зарубежного автора новыми функциями, но и подчас придает ему новый масштаб (судьба наследия Байрона, Золя, некоторые романы которого выходили в русском переводе раньше, чем в оригинале во Франции, поэта-парнасца Ж.-М. де Эредиа, получившего подлинную славу именно в России, в отличие от весьма недолгого признания на его родине). Предметом анализа являются тексты, максимально показательные и убедительные для заявленной темы, прежде переводы Федора Сологуба из Поля Верлена, открывшего, наряду с Брюсовым, французского поэта русскому читателю, и его оригинальные стихотворения, созданные в ходе и во многом в результате работы над переводами. Систематизация наблюдений над конкретными текстами дает возможность сделать вывод, что русские символисты, придерживаясь подчас противоположных воззрений на искусство, опираясь на авторитет Бодлера и Верлена, воспринимаемых во Франции скорее как предшественники символизма, чем его представители, шли с ними рядом, никогда не встречаясь в пути, но признавая «другого» за «равного».

Ключевые слова: русский символизм; французский символизм; межкультурные связи; художественный перевод; Федор Сологуб; Поль Верлен.

Информация об авторах: Всеволод Евгеньевич Багно — доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034., Санкт-Петербург, Россия. ORCIDID: <https://orcid.org/0000-0003-1408-5511>. E-mail: vsbagno@gmail.com.

Татьяна Владимировна Мисникевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034., Санкт-Петербург, Россия. ORCIDID: <https://orcid.org/0000-0001-6430-2778>. E-mail: tamisnikevich@yandex.ru.

Для цитирования: Багно В.Е., Мисникевич Т.В. Соперники в символизме // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 253–267.
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-253-267>

Мы можем идти по широким равнинам,
Идти, не встречаясь в пути никогда.

.....
Мы можем, мы можем, мы многое можем.
Но только — мой равный! — пока мы вдвоем.

Константин Бальмонт

Как известно, творчество многих западноевропейских писателей получало в России большой резонанс, чем у себя на родине. Литературная и общественная жизнь в России в XIX — начале XX вв. была чрезвычайно интенсивной; это, несомненно, определяло высокую степень восприимчивости читательской публики к литературным новинкам. Кривое зеркало инонационального восприятия не только наделяло произведение зарубежного автора новыми функциями, но подчас придавало ему новый масштаб. Так было с Байроном, так было с Золя, некоторые романы которого выходили в русском переводе раньше, чем в оригинале во Франции, с поэтом-парнасцем Ж.-М. де Эредиа, слава которого в России (достаточно сказать, что его переводили Брюсов, Гумилев, Волошин) несоизмерима с весьма недолгим признанием поэта на его родине.

М.П. Алексеев отметил, что «всякое произведение литературы, переведенное на другой язык, подвергаясь своего рода изоляции от родной почвы и родственных произведений и приобретая “чужое”, несвойственное ему ранее звучание, теряет кое-какие из своих качеств и прежде всего признак *времени* своего создания <...> Вместе с тем, однако, эти переводные произведения получают новые функции, которых они ранее не имели» [1, с. 350].

В этой связи особенно показательна история восприятия произведений Шарля Бодлера в России. Если П.Ф. Якубович, Н.С. Курочкин превращали Бодлера в революционного демократа, то Константин Бальмонт, Иннокентий Анненский, Эллис переосмыслили его в символистском ключе (см.: [2, с. 144–156]). Анненский также успешно перевоплощался в своих французских «спутников»–«соперников» — представителей Парнаса, «проклятых» или символистов [5].

Объем журнальной статьи вынуждает нас ограничить число имен и анализируемых текстов, вместе с тем выбрав те из них, которые будут максимально показательны и убедительны для заявленной темы, и сосредоточившись на переводах из Верлена и оригинальных стихотворениях Сологуба, открывшего, наряду с Брюсовым, французского поэта русскому читателю.

Последовательное представление русской читательской аудитории европейских авторов, в первую очередь литераторов Франции, принадлежащих к самым разным направлениям и течениям, в качестве «декадентов/символистов» происходило с самого начала 1890-х годов¹. Так, в статье «Смерть натурализма и нервная поэзия» художественный критик Ф.И. Булгаков задается вопросом, «добьется ли желанного господства в литературе, за смертью натурализма, та группа писателей, которая под кличкой “декадентов” и “символистов” так сильно начинает занимать не только французскую, но и вообще европейскую публику». Критик, с известной долей опасений поглядывающий на «декадентов-символистов», видит в их творчестве путь к освобождению от формальных «пут»: «Первенствовавшие до сих пор в лирике Франции парнасцы, главой которых считается Леконт де Лиль, слишком заботились об отчужденности рифмы и дошли до сухой искусственности формы. Верлен, Стефан Маларме, отличающийся утонченной чувствительностью Анри Ренье, Жан Мореас, Артур Рембо <...>, все эти поэты освободили себя от традиционных пут версификации <...> Таким образом, из отвращения к чересчур деланным стихам, “чересчур точным, чересчур документированным, чересчур рифмованным”, появилась эта поэзия, объявленная критиками ночной и туманной. И она действительно туманна, как всякая истинная поэзия, не поддающаяся передаче заурядной речью»².

Почти через год Ф. Булгаков вновь напоминает русской читательской аудитории о новом течении во французской поэзии. Его адепты определены критиком как «декаденты». Приверженцы «декадентства», и прежде всего Поль Верлен, по мнению критика, обладают способностью «прочувствовать всякие умственные и душевные противоречия нашего идущего к концу века», нацелены на изыскание всяческих «болезненных явлений» и «нового слова для нового ощущения»³.

Достаточно последовательно история освоения/усвоения «нового слова для нового ощущения», выявляемого русскими авторами в наследии европейских предшественников, прослеживается (в силу авторской упорядоченности материалов архива) в творчестве Федора Сологуба. Заслуживает внимания, что начало данного освоения совпадает с регулярным появлением критических статей о «декаден-

¹ Подробнее о специфике рецепции литературы и культуры Франции в эпоху модернизма в России см.: [6, с. 434–455; 11].

² Булгаков Ф. Смерть натурализма и нервная поэзия // Новое время. 1891. 18 (30) июля. С. 2.

³ Булгаков Ф. Диоген новейшей поэзии // Новое время. 1892. 28 мая (9 июня). С. 2.

тах-символистах» в русской печати: летом 1891 года Сологуб «залпом» выполнил несколько переводов из французских модернистов различных оттенков — Жюль Леметра, Франсуа Коппе, Фернана Икра, Поля Марро, Андре Жилля, Шарля Кро. При этом мимо его внимания проходят представленные во французском источнике текстов оригиналов (литературно-общественном журнале «La Lecture: Magazine littéraire bi-mensuel: Romans, contes, nouvelles, poésie, voyages, sciences, art militaire, vie champêtre, beaux-arts, critique, etc. etc.» — «Чтение: литературный двухнедельный журнал: романы, сказки, новеллы, поэзия, путешествия, науки, военное искусство, сельская жизнь, искусство, критика и т. п.») парнасец Леконт де Лиль, символисты Жан Мореас, Морис Роллина и, самое главное, Поль Верлен, оказавший в дальнейшем важнейшее влияние на становление Сологуба-поэта [4].

Однако эти первые серьезные переводческие опыты, возможно, в сознании Сологуба были важны именно как точка отсчета в формировании его как представителя «новой» литературы. В биографическом очерке о Сологубе, составленном Ан. Н. Чеботаревской при его непосредственном участии, 1891 год обозначен как этапный на данном пути: поэту удалось осуществить «назревшее в нем желание познакомиться с писателями Мережковским и Минским, произведениями которых (особенно “Белыми ночами” Минского) в то время он сильно увлекался. Минский отнесся к молодому поэту с чрезвычайной сердечностью, и знакомство с ним оказало на Сологуба значительное влияние. При свидании много беседовали об искусстве, поэзии, *новых течениях в западной литературе* (здесь и далее курсив наш. — В. Б., Т. М.)».⁴

В своем интересе к новинкам европейской литературы Сологуб проявлял тактику скорее не восторженного ученика, а наблюдателя, которая обеспечивала ему внутреннюю свободу и возможность чуткого взгляда со стороны. В сентябре 1892 г. он откликнулся на выход первого подробного исследования в России последних достижений французской поэзии — статьи Зинаиды Венгеровой «Поэты-символисты во Франции» — первым переводом из Поля Верлена на русский язык⁵. Следующий этап (март–май 1893) — тщательное «препарирование» верленовских стихотворений из сборников «Романсы без слов», «Сатурнические поэмы» и «Когда-то и недавно»

⁴ Русская литература XX века. 1890–1910. М., 1914. Т. 2. С. 11. Встреча с Минским зафиксирована в «Тетради посещений» Сологуба 19 июня 1891 г.; см. в публ. М.М. Павловой и А.Л. Соболева: [14, с. 24].

⁵ Подробнее о творческой истории перевода см.: [10].

путем подготовки подстрочников, представляющих собой своего рода гибрид — в большей или меньшей степени связный прозаический текст с вкрапленным в него большим количеством выписанных из словаря различных вариантов перевода слов, встретившихся тексте; в итоге такой подстрочник оказывался промежуточным жанром между пословным переводом и подстрочником в собственном смысле слова (подробнее см.: [3]). Здесь Сологуб также вписался в контекст публикаций о французских модернистах: в апрельском номере журнала «Северный вестник» под рубрикой «Письма из Парижа» был опубликован очерк «Литературные новинки». В очерке было уделено внимание и символистам, в частности Верлену: «Что же касается новой плеяды поэтов, до символистов, то, может быть, нам оттого трудно судить о них справедливо, что мы еще слишком близки к ним. Некоторые из них все-таки очень выдаются. Прежде всего Поль Верлен. Его надо поставить особняком, во-первых, оттого, что он понятен (во всяком случае, понятнее, чем сам того хотел бы); а во-вторых, потому, что его мысль — когда он умышленно не затемняет ее — проста и прочувствованна»⁶.

Подготовка подстрочников предопределила два года плодотворной работы Сологуба над переводами⁷, которые в дальнейшем прак-

⁶ *Robert de Cerisy <Paris M.-S.-M.>*. Литературные новинки. (Перевод с рукописи) // Северный вестник. 1894. № 4. Отд. II. С. 75.

⁷ Согласно данным авторской библиографической картотеки Сологуба и его рабочих тетрадей 1892–1894 гг., в 1893 г. поэт подготовил следующие переводы из Верлена: «На сердце слезы упали...», *16 января* (вторая редакция: «Мне в сердце слезы пали...», *31 января*, третья редакция «В слезах моя душа...», *7 августа*), «Синева небес над кровлей...», *1–2 февраля*, «С реки туман встает, как дым...», *5 марта*, «На солнце утреннем пшеница золотая...», *13 марта*, «Это — нега восхищенья...», *19–20 марта*, «В зелено-алой дали...», *25 марта* (вариант «В дали зелено-красной...», *11 мая*), «В полях кругом...», *26 марта*, «Калейдоскоп» («В том городе в мучительной земле...», *26–27 марта*), «Magique» («Океан трепещет...», *3, 8 апреля*), «Серенада» («То не голос трупа из могилы темной...», *9 апреля*), «Научися, мой друг...», *13 мая*, «Белая луна...», *13 июня*, «Тесный, светлый круг под лампой...», *11 июля*, «Вот осень наступила...», *12 июля*, «Grottesques» («Не опасаясь ни лишений...»), *13 июля*, «Пока блестит твой бледный диск...», *19 июля*, «Женщине» («Тебе мои стихи о ласке утешительной...», *25 июля*), «Ну-тка, спяшет джигу!...», *25 июля*, «Green» («Покорно приношу с цветами и плодами...», *25 июля*), «A rooq young shepherd» («Я лобзаться боюсь...», *25 июля*), «Фавн» («Плешивый фавн из темной глины...», *4 августа*), «Мне кротко грезится...», *6–7 августа*. «Возлагать не будем...», *7 августа*, «Veams» («Был ветер так нежен, и даль так ясна...», *24 августа*; в 1894 г.: «Лунный свет» («С изысканно убранным садом...», «Твоя душа — как тот избранный вид...», «Твоя душа подобна для меня...» — 3 варианта), *8 июня*, «Вчера среди ничтожных разговоров...», *9 июня*, «Лети ты, песенка скорей...», *9 июня*, «У вас, мой друг, терпенья нет ни мало...», *11 июня*, «Мы — невинные творенья...», *12 июня*, «Музыка, музыка прежде всего!...», *13 июня*, «Почти боюсь — так сплетена...», *13 июня*, «Был шумен бал, и скрипки с пеньем флейт сливали...», *16 июня*, «Печаль без меры, без конца!...», *16 июня*, «Розы были слишком красны...», *16 июня*, «То будет жарким летом, в полдень ясный...», *18 июня*; «Непорочна ты

тически полностью укомплектовали его первое отдельное издание переводов из Верлена⁸. Тем не менее, он не спешил с их публикацией в периодике, даже вышедшее в 1894 г. отдельное издание «Романсов без слов» в переводе Валерия Брюсова не стало для Сологуба поводом представить более-менее внушительный корпус своих переводов на суд публики и критики⁹. В 1893 и в 1894 гг. Сологуб публикует всего по одному переводу в журнале «Северный вестник» — стихотворений «Le ciel est, par-dessus le toit...» (сборник «Sagesse») ¹⁰ и «Beams» («Elle voulut aller sur les flots de la mer...»), сборник «Romances sans paroles») ¹¹. Показательно, что в восьмом номере журнала за 1893 г. была опубликована статья А. Усова «Несколько слов о декадентах. (Бодлэр, Верлэн, Маллармэ, Рембо)», в которой, в частности, был представлен довольно подробный анализ сборника «Мудрость». Текст стихотворения «Le ciel est, par-dessus le toit...» (в оригинале) полностью воспроизведен в статье как пример одного из лучших лирических опытов Верлена, посвященных его «стремлению “к простому обывательскому счастью» ¹². Кроме того, Усов рассуждает о природе декадентства и символизма и особенностях поэтики произведений адептов этих течений во французской литературе. Таким образом, опубликованный в следующем номере «Северного вестника» перевод Сологуба органично вписался в дискуссию о «новых течениях» в поэзии и послужил наглядной иллюстрацией их творческого потенциала для русской культуры.

иль нет...», 19 июня, «Я не имею копейки медной за душой...», 19 июня, «Встает туман с реки, и тень деревьев тонет...», «С реки туман встает, как дым...» — 2 варианта, 2 июля, «Прошла зима, и теплое сиянье...», 3 июля, «Я враг обманам туалета...», 7 июля, «Сбор винограда» («Что там у нас в мозгу поет...»), 9 июля, «Она прелестна в свете нежном...», 11, 17 июля, «Далек от ваших глаз, сударыня, живу...», 19, 22 июля, «Одни, наивные, иль с вялым организмом...», 23 июля, 4 августа, «Был ветер так нежен, и даль так ясна...» 25 июля, 24 августа, «Зеленеют и краснеют...», 9 августа (см.: РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 38; Ед. хр. 543, 545). См.: [13], а также в составленной А.Б. Стрельниковой и В.В. Филичевой библиографии «неизданных и несобранных поэтических переводов» Сологуба: [14, с. 634–640].

⁸ *Поль Верлен*. Стихи, избранные и переведенные Федором Сологубом. СПб.: Факелы, 1908.

⁹ Подробнее о переводческом соперничестве Брюсова и Сологуба см.: [7; 15].

¹⁰ См.: *Верлен П.* Синевя небес над кровлей / Пер. Ф. Сологуба // *Северный вестник*. 1893. № 9. Отд. I. С. 202.

¹¹ См.: *Верлен П.* Был вечер так нежен и даль так ясна / Пер. Ф. Сологуба // *Северный вестник*. 1894. № 6. Отд. I. С. 218.

¹² *Северный вестник*. 1893. № 8. Отд. I. С. 202.

Данные авторской библиографической картотеки свидетельствуют, что поэт начал регулярно отсылать в различные издания свои переводы из Верлена только с 1897 года, уже после выхода двух первых своих сборников стихов¹³.

В качестве варианта развития прихотливого диалога Сологуба с Верленом рассмотрим перевод стихотворения «Le foyer, la lueur étroite de la lampe...» из сборника «La Bonne chanson» («Добрая песня»), датированный 11 июля 1893 г. Это время — пик первого этапа переводческой активности Сологуба: 10 из 28 переводов, осуществленных в 1893 г., приходится именно на июль.

Приведем текст оригинала, подстрочник и версию текста перевода, включенную в оба издания переводов Сологуба из Верлена¹⁴.

¹³ 12 апреля 1897 г. — в «Новости и Биржевую газету» («Меня не веселит ничто в тебе, природа...»), «Пока блестит твой бледный лик...»), «То не голос труппа из могилы темной...»), 26 сентября 1897 г. — во «Всемирную иллюстрацию» («Плешивый фавн из темной глины...»), «Я не имею...»), 5 октября 1897 г. — в «Новости и Биржевую газету» («Nevermore» («Зачем ты вновь меня томишь, воспоминанье...»)), 15 июня 1897 г. — в «Новости и Биржевую газету» («Одни, наивные иль с вялым организмом...»), «То будет жарким летом в полдень ясный...»), «На ладонь виском прилег я...»), 15 октября 1897 г. — в «Новости и Биржевую газету» («Мне кротко грезится под шепотом ветвей...»), «Не опасаясь ни лишений...»), «О что в душе моей поет...»), «Розы были слишком красны...»), «Я в черные дни...»), 6 декабря 1897 г. — в «Вестник иностранной литературы» («Возлагать не будем не будем друг на друга пути...»), «В дали зелено-красной...»), «Печаль без меры, без конца...»), 8 декабря 1897 г. — в «Новости и Биржевую газету» («В зелено-алой дали...»), «Мы — невинные творенья...»), «Покорно приношу с цветами и плодами...»), 22 марта 1898 г. — в «Петербургскую жизнь» («В полях кругом...»), 12 июня 1898 г. — в «Новости и Биржевую газету» («Я враг обманам туалета...»), 19 июня 1898 г. — в «Новости и Биржевую газету» («Непорочна ты иль нет...»), «Тебе мои стихи о ласке утешительной...»), 12 июля 1904 — в «Новый журнал иностранной литературы» («Плешивый фавн из темной глины...»), 21 августа 1904 г. — в «Новый журнал иностранной литературы» («В дали зелено-красной...»), «В слезах моя душа...»), «Лети ты, песенка, скорей...»), «Тебе мои стихи о ласке утешительной...»), 16 октября 1904 г. — в «Новый журнал иностранной литературы» («Она прелестна в свете нежном...»), «Почти боюсь, — так сплетена...»), 6 декабря 1904 г. — в «Новый журнал иностранной литературы» («Научися, мой друг...»), «Океан трепещет...»), «Это — нега восхищенья...»), «С изысканно убранным садом...»), 26 февраля 1907 — в «Образование» («На сердце слезы упали...»), «С изысканно убранным садом...») (см.: РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 543, 545).

¹⁴ *Поль Верлен*. Стихи, избранные и переведенные Федором Сологубом. С. 39; *Поль Верлен*. Стихи, выбранные и переведенные Федором Сологубом. Издание второе исправленное и дополненное. Пг., М.: Петроград, 1923. С. 93.

Оригинал

Le foyer, la lueur étroite de la lampe;
 La rêverie avec le doigt contre la tempe
 Et les yeux se perdant parmi les yeux aimés;
 L'heure du thé fumant et des livres fermés;
 La douceur de sentir la fin de la soirée;
 La fatigue charmante et l'attente adorée
 De l'ombre nuptiale et de la douce nuit,
 Oh! Tout cela, mon rêve attendri le poursuit
 Sans relâche, à travers toutes remises vaines,
 Impatient des mois, furieux des semaines!

Подстрочник

Очаг, луч/свет узкий/интимный лампы;
 Задумчивость с пальцем у виска
 И глаза, теряющиеся в очах любимой;
 Время дымящегося чая и закрытых книг;
 Сладостное предчувствие, что вечер на исходе;
 Отрадная истома и трепетное ожидание
 Брачной сени и сладостной ночи,
 О! в моих блаженных мечтах меня неудержимо влечет
 Все это, невзирая на тщетные отсрочки,
 С нетерпением - к месяцам, с яростью — к неделям!

Перевод

Тесный, светлый круг под лампой; очага мерцанье;
 На ладонь виском прилягу; тихое мечтанье;
 Взор, блуждающий в лазури ненаглядных глаз;
 Час дымящегося чая, книг закрытых час;
 Радость чувствовать душою вечера склоненье;
 Восхитительная томность, страстное хотенье;
 Чтоб упала брачной ночи сладостная тень, —
 Вот к чему мечтою нежной каждый Божий день
 Я без устали стремился месяцы, недели, —
 И в отсрочках беспрестанных грезы не хладели.

11 июля 1893

Автограф перевода, представленный в рабочей тетради Сологуба 1892–1894 гг.¹⁵, дает возможность выявить этапы становления его текста. Изначально Сологуб выполнил перевод первых трех строк оригинала:

От лампы узкий свет, от очага мерцанье,
 В склоненной голове отрадное мечтанье,
 И взор, блуждающий в лазури милых глаз;

Однако он отверг данный вариант (он перечеркнул) и записал текст перевода заново. Нижний слой автографа имеет незначительные расхождения с окончательным текстом: в стихах 1–2 (*Узкий светлый круг под лампой; очага мерцанье / В голове, к рукам склоненной,*

¹⁵ РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 362.

кроткое мечтанье) и в стихе 5 (*Сладость* чувствовать душою вечера *паденье*). Правка карандашом, вероятно, более поздняя и связана с публикацией перевода в журнале «Петербургская жизнь». В результате этой правки был создан промежуточный вариант текста¹⁶, со следующим расположением стихов 1–4 (их порядок обозначен цифрами слева): На ладонь виском прилегла я, кроткое мерцанье; / Тесный светлый круг под лампой, очага; мерцанье; / Час дымящегося чая, книг закрытых час; / Взор, блуждающий в лазури ненаглядных глаз. Этот вариант, согласно отсылочной помете, Сологуб 15 июня 1897 г. направил в «Новости и Биржевую газету».

В целом перевод, с учетом всех отмеченных вариаций его текста, воспроизводит образно-стилевую строй оригинала, а также схему рифмовки. Но отнести его к числу несомненных переводческих удач Сологуба, пожалуй, нельзя. Стихотворение Верлена отличается четкая продуманность лексического состава, оно представляет собой классическую зарисовку, точными мазками передающую настроение лирического героя и мир вокруг сквозь призму его восприятия, и, соответственно, демонстрирует главные свойства и достижения лирики Верлена: разуплотнение действительности, стирание границ между внешним миром и миром лирического героя. Текст стихотворения основан на назывных конструкциях, действие переведено в описание (*задумчивость, теряющиеся, дымящегося, закрытых, предчувствие, ожидание*). Единственный глагол в тексте (*влечет*) служит знаком перехода от сдержанности и умиротворения к скрываемому за ними внутреннему напряжению (с нетерпением, с яростью).

У Сологуба краткость и напрямую связанная с ней динамика оригинала размываются (в этом плане более адекватен отвергнутый вариант первых трех строк), текст становится «рыхлым» (он существенно отличается и по количеству знаменательных слов)¹⁷. В переводе больше эпитетов, вводится ряд глаголов (*прилягу, чувствовать, упала, не хладели*), привнесены и значимый для поэзии символизма образ лазури (однако в качестве распространенного поэтизма — *лазурь глаз*).

Тем не менее этот перевод чрезвычайно интересен как пример восприятия представителем другого языка и другой культуры близкого ему по тем или иным характеристикам автора. Сологуб, по-видимому, не случайно выбрал для перевода текст стихотворения «Le

¹⁶ Все стихи приведены к варианту окончательного текста, за исключением стиха 2: а На ладонь виском припасть бы, кроткое мечтанье, б На ладонь виском прилечь бы, кроткое мечтанье, в На ладонь виском я лягу, кроткое мечтанье, г На ладонь виском прилегла я, кроткое мечтанье.

¹⁷ В позднем варианте, созданном 7 марта 1922 г., это отчасти устранено. См.: *Поля Верлен*. Стихи, выбранные и переведенные Федором Сологубом. С. 42.

foyer, la lueur étroite de la lampe...». Образ «лампы», ставший одним из важнейших в творчестве Сологуба, был впервые обыгран поэтом в стихотворении «Шаловливые порывы / Миновали вы давно...», 20 июня 1893 [12, с. 35], то есть чуть раньше начала работы над переводом. Важно, что стихотворение посвящено теме творчества и вдохновенья:

Речка светлая текла
 Из чернильницы, мечтою
 Обращенною в тот ключ,
 Где с кипучею волною
 Вдохновенья блещет луч.
Лампы свет сиял, как солнце,
Млела тучей лампы медь,
 И на малом небосклонце
 Начала она синеть.

Творческие находки Верлена, не вполне реализованные Сологубом в переводе (прежде всего максимальное применение спектра мотивов грусти, тоски, томления, при точности и емкости его поэтической речи), воплотились, в частности, в стихотворениях, входящих, по определению Е.А. Лундберга, в состав «маленькой поэмы “о лампе”», которую в той или иной форме можно найти в каждом сборнике его стихов»¹⁸. Первое стихотворение в этом «цикле» — «Лампа моя равнодушно мне светит...», 3 октября 1894. Сюжет стихотворения, как и у Верлена, построен на диалоге лирического героя с окружающим предметным миром, который, с одной стороны, определяет его настроение, а с другой — «подсвечивается» его душевным состоянием:

Лампа моя равнодушно мне светит,
 Брошено скучное дело,
 Песня еще не созрела, —
 Что же тревоге сердечной ответит?

Белая штора висит без движенья.
 Чьи-то шаги за стеною.
 Эти большие томленья —
 Перед бедою! [12, с. 186]

¹⁸ См.: Лундберг Евгений. Лирика Федора Сологуба // Русская мысль. 1912. № 4. С. 73.

Однако если у Верлена мотив «томленья» связан с радостным, хоть и беспокойным ожиданием единения с любимой, отодвинувшего творчество на задний план (*L'heure du thé fumant et des livres fermés* / Время дымящегося чая и закрытых книг), то у Сологуба — с тревожным ожиданием реализации творческих интенций: не случайно первоначальная редакция стихотворения открывалась строкой «Песня еще не созрела» [12, с. 186]. Возможно, именно «оглядка» на Верлена побудила Сологуба вывести на первый план образ лампы (при том, что слово «песня» создает отсылку к сборнику «*La bonne chanson*» в целом) и скорректировать концовку стихотворения (в первоначальной редакции: Эти томленья, / О, эти муки тоски перед бедою!), заменив словосочетание «муки тоски» на эпитет «больные»¹⁹.

В последующих частях «поэмы о лампе» так или иначе развивается присутствующий в «первой» ее части образно-мотивный ряд: «Где же мой кроткий эдем? <...> / Темные стены глядят на меня. / Скучная лампа горит. / Скучная книга лежит» («Холод повеял в окно...», *22 августа 1898*) [12, с. 455]²⁰, «Скучная лампа моя зажжена, / Снова глаза мои мучит она. <...> Если мне вечно за этим столом / Скучным и скудным томиться трудом» («Скучная лампа моя зажжена...», *26 августа 1898*) [12, с. 465], «И душны покровы, и скучно лежать, / Но свет мой не хочет в окне засиять. / Докучная лампа, тебя ли зажечь, / Чтоб взоры направить на мертвую речь? / Иль грешной мечтою себя веселить» («Рассвет полусонный, я очи открыл...», *21 ноября 1899*) [12, с. 553]²¹.

Эти примеры наглядно показывают, что Сологуб в своей переводческой практике, органично дополнившей его поэтическое творчество, по-своему интерпретировав, подтвердил известное высказывание Жуковского «Переводчик в прозе есть раб; переводчик в стихах — соперник». Сомневаясь в собственных силах (Господи, если я раб, Если я беден и слаб) и стремясь к совершенству (Дай мне

¹⁹ Последние две строки стихотворения Р.В. Иванов-Разумник назвал «лучшим эпиграфом» к первому авторскому сборнику стихов Сологуба (*Иванов-Разумник. О смысле жизни. Федор Сологуб, Леонид Андреев, Лев Шестов. СПб., 1908. С. 21*).

²⁰ Д.В. Философов в рецензии на книгу стихов Сологуба «Собрание стихов. Книга III и IV: 1897–1903 г.» (М.: Скорпион, 1904) полностью процитировал это стихотворение и отметил, что «Сологуб простой ненарядной речью говорит о скучных и как будто самых простых вещах» (Новый Путь. 1904. № 2. С. 211). Ю.И. Айхенвальд, процитировав две последние строки стихотворения, отметил, что Сологубу «скучно, как пушкинскому Фаусту» (*Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. М., 1910. Вып. III. С. 105*).

²¹ Ср. оценку Е.А. Лундберга: «В “Пламенном круге” ночная резиньяция превращается в молитву. Лампа скучна, речь мертва — без конца ли? Принять это, как порядок, как должное, даже Сологуб не в силах» (Русская мысль. 1912. № 4. С. 73–74).

в одну только ночь / Слабость мою превозмочь / И в совершенном созданыи одном / Чистым навеки зажечься огнем), поэт не боялся «проиграть» Верлену и осознанно впитывал его опыт, нередко во-площая его в своих оригинальных текстах²².

Ближайший «соперник» Сологуба по переводам из Верлена Брюсов сочетал в освоении Верлена и творческий (через перевод), и критико-аналитический подход (прежде всего в своем раннем неопубликованном исследовании 1893 г. «Поль Верлен и его поэзия»; см.: [7]). Сологуб оставил за собой право декларировать абсолютную свободу и независимость от объекта переводческого интереса: «Я переводил Верлена, ничем внешним к тому не побуждаемый. Переводил потому, что любил его»²³, и поставить в единый ряд себя и Верлена в названии первого издания книги переводов из французского поэта: «Федор Сологуб. Стихи. Книга седьмая. Переводы из Верлена» — «Поль Верлен. Стихи, избранные и переведенные Федором Сологубом»²⁴.

Однако именно Брюсов впоследствии признал, что Сологубу «удалось некоторые стихи Верлена в буквальном смысле слова пересоздать на другом языке так, что они кажутся оригинальными произведениями русского поэта, оставаясь очень близки к французскому подлиннику»²⁵.

Почувствовав уверенность в собственных поэтических силах и отдав дань уважения Верлену включением перевода стихотворения «Le ciel est, par-dessus le toit...» в свой первый авторский сборник стихов, Сологуб утратил переводческий интерес к Верлену (в 1895 г. он выполнил всего один перевод, в 1896 г. — два) и вновь обращается к нему только в 1922 г. на позднем этапе своего творчества.

²² Наиболее четко единение с Верленом воплотилось в стихотворениях «На мотив Верлена» («Под гул, затеянный метелью...», 7 июля 1894), «Святая в небесном сиянье...», 16 января 1896 и «Вдали, над затравленным зверем...», 1, 2 февраля 1896; подробнее см.: [9].

²³ См.: *Поль Верлен. Стихи, избранные и переведенные Федором Сологубом*. С. 7.

²⁴ Е.Г. Эткинд, характеризуя особенности переводческих воззрений символистов, выделил именно Сологуба как наиболее показательный пример: «<...> они вовсе и “не хотят знакомить” с Гете, с Петраркой, Шелли или Уитменом — они хотят выразить только себя и свое мироощущение (это относится даже к переводам Ф. Сологуба из Верлена)» [8, с. 12]. Исследователь проводит параллель между отождествлением собственного творчества и переводов в эпоху Жуковского, Пушкина и Лермонтова и у поэтов Серебряного века: «Впервые такое отождествление встречается у В.А. Жуковского, имевшего право сказать: “...у меня почти все чужое, или по поводу чужого, — и все, однако, мое”» [8, с. 5].

²⁵ *Верлен П. Собрание стихов / Пер. В. Брюсова. М., 1911. С. 7–8.*

Возвращаясь к вынесенным в эпиграф строкам стихотворения Бальмонта «Соперники», можно сказать, что русские символисты, не соглашаясь друг с другом, придерживаясь подчас противоположных воззрений на искусство, опираясь на авторитет Бодлера и Верлена, воспринимаемых во Франции скорее как предшественники символизма, чем его представители, шли с ними рядом, никогда не встречаясь в пути, но признавая «другого» за «равного».

Литература

1. *Алексеев М.П.* Русская литература и ее мировое значение. Л.: Наука, 1989. 416 с.
2. *Багно В.Е.* «Дар особенный»: Художественный перевод в истории русской культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 354 с.
3. *Багно В.Е., Мисникевич Т.В.* Верлен в подстрочниках и Верлен в переводе: творческая лаборатория Федора Сологуба // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5, № 3. С. 358–377.
4. *Багно В.Е., Мисникевич Т.В.* Уроки французского (Неизвестные переводы Федора Сологуба и становление русского декадентства) // *Русская литература*. 2016. № 1. С. 23–41.
5. *Багно В.Е., Петрова Г.В.* Тихие песни парнасцев и проклятых (Творческая история первой книги стихов И.Ф. Анненского) // *Русская литература*. 2016. № 4. С. 19–39.
6. *Гаспаров М.Л.* Избранные труды. М.: Языки славянской культуры, 1997. Т. II: О стихах. 504 с.
7. *Гиндин С.И.* Из ранней верленианы Валерия Брюсова // *De visu*. 1993. № 8. С. 24–49.
8. Мастера поэтического перевода. XX век / вступит. ст., сост., примеч. Е.Г. Эткинда. СПб.: Академический проект, 1997. 879 с. (Новая Библиотека поэта.)
9. *Мисникевич Т.В.* «На мотив Верлена»: перевод vs. оригинал // *Текстологический временник: Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения*. М.: ИМЛИ РАН, 2012. Вып. 2. С. 241–261.
10. *Мисникевич Т.В.* «Первый» или «неудачный»: о роли перевода стихотворения Поля Верлена «Le ciel est, par-dessus le toit...» в творческой биографии Федора Сологуба // *Русская литература*. 2020. № 4. С. 234–240.
11. *Полонский В.В.* GALLO-ROSSICA: Из истории русско-французских литературных связей конца XVIII — начала XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 416 с.
12. *Сологуб Ф.* Полное собрание стихотворений и поэм: в 3 т. / изд. подгот. Т.В. Мисникевич. СПб.: Наука, 2014. Т. 2. Кн. 1: Стихотворения и поэмы 1893–1899. 992 с.
13. *Стрельникова А.Б.* Сологуб — переводчик поэзии П. Верлена. Томск: Изд-во ТПУ, 2010. 179 с.
14. Федор Сологуб: Разыскания и материалы: Сборник / под ред. М.М. Павловой. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 832 с.
15. *Филичева В.В.* «Соединение наших переводов могло бы быть полезно» (Ф. Сологуб и В. Брюсов в работе над переводами П. Верлена) // *Текстология и историко-литературный процесс*. М.: Лидер, 2016. Вып. 4. С. 131–140.

Research Article

RIVALS IN SYMBOLISM

© 2021, Vsevolod E. Bagno, Tatiana V. Misnikevich

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russia

Abstract: The article examines the reception of Western European modernism in Russia in the late 19th — early 20th centuries, with the emphasis on the phenomenon of the “crooked mirror” of a different nation perception, which not only endows the work of a foreign author with new functions, but sometimes also gives it a new scale (as with Byron, Zola, some of whose novels were published in Russian translation earlier than in the original in France, the Parnassian poet Jose Maria de Heredia, who received real fame in Russia, in contrast to the very short recognition in his homeland). The subject of the analysis is the texts that are maximally indicative and convincing for the stated topic, above all the translations from Paul Verlaine by Fyodor Sologub, who, along with Bryusov, opened the French poet to the Russian reader, and his original poems, created in the course of and largely as a result of work on translations. The systematization of observations on specific texts makes it possible to conclude that Russian Symbolists, adhering to sometimes opposite views on art, relying on the authority of Baudelaire and Verlaine who are perceived in France more as predecessors of Symbolism than its representatives, walked alongside them, never meeting along the way, but recognizing the “other” as “equal”.

Keywords: Russian symbolism; French symbolism; intercultural ties; literary translation; Fyodor Sologub; Paul Verlaine.

Information about the authors: Vsevolod E. Bagno — DSc in Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1408-5511>. E-mail: vsbagno@gmail.com

Tatyana V. Misnikevich — PhD in Philology, Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6430-2778>. E-mail: tamisnikevich@yandex.ru

For citation: Bagno, V.E., Misnikevich T.V. “Rivals in Symbolism.” *Literaturnyi fakt*, 2021, no. 1 (19), pp. 253–267. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-253-267>

References

1. Alekseev, M.P. *Russkaia literatura i ee mirovoe znachenie* [Russian Literature and Its World Significance]. Leningrad, Nauka Publ., 1989. 416 p. (In Russ.)
2. Bagno, V.E. "Dar osobennyi": *Khudozhestvennyi perevod v istorii russkoi kul'tury* ["A Special Gift": Literary Translation in the History of Russian Culture]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. 354 p. (In Russ.)
3. Bagno, V.E., Misnikovich, T.V. "Verlen v podstrochnikakh i Verlen v perevode: tvorcheskaia laboratorii Fedora Sologuba" ["Verlen in the Interlinear Translation and in Translation: Creative Laboratory of Fyodor Sologub"]. *Studia Litterarum*, vol. 5, no. 3, 2020, pp. 358–377. (In Russ.)
4. Bagno, V.E., Misnikovich, T.V. "Uroki frantsuzskogo (Neizvestnye perevody Fedora Sologuba i stanovlenie russkogo dekadentstva)" ["French Lessons (Unknown Translations by Fyodor Sologub and the Formation of Russian Decadence)"]. *Russkaia literatura*, no. 1, 2016, pp. 23–41. (In Russ.)
5. Bagno, V.E., Petrova, G.V. "Tikhie pesni parnastsev i proklyatykh (Tvorcheskaia istoriia pervoi knigi stikhov I.F. Annenskogo)" ["Quiet Songs of the Parnassians and the Damned (Creative History of I.F. Annensky's First Book of Poems)"]. *Russkaia literatura*, no. 4, 2016, pp. 19–39. (In Russ.)
6. Gasparov, M.L. *Izbrannye trudy* [Selected Works], vol II: O stikhakh [On Verse]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 1997. 504 p. (In Russ.)
7. Gindin, S.I. "Iz rannei verleniany Valerii Briusova" ["From Valery Bryusov's Early Verlainiana"]. *De visu*, no. 8, 1993, pp. 24–49. (In Russ.)
8. *Mastera poeticheskogo perevoda. XX vek* [Masters of Poetic Translation. 20th Century], introd., comp., comm. by E.G. Etkind. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1997. 879 p. (In Russ.)
9. Misnikovich, T.V. "Na motiv Verlenu: perevod vs. original" ["On Verlaine's Motive: Translation vs. Original"]. *Tekstologicheskii vremennik: Russkaia literatura XX veka: Voprosy tekstologii i istochnikovedeniia* [Text Criticism Chronicle: Russian Literature of the 20th Century: Text Criticism and Source Study Issues], issue 2. Moscow, IWL RAS Publ., 2012, pp. 241–261. (In Russ.)
10. Misnikovich, T.V. "Pervyi ili 'neudachnyi': o roli perevoda stikhotvoreniia Polia Verlenu 'Le ciel est, par-dessus le toit...' v tvorcheskoi biografii Fedora Sologuba" ["First' or 'Unsuccessful': on the Role of Translation of Paul Verlaine's Poem 'Le ciel est, par-dessus le toit...' in the Creative Biography of Fyodor Sologub"]. *Russkaia literatura*, no. 4, 2020, pp. 234–240. (In Russ.)
11. Polonskii, V.V. *GALLO-ROSSICA: Iz istorii rusko-frantsuzskikh literaturnykh svyazei kontsa XVIII — nachala XX veka* [GALLO-ROSSICA: From the History of Russian-French Literary Ties in the Late 18th — Early 20th Centuries]. Moscow, IWL RAS Publ., 2019. 416 p. (In Russ.)
12. Sologub, F. *Polnoe sobranie stikhotvoreniia i poem: v 3 t.* [Complete Lyrics and Poems: in 3 vols.], vol. 2, book 1: Stikhotvoreniia i poem 1893–1899 [Lyrics and Poems 1893–1899], prep. by T.V. Misnikovich. St. Petersburg, Nauka Publ., 2014. 992 p. (In Russ.)
13. Strel'nikova, A.B. *Sologub — perevodchik poezii P. Verlenu* [Sologub as a Translator of P. Verlaine's Poetry]. Tomsk, Izd-vo TPU Publ., 2010. 179 p. (In Russ.)
14. *Fedor Sologub: Razyskaniia i materialy: Sbornik* [Fyodor Sologub: Discoveries and Materials], ed. by M.M. Pavlova. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. 832 p. (In Russ.)
15. Filicheva, V.V. "Soedinenie nashikh perevodov moglo by byt' polezno" (F. Sologub i V. Briusov v rabote nad perevodami P. Verlenu)" ["The Combination of Our Translations Could Be Useful" (F. Sologub and V. Bryusov translating P. Verlaine)"]. *Tekstologiya i istoriko-literaturnyi protsess* [Text Criticism and Historical-Literary Process], issue 4, Moscow, Lider Publ., 2016, pp. 131–140. (In Russ.)

«Загадка, которую должна разрешить критика»: В. Брюсов о Вилье де Лиль-Адане

© 2021, А. Д. Савина

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация. Данная публикация посвящена таким важным темам, как критическое наследие Валерия Брюсова и его французские увлечения. Цель работы — ввести в научный оборот текст, свидетельствующий о попытке Брюсова-критика осмыслить произведения и судьбу позднего французского романтика О. Вилье де Лиль-Адана. Во вступительной статье представлен общий характер литературных связей Брюсова с этим писателем. Отмечено, что на протяжении четверти века русский поэт обращался к творчеству французского автора и как редактор, и как переводчик, и как автор-новеллист, восприимчивый к художественному опыту предшественников. Публикуемые материалы представляют собой черновые наброски статьи Брюсова о творчестве Вилье де Лиль-Адана, сделанные в 1910-е гг. В отличие от известных текстов Брюсова, посвященных Вилье (предисловие к сборнику «Жестокие рассказы» (1908), статья в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона), в этих фрагментах Брюсов развернуто выражает свое отношение к писателю и обращается к анализу его новелл. Критик подводит итог отечественной рецепции творчества Вилье де Лиль-Адана и русской судьбы других «проклятых поэтов». Кроме того, Брюсов дает свое видение уровня русской читательской аудитории, определяет степень знакомства «среднего читателя» с французской литературой. Комментарии публикатора уточняют картину русской рецепции Вилье де Лиль-Адана, представленную Брюсовым.

Ключевые слова: В. Брюсов; О. Вилье де Лиль-Адан; русско-французские литературные связи; критика; новеллистика; «проклятые поэты»; литературная репутация.

Информация об авторе: Анфиса Даниловна Савина — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: 0000-0002-8081-5159. E-mail: anfisa.savina@yandex.ru

Для цитирования: Савина А.Д. «Загадка, которую должна разрешить критика»: В. Брюсов о Вилье де Лиль-Адане // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 268–285. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-268-285>

Творческое наследие Брюсова-критика закономерно вызывало и вызывает интерес исследователей литературного процесса рубежа XIX–XX вв. «Самый культурный писатель на Руси» [6, т. 12, с. 160], В. Брюсов оставил множество разножанровых работ (от рецензий в несколько строк до обстоятельных статей), посвященных и русской, и европейской литературе. При этом, как не раз отмечалось брюсоведами, в обширном кругу «разнонациональных художественных культур, привлекавших пристальное внимание» поэта, особенное место занимала культура Франции [1, с. 91]. Хорошо известны работы Брюсова, посвященные Верлену и Верхарну, его вступительные статьи и примечания в сборниках «Французские лирики XVIII века» [12], «Французские лирики XIX века» [11]¹; кроме того, поэт нередко выступал автором предисловий к переводам французской прозы. Среди писателей, к которым Брюсов проявлял глубокий и последовательный интерес, должен быть назван поздний французский романтик О. Вилье де Лиль-Адан (1838–1889).

Аристократ, всю жизнь прозябающий в нищете, идеалист, осыпающий насмешками «позитивную науку» и «прогрессивное общество», горячий поклонник Вагнера, автор научно-фантастического романа «Будущая Ева», розенкрейцерской драмы «Аксель», нескольких сборников новелл и других произведений, Вилье де Лиль-Адан был признан парижскими символистами одним из вождей и предтеч движения (о чем Брюсов упоминает в предисловии к «Французским лирикам XIX века» [11, с. XXIV]).

Безусловно, писатель не стал литературным кумиром в России рубежа XIX–XX вв., однако его творчество было достаточно известно в определенных кругах. О его книгах писали З. Венгерова и Л. Гуревич, М. Волошин и Д. Мережковский; к переводу его прозаических произведений обращались такие поэты, как И. Анненский, З. Гиппиус, М. Волошин и сам Брюсов. В 1901 г. К. Бальмонт предлагал одному из своих приятелей перевести на русский язык сборник новелл Вилье. Это начинание не было осуществлено — первый сборник избранных рассказов французского автора вышел в России только в 1908 г.

Стоит отметить, что отношение русских литераторов к Вилье де Лиль-Адану формировалось под влиянием его французских читателей: Г. Кана, Т. де Визева, Р. де Гурмона и др. В книгах этих критиков, хорошо знакомых Брюсову ко времени создания «Весов», Вилье де Лиль-Адан представал писателем, достойным восхищения,

¹ В расширенном составе антология вошла в Собрание сочинений В. Брюсова [4, т. 21].

несмотря на недостатки; человеком с благородной, высокой душой, творческие замыслы которого были так прекрасны, что не могли полностью воплотиться; идеалистом, сумевшим дать проницательную оценку современности.

Начальное впечатление о Вилье де Лиль-Адане молодой Брюсов, вероятнее всего, получил из сборника Верлена «Проклятые поэты» («*Les poètes maudits*»), в расширенное издание которого вошел восторженный очерк о писателе («Хотя Вилье уже очень СЛАВЕН [...] однако мы называем его среди *Проклятых поэтов*, ПОТОМУ ЧТО ОН НЕДОСТАТОЧНО ПРОСЛАВЛЕН своим временем, которое должно было бы быть у его ног» [...] «мы очень надеемся, что успех — вы слышите? — УСПЕХ — снимет проклятие, которое тяготеет над превосходным поэтом», — писал Верлен [14, р. 80])². Существенно, что верленовский акцент на «проклятости» Вилье де Лиль-Адана сказался в дальнейших оценках Брюсовым его творческой судьбы.

Со временем русский поэт представил отечественному читателю почти всех «проклятых»: брюсовские переводы Верлена вышли отдельными книгами, Марселине Деборд-Вальмор, Малларме, Рембо и, конечно, Верлену были уделены страницы уже в первом издании антологии «Французские лирики XIX века» (1909), в стороне остался Тристан Корбьер, но публикуемые ниже материалы подтверждают, что сам Брюсов не считал его достаточно талантливым поэтом. Вилье де Лиль-Адан, писавший преимущественно прозу, в упомянутой антологии не представлен, но еще годом ранее в том же издательстве «Пантеон» вышел сборник его новелл «Жестокие рассказы» [5]. В книгу, ставшую первым отдельным изданием произведений писателя на русском языке, вошли семь (в последующих изданиях — восемь) новелл из оригинального сборника «*Contes cruels*» [15]. Валерий Брюсов принимал непосредственное участие в создании книги: выступил редактором сделанного Б. Рунт перевода и автором предисловия, о котором необходимо сказать несколько слов.

Небольшое предисловие Брюсова состоит из трех частей. Сначала поэт выражает несогласие с установившейся иерархией литературных репутаций и предсказывает ее изменение, в том числе — «канонизацию» творчества Вилье де Лиль-Адана («Золя должен будет удовольствоваться значением пяти-степенного писателя; очень поблекнет слава Гонкуров [...]»), а «Вилье де-Лиль-Адан

² Одно из ранних стихотворений Брюсова, («В темные волны лживых кудрей...», 1893), считающееся переводом из Вилье де Лиль-Адана, является вариацией на тему нескольких строк, процитированных Верленом в своем эссе об этом авторе. См.: [10, с. 32–34].

и Барбей д'Оревильи (во многом его старший брат) должны будут выдвинуться на одно из первых мест. [...] рассказам и романам Вилье де Лиль-Адана [...] суждено стать в числе произведений *классических* для целого ряда поколений» [5, с. 7–8].), затем кратко обрисовывает литературный путь писателя и, наконец, приводит выдержки из записей Реми де Гурмона, дающие представление об особенностях характера и методе работы Вилье. Источником фактических сведений для Брюсова послужили заметки Р. де Гурмона³ (ранее отрывки из этого текста были опубликованы в «Весах» в переводе Брюсова⁴) и монография Шапуто «Вилье де Лиль-Адан» [13], экземпляр которой сохранился в архиве поэта⁵.

Рецензируя изданные «Пантеоном» «Жестокие рассказы», Д.В. Философов назвал предисловие Брюсова «кратким и поверхностным»: «... можно требовать от редактора, чтобы он в вводной статье сделал для широкой публики серьезную характеристику переводимого писателя и, не ссылаясь на ничего не говорящие для среднего читателя авторитеты Верлэна и Реми-де-Гурмона, попытался сам выяснить значение Вилье и его место в европейской литературе»⁶.

Упрек Философова не лишен основания. В. Брюсов избегает собственной более или менее развернутой характеристики творчества Вилье де Лиль-Адана, лишь изредка дополняя факты⁷ оценками («яркие черты самобытности и таланта», «причудливость воображения и тонкая ирония» [5, с. 9]). Очевидно, критик и не намеревался проводить глубокий анализ творчества публикуемого в «Пантеоне» автора. В предисловии, имеющем скорее компилятивный характер⁸, он стремится заинтересовать читателя своеобразием личности писателя и его литературной судьбы.

³ *Gourmont R. de Un carnet de notes sur Villiers de l'Isle-Adam L'Ermitage. 1906. № 4. P. 223–238.*

⁴ *Гурмон Р. де Страницы из записной книжки о Вилье де Лиль-Адан // Весы. 1906. № 6. С. 44–51. Авторство перевода раскрыто в библиографии В.Я. Брюсова [2, с. 46].*

⁵ НИОР РГБ. Ф. 386. Книги. Ед. хр. 586.

⁶ *Философов Д.В. Мировая литература // Московский еженедельник. 1908. № 21. С. 39.*

⁷ При этом факты порой страдают неточностью: ошибочно указано название поэтического сборника, драма названа романом.

⁸ Как отмечает Р.М. Дубровкин, на рубеже XIX–XX вв. «реферативный метод» не воспринимался, как «запретный» — «он был скорее явлением обыденным: компиляцией зарубежных источников активно занимались З.А. Венгерова и М. Волошин; не отказывался от нее и Брюсов» [7, с. 18].

В 1910-е в России предпринимается издание «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, для которого В. Брюсов пишет ряд статей о писателях, в том числе о Вилье де Лиль-Адане. Характеристика творчества Вилье, данная поэтом в издании Брокгауза, при всей краткости, продиктованной самим жанром энциклопедической статьи, более содержательна и конкретна, чем реплики, брошенные им в предисловии к «Жестоким рассказам». По «манере творчества» Брюсов сравнивает Вилье с Э. По, а среди «бесспорных достоинств» произведений писателя выделяет «мастерство изысканного языка, своеобразие и яркость образов, умение в немногих сжатых словах нарисовать картину и выяснить характер». В качестве характерной черты творчества Вилье Брюсов подчеркивает его «тонкую иронию, направленную против духа современной культуры», и останавливается на сатирических интенциях писателя, кратко определяя суть нескольких новелл [8, т. 10, ст. 596].

Стоит отметить, что Брюсов обращался к Вилье де Лиль-Адану не только как критик. В 1910 г., став редактором литературного отдела «Русской мысли», поэт публикует в этом журнале две сатирические новеллы Вилье, в которых заданная сюжетом тема смерти соотносится с внутренним мотивом духовного омертвения современного автоматизированного мира⁹. Обе новеллы — «Героизм доктора Галлидонхилля» («L'Héroïsme du docteur Hallidonhill») и «Попечитель» («L'Inquisiteur») — переведены самим Брюсовым (под псевдонимом Аврелий), хотя перевод прозы — достаточно редкое явление в его литературной деятельности (в библиографии Э.С. Даниелян отмечено семь новелл, переведенных с французского). Наряду с другими переводами новеллистического жанра эти рассказы впоследствии вошли в сборник «Разноцветные камни. Книга маленьких рассказов, собранных и переведенных под ред. В. Брюсова», выпущенный в издательстве «Альциона» в 1914 году. В предисловии издательства, написанном, вероятно, В. Брюсовым или с его подачи, Вилье де Лиль-Адан назван «оригинальнейшим из всех мировых писателей» [9, с. 5].

Позднее, в бытность свою военным корреспондентом, Брюсов в одном из писем к жене спрашивает: «Чувствуется ли, что “Ночь в мертвом городе” написана под влиянием Вилье-де-Лиль-Адана, которого я в последние дни перечитываю?» [3, с. 105]. Увидеть «влияние» новеллистики Вилье в брюсовской статье о посещении города Брезины, «беспеременно находящегося в сфере военных действий

⁹ Вилье де Лиль-Адан. Из «Необычных рассказов» // Русская мысль. 1910. № 10. С. 158–168.

и переходящего из рук в руки»¹⁰, оказывается не так-то просто. По всей видимости, речь идет прежде всего о стилистике — о лаконизме в обрисовке характеров местных жителей, стремлении кратко, но емко дать впечатление о царящей в городе атмосфере.

Заметнее творческая связь Брюсова с французским автором проступает в позднем рассказе-памфлете «Торжество науки» (1918). Этот брюсовский опыт создания фантастического гротеска вполне сравним с новеллами Вилье («Аппарат для химического анализа последнего вздоха», «Лечение по методу доктора Тристана», «Героизм доктора Галлидонхилия» и др.), в которых прогресс науки ведет к «победе» над природой и Богом. Русский и французский авторы пользуются схожими средствами: доведение ситуации до абсурда, гротескные образы, создание сатирического эффекта на контрасте между восторженной оценкой изобретения приверженцами позитивной науки и отношением к нему автора (и читателя), мнение которого скрыто за текстом у Вилье и эксплицировано в реакции рассказчика в «Торжестве науки».

Публикуемые материалы представляют собой черновые наброски статьи Брюсова о творчестве Вилье де Лиль-Адана, сделанные не ранее 1911 г. (очень вероятно, что Брюсов взялся за работу после того, как подготовил энциклопедическую статью для словаря Брокгауза-Ефрона).

Судя по тексту, в планах критика было создание обстоятельной работы о писателе, с изложением его биографии и подробным разбором произведений. По всей видимости, статья не была завершена, однако и сохранившиеся фрагменты имеют важное значение. В первую очередь, они серьезно дополняют сюжет о брюсовском восприятии Вилье де Лиль-Адана: только здесь русский поэт четко высказывает и обосновывает собственную позицию по отношению к творчеству французского писателя, отсутствующую в предисловии к «Жестоким рассказам»; именно в этих черновиках Брюсов-критик обращается непосредственно к анализу новелл. Более того, Брюсов подводит итог отечественной рецепции творчества Вилье де Лиль-Адана и, что не менее важно, — русской судьбе всех «проклятых поэтов». Ставя вопрос о непризнании талантливого автора читателями, Брюсов дает свое видение уровня русской читательской аудитории, определяет степень знакомства «среднего читателя» с французской литературой, для популяризации которой поэт приложил немало сил.

¹⁰ Брюсов В. Ночь в мертвом городе // Русские ведомости. 1914. № 280. С. 4.

Автограф неоднороден. Наибольшей цельностью обладает первая часть, лейтмотивом которой становится вопрос о творческой судьбе Вилье. Брюсову кажется парадоксальным, что, несмотря на все предпосылки к известности (писатель талантлив, произведения опубликованы, вкус публики достаточно развит), читатели по непонятным причинам «не знают, не хотят знать, а, главное, не любят» этого автора¹¹. Второй фрагмент, в котором Брюсов пытается определить причину неприятия литературного наследия Вилье читателями, должен был продолжаться изложением биографии. Наконец, третью часть критик посвящает творчеству писателя: распределяет новеллистику по тематическим блокам (отношение автора к демократии и вкусу «большинства»), сатира на позитивную науку, представление о современном человеке) и пересказывает некоторые тексты. Среди разрозненных черновых материалов Брюсова нами обнаружен план этой части (см. примечание к тексту), из которого понятно, что Брюсов собирался рассмотреть еще целый ряд произведений писателя.

Автограф хранится в архиве Брюсова в НИОР РГБ (Ф. 386. К. 47. Ед. хр. 19. Л. 1–5, 7, 9). Единица хранения включает в себя еще два рукописных листа, которые мы не публикуем, так как их содержание отчасти повторяет содержание первых листов рукописи. Текст печатается по нормам современной орфографии, но с сохранением особенностей написания некоторых собственных имен и преимущественным сохранением авторской пунктуации. В угловых скобках восстановлены сокращения и пропуски, имеющиеся в подлиннике. Без специальных оговорок восстанавливается фамилия «Вилье де Лиль-Адан». Авторские подчеркивания выделяются курсивом. Фрагменты, вычеркнутые Брюсовым при стилистической правке, не восстанавливаются; уточняющие содержание вычеркивания приводятся в квадратных скобках. Слова, в прочтении которых остаются сомнения, отмечены знаком вопроса.

За помощь в подготовке материалов выражаем сердечную благодарность М.В. Орловой и Е.И. Погорельской.

¹¹ НИОР РГБ. Ф. 386. К. 47. Ед. хр. 19. Л. 3.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В. Брюсов

<О Вилье де Лиль-Адане>

Подготовка текста А.Д. Савиной, А.В. Андриенко. Комментарии А.Д. Савиной

<1>

В начале текущего века, в Париже, появилось роскошное издание, озаглавленное: «Государю» или «Властелину» (Au prince) «французской литературы». То была книга, посвященная памяти Вилье де Лиль-Адана¹. Несколько позже (в 1910 г.), Е. де Ружемон издал превосходную биографию того же писателя, строго-документальную и вместе с тем ярко-прониновенную, причем в предисловии Вилье де Лиль-Адан, с первых строк, назван «гениальным»². Его поклонники глубоко уверены, что история, произведя свою переоценку, резко перестановит тот порядок, в котором располагаются обычно французские романисты второй половины XIX века, что не только Золя и натуралисты, но даже такие безусловные таланты, как Альфонс Додэ и Гонкуры, должны будут почтительно предоставить первое место Вилье де Лиль Адану (умер в 1889 г.). Сначала Барбей д'Оревильи, потом Вилье де Лиль-Адан — вот два имени, которые, для будущих веков, будут представителями французского романа XIX века, вместо Бальзака, Флобера, Гюи де Мопассана и их последователей: таково убеждение определенной группы критиков и читателей...³

Нельзя сказать, чтобы имя Вилье де Лиль-Адана было совершенно чуждо русской публике. В свое время, еще при жизни писателя, его рассказы не раз появлялись, в русском переводе, в разных журналах, преимущественно еженедельных. Об нем писали, его имя упоминали в статьях. В первые годы XX века, под редакцией пишущего эти строки, был издан по-русски (к<нигоиздательст>вом «Пантеон») томик рассказов Вилье; вскоре переизданный «Универсальной Библиотекой», этот томик, в повторных изданиях, разошелся в десятках тысяч экземпляров...⁴ Тогда же сходную книжку издала, кажется, «Всеобщая Библиотека» (к-во В.М. Саблина)⁵. Кто-то предпринял даже издание, по-русски, «Полного собрания сочинений» Вилье, — предприятие, остановившееся, впрочем, на первом томе⁶. Еще позже переводы рассказов Вилье, по поводу переиздания его забытых книг, появлялись в «Русской Мысли» и других журналах...⁷ Короче говоря, русский читатель, если бы хотел, имел все возможности узнать и полюбить Вилье де Лиль-Адана...

Мы уверены, однако, что для «среднего русского читателя», для той читательской массы, которая за последние десятилетия твердо запомнила имена и Октава Мирбо, и Поля Адана, и Пьера Луиса, и двух Рони, и Гюисманса (если называть только французских романистов), — имя Жана-Мари-Матюаса-Филиппа-Огюста Вилье де Лиль-Адана, автора «Жестоких Рассказов», «Новых Жестоких Рассказов», «Несвоевременных Рассказов»⁸, «Акселя»⁹, «Будущей Евы»¹⁰ и длинного ряда других книг и сочинений, не говорит ничего или почти ничего. Весьма немногие читали что-либо, подписанное Вилье де Лиль-Адан; еще меньшее число признало автора «гением», как его называет биограф; и, вероятно, никто не почувствовал Вилье «своим» писателем, не полюбил его той любовью, которая усваивает другой литературе чужеземного автора, как родного¹¹. Мало того: тот же «средний читатель» и во Франции едва знает Вилье де Лиль-Адана, хотя его имя и внесено (без портрета) в «Маленький Ларусс»¹² и хотя существуют популярные, иллюстрированные, издания «Жестоких Рассказов», — что для французского писателя является верхом популярности. Но и этого мало: подробнейшие истории литературы, говоря подробно о каком-нибудь Ожье¹³ или Поле Февале¹⁴ (писателях пято- или шести-степенных), довольствуются десятью строками о Вилье, если не умалчивают его имени вовсе. Вилье де Лиль-Адана во Франции не знают, как не знают его в России; и там, и здесь, его сочинения остаются достоянием узкого кружка эстетов-ценителей, которые продолжают настаивать на величии своего любимого писателя.

Отчего происходит это странное явление? Вилье де Лиль-Адан, как писатель, как рассказчик, — гениален; я готов это повторить вместе с его поклонниками, вместе с Е. де Ружеомом¹⁵, Реми де Гурмоном¹⁶, Ж.-К. Гюисмансом¹⁷, Ш. Морисом, Т. Каном, К. Моклэром, Т. де Визева¹⁸, Ж. Готье¹⁹, Л. Блуа, А. де Берсокуром²⁰, которые это утверждают, вместе с Полем Верлэном, Стефаном Маллармэ, Барбей д'Оревилюи и Теодором де Банвилем²¹, которые провозглашали то же самое раньше. Вилье де Лиль-Адан — один из самых острых умов XIX века: с силой его иронии и его сарказма мог бы поравняться разве только Свифт; со смелостью мысли — разве только Вольтер и энциклопедисты. Вилье де Лиль-Адан — один из благороднейших характеров во всей литературной истории нового времени; у него, как у человека, были свои слабости, часто способные вызвать улыбку, но эти слабости ни одной каплей не запятнали души писателя, который прошел свой жизненный путь скорбя, как мученик. Долгие годы не признаваемый никем, знавший периоды не только нужды,

но и нищеты, лишь на склоне лет встретивший единомышленников и поклонников, Вилье всегда оставался верен однажды избранным идеалам; его душа всегда стремилась в высоту; как писатель, он остался до конца честным и неподкупным. В то же время, тонкий стилист, любивший и ценивший слово, Вилье был неутомимый работник, до последнего штриха оттачивавший свои коротенькие новеллы, оплата которых едва давала ему «хлеб насущный». Таков был Вилье де Лиль-Адан, и такого его ни современники ни потомство не захотели «принять».

В чем тут загадка? Благородный, идеальный образ писателя выступает из каждой его книги. Блестящий ум, яркое остроумие, тонкая ирония сверкают с каждой его страницы. Сюжеты рассказов Вилье и его романов — всегда занимательны, даже захватывающи: он умел пленять читателя, соблазнять его. Образы, созданные Вилье, всегда живы и выпуклы; нарисованные им характеры остаются в памяти, потому что никто, кроме него, не изображал таких людей. Прошлые века и современность, людей других эпох и наших дней, обстановку жизни в старом Париже, или на Востоке, или в Америке, или в новейшем салоне, — все это Вилье умеет воссоздать с мастерством живописца и с проникновенностью мыслителя. Язык Вилье — безукоризнен; его стиль — оригинален и выработан; его речь может быть то музыкой, когда она выражает нежность, любовь, страсть; то находит выражения властно-энергичные, когда этого требует положение; то звучит как демонский хохот. На лире Вилье — все струны, и он свободно распоряжается всеми. Разве это — не все, что нужно, чтобы перед нами был *великий поэт*?

И все же: почему Вилье де Лиль-Адана не знают, не хотят знать, а, главное, *не любят*? Почему он был, и остался, и, кажется, надолго останется — непризнанным, проклятым, отверженным. Последнее выражение принадлежит Верлэну, который включил характеристику Вилье в серию своих [«Проклятых»] «Отверженных поэтов» (Poètes maudits). Со дня выхода этой книги, иные из названных в ней поэтов достигли славы, как, напр<имер>, сам Верлэн (разобранный среди [«Проклятых»] «Отверженных» под известным псевдонимом-анаграммой Pauvre Lelian), отчасти — Ст. Маллармэ; другие, хотя и остались «поэтами для немногих», все же получили всеобщее признание, как Марселина Деборд-Вальмор и Артюр Римбо; по-прежнему мало знают Тристана Корбьера, да вряд ли он заслуживает большей известности. И только один Вилье де Лиль-Адан, о книгах которого Верлэн не знает иных восклицаний, как «божественная!», «царственная!», «верховная!», — только Вилье

продолжает быть «проклятым», «отверженным». Рассказы Вилье переведены на все европейские языки (нам известны переводы английские, немецкие, итальянские, испанские, чешские, русские), критики всех стран обращают внимание читателей на великого писателя, и читатели все<го> мира, словно по молчаливому согласию, отвечают: «Мы не хотим его знать!»

Вот — загадка, которую должна разрешить критика.

2.

Мы н<е> дума<ем> ошибиться(?), утверждая, что читат<е-лей> во всех пис<аниях> Вилье де Лиль-Адана отталкив<ает>, отпугива<ет> одно: тайна<я>, страстн<ая>, но ожесточ<енная> вражда писате<ля> ко всей совр<еменной> кул<ь>туре. Нов<ая> европ<ейская> цивил<изация> не обн<аружит>(?) враг<а> более непримир<имого>, б<олее> страшного и б<олее> опасного, чем малоизв<естный> фр<анцузский> роман<ист> конца XIX в<ека>. Не зна<ем>, извест<ен> ли сам Вилье де Лиль-Адан таким своим отнош<ением> ко всему том<у>, что совр<еменный> челов<ек> привык считать своей святыней, более неприкоснов<енной>, чем даже святын<и> религиоз<ные>. Во вс<яком> случае Вилье де Лиль-Адан глубоко запрятал в св<оих> руках острие своей иронии. Это острие не видно при поверхностном чтении. Но оно остро отточено, колет, режет, рубит все устои совр<еменной> культур<ной> жизни. Если поверить Вилье де Лиль-Адану — не останется ничего из того, на чем стоит наша жизнь, придет<ся> отчаяться в самых заветных из наш<их> сентенц<ий>, изменить самы<м> дороги<м> из наш<их> убежден<ий>... Тем отчетливей читатель чув<ст>вуе<т> это острие и инстинктивно отбрасывает от себя книги Вилье де Лиль-Адана, как красив<ый>, но смерт<ельно>-ядов<итый> цветок...

Кто так<ой> Вилье де Лиль-Адан? Малоизвестн<ость> это<го> имени побуждает нас написать зд<есь> впер<вые> его биографию...

3.²²

Наиб<олее> обнаженно мирозозерц<ание> Вилье де Лиль-Адана выступает в тех его расск<азах>, кот<орые> лишен<ы> сюжет<а>, приближают<ся> к форме статьи. В них идея выступает наружу.

Т<ако>в<а> особенно статья «Маш<ина> Славы»²³. Автор раз<ви>ва<ет>, — <нрзб>, очень строго, почти научн<о> точно, что од<ин> амер<икане>ц изобрел маш<ину>, кот<орая> может заменить проявление воли массы. «Толп<у>» замени<ла> маш<ина>. Это — злой и жесток<ий> выпад против той идеи, что истин<ный>

талант подчиняет<ся> толпе, что бол<ьшинст>во — всегда право. Ина<че> гов<о>р<я>, это предельн<о> прям<о>л<инейный>, саркастич<ески> яркий, пасквиль на идею голосов<ания>, всеобще<го> <избирательного?> права(?), р<авенст>ва, и <нрзб>. Рома<нис>т нападает на пе<р>вую цитаде<ль> соврем<енной> цивили<зации>, в основу кот<орой> залож<ено> прир<одой>(?) представите<льст>в<о> — парламент, — и следов<ательно> бол<ьшинст>во...

— История <нрзб> —

Характер *толпы* изображен в др<угом> рассказе «Impatience de la Foule»²⁴. Леонид под Ферм<опилами> избирает посл<аннико>м одн<ого> воина, уже израненного в храбром бою, и приказ<ывает> ему идти в Спарту возвестить о храброст<и> лакедемян; воин колеблетс<я>; у него вырвали щит и меч, бросили его в воду, гонят силой... Воин, несмотря на свои раны, бежит, не останавливаясь, от Фер<мопил> до Сп<арты>... Но граждане Спарты уже слышали об измене Эф<иальта> и убеждены, что все 300 падут в первом бою. Увидя приближающего<ся> посла Лео<нида>, все увер<яются>, что это трус, бежавший из боя. С ним никто не говор<ит>, его никто не хочет слушать, ему плюют в лицо, б<ывшая> невеста бросает в него камнем, и, опозоренный, он умирает у ворот города... Это — суд толпы, в изображении Вилье де Лиль-Адана, «глас народа»!²⁵

Так разит Вилье де Лиль-Адан перв<ый> кумир соврем<енности>: парламент, т.е. демократию. Как<ой> друг<ой> кумир, в сов<ременном> созна<нии>, стоит наравне с этим? Кон<ечно>, наука. И вот Вилье де Лиль-Адан н<ап>равил свой сар<ка>зм на совр<емennую> науку. Это сделано более скрыт<но>, острие кинжала спрята<но> под цвета художестве<нного> рассказа, назв<анного> «Открытие д-ра <Галлидонхилия>»^{*} Пересказ. Та<кой> же харак<тер> пол<учили> рассказ<ы> «Аппарат для анализа посл<еднего> вздоха», «Лечение д-ра Тристана»²⁶.

Но дальше! Что прежде ос<о>б<е>н<но> близко совр<емennому> сердцу? Утилитаризм, подчинен<ие> всего в мире идее пользы. И вот возник рассказ «Небесная реклама»²⁷.

^{*} Примеч. В. Брюсова: «П<рои>зв<едение> б<ыло> напе<чатано> в Р<усской> М<ысли>. <1910> г.».

Дух соврем<енности> не щадит неба. Бесплез<ное> небо, служи хоть чему-нибудь! На обл<ака> отныне будут прое<циро>ваться афиши и объявления. Рассказ этот, пот<ом> оказа<вшийся> пророческ<им> (уже б<ыли>, в д<ействительности>), сделаны опыты отпра<влять> световую реклам<у> на облак<а>) бьет и еще по одн<ому> кумиру совр<еменности>: по успехам техники, <нрзб> удобству совр<еменной> жизн<и>.

Изображ<ение> соврем<енного> челов<ека>.

Совр<еменный> челов<ек> изображен в рас<казе> «Поль и Вирж<ини>»²⁸. Автор подсмотрел свидание двух юных влюбленных; каждому, [из] которым дал имена из знам<енитой> идилл<ии>: П<оль> и В<иржини>; каждому из них по 15 лет. «Это их первое свид<ание>, — воск<лицает> Вилье де Лиль-Адан, — Это страница вечной идиллии! Как души их дрожат от счаст<ья>! Привет вам, божеств<енная> невинность! воспомин<ания>! воскресшие цветы!»

О чем же говорят влюблен<ные>? «Отец мой сдела<л> сег<одня> хороше<нькое> дельце: купил за пол<цены> мал<енький> лесок... Я буду адвокатом; адвокат достигает хор<ошего> положения в неск<олько> лет, и хорошо зарабатывает... Слыш<ишь>: соловей, как<ой> серебрян<ый> гол<о>с!... Да, но он мешает спать по ночам... Поль, нужно б<ыть> любезным с теткой. Она — стара и оставит нам наследство... Ну, надо идти, а то отец заметит мое отсутствие и не будет давать мне денег...» Слышен божеств<енный> звук поцелуя, два ангела разлучились, а эхо среди развалин еще смутно повторяло «Денег... Немного денег...».

¹ Такое издание нами не обнаружено. Возможно, Брюсов имеет в виду книгу: *Hennebicq J. Le prince des Lettres françaises: Villiers de l'Isle-Adam. Paris: Léon Vanier, 1896. 24 p.*

² Речь идет о книге: *Rougemont E. de Villiers de l'Isle-Adam: Biographie et Bibliographie. Paris: Mercure de France, 1910. 417 p.* Предисловие начинается фразой: «Villiers de l'Isle-Adam partage avec d'autres génies la gloire douloureuse d'avoir été méconnu de son époque parce qu'il la dépassait» [«Вилье де Лиль-Адан разделил с другими гениями печальную славу: опередив свою эпоху, остаться ею непризнанным»] (p. 7).

Экземпляр книги со множеством помет сохранился в архиве Брюсова (РГБ. Ф. 386. Книги. Ед. хр. 587). В статье для Нового энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона Брюсов назвал написанную Ружмоном биографию Вилье де Лиль-Адана «лучшей» [8, т. 10, стб. 597].

³ В предисловии к «Жестоким рассказам» Брюсов от своего имени высказывает сходную оценку: «Золя должен будет удовольствоваться значением пяти-степенного писателя; очень поблекнет слава Гонкуров, только Гюи де Мопассан и Альфонс Додэ,

может быть, сохранят занятое ими положение; но Вилье де Лиль-Адан и Барбей д'Оревилю (во многом его старший брат) должны будут выдвинуться на одно из первых мест» [5, с. 7–8].

⁴ *Вилье де Лиль-Адан О. Жестокие рассказы* / пер. Б. Рунт; под ред. и с предисловием В. Брюсова. СПб.: Пантеон, 1908. 112 с. С добавлением одного рассказа сборник был переиздан в серии «Универсальная библиотека» книгоиздательства «Полюза». Антик и К^о» в 1909, 1911, 1912, 1918 гг.

⁵ *Вилье де Лиль-Адан О. Жестокие рассказы* / пер. А. Мирэ. М.: В.М. Саблин, 1909. 191 с.

⁶ В книгоиздательстве «Заря» вышло трехтомное собрание сочинений Вилье де Лиль-Адана:

Вилье де Лиль-Адан О. Новые жестокие рассказы / пер. С.М. Чериковера / Вилье де Лиль-Адан. Собрание сочинений. М.: Заря, 1911. Т. 1. 150 с.

Вилье де Лиль-Адан О. Ева Будущего. Ч. 1 / пер. М.А. Татариновой / Вилье де Лиль-Адан. Собрание сочинений. М.: Заря, 1911. Т. 2. 162 с.

Вилье де Лиль-Адан О. Ева Будущего. Ч. 2 / пер. М.А. Татариновой / Вилье де Лиль-Адан. Собрание сочинений. М.: Заря, 1911. Т. 3. 224 с.

Собрание не позиционировалось как «полное». Брюсов, по всей видимости, не знал о существовании второго и третьего томов, хотя выход «Будущей Евы» был отмечен рецензиями В. Гофмана (Речь. 1911. № 146) и М. Волошина (Московская газета. 1911. № 130).

⁷ *Вилье де Лиль-Адан О. Из «Необычных рассказов»* // Русская мысль. 1910. № 10. С. 158–168. Публикация включала в себя две новеллы Вилье («Героизм доктора Галлидонхия» и «Попечитель») в переводе самого В. Брюсова (под псевдонимом *Аврелий*). В начале XX в. новеллы Вилье де Лиль-Адана появлялись в журналах «Мир Божий», «Новый Путь», «Вопросы жизни», «Современная жизнь», «Северное сияние», «Новое слово», «Вестник иностранной литературы» и др. Большая часть журнальных публикаций приходится на период, предшествующий изданию Собрания сочинений писателя.

⁸ Брюсов перечисляет сборники новелл Вилье де Лиль-Адана. «Жестокие рассказы» — «Contes cruels» (Paris: Calmann Lévy, 1883). Экземпляр книги (более позднее издание) сохранился в библиотеке Брюсова (РГБ. Ф. 386. Книги. Ед. хр. 585). О первом русском издании см. примеч. 4. «Новые жестокие рассказы» — «Nouveaux contes cruels» (Paris: Librairie illustrée, 1888). О русском издании см. примеч. 6. «Несвоевременные рассказы» — возможно, речь идет о сборнике «Histoires insolites» [«Необычные истории»] (Paris: Quantin, 1888). См. примеч. 7.

⁹ «Аксель» (первое полное изд.: Axël. Paris: Quantin, 1890) — философская тетралогия Вилье де Лиль-Адана, одно из первых произведений символистской драматургии. М. Волошин посвятил «Акселю» статью «Апофеоз мечты и смерти. Трагедия Вилье де Лиль-Адана “Аксель” и трагедия его собственной жизни» (Аполлон. 1912. № 3–4. С. 68–90) и перевел драму на русский язык.

¹⁰ «Будущая Ева» (перв. изд.: L'Ève future. Paris: Brunhoff, 1886) — научно-фантастический роман Вилье де Лиль-Адана. Французский экземпляр сохранился в архиве В. Брюсова (РГБ. Ф. 386. Книги. Ед. хр. 585). Сделанный И. Ясинским переклад романа появился в приложении к «Биржевым ведомостям» (Огонек. 1909. № 41, 42). О первом полном переводе на русский язык см. примеч. 6.

¹¹ Концепция «усвоения чужого» очень важна в теории и практике Брюсова-переводчика: «Встречая новую личность в искусстве, новые приемы творчества, новый мир поэзии, — всегда бываешь увлечен мечтою усвоить их, вобрать в себя эти звуки, “чужое вмиг почувствовать своим”» (Весы. 1904. № 6. С. 53). Эту же цитату из стихотворения А. Фета Брюсов приводит в известной статье «Фиалки в тигеле».

¹² Малый Ларусс или Малый иллюстрированный Ларусс (*франц.* Le Petit Larousse illustré) — французский энциклопедический словарь издательства «Larousse»,

впервые вышедший в 1905 году под редакцией Клода Оже (Claude Augé) и хорошо известный в России.

¹³ Гийом-Виктор-Эмиль Ожье (Guillaume-Victor-Emile Augier, 1820–1889) — французский драматург, автор популярных пьес с морализаторским оттенком. Считается апологетом «школы здравого смысла» в драматургии, проповедовавшей догмы морали типичного буржуа Второй империи.

¹⁴ Поль Феваль (Paul Henry Corentin Féval, 1816–1887) — французский писатель, автор популярных приключенческих романов.

¹⁵ См. примеч. 2.

¹⁶ Реми де Гурмон посвятил Вилье де Лиль-Адану ряд работ, среди которых очерк о творчестве в «Книге масок» (*Gourmont R. de Le Livre des masques*. Paris: Société du Mercure de France, 1896. 270 p.) и заметки-воспоминания, опубликованные в журнале «L'Ermitage» (1906. № 4. P. 223–238) и вошедшие в сборник «Литературные прогулки» (*Un carnet de notes sur Villiers de l'Isle-Adam // Gourmont R. de Promenades littéraires*, 2e sér. Paris: Mercure de France, 1906. P. 5–32). В сокращении воспоминания были опубликованы в «Весях» в переводе В. Брюсова (*Гурмон Р. де*. Страницы из записной книжки о Вилье де Лиль-Адан // *Весы*. 1906. № 6. С. 44–51).

¹⁷ В романе Гюисман «Наоборот» («À rebours», 1884) Дез Эссент с восхищением отзывается о некоторых произведениях Вилье де Лиль-Адана.

¹⁸ С большим пиететом о Вилье де Лиль-Адане говорится в книгах: *Morice Ch. La littérature de tout à l'heure*. Paris: Perrin, 1889. 385 p.; *Kahn G. Symbolistes et Décadents*. Paris: Savine, 1902. 404 p.; *Mauclair C. L'Art en Silence*. Paris: Ollendorff, 1901. 340 p.; *Wysewa Th. de Nos maîtres, études et portraits littéraires*. Paris: Perrin, 1895. 364 p. Этим же авторам принадлежит ряд статей о Вилье во французской периодике.

¹⁹ Своими воспоминаниями о Вилье де Лиль-Адане Ж. Готье поделилась в книге: *Gautier J. Le troisième rang du Collier*. Paris: Félix Jouven. 1909. 272 p. Выход этой книги отметил М. Волошин (Аполлон. 1909. № 3. Отд. II. С. 10).

²⁰ См.: *Bersaucourt A. de Les Contes de Villiers de l'Isle-Adam // Les Entretiens idéalistes*. 1908. Т. IV. № 20. P. 250–266; № 21. P. 288–299.

²¹ П. Верлен, С. Малларме, Т. де Банвиль были знакомы с Вилье де Лиль-Аданом со времени его первых шагов на литературном поприще, вместе с Вилье они участвовали в выпусках «Современного Парнаса». Верлен с восхищением отозвался о стиле Вилье де Лиль-Адана в выпуске «Les Hommes d'aujourd'hui» (1885. Т. 5. № 258) и посвятил ему очерк в сборнике «Проклятые поэты» [14, p. 77–91]. Малларме, один из близких друзей Вилье, после смерти последнего прочитал в Брюсселе лекцию, в которой обрисовал свое видение жизни и творчества Вилье — от его блестящего появления в кругу парнасцев до религиозных метаний в предсмертные дни. См.: *Mallarmé S. Les Miens*. Т. I. Villiers de l'Isle-Adam. Bruxelles: Lacomblez, 1892. 96 p. Теодору де Банвиллю принадлежит восторженная рецензия на «Изиду» — дебютный роман молодого автора (*Banville Th. de. Isis // Le Boulevard*. 1862. 31 août).

Барбе д'Оревилли откликнулся рецензией на драму Вилье де Лиль-Адана «Мятеж». Раскритиковав драму, Барбе, тем не менее, благожелательно отозвался о романе «Изида» и подчеркнул, то Вилье — «единственный из Парнасцев, имеющий в глубине души нечто, похожее на страсть» (*Barbey d'Aurevilly J.A. La Révolte // Le théâtre contemporain*. Т. 3. Paris: Maison Quantin, 1889. P. 298. 1-е изд.: Le Parlement. 1870. 11 mai).

²² Среди разрозненных черновых материалов к различным работам в фонде Брюсова отложился набросок, представляющий собой план этой части (РГБ. Ф. 386. К. 54. Ед. хр. 14. Л. 25). Публикуем по рукописи, по возможности восстановив сокращения. Без оговорок расставлены кавычки в названиях и пунктуационные знаки, нумерация оставлена без изменений.

<План>

1) Демократизм — «Маш<ина> славы». «Impatience <de la foule>»
 2) Наука. «Доктор Д<нрзб>». «Аппарат для химического анализа п<оследне-го> вдоха»

3) Утилитаризм. «Небесн<ая> реклам<а>»

5) Совр<еменный> человек. «Поль и Вирж<ини>»

а если — благородн<ой> породы, то — «Герц<ог> Портланд<ский>»

/ Буржуа соврем<енности> — [«Секрет эшафота»] «Гильотина»

Резко выражено это в аллегории: «Можно ошибиться» («A s'y méprendre») Автор снач<ала> попадает в о<бщест>в<о> людей, убиваю<щих> св<ое> тело, чтобы легче б<ыло> жить, потом в общ<еств>о людей, убива<ющих> свою душу, чтобы легче б<ыло> жить. И там, и зд<есь> букв<ально> одно и то же, соверш<енное> тождество. Люди, убивающие свою душу, это — современ<ные> дельцы.

6) Глубина порока. «Гость последних трапез»

«<La Reine> Isabeau»

7) идеал — Мечта ... «Вера».

Слияние всего — «Будущ<ая> Ева».

Торж<ество> науки — сдел<ать> женщ<ину>

<нрзб>

²³ Сатирическая новелла «Машина славы» («La Machine à Gloire», сб. «Contes cruels») вошла уже в первое русское издание сборника «Жестокие рассказы» (Пантеон, 1908). М. Волошин уделил этой новелле внимание в рецензии на сборник (Русь. 1908. № 141. С. 2–3), позднее В. Пяст обратился к этому тексту в статье «Нечто о каноне» (Труды и дни. 1912. № 1. С. 25–35).

²⁴ «Impatience de la foule» (сб. «Contes cruels») — «Нетерпение толпы». Впервые на русском языке опубликована в переводе И. Анненского (Мир Божий. 1902. № 5. С. 219–224), в сборники 1908 и 1909 гг. не вошла.

²⁵ Фрагмент о новелле «Нетерпение толпы» написан на отдельном листе. Мы располагаем его в соответствии с содержанием и планом, представленным в примеч. 22.

²⁶ «Открытие д-ра» — вероятно, речь идет о новелле «Героизм доктора Галлидонхия», перевод которой был помещен в «Русской мысли» (см. примеч. 7). «Аппарат для <химического> анализа посл<еднего> вдоха», «Лечение д-ра Тристана» (сб. «Contes cruels») — сатирические новеллы Вилье де Лиль-Адана о фантастических научных изобретениях, позволяющих людям избавиться от переживаний.

²⁷ Новелла «Небесная реклама» («L'Affichage céleste», сб. «Contes cruels») под названием «Небесные объявления» была опубликована в журнале «Новый Путь» (1903. № 1. С. 118–122).

²⁸ Новелла «Поль и Виржини» («Virginie et Paul», сб. «Contes cruels») не вошла в русские сборники, но на рубеже XIX–XX вв. несколько раз публиковалась в периодических изданиях.

Литература

1. *Алексанян Е.А.* Статьи Брюсова о французской литературе в журнале «Весы» // Неизвестный Брюсов (публикации и републикации). Ереван: Лингва, 2005. С. 91–94.
2. Библиография: В.Я. Брюсов: 1884–1973 / сост. Э.С. Даниелян; ред. К.Д. Муратова. Ереван: Издательство Ереванского университета, 1976. 504 с.
3. *Брюсов В.Я.* Письма неофициального корреспондента: Письма к жене (август 1914 — май 1915) / составление, подготовка текста и коммент. М.В. Орловой. М.: Водолей, 2015. 232 с.
4. *Брюсов В.Я.* Полное собрание сочинений и переводов: Т. 1–4, 12–13, 15, 21. СПб.: Сирин, 1913–1914.
5. *Вилье де Лиль-Адан О.* Жестокие рассказы / пер. Б. Рунт; под ред. и с предисловием В. Брюсова. СПб.: Пантеон, 1908. 112 с.
6. *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 1997–
7. *Дубровкин Р.М.* Рене Гиль и Валерий Брюсов. Хроника одной переписки // Рене Гиль — Валерий Брюсов. Переписка. 1904--1915. СПб.: Академический проект, 2005. С. 5–62.
8. Новый энциклопедический словарь. СПб.: Брокгауз — Ефрон, 1911–1916.
9. Разноцветные камни. Книга маленьких рассказов, собранных и переведенных под ред. В. Брюсова. М.: Альциона, 1914. 169 с.
10. *Савина А.Д.* В. Брюсов и О. Вилье де Лиль-Адан // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2013. № 5. С. 31–45.
11. Французские лирики XIX века / пер., предисл. и библиогр. примеч. Валерия Брюсова. СПб.: Пантеон, [1909]. 199 с.
12. Французские лирики XVIII века / сост. И.М. Брюсовой, под ред. и с предисл. Валерия Брюсова. М.: К.Ф. Некрасов, 1914. 334 с.
13. *Shapoutot H.* Villiers de l'Isle-Adam: l'écrivain et le philosophe. Paris: M. Delesalle, 1908. 264 p.
14. *Verlaine P.* Les poètes maudits. Paris: L. Vanier, 1888. 103 p.
15. *Villiers de l'Isle-Adam Au.* Contes cruels. Paris: Calmann Lévy, 1883. 352 p.

Research Article and Publication of Archival Documents

“The riddle that the critic must solve”: V. Bryusov about Villiers de l'Isle-Adam

© 2021, Anfisa D. Savina

A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: This publication concerned with the problems of Valeriy Bryusov’s critical works and his interest in French culture. The aim of the paper is to introduce into scientific circulation the Bryusov’s text relating to the late French Romanticist Au. Villiers de l'Isle-Adam. Our introductory article gives a brief description of the literary relations between the Russian poet and the French writer. It is noted that for a quarter of a century Brusov turned to the work of Villiers de l'Isle-Adam as an editor, as a translator and as a novelist, attentive to the creative search of his predecessors.

The published materials are a draft of Bryusov's article, made after 1910. In this text Bryusov expresses his attitude towards the French writer in detail and turns to the analysis of his short stories. The critic sums up literary fate in Russia of Villiers de L'Isle-Adam and other *poètes maudits*. In addition, Bryusov gives his vision of the level of the Russian readership and determines the degree of familiarity of the “average reader” with the French literature.

Keywords: V. Bryusov; Villiers de l'Isle-Adam; Russian-French literary relations; criticism; short stories; literary reputation; *poètes maudits*.

Information about the author: Anfisa D. Savina, PhD, Senior Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: 0000-0002-8081-5159. E-mail: anfisa.savina@yandex.ru

For citation: Savina, A.D. “*The Riddle that the Critic Must Solve*: V. Bryusov about Villiers de l'Isle-Adam”. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (19), 2021, pp. 268–285. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-268-285>

References

1. Aleksanian, E.A. “Stat'i Briusova o frantsuzskoi literature v zhurnale *Vesy*” [“Bryusov's Articles on French Literature in *Vesy* magazine”]. *Neizvestnyi Briusov (publikatsii i republikatsii) [Unknown Brusov (Publications and Republications)*. Yerevan: Lingva Publ., 2005, pp. 91–94. (In Russ.)
2. *Bibliografiia: V.Ia. Briusov: 1884–1973 [Bibliography: V.Ia. Bryusov: 1884–1973]*, comp. by E.S. Danielian; ed. by K.D. Muratova. Yerevan: Yerevan University Publ., 1976. 504 p. (In Russ.)
3. Briusov, V.Ia. *Pis'ma neofitsial'nogo korrespondenta: Pis'ma k zhene (avgust 1914 — mai 1915) [Letters of the Unofficial Reporter: Letters to Wife (August 1914 — May 1915)]*, ed., comp., text prep. and comm. by M.V. Orlova. Moscow: Vodolei Publ., 2015. 232 p. (In Russ.)
4. Briusov, V.Ia. *Polnoe sobranie sochinenii i perevodov [Complete Works and Translations]*: Vol. 1–4, 12–13, 15, 21. St. Petersburg: Sirin Publ., 1913–1914. (In Russ.)
5. Villiers de l'Isle-Adam, Au. *Zhestokie rasskazy [Cruel Tales]*, trans. by B. Runt; ed., introd. by V. Briusov. St. Petersburg: Panteon Publ., 1908. 112 p. (In Russ.)
6. Gor'kii, M. *Polnoe sobranie sochinenii [Complete Works]. Pis'ma [Letters]*: in 24 vol. Moscow: Nauka Publ., 1997 — . (In Russ.)
7. Dubrovkin, R.M. “Rene Gil' i Valerii Briusov. Khronika odnoi perepiski” [“Rene Gil and Valery Bryusov. Chronicle of the Correspondence”]. *Rene Gil' – Valerii Briusov. Perepiska. 1904–1915 [Rene Gil – Valery Bryusov. Correspondence. 1904–1915]*. St. Petersburg: Akademicheskii proekt Publ., 2005, pp. 5–62. (In Russ.)
8. *Novyi entsiklopedicheskii slovar' [New Encyclopedic Dictionary]*. St. Petersburg: Brokgauz — Efron Publ., 1911–1916. (In Russ.)
9. *Raznotsvetnye kamen'ia. Kniga malen'kikh rasskazov, sobrannykh i perevedennykh pod red. V. Briusova [Variegated Gems. Story-book, ed. by Bryusov]*. Moscow: Al'tsiona Publ., 1914. 169 p. (In Russ.)
10. Savina, A.D. “V. Briusov i O. Vil'e de Lil'-Adan” [“V. Bryusov and Villiers de l'Isle-Adam”]. *Izvestiia RAN. Seriya literaturny i iazyka*, no. 5, 2013, pp. 31–45. (In Russ.)
11. *Frantsuzskie liriki XIX veka [French Poets of XIX century]*, transl., introd. and comm. by Valery Bryusov. St. Petersburg: Panteon Publ., [1909]. 199 p. (In Russ.)
12. *Frantsuzskie liriki XVIII veka [French Poets of XVIII century]*, comp. by I.M. Briusova, ed., comm. by Valery Bryusov. Moscow: K.F. Nekrasov Publ., 1914. 334 p. (In Russ.)

Философская подоплека одного скандала (Вяч. Иванов, Эдуард фон Гартман и «вселенское сораспятие»)

© 2021, М. Вахтель

Принстонский университет, Принстон, США

Аннотация: В центре внимания автора статьи скандально известная сцена жертвоприношения, случившаяся на квартире Николая Минского в мае 1905 г. Эта сцена рассматривается как прямое отражение философских и религиозных убеждений Вячеслава Иванова. Автор показывает, что «шокирующее» поведение Иванова, столь испугавшее современников, полностью вписывается в его общее миропонимание, четко выраженное в его статьях, исследованиях и стихотворениях того времени. Особое внимание уделяется понятию «вселенское сораспятие», восходящему к Новому Завету через посредничество немецкого философа Эдуарда фон Гартмана. В заключении статьи поднимается вопрос о возможном применении того же понятия к личным отношениям Иванова и его жены, Лидии Дмитриевны Зиновьевой-Аннибал.

Ключевые слова: русский символизм; Вяч. Иванов; Эдуард фон Гартман; жертва; сораспятие.

Информация об авторе: Майкл Вахтель — доктор филологических наук, профессор, Принстонский университет, 225 East Pyne, 08544, Принстон, США. Email: wachtel@princeton.edu.

Для цитирования: *Вахтель М.* Философская подоплека одного скандала. (Вяч. Иванов, Эдуард фон Гартман и «вселенское сораспятие») // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 286–296. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-286-296>

В известном письме к А.А.Блоку от 9-10 мая 1905 г. Е.П. Иванов описывает события, свидетелем которых он не был и быть не хотел. «Я очень благодарю Бога, что не пошел. Это было бы для меня ужасно. Очень рад, что несколько удалось, но масса здесь бесовщины и демонически-языческого ритуала, кровь проливают. Главное, что всё совершенно всё же вне Христа...» [3, с. 65]. И не один Е. Иванов страшился происхо-

дящего. Сходное отношение было и у другого потенциального участника, А.М. Коноплянцева, вспомнившего много лет спустя: «Приглашали и меня, но я испугался и не пошел» [11, с. 337].

Что же произошло? 2 мая 1905 г. в квартире у Николая Минского к полуночи собрались поэты и философы символистского круга. Цель их встречи была глубоко религиозной — «найти единство веры» и «почувствовать богобратство и богосестринство свое» [3, с. 63]. Однако, выбрали они крайне своеобразные приемы. Сначала ели и пили чай с печеньем. Потом пошли в зал и взялись за руки. Долго сидели. Затем вышли в другую комнату и стали «кружиться». А после этого началась главная часть действия — жертвоприношение. Молодой еврейский музыкант вызвался добровольцем. Укололи его руку, смешали в чаше его кровь с вином, и каждый из присутствовавших выпил из чаши. Затем участники действия вышли из дома на набережную при свете кончающейся белой ночи и почувствовали близость и единство.

Этот «скандальный» ритуал послужил Александру Эткинду наглядной иллюстрацией сектантского влияния на русскую культуру в начале XX века. Эткинд подчеркивал многочисленные элементы сцены, связанные с «радением», т.е. с народным — не церковным — богослужением [13, с. 10–12]. Для фольклориста Александра Панченко собрание являлось «заключительным аккордом в истории метаморфоз легенды о кровавой жертве у русских мистических сектантов», хотя бы в «книжном» контексте [10, с. 160, 161].

Вслед за Эткиндом и Панченко мы будем отталкиваться от отчета Е.П. Иванова как самого подробного и достоверного источника. Хотя Е.П. Иванов не присутствовал на действе и не сочувствовал его участникам, он написал свое письмо через несколько дней после этого события и передал происходившее со слов свидетельницы, падчерицы В.В. Розанова, находившейся там вместе с отчимом. Нет основания полагать, что Иванов нарочно исказил смысл происшествия, в отличие от Розанова, реконструировавшего события много лет спустя сквозь призму антисемитских предубеждений.

Эткинд и Панченко ставят акцент на фольклорной стороне ритуала, мы же остановимся на его философской подоплеке. Сначала обозначим важные для нашей трактовки моменты. Во-первых, как недвусмысленно указывает Е.П. Иванов, главным героем действия безусловно являлся Вяч. Иванов. Розанов, объясняющий шокирующий ритуал «атавизмом» евреев и тем самым защищающий свою черносотенную позицию в деле Бейлиса, лишь вскользь упоминает Иванова¹. Для него виновники всего —

¹ Подробный анализ взглядов и мотивации Розанова дает Ольга Матич: [19, р. 260–262].

Минский и его жена. «Замечательно, однако, что мысль о причащении человеческою кровью возникла не у кого-либо из русских, не в русской голове и мозгу (ни в одном русском литературном доме ничего подобного я не слышал!), а именно в доме *еврейском, в обществе* по преимуществу *еврейском* и в *мозгу еврейском...*» [11, с. 337]². Между тем, как следует из письма Е.П. Иванова, Минский сыграл здесь второстепенную роль. «У Минского, по предложению Вячеслава Иванова и самого Минского, было решено произвести собрание». Уже в самом начале описания Минский упомянут на втором месте. И по ходу рассказа Минский как будто исчезает, а Иванов все больше проявляется, становясь самым деятельным участником всего действия. Прочитируем письмо Е.П. Иванова: «Больше всего делал и говорил Иванов. Он был чрезвычайно серьезен, и только благодаря ему всё могло удержаться». Когда молодой человек согласился взять на себя роль жертвы, именно Иванов напутствовал его. «Иванов подошел и говорил: “Брат наш, ты знаешь, что делаешь, какое дело великое” и т.д.» Наконец, именно Иванов принял самое активное участие в развязке всего ритуала: «Но вот наступила минута сораспинания. Ал<ександра> Мих<айловна> говорит, что потому что закрыла глаза, похолодев, и не видела, что они делали. Потом догадалась. Кажется, Иванов с женой разрежали жилу под ладонью у пульса, и кровь в чашу... Дальше показания путаются. Но по истерическим выкрикиваниям жены Розанова если судить, то этой крови все приобщились, пили, смешав с вином»³.

Впрочем, мы вправе сомневаться в том, что Иванов с женой «разрезали жилу у пульса». Напомним, что очевидец перестал смотреть именно в этот момент. Скорее всего, все было не столь жутко. Обратим внимание на то, как приводится эта деталь у Розанова (с характерным акцентом на Минского и евреев): «Но я помню вытянутое и смешное лицо еврея-музыканта N и какой-то еврейки, подставлявших руку свою, из которой, кажется, Минский или кто-то “по очереди” извлекали то булавкой, то перочинным ножиком “несколько капель” его крови, и тоже крови той еврейки, и потом, разболтавши в стакане, дали всем выпить. “Гостей” было человек 30 или 40...» [11, с. 337]. Ошибки Розанова опять показательны: мы знаем из письма, что «еврейки» вообще не было, был только еврей-музыкант. Мы знаем также, что Минский был тут ни при чем, что Иванов с женой руководили действием. И судя по письму

² Впрочем, легенды о «кровавом навете» ходили и о русских сектантах [10, с. 153–158]. Пишущий эти строки обсуждал с Н.А. Богомоловым тему настоящей заметки. Пользуемся случаем, чтобы процитировать из его электронного письма от 15 августа 2017 г.: «“Сахарну” посмотрел. Увы, это тот Розанов, которого я не выношу. И вообще я не очень понимаю этого нынешнего расхождения мыслей о Розанове: то он антисемит, то филосемит».

³ [3, с. 65]. Александра Михайловна — падчерица Розанова.

Е.П. Иванова, человек было примерно 15, а не 30 или 40. Однако, гораздо правдоподобнее предположить, что в процессе жертвоприношения кровь была добыта с помощью булавки, а не разрезания вены ножом, как «догадалась» свидетельница⁴. Главное, что здесь имеет место символический жест, а не желание причинить боль.

Тем не менее показательно, что свидетельница, даже когда она закрыла глаза, указала не на Минского, а на Вяч. Иванова и его жену как на ответственных исполнителей. Трудно поверить, что другой человек заменил супругов в кульминационный момент жертвоприношения. Такой «сдвиг» смог случиться только в воображении Розанова, столь убежденного в существовании ритуала «причащения человеческою кровью» у евреев [11, с. 337].

Если А. Эткинд прав и все «радение» было основано на практике русских сектантов, то, спрашивается, откуда Вяч. Иванов почерпнул такие знания? Известно, что Иванов был отлично осведомлен в науке о ритуалах в древней Греции и что он увлекался вопросами ритуалов до конца своей жизни [5; 14, р. 47–84]. Однако, он знал о русских традициях больше в теории, чем на практике. Сам Эткинд указывает на его «тяжкую ошибку» в трактовке выражения сектантов «ты более, чем я» [13, с. 210]. Характерно и забавно, что Иванов, столь ценивший идею русской народности, даже не был в традиционной деревенской бане до 1907 г., когда он попал в Любавичи [4, с. 208].

Чтобы понять случившееся на квартире у Минского, нам кажется целесообразнее обратить внимание на то, что сам Иванов думал и писал в это время. Прочитируем отрывок из его статьи «Новые маски», написанной в 1904 г. в качестве вступления к драме «Кольца» Л.Д. Зиновьевой-Аннибал⁵. Забегая вперед, скажем, что нас будут интересовать не столько размышления о трагедии, сколько утверждения о воспитании современного человека:

Нам, воспитавшимся на идеях Достоевского о круговой поруке всего живущего, как грешного единым грехом и страдающего единым страданием, на идеях Шопенгауэра о мировой солидарности, — на этих прозрениях в таинство всемирного распятия (по слову Гартмана) и в нрав-

⁴ Косвенное подтверждение этого допущения мы находим в мемуарах Андрея Белого, узнавшего обо всем понаслышке и написавшего лет через 30 после событий: «В каком-то салоне кололи булавкой кого-то и кровь выжимали в вино, называя идиотизм “сопричастием” (слово Иванова)» [2, с. 176]. Белый был, скорее всего, прав, указав на булавку. Однако, как мы увидим ниже, речь шла скорее всего не о «сопричастии», а о «сораспятии».

⁵ Как указывает Н.А. Богомолов [4, с. 110], статья была написана 7-8 июня 1904 г., т.е. за 11 месяцев до собрания у Минского.

ственный закон сострадания, как сораспятия вселенского, — трагическая Муза говорит всегда о целом и всеобщем, являет своих героев в аспекте извечной жертвы и осиявает частный образ космического мученичества священным литургическим венцом [6, т. 1, с. 48].

Нетрудно заметить в этом отрывке два слова — «жертва» и «сораспятие», — являвшихся ключевыми в описании Е.П. Ивановым «скандальной сцены» у Минского. Первое слово вряд ли удивит тех, кто хотя бы поверхностно знаком с творчеством Вяч. Иванова. Оно встречается сплошь и рядом в его статьях и стихах того времени. Второе слово, напротив, редкое даже у Иванова. (Правда, у Е.П. Иванова «сораспятие», а у Вяч. Иванова «сораспятие», но разница здесь не существенная.)

Именно эти два слова повторяются в другом тексте, написанном почти в то же время, когда разыгрывалась сцена у Минского. В знаменитой заключительной части «Эллинской религии страдающего Бога» Иванов сближает религию Диониса с христианством и называет Христа «обновленным Дионисом».

Человеческий дух должен был остаться один на один с Христом, чтобы преисполниться созерцанием Его крестной жертвы. И жертва была продолжена, и природа была мертва, как в прообразе зимних страстей и смерти Диониса. Человеческий дух должен был сораспяться Христу и, соединившись с Ним, принять Его стигмы. Только в этом высшем таинстве слияния дано было человеку снова ощутить всеединство, как причастие распятию вселенскому ⁶.

В статье «Новые маски» Иванов называет учителей своего поколения, властителей дум, ведущих его (или «нас») к центральному понятию «сораспятия вселенского», причем в ряду этих мыслителей Эдуард фон Гартман занимает главное и немного загадочное место. Высказывания Достоевского и Шопенгауэра общеизвестны, а «крылатое слово» Гартмана вряд ли знакомо читателю. В свою очередь, словосочетание «таинство всемирного распятия» (или, может быть, только «всемирное распятие») очень близко к окончательной формулировке «сораспятие вселенское» самого Иванова ⁷. Спрашивается, что именно сказал Гартман по этому поводу? Образцовые комментарии к недавно вышедшему тому малого

⁶ [8, с. 197]. Эта глава исследования впервые была опубликована в июльском номере «Вопросов жизни» за 1905 год.

⁷ Ср. письмо Е.П. Иванова: «... и вот еще что было предложено В. Ивановым — самое центральное — это “жертва”, которая по собственной воле и по соглашению общему решает “сораспяться вселенской жертве”, как говорил Иванов» [3, с. 62].

собрания сочинений Иванова в этом случае нам мало помогают. Приведенное комментаторами предложение из Гартмана, на наш взгляд, не совпадает с тем, что пишет о нем Иванов [6, т. 2, с. 150].

Сегодня Гартман забыт⁸, а в свое время он слыл великим философом. Он писал на самые разные темы и был до такой степени плодовитым, что найти определенное словосочетание в его наследии — задача затруднительная⁹. Не мудрено, что комментаторы до сих пор не смогли его обнаружить. Хотя нам и не удалось найти точное выражение «таинство всемирного распятия», идея о всемирном распятии встречается несколько раз в сочинениях Гартмана. Ниже мы приведем два отрывка, близких к тому, что приписывает ему Иванов. В «Письмах о христианской религии», впервые опубликованных в 1870 г. под псевдонимом, есть такой отрывок:

Der Christ aber muss vor allen Dingen nicht mehr sich selbst leben (2. Kor. 5, 15), sondern sein Fleisch samt den Leidenschaften und Begierden kreuzigen (Gal. 5, 24), so dass ihm die Welt gekreuzigt ist und er der Welt (Gal. 6, 14)¹⁰.

Христианин, напротив, должен прежде всего жить не для себя (2. Кор. 5: 15), но распять свою плоть вместе со страстями и желаниями, чтобы весь мир для него был распят и для всего мира он был распят (Гал. 6:14).

В монографии 1882 г. «Религиозное сознание человечества» есть сходное утверждение:

Wer an Christum glaubet, der soll auch gleich ihm und mit ihm im Fleische gekreuzigt sein, um hinfort nur ihm in ihm und mit ihm zu leben (Röm. 6, 4-11; 2 Kor. 5, 14-15) <...>Der mit Christo Gekreuzigte ist der Sünde abgestorben (Röm. 6, 6 u. 10), überhaupt der Welt (im Sinne des Sündenschauplatzes) gekreuzigt und abgestorben<...> [17, S. 578].

Кто верит в Христа, тот должен, подобно ему, вместе с ним быть распятым во плоти, чтобы жить отныне для него, в нем и с ним (Рим. 6: 4-11; 2 Кор. 5: 14-15) <...> Распятый с Христом мертв грехам (Рим. 6: 6 и 10), вообще распят и мертв миру (в смысле места, где совершаются грехи).

⁸ Единственная современная монография о нем начинается словами: «Eduard von Hartmann gehört zu den vergessenen Philosophen.» («Эдуард фон Гартман принадлежит к забытым философам»): [21, S. 6].

⁹ Полная библиография его трудов занимает двадцать страниц: [16].

¹⁰ [20, S. 153]. Переиздания вышли уже под именем Гартмана и под названием «Das Christentum des Neuen Testaments» (Христианство Нового Завета).

В обоих этих текстах фигурируют слова «распятие» и «мир», причем в первом сам мир как будто распят. Однако, Гартман ничего не пишет о «таинстве мирового распятия». Наоборот: он просто повторяет формулировки из Нового Завета, смысл которых состоит в том, что для настоящего христианина распятие означает отказ от мира сего и от его тщеты. Этот мир грехов «распят для него», потому что христианин с ним уже не связан. Другими словами, настоящий христианин чужд миру, и мир чужд ему.

Не исключено, что более усидчивый ученый когда-нибудь найдет именно то «крылатое слово», на которое ссылается Иванов. Но после долгих поисков мы пришли к предварительному заключению, что Иванов не точно цитирует Гартмана и не совсем точно трактует его. Как бы то ни было, следует иметь в виду, что Гартман представляет собой только третий и предпоследний шаг к «нравственному закону сострадания, как сораспятия вселенского», по мнению Иванова, характеризующему духовные предпосылки современного человека.

Стоит подчеркнуть, что глагол «сораспять» (гр. *συσταυρόω*) библейски окрашен. Он употребляется несколько раз в Новом Завете, в том числе в послании Павла о «распятом с Христом» (Рим. 6:6), на которое указывает Гартман во втором приведенном выше отрывке. Правда, в немецкой Библии слово «сораспятие» прямо не передается, но Иванову безусловно был знаком греческий оригинал¹¹. Примечательно, что Иванов добавляет еще один мистический оттенок к библейскому образу. По слову Павла (и согласно трактовке Гартмана), настоящий христианин отчуждается от мира и мир отчуждается от него. По Иванову, есть некая таинственная связь всего сущего, и распятие примиряет всех нас с мирозданием, т.е. мироздание как будто страдает вместе с нами¹².

Примечательно, что понятие «сораспятие» уже использовалось Ивановым в поэтическом тексте. Речь идет о мистическом дистихе «*Tat twam asi*», опубликованном в вышедшем в декабре 1902 г. первом сборнике поэта «Кормчие звезды»¹³. Поскольку название дистиха прямо отсылает к «Упанишадам», очевидно, что мы вновь имеем дело со своеобразным сочетанием религиозных традиций.

¹¹ В русской Библии это слово появляется в Гал 2:19: «Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос».

¹² О значении спасения всего мироздания (*Universalerlösung, Welterlösung*) Гартман пишет многократно в книге «Религия духа», однако без ссылки на распятие: [18, S. 263–266]. Ср. [15, S. 179–180].

¹³ Неизвестно, когда Иванов написал стихотворение «*Tat twam asi*», но многое указывает на 1902 год, когда он изучал санскрит у Фердинанда де Соссюра в Женеве.

В страждущем страдаешь ты сам: вмести сораспяться живому.

В страждущем страдаешь ты сам: мужествуй, милуй, живи [7, с. 642].

Геннадий Обатнин указывает на еще одну важную для нас деталь. Скорее всего, дистих восходит не только к индуизму, но и к учению Шопенгауэра, увлекавшегося, как известно, «Упанишадами» и несколько раз ссылавшегося в своем главном произведении «Мир как воля и представление» на ключевое изречение «Tat twam asi» [9, с. 31].

Вернемся к странным событиям в квартире Минского. Мы попытались показать, что в их основе лежит не столько сектантское радение, сколько философская и мистическая традиция, построенная на идеях Достоевского, Шопенгауэра и — в своеобразном прочтении — Гартмана. При помощи жертвы Иванов хотел осуществить желаемое «сораспятие», тем самым стараясь превратить своих соратников в настоящую духовную общину. Такая идея соединения была очень дорога Иванову, поэтому представляется ошибочным трактовать произошедшее как «идиотизм» (слово Андрея Белого), «декадентскую чепуху» или «полную бессмыслицу»¹⁴. Второе подобное собрание так и не состоялось, но через несколько месяцев начался новый этап эксперимента — собрания на Башне¹⁵.

Впрочем, есть основание полагать, что Иванов воспринимал «сораспятие» лично, что оно было тесно связано с его отношениями с Зиновьевой-Аннибал. Само это понятие подразумевается в известной заключительной строке раннего сонета «Любовь» — «Мы — две руки единого креста». После смерти жены стихотворение оказалось пророческим и Иванов поставил его как магистрал в венок сонетов ее памяти. А «сораспятие» появляется в дневнике Иванова 1910 г., посвященном мистическому общению с покойной женой:

Будь губкой, втягивающей горечь мира, и уста твои станут устами Распятого за грех мира. По мере того как будет светлее становиться и прозрачнее мир, тебя окружающий, перед глазами твоими, — все реальнее будешь ты Христу сораспинаться¹⁶; тогда низойдет на тебя радость в Духе. И радостно будешь ты взирать на мир, ибо из его ран подымутся розы, и из тленья вылетят пчелы: так будет с тобой, если ты сделаешь своими язвы мира, и тлен его тленом своим [7, с. 807].

¹⁴ Ср. у Розанова: «Я в то время смотрел на “вечер” как на одно из проявлений “декадентской чепухи”, и кроме скуки он на меня другого впечатления не произвел» [11, с. 337]. «Полная бессмыслица» — выражение Роберта Бёрда [14, р. 12].

¹⁵ См.: [4, с. 115–198; 12; 1].

¹⁶ Грамматическое управление («сораспинаться» + дательный падеж) соответствует древнегреческому словоупотреблению в Новом Завете. Ср. вышеуказанный отрывок из «Эллинской религии страдающего бога».

На собрании у Минского в 1905 г. Иванов с женой хотели сотворить ритуал «сораспятия», а после потери ее он и без ритуала остался верен тому же философскому идеалу.

Литература

1. Башня Вяч. Иванова и культура серебряного века. СПб: Филологический факультет С.-Петербур. гос. ун-та, 2006. 384 с.
2. *Белый А.* Между двух революций. М.: Художественная литература, 1990. 670с.
3. *Блок А.А., Иванов Е.П.* Переписка (1904–1920) / сост., предисл., подгот. текста В.Н. Быстрова; коммент. В.Н. Быстрова при участии О.Л. Фетисенко. СПб: Пушкинский Дом, 2017. Т. 1. 217 с.
4. *Богомолов Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М.: Intrada, 2009. 296 с.
5. *Брагинская Н.В.* Трагедия и ритуал у Вячеслава Иванова. // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М.: Наука, 1988. С. 294–329.
6. *Иванов В.* По звездам. СПб: Пушкинский Дом, 2018. Т. 1. 431 с.; Т. 2. 671 с.
7. *Иванов В.* Собрание сочинений. Bruxelles: Foyer Oriental Chrétien, 1974. Т. 2. 852 с.
8. *Иванов В.* Эллинская религия страдающего бога // Символ. 2014. № 64. 221 с.
9. *Обатнин Г.* Иванов-мистик: Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907–1919). М.: НЛЮ, 2000. 237 с.
10. *Панченко А.А.* Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2004. 541 с.
11. *Розанов В.В.* Сахарна. М: Республика, 2001. 459 с.
12. *Шишкин А.Б.* Симпозион на петербургской башне в 1905–1906 гг. // Русские пиры / Альманах «Канун». Вып. 3. СПб.: Пушкинский Дом, 1998. С. 273–332.
13. *Эткинд А.* Хлыст: Секты, литература и революция. М.: НЛЮ, 2013. 642 с.
14. *Bird R.* The Russian Prospero: The Creative World of Viacheslav Ivanov. Madison: U. of Wisconsin Press, 2006. 310 p.
15. *Braun O.* Eduard von Hartmann. Stuttgart: Fr. Frommanns Verlag (E. Hauff), 1909. 261 с.
16. *Hartmann A.* Chronologische Übersicht der Schriften von Ed. v. Hartmann. // Kant-Studien. Philosophische Zeitschrift. 1912. S. 501–520.
17. *Hartmann E.* Das religiöse Bewusstsein der Menschheit. Leipzig: Verlag von Wilhelm Friedrich, 1882. 627 p.
18. *Hartmann E.* Die Religion des Geistes. Leipzig: Verlag von Wilhelm Friedrich, 1888. 328 p.
19. *Matich, Olga.* Erotic Utopia: The Decadent Imagination in Russia's Fin de Siècle. Madison: University of Wisconsin Press, 2005. 304 p.
20. *Müller F.A.* <= Hartmann E.> Briefe über die christliche Religion. Stuttgart: Kötzle, 1870. 280 S.
21. *Wolf J.C.* Eduard von Hartmann: Ein Philosoph der Gründerzeit. Würzburg: Königshausen & Neumann: 2006. 236 S.

The Philosophical Subtext of a Scandal (Viacheslav Ivanov, Eduard von Hartman, and “Universal Co-crucifixion”)

© 2021, Michael Wachtel
Princeton University, Princeton, USA

Abstract: The essay examines the notorious sacrificial rite that took place in Nikolay Minsky’s apartment in May of 1905. The event is viewed as a direct reflection of the philosophical and religious convictions of Viacheslav Ivanov. Ivanov’s “scandalous” behavior, which so shocked and repulsed his contemporaries, fits in neatly with his general understanding of the world, which is clearly expressed in his essays, scholarly work, and poetry of that time. Special attention is given to the concept of “universal co-crucifixion,” which is derived from the New Testament through the mediation of the philosopher Eduard von Hartman. At the end of the essay the question is raised about the potential application of the same concept to the personal relationship of Ivanov and his wife, Lidia Dmitrievna Zinov’eva-Annibal.

Keywords: Russian Symbolism; Viacheslav Ivanov; Eduard von Hartman; sacrifice; co-crucifixion.

Information about the author: Michael Wachtel, Ph.D. in Comparative Literature, Professor, Slavic Department, Princeton University, 225 East Pyne, 08544, Princeton, NJ, USA. E-mail: wachtel@princeton.edu.

For citation: Wachtel, M. “The Philosophical Subtext of a Scandal (Viacheslav Ivanov, Eduard von Hartman, and ‘Universal Co-crucifixion’)”. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (19), 2021, pp. 286–296. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-286-296>

References

1. *Bashnia Viach. Ivanova i kul'tura serebriannogo veka* [*The Tower of Viacheslav Ivanov and the Culture of the Silver Age*]. Saint Petersburg, Filologicheskii fakul'tet S.-Petersburg Gos. Un-ta Publ., 2006. 384 p. (In Russ.)
2. Belyi, A. *Mezhdv dvukh revoliutsii* [*Between Two Revolutions*]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. 670 p. (In Russ.)
3. Blok, A.A.; Ivanov, E.P. *Perepiska (1904–1920)* [*A.A. Blok and E.P. Ivanov: Correspondence*], vol. 1, ed., introd. by V.N. Bystrova; comm. by V.N. Bystrov, O.L. Fetisenko. Saint Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2017. 217 p. (In Russ.)
4. Bogomolov, N.A. *Viacheslav Ivanov v 1903–1907 godakh: Dokumental'nye khroniki* [*Viacheslav Ivanov in 1903–1907: Documentary Chronicles*]. Moscow, Intrada Publ., 2009. 296 p. (In Russ.)
5. Braginskaia, N.V. “Tragediia i ritual u Viacheslava Ivanova” [“Tragedy and Ritual in the Work of Viacheslav Ivanov”]. *Arkhaiskii ritual v fol'klornykh i ranneliteraturnykh pamiatnikakh* [*Archaic Ritual in Folklore and Ancient Literary Works*]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 294–329. (In Russ.)

6. Ivanov, V. *Po zvezdam [By the Stars]*. Saint Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2018. Vol. 1, 431 p.; vol. 2, 671 p. (In Russ.)
7. Ivanov, V. *Sobranie sochinenii [Collected Works]*. Bruxelles, Foyer Oriental Chrétien, 1974. Vol. 2, 852 p. (In Russ.)
8. Ivanov, V. “Ellinskaia religiiia stradaiushchego boga” [“Hellenic Religion of the Suffering God”]. *Simvol*, no 64, 2014. 221 p. (In Russ.)
9. Obatnin, G. *Ivanov-Mistik: Okkul'tnye motivy v poezii i proze Viacheslava Ivanova (1907–1919) [Ivanov as Mystic: Occult Motifs in Viacheslav Ivanov's Poetry and Prose, 1907–1919]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000. 237 p. (In Russ.)
10. Panchenko, A. A. *Khristovshchina i skopchestvo: Fol'klor i traditsionnaia kul'tura russkikh misticheskikh sekt [Flagellants and Castrates: Folklore and the Traditional Culture of Russian Mystical Sects]*. Moscow, OGI Publ., 2004. 541 p. (In Russ.)
11. Rozanov, V.V. *Sakharna [Sakharna]*. Moscow, Respublika Publ., 2001. 459 p. (In Russ.)
12. Shishkin, A.B. “Simposion na peterburgskoi bashne v 1905–1906 gg.” [“The Symposium in the Petersburg Tower from 1905-1906”]. *Russkie piry [Russian Feasts]*. “Kanun”, t. 3. Saint-Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 1998, pp. 273–332. (In Russ.)
13. Etkind, A. *Khlyst: Sekty, literatura i revoliutsiia [The Flagellant: Sects, Literature and Revolution]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013. 642 p. (In Russ.)
14. Bird, R. *The Russian Prospero: The Creative World of Viacheslav Ivanov*. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 2006. 310 p.
15. Braun, O. *Eduard von Hartmann*. Stuttgart, Fr. Frommanns Verlag (E. Hauff), 1909. 261 p. (In Germ.)
16. Hartmann, A. “Chronologische Übersicht der Schriften von Ed. v. Hartmann.” *Kant-Studien. Philosophische Zeitschrift*, 1912, pp. 501–520. (In Germ.)
17. Hartmann, E. *Das religiöse Bewusstsein der Menschheit*. Berlin, C. Duncker, 1882. 627 p. (In Germ.)
18. Hartmann, E. *Die Religion des Geistes*. Leipzig, Verlag von Wilhelm Friedrich, 1882. 328 p. (In Germ.)
19. Matich, O. *Erotic Utopia: The Decadent Imagination in Russia's Fin de Siècle*. Madison, WI, University of Wisconsin Press, 2005. 304 p.
20. Müller, F.A. <= Hartmann E.> *Briefe über die christliche Religion*. Stuttgart, Kötzle, 1870. 280 p. (In Germ.)
21. Wolf, J.C. *Eduard von Hartmann: Ein Philosoph der Gründerzeit*. Würzburg, Königshausen & Neumann, 2006. 236 p. (In Germ.)

Статья поступила в редакцию: 25.01.2021
Дата публикации: 25.03.2021

The article was submitted: 25.01.2021
Date of publication: 25.03.2021

Футуристическое подражание Горацию

© 2021, Манфред Шруба

Миланский государственный университет, Италия

Аннотация: Статья представляет собой анализ коллективного стихотворения А.Е. Крученых и В.В. Хлебникова «Памятник», опубликованного в футуристической брошюре «Слово как таковое» (1913). Данное стихотворение принадлежит к достаточно распространенному и значимому в русской поэзии «жанру» подражаний оде Горация «Eхegi monumentum aere perennius...» (Carmina III, 30). Стихи Крученых и Хлебникова содержат, с одной стороны, пародийные отсылки к известным стихотворениям-«Памятникам» А.С. Пушкина и Г.Р. Державина. Одновременно, футуристический «Памятник» представляет собой вполне серьезное продолжение традиции подражаний Горацию, отражая самоуверенное убеждение авторов о своем поэтическом бессмертии и об избежании забвения посредством собственного творчества.

Ключевые слова: А.Е. Крученых; В.В. Хлебников; А.С. Пушкин; Г.Р. Державин; поэтологическая поэзия.

Информация об авторе: Манфред Шруба — доктор филологических наук, профессор, Миланский государственный университет, Отдел наук по лингвистической медиации и межкультурным исследованиям. Piazza Indro Montanelli 1, 20099 Sesto San Giovanni (MI), Италия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9174-2998> E-mail: manfred.schruba@unimi.it.

Для цитирования: Шруба М. Футуристическое подражание Горацию // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 297–311.
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-297-311>

Предмет анализа — коллективное стихотворение «Памятник» (1913), написанное совместно В. Хлебниковым и А.Е. Крученых (нам уже приходилось писать об этом произведении: [29]). Стихи впервые опубликованы в брошюре «Слово как таковое» [9, с. 14], вышедшей из печати в октябре 1913 г. [23, с. 90]. Произведение не было включено в пятитомное ленинградское «Собрание произведений» Хлебникова 1928–1933 гг.; оно впервые републиковано

в третьем томе мюнхенского собрания его сочинений 1972 г. [20, с. 379]¹. Текст стихотворения приведен также в Приложении к нашему словарю «Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов» [23, с. 321]. Ниже он приводится по данному изданию, с сохранением своеобразной орфографии оригинала:

ПАМЯТНИКЪ

уткнувши голову в лохань
я думал: кто умрет прекраснѣй?
не надо мнѣ цвѣточных бань
и потолокъ зари чуть гаснушей

про всѣх забудет человѣчество
придя в будетлянскія страны
лишь мнѣ за мое молодечество
поставят памятник странный:

не будет видно головы
ни выраженія предсмертнаго блаженства
ни даже рук — увы! —
а лишь на полушаріях колѣнца...

По вопросу об авторстве стихотворения редактор мюнхенского издания В.Ф. Марков отмечает: «По всей вероятности, это коллективное стихотворение, но, по свидетельству Р.О. Якобсона, средняя строфа хлебниковская» [20, с. 400]. Источник высказывания Якобсона не указан.

Кем бы ни были написаны отдельные строфы, совокупность текста представляет собою единое связное целое, обладающее четкой композицией. К тому же стихотворение содержит ряд элементов, создающих связь между отдельными строфами: словесные повторы (мне / мне, лишь / лишь, голову / головы), семантические сношения (умрет / предсмертнаго) и звуковые переключки (забудет / будет-лянские / не будет). Об обдуманной композиции текста в целом свидетельствует также распределение форм грамматического времени,

¹ Отметим, что стихотворение не вошло и в собрание сочинений Хлебникова 2000–2006 гг. В издание вошел литературный манифест Крученых и Хлебникова «О художественных произведениях», составляющий основную часть брошюры «Слово как таковое» [21, т. 6, кн. 1, с. 332–335], но почему-то опущены последние две страницы брошюры, имеющие непосредственное отношение к манифесту — в том числе, стихотворение «Памятник», которым завершается брошюра.

подразумевающее определенное временное развитие: стихи 1–2 — прошлое, стихи 3–4 — настоящее, стихи 5–12 — будущее (будущему отведено в два раза больше места, чем прошлому и настоящему вместе взятым, как и подобает футуристическому произведению). Таким образом, разделить вклад соавторов на отдельные текстовые части невозможно.

Можно бы возразить, что средняя («хлебниковская») строфа отличается от первой и третьей по метрическим признакам (размером и клаузулой / рифмой). Метрическая структура стихотворения, действительно, нетривиальна и достойна более подробного анализа. Первая строфа: Я 4 м, Я 4 ж, Я 4 м, Я 4 д. Вторая строфа: Я 4 д, Ам 3 ж, Ам 3 д, До 3 ж. Третья строфа: Я 4 м, Я 6 ж, Я 3 м, Я 5 ж. В трехчленной формуле каждого из стихов заглавная буква обозначает размер (Я = ямб, Ам = амфибрахий, До = дольник); цифра указывает число стоп (например, Я 4 = четырехстопный ямб, Ам 3 = трехстопный амфибрахий); строчной буквой обозначен тип клаузулы (м = мужская, ж = женская, д = дактилическая).

Данное полиметрическое стихотворение тяготеет к ямбу. Выделяется вторая строфа с двумя амфибрахическими стихами (6–7) и с тоническим стихом (8). Однако для вопроса о когерентности текста в целом значимо, что, с одной стороны, первый стих второй строфы подхватывает ямбический размер первой строфы, а, с другой стороны, дактилическая клаузула в последнем стихе первой строфы предвосхищает явление тех же метрических признаков в двух стихах второй строфы. Таким образом, средняя строфа не воспринимается как метрически инородное тело, поскольку имеющиеся отклонения связаны с остальным текстом.

О чем стихи? В первой строфе начертана своеобразно-вычурная картина: лирический герой уткнул голову в лохань. Сосуд, по-видимому, наполнен водой, поскольку герой размышляет о самоубийстве. Мысль направлена на красивую смерть («кто умрет прекрасней») вследствие самопотопления в лохани, противопоставленную таким «романтическим» суицидальным атрибутам, как изобилие цветов («цветочных бань») или закат солнца («зари чуть гаснущей»). Во второй строфе лирический герой представляет себе, что за описанное выше «молодечество» — за самоубийство головой вниз в лохани — ему будет поставлен памятник. В заключительной строфе следует описание желанного памятника, сначала *ex negativo*, с указанием, чего не будет видно — ни головы, ни выражения лица, ни рук; описание собственно памятника содержит последняя строка: из превратившегося в полушария сосуда видны всего лишь «коленца».

Концептуальное ядро стихотворения заключается в противопоставлении смерти (как бренности) и бессмертия (как продолжения жизни в человеческой памяти). В соответствии с этим концептом композиция стихотворения сводится к следующей формуле: за представлением собственной смерти в первой строфе следует ожидание бессмертия во второй строфе; в третьей строфе намечен образ памятника, являющийся одновременно символом бессмертия и отображением (обстоятельств) смерти.

Как толковать образ памятника? Как представляется, Крученых и Хлебников сознательно продолжают своим стихотворением отечественную державинско-пушкинскую традицию подражаний оде Горация «*Exegi monumentum aere perennius...*» (*Carmina* III, 30), активируя основанный данной одой «топос увековечения» («*Verewigungstopos*») [26, с. 469–470], приобретенной собственными сочинениями бессмертной славы поэта. Следует выяснить, какую функцию имеет это — у подчеркнуто антитрадиционалистически настроенных кубофутуристов достаточно парадоксальное — обращение к литературной традиции.

Самое место первой публикации позволяет предполагать, что произведение наделено поэтологическим смыслом. Брошюра объемом в 14 страниц под общим заглавием «Слово как таковое» выключает два текста: декларативную статью-манифест «О художественных произведениях» [9, с. 3–14] и стихотворение «Памятник», напечатанное сразу же после статьи [9, с. 14]. Статья принадлежит к наиболее интересным и теоретически содержательным кубофутуристским манифестам, так как в ней мало «пощечин» и полемики, зато на основании многочисленных примеров объясняются важнейшие поэтические приемы членов группы Гилея².

Предположение о поэтологическом подтексте «Памятника» Крученых и Хлебникова как своеобразного продолжения горацианского мотива увековечения поэта подкрепляется, в первую очередь, наличием ряда «сигналов референции» («*Referenzsignale*») [27, с. 317], связывающих оду Горация с ее парафразами и подражаниями. В первую очередь таким сигналом является сам образ памятника

² В имеющихся антологиях литературных манифестов регулярно печатается лишь статья «О художественных произведениях» (с некорректным заглавием всей брошюры «Слово как таковое»), причем без окончания (вплоть до слов «прочитав — разорви!») и без стихотворения «Памятник». Эту традицию открыли сборники материалов 1924 и 1929 гг. под редакцией Н.Л. Бродского и Н.П. Сидорова [15, с. 106–108; 12, с. 80–82], ее продолжил сборник футуристических манифестов, составленный В.Ф. Марковым, опиравшимся на антологии 1920-х гг. [13], равно как и новейшее издание сочинений Хлебникова [21, т. 6, кн. 1, с. 332–335].

в связи с автопанегириком и с выражением убеждения в собственном бессмертии в памяти человечества.

Ввиду значимости горацианской оды III, 30 для русской культуры [25, с. 271] следует исключить возможность случайного совпадения мотивов: «Ни в одной литературе Горацийев “Памятник” не сыграл такой роли, как в русской» [17, с. 136]; многочисленные подражания этой оде на других языках, аргументирует Л. Пумпянский, не произвели ничего, что по своей значимости было бы сопоставимо с державинским «Памятником» («Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный...»; 1796), не говоря о пушкинском «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836). И действительно, стихотворение Пушкина принадлежит к числу наиболее значительных — а заодно и «наиболее прокомментированных» («meistkommentierten») [27, с. 318] — его произведений [1; 25, с. 160–164].

О популярности горацианской оды в России свидетельствуют также многочисленные переводы, начиная с переложения М.В. Ломоносова (1748); в книге М.П. Алексеева воспроизведено 15 текстов [1, с. 244–271]. Отдельную группу образуют стихотворения, не связанные непосредственно с содержанием оды Горация, но разрабатывающие ее центральную тему — бессмертие поэта в собственных произведениях. К ним принадлежит, например, «Мой дар убог, и голос мой не громок...» Е.А. Баратынского (1828). В.Я. Брюсов создал, наряду с двумя переводами оды, еще и вольное подражание «Памятник» («Мой памятник стоит, из строф созвучных сложен...»; 1912). В данной связи следует назвать также «Памятник» В.Ф. Ходасевича («Во мне конец, во мне начало...»; 1928) [10, с. 166–167]. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» Пушкина стоит именно в этом ряду. Р. Лахман определяет отношение пушкинского стихотворения к Горацию как «*imitatio* второй степени» («*imitatio zweiter Stufe*»), в отличие от парафраза Ломоносова и от подражания Державина [27, с. 312].

«Памятник» Крученых и Хлебникова вписывается, очевидно, в традицию подражаний Горацию «второй степени», абстрагированных от унаследованного содержания и подхватывающих лишь концепт горацианской оды. Возникает вопрос об отношении футуристического «Памятника» к данной традиции.

Анализируемое стихотворение упоминается мимоходом в статье Д. Кшицовой: «Сборник *Слово как таковое* закончен явной пародией А. Крученых на известное стихотворение Пушкина *Я памятник себе воздвиг*» [11, с. 46]. Являются ли эти стихи действительно пародией на пушкинский «Памятник»?

Пародирование основано, как известно, на «комическом утрировании и конденсировании особенностей литературной модели» («comical exaggeration and condensation of the features of the literary model») [28, с. 1271]. Рассмотрим лексические, стилистические, содержательные и идейные точки соприкосновения двух стихотворений в плане создания комических эффектов.

Отметим соответствия. В словах «*уткнувши голову в лохань*» можно усмотреть перелицовку пушкинской формулировки «*Вознесся выше он главою непокорной*»; в стихе «*я думал: кто умрет прекраснѣй?*» слышен отзвук пушкинских слов «Нет, весь я не умру»; стих «*про всѣх забудет челоѣчество*» имеет свой пандан в каталоге народов у Пушкина: «*И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой / Тунгуз, и друг степей калмык*»; пушкинский «*памятник [...] нерукотворный*» превращен в футуристический «*памятник странный*»; качество «*нерукотворный*» отражено в отсутствии рук («*ни даже рук — увы!*») у футуристического памятника.

К указанным совпадениям присоединяются структурные аналогии (тяготение к глагольным формам будущего) и тематические соответствия: это, во-первых, мотив автопанегирика («*про всѣх забудет челоѣчество / [...] / лишь мнѣ [...] / поставят памятник*»), особенно ярко выраженный у Пушкина («*И славен буду я [...] / Слух обо мне пройдет*»); во-вторых, формула обоснования похвалы самому себе: «*за мое молодечество*», подхватывающая такие формулировки Пушкина, как: «*буду тем любезен [...] / Что чувства [...] пробуждал, / Что [...] восславил я*».

Правда, для вопроса о том, насколько футуристический «Памятник» является пародией на Пушкина, тематические аналогии не значимы: тема традиционна, основные мотивы заранее заданы; соответствующие выражения («*non omnis moriar*», «*monumentum*»), равно как похвала самому себе и ее обоснование, встречаются еще у Горация. Релевантными для установления адресата пародии могут быть лишь однозначные намеки на конкретные формулировки и специфические стилистические приемы пушкинского стихотворения.

Показателен сопоставительный взгляд на «Памятник» Державина. Параллели к стихотворению Крученых и Хлебникова можно указать и здесь. Как и в случае пушкинского «*Я памятник себе воздвиг...*», часть соответствий возникает в силу традиционной тематики; они не значимы как индивидуальное соотношение с конкретным текстом. Некоторые совпадения, однако, поддаются толкованию как сознательные намеки на стихи Державина. Вторая строфа стихотворения:

Так! — весь я не умру, но часть меня большая,
 От тлена убежав, по смерти станет жить,
 И слава возрастет моя, не увядая,
 Доколь славянов род вселенна будет чтить —

содержит, с одной стороны, привычные мотивы бессмертия («весь я не умру») и автопанегирика («И слава возрастет моя»); с другой стороны, примечательно в данном контексте слово «вселенна» в последнем стихе, потому что оно открывает универсальную, космическую перспективу, которая лучше соответствует выражениям «человѣчество» и «будетлянскія страны» футуристического «Памятника», чем пандан в стихах Пушкина «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой». К тому же «вселенна» («вселенная») это типично хлебниковское понятие; в словаре неологизмов Хлебникова отмечено не меньше чем 17 слов, образованных с его помощью [16, с. 126–127].

Рассмотрим также пятую и последнюю строфу державинского стихотворения:

О Муза! возгордись заслугой справедливой,
 И презрит кто тебя, сама тех презирай;
 Непринужденною рукой неторопливой
 Чело твое зарей бессмертия венчай.

Слово «заря» встречается и в футуристическом «Памянике» — в стихе «и потолокъ зари чуть гаснущей». Стилистические и семантические параллели позволяют предполагать, что и здесь налицо сознательная реминисценция. Стилистическое сходство имеется в использовании генитивной метафоры: у Державина — «заря бессмертия», у Крученых / Хлебникова — «потолок [гаснущей] зари».

Более сложен случай семантических соответствий. Державинский образ непроблематичен: метафорика света (восход солнца) придает понятию «бессмертие» смысл новой жизни после смерти. В футуристическом стихотворении, напротив, понимание текста усложнено применением грамматической катахрезы³ «потолке».

³ Крученых санкционирует подобные аномалии как футуристические приемы в своей декларативной статье «Новые пути слова», опубликованной в сентябре 1913 г. в сборнике «Трое»: «Неправильности в построении речи возможны: 1) неправильность — неожиданность — грамматическая: а) несовпадение падежей, чисел, времен и родов подлежащего и сказуемого определения и определяемого: пробежал озеро белый летучие; б) опущение подлежащего или др. частей предложения, опущение местоимений предлогов и пр.» [23, с. 313–314]. Подобные приемы встречаются и в поэтической практике Хлебникова [24, с. 290].

Слово использовано в предложном падеже, обычно употребляемом вместе с предлогами (в данном случае ожидалось бы «* на потолке»). Дополнение стихотворного текста тем или иным предлогом, однако, не генерирует никакого согласованного смысла, в отличие от замены предложного падежа другим падежом. Синтаксическая конструкция предыдущего стиха подсказывает употребление родительного падежа: «* не надо мне [...] бань / и потолка». Весь комплекс логически зависит от центрального высказывания в предыдущем стихе («кто умрет прекраснѣй?»): перечисляются и отклоняются два контрпроекта оформления «прекрасной смерти». В этой перспективе выражение «потолок [гаснущей] зари» представляет собой амплифицированный вариант конвенционального уподобления старости / смерти — вечеру / ночи жизни. Семантическое соответствие стихотворению Державина имеется в сочетании понятийных пар «[вечерняя] заря / смерть» и «[утренняя] заря / бессмертие».

Итак, претекстами футуристического «Памятника» служили, как представляется, стихотворные «Памятники» как Пушкина, так и Державина. Является ли отношение этого стихотворения к обоим предтечам действительно комически-пародийным?

На это указывает, в первую очередь, образный язык задающей тон первой строфы. Начальные слова «уткнувши голову в лохань» обрисовывают не только причудливо-дикий ситуацию; они содержат также движение кувырком вниз, противопоставленное гордому движению вверх пушкинского «Вознесся выше он главою непокорной». Инвертирование направления движения знаменует смену стилистического уровня от серьезно-возвышенного к комически-низкому⁴.

Несерьезный, шутовской характер имеет также сам памятник как изображенный в стихах предмет. Видны всего «лишь на полушаріях колѣнца». Обычно изображаемая голова увековеченного лица отсутствует («не будет видно головы») и заменена коленами. Начертанное

⁴ Интересная параллель пародийного типа к набору образов первой строфы имеется в эпическом зачине известной былинной перелицовки «Агафонушка» из собрания Кириши Данилова: «Высока ли высота *потолочная*, / Глубока глубота подпольная, / А и широко раздолье — перед печью шесток, / Чистое поле — по подлавьечью, / А и синее море — в *лохани* вода» [7, с. 141]. Курсивом выделены лексические совпадения — достаточно редкое слово *лохань* в связи с понятием *потолок*. Имеется ли здесь непосредственная связь со стихотворением Крученых / Хлебникова, сказать трудно. Все-таки, «Агафонушка» это, пожалуй, самая известная пародийная былина. Предложение о наличии фольклористических элементов в футуристическом «Памятнике» не является чем-то изначально несуразным — значение фольклора, по крайней мере, для поэтики Хлебникова хорошо известно [2; 3].

в первой строфе направление движения кувыркком находит в третьей строфе свое продолжение и опредмечение.

Существенно в этой связи не только само движение, обращающее верхнее в нижнее и наоборот, но и характер изображенного на памятнике предмета. Колена, нижние (а заодно низменные) части тела принадлежат к области «материально-телесного низа» [4, с. 395–466], являясь элементом гротескно-комической концепции «мира наизнанку». К по-бахтински «карнавальному» кругу представлений принадлежит, впрочем, также мотив «веселой смерти» [4, с. 437–439], встречающийся в формулировке «предсмертного блаженства». При анализе смыслового содержания образа памятника-объекта («лишь на полушариях колѣнца») следует также учесть фразеологизм *откалывать колѣнца*, обозначающий «Совершать, делать что-либо несуразное, необычное» [18, с. 302–303].

Итак, пародийный слой в футуристическом «Памятнике», несомненно, имеется. Однако ввиду того, что референтными текстами являются различные стихотворения (пушкинский, державинский, а косвенно и горацианский «Памятник»), следовало бы в данном случае, пожалуй, говорить не столько о *индивидуальной*, сколько о *жанровой* пародии [14, с. 106], т.е. о травестии «жанра» «стихотворений-памятников».

Следует вместе с тем констатировать, что смысл рассматриваемого стихотворения не ограничивается пародийной целью. Подтрунивание над литературной традицией «Памятников» сопровождается самоуверенным продолжением этой же традиции. Как известно, футуристы отнюдь не страдали комплексом неполноценности. Утверждение собственной гениальности принадлежало к стандартному репертуару как эгофутуристов (ср. в зачине стихотворения «Эпилог» И. Северянина 1912 г.: «Я, гений Игорь-Северянин [...]» [23, с. 269]), так и кубофутуристов. В брошюре «Слово как таковое» Крученых цитирует свое скандально знаменитое стихотворение «дыр бул щыл», сопровождая его заметкой: «(кстати в этом пятистишии больше русского національного чѣм во всей поэзии Пушкина)» [9, с. 9; 23, с. 319].

Спустя две-три недели после публикации футуристического «Памятника», 3 и 11 ноября 1913 г., Давид Бурлюк выступал в Петербурге и в Москве с докладом «Пушкин и Хлебников», где уже самым соположением оба поэта поставлены на один уровень [8, с. 139–141]. Для большинства современников это была возмутительная дерзость; широкая публика считала всех футуристов повально балагурами, если не впрямь душевнобольными. Знаменателен

фрагмент воспоминаний Р.О. Якобсона: «когда Бурлюк объявил доклад [...] “Пушкин и Хлебников”, у меня тогда был жестокий спор с моим отцом, который говорил: “Какое безобразие!”, а я говорил: “Совершенно не безобразие”» [5, с. 47]. Хлебников писал в автобиографической заметке 1914 г. без следа ложной скромности: «В 1913 был назван великим гением современности, какое звание храню и по сие время» [19, с. 353]; подразумевается листовка (не сборник) «Пощечина общественному вкусу», вышедшая из печати в феврале 1913 г. [23, с. 87], в которой Хлебников представлен как «гений — великий поэт современности» [19, с. 466].

Убеждение о чрезвычайной значительности собственного творчества это необходимая предпосылка для создания стихотворения-«Памятника»; у Хлебникова и Крученых это убеждение, безусловно, имелось. Но и не прибегая к рассуждениям из области «психологии искусства», можно утверждать, что в рассматриваемом стихотворении наряду с пародийным пластом имеются также элементы для серьезной, непародийной трактовки темы избегания забвения посредством собственного творчества.

Для подобного прочтения значим, в первую очередь, пассаж с единственным неологизмом стихотворения: «про всѣх забудет человечество / придя в бюджетлянскія страны». Формулировка подразумевает, что человечество раньше или позже объявится в «бюджетлянских странах». Эта цель предначертана в творчестве Хлебникова. Со словом «бюджетлянский» (или «бюджетлянин») связаны центральные представления его «мифотворчества» [6, с. 63–64]. Значение концепта «бюджетлянский» пересекается лишь отчасти с понятием «футуристический». Бюджетляне это, собственно, «творцы будущего»; они — «изобретатели», в отличие от «приобретателей» [6, с. 208].

В выражении «бюджетлянскія страны» отражается характерное для Хлебникова смешение временных и пространственных категорий; ср., например, стихотворение «Если я обращаю человечество в часы...» (1922) [21, т. 2, с. 363–364]; таково и звание «Король времени Велимир I-й», которое Хлебников присвоил себе в манифесте «Труба Марсиан» (1916) [21, т. 6, кн. 1, с. 250]. Узурпация королевства времени сродни также идее утопического «Общества председателей земного шара», задуманного Хлебниковым в конце 1915 г. [23, с. 154–156], хотя идею «предземшаров» содержит *in lise* принятое Хлебниковым еще в 1909 г. литературное имя Велимир [22]. Как представляется, мотив земного шара подхватывается в стихотворении Крученых и Хлебникова в иллюстрации футури-

стического памятника: «на *полушаріях* колѣнца». Полушария это не в последнюю очередь также гемисферы — половины земного шара.

В изображении памятника-предмета отчетливо вырисовывается двойственный характер футуристического подражания Горацию: если «колѣнца» представляют комически-пародийный элемент стихотворения, то «полушарія» привносят значимый для Хлебникова мифопоэтический образ.

Литература

1. *Алексеев М.П.* Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...». Проблемы его изучения. Л.: Наука, 1979. 270 с.
2. *Баран Х.* Фольклорные и этнографические источники поэтики Хлебникова // Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века. М.: Прогресс, 1993. С. 113–151.
3. *Баран Х.* Еще раз о фольклорных жанрах и поэтике Хлебникова // Баран Х. О Хлебникове: контексты, источники, мифы. М.: РГГУ, 2002. С. 233–248.
4. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: в 7 т. М.: Языки славянских культур, 2010. Т. 4 (2). Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 752 с.
5. Велимир Хлебников в размышлениях и воспоминаниях современников (по фонодокументам В.Д. Дувакина 1960–1970 годов) // Вестник Общества Велимира Хлебникова. Вып. 1. М., 1996. С. 44–66.
6. *Григорьев В.П.* Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М.: Наука, 1986. 256 с.
7. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / изд. подгот. А.П. Евгеньева и Б.Н. Путилов. М.: Наука, 1977. 487 с.
8. *Крусанов А.В.* Русский авангард: 1907–1932 (Исторический обзор): В 3 т. Т. 1. Боевое десятилетие. СПб.: Новое литературное обозрение, 1996. 319 с.
9. *Крученых А.Е., Хлебников В.* Слово как таковое. [М.: ЕУЫ, 1913]. 14 с.
10. *Кукин М.Ю.* Зримое и незримое в поэтическом мире: Последнее стихотворение Ходасевича // Начало: Сборник работ молодых ученых. М.: Наследие, 1993. Вып. 2. С. 157–180.
11. *Кишицова Д. [Kšicová D.]* Пушкинские традиции и анти традиции в поэмах Велемира Хлебникова // *Zagadnienia Rodzajów Literackich*. Т. 25. Zeszyt 1 (48). 1982. S. 43–57.
12. Литературные манифесты. От символизма к Октябрю: Сборник материалов / подгот. к печати: Н.Л. Бродский, В. Львов-Рогачевский, Н.П. Сидоров. М.: Федерация, 1929. 301 с.
13. Манифесты и программы русских футуристов = Die Manifeste und Programmschriften der russischen Futuristen / Mit einem Vorwort herausgegeben von V. Markov. München: Fink, 1967. 182 S.
14. *Морозов А.* Литературная роль пародии // Русская литературная пародия / сост. Б. Бегак, Н. Кравцов, А. Морозов. М.; Л.: Государственное издательство, 1930. С. 104–114.

15. От символизма до «Октября» / сост. Н.Л. Бродский и Н.П. Сидоров. М.: Новая Москва, 1924. 303 с.
16. *Перцова Н.* Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. Wien [u.а.]: Gesellschaft zur Förderung Slawistischer Studien, 1995. 557 с.
17. *Пумпянский Л.В.* Об оде А. Пушкина «Памятник» // Вопросы литературы. 1977. № 8. С. 135–151.
18. Фразеологический словарь русского языка / сост. Л.А. Войнова [и др.]; под ред. А.И. Молоткова. 4-е изд., стереотипное. М.: Русский язык, 1986. 543 с.
19. *Хлебников В.* Неизданные произведения. М.: Художественная литература, 1940. 492 с.
20. *Хлебников В.* Собрание сочинений: в 3 т. München: Fink, 1972. Т. 3. 539 с.
21. *Хлебников В.* Собрание сочинений: в 6 т. М.: ИМЛИ РАН, 2000–2006.
22. *Шишкин А.* «Велимир»: Об имени Хлебникова // Europa Orientalis. 1996. Т. 15. № 2. С. 119–142.
23. *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 440 с.
24. *Якобсон Р.* Работы по поэтике / сост. и общ. ред. М.Л. Гаспарова. М.: Прогресс, 1987. 464 с.
25. *Busch W.* Horaz in Rußland: Studien und Materialien. München: Eidos Verlag, 1964. 270 S.
26. *Curtius E.R.* Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. 2., durchgesehene Auflage. Bern: Francke, 1954. 608 S.
27. *Lachmann R.* Intertextualität als Gedächtnishandlung: Puškins Horaz-Transposition // Lachmann R. Gedächtnis und Literatur. Intertextualität in der russischen Moderne. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1990. S. 303–353.
28. *Markiewicz H.* On the definitions of literary parody // To honour Roman Jakobson. Essays on the occasion of his 70th birthday. Den Haag; Paris: Mouton, 1967. P. 1264–1272.
29. *Schruba M.* Ein futuristisches *Exegi monumentum* // Textbeschreibungen, Systembeobachtungen: Neue Studien zur russischen Literatur des 20. Jahrhunderts / Hrsg. D. Kretzschmar, Ch. Veldhues. Dortmund, 1997. S. 215–227

A Futurist Emulation of Horace

© 2021, Manfred Schruba

Università degli Studi di Milano, Italy

Abstract: The article presents an analysis of Alexey Kruchenykh's and Velimir Khlebnikov's collective poem *Pamiatnik (The Monument)*, published in the futurist brochure *Slovo kak takovoe* ("The Word as Such"; 1913). The poem belongs to the "genre" of emulations of Horace's "Exegi monumentum aere perennius..." (Carmina III, 30), quite widespread and important in Russian poetry. Kruchenykh's and Khlebnikov's poem contains, on the one hand, parodistic references to the well-known "monument" poems of Alexander Pushkin and Gavriil Derzhavin. At the same time, the futurist *Monument* represents an entirely serious continuation of the tradition of the Horace emulations, reflecting the authors' self-confident conviction of their poetic immortality and of the avoidance of the oblivion by means of the proper creative work.

Keywords: A.E. Kruchenykh; V.V. Khlebnikov; A.S. Pushkin; G.R. Derzhavin; poetological poetry.

Information about the author: Manfred Schruba, Prof. Dr. phil. habil., Professore Associato di Slavistica, Università degli Studi di Milano, Dipartimento di Scienze della Mediazione Linguistica e di Studi Interculturali, Piazza Indro Montanelli 1, 20099 Sesto San Giovanni (MI), Italia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9174-2998>. E-mail: manfred.schruba@unimi.it.

For citation: Schruba, M. "A Futurist Emulation of Horace." *Literaturnyi fakt*, no. 1 (19), 2021, pp. 297–311. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-297-311>

References

1. Alekseev, M.P. *Stikhotvorenie Pushkina «Ia pamiatnik sebe vozdvig...»*. *Problemy ego izucheniiia [Pushkin's Poem "A Monument I've Raised...". Research Problems]*. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 270 p. (In Russ.)
2. Baran, Kh. "Fol'klornye i etnograficheskie istochniki poetiki Khlebnikova" ["Folkloristic and Ethnographic Sources of Khlebnikov's Poetics"], Baran, Kh. *Poetika russkoi literatury nachala XX veka [Poetics of Russian Literature of the Beginning of the 20th Century]*. Moscow, Progress Publ., 1993, pp. 113–151. (In Russ.)
3. Baran, Kh. "Eshche raz o fol'klornykh zhanrakh i poetike Khlebnikova" ["Once Again on Folkloristic Genres and on Khlebnikov's Poetics"], Baran, Kh. *O Khlebnikove: konteksty, istochniki, mify [On Khlebnikov: Contexts, Sources, Myths]*. Moscow, RGGU Publ., 2002, pp. 233–248. (In Russ.)
4. Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii: v 7 t. [Collected Works: in 7 vols.]*, vol. 4 (2): *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaia kul'tura srednevekov'ia i Renessansa [Rabelais and His World]*. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2010. 752 p. (In Russ.)
5. "Velimir Khlebnikov v razmyshleniiakh i vospominaniiakh sovremennikov (po fonodokumentam V.D. Duvakina 1960–1970 godov)" ["Velimir Khlebnikov in Reflections

and Memories of His Contemporaries (According to V.D. Duvakin's Phonographic Records from the 1960ies–1970ies)"]. *Vestnik Obshchestva Velimira Khlebnikova* [*The Messenger of the Velimir Khlebnikov Society*], no. 1, Moscow, 1996, pp. 44–66. (In Russ.)

6. Grigor'ev, V.P. *Slovotvorchestvo i smezhnye problemy iazyka poeta* [*Word Creation and Adjoining Problems of the Poet's Language*]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 256 p. (In Russ.)

7. *Drevnie rossiiskie stikhotvoreniia, sobrannye Kirsheiu Danilovym* [*Ancient Russian Poems, Collected by Kirsha Danilov*], ed. by A.P. Evgen'eva and B.N. Putilov. Moscow, Nauka Publ., 1977. 487 p. (In Russ.)

8. Krusanov, A.V. *Russkii avangard: 1907–1932 (Istoricheskii obzor): V 3 t.* [*Russian Avantgarde: 1907–1932 (Historical Overview): in 3 vols.*], vol. 1: Boevoe desiatiletie [Militant decade]. St. Petersburg, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1996. 319 p. (In Russ.)

9. Kruchenykh, A.E., Khlebnikov, V. *Slovo kak takovoe* [*The Word as Such*]. [Moscow, EUY Publ., 1913]. 14 p. (In Russ.)

10. Kukin, M.Iu. “Zrimoe i nezrimoe v poeticheskom mire: Poslednee stikhotvorenie Khodasevicha” [“The Visible and the Non-Visible in the Poetic World: Khodasevich's Last Poem”]. *Nachalo: Sbornik rabot molodykh uchenykh. Vyp. 2* [*The Beginning: Collection of Works of Young Scholars. No. 2*]. Moscow, Nasledie Publ., 1993. pp. 157–180. (In Russ.)

11. Kšicová, D. “Pushkinskie traditsii i antitraditsii v poemakh Velemira Khlebnikova” [“Pushkinian Traditions and Anti-Traditions in Velimir Khlebnikov's Poems”]. *Zagadnienia Rodzajów Literackich*, vol. 25, issue 1 (48), 1982, pp. 43–57. (In Russ.)

12. *Literaturnye manifesty. Ot simvolizma k Oktiabriu: Sbornik materialov* [*Literary Manifests. From Symbolism to the Group Oktiabr': Collection of Materials*], ed. by N.L. Brodskii, V. L'vov-Rogachevskii, N.P. Sidorov. Moscow, Federatsiia Publ., 1929. 301 p. (In Russ.)

13. *Manifesty i programmy russkikh futuristov* [*The Manifests and Programms of the Russian Futurists*] = *Die Manifeste und Programmschriften der russischen Futuristen*, Mit einem Vorwort herausgegeben von V. Markov. München, Fink, 1967. 182 p. (In Russ.)

14. Morozov, A. “Literaturnaia rol' parodii” [“The Literary Purpose of the Parody”]. *Russkaia literaturnaia parodiia* [*Russian Literary Parody*], comp. by B. Begak, N. Kravtsov, A. Morozov. Moscow; Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1930, pp. 104–114. (In Russ.)

15. *Ot simvolizma do “Oktiabria”* [*From Symbolism to the Group “Oktiabr'”*], comp. by N.L. Brodskii and N.P. Sidorov. Moscow, Novaia Moskva Publ., 1924. 303 p. (In Russ.)

16. Pertsova, N. *Slovar' neologizmov Velimira Khlebnikova* [*Dictionary of the Neologisms of Velimir Khlebnikov*]. Wien [et al.], Gesellschaft zur Förderung Slawistischer Studien, 1995. 557 p. (In Russ.)

17. Pumpianskii, L.V. “Ob ode A. Pushkina *Pamiatnik*” [“On Pushkin's Ode *Monument*”]. *Voprosy literatury*, no. 8. 1977, pp. 135–151. (In Russ.)

18. *Frazeologicheskii slovar' russkogo iazyka* [*Phraseological Dictionary of the Russian Language*], comp. by L.A. Voinova [et al.], ed. by A.I. Molotkov. 4th ed. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1986. 543 p. (In Russ.)

19. Khlebnikov, V. *Neizdannye proizvedeniia* [*Unpublished Works*]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1940. 492 p. (In Russ.)

20. Khlebnikov, V. *Sobranie sochinenii: v 3 t.* [*Collected Works: in 3 vols.*], vol. 3. München, Fink, 1972. 539 p. (In Russ.)

21. Khlebnikov, V. *Sobranie sochinenii: v 6 t. [Collected Works: in 6 vols.]*. Moscow, IMLI RAN, 2000–2006. (In Russ.)
22. Shishkin, A. “‘Velimir’: Ob imeni Khlebnikova” [“‘Velimir’: On Khlebnikov’s Name”]. *Europa Orientalis*, vol. 15, no. 2, 1996, pp. 119–142. (In Russ.)
23. Schrub, M. *Literaturnye ob’edineniia Moskvy i Peterburga 1890–1917 godov: Slovar’ [Literary Associations in Moscow and Petersburg 1890–1917: Dictionary]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. 440 p.
24. Iakobson, R. *Raboty po poetike [Works on Poetics]*, ex. ed. M.L. Gasparov. Moscow, Progress Publ., 1987. 464 p. (In Russ.)
25. Busch, W. *Horaz in Rußland: Studien und Materialien*. München, Eidos Verlag, 1964. 270 p. (In Germ.)
26. Curtius, E. R. *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter*. 2., durchgesehene Auflage. Bern, Francke, 1954. 608 p. (In Germ.)
27. Lachmann, R. “Intertextualität als Gedächtnishandlung: Puškins Horaz-Transposition” [“Intertextuality as Act of Memory”]. Lachmann, Renate. *Gedächtnis und Literatur: Intertextualität in der russischen Moderne [Memory and Literature. Intertextuality in the Russian Modern Age]*. Frankfurt/Main, Suhrkamp, 1990. S. 303–353. (In Germ.)
28. Markiewicz, H. “On the definitions of literary parody”. *To honour Roman Jakobson. Essays on the occasion of his 70th birthday*. Den Haag; Paris, Mouton, 1967, pp. 1264–1272. (In Russ.)
29. Schrub, M. “Ein futuristisches *Exegi monumentum*” [“A Futuristic *Exegi monumentum*”]. *Textbeschreibungen, Systemebeobachtungen: Neue Studien zur russischen Literatur des 20. Jahrhunderts [Text Descriptions, System Observations: New Studies on 20th Century Russian Literature]*, Herausgegeben von D. Kretzschmar, Ch. Veldhues. Dortmund, Projekt Verlag, 1997, pp. 215–227. (In Germ.)

Статья поступила в редакцию: 19.01.2021
Дата публикации: 25.03.2021

The article was submitted: 19.01.2021
Date of publication: 25.03.2021

Ранняя редакция сборника Эллиса «Крест и Лира»: попытка реконструкции

© 2021, Федор Поляков

Институт славистики Венского университета, Австрия

Аннотация: Статья посвящена позднему периоду творческой биографии поэта-символиста и теоретика искусства Эллиса (Лев Львович Кобылинский; 1879–1947), который в 1930-е годы активно писал на историко-литературные, религиозно-философские и эзотерические темы, при этом не оставляя работы над собственными стихами и переводами. В статье публикуются и комментируются фрагменты из писем Эллиса к художнику Николаю Зарецкому, на основании которых проясняются этапы работы Эллиса над его третьей и последней поэтической книгой «Крест и Лира». В приложении печатается стихотворение Эллиса «Смерть и рыцарь. (Старая гравюра)».

Ключевые слова: Лев Кобылинский; Эллис; В.А. Жуковский; русский символизм; русская эмиграция в Швейцарии; русская диаспора в межвоенной Чехословакии; рецепция Средневековья в русской литературе.

Информация об авторе: Федор Борисович Поляков — Dr. phil. habil., профессор, заведующий кафедрой русской литературы Института славистики Венского университета. 1010 Wien, Universitätsring 1. Вена. Австрия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1584-0219>. E-mail: fedor.poljakov@univie.ac.at.

Для цитирования: Поляков Ф. Ранняя редакция сборника Эллиса «Крест и Лира»: попытка реконструкции // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 312–324. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-312-324>

Последнюю четверть века своей жизни Эллис провел в швейцарском Локарно, и с начала 1920-х гг. в немецких, австрийских и швейцарских издательствах были опубликованы несколько его книг, переводы и многочисленные статьи на историко-литературные, религиозно-философские и эзотерические темы. Профессиональные контакты Эллиса и тематический спектр этих публикаций свидетельствуют о его творческом подъеме, особенно если учесть, что наряду с немецкими текстами Эллис тогда же напряженно работал над созданием своего третьего русского поэтического сборника

«Крест и Лира» и над антологией переводов с немецкого на русский под названием «Певцы Германии» [5].

В 1933 г. у Эллиса завязывается переписка с художником, книжным иллюстратором и коллекционером Н.В. Зарецким, обосновавшимся к тому времени в Праге. Их сближению содействовали не только воспоминания о символистском прошлом и некоторые общие связи в эмиграции, но и насущные историко-литературные дела. Эллис был занят подготовкой биографии Пушкина, которую он надеялся выпустить к юбилейному 1937 г., нуждался в книгах и в обсуждении своей обширной работы. Незадолго до начала их переписки Зарецкий деятельно участвовал в организации важнейшей выставки «Пушкин и его время» (Прага, 1932 г.), которая стала возможной благодаря сотрудничеству эмигрантских объединений под руководством графини С.В. Паниной и представителей политики, культуры и академической жизни Чехословакии [7]. Зарецкий был выдающимся знатоком пушкинской эпохи, внимательным критиком, а также обладателем большого книжного собрания, которое он из-за своего стесненного материального положения предлагал на продажу библиотекам и частным лицам (что оказалось для Эллиса своевременной поддержкой). Благодаря посредничеству Зарецкого Эллис также имел возможность иногда получать русскую исследовательскую и мемуарную литературу через Славянскую библиотеку в Праге по международному книгообмену с университетской библиотекой в Базеле. Переписка Эллиса с Зарецким отражает не только деловые аспекты их отношений, но и безусловную симпатию Эллиса к лично ему не знакомому пражскому корреспонденту [8].

Итак, противопоставляя свое идиллическое одиночество в Локкарно картинам деятельной жизни литературно-художественных и научных кругов русской диаспоры в Праге, Эллис мог рассчитывать на содействие Зарецкого. Однако, как выясняется на примере антологии «Певцы Германии» (далее — ПГ), ее публикация в Праге (а потом и в Париже) не могла состояться ввиду целого ряда обстоятельств [5]. Пока же Зарецкий предпринимал усилия найти в Праге издателя ПГ, Эллис стремился привлечь его внимание по крайней мере к содержанию сборника «Крест и Лира» (далее — КЛ). Первое упоминание об этом сборнике в переписке с Зарецким относится к осени 1934 г. в контексте переговоров об антологии ПГ¹. К тому моменту Эллис уже продолжительное время работал

¹ Письма Эллиса к Н.В. Зарецкому цитируются по оригиналам, хранящимся в фонде: New York, Columbia University Libraries, Rare Book and Manuscript Library, Bakhmeteff Archive of Russian & East European Culture (далее — BAR), Nikolai

над КЛ; предварительное заглавие сборника – «Легенды и баллады старых времен», впоследствии отброшенное, упомянуто в первом из писем. Описание сборника в двух приводимых ниже фрагментах писем к Зарецкому содержит несколько важнейших подробностей, которые дают возможность реконструировать его состав в сопоставлении с окончательной редакцией КЛ, датированной концом 1938 г. (дата завершения предисловия — 10 декабря; см.: [6, с. 279–280]).

1. Эллис — Н.В. Зарецкому (фрагмент)

Около 8 сентября 1934 г.²

Глубокоуважаемый и дорогой
Николай Васильевич!

Спешу ответить Вам кратко, но немедленно! Более подробно ответу после наведения справок. <...>

III

Моя антология не единственная рукопись, написанная мной, но осужденная лежать без движения годы за годами.

Я обработал поэтически (всеми главными размерами) целый ряд перво-христианских и средневековых гимнов, легенд (о св. мучениках, о св. Георгии-победоносце, особо о св. Франциске Ассизском), баллад (из эпохи крест<овых> походов и из цикла рыцарства «Круглого стола» и св. Грааля), о темплиерах <sic!>, о Пресв<ятой> Деве Марии etc. В связи с этими христианскими темами – также несколько тем др<евней> Индии (о Будде, о Бrame), Персии (о Зороастре) и Эллады (Орфей).

Б<ыть> м<ожет>, несколько позже Вы нашли бы время прочесть эту рукопись, интерес к<ото>рой в том, что в рус<ской> литературе эти темы до сих пор не были обработаны сколько-нибудь существенно.

Вообще весь мир поэтического средневековья и рыцарства остался в России неизвестным, за исключением посредничества романтиков. Однако, очень высоко ценя рус<ский> романтизм, я различаю по существу поэтику средневековья по непосредственным первоисточникам (Fioretti di S. Francesco, Vitae fratrum, Acta

Vasil'evich Zaretskii Papers, Box 11. За помощь в работе по их изданию благодарим куратора архива Татьяну Чеботареву.

² Без даты, получено в Праге 10 сентября 1934 г. (карандашная помета Н.В. Зарецкого); курсив в письмах — Эллиса.

Sanctorum, или древне-христианские легенды о св. Георгии, св. Брандане, о св. Агнессе, <св.> Варваре, св. Себастиане, св. Лаврентии etc.) и по романтической полу-фантастической передаче.

Рус<ские> поэты странным образом не пытались черпать из этих первоисточников за редкими исключениями.

Конечно, гений Пушкина создал «Рыцаря бедного» непостижимо-чудесным образом, дав нечто равное самим первоисточникам, однако завершить «Сцены из рыцарских времен» он не мог, не черпая из первоисточников.

Жуковский, переведя «Stabat Mater» *без рифмы*, нарушил весь тон латинской рифмованной секвенции.

Особенно неудачны попытки Д. Мережковского в перепевах средневековых мотивов.

Я поставил себе целью на почве первоисточников построить по эпохам (а. дохристианство – Индия, Персия; б. первохристианство; с. средневековье; d. новое время) здание христианской поэтики в ее основных течениях — монашества и рыцарства, гл<авным> образом держась Запада.

Что кас<ается> хр<и>стианского Востока, то я уже начал работать в этом направлении, однако не мог достать источников и остановился.

Два года тому назад я послал несколько копий моих уже готовых поэм и баллад Юлию Сиг<измундовичу> Вейцману, к<ото>рый с большим сочувствием встретил их и собирался даже устроить вечер для чтения их, но был удержан немецкой катастрофой, принудившей его переехать в Польшу.

Во всяком случае сама задача моя кажется мне верной и ценной, как бы ни оказалось несовершенным осуществление последней.

Поэзия катакомб, Колизея, первых монастырей, великих орденов, монашеских и рыцарских, крестовых походов, королевских дворов (Карла В<еликого>, св. Людовика, Ричарда Львиное Сердце, короля Артура, легендарного Парцивала etc.) — бессмертна и прекрасна. Она не использована почти вовсе в рус<ской> литературе, ибо романтическая призма есть лишь отражение ее в душах поэтов 19 века.

Я же поставил себе целью дать поэтику христианства с точки зрения самих эпох ее возникновения. <...>

В моей антологии я старался по-русски перепеть все, что восхитило меня в немецкой поэзии во имя великого Духа человечества, в моей книге «Легенды и баллады старых времен» я старался найти рус<ский> склад, тон и речь для передачи того, что неотступно пре-

следовало меня, как св<ятые> лики и прекрасные голоса, как благовест веков и эпох, живших верой в Христа и ожиданием иной, вечной жизни. Славянско-церковная речь удивительно точно передает, хотя и в иной октаве, латинские, мистические созвучия и речения.

Я надеюсь, что Вас лично могут заинтересовать эти мои опыты, ибо Вам чужда узость партийно-конфессионального крючкотворства там, где звучит вечная гармония небесных колоколов.

Все, что истинно и прекрасно, достойно жить!

Пока прощайте!

Искренне-преданный Вам

Л. Кобылинский.

2. Эллис — Н.В. Зарецкому (фрагмент)

*Не позднее 2 ноября 1935 г.*³

<...> Мое здоровье плохо, я страдаю пороком сердца. Тем не менее я работаю, поскольку могу. Теперь заканчиваю большой сборник стихов «Крест и лира», созревавший за последние десятилетия.

Это — собрание 100 легенд, баллад, саг, поэтических молитв и созерцаний из перво-христианской и средневековой эпох.

Огромный материал переработан и оформлен. В отделе легенд переработаны предания о мучениках катакомб, о св. Георгии, легенды кельнские (об Альберте Вел<иком>), испанские, итальянские (о св. Франциске, Доминике, флорентийской Мадонне и проч.), британские и др.

Баллады обнимают циклы:

«Крестовых походов»

короля Карла Вел<икого> и Роланда

короля Артура и Мерлина

св. Грааля и др.

В «Прологе» разработаны мотивы др<евне>-индусские, орфические и ветхозаветные (царь Соломон).

Сейчас я занят окончательной отделкой и копированием этой книги, посвященной мною В. Жуковскому. <...>

³ Без даты, отправлено 2 ноября (почт. штемпель), получено в Праге 4 ноября 1935 г. (карандашная помета Н.В. Зарецкого).

Прежде всего отметим представление Эллиса о *параллелизме* сборников ПГ и КЛ в контексте его позднего поэтического творчества, который также подчеркивается намерением Эллиса посвятить и ту, и другую книгу памяти В.А. Жуковского [6, с. 282; 5, с. 865 и сл.].

По отношению к Средневековью как исторической эпохе его символическая функция в поэтике Эллиса расширена, поскольку западноевропейское средневековое наследие рассматривается им как воплощение раннехристианского религиозного опыта. Такое соположение встречается, например, в самом начале предисловия к КЛ, где автор определяет свою цель как воссоздание на родной, русской почве (в форме родной, поэтической речи и при свойственной русской народной душе особенности переживания и передачи) основных религиозно-поэтических мотивов и сюжетов западного мира единого, вселенского царства Христова, преимущественно в эпоху первохристианства и классического средневековья [6, с. 281].

Однако в рамках сборника КЛ описываемое здесь соотношение между этими двумя историческими отрезками изменено, причем раннехристианский мир реконструируется Эллисом преимущественно на основе агиографических свидетельств в переложениях и литературных обработках последующего времени, а из аутентичных раннехристианских переводных текстов в сборнике присутствует только один — фрагмент эпитафии епископа Аверкия [6, с. 293–294].

Примечательно, что постулат формального ригоризма при передаче средневековых текстов утверждается на отрицательном примере — переложении В.А. Жуковским знаменитого памятника латинской гимнографии «*Stabat Mater dolorosa*», которое было сделано им в 1838 г. и связано с памятью о гибели Пушкина (Inscipit: «Горько плача и рыдая, / Предстояла в сокрушенье / Матерь Сыну на кресте»)⁴. В своей книге о Жуковском Эллис воздерживается, однако, от критики нерифмованного перевода этого песнопения, называя его «самым захватывающим религиозным гимном человечества» («*diese sergreifendsten religiösen Hymnus der Menschheit*»)⁵.

⁴ См.: [1, с. 305–306] и комментарий А.С. Янушкевича: [1, с. 706–709].

⁵ *Kobilinski-Ellis Dr. L. W. A. Joukowski. Seine Persönlichkeit, sein Leben und sein Werk.* Paderborn, 1933. S. 233 (Das goldene Zeit alter der russischen Poesie, 1). Замечание о Мережковском, в целом оставленное без пояснения, появляется, по-видимому, по ассоциации с неоднократно печатавшимся переводом той же секвенции; впервые — *Мережковский Д.С. Stabat Mater // Пушкинский сборник* (в память столетия со дня рождения поэта). СПб., 1899. С. 44–45; см.: [2, с. 620]. Загнунтая здесь тема

Сопоставим упоминаемые в двух приведенных эпистолярных свидетельствах 1934 и 1935 г. сюжеты с завершенной в 1938 г. редакцией КЛ.⁶ Отдельные циклы определенно отождествляются по содержательному признаку (хотя их состав также мог изменяться), некоторые ссылки писем остаются под вопросом («легенды ... испанские»). Тем не менее в совокупности в обоих письмах названы все главные разделы книги:

1. «Пролог» (ранняя редакция) / «Пролог. Зовы древности» (окончательная редакция КЛ);
2. «Перво-христианские и средневековые гимны»; «поэтические молитвы (и созерцания)» (ранняя ред.) / «Молитвы» (окончательная ред.);
3. «Легенды» (ранняя ред.) / «Святые легенды» (окончательная ред.);
4. «Баллады» (ранняя ред.) / «Рыцарские баллады» (окончательная ред.).

В разное время эти разделы КЛ подвергались переработке. Так, в «Прологе» окончательной версии не содержатся ни ветхозаветные сюжеты о царе Соломоне, ни отсылки к Персии и Зороастру; дохристианский религиозный и магический опыт в вводной части КЛ 1938 г. представлен китайской, древнеиндийской, орфической и скандинавской традициями. В других разделах КЛ также отсутствуют упоминаемые в письмах к Зарецкому следующие имена или связанные с ними тексты: св. Брандан, св. Варвара, св. Лаврентий. Еще одно свидетельство того, что работа над книгой продолжалась и далее – стихотворение «Смерть и рыцарь (Старая гравюра)» (текст см. в приложении), которое Эллис посылает Зарецкому еще в одном письме:

<...> Я это время был очень беспокоен... С 7 февраля неожиданно явились тяжелые, душевные испытания. Был болен нервной лихорадкой, но много пережил и написал. Сейчас все прошло. Позвольте прислать Вам одно стихотворение последнего времени в *средневековом* духе и стиле, однако не в смысле стилизации⁷.

рецепция латинской гимнографии в русской литературе нуждается в отдельном изучении. Некоторые примеры из западноевропейских литератур нового времени приведены в кн.: [9, р. 110–120].

⁶ См. описание состава сборника КЛ в редакции 1938 г. в статье: [6].

⁷ Эллис — Н.В. Зарецкому, не позднее 21 февраля 1935 г.; без даты, отправлено 21 февраля (почт. штемпель), получено в Праге 23 февраля 1935 г. (карандашная помета Н.В. Зарецкого).

Это стихотворение впоследствии войдет в редакцию сборника КЛ 1938 г.

Итак, на основании приведенных писем Эллиса к Зарецкому можно утверждать, что в середине 1930-х годов существовала близкая к завершению редакция сборника КЛ, основывавшаяся на более ранних опытах 1920-х годов. Можно также выявить несколько этапов работы Эллиса над своей третьей поэтической книгой. Помимо нескольких поездок Эллиса по Европе, которые он упоминает как источник своего вдохновения для создания стихотворений КЛ (это утверждение требует отдельного рассмотрения, поскольку речь идет не столько об инспирации, сколько о переложениях и переводах конкретных текстов), одной из причин вновь обратиться к текстам КЛ, как мы предполагаем, было участие Эллиса в межконфессиональном сборнике «Ex Oriente» в 1927 г.⁸ Здесь Эллис получил редкую возможность опубликовать несколько своих русских переводов из средневековой латинской гимнографии (затем вошедших в раздел КЛ «Молитвы»), что потребовало пересмотра их прежних версий.

По сообщению в первом из приводимых выше свидетельств, «два года назад», т.е. приблизительно в 1932 г., Эллис посылал известному знатоку книжной культуры Ю.С. Вейцману в Берлин фрагменты КЛ (первой редакции) и даже обсуждал с ним вопрос об их презентации⁹. Согласно второму фрагменту из письма к Зарецкому, к ноябрю 1935 г. сборник насчитывал 100 текстов разных жанров, распределенных по нескольким разделам. Однако на этом работа не остановилась, и между концом 1935 г. и декабрем 1938 г. были сделаны изменения, касающиеся состава стихотворений (ряд упоминаемых в письмах сюжетов был исключен или не реализован) и композиции сборника. К выбранным текстам, представлявшим «по эпохам» «здание христианской поэтики» в его западноевропейском изводе (цитаты из письма 1934 г.), в окончательной редакции 1938 г. был добавлен еще один раздел из десяти текстов — «Переводы». Это была подчеркнута «итальянская» часть, представленная именами Данте, Петрарки, Микеланджело и Ариосто. В отличие от других разделов сборника, где автор стремится к адаптации нескольких западноевропейских литератур, заключительная часть КЛ состоит из переводов, восходящих только к *одной* литературной традиции. К тому же она не имеет отдельного посвящения какому-либо лицу, каким отмечена каждая из предыдущих частей сборника. Таким об-

⁸ См. подробнее: [4, с. 243–244].

⁹ Об отношениях с Вейцманом и его роли в историко-литературных занятиях Эллиса см.: [3].

разом, добавление раздела «Переводы», формально обособленного от остальных частей и не упомянутого Эллисом в письмах к Зарецкому при описании состава КЛ, относится к уже завершающему этапу создания сборника, а сообщаемые в них сведения косвенно подтверждают слова Эллиса о длительности процесса работы над сборником, «созревающим за последние десятилетия», т.е. по меньшей мере в 1920-е — 1930-е годы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Смерть и рыцарь

(Старая гравюра)

В полночь, в час святых наитий
(Лунный диск стоял в зените),
В тиши рыцарского зала
Смерть предстала предо мной.

Перед ней, давно-желанной,
Свято-чтимой, несказанной
Я склонил мои колена,
Полн великой тишиной.

Не взошла как враг грозящий,
Призрак горестно-разящий
И беззубую усмешкой,
И беззвучною косою;

Не влилась волной тлетворной
Не впилась змеею черной
И не пала в час возмездий
С неба пламенной росой.

Ангел мирный, гость крылатый,
Над челом – блистанье злата,
Ореола свет нетленный,
Пламя вечного венца!

Взор беззлобный, многодумный,
Шаг торжественно-бесшумный,
В каждом взоре, в каждом шаге –
Милосердье без конца.

В мраке рыцарского зала
Смерти песнь светло звучала,
Словно сладкий зов органа
Пробудил безбрежный мрак:
«Верь мне, верный, я прекрасна!
Ведай, я была ужасна:
Склеп и башня, прах и череп,
Зев и бездна, черный стяг...

В пятый день и в час девятый,
В миг, как ужасом объятый,
Дрогнул мир, в моих объятьях
Он безгласно опочил,
Преклонив венец терновый,
И во мне стал жизнью новой
Дух, что Он Отцу вручил.

С той поры я гость урочный,
К вам являюсь в час полночный,
Я – фиал святых целений,
Вестница освобождений
И привратница небес!

Гроб да станет колыбелью,
Плач земли – небес свирелью,
Полночь – полднем без заката,
Царством пламенных чудес!»

Литература

1. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 2. 840 с.
2. Мережковский Д.С. Стихотворения и поэмы / изд. подготовила К.А. Кумпан. СПб.: Академический проект, 2000. 928 с.
3. Поляков Ф. Берлинский книжный антиквариат «Россика» и его владелец Юлий Вейцман в письмах Эллиса (Льва Кобылинского) к Николаю Зарецкому // *Emigrantica et cetera: К 60-летию Олега Коростелева* / ред.-сост. Е. Р. Пономарев, М. Шруба. М.: Изд-во «Дмитрий Сечин», 2019. С. 278–291.
4. Поляков Ф. Воссоединение как отречение: к хронологии обращения Льва Кобылинского-Эллиса в католичество // *Archivio russo-italiano XI, a cura di Giuseppina Giuliano, Andrej Shishkin* / Русско-итальянский архив XI. Составители Джузеппина Джулиано, Андрей Шишкин. Salerno: Università di Salerno, 2020. P. 236–249. (*Europa Orientalis*, 34).
5. Поляков Ф. «Краем глаза, через полстолетия»: Неизданная антология Эллиса «Певцы Германии» // *Unacknowledged Legislators. Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel* / eds Lazar Fleishman, David M. Bethea, Ilya Vinitsky. Berlin: Peter Lang, 2020. P. 857–872 (*Stanford Slavic Studies*, 50).
6. Поляков Ф. Неизвестный сборник стихотворений и переводов Эллиса (Л. Кобылинского) // *Символ*. 1992. № 28. С. 279–294.
7. Поляков Ф. Пушкинская выставка 1932 года в Праге, I: Проект Николая Зарецкого и его реализация в контексте чехословацко-русского взаимодействия // *Wiener Slavistisches Jahrbuch / Vienna Slavic Yearbook*. N. F. / N. S. 2020. Bd. 8. P. 254–275.
8. Поляков Ф. «Чудный заколдованный круг». Эллис в Локарно в 1930-е годы (по материалам переписки с Николаем Зарецким // *Wiener Slavistisches Jahrbuch / Vienna Slavic Yearbook*. N.F. / N.S. 2019. Bd. 7. P. 234–255.
9. *Szöverffy J.* Latin Hymns. Turnhout, Belgium: Brepols, 1989. 141 p. (*Typologie des sources des Moyen Âge Occidental*, fasc. 55).

Research Article and Publication
of Archival Documents

Early Edition of Ellis' Collection *Cross and Lear*: A Study in Reconstruction

© 2021. Fedor B. Poljakov
University of Vienna, Austria

Abstract: The paper is dedicated to the last period in creative work and biography of Ellis (Lev L'vovich Kobylinsky, 1879–1947), a symbolist poet and theoretician of art. In 1930s Ellis was actively writing on various historical, literary, religious, philosophical and esoteric subjects and continued to work on his poems and translations. The article provides excerpts from the Ellis' letters to the artist Nikolai Zaretsky, on the basis of which the stages of Ellis' work on his third and last book of poetry and translations titled *Cross and Lear* during the 1930s can be clarified in some detail. In the Addendum Ellis' poem "Death and a Knight (Old Engraving)" is published.

Keywords: Lev Kobylinski-Ellis; Vasilii Zhukovskii; Russian Symbolism; Russian emigration in Switzerland; Russian diaspora in interwar Czechoslovakia; reception of the Middle Ages in Russian literature.

Information about the author: Fedor B. Poljakov, Univ.-Prof. Dr., Department of Slavonic Studies, University of Vienna. 1010 Vienna, Universitaetsring 1, Austria. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1584-0219>. E-mail: fedor.poljakov@univie.ac.at.

For citation: Poljakov, Fedor. "Early Edition of Ellis' Collection *Cross and Lear*: A Study in Reconstruction." *Literaturnyi fakt*, 2021, no. 1 (19), pp. 312–324. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-312-324>

References

1. Zhukovskii, V.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 t.* [Complete Works and Letters: in 20 vols], vol. 2. Moscow, Yazyki slavianskoi kul'tury publ., 2000. 840 p. (In Russ.)
2. Merezhkovskii, D.C. *Stikhotvoreniia i poemy* [Poems], ed. K.A. Kumpan. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt, 2000. 928 p. (In Russ.)
3. Poljakov, F. Berlinskii knizhnyi antikvariat "Rossica" i ego vladelets Julii Wejcman v pis'makh Ellisa (L'va Kobylinskogo) k Nikolaiu Zaretskomu [Berlin book antiquarian society "Rossica" and its owner Julius Wejcman in Ellis' (Lev Kobylinsky's) letters to Nikolai Zaretsky]. *Emigrantica et cetera: K 60-letiiu Olega Korosteleva* [Emigrantica et

cetera: in honor of Oleg Korostelev's 60th anniversary], eds Evgenii Ponomarev, Manfred Schrub. Moscow: Dmitrii Sechin publ., 2019, pp. 278–291. (In Russ.)

4. Poljakov, F. Vossoedinenie kak otrechenie: k khronologii obrashcheniia L'va Kobylinskogo-Ellisa v katolichestvo [Reunification as a renunciation: to the chronology of Lev Kobylinsky-Ellis's conversion to Catholicism]. *Archivio russo-italiano XI*, eds Giuseppina Giuliano, Andrej Shishkin. Salerno, 2020, pp. 236–249 (Europa Orientalis, 34). (In Russ.)

5. Poljakov, F. “Kraem glaza, cherez polstoletii”: Neizdannaiia antologiiia Ellisa “Pevtsy Germanii” [“Out of the corner of my eye, half a century later”: Ellis's unpublished anthology “The Singers of Germany”]. *Unacknowledged Legislators. Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel*, eds Lazar Fleishman, David M. Bethea, Ilya Vinitsky. Berlin, Peter Lang, 2020, pp. 857–872 (Stanford Slavic Studies, 50). (In Russ.)

6. Poljakov, F. Neizvestnyi sbornik stikhotvorenii i perevodov Ellisa (L. Kobylinskogo) [Unknown collection of verse and translations by Ellis (Leo Kobylinsky)]. *Simvol*, no. 28, 1992, pp. 279–294. (In Russ.)

7. Poljakov, F. Pushkinskaia vystavka 1932 goda v Prage, I: Proekt Nikolaia Zaretskogo i ego realizatsiia v kontekste chekhoslovatsko-russkogo vzaimodeistviia [The Pushkin Exhibition in Prague in 1932. I. Nikolai Zaretsky's project and its realization within the Czechoslovak-Russian cultural framework]. *Wiener Slavistisches Jahrbuch / Vienna Slavic Yearbook N.F. / N.S. Vol. 8*, 2020, pp. 254–275. (In Russ.)

8. Poljakov, F. “Chudnyi zakoldovannyi krug”. Ellis v Lokarno v 1930-e gody (po materialam perepiski s Nikolaem Zaretskim) [“A wonderful enchanted circle”. Ellis in Locarno in the 1930s (based on his correspondence with Nikolai Zaretsky)]. *Wiener Slavistisches Jahrbuch / Vienna Slavic Yearbook N.F. / N.S. Vol. 7*, 2019, pp. 234–255. (In Russ.)

9. Szöverffy, J. *Latin Hymns*. Turnhout, Belgium: Brepols, 1989. 141 p. (Typologie des sources des Moyen Âge Occidental, fasc. 55).

Статья поступила в редакцию: 21.01.2021
Дата публикации: 25.03.2021

The article was submitted: 21.01.2021
Date of publication: 25.03.2021

«Перекликаться Пушкиным»: Ходасевич и Пастернак о массовой и элитарной поэзии*

© 2021, Анна Сергеева-Клятис
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация: В статье рассматривается ряд вопросов: прежде всего, это проблема выстраивания своей творческой стратегии двумя крупнейшими представителями русской поэзии XX столетия. Устремление Ходасевича направлено на отделение себя от массовой литературы, замыкание в элитарном поэтическом мире, ориентированном на русский «золотой век» и, главным образом, на поэзию Пушкина. На этом фоне — противоположное направление развития Пастернака, тоже ориентированного на Пушкина, но нацеленного на массовость читателя, начиная с первой половины 1920-х годов и заканчивая поздним творчеством. Автор статьи задается вопросом, как ориентация на Пушкина могла привести одного поэта к отказу от поэзии и молчанию, тогда как другого — наоборот, к полной реализации и мировой известности. Также в статье по-новому затрагивается вопрос об отношении Ходасевича к творчеству Пастернака и шире — к футуристической поэзии в контексте представлений о разрушительности массовой и высокой миссии элитарной поэзии.

Ключевые слова: Пастернак; Ходасевич; Пушкин; массовая поэзия; элитарная поэзия; литература русского зарубежья; «школа гармонической точности»; советская критика.

Информация об авторе: Анна Юрьевна Сергеева-Клятис — доктор филологических наук, профессор кафедры литературно-художественной критики и публицистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова. 125009, ул. Моховая, дом 9. Москва, Россия. ORCIDID: <https://orcid.org/0000-0001-7785-1469>. E-mail: nnklt1@gmail.com.

Для цитирования: *Сергеева-Клятис А.Ю.* «Перекликаться Пушкиным»: Ходасевич и Пастернак о массовой и элитарной поэзии // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 325–334. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-325-334>

* Статья подготовлена при поддержке гранта на фундаментальное исследование РФФИ № 20-012- 00110 А.

О преклонении Ходасевича перед Пушкиным говорилось много и часто. Да и сам он оставил множество тому свидетельств, как поэтических, так и публицистических. Откладывая в сторону деятельность Ходасевича как исследователя пушкинского творчества, вслед за предшественниками попытаемся коротко воссоздать «пушкинскую картину мира», которая последовательно выстраивалась Ходасевичем на протяжении ряда лет, начиная от «Колеблемого треножника» (1921) и заканчивая статьей «Бесы» (1927)¹. Рассуждения об истоках гармоничности пушкинской поэзии, которые иногда вкрапляются в эти публикации, не составляют их смыслового центра, они отходят на второй план перед главным вопросом — о том месте, которое занимает Пушкин в разобленном культурном сознании XX века и в мироощущении самого Ходасевича².

В «Колеблемом треножнике» речь идет всего лишь о «затмении» Пушкина и звучит надежда на его «воскрешение». Найденная в финале статьи известная формула: «это мы уславливаемся, каким именем нам аукаться, как нам переключаться в надвигающемся мраке» [11, т. 2, с. 272], — будет обыграна и в финале «Бесов». Однако здесь она снабжена трагическим пафосом, фиксирующим окончательное наступление мрака: «Даже именем Пушкина не можем мы больше переключаться с друзьями, которые там» [11, т. 2, с. 402]. И если в первом случае речь идет о связи между близкими, то во втором скорее — об отмежевании от чужих, которые получают нарицательное наименование — «пастернаки». Оговоримся, что именно Пастернака Ходасевич на долгие годы избирает для себя в антагонисты по разным причинам, среди которых не последним был фактор ревности к славе Пастернака, размеры которой в конце 1920-х годов Ходасевич явно преувеличивал, а причины сильно упрощал³.

Имя Пушкина играет роль своеобразного индикатора, с его помощью можно легко отделить агнцев от козлищ, и сонм «пастернаков» (бесов) — от настоящих поэтов, исчисляющихся, разумеется, единицами. (Если не единицей!). Вспомним знаменитое противопоставление себя — «вам», т.е. всему эмигрантскому сообществу, в стихотворении «Я родился в Москве...»:

¹ Мы намеренно опускаем в этой статье разговор о принципах поэтики Ходасевича — была ли ориентация на Пушкина простым подражанием стилистике эпохи «золотого века», или, как убедительно доказывает Н.А. Богомолов, «постоянным и напряженным внутренним диалогом с поэзией предшественников» [4, с. 167].

² «Если мы не захотим закрывать глаза и затыкать уши, то нам придется признать, что художественный канон Пушкина, как бы мы его ни ценили, может оказаться кодексом форм прекрасных, но отживающих...» (статья «Окно на Невский»: [11, т. 2, с. 275]).

³ См. об этом: [9, с. 260–279].

Вам — под ярмо ль подставить выю
 Иль жить в изгнании, в тоске.
 А я с собой свою Россию
 В дорожном уношу мешке.
 Вам нужен прах отчизны грубый,
 А я где б ни был — шепчут мне
 Арапские святые губы
 О небывалой стороне.

Органическое качество, которым отличается истинный поэт ото всех остальных, — его мистическая сопряженность с Пушкиным, представляющим собой отчизну духа. Прочим в установлении такой связи отказывается.

Не секрет, что пушкинскую ясность Ходасевич вменял себе в главный творческий принцип, распространяющийся как на поэзию, так и на прозу. И видел свою миссию в том, чтобы, как Пушкин, объединять современность и прошлое России в новых условиях, препятствовать распадению культурных связей. Иными словами, прямая ориентация на Пушкина была частью обширной программы спасительного консерватизма, который русская эмиграция вообще вменяла себе в обязанность⁴. Но исключительность собственной роли в этой борьбе была для Ходасевича очевидной⁵. Как автометаописание звучит пассаж о Пушкине-собирателе России: «Пушкин еще продолжал дело, подобное петровскому и екатерининскому: дело закладывания основ, созидания, собирания. Как Петр, как Екатерина, как Державин, он был силою собирающей, устрояющей, центростремительной» [11, т. 2, с. 400]. Осознавая себя центральной фигурой русского культурного поля, традиционалист Ходасевич резко откращивается от требований нового языка поэзии, которые раздавались то справа, то слева. Сошлемся на статью С.Я. Парнок «Пастернак и другие», опубликованную в ленинградском журнале «Русский современник» (1924), и рецензию Г.В. Адамовича на пастернаковского «Лейтенанта Шмидта», вышедшую в парижском журнале «Звено» (1927). Парнок пишет: «Слуховая совесть Пастернака потребовала от него иного, не пушкинского звучания русской речи»⁶. Эмигрант Адамович вторит ей: «Пастернак явно не довольствуется

⁴ Первые камни в фундамент пушкинской темы Ходасевич закладывал, еще находясь в России, но мощную теоретическую базу, ставшую основой его творческой философии, он разработал уже в эмиграции.

⁵ Выразителем и горячим адептом такого положения вещей был друг и единомышленник Ходасевича В.В. Вейдле, отчетливо изложивший эту концепцию в статье «Поэзия Ходасевича» (Современные записки. 1928. № 34). Он же, следуя понятной логике, продолжит тему противопоставлением светлой лиры Ходасевича затемненной поэзии Пастернака («Стихи и проза Пастернака» // Современные записки. 1928. № 36). Анализ этих критических высказываний см.: [8].

⁶ Парнок С.А. Пастернак и другие // Русский современник. 1924. № 1. С. 310.

в поэзии пушкинскими горизонтами, которых хватает Ахматовой и которыми с удовлетворением ограничил себя Ходасевич⁷.

То качество, за которое хвалят Пастернака рецензенты на разных берегах, — живой отклик на вызов современности, проявляющийся прежде всего в умении говорить на сродном с ней языке, — для Ходасевича представляется очевидным злом. «Развалу, распаду, центробежным силам нынешней России соответствуют такие же силы и тенденции в ее литературе. Наряду с еще сопротивляющимися — существуют (и слышны громче их) разворачивающие, ломающие: пастернаки. Великие мещане по духу, они в мещанском большевизме слышали его хулиганскую разудалость — и сумели стать “созвучны эпохе”. Они разворачивают пушкинский язык и пушкинскую поэтику, потому что слышат грохот разваливающегося здания — и воспевают его разваливающимися стихами, вполне последовательно...» [11, т. 2, с. 401]. Таково представление Ходасевича о массовой поэзии. Оно относится к поэтам не только советской России, но и русского зарубежья. В частности, в заметках о поэтическом конкурсе газеты «Звено» он резко пишет о стихотворении выигравшего конкурс Д.Г. Резникова «О любви»: «Здесь “концы с концами” не сходятся, и, вопреки золотому правилу Пушкина, воображение не проверено рассудком. <...> В общем пьеса — мыслью не глубока, а словами запутана и кудрява» [11, т. 2, с. 352–353]. Ходасевич выносит приговор: стихотворение «восходит к наименее удачным вещам Марины Цветаевой, и, следовательно, к Пастернаку» [11, т. 2, с. 353]. Как видим, засилье «пастернаков»⁸, не следующих «золотому правилу Пушкина», Ходасевич видит и в эмигрантской поэзии.

Сознание себя «Пушкиным наших дней» предписывало жесткие самоограничения. Уход в элитарность был неминуем. Высокая миссия требовала и отрыва от читательской массы. Собственно пушкинский вектор уже сам по себе предreshал отбор читателя: для «своих» высокая ясность Ходасевича, для «чужих» — заузное мычание Пастернака. Узость читательского круга — естественное следствие такого отбора. Ходасевич вполне сознательно выбирал для себя роль поэта-олимпийца. И в этом тоже не выходил за рамки эстетических принципов школы «гармонической точности». Вот характерные строки П.А. Вяземского, отражающие общие воззрения «золотого века»:

⁷ *Адамович Г.* «Лейтенант Шмидт» Бориса Пастернака // Звено. 1927. 3 апреля. № 218. С. 2.

⁸ «Пастернаки» связываются в мировоззрении Ходасевича прежде всего с футуристами — о степени расхождения реального Пастернака с кругом Маяковского и его поэтическими принципами в 1926–1927 гг. Ходасевич, разумеется, ничего не знал.

И я желал себе читателей немногих,
 И я искал судей сочувственных и строгих;
 Пять-шесть их назову, — достаточно с меня,
 Вот мой ареопаг, вот публика моя.

(«Литературная исповедь»)

Совсем иначе рассматривал классическую «прививку» Пушкиным Б.Л. Пастернак, ставший для Ходасевича нарицательным именем массовой поэзии. Начнем с того, что Пастернак с первых лет своего литературного поприща ощущал себя элитарным автором. Сгущенная метафоричность и сложность языка, которой отмечены первые пастернаковские сборники, делала его поэзию непонятной для массового читателя. Даже «Сестра моя жизнь» ситуации радикально не изменила: находясь в Берлине, куда Пастернак попал практически сразу после выхода книги, он постоянно слышал упреки в невнятности, темноте, немотивированной сложности поэтики. Собственно, это были не всегда упреки, а скорее констатация всем известного факта. Такое мнение многие из его современников сохранили на всю жизнь. Н.Н. Берберова писала: «Хотел ли Пастернак сам, чтобы люди добивались до сути его стихов? Теперь я думаю, что эти усилия понять до конца строфу за строфой были совсем и не обязательны — в его поэзии строфа, строка, образ или слово действуют внесознательно, это в полном смысле не познавательная, но чисто эмоциональная поэзия...» [3, с. 240]. Однако с таким мнением Пастернак согласен не был и с горечью признался Вадиму Андрееву в Берлине: «Я хочу, <...> чтобы мои стихи были понятны зырянам» [1, с. 316]. Пастернаку насущно требовался читатель, причем не узкий круг посвященных, а именно читатель широкий, массовый. Так было в 1922 году и так оставалось до самых последних лет его жизни. В 1953 году он писал Н.Н. Асееву о настоящем искусстве: «Оно робко желает быть мечтою читателя, предметом читательской жажды, и нуждается в его отзывчивом воображении не как в дружелюбной снисходительности, а как в составном элементе, без которого не может обойтись построение художника, как нуждается луч в отражающей поверхности или в преломляющей среде, чтобы играть и загораться» [7, т. 9, с. 716].

Отсутствие массового читателя Пастернак остро ощущал в середине 1920-х годов — советская идеологизированная критика громила его стихи во многом за элитарность. Так, напостовец В.О. Перцов писал в 1924 г.: «Отдельные художники футуризма отчетливо представили себе к настоящему времени повышенные требования, предъявляемые к ним условиями массового производства. Однако, личные отношения, существующие в группе с момента ее возникновения, заставляют этих передовых производственников тянуть за собою и кустарей, безмятежно продолжающих

работать на индивидуального потребителя. Противоречие, получающееся от того, что, скажем, Пастернак выступает в современном литературном обороте под одной фирмой с Маяковским, представляется кричащим»⁹. Как ни анекдотично звучит конъюнктурное сравнение поэзии с массовым или кустарным производством, но Пастернак всерьез размышлял над теми же вопросами. Движение в сторону «неслыханной простоты» объяснялось в том числе и стремлением обрести широкого читателя.

Имя Пушкина не раз возникает в поэзии и письмах Пастернака. Но контекст, в котором оно упоминается, — совершенно иной, чем у Ходасевича. Можно даже сказать — полярно противоположный. Для Пастернака писать как Пушкин означает прежде всего писать понятно — для всех. Массовость читателя обеспечивается именно пушкинской простотой языка и стиля. В 1934 году Пастернак отчитывается перед отцом в перемене своей творческой позиции: «Ничего из того, что я написал, не существует. Тот мир прекратился, и этому новому мне нечего показать. Было бы плохо, если бы я этого не понимал. Но по счастью я жив, глаза у меня открыты, и вот я спешно переделываю себя в прозаика Диккенсовского толка, а потом, если хватит сил, в поэты — Пушкинского. Ты не вообрази, что я думаю себя с ними сравнивать. Я их называю, чтобы дать тебе понятие о внутренней перемене» [7, т. 8, 326]. Эта перемена произошла на несколько лет раньше, отчетливо была сформулирована в сборнике «Второе рождение», но готовилась она фактически всей творческой биографией Пастернака. Желая «быть понятным зырянам», Пастернак сознательно работал над своей поэтикой, переписывал ранние стихи, разбавляя сгущенную метафоричность, редуцируя тематику, делая более прозрачными образы и более понятным язык. Сложные инверсивные ходы, анжамбеманы, затрудненный синтаксис постепенно уходили в прошлое. Позиция поэта, пишущего для немногих, особенно в ситуации разросшейся аудитории послереволюционной России, ощущалась Пастернаком, всегда стремившимся к ясности, как непозволительный снобизм: «Когда-то книга, начиная свое общественное восхождение, шла от ближайшего автору узкого круга ко все более обширным. Только этот путь и осмысливал произведение, почти всегда иррациональное, то есть неосмысленное в своем первоисточнике. Там, где кончался человек, некогда начинались люди, сейчас же непосредственно за ним открываются миллионы...» (ответ на анкету «Вечерней Москвы»: «Моя первая вещь» [7, т. 5, с. 221–222]).

Путь к Пушкину, по которому последовательно и целенаправленно двигался Пастернак, не мог не привести его к поэтике совершенно нового типа, наиболее полно проявившейся в его поздней лирике, начиная со сборника «На ранных поездах» (1943) и заканчивая самыми последними

⁹ *Перцов В.О.* Вымышленная фигура // На посту. 1924. № 1. С. 214.

стихами. Пушкинские ясность и простота слога несколько не означали упрощения содержания. Однако цели своей Пастернак, несомненно, достиг: стихи его стали доступны, если не миллионам, то сотням тысяч его современников. Путь к Пушкину, по которому столь же последовательно и, вероятно, даже более осознанно, чем Пастернак, двигался Ходасевич, не мог не привести его, по его собственному выражению, к «бесславной славе», то есть к молчанию. Чем совершеннее он воспроизводил «гармоническую точность» пушкинского слога, тем сильнее отрывался как от читателя, так и от собратьев по цеху. Пользуясь терминами самого Ходасевича, это разнонаправленное движение можно определить как центробежное и центростремительное. В чем причина такого странного расхождения? Думается, что причин здесь несколько.

Ходасевич принял на себя обет следования пушкинской парадигме как догмат, сразу и навсегда. Он развил стройную и доказательную теорию, которую неизменно подтверждал собственной практикой и в достоверности которой не позволял себе сомневаться. Любой догматизм рано или поздно заводит в тупик. Ходасевич таким образом во многом искусственно отказался от возможности трансформации и развития. Отрицательное отношение ко всякого рода экспериментам с языком, просодией, поэтической лексикой и т.п. он справедливо связывал прежде всего с отторжением футуризма. Такое отношение установилось довольно рано. Как писал С.Г. Бочаров: «Год выхода “Счастливого домика” стал годом начала его вражды к футуризму, ставшей навсегда одним из краеугольных камней его культурной позиции» [5, с. 16]. Эта позиция по логике вещей была обратной стороной пассивизма Ходасевича.

«Неслыханная простота» Пастернака стала результатом практического освоения и преломления разных поэтических систем. Постепенно проявляясь в его творчестве, пушкинская составляющая явилась обогащенной разнообразным стилистическим опытом современности. Проще говоря, футуристический период, как бы ни относился к нему Пастернак в поздние годы, был плодотворнейшим для формирования поэтики зрелого Пастернака¹⁰.

Но главное, конечно, в том, что слишком разными были условия, в которых жили и писали эти два поэта. Ходасевич оказался в ситуации, вынуждавшей его еще крепче держаться за свою теорию. Он жил в узком мире эмиграции, где, с одной стороны, задача консервации русской культуры считалась первостепенной, с другой, подрастало новое поколение поэ-

¹⁰ Примерно об этом же пишет П.Ф. Успенский, говоря о «спаянности Пушкина и современности» в ощущении близкого к Ходасевичу круга (Чулкова, Садовского, Брюсова). Под «современностью» ими понимался прежде всего символизм, но никак не футуризм, который наоборот с Пушкиным разъединяет: [10, с. 134].

тов, которые искали новых средств выражения и которых не удовлетворял пуризм ходасевичевской лиры. Как писал А.В. Бахрах: «Зарубежный литературный мирок вошел в новую полосу, ни в чем со старой не сравнимую. Этот мирок возглавляется уже новыми именами, пришельцами, перекочевавшими на Запад и считающими, что до них в литературном отношении за рубежом было некое “зияние” или, вернее, существовало кое-какое подобие литературной “богадельни”, в которой доживали и что-то дописывали старики, имена которых при “царе Горохе” гремели по всей России. Этих стариков молодое поколение игнорировало, считая их себе несозвучными. Казалось, что и Ходасевич разделит судьбу этих стариков. Да и как же по-другому могла сложиться судьба поэта, который свой предсмертный стон мечтал “облечь в отчетливую оду”» [2, с. 321]. Сам Ходасевич если и не осознавал этого, то, конечно, чувствовал. С этим отчасти и связано его резкое неприятие Пастернака, находящегося в более выгодной ситуации и, по его мнению, занявшего чужое (его) место на русском поэтическом олимпе. Обрушивая с олимпийской — пушкинской — высоты на Пастернака свою уничтожающую критику, Ходасевич не мог себе представить, к чему придет его соперник в зрелую пору своего творчества.

И, казалось бы, прав Джон Малмстад, когда говорит о сближении противоположностей: «Какая же горькая ирония судьбы в том, что Ходасевичу, старше Пастернака всего на четыре года, не довелось увидеть сдержанной простоты сборника “На ранних поездах” (1943) и поздней лирики “антагониста”, на склоне лет смотревшего на свою раннюю поэзию, по существу, глазами Ходасевича. Творчество зрелого Пастернака развивалось в направлении, которое, я уверен, Ходасевич безоговорочно бы одобрил» [6, с. 59]. Действительно, пути обоих поэтов причудливо сошлись в далекой исторической перспективе. Возникают однако сомнения, что Ходасевича бы порадовала победа пушкинской линии в творчестве Пастернака. Это обстоятельство могло стать доказательством победы его соперника, который, пройдя через горнило футуризма, выковал себе чистый, поистине пушкинский голос, звучание которого было слышно далеко за пределами его родной страны.

Литература

1. Андреев В. История одного путешествия. М.: Советский писатель, 1974. 376 с.
2. Бахрах А.В. Бунин в Халате; По памяти, по записям. М.: ПРОЗАиК, 2018. 640 с.
3. Берберова Н.Н. Курсив мой: Автобиография. М.: Согласие, 1999. 736 с.
4. Богомолов Н.А. Рецепция поэзии пушкинской эпохи в лирике В.Ф. Ходасевича // Пушкинские чтения: Сборник статей. Таллинн: Ээсти раамат, 1990. С. 167–181.

5. Бочаров С. «Памятник» Ходасевича // Ходасевич Владислав. Собрание сочинений: в 3 т. М.: Согласие, 1996. Т. 1. С. 5–56.
6. Малмстад Джон Е.. Единство противоположностей // Литературное обозрение. 1990. № 2. С. 51–59.
7. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений: в 11 т. М.: Слово, 2003–2005.
8. Сергеева-Клятис А.Ю. Вейдле — критик Б.Пастернака // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2012. № 2. С. 108–118.
9. Сергеева-Клятис А.Ю. Сумерки свободы. М.: Азбуковник, 2016. 398 с.
10. Успенский П.Ф. Творчество В.Ф. Ходасевича и русская литературная традиция (1900-е — 1917 г.). Тарту, 2014.
11. Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Русский путь, 2010.

Research Article

“Echoing Pushkin”: Khodasevich and Pasternak on Mass and Elite Poetry

© 2021. Anna Yu. Sergeeva-Klyatis

Lomonosov State University, Moscow, Russia

Abstract: The article deals with several issues: first of all, it is a question of building the creative strategy by two of the largest representatives of Russian poetry of the XX century. Khodasevich's aspiration is based on separating himself from mass literature, closing in on the elite poetic world, focused on the Russian "golden age" and, mainly, the poetry of Pushkin. Against this background - the opposite direction of the development of Pasternak, also focused on Pushkin, but aimed at the mass reader, starting from the first half of the 1920s and ending with the late work. The author asks how the focus on Pushkin could lead one poet to abandon poetry and silence, while the other on the contrary, to full realization and world fame. The article also touches the question of Khodasevich's attitude to Pasternak's work and, more broadly, to futuristic poetry in the context of ideas about the destructiveness of mass and the high mission of elite poetry.

Keywords: Pasternak; Khodasevich; Pushkin; mass poetry; elite poetry; literature of Russian diaspora; «school of harmonic precision»; Soviet critics.

Information about the author: Anna Yu. Sergeeva-Klyatis, DSc in Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Mokhovaya 9-1, 125009 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7785-1469>. E-mail: nnklt1@gmail.com.

For citation: Sergeeva-Klyatis, Anna. ““Echoing Pushkin”: Khodasevich and Pasternak on Mass and Elite Poetry.” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (19), 2021, pp. 325–334. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-325-334>

Acknowledgements: This research has been supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), no 20-012-00110 A.

References

1. Andreev, V. *Istoriia odnogo puteshestviia* [*The Story of a Travel*]. Moscow, Sovetskii pisatel' publ., 1974. 376 p. (In Russ.)
2. Bakhrakh, A.V. *Bunin v khalate; po pamiati, po zapisiyam* [*Bunin in a dressing-gown; from memory, from notes*]. Moscow, PROZAiK publ., 2018. 640 p. (In Russ.)
3. Berberova, N.N. *Kursiv moi: Avtobiografiia* [*Italics Mine: Autobiography*]. Moscow, Soglasie publ., 1999. 736 p. (In Russ.)
4. Bogomolov, N.A. Retseptsiia poezii pushkinskoi epokhi v lirike V.F. Khodasevicha [Reception of the poetry of Pushkin's times in Khodasevich's poetry]. *Pushkinskie chteniia: Sbornik statei* [*Pushkin's readings: a collection of critical essays*]. Tallinn: Eesti raamat, 1990. p. 167–181. (In Russ.)
5. Bocharov, S. “Pamiatnik’ Khodasevicha [“A Memorial” of Khodasevich]. Khodasevich, Vladislav. *Sobranie sochinenii: v 3 t.* [*Collected Works: in 3 vols*]. M.: Soglasie publ., 1996, vol. 1, pp. 5–56. (In Russ.)
6. Malmstad, Dzhon E. Edinstvo protivopolozhnosti [Unity of opposites]. *Literaturnoe obozrenie*, 1990, no 2, pp. 51–59. (In Russ.)
7. Pasternak, B.L. *Polnoe sobranie sochinenii: v 11 t.* [*Complete Works: in 11 vols*] Moscow, Slovo publ., 2003–2005. (In Russ.)
8. Sergeeva-Kliatis, A.Iu. V.Veidle — kritik B.Pasternaka [V.Veidle — a critic of B. Pasternak]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, seriia 10 “Zhurnalistika”* [series 10 “Journalism”]. 2012, no 2, pp. 108–118. (In Russ.)
9. Sergeeva-Kliatis, A.Iu. *Sumerki svobody* [*Twilight of Freedom*]. Moscow, Azbukovnik publ., 2016. 398 p. (In Russ.)
10. Uspenskii, P.F. *Tvorchestvo V.F. Khodasevicha i russkaia literaturnaia traditsiia (1900-e — 1917 g.)* [*V.F. Khodasevich's Works and Russian literary tradition, 1900-1917*]. Tartu, 2014. (In Russ.)
11. Khodasevich, V.F. *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [*Collected Works: in 8 vols*]. Moscow, Russkii put' publ., 2010. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 03.02.2021

Дата публикации: 25.03.2021

The article was submitted: 03.02.2021

Date of publication: 25.03.2021

ПРОБЛЕМЫ КОММЕНТАРИЯ

Литературный факт.
2021. № 1 (19)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (19), 2021

Научная статья
УДК 82-14
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-335-353>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Комментируя Хармса

© 2021, А. А. Кобринский

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье предпринимается поиск источников для двух записей Даниила Хармса в его записных книжках, первая из которых датируется маем 1927 года, а вторая — июлем 1933 года. Первая запись посвящена некоему «Великому мотиву Реббе из Лядов», книгу с нотами которого Хармс собирался «достать» у Дойвбера Левина. В статье указывается, что данный мотив является нигуном «Арба бавот» («Четырехвратный нигун», называемый также «великим»), авторство которого приписывается Шнеур Залману Шнеерсону, основателю Любавической хасидской династии. В статье разбирается «магический» контекст этого интереса Хармса к нигуну, который, как верили последователи Хабада, способен влиять на реальность, а также обстоятельства гипотетического визита Левина, Хармса и Бахтерева к проживавшему в Ленинграде шестому Любавическому Ребе Йосефу Ицхаку Шнеерсону. Вторая часть статьи посвящена генезису появления в записной книжке Хармса легенды о судне под названием «Пятница», якобы созданного для борьбы с суевериями. Показывается, что та форма, в которой легенда появляется у Хармса, указывает на непосредственное влияние ее первоисточника — романа Ф. Купера «Красный корсар». При этом русским источником могло быть только первое издание романа, в котором содержалось авторское примечание с этой легендой, впоследствии исчезнувшее из всех переизданий.

Ключевые слова: записные книжки; научный комментарий; Даниил Хармс; Шнеур Залман Шнеерсон; четырехвратный нигун; Йосеф-Ицхак Шнеерсон; Фенимор Купер; HMS Friday.

Информация об авторе: Александр Аркадьевич Кобринский — доктор филологических наук, юрист, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034, Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID <https://orcid.org/0000-0001-6980-4232>. E-mail: 0-01-0 @list.ru.

Для цитирования: Кобринский А.А. Комментируя Хармса // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 335–353. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-335-353>

1.

Ориентировочно 22 мая 1929 года Хармс делает очень любопытную запись, которую приводим с сохранением авторской орфографии:

«У Левина достать книгу с нотами Великого Мотива Реббе из Лядов» [16, т. 1, с. 293; ЗК 17. Л. 12]¹.

Эта запись требует комментария.

Вопрос о влиянии Дойвбера (Бориса) Левина (1904–1941) на Хармса и их взаимоотношения изучен недостаточно — прежде всего, из-за того, что «взрослое» наследие Левина до нас не дошло, равно как не дошли до нас и его письма. Между тем, это влияние очевидно было весьма значимым. Началось оно после знакомства, которое произошло, судя по всему, в ноябре 1926 года, почти сразу после поступления Хармса в Государственный институт истории искусств (Левин учился там на театральном отделении с 1924 года и был однокурсником Игоря Бахтерева)², и продолжалось, судя по записным книжкам Хармса, с конца 1926 по середину 1935 года. Особенно интенсивно это общение протекало в 1927–1929 годах, при этом оно носило как чисто дружеский характер, так и характер активного творческого взаимодействия.

Так, к примеру, в 1928 году четыре рассказа Левина были отправлены с П. Мансуровым за границу — наряду с произведениями И. Бахтерева, Д. Хармса, А. Введенского, К. Вагинова и Н. Заболоцкого. Сначала предполагалось, что Мансуров увезет только три текста Левина («Улица у реки», «Козел» и «Третий рассказ»; ЗК 13. Л. 10, список «Вещи, отправляемые в ***»: [16, т. 1, с. 233]), в окончательном перечне упоминается уже четыре рассказа, без уточнения названий [16, т. 1, с. 238; ЗК 14. Л. 2]. Стоит отметить, что в конце октября 1928 года Хармс, составляя перечень «действительных членов ОБЭРИУ», включает туда, кроме себя, только Введенского, Бахтерева и Левина, а Заболоцкого и Вагинова туда не включил [16, т. 1, с. 255; ЗК 15. Л. 10]. Кроме того, согласно воспоминаниям А.В. Разумов-

¹ Здесь и далее ссылки на тексты дневника и записных книжек Д. Хармса даются с указанием номера книжки и листа после номера страницы. В целях удобства нумерация листов записных книжек приводится по изданию [16], несмотря на то, что она отличается от нумерации листов рукописи в ОР и РК РНБ.

² И. Бахтерев указывает в своих воспоминаниях, что Левин познакомился с Хармсом задолго до создания театра «Радикс» — «в семье популярного тогда композитора Поля Марселя» [6, с. 108]. С Полем Марселем, братом Эстер Русаковой, Хармс познакомился не позднее 1925 г., его автограф в хармсовском альбоме датирован 23 марта этого года. Однако факт столь раннего знакомства с Левиным записными книжками не подтверждается.

ского и И.В. Бахтерева, Левин стал соавтором раздела обэриутской декларации «Театр ОБЭРИУ» — вместе с Хармсом и Бахтеревым [6, с. 65, 127]. В этот же период Левин самым активным образом участвует в обэриутских выступлениях, включая и знаменитый вечер «Три левых часа» в Доме печати 24 января 1928 года.

Судя по всему, именно Левин был для Хармса источником информации об иудаизме, его истории и направлениях, а также о еврейской мистике (прежде всего — хасидского толка). У Левина идиш был родным языком, он также хорошо знал и иврит, который изучал в детстве. По свидетельству И. Бахтерева, еще будучи студентом, он собирался создавать еврейский театр на иврите — «наподобие Габимы»³. Ср. также свидетельство Л. Пантелеева (А.И. Еремеева): «Учился в духовной школе, хорошо знал, любил и часто читал на древнееврейском Библию Дойвбер Левин. Но был ли он верующим — поручиться не могу» [6, с. 255]. Под «духовной школой» Пантелеев имел в виду хедер, который был начальной школой для мальчиков, основывающейся, конечно, на еврейских традициях изучения Торы⁴.

Левина с хасидизмом действительно связывали особые обстоятельства — он родился в местечке Ляды Смоленской губернии, откуда родом был и знаменитый основатель движения любавических хасидов «Хабад» Шнеур Залман Шнеерсон. В хабадской традиции его называли «Альтер Ребе» («старый ребе») — или так, как его упоминает Хармс в комментируемой записи: «Рабби Шнеур Залман из Ляд».

Интерес к каббале, судя по всему, поддерживался у Хармса как чтением популярных книг Папюса, так и общением с Левиным. У хасидов поощрялось массовое изучение каббалы, тогда как в литовских общинах каббалой традиционно занимались только избранные ученые. Думается, что это совершенно естественно породило у Хармса интерес к собственно хасидской истории и философии

³ [6, с. 146–147]. Ивритский театр «Габима» (ивр. — «сцена») был создан в 1913 году в Вильне Наумом Давидом Цемахом, однако вскоре был закрыт из-за финансовых проблем. В 1917 г. при поддержке К. Станиславского театр был возрожден, его художественным руководителем становится Е.Б. Вахтангов. В 1926 г. театр не вернулся в СССР из зарубежных гастролей и переехал в Палестину. Театр существует и в настоящее время, располагаясь в Тель-Авиве.

⁴ О хасидских корнях Левина пишет также В. Шубинский: [18], справедливо указывая на явную мифологичность распространенной легенды о том, что Левин якобы выучил русский язык уже в Петрограде. Конечно, он хорошо знал его еще до приезда в Петроград, где он сразу поступил в университет. За спиной у него к тому времени было и обучение в Лядской гимназии, и увлечение С. Пшибышевским, которому он пытался подражать (см. об этом: [1, с. 70]). См. о биографии Д. Левина также: [2; 3; 21].

этого движения. Хармс упоминает создателя хасидизма — рабби Исраэля Баал-Шем-Това (одновременно давая перевод его имени), рабби Нахмана из Брацлава — родоначальника брацлавской ветви хасидизма [16, т. 1, с. 99–100; ЗК 8 Л. 15 об.–16].

Чем объясняется интерес Хармса именно к любавической хасидской династии, ее основателю и его музыкальному творчеству?

Прежде всего, он мог быть связан с неожиданным визитом, состоявшимся, по словам И. Бахтерева, в 1927 году, о котором в своем интервью 2015 года рассказал филолог Илья Левин, автор одной из первых в мире диссертаций о Хармсе и Введенском, изданной впоследствии в виде монографии [25]. Согласно переданному им рассказу Игоря Бахтерева, Дойвбер Левин водил их с Хармсом в 1927 году к некоему раввину:

<И. Бахтерев> мне рассказал поразительную историю, — я тогда не совсем точно знал, о чем он мне рассказывает, — он мне рассказал о том, как один из обэриутов Дойвбер Левин или Боба Левин, как они его называли, водил его, Бахтерева и Хармса на встречу с каким-то раввином. В 1927 году это было на Моховой улице, была встреча. Я это запомнил, как-то отложилось в памяти, собственно, и все. Бахтерев никаких больше подробностей не рассказывал, что за раввин, почему Левин повел их к раввину. Уже потом, приехав сюда, я прочитал воспоминания одного из любавических ребе, там говорилось, по-моему, это был дядя любавического ребе, который умер, его в 1927 году приговорили к смертной казни в советской России, после чего международные протесты, в том числе в Соединенных Штатах, короче говоря, ему заменили смертную казнь на тюрьму, а вскоре после этого ему дали разрешение на выезд из Советского Союза. Это интересная история, кстати, об этом можно найти много информации в интернете. Но я прочитал его книгу, его воспоминания об этом периоде по-русски, тогда-то мне стало все ясно. Потому что именно в 1927 году перед тем, как он уезжал, он прощался со своими последователями, хасидами, жил он именно на Моховой улице. Для хасидов, я думаю, вообще для верующих евреев это интересно было, очень серьезное событие — отъезд ребе. Левин как раз был родом из местечка Ляды в Белоруссии, который считается центром хасидского движения — движения Хабад, точнее. Понятно, что для него это было важно, интересно. Естественно, он решил, что его друзьям это будет так же важно и интересно, он их туда привел. Правда, интересно — встреча Хармса с любавическим ребе? ⁵

⁵ Учителя Ильи Левина // <https://www.svoboda.org/a/27094319.html>

Насколько может соответствовать реальности история, пересказанная И. Левиным со слов Бахтерева? Действительно, шестой Любавический ребе Йосеф-Ицхак Шнеерсон (ребе Раяц — так его принято называть в хабадской традиции) жил в Ленинграде с 1924 по 1927 годы по адресу Моховая ул., д. 22, кв. 12 — в доходном доме А.Х. Пеля. Арестован он был 14 июня 1927 года — и, следовательно, до этой даты визит к нему Левина совместно с Хармсом и Бахтеревым был теоретически вполне возможен.

Насколько легко было прийти к Любавическому ребе для разговора? Его повседневная жизнь уже тогда включала в себя проведение «ехидут» — беседы один на один с проходящими посетителями, обычно — о жизненно важных для них вещах. Как вспоминал впоследствии сам Йосеф-Ицхак Шнеерсон, живя в Ленинграде, он проводил эти беседы трижды в неделю, от семи до десяти вечера, но порой разговоры затягивались до полуночи [11, с. 5].

Конечно, к ребе не мог прийти кто попал с улицы, но у Левина, бывшего земляком основателя Хабада, разумеется, имелись возможности через знакомых добиться такой аудиенции для себя и друзей. Гораздо более существенным является вопрос, согласился бы ребе Раяц общаться с неевреями Хармсом и Бахтеревым. Обсуждать этот вопрос сложно, но думается, что в 1927 году, живя в советском Ленинграде, он вполне мог сделать исключение.

Удивительным кажется другое: в записных книжках Хармса никаких сведений об этой встрече не имеется, хотя книжки этого времени сохранились довольно неплохо. Предположение о том, что он не решился о ней упоминать в целях безопасности, следует отвергнуть: контакты со служителями ленинградского буддийского дацана в конце 1928 года были не менее опасны (впоследствии почти все служители были репрессированы), но Хармс оставляет о них записи и даже указывает имена [16, т. 1, с. 274, 285; ЗК 16 Л. 10 об., 22]. Остается сделать вывод, что если визит к ребе и был, то он мог состояться лишь с середины мая до 14 июня 1927 года: именно такая лакуна содержится в дошедших до нас записных книжках Хармса.

В этом случае имеет смысл считать этот визит результатом того интереса к еврейской тематике, который формируется у Хармса в конце 1926 года. В записях 20-х чисел ноября 1926 г., например, упоминаются статья сотрудника еврейского еженедельного журнала «Рассвет» (1860–1861), вышедшего в Одессе на русском языке, Э. Трубича (у Хармса ошибочно «Трубик») «Очерки Каббалы»⁶,

⁶ Трубич Э. Очерки Каббалы. По Франку, Гретцу и др. // Восход. 1886. Кн. 1. С. 65–88; кн. 2. С. 15–32.

статья Владимира Соловьева «Каббала» для энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона, которая вошла в 9-й (дополнительный) том его собрания сочинений [12, с. 111–116], а также есть упоминание о расколе ашкеназов на «миснагдов» и хасидов [16, т. 1, с. 101; ЗК 8 Л. 17]. Само такое название сторонников Виленского Гаона («литваков») — «миснагды» было распространено именно в хасидской среде и, судя по всему, было услышано Хармсом от Левина⁷.

Разумеется, мощный толчок к обращению Хармса к еврейской мистике дало чтение романа Г. Майринка «Голем» [16, т. 1, с. 99–100; ЗК 8 Л. 15–16]. Определенный эффект принесло и чтение Папюса. Под его влиянием Хармс дважды пытался занести в записную книжку еврейский алфавит — в контексте каббалистических толкований значений букв. Сначала он делает это в марте 1927 года [16, т. 1, с. 138; ЗК 8 Л. 48], то есть незадолго до возможного визита к Ребе, а второй раз — в октябре 1931 года в связи с усилившимся интересом к картам Таро [16, т. 1, с. 400; ЗК 22 Л. 2].

Тогда же, в марте 1927 года, в записной книжке Хармса появляется знаменитое «древо жизни» — десять сфирот [16, т. 1, с. 139; ЗК 8 Л. 49]. Отсюда уже был один шаг до упоминаемого «великого мотива».

Как известно, согласно каббалистической концепции, десять сфирот, составляющие «древо жизни», раскрываются лишь в одном из четырех миров («оламот»), образовавшихся после того, как произошло сжатие («цимцум») «Б-жественной бесконечности» («Эйн Соф»), благодаря чему освободилось место для пространства и миротворения. В соответствии с каббалистической традицией, Ацилут это «мир эманации», Брия — мир Престола славы, Йецира — мир ангелов, Асия — мир нижний (см. об этом: [17]). Эти четыре мира соотносятся также с четырьмя буквами Тетраграмматона.

Думается, что Хармса, который только что познакомился с этой иудейской каббалистической топографией, не могла не заинтересовать хасидская практика, обещавшая воздействие на мир с помощью

⁷ Отмечая интерес Хармса к Каббале, В. Шубинский указывает на невозможность, с его точки зрения, установить его источник: «Интерес, пусть поверхностный, к Каббале и иудейской мистике сохранился у Хармса до конца жизни. Ему были известны имена (по крайней мере, имена) не только прославленных адептов Каббалы, но и великих учителей хасидизма — Исроеля Бешта и его внука, цадика-сказочника Нахмана из Брацлава. Можно предположить кстати, что мистически окрашенный иррационализм и парадоксальность хасидских притч могли быть близки Хармсу. Вопрос, откуда он мог знать об этой стороне еврейского наследия, остается открытым» [19, с. 74]. Далее Шубинский указывает, что написанные на идише сказки рабби Нахмана с 1904 года переводил на немецкий язык М. Бубер, «неизвестно, однако, читал ли их Хармс или просто слышал чей-то о них отзыв» [19, с. 286].

музыки, мелодий. Особняком в этой практике как раз и стоял нигун «Арба Бавот» («Четверо врат»), авторство которого приписывается основателю любавической династии. Представляется, что именно Д. Левин мог послужить для Хармса источником сведений о нигунах вообще и о нигуне Альтер Ребе.

«Арба бавот» это мелодия из четырех частей, каждая из которых соответствует, согласно Каббале, одному из упомянутых выше четырех высших миров. Хармс не случайно именуется этот мотив «великим», хабадники именовали его именно так: «Великий нигун»; до сих пор его исполняют лишь по самым торжественным дням: на свадьбах и во время еврейских праздников. Несомненно, Хармс увидел в рассказах о нем красивую мистическую легенду о мудреце, нашедшем способ с помощью музыки понимать тайную суть мироздания и влиять на нее. Не случайно Э. Коскофф пишет, что этот нигун является музыкальной сущностью хабадской философии и истории⁸.

Как справедливо указывает в своей диссертации Евгения Хаздан, «действие как каббалистических медитативных песнопений, так и хасидского нигуна направлено на формирование переходного поля, необходимого для сакрализации ситуации, которая мыслится как средство, способствующее восхождению души к Богу, и исполнению мистического действия тиккун (“исправление”, усовершенствование и очищение мира) И тем и другим песнопениям свойственны цикличность, многократные повторы, остигатные ритмические формулы. Сходны также семантическая насыщенность ритуалов, их динамичность, обозначаемая в обоих случаях термином кавоне (устремление), восприятие экстаза как достижения Божественных сфер» [14, с. 12]. Стоит отметить также и параллели между нигуном и молитвой (как в сфере медитативного постижения истины, так и в сфере воздействия на мироустройство): речь может идти прежде всего о параллелях между каббалистическими медитациями и многочисленными повторами в нигунах, в первую очередь, в «Арба бавот».

Визит Хармса к шестому Любавическому ребе не может считаться безусловным фактом биографии писателя, однако, как в свое время показал Н.А. Богомолов в работе о мемуарах Георгия Иванова, искажение деталей, тенденциозность в изложении и путаница в фактах вовсе не исключают точное донесение до нас мемуаристом основных характеристик личностей и эпохи: «Внеш-

⁸ [24, р. 90]. Там же, на стр. 90–91 — см. анализ музыкальной структуры этого нигуна в связи с каббалистическими представлениями любавических хасидов.

няя разбросанность отдельных эпизодов складывается в некое единство, пронизанное пусть и неявно сформулированной, но все же достаточно определенной концепцией» [4, с. 134]. Он также указывал, что «сами попытки разобраться, что здесь ложь, а что истина, стимулируют многие дальнейшие разыскания, приводящие к немаловажным выводам» [4, с. 132]. Поэтому важно не только и не столько определить реальность описанного визита к ребе Райяц, сколько понять, почему у Хармса вообще мог возникнуть интерес к такой личности, как хасидский ребе, и почему как у мемуариста, так и у тех, кто сталкивается с его рассказом, эта странная встреча воспринимается как совершенно естественный штрих для образа Хармса второй половины 1920-х годов.

Думается, что дело в тех почти магических свойствах, которые приписывались этим мелодиям любавическими хасидами. Для Хармса, который пытался заниматься «практической магией», выписывая многочисленные средневековые и современные «пособия», начиная от текстов, приведенных в авторских комментариях к «Огненному ангелу», конечно, должны были быть особенно интересны легенды о воздействии на мир с помощью нигунов. Одной из самых ярких таких легенд, которые Хармс вполне мог знать, является рассказ о том, как первый любавический ребе во время войны 1812 года использовал мелодию «Походной песни» наполеоновских войск в нигуне после молитвы Неила в Йом-Кипур: «Менахем Мендл Шнеерсон напомнил евреям, что лишь знающий тайну мелодии может осуществить ее превращение и преобразовать мир. И хасидам это удалось. Так, Наполеон войну проиграл...»⁹

Судя по всему, Хармс относился к нигуну «Арба бавот» как к магической мелодии, с помощью которой можно воздействовать на мир. Именно с этой точки зрения она его и интересовала.

Кроме того, связь между возможным визитом Хармса к шестому Любавическому ребе и его интересом к нигунам просматривается и ретроспективно. Ребе Райяц к ним всегда относился по-особенному и впоследствии именно он стал организатором огромной работы по записи хабадских нигунов. Этот многолетний труд оформился в итоге в трехтомное издание «Sefer HaNiggunim», первый том, которого вышел в 1948 году, а третий, последний — лишь в 1980 [27; 28; 29]. Начало этой работы, как свидетельствует музыкант Лев Лейбман,

⁹ Буланый Николай. Еврейские мелодии и «Марсельеза» в исполнении Любавического Ребе // <https://ujew.com.ua/history/evrejskie-melodii-i-marseleza-v-ispolnenii-lyubavichskogo-rebe> (дата обращения: 15.01.2021).

приходится на середину 1930-х годов: в 1935 г. записанные хасидом Иехизелем Гальперином ноты нигунов были направлены ребе с целью получить его согласие на работу по их очистке от ошибок и опубликованию¹⁰. В первом томе этого издания и был опубликован нигун «Арба бавот» с нотами.

Дальнейшие поиски показывают, что утверждение Льва Лейбмана о том, что это был первый опыт записи нигунов нотами в хабадской среде, является ошибочным. Обнаруживается, что как раз в 1935 году в издаваемом в Варшаве журнале любавических хасидов «Тмимим» («Непорочные», от названия главной хабадской ешивы «Томхей тмимим» — «Поддерживающие непорочных») появились ноты нигуна «Арба бавот», причем утверждалось, что мелодия впервые выверена по всем требованиям¹¹. Следовательно, мы обнаруживаем еще одно недостающее звено: получается, что живший с 1934 года в Польше любавический ребе все же опубликовал присланные ему ноты еще до выхода первого тома «Sefer hanigunim».

И, судя по всему, это действительно был первый опыт такой публикации. Кроме комментариев в журнале, стоит отметить, что, как указывает в своей статье Мария Якубович, «в хасидской традиции считается, что как письменный язык ограничен по сравнению с речью, написание нот тоже ограничивает возможности пения»¹². Вот почему до середины 1930-х годов у любавических хасидов не только не было принято записывать нигуны с помощью нот, но очень мало кто из них вообще знал нотную грамоту. Достаточно сказать, что музыкально одаренный раввин Шмуэль Залмановф, который много лет руководил изданием сборника нигунов, сам нот не знал.

Какую именно книгу с нотами нигуна «Арба бавот» упоминает Хармс, видимо, определить сейчас уже нереально. Более того, есть все основания полагать, что такой книги вообще не существовало.

Достаточно серьезный интерес к исследованию еврейских мелодий был в Государственном институте истории искусств, где Хармс с Левиным учились. Отдел истории и теории музыки ГИИИ периодически помещал статьи, посвященные этой проблематике в периодическом издании — Временнике отдела истории и теории

¹⁰ См.: <https://stmegi.com/posts/76851/kniga-nigunim> (дата обращения: 15.01.2021).

¹¹ מִיִּמִּיִּם. Варшава. 1935. Кислев. С. 480-481. (На иврите).

¹² Якубович М. Об истории выпуска сборника хабадских нигунов и о хасиде Шмуэле Залманове, который был избран для миссии по спасению нигунам от забвения // <https://stmegi.com/posts/76851/kniga-nigunim> (дата обращения: 15.01.2021).

музыки ГИИИ «De musica»¹³. Однако ноты упоминаемого Хармсом нигуна там не публиковались.

Из теоретически доступных в то время изданий — отсутствуют ноты этого нигуна в самом известном, наверное, сборнике нигунов, изданном с нотным сопровождением в 1927 году в Вильне и подготовленном А. Бернштейном [26], а также в издании М. Варшавского¹⁴ и др. В 1929 году в Нью-Йорке выходит книга А.-З. Идельсона о развитии еврейской музыки с многочисленными музыкальными примерами. Книга содержала специальную главу, посвященную хасидской музыке [23, р. 411–434], однако несмотря на подробное раскрытие связи этой музыки с каббалистикой, упоминание Шнеур Залмана Шнеерсона и любавических хасидов, а также приводимые ноты хасидских песен, в ней отсутствует даже упоминание о «Великом нигуне». Впрочем, в любом случае трудно себе представить, чтобы вышедшая в 1929 году в Америке книга в мае того же года уже была доступна кому-то в Ленинграде.

Видимо, ключевым словом для понимания записи Хармса следует считать «достать»: Хармс был убежден, что где-то существует издание с нотами этого нигуна, которое непременно имеется у Левина и которое у него нужно «достать». Если бы речь шла о конкретной книге, о которой Хармсу было точно известно, то, скорее всего, фигурировало бы слово «взять».

2.

Одной из самых важных задач при комментировании записных книжек Хармса является поиск источников, а также, при возможности, атрибуция текстов, которые долгое время считались его собственными, а на самом деле представляют собой записи фрагментов чужих стихов или прозы, анекдотов, песен, газетных статей и т.п.

Одним из таких текстов является его запись, сделанная в период от 14 до 16 июля 1933 года:

¹³ Временник выходил ежегодно с 1925 по 1928 год, всего было издано 4 выпуска. См., например, работу Д. Маггида: [8]. Давид Маггид в течение 1920-х годов в Институте истории искусств читал многочисленные лекции по музыкальной палеографии, музыке древних евреев и кантилляции. Об истории публикации в «De musica» см. статью: [13].

¹⁴ *Varshavski M. Idische folkslider (mit noten) / Mit a forrede fun Sholem-Aleykhem. Varshe: druk fun Aleksander Ginz, 1901. (На идише).*

Вот что рассказывают моряки:

Англичане решили доказать, что вера в несчастливую пятницу простое суеверие. Для этого они построили пароход и начали его строить в пятницу. В пятницу же и спустили его на воду. Назвали пароход пятницей «Friday», в пятницу пошли в плавание, и в пятницу пароход разбился и утонул [16, т. 2, с. 17; ЗК 27. Л. 16].

До этого на предыдущей странице 14 июля Хармс записывает слово «Friday», возможно, что поводом к размышлению стало как раз то, что 14 июля 1933 года было пятницей. Контекстом этой записи на той же странице являются фантастические рассуждения о том, что число 37 — «плохое», так как, будучи умноженным на 3, оно дает 111, а 111 — это «основа 666» ($111 \times 6 = 666$). Судя по всему, Хармс дает волю своим суеверным представлениям о нумерологии, а затем уже вспоминает историю с кораблем «Friday».

М. Мейлах справедливо сравнивает эту историю с устным рассказом А. Введенского, о котором ему сообщила Т.А. Липавская (Мейер) (ошибочно датируя запись Хармса июнем 1933 года):

Тринадцать человек организовали союз для борьбы с суевериями. Все дела они начинали в тяжелый день — понедельник, закуривали папиросу вдвоем и обязательно третий от той же спички. Собирались всегда все тринадцать вместе, не больше и не меньше. Однажды в понедельник они собрались для борьбы с суевериями, а тринадцатого нет. И тогда они прониклись суеверным ужасом [5, с. 104, 216].

История с «Пятницей» достаточно известна и сегодня широко распространена как в английском, так и в русском сегментах интернета. Англоязычная «Википедия» сообщает ее как городскую легенду, сюжет которой почти полностью совпадает с сюжетом, записанным Хармсом (приводим в переводе):

Когда-то в XIX веке Королевский флот попытался окончательно развеять старое суеверие моряков о том, что отправление в плавание в пятницу обязательно принесет неудачу. Чтобы продемонстрировать ошибочность этого суеверия, решили построить корабль под названием «Пятница». Он был заложен в пятницу, затем был спущен на воду тоже в пятницу, и в свой первый рейс он отправился в пятницу, 13-го числа, под командованием капитана Джеймса Фрайдей (т.е. Пятница. — *А.К.*). Больше его никто не видел и ничего не слышал¹⁵.

¹⁵ HMS Friday // https://en.wikipedia.org/wiki/HMS_Friday (дата обращения: 15.01.2021).

Как мы видим, различий только два: у Хармса нет упоминания о капитане по фамилии Пятница, кроме того, в приведенной легенде речь идет не о кораблекрушении, а только об исчезновении судна.

Как указывается в той же статье «Википедии», эта история приобрела популярность в XX веке после того, как 4 февраля 1971 года комик Дэйв Аллен рассказал о ней в своем телешоу ВВС «Дэйв Аллен на свободе» (серия 1, эпизод 2). После этого она стала пересказываться в многочисленных книгах, а потом, после появления интернета, на различных сайтах. Однако везде эта история сообщалась как некий ходячий анекдот — без указания источника. Чаще всего текст сопровождался обычными рассуждениями о причинах боязни пятницы: либо упоминалось распятие в этот день Иисуса, либо говорилось о пятнице 13 октября 1307 года, когда французский король Филипп IV приказал арестовать рыцарей-тамплиеров и пытаться их, дабы вынудить признаться в ереси, по обвинению в которой их впоследствии сожгли на костре¹⁶. За редким исключением никаких новых фактов не приводится, хотя иногда возникает более точная датировка события: так, например, в книге Е.В. Мирочник сообщается, что вся история с судном «Пятница» произошла якобы еще в XVIII веке, а именно — в 1791 году [9, с. 88]. Календарь подсказывает, что в этом году пятница совпадала с 13-м числом только один раз — 13 мая. Впрочем, автор также не ссылается на источники.

Миф о HMS «Friday» получил такое распространение, что его был вынужден публично развенчать Национальный музей королевского военно-морского флота Портсмута, который 13 июля 2007 года разместил на своем сайте заметку под названием «В истории 'HMS Friday' нет правды». Представитель музея заявил: «Моряки, безусловно, суеверны, это связано с тем, что они находятся во власти такой непредсказуемой материи, как море, а также с желанием проводить выходные на берегу. Но мы можем подтвердить, что никогда не было корабля Королевского флота с названием 'HMS Friday' — или в честь любого другого дня недели, если на то пошло»¹⁷. При этом сотрудники музея, решившие указать на вымышленность этой истории, также не приводят источников, а говорят о ней как о расхожей и общеизвестной легенде.

Попытка определить источники легенды уведут далеко в докомпьютерный период. Дэйв Аллен, конечно, не придумал ее в 1971 году.

¹⁶ См., например: [22, p. 46; 10, с. 26].

¹⁷ No truth in 'HMS Friday' story // www.royalnavalmuseum.org/new_whatsnew.html (дата обращения: 15.01.2021).

Разматывая историю вспять¹⁸, мы наталкиваемся, к примеру, на анонимную заметку в австралийском журнале 1941 года «The ABC Weekly» — где этот сюжет был воспроизведен полностью¹⁹. Затем публикации уводят нас все глубже и глубже, причем постоянно возникают новые детали мифа. Невадская газета в 1938 году указывает на то, что якобы инициатором борьбы с суеверием был некий Исаак Харви из Уилмингтона (штат Делавэр)²⁰. Висконсинские газеты в 1932–1934 гг. неоднократно воспроизводят рассказ о некоем пароходе на Великих озерах, который «бросил вызов суевериям», так как он был заложен в пятницу, в пятницу был спущен на воду и в пятницу же отправился в свое первое плавание, причем, пароход назывался «Petoskey», и, вопреки суевериям, его плавания всегда проходили благополучно²¹. Сюжет с неизменной триадой (закладка, спуск на воду и отправка в первое плавание — все происходит в пятницу), перенесенный в Коннектикут, мы встречаем в портсмутской газете 1906 года. Интересно, что и в некоторых других американских газетах конца XIX — начала XX века легенда обогащается информацией о трагической судьбе команды судна (классическая легенда говорит о неизвестности этой судьбы)²². Обращает при этом на себя внимание то, что ни в одной статье нет упоминания о «капитане Пятнице». Лишь в статье 1892 года в «The Chicago Daily Tribune» рассказывалось о том, что на борт был взят негр-повар по имени Пятница, что, видимо, представляет собой явную отсылку к сюжету «Робинзона Крузо».

¹⁸ Весьма неплохой обзор представлен в публикации: [30]; он используется нами с корректировками и дополнениями. К сожалению, список литературы не приложен к публикации и размещен на другом сайте (<https://web.archive.org/web/20070127110041/http://www.carolinalore.com/forms.htm>), который в настоящее время находится лишь с помощью web.archive.org и содержит многочисленные утраты.

¹⁹ Bon Voyage // The ABC Weekly. Australian Broadcasting. Vol. 3. № 26. 28.06.1941. P. 15.

²⁰ Things to Do and Not to Do on Jinks Day Enumerated // The Reno [Nevada] Evening Gazette. 1938. 13 May. P. 20. Схожее имя судовладельца, решившего покончить с суеверием, — Исаак Джонс, упоминается в шуточном стихотворении «Опасности утра пятницы» (The Knickerbocker [New York], January 1850. P. 59).

²¹ См., например: Steamer Defies Superstition // Syracuse [New York] Herald. 1932. 22 April. P. 12; Steamer Petoskey Defies Ill Luck // Wisconsin Rapids Daily Tribune. 1934. 11 April. P. 1.

²² См.: Superstition at Sea: Strange Beliefs of the Forecastle — Days and Things That Are Unlucky // [Reprinted from The New York Tribune.] The Washington Post. 1883. 8 July. P. 7; [Без назв.] // The Indiana [Pennsylvania] Weekly Messenger. 1886. 9 June. P. 2; Superstitions about Friday; A Statistician Has Figured It out That Monday Is More Unlucky // The Chicago Daily Tribune. 1892. 5 December 1892. P. 10; Jack Tar's Superstitions; Influenced in His Undertakings by Sea Signs and Omens // The Portsmouth [New Hampshire] Daily Herald. 1906. 25 July 1906. P. 3 и др.

Экскурс в давние публикации неожиданно выводит нас к статьям 1835 и 1828 годов, в которых героем — борцом с пятничными суевериями — становится некий «образованный купец из Коннектикута»²³, то есть действие уже происходит не просто в США и не просто с некими моряками, как это было в других статьях. И вот здесь уже возникает конкретизация, которая, как представляется, дает некий намек на источник сюжета. Действительно, такой источник находится — это роман Фенимора Купера «The Red Rover» (в русских переводах публиковался под двумя разными названиями: «Красный морской разбойник» и «Красный корсар»). Первое издание романа (в трех томах) вышло в Париже в 1827 году²⁴. И во втором томе Ф. Купер сделал подстрочное примечание к фразе персонажа-моряка, сетующего на то, что их судно вышло в плаванье в пятницу²⁵, которое приводим в переводе (с сохранением орфографии русского издания):

Суеверное мнение, что пятница есть несчастный день, было свойственно не одному Найтгеду: оно сохранилось более или менее между мореходцами до наших дней. Один образованный купец из Коннектикута желал, с своей стороны, способствовать к истреблению сего предрассудка, иногда весьма вредного. Он заложил постройку корабля в пятницу; спустил его на море в пятницу, назвал его пятницей, наконец, в пятницу отправил его в первое путешествие. По несчастию для сего благонамеренного покушения, и корабль, и экипаж никогда не возвращались назад и пропали без вести!²⁶

Таким образом проясняется механизм того, как «образованный купец из Коннектикута» постепенно становится анонимным американским купцом, а затем растворяется в устной легенде, так, что остаются только некие моряки — сначала американские, а потом английские. Судно «Пятница» превращается в английское и «приписывается» в королевскому военно-морскому флоту, а случайно упомянутый негр-повар по имени Пятница становится на каком-то этапе специально найденным для этого случая и нанятым на корабль капитаном Джеймсом Фрайдеем (т.е. Пятницей).

²³ [Без назв.]. Selected Miscellany // Southern Rose Bud [Charleston, South Carolina]. 1835. 21 March. P. 118. По информации Б. Тэйлор-Блейк, уже в 1828 году вышла статья, пересказывающая эту легенду и упоминающая «образованного купца из Коннектикута» в газете 'The New York Mirror', однако точная ссылка на источник отсутствует [30].

²⁴ Cooper F. The Red Rover. A Tale. In three volumes. Paris, 1827.

²⁵ Cooper F. The Red Rover. V. II. P. 187.

²⁶ Купер Ф. Красный морской разбойник. Повесть. Перевела с английского А.И. Часть II. СПб., 1832. С. 269–270.

Неясным остается только, откуда мог об этой легенде узнать сам Хармс.

В записных книжках нет следов чтения Ф. Купера, однако мы знаем, что с его творчеством Хармса познакомил отец. В дневниках И.П. Ювачева есть две записи (27 и 29 октября 1917 года) о том, что он читал сначала Даниилу, а затем — ему вместе с Н.И. Колюбакиной повесть Ф. Купера «Зверобой» [20, с. 495, 497]. Хармсу тогда еще не было 12 лет, однако такие тексты запоминаются хорошо, кроме того, это, вероятно, свидетельствует о том, что книги Ф. Купера были в отцовской библиотеке. В результате, в текстах Хармса для детей присутствует целый пласт «индейской» темы, а один из персонажей неопубликованной при его жизни повести «Перо Золотого Орла» — это школьник, а на самом деле, — индеец, великий вождь араукасов Чин-гак-хук» (то есть — в современной транслитерации — Чингачгук, герой целого ряда произведений Ф. Купера)²⁷. Причем целый ряд слов из составляемого им «индейского словаря» заимствован из словарика, приложенного к «Песни о Гайавате» Г. Лонгфелло (в переводе И. Бунина). Кроме того, Хармс упоминает, что в свое время он и сам культивировал для себя «позу индейца»:

Когда-то у меня была поза индейца, потом Шерлока Холмса, потом йога, а теперь раздражительного неврастеника. Последнюю позу я бы не хотел удерживать за собой [16, т. 2, с. 128; ЗК 32. Л. 2].

Поскольку мы не знаем, что именно и в каких изданиях Ф. Купера читал Хармс, сложно делать предположения, был ли он знаком с романом «The Red Rover» (поскольку по-английски Хармс не читал, можно говорить только о переводах). Сложность усиливается в связи с тем, что практически во всех изданиях перевода романа (а их было немало в период с 1832 по 1909 годы) указанное авторское примечания опускалось. Оно присутствует только в трехтомном издании «Красного морского разбойника» 1832 года²⁸. Читал ли его Хармс и, если читал, то когда, — неизвестно. Но тот факт, что Хармс не упоминает «капитана Пятницу», видимо, доказывает, что в первой половине XX века в русском варианте легенда восходила именно к этому изданию романа Ф. Купера.

²⁷ Об «индейской» теме у Хармса см.: [7, с. 163–166].

²⁸ Б. Тэйлор-Блейк явно ошибается, когда пишет, что Ф. Купер якобы включил это примечание лишь в 1834 году при доработке текста романа [30].

Литература

1. *Беленькая А.С.* Поездка в Ляды. М.: Знак, 2011. 320 с.
2. *Биневиц Е.М.* Вот будешь как Бер Левин // Ами. (СПб.) 1991. № 20–21 (28–29). С. 8–9.
3. *Биневиц Е.М.* Плечом к плечу с читателем // До последней минуты... Л.: Лениздат, 1983. С. 136–140.
4. *Богомолов Н.А.* Талант двойного зренья // Вопросы литературы. 1989. № 2. С. 116–142.
5. *Введенский А.* Полное собрание сочинений: в 2 т. М.: Гилея, 1993. Т. 2. 271 с.
6. Даниил Хармс глазами современников. Воспоминания, дневники, письма / под ред. А.Л. Дмитренко, В.Н. Сажина. СПб.: Вита Нова, 2019. 528 с.
7. *Кобринский А.* Даниил Хармс. 2-е изд., испр. и доп. М.: Молодая гвардия, 2009. 512 с.
8. *Маггид Д.* О древней еврейской музыке и о псалмодии евреев // De musica. 1927. Вып. 3. С. 140–154.
9. *Мирочник Е.В.* Нужное чтение. 1000 новых интересных фактов для ума и развлечения. СПб.: Питер, 2014. 144 с.
10. *Моор П. де.* Великие первооткрыватели: от походов за сокровищами до исследования Солнечной системы / пер. с нидерландского И. Трофимовой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2020. 152 с.
11. Рабби [Иосиф Ицхак] Шнеерсон = [Rabbi Y.Y. Schneerson] / сост. и пер. Д. Гуревич; отв. ред. М. Левин. Brooklin (New York): Friends of Refugees of Eastern Europe, 1980. 320 с.
12. *Соловьев В.С.* Собрание сочинений. СПб.: Общественная польза, 1907. Т. 9. 55 + 261 с.
13. *Хаздан Е.В.* Давид Маггид. «Библейские акценты»: история одной публикации // Временник Zubovskogo instituta. 2012. № 8. С. 58–73.
14. *Хаздан Е. В.* Нигун как явление традиционной музыкальной культуры: На материале общины «ХаБаД Любович». Автореферат диссертации... кандидата искусствоведения. М., 2008. 24 с.
15. *Хармс Д.* Полное собрание сочинений / сост. В. Сажин, Ж.-Ф. Жаккар; примеч. В. Сажина. СПб.: Академический проект, 1997–2002.
16. *Хармс Д.* Полное собрание сочинений. Записные книжки. Дневник / сост. В. Сажин, Ж.-Ф. Жаккар; примеч. В. Сажина: в 2 кн. СПб.: Академический проект, 2002.
17. *Шодем Г.* Основные течения в еврейской мистике. М.: Мосты культуры, 2004. 510 с.
18. *Шубинский В.* Другие обэриуты // Новый мир. 2018. № 4. С. 163–189.
19. *Шубинский В.* Даниил Хармс. Жизнь человека на ветру. СПб.: Вита Нова, 2008. 775 с.
20. *Ювачев И.П.* Собрание дневников в десяти книгах / изд. подготовил Н.М. Кавин. М.: Галеев-Галерея, 2019. Кн. 7 (1915–1917). 623 с.
21. *Binevich E.* A lebediker denkmol // Sovetish heymland. 1978. № 5. С. 148–154. (На идише).
22. *Eyers J.* Don't Shoot the Albatross! Nautical Myths and Superstitions. A&C Black, 2012. 96 p.
23. *Idelsohn, A.Z.* Jewish Music in its Historical Development. New York: Henry Holt and Company, 1929. 480 p.

24. *Koskoff E.* Music in Lubavitcher Life. Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 2000. 248 p.

25. *Levin I.* The Collision of Meanings: the Poetic Language of Daniil Kharms and Aleksandr Vvedenskij. University of Texas, 1986. 240 p.

26. Muzikalisher pinkas: nigunim-zamlung fun yidishn folks-oytser mit tekst un derklerungen gezamlt fun A.M. Bernshteyn. Vilne: Yidisher histor-etnografi sher gez. oyf der nomen fun Sh. An-ski, 1927. 220 p. (На идише).

27. Sefer hanigunim, Book of Chasidic songs . Ed . by Rabbi Samuel Zalmanoff. Nichoach. Brooklyn. Vol. 1. 1948. 263 p.

28. Sefer hanigunim, Book of Chasidic songs . Ed . by Rabbi Samuel Zalmanoff. Nichoach. Brooklyn. Vol. 2. 1950. 284 p.

29. Sefer Hanigunim: Book of Chabad. Chasidic Melodies, ed. S. Zalmanoff , vol.3 , Kfar Chabad, [1980]. 412 p.

30. *Taylor-Blake B.* Thank God It's Not HMS 'Friday' // Foaftale News. Newsletter of the International Society for Contemporary Legend Research. № 64. April 2006. P. 2–6.

Research Article

Annotating Kharms

© 2021, Aleksandr A. Kobrinsky

*Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russia*

Abstract: The paper is dedicated to the quest for the sources of the two notes made by Daniil Kharms in his notebooks and dated May 1927 and July 1933. The first one is devoted to someone “great Rebbe from Liadi”: Kharms was going to get his book with musical score from Doibver Levin. The motif in question is the arba bavot nigun, also called “the great nigun”, ascribed to Schneur Salman Schneerson von Liadi, the founder of Liubavich Hasid dynasty, The paper analyses the “magic” context of Kharms interest in nigun (which, according to the followers of Habad, could influence reality) and the circumstances of the hypothetic visit of Levin, Kharms and Bekhterev to the sixth Liubavich Rebbe Joseph Yitzhak Schneerson, who was then residing in Leningrad. The second part of the paper is dedicated to the origins of Kharm’s note on the ship “Pyatnitsa” (“Friday”) allegedly created to fight superstitions. It is demonstrated that the form of the legend written down by Kharms points to its direct source — Fenimore Cooper’s novel *The Red Rover*. However the Russian source could have been the first edition of the novel that contained the author’s note telling the legend; this note was withdrawn from all later reeditons.

Keywords: notebooks; annotation; Daniil Kharms; Schneur Salman Schneerson von Liadi; arba bavot nigun; Joseph Yitzhak Schneerson; Fenimore Cooper; HMS Friday.

Information about the author: Alexandr A. Kobrinsky, DSc. In Philology, the lawyer, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of

Sciences, Makarov Emb., 4, 199034. St. Petersburg, Russia. ORCID ID <https://orcid.org/0000-0001-6980-4232>. E-mail: 0-01-0 @list.ru.

For citation: Kobrinsky A. “Annotating Kharms”. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (19), 2021, pp. 335–353. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-335-353>

References

1. Belen'kaia, A.S. *Poezdka v Liadi* [*Travel to Liadi*]. Moscow, Znack publ., 2011. 320 p. (In Russ.)
2. Binevich, E.M. “Vot budesh' kak Ber Levin” [You Will Be Like Ber Levin]. *Ami*, no 20–21 (28–29), 1991, pp. 8–9. (In Russ.)
3. Binevich, E.M. “Plechom k plechu s chitatelem” [“Shoulder to shoulder with the reader”]. *Do poslednei minuty...* [*Till the Last Moment...*] Leningrad, Lenizdat publ., 1983. pp. 136–140. (In Russ.)
4. Bogomolov, N.A. “Talent dvoynogo zren'ia” [“Talent of double vision”]. *Voprosy literatury*, no 2, 1989, pp. 116–142. (In Russ.)
5. Vvedenskii, A. *Polnoe sobranie sochinenii: v 2 t.* [*Complete Works: in 2 vols*]. Moscow, Gileia publ., 1993, vol. 2. 271 p. (In Russ.)
6. Daniil Kharms glazami sovremennikov. *Vospominaniia, dnevniki, pis'ma* [Daniil Kharms viewed by his contemporaries. *Memories, journals, letters*], ed. A.L. Dmitrenko, V.N. Sazhin. Saint-Petersburg, Vita Nova publ., 2019. 528 p. (In Russ.)
7. Kobrinsky, A. *Daniil Kharms. 2-e izd., ispr. i dop.* [Daniil Kharms. 2nd enl. ed.]. Moscow, Molodaia gvardiia publ., 2009. 512 p. (In Russ.)
8. Maggid, D. “O drevnei evreiskoi muzyke i o psalmodii evreev.” [“On old Hebrew music and psalms”]. *De musica*, issue 3, 1927, pp. 140–154. (In Russ.)
9. Mirochnik, E. V. *Nuzhnoe chtenie. 1000 novykh interesnykh faktov dlia uma i razvlecheniia* [*Necessary reading. 1000 new interesting facts for intellect and entertainment*]. Saint-Petersburg, Piter publ., 2014. 144 p. (In Russ.)
10. Moor, P. de. *Velikie pervootkryvateli: ot pokhodov za sokrovishchami do issledovaniia Solnechnoi sistemy* [*Great pioneers: from expeditions in search of treasures up to investigations of the Solar system*], transl. by I. Trofimova. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber publ., 2020. 152 p. (In Russ.)
11. Rabbi [Iosif Itskhak] Shneerson = [Rabbi Y.Y. Schneerson], comp, transl. D. Gurevich, ed. M. Levin. Brooklin, New York, Friends of Refugees of Eastern Europe, 1980. 320 p. (In Russ.)
12. Solov'ev, V.S. *Sobranie sochinenii* [*Collected Works*]. Saint-Petersburg, Obshchestvennaia pol'za publ., 1907, vol. 9. 55 + 261 p. (In Russ.)
13. Khazdan, E.V. “David Maggid. ‘Bibleiskie aktsenty’: istoriia odnoi publikatsii” [“David Maggid. ‘Biblical accents: A history of a publication”]. *Vremennik Zubovskogo instituta*, no 8, 2012, pp. 58–73. (In Russ.)
14. Khazdan, E. V. *Nigun kak iavlenie traditsionnoi muzykal'noi kul'tury: Na materiale obshchiny “KhaBaD Liubavich”. Avtoreferat dissertatsii... kandidata iskusstvovedeniia* [*Nigun as a phenomenon of a traditional musical culture: on the material of KhaBaD Liubavich community. Synopsis of a PhD in Arts thesis*]. Moscow, 2008. 24 p. (In Russ.)

15. Kharms, D. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], comp. V. Sazhin, Zh.-F. Zhakkar, comm. V. Sazhin. Saint-Petersbrg, Akademicheskii proekt publ., 1997–2002. (In Russ.)
16. Kharms, D. *Polnoe sobranie sochinenii. Zapisnye knizhki. Dnevnik: v 2 kn.* [Complete Works. Notebooks, Journal: In 2 books], comp. V. Sazhin, Zh.-F. Zhakkar, comm. V. Sazhin. Saint-Petersbrg, Akademicheskii proekt publ., 2002. (In Russ.)
17. Sholem, G. *Osnovnye techeniia v evreiskoi mistike* [The Main currents in mysticism]. Moscow, Mosty kul'tury publ., 2004. 510 p. (In Russ.)
18. Shubinskii, V. “Drugie oberiuty” [“Other oberiuts”]. *Novyi mir*, no 4, 2018, pp. 163–189. (In Russ.)
19. Shubinskii, V. *Daniil Kharms. Zhizn' cheloveka na vetru* [Daniil Kharms. A Life of a Man in the wind]. Saint-Petersburg, Vita Nova publ., 2008. 775 p. (In Russ.)
20. Iuvachev, I.P. *Sobranie dnevnikov v desiati knigakh* [Collected journals in nine books]. Book 7 (1915–1917), ed. N.M. Kavin. Moscow, Galeev-Galereia publ., 2019. 623 p. (In Russ.)
21. Binevich, E. A. “Lebediker denkmol.” *Sovetish heymland*, no 5, 978, pp. 148–154. (In Yidd.)
22. Evers, J. *Don't Shoot the Albatross! Nautical Myths and Superstitions*. Edinburg, A&C Black. 2012. 96 p.
23. Idelsohn, A.Z. *Jewish Music in its Historical Development*. New York: Henry Holt and Company, 1929. 480 p.
24. Koskoff, E. *Music in Lubavitcher Life*. Urbana and Chicago, IL: University of Illinois Press. 2000. 248 p.
25. Levin, I. *The Collision of Meanings: the Poetic Language of Daniil Kharms and Aleksandr Vvedenskij*. Austin, TX: University of Texas, 1986. 240 p.
26. *Muzikalisher pinkas: nigunim-zamlung fun yidishn folks-oytser mit tekst un derklerungen gezamlt fun A.M. Bernshteyn*. Vilne: Yidisher histor-etnografi sher gez. oyf der nomen fun Sh. An-ski, 1927. 220 p. (In Yidd.)
27. *Sefer hanigunim, Book of Chasidic songs*, vol.1, ed. Rabbi Samuel Zalmanoff. Nichoach. Brooklyn, 1948
28. *Sefer hanigunim, Book of Chasidic songs*, vol. 2, ed. by Rabbi Samuel Zalmanoff. Nichoach. Brooklyn, 1950.
29. *Sefer Hanigunim. Book of Chabad. Chasidic Melodies*, vol. 3, ed. S. Zalmanoff, vol.3, Kfar Chabad, [1980].
30. Taylor-Blake, B. “Thank God It’s Not HMS ‘Friday’.” *Foaftale News. Newsletter of the International Society for Contemporary Legend Research*, no 64, April 2006, pp. 2–6.

ИЗ ЗАМЕТОК КОММЕНТАТОРА Булгаков, Есенин, Олейников

© 2021, Олег Лекманов

Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики, Москва, Россия

Аннотация: В статье предложены опыты точечного комментирования трех текстов 1920-х годов: рассказа Михаила Булгакова «Красная корона», поэмы Сергея Есенина «Черный человек», двустихия «Детские стихи» Николая Олейникова. По мнению автора статьи, апокалиптический подтекст рассказа Булгакова определил и неслучайный выбор номера комнаты рассказчика — № 27, соответствующий порядковому номеру «Откровения святого Иоанна Богослова» в составе «Нового Завета». Источник есенинской рифмы «наокверкала / зеркало» обнаруживается не в стихах Л.А. Мея, как по традиции принято было указывать, а в биографических рассказах о Мее, приписывающих ее, по всей видимости, поэту Н.Ф. Щербине. Повод Олейникову вписать в домашний альманах Корнея Чуковского стишок про зайчика автор статьи видит в незадолго до этого вышедшей книжке Н.К. Чуковского «Звериный кооператив», аллюзия на которую объясняет и выбор темы стихов и их «семейную» приуроченность.

Ключевые слова: научный комментарий; литературные подтексты; художественная деталь; литературные источники; М. Булгаков; С. Есенин; Н. Олейников; Чуковские.

Информация об авторе: Олег Андершанович Лекманов — доктор филологических наук, профессор Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, Мясницкая ул., 20, Москва, 101000, г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://0000-0003-0784-5930>. E-mail: lekmanov@mail.ru.

Для цитирования: Лекманов О.А. Из заметок комментатора. Булгаков, Есенин, Олейников // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 354–361. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-354-361>

*Памяти Николая Алексеевича Богомолова,
который был виртуозом этого жанра*

ПАЛАТА № 27 В РАССКАЗЕ БУЛГАКОВА «КРАСНАЯ КОРОНА»

Ключом к раннему рассказу Михаила Булгакова «Красная корона» (1922), по-видимому, следует считать второй эпиграф к булгаковскому же роману «Белая гвардия» (1923), представляющий собой двенадцатый стих двадцатой главки «Откровения святого Иоанна Богослова»: «И судимы были мертвые по написанному в книгах сообразно с делами своими...». «Красную корону» Булгаков написал в преддверии начального этапа работы над романом. И там, и там трагические пореволюционные события подсвечены апокалиптической подсветкой.

В «Красной короне» это сделано так: рассказ густо насыщен мотивами, которые можно воспринимать и как сугубо бытовые реалии эпохи (или вечные природные приметы), и как адаптированные к современности знаки наступившего Апокалипсиса. Это мотивы *солнца* («Больше всего я ненавижу солнце» [1, с. 443]), *печати* («Я знаю много случаев, когда люди оставались живы только благодаря тому, что у них нашли в кармане бумажку с круглой печатью» (Там же)), *зверя* («— Господин генерал, вы — зверь!» [1, с. 444]), *всадника* («Всадник — брат мой, в красной лохматой короне, сидел неподвижно на взмыленной лошади» [1, с. 446]), *крови* («Два красных пятна с потеками были там, где час назад светились ясные глаза...» (Там же)) и *адовой муки* («...в ту же ночь, чтобы усилить мою адову муку, все ж таки пришел, неслышно ступая, всадник в боевом снаряжении и сказал, как решил мне говорить вечно...» [1, с. 447]).

Подсказку же — в каком ключе ему следует воспринимать все дальнейшее — идеальный читатель получает уже в самом зачине рассказа:

Больше всего я ненавижу солнце, громкие человеческие голоса и стук. Частый, частый стук. Людей боюсь до того, что, если вечером я заслышу в коридоре чужие шаги и говор, начинаю вскрикивать. Поэтому и комната у меня особенная, покойная и лучшая, в самом конце коридора, № 27 [1, с. 443].

Разумеется, Булгаков, сын доцента Киевской духовной академии, знал и помнил о том, что Новый Завет состоит из двадцати семи книг, и последняя из них, двадцать седьмая — это как раз «Откровение святого Иоанна Богослова». Поэтому, вероятно, он и поселил несчастного нарратора, над которым буквально каждую ночь творится страшный суд, именно в № 27, «в самом конце» (коридора).

«ЗЕРКАЛО» И «(НА)КОВЕРКАЛА» В ПОЭМЕ ЕСЕНИНА «ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК»

Как все, несомненно, помнят, поэма Сергея Есенина «Черный человек» завершается следующими строками:

...Месяц умер,
Синеет в окошко рассвет.
Ах ты, ночь!
Что ты, ночь, наковеркала!
Я в цилиндре стою.
Никого со мной нет.
Я один...
И — разбитое зеркало... [2, с. 193].

В самом авторитетном собрании сочинений поэта комментарий к этим строкам начинается так:

См. эпизод, рассказанный П.И. Чагиным об этой рифме и стихотворении Мея (относится к 1924–1925 гг.), когда Есенин, скорее всего, «проверял» свою поэтическую находку: «Как-то меня спросил Сергей Александрович, какая может быть рифма к слову «зеркало». Я подумал и сказал ему, что у Мея есть стихи:

Посмотрись, разбойник, в зеркало,
Эк те рожу исковеркало.

Сергей применил эту рифму в «Черном человеке». В его душе уже тогда, видимо, бродили трагические, самобичующие строки этой поэмы». (Чагина М.А. У истоков «Персидских мотивов» — газ. «Лит. Россия», М., 1970, 2 окт., № 40, с. 10—11) [2, с. 717–719].

Какое стихотворение Мея цитировал Чагин? Никакое. Когда он разговаривал с Есениным, то просто забыл, что приведенное двустишие взято не из произведения Мея, а из предисловия В.Р. Зотова к его полному собранию сочинений, где сначала приводится шуточное четверостишие Мея:

Молодая суеверка ли
Выйдет ночью на крыльцо,
Чтоб увидеть в чистом зеркале
Молодой луны лицо¹,

а уже к нему сделано подстрочное примечание Зотова: «Друг Мея написал на это слово более реальное двустишие: “Посмотрись, разбойник, в зеркало: Эк — те рожу исковеркало...”»².

Благодаря Владимиру Байкову, поместившему на сайте «Проза.Ру» заметку «Об истории рифмы к слову “зеркало”»³, мы можем с большой долей уверенности предположить, кто был этим самым «другом Мея». Байков цитирует большой фрагмент очерка Григория Данилевского «Из литературных воспоминаний», в котором подробно рассказывается о встрече Данилевского с приятелем Мея, поэтом Николаем Щербиной и по памяти приводится его реплика, прозвучавшая в ответ на сожаление о том, что в русском языке нет рифмы к слову «зеркало»: «— Рифма на зе... зе... “зеркало” есть! — сильно заикаясь и сердито пуча глаза, громко проговорил он, — как не быть! мудрости тут нет никакой... “зеркало” — “исковеркало”...»⁴.

ИСТОЧНИК «ДЕТСКИХ СТИХОВ» ОЛЕЙНИКОВА

25 апреля 1926 года Николай Олейников вписал в знаменитый альбом Корнея Ивановича Чуковского «Чукоккала» двустишие под названием «Детские стихи»:

Весел, ласков и красив,
Зайчик шел в коператив [3, с. 14].

¹ *Мей Л.А.* Полное собрание сочинений: в 5 т. СПб., 1887. Т. 1. С. XIV.

² Там же.

³ См.: <https://proza.ru/2011/03/12/1658> (дата обращения 16.01.2021).

⁴ Сочинения Г.П. Данилевского: в 9 т. СПб., 1892. Т. 6. С. 337.

Это двустишие стало одним из первых образцов взрослого поэтического творчества Олейникова. Спустя восемь лет и четыре месяца Николай Макарович полностью процитировал его в статье «На дошкольную тему» и сопроводил следующим ироническим комментарием:

Эти стихи можно выставить в качестве лозунга для огромного большинства дошкольных книг. Во-первых, они жизнерадостны (слово «весел»). Во-вторых, они соответствуют детским запросам (слово «зайчик»). Наконец, они безусловно советские, так как в них есть слово «кооператив»⁵.

Но зачем было записывать «Детские стихи» именно в альбом Чуковского?

Сам владелец «Чукоккалы» впоследствии объяснял это так:

Когда меня, как детского писателя, порицали за то, что в моих сказках нет актуальной тематики, Олейников пришел мне на помощь, написав две образцовые строки, причем порекомендовал мне писать именно в этом духе [6, с. 487].

Однако для появления олейниковского двустишия имелся и вполне конкретный повод, о котором Чуковский то ли не вспомнил, то ли не захотел вспоминать.

Дело в том, что в 1925 году сын Корнея Ивановича и тогдашний близкий приятель Олейникова Николай Чуковский выпустил в московском издательстве «Центросоюз» детскую книжку в стихах «Звериный кооператив». Она представляла собой вольный перевод снабженной стихотворными подписями серии комиксов Леонарда Роберта Брайтуэлла (1889–1962) «The Animals Co-Op and Oswald & Oliver The Cosy Co-Opers», о чем на обложке «центросоюзовского» издания сообщалось так: «С рисунками английского художника Л.Р. Брайтуэлла». А чуть выше было указано: «Под редакцией К.И. Чуковского».

Лесные звери в книжке Николая Чуковского, протестуя против ценового произвола «жадного купца», объединялись в кооператив и в итоге праздновали победу над частниками:

⁵ Олейников Н. На дошкольную тему // Литературный Ленинград. 1934. 27 августа. С. 3.

«Не нужны купчины!»
Мы споем, открыв
Собственный, звериный
Кооператив [5, с. 5].

Обложка кн. «Звериный кооператив», 1925.
Zverinyi kooperativ [Animal cooperative], 1925. Book cover.

То есть, книжечка сына под редакцией отца являла собою выразительный образец стихотворной агитки за кооперативы, предназначенной для детей и их родителей и написанной по заказу крупнейшей организации, объединившей все союзы потребительской кооперации — Центросоюза.

«Зайчик» в «Зверином кооперативе» не упоминается ни разу, однако его изображение работы Брайтуэлла легко отыскивается на коллективном портрете упивающихся радостями кооперации зверей, помещенном на восьмой странице книжки Николая Чуковского.

Рискуем предположить, что ядовитый стихотворный намек Олейникова на «Звериный кооператив», помещенный в «Чукоккале», мог болезненно задеть мнительного и весьма склонного к мучительной саморефлексии Корнея Ивановича. Во всяком случае, две олейниковские строки он помнил наизусть и через два с половиной года после того, как их прочитал. В январе 1929 года Чуковский писал Самуилу Маршаку:

Зачем-то устраивается пленум по детской литературе. Выступать я не буду. Если бы я выступил, я обратился к юным поэтам с единственным вопросом: отчего вы так бездарны? Эта речь была бы очень короткая — но больше мне нечего сказать. Я, конечно, во всякое время мог бы складывать вот такие стишки:

Весел, ласков и красив —
Зайчик шел в кооператив,

но этого мне не позволяет моя литературная совесть [4, с. 627].

Литература

1. Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 1. 622 с.
2. Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. М.: Наука – Голос, 1998. Т. 3: Поэмы. 719 с.
3. Олейников Н. Служение науке: Полное собрание поэтических произведений. СПб.: Вита Нова, 2016. 416 с.
4. Чуковский К. Собрание сочинений: в 15 т. М.: Терра, 2001. Т. 2. 640 с.
5. Чуковский Н. Звериный кооператив. М.: Центросоюз, 1925. 36 с.
6. Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского. М.: Русский путь, 2006. 584 с.

Research Article

NOTES OF A COMMENTATOR Bulgakov, Esenin, Oleinikov

© 2021. Oleg A. Lekmanov

National Research University "Higher School of Economics",
Moscow, Russia

Abstract: The paper offers a selective critical commentary on the three texts of the 1920s: Mikhail Bulgakov's short story *Red Crown*, Sergey Esenin's poem *Black Man*, Nikolay Oleinikov's distich *Children's Verses*. According to the author of the article, apocalyptic subtext of Bulgakov's short story defined the room number of the narrator – 27: it corresponds to the number of the Book of Revelation in the New Testament. The source of Esenin's rhyme "nakoverkala / zerkalo" (deformed / mirror) can be found not in L.A. Mey's verses (as commentators used to note), but in the biographical stories about Mey, where it is ascribed to the poet N.F. Shcherbina. The author of the article thinks that Oleinikov wrote his verse about the little hare in Kornei Chukovskii's family almanac referring to the recently published N.K. Chukovskii's book *Animal Cooperative*. It explains the choice of the topic and the domestic confinedness of the verse.

Keywords: commentary; literary subtexts; poetic detail; literary sources; M. Bulgakov; S. Esenin; N. Oleinikov; Chukovskii.

Information about the author: Oleg A. Lekmanov — DSc in Philology, Professor, National Research University "Higher School of Economics", Myasnitskaia 20, 101000, Moscow, Russia. ORCID ID: <https://0000-0003-0784-5930>. E-mail: lekmanov@mail.ru.

For citation: Lekmanov, O.A. "Notes of a Commentator: Bulgakov, Esenin, Oleinikov." *Literaturnyi fakt*, no. 1 (19), 2021, pp. 354–361. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-354-361>

References

1. Bulgakov, M.A. *Sobranie sochinenii: v 5 t. [Collected Works: in 5 vols]*, vol. 1. Moscow, Khudozhestvennaia literature publ., 1989. 622 p. (In Russ.)
2. Esenin, S.A. *Polnoe sobranie sochinenii: v 7 t. [Complete Works: in 7 vols]*, vol. 3 "Poemy" ["Poems"]. Moscow, Nauka – Golos publ., 1998. 719 p. (In Russ.)
3. Oleinikov, N. *Sluzhenie nauke: Polnoe sobranie poeticheskikh proizvedenii [Serving the science: Complete poems]*. Saint-Petersbutg, Vita Nova publ., 2016. 416 p. (In Russ.)
4. Chukovskii, K. *Sobranie sochinenii: v 15 t. [Collected works: in 15 vols]*, vol. 2. Moscow, Terra publ., 2001. 640 p. (In Russ.)
5. Chukovskii, N. *Zverinyi kooperativ [Animal cooperative]*. Moscow, Tsentrosioiuz publ., 1925. 36 p. (In Russ.)
6. *Chukokkala: Rukopisnyi al'manakh Korneia Chukovskogo [Chukokkala: Kornei Chukovskii's handwritten almanac]*. Moscow, Russkii put' publ., 2006. 584 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 20.01.2021

Дата публикации: 25.03.2021

The article was submitted: 20.01.2021

Date of publication: 25.03.2021

Из именового указателя к Записным книжкам Ахматовой: Два персонажа из богомолковского списка

© 2021, Р.Д. Тименчик

Еврейский университет, Иерусалим, Израиль

Аннотация: Статьи из авторского цикла «Из Именового указателя к «Записным книжкам» Ахматовой» демонстрируют опыт экстенсивного комментария к ахматовским рабочим записям, организованного вокруг имен персонажей, занесенных на страницы ее блокнотов, своеобразной вольной ахматовской энциклопедии, где в ономастиконе совмещены разные времена ее долгой жизни. Комментарий такого рода выхватывает репрезентативные фрагменты эпохи Ахматовой, но степень присутствия разных персон в именнике, а то и их отсутствие, не всегда отражают их вес в ахматовской биографии. Данная статья посвящена двум поэтам — Юрию Верховскому и Александру Тинякову (последний выступал в печати и как литературный критик с оценками стихов Ахматовой), героям ряда исследований и публикаций покойного Н.А. Богомолова, память которого посвящается статья.

Ключевые слова: Анна Ахматова; Юрий Верховский; Александр Тиняков; комментарий; записные книжки; биографика.

Информация об авторе: Роман Давидович Тименчик — кандидат филологических наук, профессор, Еврейский университет, НУИ, Иерусалим 91904, Израиль. E-mail: suzirom@gmail.com.

Для цитирования: Тименчик Р.Д. Из Именового указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: Два персонажа из богомолковского списка // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 362–381.

<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-362-381>

На протяжении последних сорока что ли лет мы с Колей Богомолковым все время работали с оглядкой друг на друга, с настороженным вниманием, с подхватами, подсказками, рывками на опережение и неизменно — с профессиональной солидарностью.

Для нынешней выборки из комментарийного свода к рабочим блокнотам Ахматовой [11], представляющего из себя «именной

указатель, построенный как словарь, где справка об упомянутом лице может занимать 10–12–15 страниц» [4, с. 253], который Н. Богомолов всемерно устно и печатно поддерживал, извлечены те имена, для справок о которых едва ли не решающее значение имели богомоловские находки и огласки, корректировавшие направление изложения и дозировавшие крен тональности. Это, например, относится к впервые им обнародованному в 1989 г. стихотворению Ю.Н. Верховского и тоже, видимо, одним из первых в СССР после 1925 года перепечатанному стихотворению Тинякова. Публикация эта восходила к впечатляющему замыслу, связанному с несостоявшимся ахматовским томом «Литературного наследства». В январе 1983 г. он писал мне:

Здесь я время от времени посещаю «Лит. наследство» и веду разговоры о теме «Ахматова в литературе» (пока что стараясь не ограничиваться только поэзией, а включая сюда и пародии, и прозу, и все, что попадает). Зильберштейн посмотрел уже имеющиеся у меня материалы, они ему, как кажется, понравились, и он дал добро на написание вот такого обзора. Но он ничего не мог сказать мне относительно намерений [Е.Б.] Рейна и [Н.И.] Крайневой. Не в курсе ли Вы, чем они заняты и в каком виде все это находится? Сначала, вроде бы, был разговор, что они готовят только альбом «В ста зеркалах» из Публички, потом Саша Парнис сказал, что, по его мнению, они готовят публикацию, аналогичную геллеринской в блоковском томе... Дело в том, что у меня накоплен уже достойный материал (не пятьсот, конечно, как было у [С.В.] Дедулина, но штук двести) стихотворений, посвященных А.А., причем порядочно неопубликованных. Было бы обидно делать из этого публикацию какого-либо типа — а я хотел бы создать что-то типа обзора, подобного тому, какой когда-то для пушкинского тома сделал И.Н. Розанов — только для того, чтобы попасть с ней впросак, потому что кто-то другой сделал то же самое. <...> Да, вспомнил, что был у меня еще разговор с Зильберштейном по поводу раздела «Ахматова в неизданной переписке современников». Думаю, что его тоже лучше выяснить с Вами. Делается ли что-то в этом направлении? Если да, то рад буду поучаствовать то ли отдельными вкладками, то ли просмотром каких-то массивов переписки, хранящихся в Москве и до которых руки не доходят у Вас или кого-то еще.

И спустя полгода: «...не знаю окончательно, что получится из задуманного обзора, поскольку в ГПБ меня не только не допустили

к фонду Ахматовой, но даже не показали опись его, несмотря на письмо Зильберштейна».

Между тем, не только свершенным, но и качеством не реализовавшихся по внешним причинам замыслов, измеряется место ученого в истории гуманитарной науки.

Верховский Юрий Никандрович (1878–1956) — поэт, переводчик, литературовед. Назван в числе поэтов, которым благоволил Вяч. Иванов (об их взаимоотношениях см.: [13; 23; 25; 26] и др.):

«В самом деле В.Иванов [любил и] покровительствовал Верховскому, Бородаевскому и Скалдину, которых он действительно любил, но никак не мог их лансировать» [11. с. 80]. «В I-ый период была на башне и проакадемия, при мне только “верные” (Скалдин, Верховский, Бородаевский, Княжнин...), и Вяч<еслав> витийствовал в “Академии стиха”» [11. с. 153], «несколько слов Вяч<еслава> Иванова в Академии стиха ничего не значили, пот<ому> что “своих” (Скалдина, Верх<овского>, Бородаевского) он хвалил гораздо красноречивее без малейшего результата» [11. с. 453].

Здесь, вероятно, Ахматова вторит Гумилеву: «Николай Степанович говорил постоянно о Вяч. Иванове — его любимая тема такого разговора была — о том, что Вячеслав покровительствует бездарной молодежи — Верховскому, Бородаевскому и другим; что он хочет себе подчинить всех, что это невыносимо и мучительно. И это было мучительно для Николая Степановича» [16, с. 23].

Одна выписка сделана для замысла «В ста зеркалах» — собрания стихотворений, посвященных Ахматовой (следом за ней идут цитаты из адресованных Ахматовой стихотворений В.К. Шилейко):

«(Недоброво 11.2.16)

(А<хматовой>)

Странную едкую радость доставило мне, что Верховский
Мне сегодня прислал кипу стихов для тебя
Смесь дву... чувств потемки» [11, с. 583]

Как явствует из сравнения выписки с нижеописанным ее источником (конвертом), Ахматова допустила опisku в дате и не смогла прочесть цитируемый текст. Текстологическое описание последнего: «автограф Недоброво — стихотворение, обращенное к Ахматовой; оно написано на конверте, в который, вероятно, была вложена книга стихотворений Ю. Верховского. Эта бандероль была послана Ю. Верховским из Тифлиса в феврале 1914 г. в Петербург Недоброво; на конверте имеется запись Верховского: “с просьбой доставить Анне Андреевне Ахматовой”. Текст стихотворения Недоброво полустерт

и трудночитаем, приводим его в таком виде, как нам удалось его восстановить и прочесть:

Странную едкую радость доставило мне, что Верховский
< книгу? >

Мне сегодня прислал <кучу> стихов для тебя.

Спесь двусмысленных чувств <по>гешена? Только ли это?
Или в признаньи чужом веры себе я ищущу?

Только <верую> <всякая> радость любимого — в радость!
Всякую радость свою вздохами шлю я к тебе.
11.П.14» [12, с. 117–118].

Мы полагаем, что чтение Ахматовой во втором стихе («кипу») более правдоподобно, чем предположительное «книгу» (а также «кучу», менее ожидаемое у такого «торжественника», как Недоброво). В 1914 году новых книг у Верховского не выходило («Разные стихотворения», 1908; «Идиллии и элегии», 1910; «Стихотворения. Т. 1: Сельские эпиграммы. Идиллии. Элегии», 1917). Вероятно, сопроводительный экспромт написан в тон дистихам, рассылавшимся Верховским из Тифлиса разным друзьям и пародировавшимся, например, в 1913 году Валерием Брюсовым:

Помню, в Германию прежде слал из Италии дивной
Гёте палящий огонь звучных своих эпиграмм.
Нынче — иль нам надоел знакомый размер эпиграммы —
Юрий Верховский томит серией дистихов нас.
Горе! ужели оплачен каждый тот стих гонораром,
Лучше б в саду козодой выл упоительно песнь [6, с. 458].

И скорее всего, конверт некогда в составе бумажной дести гекзаметров Ю. Верховского содержал посвящения Ахматовой, которые и позднее встречаются в его наследии, как, например, обнародованное Н.А. Богомоловым:

Как брызги пенные блистающей волны
Кипят могучею игрой глубинной мощи
И в шелесте листа таинственно слышны
Колблемые ветром роши.

Так Божьего певца один простой запев
Не ведая своей отчизны величавой

От мира вышних сил на землю отлетев
Нам дух поит хвалой и славой.
20 октября 1922 [3, с. 37].

Немного ранее в альбом Ахматовой Верховский написал диптих:

1.

Я не знаю, я не знаю, как
Подойти к тебе и молвить слово.
Все, что я скажу, тебе не ново,
А двоим, ведь слово — тайный знак,
Вящий знак сознания иного.
И в моем сознании ночном
За тебя болею и тоскую:
Как выносишь ношу ты такую?
Иль мое страданье об ином,
Что немного сна не расколдую?

2.

Ах, мне пусто; я не знаю, как
В жизни дальше маяться, слоняться.
А уснешь, и грезишь, как чудак,
Золотые сны — и те не снятся.
Впрочем, сон привычный мой: цветут
Вековые липы в тесном парке;
Меж аллея так луговины ярки,
И тропинки робкие бегут;
Две сбегают вниз — туда, где пруд
(смутно помню) вольно разлегался,
Вдруг весной поднялся и прорвался
Сквозь плотину утлую, ушел;
Поросло дно тучное; остался
Тихий ручеек и влажный дол [17, с. 256].

Другое стихотворение впервые опубликовано В. Калмыковой:

Анне Ахматовой

Всё о том же, всё об одном
Лепечут мои минуты,
Когда, как в краю ином,
Возносятся легким сном

Томленья тяжелой смуты.
И в этом тончайшем сне
Расширяются плавно крылья,
Воздушной неся волне
Уже не трудную мне
Блаженную боль усилья.
А сегодня ночь — забытью
Моему - иная услада:
Всей грудью дышащей пью
Страдальную песнь твою —
И мне ничего не надо.
Усилья былого нет,
Нет в упругом дыханье боли,
И не здешний воздух и свет
Слезами тихо согрет:
Не в своей, а в твоей я воле [9, с. 477]¹.

Некоторые даты встреч Ахматовой и Верховского поддаются установлению.

В 1911 г. А.А. слушала его доклад о Дельвиге [16, с. 28]; она посетила встречу его друзей на квартире его брата [7, с. 255]. 26 ноября 1925 г. он навещал Ахматову:

АА: «Между прочим, Верховский сам заговорил о своей статье о Н.С.: “Как Вам понравилось?” — “Неплохая статья, только Вы знаете, ведь в ‘Колчане’ африканские стихи — ведь это из ‘Мика и Луи’!»». Верховский смутился и сказал: «Да. А ведь я о Мике еще отдельно говорю в другом месте... Да... Вы знаете, со мной это иногда бывает... Это промах...».

АА говорила ему о том, что она берется доказать всякие другие влияния на творчество Н.С., чем те, на которые указывает Верховский в статье...

Верховский согласился и объяснил, что очень торопился, когда делал эту работу, и не мог отнестись к ней очень внимательно...

АА говорила с Верховским обо мне, и он обещал рассказать все, что знает. АА сделала для меня такое примечание по этому поводу: сказала, что мне не нужно, вернее даже не следует, помня, как отзывался сам Н.С. о Верховском (хоть Верховский и не знает этих отзывов), спрашивать его о самом Н.С. и пользоваться его воспо-

¹ О мотиве «ночи» у Ю. Верховского см.: [1].

минаниями. Но я могу расспросить его о Вяч. Иванове, о «башне», об Академии, обо всей обстановке, которую он должен знать.

АА говорила о Верховском без неприязни, но с ироническими иллюстрациями. По-видимому, лично она относится к нему совершенно безразлично... [15, с. 279–280]².

2 мая 1926 г. Верховский писал Ф. Сологубу. «Не откажите поклониться от меня Анне Андреевне, которая, конечно, по-прежнему посещает Вас. Я слишком поздно узнал, что она в Москве, прибежал к ней, когда ее уже не было дома, в день ее отъезда и очень горевал, что не виделись»³.

9 марта 1940 г. он писал Н.Г. Чулковой из Ленинграда: «К Анне Андреевне никак до сих пор не могу собраться, хотя непременно хочу побывать у нее. От общих друзей знаю, что она здорова и деятельна, живет хорошо. Ждут издания ее стихов, но и тут, по-видимому, дело подвигается медленно»⁴.

16 июня 1925 г. Ахматова обсуждала статью «Путь поэта» (1925):

В конце статьи — цитата из Вяч. Иванова. По поводу этой цитаты АА сказала: «Гумилев всю жизнь отряхивался от этого... — для того, чтоб после его смерти нашелся человек, который отнес это к нему. Н.С. ненавидел это».

О тайнописи звуков, о которой так говорили В. Иванов и пр.: АА сказала, что это так читать о тайнописи звуков... А ей, «которая видела кухню, представляется это совсем иначе»... АА была «маленькая и плохо разбиралась...». Но Алексей Толстой читал, неплохие стихи были, у него тогда хорошие стихи были... В. Иванов загубил его. Он под это понятие «тайнописи звуков» не подходил. А Скалдина Вяч. Иванов расхваливал, Верховский подходил под эту тайнопись! Верховский пишет это (цитату), чтоб показать, что Гумилев никуда не ушел от Вяч. Иванова, ничего не сделал!

Предательство Верховского... Нет, как раз не предательство. Он остался верен В. Иванову до конца, это нельзя назвать предательством.

(В цитате — и пр. — кантовские определения.)

АА: «Можно ли их применять к поэзии!» [15, с. 184].

Речь идет о следующем пассаже из статьи Ю.Верховского «Путь поэта»:

² О конфликтных отношениях между Верховским и Гумилевым см.: [10, с. 298].

³ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. №129. Л. 29 об.

⁴ РГАЛИ. Ф. 548. Оп.1. Ед. хр. 452. Л. 3.

Обращаясь к поэтам-идеологам нашего символизма, мы находим в «Заветах символизма» Вячеслава Иванова, прежде всего, определение двух отличительных признаков искусства чисто символического (приводим в извлечении).

1. Сознательно выраженный художником параллелизм феноменального и ноуменального; гармонически найденное созвучие *realia* и *realiora*; означенности соответствий и соотношений между явлением (*nur Gleichniss*) и его умпостигаемую сущностью.

2. Особенная интуиция и энергия слова, каковое непосредственно ощущается поэтом как тайнопись неизреченного, вбирает в свой звук многие, неведомо откуда отозвавшиеся эхо и служит буквами внешнего и иероглифами внутреннего опыта. Разве мы не находим того и другого, по крайней мере, в смысле могущественного тяготения, в поэзии Гумилева?

То же тяготение мы установим, последовательно приложив к его поэтике положения «Мыслей о символизме». Сейчас отметим хотя бы одно — в отношении к Гумилеву-пластику: «Истинному символизму свойственно изображать земное, нежели небесное: ему важна не сила звука, а мощь отзвука» [8, с. 548–549].

Несмотря на решительное ахматовское противопоставление школы Вяч. Иванова и поэзии акмеистов, поверхностное читательское классификаторство склонно было сближать их: «Акмеистическое направление было представлено М. Кузминым, А. Ахматовой, Н. Гумилевым, О. Мандельштамом, С. Ауслендером, Б. Садовским, Ю. Верховским, Л. Столицей, Г. Ивановым, В. Нарбутом, Зенкевичем и др.» [18, с. 333]⁵. Возможно, следствием подобного сближения было неверное ретроспективное зачисление его в объединение «Цех поэтов»: «Было оно в литературном смысле беспартийно. Просто собирались, читали стихи, судили о стихах несколько более специально, нежели это было возможно делать в печати. Посетителями этого первоначального “Цеха” были: Блок, Сергей Городецкий, Георгий Чулков, Юрий Верховский, Н. Клюев, Гумилев, Алексей Толстой, тогда еще не перешедший окончательно на прозу. Были и совсем молодые, начинающие поэты: О. Мандельштам, Нарбут, Георгий Иванов и жена Гумилева — Анна Ахматова»⁶. С подобной аберрацией спорил Максим Кенигсберг: «...от классицизма акме-

⁵ Ср. о Б. Михайловском: «мрачно расставлял декадентов и всех прочих по разрядам их философско-эстетических программ, тонко разбираясь в оттенках» [24, с. 289].

⁶ *Ходасевич В. Гумилев и Цех поэтов // Сегодня. Рига. 1926. 29 августа.*

истов Верховского отличает его стилизация (однако не выходящая за пределы русской классической лирики XIX века). В то время как акмеисты — поэты современного русского языка и современной культуры, Верховский — современник Боратынского и Вяземского, и по языку и по тематике» [14, с. 348].

Правда, в связи с неточными сведениями о близости к Цеху поэтов следует отметить искательное внимание к Ю.Н. Верховскому на каком-то раннем этапе отпадения С. Городецкого от символизма, когда он писал в неподписанной рецензии на «Идиллии и элегии», обругав неназванного С.А. Ауслендера: «Интереснейший стихотворец, простой, но веский, за формой — глубокая задушевность. Некий юркий рецензент, правда, не по стихам, а по жеманностям, уже устроил этой книжке похороны по первому разряду, затопив ее в реку текущей моды»⁷.

Тиняков Александр Иванович (1886–1934) – «поперечный поэт» [22, с. 63], который «обрел устойчивую репутацию второстепенного поэта рус. символизма» [5, с. 211], критик, профессиональный нищий с 1926 года [5, с. 212], автор антисоветских стихов [30, с. 501; 19, с. 70–71].

В списке стихотворений, посвященных Ахматовой из ее альбома, хранившегося в ЦГАЛИ (ныне — РГАЛИ) — с оценкой «пусто» [11, с. 707] — его мадригал сентября 1913 года:

Ты — изначально-утомленная,
Всегда бестрепетно-грустящая,
Всегда безрадостно-влюбленная
И людям беспорывно-мстящая.

Но мне при встречах наших чудится,
Что не всегда ты будешь пленною,
Что сердце спящее пробудится
И хлынет в мир волною пенною.

Что принесет оно: твое страдание?
Иль радость, — страшную и небывалую?

⁷ [Городецкий С.М.]. [Рец. на кн.:] Верховский Юрий. Идиллии и элегии. СПб.: Оры, 1910 // Против течения. 1910. 15 октября.

Но я, предчувствуя твое восстание,-
Тебя приветствую еще-усталую!⁸

21 ноября 1913 г. стихи вписаны в альбом Ф. Фидлера «У меня» (ИРЛИ), а в альбом Ахматовой — 26 января 1914 г. в Царском селе [17, с. 249], включены в подготовленную Э. Голлербахом антологию⁹. Знакомство и первое впечатление зафиксированы в письме Тинякова Б.А. Садовскому от 20 октября 1912 г.: «Я за это время был <...> у Н.С. Гумилева в Царском Селе. Там я познакомился с супругой Гумилева — Анной Ахматовой, с Игорем Северяниным и с Георгием Ивановым. Ахматова — красавица, античная гречанка. И при этом неглупа, хорошо воспитана и приветлива. Комнаты их дома украшены трофеями абиссинских охот Гумилева: черная пантера, леопард, павиан» (частично: [29, с. 61]).

По-видимому, в октябре–декабре 1912 г. Тиняков сблизился с Цехом поэтов, руководители которого рассматривали «хорошие стихи талантливого Александра Тинякова» «как всегдашних детей вчерашнего дня» [10, с. 163], оставляя ему шанс на литературное сотрудничество:

Эта книга вышла с большим опозданием. Яд ее уже давно сделался безвредным, недействительным. Смаковать подполье вряд ли кому-нибудь интересно теперь, когда вся поэзия так дружно устремила к стройности в форме и к величию в содержании. Очень неприятно читать «Цветочки с пустыря», проникаться психологией «плевка-плевочка», плывущего в «канавке», или «обглоданной кости», которой «брезгают собаки», падали, или «старого сюртука». А, главное, не нужно. Ужасно дико звучит в наши дни стих: «Все к пустырю мы близки». Как бы ни была пустынна современность, она все-таки не пустырь с плевочком. Думается даже, что поэт напрасно потревожил «тень» Ф.П. Карамазова, которому посвящен отдел «Цветочки с пустыря», потому что карамазовщину-то, после стольких исследований, никак нельзя приравнять к простому пакостничеству. Все эти стишки тем более огорчительны, что сочинитель их отменно талантлив в своем деле. Выученик Валерия Брюсова, он еще всецело находится во власти учителя и не выработал ни своей ритмики, ни своей эйдологии (системы образов, присущей каждой

⁸ Тиняков А. Треугольник: Вторая книга стихов, 1912–1921 гг. Пг.: Поэзия, 1922. С. 54.

⁹ Образ Ахматовой. Антология / ред. и вступ. ст. Э. Голлербаха. Л.: Издание Ленинградского Общества библиофилов, 1925. С. 34.

выразившейся поэтической индивидуальности). И тем не менее, ни одно его стихотворение нельзя назвать бездарным. Найдет ли поэт в себе силы скинуть с себя дурную паутину (давно уже истлевшую), или он отравлен более, чем сам отравивший его яд. Нам очень хотелось бы позвать этот талант, обладающий чертами зоркого реализма, не чуждый музыке, к творчеству иному, утверждающему жизнь, а не сукровицу¹⁰.

Нашумевшее тогда стихотворение «Прелести земли» давало повод Гумилеву приглядываться к Тинякову как возможному будущему члену Цеха поэтов и будущему акмеисту [27, с. 156]. Но к весне 1913 г. Тиняков отстранился и от Цеха поэтов, и от акмеистов [10, с. 323].

На «Четках» ему была сделана дарительная надпись: «Александру Ивановичу Тинякову в знак дружбы Анна Ахматова. Петербург. 1914 г. Весна» [29, с. 61].

В воспоминаниях о Блоке Тиняков сообщал, что (в 1921 г.?) Ахматова вписала ему в альбом стих. «Как страшно изменилось тело...»¹¹, — альбом был им впоследствии разрознен для продажи, большинство листов оказалось в РГАЛИ, но этот лист пока не обнаружен.

В 1915 году он пишет краткий очерк об Ахматовой, где говорится, в частности: «...у Ахматовой встречаются мотивы, не совсем обычные для женской поэзии, именно: сострадание и, так сказать, сословная совесть такой же окраски, какая была, например, у Некрасова. Стихотворение “Ты знаешь, я томлюсь в неволе” сближает Ахматову именно с Некрасовым, с женственными началами его поэзии...»¹²; это не столь очевидное для эпохи «Четок» наблюдение надолго запомнилось Ахматовой [16, с. 189–190]. На этот очерк Тиняков ссылался шесть лет спустя:

В 1915 году Ахматова принесла нам откровение женской души. То же самое можно повторить и теперь в связи с выходом в свет «Подорожника» (четвертая книга поэтессы).

Новых внутренних достижений у Ахматовой нет; ее проникновение в тайны женской души не углубляется; сфера ее интересов

¹⁰ *Городецкий С.* [Рец. на кн.:] Тиняков А. Navisnigra: Стихи, 1905–1912 гг. М.: Гриф, 1912 // Речь. 1912. 5 ноября.

¹¹ *Тиняков А.* Памяти А.А.Блока: (Отрывок из воспоминаний) // Последние новости. Пг., 1923. 6 августа.

¹² *Тиняков А.* Анна Ахматова. Критический очерк // Журнал журналов. 1915. № 6. С. 16. См.: [2, с. 138–139].

и переживаний не становится шире; лишь язык поэтессы стал энергичнее да письмо уверенней и тверже.

О смысле и тайне поэзии написаны целые горы бумаги и все-таки до сих пор нет единого всерешающего ответа на вопрос: что такое поэзия и в чем ее тайна? А между тем чувствуешь, видишь ее и от всего прочего отличаешь сразу.

В книжке Ахматовой поэзия чувствуется с первых же строк, а потому за чтением ее сразу чуткостораживаешься и с наслаждением впитываешь каждый звук, вживаешься в каждый образ.

Отсюда ясно, что для истинного поэта не существует ни «исчерпанных» тем (мало ли было наговорено в стихах о любви?), ни «устарелых» рифм (рифмы Ахматовой просты, и внешне бедны, напр<имер>, «мечты–ты», «ночи–очи», «пусть–грусть» и т.п.), ни «заезженных размеров» и ритмов.

Истинный поэт о явлении, старом, как мир, простейшими словами, небрежными на вид звуками скажет так много и так хорошо, что сердце невольно затрепещет, почуяв правду, и заработает мысль, ощутив, что за нею веет тайна красоты¹³.

В следующий раз об Ахматовой он писал по поводу стихотворения «За озером луна остановилась...»:

Пишущему эти строки уже давно представлялось совершенно неизбежным, что Ахматова в своем творчестве должна будет пойти от эротики к чистой мистике, от трагической любви к серафической вере. Стихотворение, напечатанное в «Абракасе», и является ярким показателем того, что Ахматова вступает именно на этот путь. В ее стихотворении нет ни единого слова, ни единого звука о любви. Все оно, — с начала до конца, — пропитано, пронизано ощущением не любви, не страсти, а страха, причем ощущение это передано с необычайной даже для Ахматовой цельностью, можно даже сказать — с великой мощью. И очень важно, и очень в интересах искусства отраднo, что на своем пути к мистике Ахматова, прежде всего, вступает в мрачную и жуткую область суеверия и связанных с ним болезненных, так сказать, «низших» мистических переживаний. С точки зрения общественной это и огорчительно, но для искусства этот факт будет, по нашему мнению, необычайно плодотворен. Самая эта область, где все основано на предчувствиях, на предвестиях, на игре подсознательных сил нашей психики, — представляет собою

¹³ Чудаков Герасим [= Тиняков А.И.]. [Рец. на кн.:] Ахматова А. Подорожник. Пгр., 1921 // Красный балтиец. 1921. № 9-10. С. 50.

в высшей степени благодарную почву для поэта. А тут еще и психика нашей поэтессы, склонной ко всему таинственному, неуловимому, жуткому, издали грозящему. Недаром ведь даже страсть и любовь она часто воспринимает как боль и жуть. И если, пребывая в сфере любви, Ахматова создала столько прекрасных стихов, то ныне, вступая в область страха, она воистину обретет себя и развернется во всей своей полноте и глубине и раскроет и перед рядовым читателем, и перед специалистом-психологом много трудных и важных загадок. А если она и не раскроет их смысла, то, во всяком случае, создаст много чарующих, несравненных по силе и новизне произведений. У Ахматовой есть все данные для того, чтобы стать на этом пути рядом с Эдгаром По и уж, конечно, не ниже Мэтерлинка. По крайней мере, стихи из «Абракаса» дышат такой силой и цельностью, какие доселе лишь изредка проявлялись у нашей поэтессы. И эти качества мы всецело приписываем тому, что от любовных тем, игравших, хотя и важную роль в творчестве Ахматовой, но не заполнявших ее всецело, — она переходит к более родственным ей и к более многообразным и глубоким мотивам — страха. <...> Писатели более зрелые — на месте не стоят, а ищут и развиваются, о чем блистательно свидетельствует пример Анны Ахматовой¹⁴

Но на необычайный широкий читательский успех Ахматовой, который в 1922 году заметили многие современники, он реагировал, как и полагается «поперечному» критику, в оставшейся неопубликованной рецензии:

Книга Нельдихена интересна, как всякая правда, которую человек говорит о себе. Но этого еще мало. Не все интересное — значительно. Например: Анна Ахматова тоже говорит правду о себе и делает это очень талантливо; тем не менее, ее правда незначительна, ибо и сама Ахматова — явление незначительное: женщина — *etvoilà tout*. Совсем другое дело Нельдихен: его творчество — показатель явления, воистину огромного и в высочайшей степени отрадного. <...> Офелия и Дездемона, Татьяна и Лиза, Прекрасная Дама и сама Ахматова — все это, в сущности, ложь, выдумка, финтифлюшки. На самом деле, женщина — «двухполовиноаршинная кукла», к которой нужно подойти и сказать:

¹⁴ Тиняков А. Критические раздумья. I. «Абракаса» // Последние новости. Пг., 1922. № 14. 23 октября.

Хотите веселья, хотите радости, хотите любви,
Хотите много яблок, груш, ярких платьев, цветочного воздуха¹⁵.

О встречах с ним в 1925–1926 гг. см. письмо Ахматовой Н.Н. Пунину от 12 августа 1925 г.: «В городе, на Литейном, встретила Тинякова, который подошел ко мне, чтобы поведать, что автор рецензии в “Жизни искусства” — он и еще что-то в этом роде» [21, с. 254]; запись от 15 июня 1926 г.: «...на Симеоновской увидела просящего милостыню Тинякова. Смутилась страшно. Но подошла, поздоровалась... После двух-трех слов спросила — можно вам двадцать копеек положить? Тот ответил: “Можно...”. АА эта встреча очень была неприятна. Было очень неловко» [16, с. 186]. М.Б. Мейлаху Н.И. Харджиев рассказывал, как «в 30-е гг. Ахматова, сама жившая в нищете, избегала проходить по Невскому мимо того места, где он, нищий, без сорочки, но всегда в чистом белье, просил милостыню» [17, с. 249].

Рецензия, о которой поведал Тиняков — подписанный «Ал. Т-ков» отклик на антологию «Образ Ахматовой», появившийся 21 июля:

Кажется, ни об одном из русских писателей, за исключением Пушкина, не было написано столько стихов, как об Ахматовой. Но о Пушкине писали, главным образом, после его смерти, — Ахматова же воспета при жизни. Это вполне понятно, так как образ Ахматовой — единственный, и трудно указать человека, в котором личность и творчество были бы слиты столь тесно и гармонически, как они слиты в Ахматовой. Общество библиофилов превосходно поступило, собрав все наиболее значительные стихи, написанные об Ахматовой. Вступительная статья Голлербаха лишней раз показывает, что в его лице мы имеем не только чуткого и тонкого, но и умеющего глубоко мыслить критика. Жаль только, что книга — уже с самого ее появления в свет — становится библиографической редкостью: она издана всего в количестве п я т и д е с я т и экземпляров¹⁶.

К деталям его одиозной литературной репутации относились «гнусная статья» (по выражению Ахматовой; запись в неопубликованной части «Акумианы» П.Н. Лукницкого; сообщено Т.М. Двинятиной) «Работа буржуазной интеллигенции», где о Гумилеве

¹⁵ [23, 444–446]; публикация Т.А. Кукушкиной.

¹⁶ *Т-ков Ал.* [= Тиняков А.И.]. Рец. на кн.: Образ Ахматовой. Антология / ред. и вступ. ст. Э. Голлербаха. Л.: Издание Ленинградского Общества библиофилов, 1925 // Жизнь искусства. 1925. № 29. С. 21.

говорилось: «В списке расстрелянных 24-го августа активных контрреволюционеров, рядом с именами купцов и церковных старост, форменных провокаторов, вроде Аркадия Бака и всякого рода дворян, мы находим и имена профессора Лазаревского, скульптора князя Ухтомского и поэта, кстати сказать, весьма-таки бесталанного, Николая Гумилева», [35], его же куплеты «Заговорщики»:

Зря барчата назначали
Для восстанья день и срок:
Не успели оглянуться,
Сами сели под замок.

Шестьдесят мерзавцев с лишком
Угодили под расстрел,
Власть народа покарала
Тех, кто жаждой зла горел¹⁷,

и его стихотворение «Радость жизни», едва ли не сознательно перепевающее его давние «Прелести земли», содержавшее строки —

Едут навстречу мне гробики полные,
В каждом — мертвец молодой. <...>
Может, — в тех гробиках гении разные,
Может, — поэт Гумилев...
Я же, презренный и всеми оплеванный,
Жив и здоров!

— по поводу коих он объяснял потом: «Стихи эти были написаны более, чем за месяц до смерти Гумилева, и тогда же я читал их моим литературным знакомым. Отсюда ясно, что никакого отношения к политической деятельности Гумилева и к ее драматическому концу мои стихи не имели и не имеют. По поводу нелепой и преступной авантюры, в которой принял участие Гумилев, я высказался в свое время на страницах “Красн<ого> Балт<ийского> флота” (10 сент<я-бря> 1921. № 90) и мнения моего об этом деле не меняю, и не вижу никакой надобности в том, чтобы делать из имени Гумилева нечто “неприкосновенное”»¹⁸.

См. о нем: [31].

¹⁷ Г.Ч. [= Тиняков А.И.] Работа буржуазной интеллигенции // Красный Балтийский флот. 1921. 10 сентября.

¹⁸ Тиняков Александр. Egosumquisum (Аз, емь сущий): Третья книга стихов, 1921–1922 гг. Л.: Изд. автора, 1924. (Обл.: 1925). С. 6. см. подробнее: [28, с. 302–305].

Литература

1. *Авхимович В.В.* «Ночной мир» в сборнике Ю.Н. Верховского «Разные стихотворения» // Известия Смоленского государственного университета. 2014. № 1. С. 33–40.
2. Анна Ахматова: pro et contra : Антология / сост. Св. Коваленко. СПб.: Изд-во Рус. Христианской гуманитарного института, 2001. Т. 1. 954 с.
3. *Богомолов Н.А.* «Таким я вижу облик ваш и взгляд»: В ста зеркалах // Литературное обозрение. 1989. № 5. С. 37–43.
4. *Богомолов Н.А.* К юбилею Романа Тименчика // Wiener Slavistisches Jahrbuch (Neue Folge) / Vienna Slavic Yearbook (New Series). 2016. Vol. 4. С. 253–254.
5. *Богомолов Н.А.* Тиняков А.И. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия; СПб.: Нестор-история, 2019. Т. 6. С. 210–212.
6. *Брюсов В.* Неизданные стихотворения / под ред. А. Тер-Мартirosяна. М.: ГИХЛ, 1935. 542 с.
7. *Верховский Ю.* В память Александра Блока. Отрывочные записи, припоминания, раздумья // Дружба народов. 1980. № 11. С. 249–260.
8. *Верховский Ю.* Путь поэта. О поэзии Н.С. Гумилева // Н.С. Гумилев: pro et contra : Личность и творчество Н. Гумилева в оценке рус. мыслителей и исслед.: Антология / сост. Ю.В. Зобнин. СПб.: Изд-во Рус. христианского гуманитарного института, 1995. С. 505–549.
9. *Верховский Ю.Н.* Струны: собрание сочинений / сост., подготовка текста, комм. В. Калмыковой. М.: Водолей, 2008. 928 с.
10. *Гумилев Н.С.* Письма о русской поэзии / сост., вступ. ст. Г.М. Фридендера; коммент. и подгот. текста Р.Д. Тименчика. М.: Современник, 1990. 381 с.
11. Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / сост. и подгот. текста К.Н. Суворовой; вступ. ст. Э.Г. Герштейн; науч. консульт., вводные заметки к записным книжкам, указатели В.А. Черных. М.; Torino: Einaudi, 1996. 849 с.
12. *Крайнева Н.И.* Рукописи Н.В. Недоброво и материалы о нем в отделе рукописей ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина // Шестые Тынниковские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига: Зинатне; Москва: Импринт, 1992. С. 114–124.
13. *Лаэров А.В.* Дружеские послания Вячеслава Иванова и Юрия Верховского // Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура. Томск; М.: Водолей Publishers, 2003. С. 193–204.
14. *Левинтон Г.А.* Из наследия Максима Кенигсберга // Philologica. 2012. № 21–23. С. 334–356.
15. *Лукницкий П.Н.* Asumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Париж: YMCA-press, 1991. Т. I. 1924–1925 гг. 348 с.
16. *Лукницкий П. Н.* Asumiana: Встречи с Анной Ахматовой. Париж; М.: YMCA-press; Русский путь, 1997. Т. II: 1926–1927 гг. 372 с.
17. *Мейлах М.* Поэзия и миф. Избранные статьи. М.: Языки славянской культуры, 2017. 1056 с.
18. *Михайловский Б.В.* Русская литература XX века. С девяностых годов XIX века до 1917 г. М.: Учпедгиз, 1939. 420 с.
19. *Морев Г.* Стихи «бывшего поэта» // Другой гид. Приложение. [Сб. к 60-летию Сергея Дедулина.]. Париж, 2010. № 12. С. 70–71.

20. *Нельдихен С.Е.* Органное многоголосье / сост. М. Амелин. М.: ОГИ, 2013. 511 с.
21. *Пунин Н.Н.* Мир светел любовью: Дневники. Письма / сост. Л.А. Зыкова. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2000. 525 с.
22. *Ремизов А.М.* Взвихренная Русь. Париж: Таир, 1927. 530 с.
23. *Соболев А.Л.* К истории дружеских посланий Вяч. Иванова и Ю. Верховского
URL: [https:// lucas-v-leyden.livejournal.com/97706.html](https://lucas-v-leyden.livejournal.com/97706.html) (дата обращения: 15.01.2021).
24. *Соловьев Г.А.* Островок пытливой мысли (из воспоминаний о ИФЛИ и ифлийцах) // Вопросы литературы. 1990. № 11-12. С. 283–309.
25. Стихотворения Юрия Верховского из Римского архива Вячеслава Иванова / публ. А.Б. Шишкина // Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура. Томск; М.: Водолей Publishers, 2003. С. 220–226.
26. Стихотворные послания Юрия Верховского Вячеславу Иванову / публ. А.В. Лаврова // Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура. Томск; М.: Водолей Publishers, 2003. С. 205–219.
27. *Тименчик Р.* Что вдруг: статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2008. 684 с.
28. *Тименчик Р.* К истории культа Гумилева. I // Тыняновский сборник. Вып. 13: XII–XIII–XIV Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. М.: Водолей, 2009. С. 298–351.
29. *Тименчик Р., Лавров А.* Материалы А.А. Ахматовой в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 г. Л.: Наука, 1976. С. 53–82.
30. *Тиняков А.И.* Стихотворения / публ. Г.А.Морева // Митин журнал. 1999. Вып. 57. С. 498–501.
31. *Тиняков А. (Одинокий).* Стихотворения. Изд. 2-е, с исправлениями и дополнениями / под ред. Н.А. Богомолова. Томск; М.: Водолей, 2002. 416 с.

Research Article

From the Index to Akhmatova's Notebooks: Two Persons from Bogomolov's List

© 2021, Roman D. Timenichik

The Hebrew University of Jerusalem, Jerusalem, Israel

Abstract: The article from the author's cycle "From the Index to Akhmatova's Notebooks" demonstrates the attempt of an extensive commentary on Akhmatova's working notes, organized around the characters present on the pages of her notebooks, a kind of free Akhmatova encyclopedia, where different periods of her long life are combined in the onomasticon. A comment of this kind snatches out representative fragments of Akhmatova's epoch, but the degree of presence of different persons in

the list, or even their absence, does not always reflect their weight in Akhmatova's biography. The present article is devoted to two poets – Yuri Verkhovskiy and Aleksandr Tiniakov (the latter was also a literary critic and published essays about Akhmatova's poetry). Some publications and studies by late Nikolay A. Bogomolov were dedicated to these two poets. The present article is in memoriam N.A. Bogomolov.

Keywords: Anna Akhmatova; Yuri Verkhovskiy; Aleksandr Tiniakov; Nikolay Bogomolov; comment; notebooks; biography studies.

Information about the author: Roman D. Timenchik, PhD in Philology, Professor, The Hebrew University of Jerusalem, HUJI, Jerusalem 91904, Israel. E-mail: suzirom@gmail.com.

For citation: Timenchik, R.D. “From the Index to Akhmatova's Notebooks: Two Persons from Bogomolov's List.” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (19), 2021, pp. 362–381. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-362-381>.

References

1. Avkhimovich, V.V. “‘Nochnoi mir’ v sbornike Iu.N. Verkhovskogo ‘Raznye stikhotvoreniia’” [‘Night World’ in Iu.N. Verkhovskiy's Collection ‘Selected Poems’]. *Izvestiia Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, 2014, pp. 33–40. (In Russ.)

2. *Anna Akhmatova: pro et contra: Antologiya* [Anna Akhmatova: pro et contra: An Anthology], vol. 1, comp. Sv. Kovalenko. St. Petersburg, Izd-vo Rus. Khristianskoi gumanitarnogo instituta Publ., 2001. 954 p. (In Russ.)

3. Bogomolov, N.A. “Takim ia vizhu oblik vash i vzgliad’: V sta zerkalakh [‘That's How I see Your Face and Look’: In Hundred Mirrors]” *Literaturnoe obozrenie*, no. 5, 1989, pp. 37–43. (In Russ.)

4. Bogomolov, N.A. “K iubileiu Romana Timenchika” [‘To Roman Timenchik's Anniversary’] *Wiener Slavistisches Jahrbuch (Neue Folge) / Vienna Slavic Yearbook (New Series)*, vol. 4, 2016, pp. 253–254. (In Russ.)

5. Bogomolov, N.A. “Tiniakov A.I.” [‘Tiniakov A.I.’] *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary], vol. 6. Moscow, Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia Publ.; St. Petersburg, Nestor-istoriia Publ., 2019, pp. 210–212. (In Russ.)

6. Briusov, V. *Neizdannye stikhotvoreniia* [Inedited Poems], ed. A. Ter-Martirosian. Moscow, GIKhL Publ., 1935. 542 p. (In Russ.)

7. Verkhovskii, Iu. “V pamiat' Aleksandra Bloka. Otryvochnye zapisi, pripominaniia, razdum'ia” [‘In Memoriam Alexander Blok. Fragmentary Notes, Memories, Meditations’]. *Druzhba narodov*, no. 11, 1980, pp. 249–260. (In Russ.)

8. Verkhovskii, Iu. “Put' poeta. O poezii N.S.Gumileva.” [‘Poet's Path. On the Poetry of N.S. Gumilev’] *N.S. Gumilev: pro et contra : Lichnost' i tvorchestvo N. Gumileva v otsenke rus. myslitelei i issled.: Antologiya* [N.S. Gumilev: pro et contra. Personality and Creativity of Nikolay Gumilev in the Eyes of Russian Thinkers and Researchers: An Anthology], comp. Iu.V. Zobnin. St. Petersburg, Izd-vo Rus. khristianskogo gumanitarnogo instituta Publ., 1995, pp. 505–549. (In Russ.)

9. Verkhovskii, Iu.N. *Struny: sobranie sochinenii* [Strings: Collected Works], comp., text prep., comm. by V. Kalmykova. Moscow, Vodolei Publ., 2008. 928 p. (In Russ.)

10. Gumilev, N.S. *Pis'ma o russkoi poezii* [*Letters on Russian Poetry*], comp., introd. by G.M. Fridlender; comm. and text prep. by R.D. Timenchik. Moscow, Sovremennik Publ., 1990. 381 p. (In Russ.)
11. *Zapisnye knizhki Anny Akhmatovoi (1958–1966)* [*Anna Akhmatova' Notebooks (1958–1966)*], comp., ed. by K.N. Suvorova; introd. by E.G. Gershtein; sci. consult., introd. notes to notebooks, indexes by V.A. Chernykh. Moscow; Torino, Einaudi Publ., 1996. 849 p. (In Russ.)
12. Kraineva, N.I. “Rukopisi N.V. Nedobrovo i materialy o nem v otdel rukopisei GPB im. M.E. Saltykova-Shchedrina” [“Manuscripts of N.V. Nedobrovo and Materials on His Life and Work in Manuscripts Department at M.E. Saltykov-Shchedrin State Public Library”] *Shes'tye Tynianovskie chteniia. Tezisy dokladov i materialy dlia obsuzhdeniia* [*VI Tynianov Readings. Proceedings and Materials for Discussion*]. Riga, Zinatne; Moscow, Imprint Publ., 1992, pp. 114–123. (In Russ.)
13. Lavrov, A.V. “Druzheskie poslaniia Viacheslava Ivanova i Iurii Verkhovskogo” [“Friendship Epistles of Viacheslav Ivanov and Iuri Verkhovskii”]. *Viacheslav Ivanov — Peterburg — mirovaia kul'tura* [*Viacheslav Ivanov — Petersburg — World Culture*]. Tomsk; Moscow, Vodolei Publishers, 2003, pp. 193–204. (In Russ.)
14. Levinton, G.A. “Iz nasledii Maksima Kenigsberga” [“From Maksim Kenigsberg's Heritage”]. *Philologica*, no. 21–23, 2012, pp. 334–356. (In Russ.)
15. Luknitskii, P.N. *Acumiana: Vstrechi s Annoi Akhmatovoi* [*Acumiana: Encounters with Anna Akhmatova*], vol. 1: 1924–1925. Paris, YMCA-press Publ., 1991. 348 p. (In Russ.)
16. Luknitskii, P.N. *Acumiana: Vstrechi s Annoi Akhmatovoi* [*Acumiana: Encounters with Anna Akhmatova*], vol. 2: 1926–1927. Paris; Moscow, YMCA-press; Russkii put' Publ., 1997. 372 p. (In Russ.)
17. Meilakh, M. *Poezii i mif. Izbrannye stat'i* [*Poetry and Myth. Selected Articles*]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2017. 1056 p. (In Russ.)
18. Mikhailovskii, B.V. *Russkaia literatura XX veka. S devianostykh godov XIX veka do 1917 g.* [*XX Century Russian Literature (1890ies–1917)*]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1939. 420 p. (In Russ.)
19. Morev, G. “Stikhi ‘byvshego poeta’” [“Poems of a Former Poet”]. *L'Autre guide. Addendum*. [Collection to the 60th Anniversary of Sergei Dediulin]. Paris, no. 12, 2010, pp. 70–71. (In Russ.)
20. Nel'dikhen, S.E. *Organnoie mnogogolos'e* [*Organ Poliphony*], comp. M. Amelin. Moscow, OGI Publ., 2013. 511 p. (In Russ.)
21. Punin, N.N. *Mir svetel liubov'iu: Dnevnik. Pis'ma* [*World Bright Love: Diaries. Letters*], comp. L.A. Zykov. Moscow, Artist. Rezhisser. Teatr Publ., 2000. 525 p. (In Russ.)
22. Remizov, A.M. *Vzvikhrennaia Rus'* [*Whirled Rus'*]. Paris, Tair Publ., 1927. 530 p. (In Russ.)
23. Sobolev, A.L. *K istorii druzheskikh poslanii Viach. Ivanova i Iu. Verkhovskogo* [*On the History of Friendship Epistles by Vyacheslav Ivanov and Iuri Verkhovskii*] Available at: <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/97706.html> (Accessed: 15 January 2021). (In Russ.)
24. Solov'ev, G.A. “Ostrovok pytlivoi mysli (iz vospominanii o IFLI i ifliitsakh)” [“An Island of a Searching Thought (From the Memoirs on Moscow Institute of Philosophy, Literature and History (IFLI) and Its Members”]. *Voprosy literatury*, no. 11–12, 1990, pp. 283–309. (In Russ.)
25. “Stikhotvoreniia Iurii Verkhovskogo iz Rimskogo arkhiva Viacheslava Ivanova” [“Poems by Iuri Verkhovskii from the Rome Archive of Viacheslav Ivanov”], publ. A.B. Shishkin”]. *Viacheslav Ivanov — Peterburg — mirovaia kul'tura* [*Viacheslav Ivanov —*

Petersburg — World Culture]. Tomsk; Moscow, Vodolei Publishers, 2003, pp. 220–226. (In Russ.)

26. “Stikhotvornye poslaniia Iurii Verkhovskogo Viacheslavu Ivanovu” [“Poetic Epistles from Iuri Verkhovskii to Viacheslav Ivanov”], publ. A.V. Lavrov. *Viacheslav Ivanov — Peterburg — mirovaia kul'tura* [*Viacheslav Ivanov — Petersburg — World Culture*]. Tomsk; Moscow, Vodolei Publishers, 2003, pp. 205–219. (In Russ.)

27. Timenchik, R. *Chto vdrug: Stat'i o russkoi literature proshlogo veka* [*What's All About: Essays on Russian Literature of the Past Century*]. Jerusalem; Moscow, Mosty kul'tury Publ., 2008. 686 p. (In Russ.)

28. Timenchik, R. “K istorii kul'ta Gumileva. I.” [“On the History of Gumilev’s Cult. I.”]. *Tynianovskii sbornik*, vol. 13: XII–XIII–XIV: Tynianovskie chteniia. Issledovaniia. Materialy [XII–XIII–XIV: Tynianov Readings. Studies. Materials]. Moscow, Vodolei Publ., 2009, pp. 298–351. (In Russ.)

29. Timenchik, R., Lavrov, A. “Materialy A.A. Akhmatovoi v Rukopisnom otdele Pushkinskogo Doma” [“Anna Akhmatova Fund in Manuscripts Department at the Pushkin House (IRL RAS)”]. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1974 g.* [*Annuary of the Manuscripts Department of the Pushkin House IRL RAS (1974)*]. Leningrad, Nauka Publ., 1976, pp. 53–82. (In Russ.)

30. Tiniakov, A.I. “Stikhotvoreniia” [“Poems”], publ. G.A. Morev. *Mitin zhurnal*, vol. 57, 1999, pp. 498–501. (In Russ.)

31. Tiniakov, A.I. (Odinokii). *Stikhotvoreniia* [*Poems*], 2nd ed., rev. and edd., ed. N.A. Bogomolov. Tomsk; Moscow, Vodolei Publ., 2002. 416 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 1.02.2021

Дата публикации: 25.03.2021

The article was submitted: 1.02.2021

Date of publication: 25.03.2021

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ

Литературный факт.

2021. № 1 (19)

Научная статья

УДК 821.161.1.0

<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-382-406>

Literaturnyi fakt [Literary Fact],

no. 1 (19), 2021

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

БИБЛИОГРАФИЯ Н.М. МИНСКОГО Часть 1. Стихотворные тексты

© 2021, С.В. Сапожков

Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия

Аннотация. Настоящая публикация представляет собой первую часть библиографии известного поэта, драматурга, критика, переводчика Николая Минского (1855/1856–1937). Она включает в себя список первых публикаций стихотворных произведений Минского (лирика, поэмы, стихотворные драмы). Учитываются как входившие в прижизненные сборники произведения, так и опубликованные в периодике, а также оставшиеся в рукописи. При составлении перечня автор опирался на данные картотеки А.Д. Алексеева (ИРЛИ), а также на личный сплошной просмотр журнальной и газетной периодики, как отечественной, так и эмигрантской за 1877–1937 гг. Всего было просмотрено около 50 наименований журналов, газет и альманахов дореволюционной поры и около 17 наименований тех же отраслей периодики эмигрантского периода. При описании названия отдельного стихотворения составитель перечня принимал во внимание его следующие компоненты: заглавие; подзаголовок; редакцию первой строки; наличие или отсутствие посвящения. Перечень отражает случаи изменения каждого из этих компонентов по всем авторским сборникам. Перепечатки в неавторских сборниках не учитываются. В следующих номерах журнала планируется продолжение публикуемой библиографии.

Ключевые слова: Николай Минский; библиография; первые публикации стихотворных текстов (лирика, поэмы, стихотворные драмы); картотека А.Д. Алексеева; периодическая печать; эмигрантская периодика.

Информация об авторе: Сергей Вениаминович Сапожков — доктор филологических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, д. 1/1, 119435, Москва, Россия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6465-7958>. E-mail: svs@mail.ru.

Для цитирования: Сапожков С.В. Библиография Н.М. Минского. Часть 1. Стихотворные тексты // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 382–406. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-382-406>

Творчество Николая Максимовича Минского (1855/1856–1937), поэта, публициста, драматурга, переводчика, родоначальника религиозно-философского течения отечественного символизма — сегодня постепенно выходит из долгой полосы забвения и молчания, в которую оно было погружено на протяжении многих десятилетий после его смерти в эмиграции. Интерес к его творчеству проявляют как авторитетные исследователи русского символизма¹, так и молодые ученые. Растет количество защищенных диссертаций [4; 6; 7; 11; 13]. Появляются первые значительные публикации его эпистолярия [10].

В этой ситуации возросшего интереса к творческому наследию Н.М. Минского особую остроту и актуальность приобретает проблема библиографического описания его текстов, а также мемуарной и научно-критической литературы о нем. Предлагаемая работа является первым опытом построения персональной библиографии творчества Минского.

Библиографию текстов открывает список первых публикаций стихотворных произведений Минского (лирика, поэмы, стихотворные драмы). Учитываются как входившие в прижизненные стихотворные сборники произведения, так и опубликованные отдельно в периодике, а также оставшиеся в рукописи. При подготовке перечня составитель опирался на данные картотеки А.Д. Алексеева (ИРЛИ, роспись журнальных материалов), а также на личный сплошной просмотр журнальной и газетной периодики, как отечественной, так и эмигрантской за 1877–1937 гг. Всего было просмотрено около 50 наименований журналов, газет и альманахов дореволюционной поры и около 17 наименований тех же отраслей периодики эмигрантского периода. Разумеется, возможны и пропуски, поскольку не все периодические издания оказались доступны во всей их полноте и не ко всем (по разным техническим причинам) был открыт доступ. Частично данные о первых публикациях стихов можно найти в наших комментариях к изданию: [8, с. 344–425]. В публикуемой ныне библиографии эти данные существенно дополнены и включены в полный перечень первых публикаций стихов Минского.

Необходимо сделать несколько замечаний по поводу полноты опубликованного списка. Даже при первом беглом его просмотре легко заметить, что далеко не все стихотворные тексты Минского

¹ См. ставшие уже классическими статьи З.Г. Минц «“Новые романтики” (К проблеме русского пресимволизма)», «Статья Н. Минского “Старинный спор” и ее место в становлении русского символизма» [9, с. 150–174] и книгу А. Хансен-Лёве [14]; монографии В.Н. Быстрова [1, с. 48–63; 2], а также [5; 12; 15].

имеют прописку в прижизненной периодике. Значительная их часть попала на страницы авторских сборников, что называется, «с чистого листа», минуя журнально-газетные и альманашные презентации. По подсчетам составителя, это едва ли не половина от списочного состава всех текстов. Такая ситуация объясняется спецификой творческой и жизненной судьбы поэта. Наибольшее количество журнальных публикаций приходится на период с 1877 по 1901 гг. и сосредоточено, в основном, в двух журналах — «Вестнике Европы» (с 1877 по начало 1890-х) и «Северном вестнике» (1891–1898). Первому журналу Минский обязан либерально-демократическим («умеренно-народническим») направлением своей поэзии конца 1870 – начала 1880-х гг., сформировавшимся не без влияния его друга С.А. Венгерова, близкого к редакции журнала. С «Северным вестником» связаны собственно «символистский» период творчества Минского и те духовные скрепы, которые, при всей разнице мировоззрений, соединяли поэта с ядром редколлегии журнала, то есть с А.Л. Волынским и Л.Я. Гуревич. Собственно период 1880–1890-х гг. можно назвать по преимуществу «поэтическим» в творчестве Минского, когда он оформляет и систематизирует религиозно-философские основы своего мировоззрения в известной книге «При свете совести: мысли мечты о цели жизни» (1890; 2-е изд. — 1897) и в широком общественном мнении воспринимается прежде всего как «поэт-философ». В начале 1900-х гг. наступает качественный перелом. Минский, как автор «Религии будущего» (1905), озабоченный воздействием его религиозной философии на нравственный климат общества, вынужден активно искать широкую общественную трибуну для пропаганды своих взглядов. Решая эту задачу, он все настойчивее заявляет о себе как публицист и драматург (драма «Альма» и «социальная трилогия о силе предметов»: «Железный призрак», «Малый соблазн» и «Хаос»). В этот период публикации стихов он придает гораздо меньше значения, чем продвижению в периодической печати и на театральной сцене своей религиозно-философской публицистики и экспериментальной драматургии, хотя именно в этот период им написаны самые зрелые и художественно совершенные поэтические тексты. Как результат — явное преобладание среди публикаций в периодике пьес и статей. Кроме того, углубляется его мировоззренческий конфликт с коллегами по религиозно-обновленческому движению. Он постепенно отдаляется от организационного ядра Религиозно-философских собраний и охладевает к своим обязанностям члена редколлегии «Нового Пути». Не складываются и контакты с символистами-«эстетам», с окружением В.Я. Брюсова,

которое находит поэзию Минского слишком «головной» и риторичной — родовой порок, по мнению Брюсова, стихотворной продукции всех старших символистов, а у Минского еще и осложненный «тяжким» и до конца не изжитым наследием «надсоновской школы». Как результат — практическое отсутствие стихов Минского в ведущих символистских журналах и альманахах того времени — «Мире искусства», «Новом Пути», «Весах», «Северных цветах», а впоследствии — и в «Золотом руне». Появление в их поэтических подборках имени Минского редкое и случайное явление. А с переходом поэта из лагеря «религиозных философов» в стан марксистов-«богоискателей» (А.В. Луначарский, В.А. Базаров, А.А. Богданов, М. Горький и др.) и с момента официального назначения на пост редактора-издателя большевистской газеты «Новая Жизнь» в октябре 1905 г. — все контакты Минского с бывшими соратниками по Религиозно-философским собраниям окончательно и навсегда обрываются. Однако и с «богоискательским» течением марксистской мысли отношения не сложились. Минский оказался как бы между двух огней, в остром идеологическом противостоянии как с лагерем «религиозных философов» (Д.С. Мережковский, В.В. Розанов, Н.А. Бердяев), так и с лагерем марксистов-«метафизиков». Соответственно и печатные органы этих общественных групп были для него закрыты. Своим стихам и статьям, начиная с 1900 г., он вынужден искать место в случайных и второстепенных сборниках и в массовой периодике далеко не первого читательского спроса (типа «Журнала для всех»). Положение с публикациями еще более осложнилось после ареста в декабре 1905 г. и бегства за границу, которое фактически обернулось пожизненной эмиграцией (с кратким приездом в Россию весной 1914 г.). Оно практически выключило Минского из отечественной литературной жизни и оборвало те немногочисленные контакты с редакциями журналов, которые у него были до эмиграции. Так, в промежутке между выходом в свет четырехтомного «Полного собрания стихотворений» (1907) и последнего прижизненного сборника стихов «Из мрака к свету» (Берлин, 1922) наберется едва ли с десятков стихотворений Минского, появившихся в российской периодике. Опять-таки основная масса печатной продукции за указанный период — это, в основном, статьи общественно-политической тематики, развивающие положения социально-утопической программы «Религии будущего» и нашедшие себе место, в основном, на страницах таких органов печати, как журнал «Перевал» и газеты «Слово», «Русь» и «Речь». Все они впоследствии вошли в сборник его статей «На общественные темы» (1909). К ним нужно добавить

репортажи о новостях культурной и государственно-политической жизни Франции, печатавшиеся на протяжении 8 лет (1909–1917) в московской газете «Утро России» под рубрикой «Письма из Парижа» и «Парижский (вариант — “Французский”) дневник».

Таким образом, за годы эмигрантской жизни Минский востребован в отечественной периодике исключительно как публицист и газетчик. О его поэтическом поприще как бы «забыли». Для современников оно осталось в далеком прошлом. Но не для самого Минского. Он по-прежнему продолжает считать себя преимущественно поэтом. Но по причине невостребованности стихи пишутся как бы «для себя», «в стол». Изредка их публикует эмигрантская периодика 1920–1923 гг. («Жар-птица», «Голос России», «Сполохи», «Руль» и др.), однако по сравнению с написанным — это капля в море. В итоге в последний прижизненный сборник стихов Минского «Из мрака к свету», изданный в Берлине З.И. Гржебиным в 1922 г., попадает всего 75 новых стихотворений, не входивших в прежние сборники. Думается, причина такой «скудости» — необходимость не только издать новые тексты, но и напомнить читателю о своих лучших стихах из давнего прошлого, дать по возможности целостное представление о своем поэтическом пути. К сожалению, ни черновых, ни беловых автографов стихов последнего сборника в отечественных архивах не сохранилось. Как не сохранилось планов и проспектов самого издания. Поэтому судить по этому сборнику о подлинном количестве стихотворений, написанных Минским в эмиграции, не представляется возможным. Однако, без сомнения, их число значительно превышало лимитированный объем сборника, и судить об объеме и составе стихотворного наследия Минского-эмигранта возможно будет только тогда, когда будут открыты и исследованы зарубежные архивы.

После этих предварительных замечаний о публикаторской активности Минского-поэта следует прокомментировать принципы составления библиографии его стихов. Заголовки текстов следуют в ней *в алфавитном порядке*. За основу составления перечня был взят *факт первой публикации стихотворения* — независимо от того, где оно было опубликовано: в периодическом органе (журнале, газете, альманахе или коллективном сборнике) или в одном из авторских сборников стихотворений. Приводим их названия, выходные данные, а также условные сокращения, которыми они обозначаются в перечне:

1. «Стихотворения» (СПб.: Издание О.И. Бакста, 1883) – С-83;
2. «Стихотворения» (СПб.: Тип. В.С. Балашова, 1887) – С-87;

3. «Стихотворения. 3-е изд.» (СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1896) – *С-96*;
4. «Новые песни» (СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901) – *НП*;
5. «Полное собрание стихотворений: В 4 т. Т. 1: Белые ночи» (СПб.: Издание И.А. Сафонова, 1904) – *ПСС-1904*;
6. «Полное собрание стихотворений: В 4 т.» (СПб.: Издание М.В. Пирожкова, 1907) – соответственно: том 1 – *ПСС- I*; том 3 – *ПСС – III*; том 4 – *ПСС- IV*;
7. «Стихотворения Н.М. Минского» (СПб.: Тип. М.И. Богельмана, [1916?]) – *С-1916*;
8. «Из мрака к свету: Избранные стихотворения» (Берлин; Петербург; Москва: Издательство З.И. Гржебина, 1922) – *ИМС*.

При описании названия отдельного стихотворения составитель перечня принимал во внимание его следующие компоненты: заглавие; подзаголовок; редакцию первой строки; наличие или отсутствие посвящения. При описании одинаковых заголовков разных стихотворений в перечне наряду с заголовком обязательно в круглых скобках указывается редакция первой строки. В связи с тем, что многие компоненты названия стихотворения часто менялись Минским в процессе его переиздания в разных прижизненных сборниках, составитель счел необходимым не ограничиваться фактом его первой публикации, а проследить историю всех компонентов названия (от заголовка – до посвящения) от сборника к сборнику. Например: **Сонет («Над морем тишина. Вблизи и в отдаленье...»)** – *Северный вестник. 1897. № 12. С. 190*; НП (Молчание: сонет); ПСС-IV (Тишина); ИМС (Тишина). Перепечатки стихов в неавторских сборниках не учитывались (частично данные о них можно найти в наших комментариях к изданию: [8, с. 344–425]). Курсивом везде указывается место первой публикации. Такой принцип описания облегчает задачу его нахождения тому, кто прочел текст в авторском сборнике под заглавием, резко отличным от заглавия его публикации в периодике. В этом случае в перечне дается соответствующая отсылка. Например: **Тишина** – см. **Сонет («Над морем тишина. Вблизи и в отдаленье...»)**. То же самое касается частых случаев, когда заглавие, данное стихотворению в момент его первой публикации, в процессе его переиздания исчезало и стихотворение фигурировало в сборниках по названию его первой строки. Например: **«Маленькой цветущей розой мая...»** – см. **«Моя любовь»**. Аналогично фиксировались все изменения в редакции подзаголовков и посвящений. Такой принцип библиографического описания, помимо практического удобства

пользования, дает исследователю полезный материал для изучения творческой истории текста.

Следующий момент, который необходимо прокомментировать — это принципы библиографического описания стихотворных циклов и стихотворений, входящих в эти циклы. Следует отметить, что разработка этих принципов представляет для библиографа стихов Минского серьезную проблему, так как поэт совершенно свободно относился как к названию самих циклов, так и к их составу и композиции. Он мог произвольно изменять эти компоненты циклической организации: давать циклу другое название, менять его количественный состав, место стихотворения в структуре цикла. Он мог сначала создать цикл, а затем его разрушить, опубликовав входившие в него стихотворения отдельно и вразброс. Мог создать из разрушенного цикла новую поэтическую целостность, соединив в ней старые тексты с новыми, а потом вновь разрушить и ее. Подобное волюнтаристское отношение Минского к проблеме циклической организации, безусловно, отражает то неустоявшееся отношение к понятию «цикл», которое было характерно для «переходной» поэтической эпохи 1880–1890-х гг. [3] и которое отличает поэтов «предсимволистской» поры от эпохи собственно «символистской». Учитывая вышеописанные сложности, составитель перечня предлагает следующий способ библиографического описания поэтических циклов Минского (в данном случае понятие «цикл» к той или иной подборке стихов применяется с известной степенью условности). Сначала описывается факт первой публикации всего цикла и прослеживаются его изменения по всем сборникам поэта. Например: **С восточного (I – VIII) – С-87, с. 124–144; ПСС-1904 (с добавлением IX-X); С-1916 (без изменений)**. Параллельно в перечне дается библиографическое описание каждого стихотворения, входящего в этот цикл, включая и те сборники, в которых оно фигурирует как самостоятельное стихотворение. Например: **«Она, как полдень, хороша...» (С восточного, VIII) – С-87, с. 144; С-96 (как самостоятельное стихотворение); ПСС-1904 (С восточного, VIII); ПСС-III (как самостоятельное стихотворение); С-1916 (С восточного, VIII); ИМС (как самостоятельное стихотворение)**.

В заключение остается сказать о немногочисленных случаях первых публикаций стихов Минского в посмертных изданиях. Абсолютное их большинство включено в наш сборник, вышедший в серии «Новая библиотека поэта» [8]. В перечне первых публикаций он фигурирует под сокращением *НБП*. Все необходимые сведения о местонахождении автографов таких текстов можно найти в комментариях к этому изданию.

Далее мы предполагаем продолжение «Библиографии текстов Н.М. Минского». Будет представлена библиография его сборников и книг стихов, религиозно-философских сочинений, пьес, переводов, литературно-критических и публицистических статей. Отдельно будет дано библиографическое описание «парижских» статей и репортажей, опубликованных в газете «Утро России» (1909–1917).

Составитель библиографии выражает искреннюю благодарность А.Л. Соболеву за ценные советы и добавления.

Литература

1. *Быстров В.Н.* Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус: Петербургская биография. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 344 с.
2. *Быстров В.Н.* Между утопией и трагедией: идея Преображения мира у русских символистов. М.: Прогресс-Плеяда, 2012. 384 с.
3. *Горбатова Е.А.* Специфика циклических форм в лирике русских поэтов 1880–1890-х годов: дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 245 с.
4. *Городницкая А.А.* Общественно-политические взгляды старших символистов (середина 90-х годов XIX века – 1917 год): дис. ... канд. истор. наук. М., 1996. 204 с.
5. *Завьялова Е.Е.* Жанровые модификации в русской лирике 1880–1890-х годов. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2006. 350 с.
6. *Ковалева Т.В.* Русский стих 80–90-х годов XIX века: дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 1993. 188 с.
7. *Кунцевич Д.В.* Творчество Н. Минского в контексте французского символизма: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 252 с.
8. *Минский Н.* Стихотворения и поэмы / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. С.В. Сапожкова // Ранние символисты. Николай Минский. Александр Добролюбов. Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический проект, 2005. 697 с.
9. *Миц З.Г.* Блок и русский символизм: Избранные труды: в 3 кн. СПб.: Искусство–СПб., 2004. Кн. 3: Поэтика русского символизма. 478 с.
10. Переписка З.Н. Гиппиус с Н.М. Минским (1891–1912) / вступ. ст. и примеч. С.В. Сапожкова; сост. и подгот. текста совместно с А.В. Сысоевой // Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Т.106.: Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус. Кн. 1. С.108–397.
11. *Русанова Н.В.* Риторический аспект текстов раннего символизма: на примере творчества Николая Минского: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. 186 с.
12. Русские Modernen – Зинаида Гиппиус и Николай Минский (Из писем Любови Гуревич к Эдгару Мешингу) / вступ. ст. и коммент. М.М. Павловой и С. Рабиновича; подгот. текста М.М. Павловой и К.В. Яковлевой // Русская литература. 2010. № 2. С. 100–125.
13. *Самсонова О.Н.* Творчество Н.М. Минского: феномен этнокультурного самоопределения писателя: дис. ... канд. филол. наук. Ишим, 2009. 140 с.
14. *Ханзен-Лёве А.* Русский символизм: Система поэтических мотивов. Ранний символизм / пер. с нем. СПб.: Академический проект, 1999. 512 с.
15. *Щенникова Л.П.* Русский поэтический неоромантизм 1880–1890-х годов. СПб.: Серебряный век, 2010. 480 с.

BIBLIOGRAPHY OF N.M. MINSKY'S WORKS

Part 1. Poetic texts

© 2020, Sergei V. Sapozhkov

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Abstract: This publication is the first part of the bibliography of works by the famous poet, playwright, critic, translator Nikolai Minsky (1855/1856–1937). It includes a list of the first publications of Minsky's poems (lyrics, narrative poems, poetic dramas). Both the works included in lifetime collections and those published in periodicals, as well as those remaining in manuscripts, are taken into account. When compiling the list, the author relied on the data of A.D. Alexeyev (Pushkin House), as well as personal continuous viewing of journal and newspaper periodicals, both domestic and émigré, for 1877–1937. In total, about 50 titles of journals, newspapers and almanacs of the pre-revolutionary period and about 17 titles of the same branches of periodicals of the émigré period were viewed. When describing the title of an individual poem, the compiler of the list took into account its following components: title; subtitle; revision of the first line; the presence or absence of dedication. The list reflects cases of changes in each of these components for all author collections. Reprints in non-author collections are not included. It is planned to continue the bibliography in the next issues of the journal.

Keywords: Nikolai Minsky; bibliography; first publications of poetic texts (lyrics, narrative poems, poetic dramas); A.D. Alexeyev's card index; periodicals; émigré periodicals.

Information about the author: Sergei V. Sapozhkov — DSc in Philology, Professor, Moscow Pedagogical State University; 119435, Malaya Pirogovskaya st., 1/1, Moscow, Russia. ORCID: <https://0000-0001-6465-7958>. E-mail: svs@mail.ru.

For citation: Sapozkov, S.V. "Bibliography of N.M. Minsky's Works. Part 1. Poetic texts." *Literaturnyi fakt*, 2021, no. 1 (19), pp. 382–406. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-382-406>

References

1. Bystrov, V.N. *Dmitrii Merezhkovskii i Zinaida Gippius: Peterburgskaia biografia* [Dmitry Merezhkovsky and Zinaida Gippius: Petersburg Biography]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2009. 344 p. (In Russ.)
2. Bystrov, V.N. *Mezhdū utopiei i tragediei: ideia Preobrazheniia mira u russkikh simbolistov* [Between Utopia and Tragedy: the Idea of the World Transfiguration in Russian Symbolism]. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2012. 384 p. (In Russ.)
3. Gorbatova, E.A. *Spetsifika tsiklicheskih form v lirike russkikh poetov 1880–1890-kh godov: diss... kand. filol. nauk* [Specificity of Cyclic Forms in Lyrics of Russian Poets of the 1880–1890s: PhD thesis]. Moscow, 2016. 245 p. (In Russ.)

4. Gorodnitskaia, A.A. *Obshchestvenno-politicheskie vzgliady starshikh simbolistov (seredina 90-kh godov XIX veka – 1917 god): diss... kand. istor. nauk [Social and Political Views of the Senior Symbolists (mid-1890s – 1917): PhD thesis]*. Moscow, 1996. 204 p. (In Russ.)
5. Zav'ialova, E.E. *Zhanrovye modifikatsii v russkoi lirike 1880–1890-kh godov [Genre Modifications in Russian Lyrics of the 1880–1890s]*. Astrakhan, ID “Astrakhanskii universitet” Publ., 2006. 350 p. (In Russ.)
6. Kovaleva, T.V. *Russkii stikh 80–90-kh godov XIX veka: diss... kand. filol. nauk [Russian Verse of the 1880–1890s: PhD thesis]*. Almaty, 1993. 188 p. (In Russ.)
7. Kuntsevich, D.V. *Tvorchestvo N. Minskogo v kontekste frantsuzskogo simbolizma: diss... kand. filol. nauk [N. Minsky's Works in the Context of French Symbolism: PhD thesis]*. Moscow, 2017. 252 p. (In Russ.)
8. Minskii, N. “Stikhotvoreniia i poemy” [“Lyrics and Poems”], introd., comp., text prep. and comm. by S.V. Sapozhkov. *Rannie simbolisty. Nikolai Minskii. Aleksandr Dobroliubov. Stikhotvoreniia i poemy [Early Symbolists. Nikolai Minsky. Alexander Dobrolyubov. Lyrics and Poems]*. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2005. 697 p. (In Russ.)
9. Mints, Z.G. *Blok i russkii simbolizm: Izbrannye trudy: v 3 kn. [Blok and Russian Symbolism: Selected Works: in 3 books]*, book 3: *Poetika russkogo simbolizma [Poetics of Russian Symbolism]*. St. Petersburg, Iskustvo–SPb. Publ., 2004. 478 p. (In Russ.)
10. “Perepiska Z.N. Gippius s N.M. Minskim (1891–1912)” [“Z.N. Gippius's Correspondence with N.M. Minsky (1891–1912)”], introd. and comm. by S.V. Sapozhkov, comp. and text prep. in cooperation with A.V. Sysoeva. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 106: *Epistolarnoe nasledie Z.N. Gippius [Epistolary Heritage of Z.N. Gippius]*, book 1. Moscow, IWL RAS Publ., 2018, pp. 108–397. (In Russ.)
11. Rusanova, N.V. *Ritoricheskii aspekt tekstov rannego simbolizma: na primere tvorchestva Nikolaia Minskogo: diss... kand. filol. nauk [The Rhetorical Aspect of Early Symbolist Texts: on the Example of Works by Nikolai Minsky: PhD thesis]*. St. Petersburg, 2011. 186 p. (In Russ.)
12. “Russkie Modernen – Zinaida Gippius i Nikolai Minskii (Iz pisem Liubovi Gurevich k Edgaru Meshingu)” [“Russian Modernen – Zinaida Gippius and Nikolai Minsky (From Lyubov Gurevich's Letters to Edgar Meshing)”], introd. and comm. by M.M. Pavlova and S. Rabinovich, text prep. by M.M. Pavlova and K.V. Yakovleva. *Russkaia literatura*, no. 2, 2010, pp. 100–125. (In Russ.)
13. Samsonova, O.N. *Tvorchestvo N.M. Minskogo: fenomen etnokul'turnogo samoopredeleniia pisatel'ia: diss. ... kand. filol. nauk [N.M. Minsky's Works: the Phenomenon of Ethnocultural Self-determination of the Writer: PhD thesis]*. Ishim, 2009. 140 p. (In Russ.)
14. Hansen-Loewe, A. *Russkii simbolizm: Sistema poeticheskikh motivov. Rannii simbolizm [Russian Symbolism: The System of Poetic Motives. Early Symbolism]*, transl. from German. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999. 512 p. (In Russ.)
15. Shchennikova, L.P. *Russkii poeticheskii neoromantizm 1880–1890-kh godov [Russian Poetic Neo-romanticism of the 1880–1890s]*. St. Petersburg, Serebrianyi vek Publ., 2010. 480 p. (In Russ.)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Библиография стихотворных текстов Н. М. Минского

- Агасфер** – ПСС-1904, с. 107; ПСС-I; С-1916; ИМС.
- Алмазу** – *Вестник Европы*. 1901. № 10. С. 756–757; ПСС- IV; ИМС.
- «Без Отчизны, без семьи – в толпе одна...»** – Юбилейный сборник Литературного фонда. 1859–1909. СПб., 1910. С. 433.
- Бездействие (Сонеты, VIII)** – *Северный вестник*. 1893. № 4. С. 306–307; С-96 (Сонеты, XII); ПСС- IV (здесь и далее как самостоятельное стихотворение); ИМС.
- Белые ночи** – *Вестник Европы*. 1879. № 11. С. 272–281; С-87; С-96; ПСС- 1904; ПСС-I; С-1916; ИМС.
- «Бескрайний свод небес, полей простор безбрежный...»** – см. Сонет («Бескрайний свод небес, полей простор безбрежный...»).
- Бессмертие (Тучки, VII)** – *Вестник Европы*. 1879. № 4. С. 765; С-87 (здесь и далее как самостоятельное стихотворение); ПСС- 1904; ПСС-I; С-1916.
- «Бессонная полночь парит надо мной...» (Две элгии, I)** – *Северный вестник*. 1891. № 4. С. 63; С-96 (здесь и далее как самостоятельное стихотворение); ПСС-III; ИМС (Элегия).
- «Бессонною змеей тоски и сожаленья...»** – С-87, с. 147; ПСС-1904; ПСС-I; С-1916.
- «Блеском солнца небо ослепляет...»** – С-87, с. 12; С-96; ПСС- III; ИМС.
- «Бог сказал Архистратигу...»** – *Свет*. 1878. № 7. С. 222 (подпись: М); С-83.
- Боги и войны** – *Грядущая Россия*. Париж, 1920. № 1. С. 122–124; ИМС.
- «Боже! Как отраден конец труда...»** – ИМС, с. 82.
- «Боже! Усталость нагнулась на меня...»** – ИМС, с. 72.
- Большой** – С-96, с. 231–234; ПСС-1904; С-1916.
- «Борьбы двух грозных сил, неравных меж собою...»** – см. «С итальянского».
- «Боюсь соблазнов сонных созерцанья...»** – ИМС, с. 182.
- «Боюсь я вечных звезд...» (Сонет)** – НП, с. 38–39; ПСС-IV (без подзаголовка, в разделе «Сонеты»); ИМС (без подзаголовка).
- Брат и сестра** – *Наблюдатель*. 1891. № 2. С. 236–239; С-96; ПСС-1904; ПСС-I; С-1916.
- Буренину** (назвавшему стихи Надсона «избитейшими») – НБП, с. 308.
- «Была пора вражды. Как ныне, мир влачился...»** – С-87, с. 63; С-96.
- «Быть может, мир прекрасней был когда-то...»** – ПСС-III, с. 52–53.
- В альбом** – ПСС-III, с. 134.
- «В бесчисленных огнях сверкаетдушный храм...»** – см. «Ночь на Великое воскресенье».
- В годину пыток и клеймения** – см. «В те дни, когда из духа мшенья...»
- В горах** – *Вестник Европы*. 1887. № 4. С. 742; С-87; С-96; ПСС-III; ИМС.
- «В двенадцать лет известный лирик...»** – НБП, с. 311.
- В деревне** – С-83, с. 9; С-87; С-96; ПСС-1904; ПСС- I; С-1916.
- «В детстве часто злой кошмар...»** – *Вестник Европы*. 1889. № 2. С. 745; С-96 (здесь и далее под назв. «Кошмар»); ПСС-1904; ПСС-I; С-1916; ИМС.
- В дни войны** – ИМС, с. 377–378.
- В дни недуга** – ПСС-1904, с. 139 - 144; ПСС-I; С-1916.
- «В душе моей, счастием бедной...» (Сердечные мотивы, I)** – *Северный вестник*. 1895. № 10. С. 214; С-96 (здесь и далее как самостоятельное стихотворение); ПСС-IV; ИМС.
- «В ее чертах, младенческих и нежных...»** – С-96, с. 239–240; ПСС-III.
- «В засуху я видал, как мимо чахлой пашни...»** – *Помощь голодающим. Научно-литературный сб. М.: изд. «Русских ведомостей», 1892. С. 323; С-96; ПСС-1904; ПСС- I; С-1916.*
- В кинематографе** – ИМС, с. 73.

В минуту скорби – *Вестник Европы*. 1885. № 11. С. 184; С-87; С-96 (Nokturno); ПСС-1904 (Nokturno); ПСС-III (НоктюРН); С-1916 (Nokturno), ИМС (НоктюРН).

«**В моей душе дремало горе...**» – *Вестник Европы*. 1877. № 3. С. 356; С-83; Нива. 1911. № 3.

«**В моей душе любовь восходит...**» – С-83, с. 124; С-87 (С восточного, II); С-1904 (С восточного, II); ПСС-III (как самостоятельное стихотворение); С-1916 (С восточного, II); ИМС (как самостоятельное стихотворение).

В одиночном заключении – ПСС-IV, с. 260–263; ИМС.

В оливковой роше (Сонет) – НП, с. 40 - 41; ПСС-IV (без подзаголовка; в разделе «Сонеты»); ИМС (без подзаголовка).

В полночь (Фантазия) – *Вестник Европы*. 1886. № 5. С. 312–316; С-87; С-96 (здесь и далее без подзаголовка); ПСС-IV; ИМС.

В пути (Любовь и красота, I) – *Золотое руно*. 1906. № 4. С. 40; ПСС-IV (здесь и далее как самостоятельное стихотворение); ИМС.

«**В разлуке горькой сладкий сон...**» (С восточного, IV) – С-87, с. 140; ПСС-1904; ПСС-III (как самостоятельное стихотворение); С-1916 (С восточного, VI).

В саду – С-96, с. 227.

В салоне – НБП, с. 309.

«**В страданных гордость позабыв...**» (Две элегии, II) – *Северный вестник*. 1891. № 4. С. 64; С-96 (здесь и далее как самостоятельное стихотворение); ПСС-III; ИМС.

«**В страданных живу я, но радость пою...**» (Два цветка, I) – *Вестник Европы*. 1897. № 1. С. 63–64; НП; ПСС-IV.

В сумерки (Думы и грезы, VI) – *Вестник Европы*. 1878. № 4. С. 821–824; С-83 (как самостоятельное стихотворение).

«**В твой детский взор пытливо-грешный...**» – ПСС-III, с. 136.

«**В твой каждый стих частица “уж”...**» – НБП, с. 308.

«**В те дни, когда из духа мщенья...**» – *Сборник в пользу голодающих. М.: типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и К*, 1891. С. 59–60 (с посвящением А.Ф. Кони); С-96 (В годину пыток и клеймения; без посвящения); ПСС-III (как в С-96).

«**В тишине моей каморки...**» – ИМС, с. 220.

«**В толпе людской ожесточенной...**» – С-83, с. 110; С-87; ПСС-1904; ПСС-I; С-1916.

«**В тот вечер облаком я был...**» – НП, с. 88–89; ПСС-IV.

«**В тот вечер памятный насмешкой ледяной...**» – С-87, с. 148; С-96; ПСС-III; ИМС.

«**Вакханкой молодой ко мне она вошла...**» – С-87, с. 1–3; С-96; ПСС-III (Три Музы); ИМС (Три Музы).

Варваре Ивановне Иксуль – НБП, с. 304.

«**Ваш образ, вечно жить достойный...**» – ПСС-1904, с. 180; ПСС-III; С-1904.

«**Веди меня от светлой влаги мелей...**» – ИМС, с. 238.

Везувий (I – II) – С-83, с. 44.

«**С трудом дыша, в золу глубоко увязая...**» (Везувий, I) – С-83, с. 44–47; С-87 (здесь и далее как самостоятельное стихотворение) ПСС-1904; ПСС-I; С-1916.

«**Мы тяжело и медленно въезжали...**» (Везувий, II) – С-83, с. 47–50; ПСС-III (как самостоятельное стихотворение).

Верую – ИМС, с. 353.

Весталка – см. «Весталки».

Весталки – С-83, с. 55; С-87 (Весталка); ПСС- 1904 (здесь и далее везде под назв. «Весталки»); ПСС-I; С-1916.

Вестнику Европы – НБП, с. 309.

Вечер («Нежданно и неслышно подошли...») – С-96, с. 245 - 247; ПСС-III; ИМС.

Вечер («Река зарею пламенеет...») – *Новь*. 1885. Т. IV. № 16. С. 487; ПСС-1904; ПСС-I; С-1916; ИМС.

Вечерние размышления Агасфера – ПСС-1904, с. 124–126; ПСС-I; С-1916.

- Вечерний звон** – ИМС, с. 138.
- Вечерняя звезда** – С-96, с. 213; ПСС-III.
- Вечерняя песня** – *Северный вестник*. 1896. № 3. С. 262; НП; ПСС-IV; ИМС.
- Видение (Сонет) («Был вечер грусти после дня труда...»)** – НП, с. 117–118; ПСС-IV (без подзаголовка; в разделе «Сонеты»); ИМС (без подзаголовка).
- Видение («В третий год по воцареньи духа мщенья и страданий...»)** – *Жар-птица*. Берлин, 1922. № 6. С. 2; ИМС.
- Видение («Я созерцал в саду два стройных существа...»)** – *Литературно-художественный альманах издательства «Шиповник»*. Кн. 6. СПб., 1908. С. 162; ИМС.
- Видение Агасфера** – *Книжки «Восхода»*. 1900. № 12. С. 63; ПСС-1904; ПСС-I; С-1916; ИМС.
- «Во мне Булгарина начало...»** – НБП, с. 308.
- Во сне и наяву** – *Слово*. 1879. № 12. С. 63–64; НБП.
- «Война – какой восторг! Нет жизни веселей...»** – *Утро России*. 1914. № 293. 26 августа. С. 3; НБП.
- Волна (Сердечные мотивы, II)** – *Северный вестник*. 1895. № 10. С. 214; С-96 (здесь и далее как самостоятельное стихотворение); ПСС-IV; ИМС.
- «Волнуется море безбрежное нив...»** – ПСС-1904, с. 101; ПСС-I; С-1916.
- Волны** – *Денница*. СПб., 1900. С. 130–132; НП (с подзаголовком «Симфония»); ПСС-IV; ИМС.
- Восточная легенда** – НП, с. 95–97; ПСС-IV; ИМС.
- «Впервые после многих лет...» (Любовь и красота, II)** – *Золотое руно*. 1906. № 4. С. 40; ПСС-IV (здесь и далее как самостоятельное стихотворение); ИМС.
- «Все люди из души сотворены и тела...»** – НП, с. 101–102; ПСС-IV (назв. по первой строке; в разделе «Сонеты»); ИМС (назв. по первой строке).
- «Все святыни в небе обветшали...»** – ИМС, с. 67.
- «Все тот же сон. Ряды гробниц...»** – ПСС-1904, с. 76; ПСС-I; С-1916.
- «Все, что в мире живет, происходит от мира...»** – ПСС-IV, с. 46 (здесь и далее как самостоятельное стихотворение); ИМС.
- Всем** – *Мир искусства*. 1901. № 5. С. 209; ПСС-IV; ИМС.
- «Встретим, радуясь, как дети...»** – *Эренбург И. Собр. соч.: в 9 т. М.: Гослитиздат, 1966*. Т. 8. С. 411.
- «Всякий раз, как судьба...»** – С-83, с. 54.
- Всякому** – С-87, с. 177; С-96; ПСС-1904; ПСС-I; С-1916.
- «Вчера всю ночь один по улицам я брел...»** – ПСС-1904, с. 135; ПСС-I («По сонным улицам, как призрак сна, я шел...»); С-1916 («Вчера всю ночь один по улицам я брел...»).
- «Вы ни дурны, ни хороши...»** – НБП, с. 310.
- Гений и труд** – *Книжки «Недели»*. 1885. № 8. С. 1–3 (с посвящением Максиму Белинскому); С-87 (с посвящением И.И. Ясинскому); С-96 (здесь и далее без посвящения); ПСС-III.
- «Гений требует слова – не просит...»** – ПСС-1904, с. 165; ПСС-I; С-1916.
- Гефсиманская ночь** – см. «Искушение».
- Гимн Интернационала** – ИМС, с. 21.
- Гимн рабочих** – *Новая Жизнь*. 1905. № 12, от 13 ноября; ПСС-I; ИМС.
- «Глухой, в концерт попав, рассказывал потом...»** – ИМС, с. 179.
- Город вдали** – *Книжки «Недели»*. 1900. № 12. С. 124; НП; ПСС-IV; ИМС.
- Город смерти** – *Северный вестник*. 1894. № 11. С. 1–13; С-96; ПСС-IV; ИМС.
- «Горы покрылись вуалью...»** – см. Сонет («Горы покрылись вуалью...»).
- Гроза** – см. «Наши восторги».
- Грот в скале** – *Северный вестник*. 1891. № 12. С. 178; С-96; ПСС-IV (Лазурный грот); ИМС (Лазурный грот).
- «Да, народ, ты велик, как гора-исполн...»** – см. «Народу».
- Далекому другу** – ПСС-1904, с. 77; ПСС-I; С-1916.

- «Дары судьбы разнообразны...» – *НБП*, с. 310.
- Два голоса (Вечерняя песнь) – *Золотое руно*. 1906. № 4. С. 40–41; ПСС-IV; ИМС.
- Два пути – см. «Нет двух путей добра и зла...».
- Два цветка (I – III) – *Вестник Европы*. 1897. № 1. С. 63–67; НП; ПСС-IV; ИМС.
- Две души – *ИМС*, с. 240.
- Две природы – *ИМС*, с. 372.
- Две элгии (I – II) – *Северный вестник*. 1891. № 4. С. 63 – 64.
- Дети – *С-83*, с. 112.
- «Для того, чтоб в лучах красовались цветы...» (На глубине, I) – *ПСС-IV*, с. 231; ИМС.
- «Дни моей жизни – листья черновой...» – *ИМС*, с. 68.
- Дома («Насытил я свой жадный взор...») – *С-87*, с. 169; ПСС-1904; ПСС-I (по первой строке); *С-1916* (Дома).
- Дома («С отрадой вижу вас, знакомые места...») (Думы и грезы, I) – *Вестник Европы*. 1887. № 12. С. 461–462; *С-83* (как самостоятельное стихотворение).
- Дома («Умиленный и скорбящий...») – *ПСС-1904*, с. 148–149; ПСС-I; *С-1916*.
- «Друг мой, я печален также беспредельно...» – *Ежемес. литературно-художественное приложение к журналу «Нива»*. 1907. № 5. С. 25. ПСС-IV; ИМС.
- Другу («Добрый друг!...») – *С-83*, с. 104.
- Другу («Не утешай меня в моей святой печали...») – *Вестник Европы*. 1886. № 4. С. 735; *С-87*; *С-96*; ПСС-1904; ПСС-I (назв. по первой строке); *С-1916* (Другу).
- Дума – см. «Отрады нет ни в чем. Стрелюю мчаться годы...».
- Думы и грезы (I – VI) – *Вестник Европы*. 1877. № 12. С посвящением «Ю.И. Я – вой». *С. 461-464 (I – II)*; 1878. № 2. С. 672 – 675 (III – V); 1878. № 4 (VI).
- Душа и любовь (Сонет) – *НП*, с. 106–107; ПСС-IV (без подзаголовка; в разделе «Сонеты»); ИМС (без подзаголовка).
- Душа и природа – *Новый путь*. 1903. № 11. С. 85 – 88; ПСС-IV; ИМС.
- «Душе моей дали два мощных крыла...» – *Вестник Европы*. 1885. № 5. С. 220; НБП.
- Ему же – *НБП*, с. 308.
- «Если б между нами простиралось море...» – *Иллюстрированный еженедельник*. 1907. № 9. С. 131; ПСС-III.
- «Есть гимны звучные, – я в детстве им внимал...» – см. «Посвящение» («Есть гимны звучные, – я в детстве им внимал...»).
- «Есть храм. Все двери заперты...» – *Мир искусства*. 1901. № 5. С. 210; НБП.
- «Еще качая, мать мне пела...» (Песни, I) – *Вестник Европы*. 1877. № 6. С. 711; *С-83* (как самостоятельное стихотворение).
- «Еще я не люблю, - но, как восток зарею...» – *С-87*, с. 145 (с посвящением А.В. Бел-овой); *С-96* (здесь и далее без посвящения); ПСС-III; ИМС.
- Жалобы Агасфера – см. «Ты хочешь повесть знать моих морщин...».
- Женевское озеро – см. «На Женевском озере».
- Жирондисту (к картине К. Мюллера) – *Наблюдатель*. 1882. № 4. С. 93; *С-83*; ПСС-1904 (Казнь жирондиста); ПСС-I (Казнь); *С-1916* (Казнь жирондиста).
- Забвенье и Молчанье (Надпись на барельефе) – *Северный вестник*. 1895. № 6. С. 277–279; *С-96*; ПСС-IV; ИМС.
- «Заветное сбылось. Я одинок...» (Сонеты, I) – *Вестник Европы*. 1903. № 12. С. 644; ПСС-IV (здесь и далее как самостоятельное стихотворение; в разделе «Сонеты»); ИМС.
- «Закат осенний золотит...» – *Северный вестник*. 1892. № 2. 154; *С-96*; ПСС-III; ИМС.
- Заклинание – *НБП*, с. 305.
- Засуха («Я помню: летнею порою...») – *Вестник Европы*. 1878. № 7. С. 7; *С-87*; *С-96*; ПСС-1904; ПСС-I; *С-1916*.
- Затишье – *Книжки «Недели»*. 1887. № 5. С. 42; *С-87*; *С-96*; ПСС-III; ИМС.
- «Заткнув руками уши...» – *НБП*, с. 310.

Зачем? («Зачем мертвящим словом “нет”...») – На памятник А.П. Чехову. СПб.: типогр. товарищества «Общественная польза», 1906. С. 104; ПСС-IV.

Зачем? («Мне снилось: в папахах из белых снегов...») (Думы и грезы, IV) – *Вестник Европы*. 1878. № 2. С. 673; С-87 (здесь и далее как самостоятельное стихотворение); ПСС-1904; ПСС-I; С-1916.

«Зачем порой среди трудов научных...» – *Вестник Европы*. 1877. № 2. С. 682.

«Зачем вам боги, что живут...» – *ИМС*, с. 365.

«Здравствуй, славный Крошка, желтенький и черный...» – *НБП*, с. 304.

Зеркало – *Новая жизнь*. 1913. № 2. С. 68; *ИМС*.

«Золотые выются нити...» – *НБП*, с. 300.

«Из бездны, где в цепях безумный демон бился...») – С-96, с. 226; ПСС-I; С-1916.

Из воспоминаний – *Вестник Европы*. 1878. № 4; С-83.

Из песен о родине: Возвращение – см. «Песни о родине».

«Известье скорбное нежданно налетело...» – *ПСС-III*, с. 138.

Интермедия – *Голос России*. Берлин, 1922. № 943. 16 апреля. С. 7; Русское эхо. Шанхай, 1922. № 590. 28 июня. С. 3; *ИМС*.

Искусство – *Вестник Европы*. 1887. № 6. С. 114; С-87; С-96; ПСС- III; *ИМС*.

Искушение – *Пушкинский сб.* СПб., 1899. С. 34–43; НП (Гефсиманская ночь); ПСС-III (Гефсиманская ночь); *ИМС* (Гефсиманская ночь).

Истина и красота (Сонет) – *Северный вестник*. 1891. № 2. С. 237–238; С-96 (Сонеты, VIII); ПСС-IV (здесь и далее как самостоятельное стихотворение); *ИМС*.

Исторнику (Тучки, III) – *Вестник Европы*. 1879. № 4. С. 763–764; С-87 (здесь и далее везде как самостоятельное стихотворение); ПСС-1904; ПСС-I; С-1916.

«К вратам рая, более осянным...» – *Сплохи*. Берлин, 1922. № 7. С. 2; *ИМС*.

К Реймскому собору – *ИМС*, с. 385–386.

К своим стихам – *ИМС*, с. 275.

«К тебе, Господь, душа моя пришла...» – *Северные цветы на 1902 год, собранные книгоиздателем «Скорпион»*. М.: М.И. Мамонтов, 1902. С. 111; ПСС-IV (На глубине, II); *ИМС* (На глубине, II).

Казбеку – *Вестник Европы*. 1886. № 12. С. 533–534; С-87; ПСС-1904; ПСС-I; С-1916.

Казнь («Ее казнили рано на заре...») – *Перевал*. 1907. № 5. С. 4; ПСС-I; *ИМС*.

Казнь («Тронулась в путь колесница позорная...») – см. «Жирондисту (к картине К. Мюллера)».

Казнь жирондиста («Тронулась в путь колесница позорная...») – см. «Жирондисту (к картине К. Мюллера)».

«Как ждут грозы засохшие поля...» (Сонеты, II) – *Вестник Европы*. 1903. № 12. С. 644–645; ПСС-IV (здесь и далее как самостоятельное стихотворение); *ИМС*.

«Как за бегущим валом вал...» – *Мир искусства*. 1901. № 5. С. 210; ПСС-III; *ИМС*.

«Как огня, вас боится разврат...» – *НБП*, с. 310.

«Как сон, пройдут дела и помыслы людей...» – С-87, с. 189–190; С-96; ПСС-IV; *ИМС*.

«Как страшно трупом истлевать...» – *ИМС*, с. 80.

«Как этот вздох волны, то нежной, то смятенной...» (У моря, II) – *Ежемес. литературно-художественное приложение к журналу «Нива»*. 1895. № 10. С. 275; С-96; ПСС- IV; *ИМС*.

Кашемир (индийская легенда) – *Вестник Европы*. 1877. № 2. С. 676–677.

Когда – *ИМС*, с. 246.

«Когда, источник слез весь осушив до дна...» – С-87, с. 135 (с посвящением М.Н. Д–виной); С-96 (здесь и далее без посвящения); ПСС-1904; ПСС-III; С-1916.

«Когда от мук изнемогаю...» (Песни, II) – *Вестник Европы*. 1877. № 6. С. 710.

«Когда разлукою притушенная ласка...» – *НБП*, с. 300.

«Когда свершился круг творенья...» – *Северный вестник*. 1891. № 2. С. 238; С-96; ПСС-1904; ПСС-I; С-1916.

«Конец земной борьбы нам видеть не дано...» – *Вестник Европы*. 1895. № 10. С. 721; С-96; ПСС-III (в составе цикла без названия под цифрой II); ИМС (как самостоятельное стихотворение).

Корабль – *Вестник Европы*. 1877. № 2. С. 678.

Кошмар – см. «В детстве часто злой кошмар...».

Красная тьма – *ИМС*, с. 22.

«Красою – женщина, еще дитя – летами...» (С восточного, III) – С-87, с. 139; С-96 (С восточного, II); ПСС – 1904 (С восточного, III); ПСС-III (как самостоятельное стихотворение); С-1916 (С восточного, III); ИМС (как самостоятельное стихотворение).

Критик и поэт – *Вестник Европы*. 1879. № 2. С. 690–691; С-83.

«Кто б ни был ты, чей взор с участием...» – С-87, с. 66–67; ПСС-1904; ПСС-I; С-1916.

Кто Бога узрит – *Северные цветы ассирийские: альманах книгоиздательства «Скорпион»*. М., 1905. С. 63; ПСС-IV; ИМС.

«Кто любит лежать на софе, тот философ, конечно...» – *НБП*, с. 310.

«Кто ты, о демон злой, что на пороге стал...» (Сонеты, X) – С-96, с. 127; ПСС-IV (здесь и далее как самостоятельное стихотворение); ИМС.

Лазурный грот – см. «Грот в скале».

Листопад (Сухие листья, I) – *Вестник Европы*. 1900. № 11. С. 324; НП (здесь и далее в составе цикла «Мертвые листья», I); ПСС-IV; ИМС.

«Лишь тот достоин быть, Господь любвеобильный...» – *ПСС-III*, с. 90.

Ложь и правда (Сонеты, VI) – *Северный вестник*. 1893. № 2. С. 203–204; С-96 (Сонеты, VI); ПСС-IV (здесь и далее как самостоятельное стихотворение); ИМС.

Лунный свет – *Северный вестник*. 1892. № 1. С. 234; С-96; ПСС-IV; ИМС.

Любовь и меч – С-83, с. 3; С-96; С-87; ПСС-1904; ПСС-I; С-1916.

Любовь и красота (I – II) – *Золотое руно*. 1906. № 4. С. 40.

Любовь к ближнему (Сонеты, III) – *Северный вестник*. 1893. № 2. С. 202; С-96 (Сонеты, III); ПСС-IV (здесь и далее как самостоятельное стихотворение); ИМС.

Любовь одна – *ИМС*, с. 242.

Мадригал – *ПСС-IV*, с. 152; ИМС.

«Маленькой цветущей розой мая...» – см. «Моя любовь».

Мелодия – *Вестник Европы*. 1912. № 5. С. 115–116; ИМС.

Мертвые листья (I – III) – см. «Сухие листья» (I – III).

Метемпсихоз (Сонеты, X) – *Северный вестник*. 1893. № 4. С. 307–308; С-96 (Сонеты, XV); ПСС-IV (здесь и далее как самостоятельное стихотворение); ИМС.

Мечта и опыт (Тучки, V) – *Вестник Европы*. 1879. № 4. С. 764; С-83 (как самостоятельное стихотворение).

Мечтателю – С 83, с. 100.

«Мимо солнца ясным утром...» – С-96, с. 262; ПСС-III.

«Минул тяжелый день – и ночь сошла с небес...» – *Вестник Европы*. 1877. № 2. С. 683; НБП.

«Мне кажется порой, что жизни драма...» – *ПСС-1904*, с. 169; ПСС-I; С-1916.

«Мне мешало спать сирокко...» (У моря, II) – *Ежемес. литературно-художественное приложение к журналу «Нива»*. 1895. № 10. С. 275; С-96 (здесь и далее как самостоятельное стихотворение); ПСС-IV; ИМС.

«Мне рок нанес удар тяжелый...» – С-87, с. 177; ПСС-1904; ПСС-I; С-1916.

«Многогрешными устами...» (С восточного, X) – *ПСС-1904*, с. 174–175; ПСС-III (как самостоятельное стихотворение); С-1916 (С восточного, X); ИМС (как самостоятельное стихотворение).

«Моей вы вяли грустной лире...» – *ПСС-III*, с. 129.

«Мои друзья! Когда умру я...» – *Вестник Европы*. 1903. № 12. С. 645; ПСС-IV; ИМС.

Моим судьям (Сонеты, XVII) – С-96, с. 134; ПСС-IV (здесь и далее как самостоятельное стихотворение); ИМС.

- «Мой Бог не в небесах...»** – ИМС, с. 366.
- Мой демон** – *Вестник Европы*. 1885. № 11. С. 185; С-87; С-96; ПСС-III; ИМС.
- Мой храм (Сонет)** – НП, с. 46–47; ПСС-IV (без подзаголовка, в разделе «Сонеты»); ИМС (без подзаголовка).
- «Молитв просительных не знает мой язык...»** – Мильтон Е. *Воспоминания о поэте Минском // Новая жизнь*. Нью-Йорк, 1968. № 91. С. 155; НБП.
- Молитва («В дни юности он в Бога верил твердо...»)** (Сонеты, IV) – С-96, с. 121; ПСС-IV (здесь и далее как самостоятельное стихотворение); ИМС.
- Молитва («Прости мне, Боже, вздох усталости...»)** – *Ежемесячные сочинения*. 1901. № 9. С. 16; ПСС-IV; ИМС.
- Молитва («Устал гореть янтарными огнями...»)** – *Вестник Европы*. 1886. № 6. С. 613–614; С-87; С-96; ПСС-III; ИМС.
- Молчание** – см. Сонет («Над морем тишина. Вблизи и в отдаленье...»).
- Молчание («К чему твердить скале: ты чувства лишена...»)** (Сонеты, XI) – *Северный вестник*. 1893. № 4. С. 308; С-96 (Сонеты, XVI); ПСС-IV (как самостоятельное стихотворение).
- Море («Недолго, о море, в немом упоенье...»)** – ПСС-1904, с. 149–150; ПСС-I; С-1916.
- Море («Под мшистой скалой...»)** – С-83, с. 120.
- Морю** – С-83, с. 48.
- Моя вера** – *Вестник Европы*. 1878. № 11. С. 6; С-83; С-87; ПСС-1904; ПСС-I; С-1916.
- Моя любовь («Маленькой, цветущей розой мая...»)** – С-83, с. 124; С-87 (здесь и далее везде назв. по первой строке); С-96; ПСС-1904 (С восточного, IX); ПСС-III (как самостоятельное стихотворение); С-1916 (С восточного, IX); ИМС (как самостоятельное стихотворение).
- Мудрые и неразумные. Мистерия в 4 поклонениях, с прологом и эпилогом** – *Нива*. 1912. № 31. С. 606–610; ИМС.
- Муж и жена** – НБП, с. 309.
- Мщение поэта** – С-83, с. 39; ПСС-1904; ПСС-I; С-1916.
- «Мы в тяжкий век живем – тяжело был едва ль...»** – ПСС-III, с. 49. В составе цикла без назв. под цифрой I. Вместе с «Конца земной борьбы нам видеть не дано...» (II).
- «Мы любили друг друга любовью иной...»** – ПСС-III, с. 120; ИМС.
- «Мы обручимся без оков...»** – ИМС, с. 237.
- На вершине** – *Новый путь*. 1904. № 1. С. 148–149; ПСС-IV; ИМС.
- «На восток, где море плещет...»** (С восточного, V) – С-87, с. 141; ПСС-1904 (С восточного, V); ПСС-III (как самостоятельное стихотворение, с подзаголовком «С восточного»); С-1916 (С восточного, V).
- На высоте («Я бросил повод, я волю дал коню...»)** – С-87, с. 8–9; С-96; ПСС-III; ИМС.
- На глубине (I – II)** – ПСС-IV, с. 231–232; ИМС.
- На Женевском озере (Сонет)** – *Вестник Европы*. 1890. № 10. С. 806; С-96 (без подзаголовка); ПСС-III (Женевское озеро).
- На заре («О, где, мой друг...»)** – С-83, с. 128.
- На заре жизни** – С-87, с. 181–182; С-96.
- На кладбище («Сын: Посмотри: на каждом камне...»)** – С-83, с. III; ПСС-1904; ПСС-I; С-1916 (с подзаголовком «с восточного»).
- На кладбище («Я только что вернулся с похорон...»)** – ПСС-1904, с. 192–196; ПСС-I; С-1916.
- На корабле («Зажглась звезда, поднялся ветерок...»)** (Сонеты, V) – *Северный вестник*. 1893. № 2. С. 203; С-96 (Сонеты, V); ПСС-IV (здесь и далее как самостоятельное стихотворение); ИМС.
- На корабле («Ни дум, ни тревог...Эти дни я живу...»)** – *Книжки «Недели*. 1887. № 1. С. 54; С-87; С-96; ПСС-III; ИМС.
- На мотив из Иеремии** – см. «Один из многих».

«На палубе сырой мелькали мы, как тени...» – *Северный вестник*. 1894. № 10. С. 48; С-96; ПСС-III; ИМС («На палубе сырой мелькали наши тени...»).

«На память долгую о том, чего нельзя...» – *ИМС*, с. 239.

«На разных языках, все знаками другими...» (Сонет) – *Ежемесячные сочинения*. 1901. № 6. С. 124; ПСС-IV (здесь и далее без подзаголовка); ИМС.

На родине – *Вестник Европы*. 1877. № 1. С. 200–209.

«На родине теперь встречают праздник чудный...» – *Северный вестник*. 1892. № 3. С. 160; С-96; ПСС-IV.

На смерть поэта – *НП*, с. 78–80; ПСС-IV; ИМС.

«На страже чистоты поставлен гордый гнев...» – см. Сонет («На страже чистоты поставлен гордый гнев...»).

На тот берег – *Нива*. 1914. № 5. С. 89; НБП.

«На устах ее знойных улыбки цветут...» (С восточного, 2) – *Новь*. 1885. Т. VII. № 1. С. 36; С-87 (С восточного, VI); ПСС-1904 (С восточного, VI); ПСС-III (как самостоятельное стихотворение); С-1916 (С восточного, VI).

На чужом пиру – *Вестник Европы*. 1880. № 11. С. 151–157; С-83; С-87; ПСС-1904; ПСС-I; С-1916.

На Эльберге – *Устои*. 1882. № 7. С. 144; С-83; ПСС-1904; ПСС-I; С-1916.

Навсегда – *ИМС*, с. 83.

«Над арфой она склонилась и играла...» – *НП*, с. 50; ПСС-III; ИМС.

Над газетой – *Свободная мысль*. Париж, 1920. № 1. 20 сентября. С. 2; ИМС.

Над могилой Вс. Гаршина – *Красный цветок: Памяти В.М. Гаршина. Художественно-литературный сб.* СПб., 1889. С. 8; С-96; ПСС-1904; ПСС-I; С-1916; ИМС.

Над могилой К.Д. Кавелина – см. «Над свежей могилой К.Д. Кавелина».

«Над свежей могилой К.Д. Кавелина» – *Вестник Европы*. 1885. № 6. С. 811; С-87 (здесь и далее под назв. «Над могилой К.Д. Кавелина»); ПСС-1904; ПСС-I; С-1916.

Над старыми письмами – *ИМС*, с. 241.

«Напрасно над собой я делаю усилья...» – *Вестник Европы*. 1886. № 7. С. 348; С-87; ПСС-1904; ПСС-I; С-1916; ИМС.

Народу («Да, народ, ты велик, как гора-исполни...») (Тучки, I) – *Вестник Европы*. 1879. № 4. С. 763; С-87, с. 176 (как самостоятельное стихотворение).

«Наставники мои! О, Пушкин величавый...» – С-87, с. 58–59; ПСС-1904; ПСС-I; С-1916.

«Насытил я свой жадный взор...» – см. «Дома».

Наше горе (Думы и грезы, III) – *Вестник Европы*. 1878. № 2. С. 672; С-83 (здесь и далее как самостоятельное стихотворение); С-87; С-96; ПСС-1904; ПСС-I; С-1916.

«Наши звезды в различных созвездиях зажглись...» – С-96, с. 238; ПСС-III.

Наши восторги – *Вестник Европы*. 1878. № 7. С. 8; С-83 (Гроза).

«Не в молодости, случаю подвластной...» – *НП*, с. 103–104; ПСС-IV.

«Не все ль равно, кому молиться и о чем...» – *ИМС*, с. 74.

«Не все ль равно, правдива ты иль нет...» (Сонеты VII) – С-96, с. 124; ПСС-IV (здесь и далее как самостоятельное стихотворение); ИМС.

«Не месяц за его печаль и красоту...» – С-87, с. 164; С-96; ПСС-III.

«Не утешай меня в моей святой печали...» – см. «Другу».

Нелли (Надпись к портрету) – *Северный вестник*. 1894. № 1. С. 212; С-96; ПСС-IV; ИМС.

«Неразгаданно в ответ кивает...» – *Голос России*. Берлин, 1922. № 943. 16 апреля. С. 8.

«Нет двух путей добра и зла...» – *Минский Н. Альма. Трагедия из современной жизни*. СПб., 1900, в качестве программного вступления; НП (здесь и далее под назв. «Два пути»); ПСС-IV; ИМС.

«Нет муки сладострастней и больней...» – см. «Сонет» («Нет муки сладострастней и больней...»).

«Никуда не уйти от суеверий...» – *ИМС*, с. 370.

- Новогодний тост («За новый год, за новую весну...»)** – *Весна. 1908. № 1. С. 2*; НБП.
- Новогодний тост («Тебя встречаем мы во тьме, грядущий год...»)** – *Перевал. 1907. № 5. С. 4*; НБП.
- Ноктюрн** – см. «В минуту скорби».
- Ночь** – НБП, с. 302.
- Ночь на Великое воскресенье («В бесчисленных огнях сверкает душный храм...»)** – *Свет. 1878. № 4. С. 116 (подпись: М)*; С-87, с.160 (здесь и далее везде назв. по первой строке); ПСС-1904; ПСС-I; С-1916.
- «Ныне свершен твой завет. Ныне, друг мой, на память о Риме...» – ПСС-IV, с. 17.
- «О, бледная Мадонна...» – НП, с. 99–100; ПСС-IV; ИМС.
- «О, братья и сестры! Мне было семь лет...» – ИМС, с. 201.
- «О, вы, в чьем сердце бьет родник волшебный...» – НП, с. 98; ПСС-III; ИМС.
- «О, если б знали вы, о чем я боязливо...» – см. Сонет («О, если б знали вы, о чем я боязливо...»).
- «О, если б речь моя, как взоры ваших глаз...» – ПСС-III, с. 137.
- «О, знай, мой друг: пред тем, как ты звездой...» – *Дело. 1882. № 11. С. 352*; С-83.
- «О, кто ты, двойник моей грусти вечерней...» – *Ежемесячные сочинения. 1901. № 10. С. 101*; ПСС-IV (Страх); ИМС (Страх).
- «О, нет, сыра земля, ты мне не мать...» – ИМС, с. 368–369.
- «О, помни обо мне, в тот час, когда заря...» (на мотив из Мюссе) – *Литературно-художественный сборник издательства «Непогасшие огни». Кн. 1-ая. Екатеринбург, 1910. С. 56*; НБП.
- «О, рай неведенья! О детства светлый храм...» – ПСС-III, с. 84.
- «О, с чем сравню огонь, огонь печали страстной...» – ПСС-1904, с. 138–139; ПСС-I; С-1916.
- «О, этот бред сердечный и вечера...» – НП, с. 91; ПСС-IV; ИМС.
- Облака** – *Северный вестник. 1895. № 1. С. 50*; С-96; ПСС-IV; ИМС.
- «Обряд печальный похорон...» – *Красный цветок: Памяти В.М. Гаршина. Художественно-литературный сб. СПб., 1889. С. 182*; С-96; ПСС-III; ИМС.
- Огни Прометея** – *Перевал. 1907. № 5. С. 5*; ПСС-I; ИМС.
- Один из многих** – С-83, с. 38; ВЕ. 1884. № 4; С-87 (здесь и далее везде под назв. «На мотив из Иеремии»); С-96; ПСС-1904; ПСС-I; С-1916.
- Одиночество** – С-83, с. 35; ПСС-1904; ПСС-I; С-1916.
- Ожидание** – ИМС, с. 243.
- Окопная песня** – *Грядущая Россия. Париж, 1920. № 1. С. 125*; ИМС.
- Октавы (с итальянского)** – *Наблюдатель. 1888. № 3. С. 74*; С-96 (с подзаголовком «Из Гаргано»); ПСС-1904 (с подзаголовком «Из Гаргано»); ПСС-I (без подзаголовка); С-1916 (с подзаголовком «Из Гаргано»).
- «Он по друзьям – поклонник Муз...» – НБП, с. 309.
- «Он твердою рукой повел смычок послушный...» – см. Сонет («Он твердою рукой повел смычок послушный...»).
- «Она, как полдень, хороша...» (С восточного, VIII) – С-87, с. 144; С-96 (как самостоятельное стихотворение); ПСС-1904 (С восточного, VIII); ПСС-III (как самостоятельное стихотворение); С-1916 (С восточного, VIII); ИМС (как самостоятельное стихотворение).
- «Она лежит в гробу, она – источник жизни...» – см. Сонет («Она лежит в гробу, она – источник жизни...»).
- «Она – надломленная роза...» – ПСС-1904, с. 178; ПСС-III; С-1916.
- Оптимист и пессимист** – С-83, с. 101.
- Осенница (сонет)** – *Журнал для всех. 1904. № 2. С. 66*; ПСС-IV; ИМС.
- Осенняя мелодия («Город закутан в осенние ризы...»)** – *Северный вестник. 1896. № 12. С. 66*; НП (здесь и далее под назв. «Осенняя песня»); ПСС-IV; ИМС.

Осенняя мелодия («С небес осенних льется мрак...») – *Мир Божий*. 1895. № 10. С. 154; С-96; ПСС-III; ИМС.

Осенняя песня – см. «Осенняя мелодия» («Город закутан в осенние ризы...»).

Осень – *Северные цветы на 1902 год, собранные книгоиздательством «Скорпион»*. М.: М.И. Мамонтов, 1902. С. 110–111; ПСС-IV.

Осень 1914 – ИМС, с. 375–376.

«От глаз насмешливо-холодных...» – *Вестник Европы*. 1877. № 2. С. 681; С-83.

«Отрады нет ни в чем. Стрелою мчатся годы...» – *Вестник Европы*. 1885. № 12. С. 818; С-87 (здесь и далее под назв. «Дума»); С-96; ПСС-1904; ПСС-I; С-1916; ИМС.

Памяти поэта – *Северный вестник*. 1891. № 2. С. 237; С-96; ПСС-III (под назв. «In memoriam»).

Памяти Н – *Вестник Европы*. 1878. № 7. С. 6; НБП.

Памяти В.С. Соловьева – НБП, с. 81–82; ПСС-IV; ИМС.

Парижанка – ИМС, с. 281.

Певце – *Новь*. 1885. Т. VII. № 4. С. 535 (с посвящением Л.А. Л – ской); С-87; ПСС-1904; ПСС-I; С-1916.

Первая встреча – *Новь*. 1885. Т. VII. № 2. С. 230; ПСС-1904; ПСС-III; С-1916.

Первая гроза – *Восход*. 1889. № 6. С. 3 - 6; С-96; ПСС-1904; ПСС-I; С-1916.

«Переводимы все, прозаик и поэт...» – НБП, с. 307.

«Перед луною равнодушной...» – *Северный вестник*. 1897. № 12. С. 190; НБП; ПСС-IV; ИМС.

Перед сфинксом – ПСС-1904, с. 118–124; ПСС-I («Пред сфинксом»); С-1916.

Перед утром – НБП, с. 90; ПСС-IV; ИМС.

Песни (I – II) – *Вестник Европы*. 1877. № 6. С. 710–711.

Песни о родине – *Русская мысль*. 1882. № 10. С. 291–304; С-83; С-87; С-96 (Из песен о родине: Возвращение); ПСС-1904; ПСС-I; С-1916.

Песни побежденных (из Гаргано) – ПСС-1904, с. 80–84; ПСС-I (без подзаголовка); С-1916 (с подзаголовком).

Песня («Веселья, тревоги...») – *Северный вестник*. 1896. № 10. С. 140; НБП; ПСС-IV; ИМС.

Песня («Мы в камень бесплодный корнями ушли...») («**Два цветка**, II) – *Вестник Европы*. 1897. № 1. С. 65; НБП; ПСС-IV.

Песня («Ты при жизни меня не простишь...») – *Вестник Европы*. 1898. № 6-7. С. 102; НБП; ПСС-IV (Романс); ИМС (Романс).

Песня («Через пучину житейской невзгоды...») – С-87, с. 72; С-96; ПСС-III.

Песня («Я называюсь Красотою...») – С-83, с. 26; С-87; ПСС-1904; ПСС-I; С-1916.

Песня молота (Думы и грезы, V) – *Вестник Европы*. 1878. № 2. С. 674–675; С-83 (как самостоятельное стихотворение).

Песня песен – *Северный вестник*. 1896. № 4. С. 50; НБП; ПСС-IV; ИМС.

Печальные последствия незнания естественной истории (урок ботаники в стихах) – НБП, с. 302.

«По взморью бродил я – и морю внимал...» – *Вестник Европы*. 1887. № 6. С. 613; С-87; С-96; ИМС.

«По сонным улицам, как призрак сна, я шел...» – см. «**Вчера всю ночь один по улицам я брел...»**.

Под вихрем (Сухие листья, II) – *Вестник Европы*. 1900. № 11. С. 325–326; НБП (здесь и далее в составе цикла «Мертвые листья», II); ПСС-IV; ИМС.

Под Рождество – ИМС, с. 411–413.

«Под темной сосною...» – *Вестник Европы*. 1895. № 10. С. 719–720; С-96 (Сказка); ПСС-III (Сказка).

Поезд жизни (С сербского) – ПСС-1904, с. 166–167; ПСС-I (без подзаголовка); С-1916 (с подзаголовком); ИМС (без подзаголовка).

- «Поздний колокол, гудящий...» – *Журнал для всех*. 1904. № 2. С. 66; ПСС-IV; ИМС.
- «Пока под снегом дремлют зерна...» – *Журнал для всех*. 1904. № 2. С. 66; ПСС-IV; ИМС.
- «Полу-банкир, полу-поэт...» – *НБП*, с. 309.
- Портрет («Ее глаза не жгут. Но в них, как в туче серой...») – С-96, с. 218; НП; ПСС-IV (с иной ред. первой строки: «Ее глаза не жгут. Как в туче бледно-серой...»); ИМС.
- Портрет («Ее лицо прекрасное пленяет...») – *Новь*. 1885. Т. IV, № 16. С. 511; С-87; ПСС-1904; ПСС-III; С-1916.
- Портрет («Над низким дерзким лбом двойным оскалом...») – *ИМС*, с. 202.
- Портрет («Я долго знал ее, но разгадать не мог...») – *Северный вестник*. 1895. № 3. С. 176; С-96; ПСС-IV; ИМС.
- Посвящение («Есть гимны звучные, – я в детстве им внимал...») – С-83, с. 3; С-87 (здесь и далее назв. по первой строке); ПСС-1904; ПСС-I; С-1916.
- Посвящение («С высот моей души, с заоблачных вершин...») – *Вестник Европы*. 1886. № 7. С. 346; ПСС-1904; ПСС-I; С-1916.
- Посвящение («Я цепи старые свергаю...») – С-96, с. 1; ПСС-IV; ИМС.
- Последняя воля – *Слово*. 1879. № 12. С. 61; С-83; С-87.
- Последняя жертва – *ПСС-IV*, с. 198–200.
- Последняя исповедь (Отрывок из драмы) – *Народная воля*. 1879. № 1. 1 октября (с посвящением: «Посвящается казненным»); ПСС-I (здесь и далее без подзаголовка и посвящения); ИМС.
- Поцелуй (Сонет) – *Новая жизнь*. 1912. № 6. С. 55; ИМС (без подзаголовка).
- Почему? – *Новый журнал для всех*. 1912. № 8. С. 35 – 36; ИМС.
- Поэт («В душе поэта спят драконы...») – *Слово*. 1879. № 12. С. 63; НБП.
- Поэту («Не до песен, поэт, не до нежных певцов!») (Тучки, IV) – *Вестник Европы*. 1879. № 4. С. 764; С-83; С-87; ПСС-1904; ПСС-I; С-1916.
- Пред зарю – *Вестник Европы*. 1878. № 11. С. 6; С-83; С-87; С-96; ПСС-1904; ПСС-I; С-1916; ИМС (Пред зарей).
- Пред собором св. Петра – С-83, с. 103.
- Пред статуей Микельанджелло – С-83, с. 102.
- Пред сфинксом – см. «Перед сфинксом».
- Предвидение – *ПСС-1904*, с. 134–135; ПСС-I; С-1916.
- «Прекрасный гений с белыми крылами...» – *ПСС-1904*, с. 179; ПСС-I; С-1916.
- Преображение – *Ежемес. литературно-художественное приложение к журналу «Нива»*. 1914. № 1. С. 105; ИМС.
- Преображение любви – *ПСС-IV*, с. 32; ИМС.
- Приговор – см. «Пророк».
- Прогресс – *Отклик: Литературный сб. [студентов СПб. ун-та]: В пользу студентов и слушательниц Высших женских курсов г. С.-Петербурга. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1881; С-83.*
- Прокаженный – *Вестник Европы*. 1885. № 6. С. 563–565; С-87; С-96; ПСС-III; ИМС.
- Прометей (Тучки, VI) – *Вестник Европы*. 1879. № 4. С. 765; С-83 (как самостоятельное стихотворение).
- Пророк – *Вестник Европы*. 1886. № 7. С. 346; С-87; С-96 (Приговор); ПСС-1904; ПСС-I; С-1916; ИМС.
- Прости! – С-83, с. 131–132; *Новь*. 1885. Т. VII. № 4. С. 519; С-87; ПСС-1904; ПСС-III; С-1916; ИМС.
- Прощание («Прощай, поэзия! Отныне...») – *Вестник Европы*. 1877. № 5. С. 234 – 235; ПСС-1904; С-1916.
- «Пускай на грудь мою, согретою любовью...» – *Русская мысль*. 1891. № 2. С. 175; ПСС-III; ИМС.
- Пушкин («Как светлый полубог языческого мира...») – *ПСС-III*, с. 91.
- «Равнодушной окутанный смутой...» – *ИМС*, с. 52.

- «Разрешена глубокая загадка...» (Думы и грезы, II) – *Вестник Европы*. 1877. № 12. С. 462–464; С-83 (как самостоятельное стихотворение).
- «Ребенком, помню я, на площади обширной...» – *Устои*. 1882. № 9-10. С. 180–181. Резерв – *НБП*, с. 305.
- Ритм – *Руль*. Берлин, 1922. № 431. 16 апреля. С. 10; ИМС.
- Робкому соловью – *Вестник Европы*. 1885. № 1. С. 219; С-87; С-96; ПСС-III; ИМС.
- Родине (Тучки, II) – *Вестник Европы*. 1879. № 4. С. 763.
- Рождественская песнь – *Утро России*. 1909. № 68 / 35. 29 декабря. С. 3; ИМС.
- Романс («Ты при жизни меня не простишь...») – см. «Песня» («Ты при жизни меня не простишь...»).
- Романс («Прости навек. Без слез и без упрека...») – *ПСС-III*, с. 126.
- «Романтический сон не дает мне покоя...» – *Вестник Европы*. 1877. № 2. С. 680; НБП.
- Рубинштейну – *С-87*, с. 162–163; ПСС-1904; ПСС-I; С-1916.
- С восточного (I – VIII) – *С-87*, с. 124–144; ПСС-1904 (с добавлением IX–X); С-1916 (без изменений).
- С восточного («Под фатой невидимая зреет...») – *ПСС-III*, с. 86.
- «С высот альпийских я принес...» – *С-96*, с. 221; ПСС-III; ИМС.
- С итальянского («Борьбы двух грозных сил, неравных меж собою...») – *С-96*, с. 49–50; ПСС-1904; ПСС-I (назв. по первой строке); С-1916.
- «С тобой мне обойтись легко без табаку...» – *НБП*, с. 300.
- Самому себе от самого себя (С восточного) – *ПСС-1904*, с. 165; ПСС-I; С-1916; ИМС.
- Самоотречение – *С-96*, с. 271 (отрывок из поэмы «Гефсиманская ночь»).
- Самоубийца – *ИМС*, с. 81.
- Свет правды (Индийская легенда) – *Северный вестник*. 1892. № 12. С. 93–166; С-96; ПСС-IV; ИМС.
- Секрет и тайна – *ИМС*, с. 282.
- Сердечные мотивы (I – II) – *Северный вестник*. 1895. № 10. С. 214.
- Серенада (Тучки, VIII) – *Вестник Европы*. 1879. № 4. С. 766; С-83 (здесь и далее везде как самостоятельное стихотворение); С-87; С-96; ПСС-1904; ПСС-I; С-1916; ИМС.
- Сила – *НП*, с. 42–43; ПСС-IV; ИМС.
- Скабичевскому – *НБП*, с. 309.
- Сказка – см. «Под темной сосною...».
- Скорбь – *С-83*, с. 36; *ВЕ*. 1884. № 4. С. 715–716; С-87; С-96; ПСС-1904; ПСС-I; С-1916; ИМС.
- Смерть (Сонеты, II) – *Северный вестник*. 1893. № 2. С. 201–202; С-96 (Сонеты, II); ПСС-IV (здесь и далее как самостоятельное стихотворение); ИМС.
- Смерть любви – *Северный вестник*. 1895. № 9. С. 86–88; С-96; НП; ПСС-IV; ИМС.
- «Снежные главы Кавказа мерещатся в небе лазурном...» – *С-87*, с. 165; ПСС-1904; ПСС-I; С-1916.
- Современному художнику – *С-83*, с. 103; С-87.
- Солнце: Сцена из поэмы о мироздании – *Вестник Европы*. 1880. № 5. С. 236–238; НБП.
- Сон («Вошел я в храм. Кругом дремали Боги...») (Сонеты, VII) – *Северный вестник*. 1893. № 4. С. 306; С-96 (Сонеты, XI); ПСС-IV (здесь и далее как самостоятельное стихотворение); ИМС.
- Сон Агасфера – *ПСС-1904*, с. 110–117; ПСС-I; С-1916; ИМС.
- Сон славянина – *Новое время*. 1876. № 194. 12 сентября. С. 1 (это первая публикация Минского, за подписью «Н. Валеvский»).
- Сонет («Бескрайний свод небес, полей простор безбрежный...») – *Северный вестник*. 1896. № 1. С. 106; С-96; ПСС-III (здесь и далее назв. по первой строке); ИМС.
- Сонет («Горы покрылись вуалью...») – *Северный вестник*. 1895. № 12. С. 192; С-96 (здесь и далее назв. по первой строке); ПСС-IV; ИМС.

Сонет («На страже чистоты поставлен гордый гнев...») – *Журнал для всех*. 1904. № 1. С. 10; ПСС-IV (здесь и далее назв. по первой строке); ИМС.

Сонет («Над морем тишина. Вблизи и в отдаленье...») – *Северный вестник*. 1897. № 12. С. 190; НП (Молчание: сонет); ПСС-IV (Тишина); ИМС (Тишина).

Сонет («Нет муки сладострастней и больней...») – *НП*, с. 93–94; ПСС-IV (здесь и далее назв. по первой строке); ИМС.

Сонет («О, если б знали вы, о чем я боязливо...») – *Новь*. 1885. Т.IV. № 16. С. 511; С-87 (здесь и далее назв. по первой строке); С-96; ПСС-III; ИМС.

Сонет («Он твердою рукой повел смычок послушный...») – *Вестник Европы*. 1885. № 5. С. 220; С-87 (здесь и далее назв. по первой строке); С-96; ПСС-1904; ПСС- I; С-1916; ИМС.

Сонет («Она лежит в гробу, она – источник жизни...») – *Новь*. 1885. Т. VII. № 1. С. 36; С-87; С-96 (здесь и далее назв. по первой строке); ПСС-IV; ИМС.

Сонет («Раз, в летний день...») – С-83, с. 127.

Сонет («Ты жизни путь прошла, спокойна и бледна...») – *Северный вестник*. 1896. № 10. С. 140; НП; ПСС-IV (здесь и далее назв. по первой строке); ИМС.

Сонет («Ты знаешь ли тот край, где не цветет чабур...») – *НБП*, с. 305.

Сонет («Чем дальше читаю в душе твоей чистой...») – *Дело*. 1882. № 10. С. 296; С-83 (назв. по первой строке; здесь и далее в ред.: «Чем глубже читаю в душе твоей чистой...»); С-87 (Сонет); ПСС-1904 (назв. по первой строке); ПСС-III (Сонет).

Сонеты (I – II) – *Вестник Европы*. 1903. № 12. С. 644–645.

Сонеты (I – XI) – *Северный вестник*. 1893. № 2. С. 201–204 (I – VI); № 4. С. 306–308 (VII – XI); С-96 (с добавлением XII – XVII).

Сорренто – *Северный вестник*. 1894. № 6. С. 239–240; С-96; ПСС-IV; ИМС.

«Спасенья нет. Она недвижна стала...» – *ПСС-III*, с. 128.

«Сперва блуждал во тьме он...» – *НБП*, с. 311.

Среди могил – *Вестник Европы*. 1878. № 11. С. 6; С-83.

Среди полей – *Вестник Европы*. 1879, № 2. С. 692; С-83; С-87; ПСС-1904; ПСС- I; С-1916.

Среди природы – *Северные цветы на 1902 год, собранные книгоиздательством «Скорпион»*. М.: М.И. Мамонтов, 1902. С. 109–110; ПСС-IV; ИМС.

Среди эфира – *ИМС*, с. 283–284.

«Средь сумерек земных мучений...» – *ПСС-1904*, с. 181; ПСС-III.

Стансы – *ИМС*, с. 177.

Статуя – *Вестник Европы*. 1877. № 3. С. 354–355; НБП.

Столпотворение (фантазия) – *Вестник Европы*. 1884. № 2. С. 512–519; С-87 (Фантазия); С-96 (здесь и далее под назв. «Столпотворение»); ПСС-1904; ПСС-I.

Страх – см. «О, кто ты двойник моей грусти вечерней...».

«Стремится к небу и не может...» – см. «В саду».

«Судья души, творящий суд внутри...» – *Северный вестник*. 1898. № 5. С. 150; НП; ПСС-IV; ИМС.

Судья мира – *ИМС*, с. 285–286.

«Сухие листья (I – III) – *Вестник Европы*. 1900. № 11. С. 324–327; НП (здесь и далее под назв. «Мертвые листья»); ПСС-IV; ИМС.

Счастье Прометея – С-87, с. 121–126; С-96; ПСС-III; ИМС.

«Счет вести устало сердце времени...» – *ИМС*, с. 84.

«Так пел я в час зари, и было мне легко...» (Два цветка, III) – *Вестник Европы*. 1897. № 1. С. 66–67; НП (Два цветка, III); ПСС-IV (Два цветка, III).

«Твоей кожи загар, как пустыни песок...» (С восточного, I) – С-87, с. 137; С-96 (С восточного, I); ПСС-1904 (С восточного, I); ПСС-III (как самостоятельное стихотворение); С-1916 (С восточного, I); ИМС (как самостоятельное стихотворение).

«Тебе, я знаю, жить не долго суждено...» – *Северный вестник*. 1894. № 3. С. 98; С-96; ПСС-IV.

Тень – *Северный вестник*. 1894. № 2. С. 136 (с посвящением А.В.); С-96 (здесь и далее без посвящения); ПСС-IV; ИМС.

Тишина – см. **Сонет** («Над морем тишина. Вблизи и в отдаленье...»).

«**То, что вы зовете вдохновением...**» – НП, с. 87; ПСС- IV; ИМС.

Треугольник – *Литературно-художественный альманах издательства «Шиповник»*. СПб., 1908. Кн. 6. С. 163; ИМС;

Три Музы – см. «**Вакханкой молодой ко мне она вошла...**».

Три Парки (Надпись на картине Микельанджело) – *Северный вестник*. 1893. № 12. С. 150; С-96; ПСС-IV; ИМС.

31 декабря 1912 года – ИМС, с. 447–450.

Троица – ИМС, с. 371.

«**Тройным напевом, пенью рек обратно...**» – ИМС, с. 279.

Тучки (I – VIII) – *Вестник Европы*. 1879. № 4. С. 763–766.

«**Ты жизни путь прошла, спокойна и бледна...**» – см. **Сонет** («Ты жизни путь прошла, спокойна и бледна...»).

«**Ты с чувством беседы о чувствах вела...**» – НБП, с. 304.

«**Ты числами меня, природа, не страши...**» – ИМС, с. 364.

«**Ты хочешь повесть знать моих морщин глубоких...**» – ПСС-1904, с. 108; ПСС-I; ИМС (под назв. «Жалобы Агасфера»).

У моря (I – II) – *Ежемес. литературно-художественное приложение к журналу «Нива»*. 1895. № 10. С.275.

У моря («**На берегу морском, куда врачи и люди...**») – *Мир Божий*. 1895. № 11. С. 46; С-96; ПСС- IV; ИМС.

У отшельника – *Северный вестник*. 1896. № 2. С. 261 – 270; ПСС-IV.

У порога сна – ПСС-1904, с. 196–197; ПСС-I.

Увядающие листья – *Вестник Европы*. 1878. № 7. С. 5–6.

Успокоение (Сухие листья, III) – *Вестник Европы*. 1900. № 11. С. 326–327; НП (здесь и далее в составе цикла «Мертвые листья», III); ПСС-IV; ИМС.

Усталость («**Из всех родов усталости изведая тягчайший...**») – ПСС-IV, с. 219; ИМС.

Усталость («**Как нищие стоят у паперти церковной...**») (**Сонеты, IV**) – *Северный вестник*. 1893. № 2. С. 202–203; С-96 (Сонеты, IX); ПСС-IV (здесь и далее как самостоятельное стихотворение); ИМС.

Утешение – С-96, с. 71–72; ПСС-III.

Фантазия – см. «**Столпотворение**».

«**Фиалок пряный аромат...**» – ПСС-III, с. 125.

Фонтан (С восточного) – *Вестник Европы*. 1886. № 12. С. 532–533; С-87; С-96 (здесь и далее без подзаголовка); ПСС- III; ИМС.

Херсонес – *Книжки «Недели»*. 1886. № 12. С. 40; С-87; С-96; ПСС-III; ИМС.

Холодные слова (Рождественская фантазия) – *Северный вестник*. 1896. № 1. С. 1–5; НП; ПСС-IV; ИМС.

«**Хотя в поэзии он немощный старик...**» – НБП, с. 310.

Храм – *Слово*. 1879. № 12. С. 62-63; С-87; ПСС-1904.

Художнику – Северные цветы ассирийские: альманах книгоиздательства «Скорпион». М., 1905. С.63; ПСС-IV; ИМС.

Цветы войны – *Утро России*. 1914. № 215. 9 сентября. С. 1.

Цветок – пчеле – ИМС, с. 235.

Цветы – *Огни. Прага*, 1921. № 2. 15 августа. С. 2; ИМС.

Человечество – *Весы*. 1907. №5. С. 7; ПСС-IV; ИМС.

«**Чем глубже читаю в душе твоей чистой...**» – см. «**Сонет**» («**Чем дальше читаю в душе твоей чистой...**»).

«**Чем ниже я падаю в бездну порока...**» – ПСС-1904, с. 185; ПСС-III.

- Чет и нечет** – НБП, с. 306.
- Четыре голоса** – ИМС, с. 84–85.
- Шелест листьев (Осенняя песня)** – *Северный вестник*. 1897. № 5. С. 80; НП; ПСС-IV; ИМС.
- Элегия («Бессильная ревность и мысли о мщенье...»)** – ПСС-III, с. 153–154; ИМС.
- Элегия («Мой полдень миновал и близок час вечерний...»)** – *Северный вестник*. 1890. № 1. С. 190; С-96; ПСС-III; ИМС.
- Элегия («Напев любви, ее напев любимый...»)** – С-87, с. 129–131; С-96; ПСС-III; ИМС.
- Элегия («О, память бледная! Над жизнью одинокой...»)** – *Вестник Европы*. 1888. № 7. С. 243–244; С-96; ПСС-III; ИМС.
- Элегия («Терзанья ревности и мщенья...»)** – ПСС-III, с. 155–156; ИМС.
- «Эти ночи без сна, эта страсть без ответа...»** – С-96, с. 147; ПСС-IV; ИМС.
- Южный полдень** – С-96, с. 243–244; ПСС-III; ИМС.
- «Я б умереть хотел – не оттого...» (Сонеты, XIII)** – С-96, с. 130; ИМС (как самостоятельное стихотворение).
- «Я боюсь рассказать, как тебя я люблю...»** – С-83, с. 126; Новь. 1885. Т. VII. № 1. С. 36 (С восточного, I); С-87 (С восточного, VII); ПСС-1904 (С восточного, VII); ПСС- III (как самостоятельное стихотворение); С-1916 (С восточного, VII); ИМС (как самостоятельное стихотворение).
- «Я вижу край обетованный...»** – НП, с. 92; ПСС-IV.
- «Я влюблен в свое желанье полюбить...»** – ПСС-1904, с. 138; ПСС-I.
- «Я – жаждущая нива. Два коня...»** – ИМС, с. 277.
- «Я знал, что счастья нет. Вдруг счастье сошло...»** – ПСС-IV, с. 45; ИМС.
- «Я забыть ее решился...»** – *Вестник Европы*. 1877. № 2. С. 679; С-83.
- «Я полноты любви не ведал никогда...»** – С-96, с. 209; ПСС-III.
- «"Я и мой Создатель", – ты сказала...»** – ИМС, с. 363.
- «Я – могила забытая...»** – Мильтон Е. *Воспоминания о поэте Минском // Новая жизнь. Нью-Йорк, 1968. № 91. С. 160*; НБП.
- «Я – приземистое дерево...»** – ИМС, с. 362.
- «Я раб не потому, что в бедности рожден...»** – ИМС, с. 137.
- «"Я раздавлю тебя", – грозили горы...»** – ИМС, с. 367.
- «Я с нею встретился случайно...»** – ПСС-1904, с. 183; ПСС-III.
- «Я скованный лежал под пепельным покровом...»** – ПСС-I, с. 244.
- «Я слишком мал, чтобы бояться смерти...»** – *Русский сборник: Издание комитета помощи русским литераторам и ученым. Париж, 1920. С. 174*; ИМС.
- «Я – солнце, вечернее солнце, к земле преклоненное...»** – *Весы*. 1907. № 5. С. 9; НБП.
- «Я спал в гробу усталости своей...»** – ПСС-IV, с. 148; ИМС.
- «Я спал, но чутким сном, в предчувствии зари...»** – ПСС-IV, с. 156; ИМС.
- «Я тот, кто осужден без отдыха идти...»** – ПСС-1904, с. 109; ПСС-I; ИМС.
- «Я увидел ее. Как чужие, мы друг мимо друга...»** – С-96, с. 197; ПСС-III.
- «Я б умереть хотел – не оттого...» (Сонеты, XIII)** – С-96, с. 130; ПСС-IV (как самостоятельное стихотворение).
- Arco Naturalle** – *Северный вестник*. 1891. № 12. С. 56; С-96; ПСС-IV; ИМС.
- Cum grano veneni (Сонеты, I)** – *Северный вестник*. 1893. № 2. С. 201; С-96 (Сонеты, I); ПСС-IV (здесь и далее как самостоятельное стихотворение); ИМС.
- Danse macabre (Сонеты, IX)** – *Северный вестник*. 1893. № 4. С. 307; С-96 (Сонеты, XIV); ПСС-IV (здесь и далее как самостоятельное стихотворение); ИМС.
- In memoriam («Мелькнула по траве и тут же во мгновения...»)** – ИМС, с. 77–79.
- In memorium («Разносится в храме напев похоронный...»)** – см. «Памяти поэта».
- In tenebris** – ПСС-1904, с. 144–147; ПСС-I.
- Nocturno** – см. «В минуту скорби».
- Ospedaletti** – *Северный вестник*. 1896. № 11. С. 118; НП; ПСС-IV; ИМС.

Библиография литературной критики и эссеистики А.С. Долинина, 1906–1920 гг.

© 2021, О.А. Богданова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: Библиография литературной критики и эссеистики (статей, обзоров, рецензий, литературных портретов и параллелей, критико-биографических очерков и проч.) Аркадия Семеновича Долинина (1880–1968) дает представление о творческих интересах одного из крупнейших советских литературоведов до начала его собственно научной деятельности, в первые два десятилетия XX в. Прослежен путь Долинина-критика в единстве его обращений к классической и современной ему литературе, в динамике художественно-эстетических предпочтений (от реализма к модернизму), в напряженности религиозно-философских исканий и общественно-политической борьбы. Раскрыты особенности критического метода Долинина как биографико-психологического вчувствования и отрицания крайностей социологического («пыпинизм») и формально-эстетического («шкловскизм») подходов, а также реализации принципа «вершинности»; прокомментированы идейно-творческие отношения с его учителем по Петроградскому университету С.А. Венгеровым. Особое внимание уделено интенсивной литературно-критической деятельности Долинина 1918–1920 гг. в архангельской газете «Возрождение Севера», где он вел хронику литературной жизни России на историческом переломе. Важной заслугой Долинина стало открытие молодых, еще неизвестных талантов: Л.М. Леонова, Б.В. Шергина, А.В. Туфанова.

Ключевые слова: А.С. Долинин, наука о Ф.М. Достоевском, литературная критика, эссеистика, библиография, Серебряный век, С.А. Венгеров, модернизм, газета «Возрождение Севера».

Информация об авторе: Ольга Алимовна Богданова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069, Москва, Россия. E-mail: olgabogda@yandex.ru.

Для цитирования: *Богданова О.А.* Библиография литературной критики и эссеистики А.С. Долинина, 1906–1920 гг. // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 407–431. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-407-431>

Обращаясь в год 200-летия Ф.М. Достоевского к истории науки о великом писателе, нельзя не вспомнить Аркадия Семеновича Долинина (настоящая фамилия Искоз), который, наряду с А.Л. Бемом, Л.П. Гроссманом, В.Л. Комаровичем и др., стоял у ее истоков в 1920-е годы. Помимо ряда ценных аналитических работ, его вкладом в освоение наследия Достоевского была публикаторская, комментаторская и редакторская деятельность. Это, в первую очередь, составленные им два сборника «Достоевский. Статьи и материалы» (Пб.: Мысль, 1922–1924), в которых Долинин собрал весь цвет тогдашнего литературоведения без каких-либо «направленческих» ограничений, включив туда работы религиозно-философского, формально-поэтического, текстологического, историко-фактологического характера, до сих пор сохраняющие первостепенную научную ценность. Событием стала подготовленная Долининым книга А.П. Сусловой «Годы близости с Достоевским: Дневник. — Повесть. — Письма» (М.: М. и С. Сабашниковы, 1928) — важнейший источник изучения биографии и творчества Достоевского 1860-х гг. Настоящим «исследовательским подвигом» [11, с. 117] справедливо называют подготовленное Долининым 4-томное собрание писем Достоевского (1928–1959); комментарии к ним «содержали огромный фактический материал, <...> без обращения к которому <...> невозможна научная работа над Достоевским» [21, с. 233]. В 1930-е годы, возглавляя работу по изучению Достоевского в Пушкинском Доме, Долинин выпустил сборник «Достоевский. Материалы и исследования» (1935), где впервые на языке оригинала были опубликованы с его подробными комментариями рукописи «Братьев Карамазовых» и другие ценные находки. Вскоре после этого ученый был отстранен от преподавания в ЛГУ, а свою первую монографию «В творческой лаборатории Достоевского. (История создания романа “Подросток”»)» (Л.: Советский писатель, 1947), по выходе получившую убийственную оценку в официальной прессе [2], смог опубликовать только в возрасте 67 лет. Вторая, итоговая, монография Долинина «Последние романы Достоевского. Как создавались “Подросток” и “Братья Карамазовы”» (М.; Л.: Советский писатель, 1963), включившая исследования 1930–1940-х гг., появилась лишь в годы «оттепели». Ценой болезненных компромиссов ученому удалось сохранить присутствие Достоевского в советской печати даже в самые идеологически нетерпимые 1930–1950-е гг. В 1964 г. важнейшей вехой мирового достоевсковедения стал выход подготовленного под руководством Долинина двухтомного издания «Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников», по

объему и научному аппарату далеко превзошедшего аналогичную книгу В.Е. Чехихина-Ветринского (1923). В последние годы жизни ученый принимал деятельное участие в подготовке 10-томного собрания сочинений писателя (М.: Гослитиздат, 1956–1958), а затем и начинавшегося в Пушкинском Доме ПСС Достоевского в 30 томах и «достоевских» томов «Литературного наследства»¹. Как педагог Долинин вырастил плеяду учеников и помощников, справедливо считавших его «патриархом отечественной науки о Достоевском» [4, с. 8] — ведь автор «Подростка» стал главным объектом изучения Долинина еще в 1921 г.

Если сопоставить даты рождения ученого и его «посвящения» в сугубые достоевсковеды, то увидим, что последнее событие произошло в жизни Долинина в достаточно зрелом 40-летнем возрасте. Жаркая научная полемика 1920–1930-х гг., перипетии личной судьбы в последующие советские десятилетия во многом заслонили от нас облик молодого, дореволюционного Долинина. Да и сам ученый способствовал такому положению дел, стараясь не афишировать свои занятия, убеждения, вкусы 1910-х гг. «Долинин хотя и не забыл своих статей и эссе о символистах и революции (он сохранял вырезки из “Северного Возрождения”² и “Воли народа”, что было небезопасно), — писал лично знавший его в 1960-е гг. В.А. Туниманов, — но в разговорах особенно старался не касаться декадентского и эсеровского прошлого» [20, с. 11]. Стирая патину времени, под слоем приверженца марксистско-ленинского литературоведения и преподавателя советского вуза мы обнаруживаем литературного критика 1910-х гг., модернистской ориентации, вышедшего из знаменитого Пушкинского семинария С.А. Венгерова в Петербургском университете. Ранее этой стороны творческой деятельности известного литературоведа касались В.А. Туниманов, А.А. Долинин и Е.Н. Дрыжакова [20; 6; 9]. В настоящей статье предпринята попытка создания целостного образа Долинина-критика.

Еще в начале 1900-х, спасаясь от ареста за социал-демократическую агитацию среди крестьян Гжатского уезда, юный Долинин (тогда еще Искоз) был вынужден уехать за границу. В 1904–1906 гг. он учился и работал в Вене, где в 1906 г. опубликовал на немецком языке свою первую статью «О символистах» (№ 1)³, само название

¹ Подробнее см.: [5].

² Правильно: «Возрождение Севера».

³ Здесь и далее с указанием № даны отсылки к библиографии в Приложении к наст. статье. — Хотя в ряде справочных изданий (КЛЭ, [1, с. 101–102]) указано на то, что литературная деятельность А.С. Долинина началась в 1905 г., документальных подтверждений этому мы не нашли.

которой свидетельствует о характере его литературных интересов. В 1907 г. Искоз-Долинин уже в Петербурге — он студент словесного отделения историко-филологического факультета университета. Здесь он присоединяется к Пушкинскому семинарию профессора С.А. Венгерова, где в 1909 г. читает доклад о «Цыганах», опубликованный в первом сборнике «Пушкинист» в 1914 г. (№ 12).

За годы своего существования (1908–1920) венгеровский семинарий стал местом профессионального становления многих выдающихся ученых — Б.М. Энгельгардта, А.Л. Бема, В.Л. Комаровича, Ю.Г. Оксмана, С.М. Бонди, Б.М. Эйхенбаума, А.Г. Фомина, Ю.А. Никольского и др. «Семен Афанасьевич, как профессор и руководитель студентов, — писал известный библиограф Фомин в 1922 г., — сыграл видную и благотворную роль, он сумел в <...> студенческой молодежи возбудить серьезный интерес к литературе, любовь к ней, побудить к научной работе, привить научные навыки». Хотя он и не сформировал собственной научной школы и многие его ученики стали сторонниками иных подходов и методов изучения литературы, нет сомнения в том, что «он создал большую энергичную семью молодых исследователей <...>» [18, с. XXXII–XXXIII].

Многие годы Долинин сохранял дружеские и творческие контакты с бывшими семинаристами Венгерова. Так, Эйхенбаум в 1914 г. откликнулся рецензией на сборник «Пушкинист», в котором выделил со знаком плюс статью Долинина о «Цыганах»: «А.С. Долинин-Искоз знаком нам по многим своим критическим статьям. Я помню его оригинальную статью о “Повестях Белкина”, помню его статьи о Сологубе, о Б. Зайцеве, о Достоевском (в “Новом энциклопедическом словаре”)». Рецензент выделил черты творческой манеры Долинина: «полная оригинальность и замечательная сконцентрированность мысли», а также эмоциональный «подъем» [22, с. 309]. Содержательную характеристику своего критического метода дал в 1923 г. сам Долинин в статье «Тургенев и Чехов»: это, во-первых, «состояние свободы и покорной пассивности восприятия, которое одно характеризует истинный процесс вчувствования <...>», во-вторых — стремление «к более или менее одинаковой с художником настроенности», в которой он видел «единственный способ адекватного понимания творца» и готовность «жертвовать ради нее формальными требованиями логической достоверности, заменяя их психологической уверенностью <...>» [7, с. 332].

Помимо историко-литературных работ о прозе Пушкина и Достоевского (см.: [3]), в 1910-е гг. Долинин печатал в петербургских изданиях критические статьи о современных ему авторах —

А.М. Ремизове, Федоре Сологубе, Б.К. Зайцеве, Д.С. Мережковском, Л.Н. Толстом, А.П. Чехове. В рецензиях на книги В.Ф. Саводника, Л.Я. Гуревич, Д.Н. Овсяннико-Куликовского, В.Ф. Переверзева он выступал против публицистико-социологического направления в критике и литературоведении и призывал к анализу художественных форм. «В критических этюдах о творчестве писателей-современников <...> Долинин стремился выявить психологические доминанты творческой личности художника, постичь “основную суть его метафизики”. Так, Б.К. Зайцев для него — писатель, который всегда воспринимает мир “как святую тайну, религиозно, благоговейно” <...>, Ф. Сологуб — “отрешенный”, умеющий видеть только себя и умышленно разрывающий связи с действительностью <...> и т.п.» [6].

Получив диплом об окончании университета в 1912 г., Долинин преподавал русскую словесность в учебных заведениях Петербурга. В 1915–1917 гг. находился в действующей армии, в саперных частях на Рижском фронте, как брат милосердия. Революцию принял «в духе эсеров», утверждавших правоту «народной стихии», несмотря на ее жестокость [9, с. 447]. Октябрь 1917 г. встретил в Петрограде, затем был привлечен Венгеровым к работе в Книжной палате, откуда командирован в Архангельскую губернию для сбора старообрядческих рукописей. Таким образом, уехав из большевистского Петрограда, Долинин в результате военных действий вскоре вместе с семьей оказался на территории так называемой Северной области (Северной России) с административной столицей в Архангельске, со 2 августа 1918 по февраль 1920 г. находившейся под контролем войск Антанты и Белой армии, а 30 апреля 1919 г. признавшей верховную власть А.В. Колчака. В областном Временном правительстве прочные позиции занимали эсеры во главе с Н.В. Чайковским.

Живя в Архангельске, в 1918–1920 гг. Долинин преподавал в местном педагогическом институте и редактировал воскресный отдел «Литература, наука и искусство» в «ежедневной областной общесоциалистической газете» «Возрождение Севера», регулярно публикуя там свои критические статьи, рецензии и культурфилософские эссе. После того как 20 февраля 1920 г. Красная армия вошла в Архангельск, Долинин возвращается в советский Петроград, навсегда оставляет литературную критику и, как уже отмечалось, с 1921 г. преимущественно посвящает себя изучению Достоевского.

Говоря о Долидине-критике, важно отметить, что в Серебряном веке строгого методологического разграничения между работами о Пушкине и Чехове, Достоевском и Л. Толстом, А.М. Ремизове, Ф. Сологубе и Б.К. Зайцеве не существовало, во-первых, по причине

недостаточной оформленности самой науки о литературе, во-вторых, из-за фактической современности критикам ряда авторов, уже считавшихся классиками (Л. Толстого, Чехова и др.)⁴. Так что работы Долинина 1910-х гг. сложно разделить на собственно критические и литературоведческие; и в тех, и в других зачастую высказывалось эстетическое кредо, прослеживалась динамика собственных взглядов автора, а современная русская литература трактовалась в контексте предшествующей.

Впитав идеи В.В. Розанова и Вячеслава Иванова о внимании к духовно-психологической индивидуальности исследуемых писателей [12, с. 295–299; 19, с. 13], Долинин следует таким ведущим тенденциям в критической литературе эпохи, как эссеистичность, субъективизм, лиризация и беллетризация, мифологизация писателей, импрессионизм и суггестия, апелляция к читателю и установка на устное слово, афористичность в названиях статей и рецензий⁵. Вот типичные долининские заглавия 1910-х гг.: «Обреченный», «Отрешенный», «Путник-созерцатель», «Повесть печали и надежды», «Одинокий», «Неоцененный», «Чужие» и т.п. Особое предпочтение он отдавал таким жанрам критики, как рецензии, обзоры, литературные портреты и параллели.

В представленной в Приложении библиографии критических работ Долинина с 1906 по 1920 г., помимо прочего, к ранее известным добавлен ряд публикаций из газеты «Возрождение Севера» под псевдонимами А. Алешин, А. Алексеев, А. Юрьев, А.Д., А.С., которыми, по свидетельству А.А. Долинина, пользовался Аркадий Семенович [6]. Что касается псевдонима (?) Б. Казанцев, то внук критика-литературоведа его «не помнит и никакого семейно-биографического объяснения ему не видит», потому что «Алешин, Верин и Юрин <Юрьев> — это все псевдонимы, образованные от имен членов семьи: Алеша и Юра — сыновья, Вера (Вера Ивановна Щепкина, замечательный детский врач) жена»⁶. Тем не менее по тематике, эстетическому подходу и критической манере статьи «Непреодолимый ужас» и «Чужие» (№№ 40, 44) с большой долей вероятности могут быть атрибутированы А.С. Долинину. Во всяком случае, как редактор-составитель рубрики, он не мог их не акцептировать. Первая из указанных статей за подписью Б. Казанцева подытоживает творческий путь только что умершего Л.Н. Андреева. Вторая посвя-

⁴ Подробнее см.: [16, с. 620–704].

⁵ Подробнее об основных тенденциях и жанрах в литературной критике Серебряного века см.: [16, с. 620–704; 14].

⁶ Из электронного письма А.А. Долинина к О.А. Богдановой от 27 июля 2017 г.

щена одному из дошедших до Архангельска, отрезанного фронтами от столиц, номеров (за апрель-май 1919 г.) московского альманаха «Творчество» с новыми стихами В. Брюсова, Н. Власова-Окского, С. Родова, И. Ерошкина, П. Орешина и др.

Представим краткий обзор критических работ Долинина в хронологическом порядке. Первой считается немецкоязычная статья «О символистах» (№ 1), опубликованная в венском журнале «Das-Wort» в 1906 г. Сведения о ней присутствуют в прижизненной библиографии ученого, составленной С.В. Беловым под наблюдением самого автора [3], однако следов указанного издания не найдено ни в архивах, ни в библиотеках России, Австрии и Германии. Возможно, в запись вкралась ошибка.

Регулярно печатать критические статьи Долинин стал по окончании Петербургского университета, в 1912 г., на который приходится целых 6 публикаций такого рода. По жанру это 4 рецензии и 2 аналитические статьи. Рецензии частью посвящены историко-литературным сочинениям, частью художественным; статьи — писателям-современникам.

Первые рецензии — на страницах кадетской газеты «Речь» — были написаны, очевидно, с подачи сотрудничавшего там Венгерова; его литературными связями был обусловлен и дальнейший выбор изданий для публикации долининских работ — «Русская мысль», «Заветы», «Русская литература XX века. 1890–1910». Молодой автор обратился к новым сочинениям ведущих критиков начала XX в. В книге Л.Я. Гуревич «Литература и эстетика» (СПб., 1912) он ожидал встретить историю символизма за последние 20 лет, рассказанную «из самого центра <...> глубоких и серьезных исканий в области литературного творчества», изнутри процесса создания нового «эстетического канона», в котором, считал рецензент, так нуждалась современная русская культура. Долинин не согласен с призывом «назад к классикам»⁷ по той причине, что «все наши классики — реалисты, а потому требование возвращения к ним грозит нам опасностью прорвать ту плотину, которой литература в последнее время укреплялась от вторжения в нее реализма и натурализма» (№ 5). Наиболее ценна в книге Гуревич, по мнению рецензента, статья «Художественные заветы Толстого», демонстрирующая преемственность символистской эстетики от положений толстовского трактата «Об искусстве» (1889).

⁷ Имеется в виду статья В.И. Иванова «Заветы символизма» (1910).

Если даже компактная рецензия на сборник Гуревич содержала в себе серьезный анализ литературной ситуации 1910-х гг., то развернутый отклик на «Историю русской литературы XIX века» под ред. Д.Н. Овсянико-Куликовского (М., 1912) превратился в настоящий критико-аналитический трактат. Здесь Долинин поднимает общие научно-методологические вопросы о магистральных путях русской критики и истории литературы: или она остается «историей общественных течений, историей политических движений, историей философии, — словом, историей чего угодно, но только не литературы», или занимается тем «*внутренним*⁸ процессом, который совершается в недрах *самой литературы*» и «*постулируется* только *со стороны форм*; тогда история литературы есть или должна быть историей *художественных форм* и только <...>». Статьи самого Овсянико-Куликовского, а также И.И. Замотина, И.Н. Игнатова, В.П. Кранихфельда, Е.А. Ляцкого, А.Е. Грузинского и др., по мнению Долинина, «непростительно-тенденциозны» — ведь творчество Пушкина, Гоголя, Лермонтова и др. в них «низведено почти до обидной роли копирования жизни, <...> отражения социально-политических условий эпохи». Поэтому необходимо «раз навсегда признать, что у нас еще и в помине нет истории литературы как науки <...>» (№ 3, с. 33–37).

Газетные рецензии о писателях — Ремизове и Зайцеве — построены как литературные портреты с элементами историко-литературного очерка. В Ремизове, по мысли Долинина, главное — это ученичество у Достоевского с его «философией подполья и философией трагедии». Основываясь на анализе таких произведений, как «Казенная дача», «Пруд», «Крестовые сестры», «Бедовая доля», критик делает вывод о «космическом характере» ремизовского трагизма, отходе от индивидуализирующего психологизма в изображении человека и о пронизывающей его произведения «сновидческой» иррациональности. Именно в этом, по Долинину, своеобразие Ремизова-художника, рисующего «мрачную и страшную картину мирового горя <...>, в которой трагедия каждой отдельной личности теряет всю свою выпуклость, сливаясь в одном общем беспросветном фоне» (№ 4).

Рецензия на рассказы Зайцева начинается с пространной характеристики современной литературной ситуации как «усиленных исканий новых путей в области литературного творчества» и переоценки ценностей. Отметив ученичество у Чехова, Долинин дает общий портрет Зайцева: «все его творчество <...> знает, как основной мотив

⁸ Здесь и далее выделения в цитатах принадлежат А.С. Долинину.

свой, заунывную настроенность тихой, благоговейной молитвы, <...> мир воспринимает он всегда <...> *религиозно*, благоговейно <...> как христианин, а не как язычник». В свете последующего творчества будущего автора «Путешествия Глеба», нельзя не удивиться проницательности рецензента. Оригинальность созданного писателем художественного мира он находит в «*непрерывности*» чувства слитности с космосом, «не в редкие, <...> исключительные минуты, а *всегда и в каждое мгновение*». Поэтому «в его творениях не отражается трагедия индивидуации, пришедшая к нам из Западной Европы вместе с культом личности <...>» (№ 6). Из «*одноразовности*» души писателя проистекает, по Долинину, его неспособность к широкому социально-историческому письму и крупной прозаической форме.

В 1913 г. Долинин публикует статью-трактат об акмеизме и литературный портрет Федора Сологуба, а также обзор новых трудов о Достоевском, большая часть которого посвящена «Творчеству Достоевского» В.Ф. Переверзева и в связи с ним — полемике с марксистскими установками в критике и отстаиванию собственных подходов. Долинин указывает на «методологические ошибки» «лучшего» из критиков «марксистского направления» — это «примитивность <...> точки зрения экономического материализма», «беспомощность» «классовой <...> точки зрения» на «вопросы художественного творчества». Именно здесь критик впервые формулирует собственный методологический принцип «вершинности», впоследствии применявшийся им в литературоведческих трудах: «<...> в литературе <...> указующий истинное направление компас не в начале пути (писателя. — О. Б.), а в конце или, вернее, на вершине его. Ключ к истинному пониманию не в зародыше, а в *завершенном* и наиболее уже полно *выраженном* процессе выявления человеческой души». Поэтому «не с “Бедных людей” следовало бы начать анализ творчества Достоевского, а с “Братьев Карамазовых”» (№ 8). Этот принцип распространяется и на писателей начала XX в.

Характерно стремление критика осмыслить «самоновейшие течения в современной нашей поэзии: футуризм и акмеизм» (№ 9). В первую очередь автор устанавливает генеалогию акмеизма — это символизм, а конкретнее — призывы Вячеслава Иванова и А.А. Блока в ситуации «кризиса символизма» как литературно-художественного направления обратиться «к формальному канону <...> генетического изучения традиционных форм»⁹. Затем идет характеристика

⁹ Здесь и далее в своей статье об акмеизме А.С. Долинин цитирует статьи В.И. Иванова «Заветы символизма» (1910) и А.А. Блока «О современном состоянии русского символизма» (1910).

того «нового слова», которое акмеисты «призваны сказать». С одной стороны, в их эстетической программе важно, в противовес символизму, «признание — хотя бы в теории — “самоценности за каждым явлением”», с другой — вызывает тревогу тот факт, что «с акмеизмом, если суждено ему окрепнуть, снова *выдвинется* в литературе то содержание, которое обычно разумеют под реализмом». Хотя в идеалах акмеистов «много смешного, примитивного», тем не менее критик склонен приветствовать их начинания поверх всяких теорий и программ: «Было бы только художественно написано, было бы только талантливо — и все остальное приложится». Эйхенбаум в шутку назвал эту статью своего друга «свирепой» [17, с. 179].

В «Отрешенном...» (№ 10) Долинин вначале следует уже привычной схеме: общий портрет «героя», который «вне всяких школ и традиций, <...> в высокой степени исключительный художник, одинокий, сосредоточенный, всю свою жизнь идущий своим особым путем. <...> Все его творения <...> выявления его индивидуального “я”, сказания про его собственную душу, всегда обитающую где-то вне текущей действительности <...>, никогда не живущую настоящим». Далее — характеристика художественного стиля Сологуба, «монотонного», «преднамеренно холодного», с «необычайно строгой отделкой», «причина которого <...> коренится в <...> отличительных чертах его душевного уклада: в особом типе его воли, *внутри сосредоточенной* (внешне *бездейственной*), и — в связи с ней — в его *сознательности*, в его рационализме, в его неодолимом и неустанном стремлении прояснять <...> то стихийное, хаотическое, что поднимается к нему из его подсознательной сферы». Затем — конкретизация сказанного в процессе рассмотрения лирики, прозы и драматургии Сологуба, сопровождаемая обильным цитированием.

Долинин убедительно проводит параллели между художественными мирами Сологуба и Достоевского. В отличие от большинства критиков-современников, он утверждает, что «аналогии, соответствующие мирозерцанию Сологуба, надо искать в философии не Раскольникова и Ивана Карамазова, а Кириллова (“Бесы”) и Ипполита (“Идиот”), с их противопоставлением себя всему миру», космосу. Эти герои отвергают мир не из-за «слезы замученного ребенка», а из-за беспощадных к человеку законов природы, ее «неумолимой механистичности», будто бы поглотившей самого Христа. Ипполит злится на жизнь в напрасном ожидании чуда — победы над природой, Кириллов надеется преодолеть смерть с помощью человеческого своеволия, Сологуб делает следующий шаг — самоутверждение «Я» и «Моей» творческой воли как единственного сущего. «Вся

суть мирозерцания Сологуба, — заключает Долинин, — в ипполитовских вопросах и кирилловских ответах». Симптоматично, что, как и другие критики Серебряного века (З.Н. Гиппиус, Р.В. Иванов-Разумник, В.Ф. Боцяновский, А.Г. Горнфельд, Е.В. Аничков, П.С. Владимиров и др.)¹⁰, Долинин ставит Сологуба в один ряд с персонажами Достоевского как самостоятельными мировоззренческими субъектами, что в данном случае совпадало с самоощущением этого писателя.

В заключение Долинин сообщает читателю о методологических принципах своей статьи — стремлении к объективности и безоценочности, а главное — к «пониманию» «этого большого и оригинального художника». Эйхенбаум откликнулся: «...а хорошую статью о Сологубе написали», однако прибавил: «...о том, что думает о себе Тетерников, когда он — не Сологуб» [17, с. 180].

В 1914 г. написаны большие статьи о Чехове в жанре литературного портрета и о Мережковском в жанре критико-биографического очерка. В начале XX в. загадка Чехова не раз привлекала внимание Долинина — так появились его статьи к 10-летию и 15-летию со дня смерти писателя. В первой из них («Путник-созерцатель»; № 11) критик верен своему методу: выяснение основ «сложной и глубокой души» Чехова предшествует анализу особенностей его произведений. Так, «раз навсегда взятая позиция не столько участника, сколько *созерцателя жизни*» обусловила, по Долинину, тот факт, что «Чехов является столь ярко выраженным, столь типичным *юмористом* в русской литературе». Внутреннее одиночество и отстраненность от общей жизни стали причиной его «объективности» как писателя. Большая романная форма не далась Чехову единственно потому, что он воспринимал жизнь как «цепь, разорванную на множество звеньев», как «мир, распавшийся на отдельные атомы»; ему «недоставало “чувства бесконечного”», и в этом была причина его личной трагедии, его страха, непонимания жизни в ее целом, его непоправимого одиночества».

Наиболее интересны в статье «Путник-созерцатель» рассуждения критика о материале и форме в связи с творчеством Чехова. Он обнаруживает знакомство не только с идеями Вячеслава Иванова из статьи 1911 г. «Достоевский и роман-трагедия» («анализ всякого художественного творчества должен начинаться именно с формы, в ней прежде всего искать отражение писательской личности»), но и с теорией датского эстетика-неокантианца Бродера Христиансена,

¹⁰ См. сборник: О Федоре Сологубе: критика, статьи и заметки / сост. А. Чеботаревская. СПб.: Шиповник, 1911. 356 с.

автора популярной в университетских кругах книги «Философия искусства» («Всякий художник <...> творит <...> по своему образу и подобию. Материал, содержание его творчества могут быть <...> извне и даже целиком взяты из окружающей жизни — на то он и материал, чтобы быть пассивным»).

Вхождение Долинина в авторский коллектив венгерской «Русской литературы XX века» можно расценить как признание его заметной роли в критике 1910-х гг. Статья о Мережковском (№ 13) — настоящее исследование, совмещающее элементы строгой научности с непринужденным импрессионизмом и эссеизмом. Вначале Долинин приводит признание известного писателя, только что выпустившего свое первое ПСС в 17 томах, в том, что все его произведения отвечали на два вопроса: «что такое христианство для современного человека» и «как найти “выход из подполья”, чем “преодолеть одиночество”». Затем критик приступает к «проверке» этих тезисов. Что касается второго, то он полностью согласен с рассматриваемым автором; по поводу первого произносит многозначительное «увидим». Сразу же отмечена творческая многогранность Мережковского: «лирик, романист, критик, религиозный философ, публицист».

Прежде чем перейти к характеристике каждой из перечисленных сфер, Долинин, во-первых, пока что безответно задается главным для себя вопросом: «художник ли Мережковский?», — во-вторых, априорно оценивает его заслуги в наиболее близкой для себя области — критике, называя Мережковского родоначальником всех ее главных современных направлений: эстетического, психологического и философского, а в-третьих, открывает читателю свою собственную критико-методологическую интенцию в данной статье: «дать вполне беспристрастный очерк деятельности Мережковского в связи с его личностью; именно постичь его как особую индивидуальность с определенным психическим укладом, в зависимости от которого только и могут быть объяснены как положительные, так и отрицательные стороны его писаний».

И далее, в соответствии с намеченным планом, последовательно характеризует Мережковского как поэта, прозаика, критика, общественного деятеля. Его определяющей чертой является, по Долинину, «болезнь культуры», или «болезнь души, в которой слишком развита сила рефлексии, в корне убивающая цельность <...> переживаний»; отсюда следуют такие особенности его беллетристики и критики, как раздвоенность, рассудочность, схематичность и «крайний субъективизм», подверстывающий весь жизненный «материал» под

собственную концепцию. Статья Долинина претендует на обобщающий характер, вбирая в себя суждения о писателе, высказанные Б.А. Грифцовым, Андреем Белым и др. Ссылаясь на общее мнение, критик говорит о творческой инволюции Мережковского: «...последние его художественные произведения гораздо хуже первых».

На поставленный в начале вопрос однозначного ответа в статье нет: с одной стороны, Мережковский по эстетическим критериям Долинина совсем не художник, с другой — «Мережковский умеет быть убедительным», и ему несомненно доступно «чистое созерцание <...> всегда далекой красоты: в мраморе, в граните, в остатках античного мира», что приводит к созданию «истинно художественных картин» и сцен, оставляющих «неизгладимое впечатление истинного лиризма», в романной трилогии «Христос и Антихрист». Это «ясное аполлоновское начало, созерцание красоты».

Хотя критик претендует на «объективность» в оценке автора, в каждом его слове чувствуется неприязненная пристрастность, выдаваемая иронией, сарказмом, гневным, резким обличением. Долинин судит Мережковского с позиций столь нелюбезной ему реалистической эстетики, выдвигая в качестве критерия художественности психологическую нюансировку персонажей, социально-историческую достоверность и «естественность»: «У Мережковского, в большинстве случаев, нарушены все эти элементарные требования». По сути, Долинин обрушивается в произведениях Мережковского на черты новой, модернистской поэтики: элиминацию социально-психологической индивидуальности героя¹¹, мифологизацию и сопутствующую ей архетипическую схематизацию, символизацию и открытую авторскую субъективность. Недаром Эйхенбаум нашел статью «скучной» и осудил ее «общий метод» за «исключительный “психологизм”», приближающийся к Овсяннику-Куликовскому: «... ждешь духовного, Духа, ждешь разрешения психологических антитез, и потому убийственно действует заключение, в котором ты повторяешь начало и отнимаешь всякую надежду на исход из “психологизма”» [17, с. 187–188]. Статья о Мережковском в биографии Долинина-критика оказалась наиболее «венгеровско-позитивистской»; в последующих работах уже не было присущих ей крайностей.

После публикации в «Русской литературе XX века» Долинин отходит от литературно-критической работы почти на пять лет —

¹¹ «Полную дегероизацию, тенденцию к изображению обезличенного героя — жертвы отчуждения, отчасти за счет полуиронического его сближения с многочисленными мифологическими архетипами, превратившимися в легко сменяемые маски», отметил в модернистской литературе XX в. Е.М. Мелетинский [15, с. 107–108].

в связи с военной службой, революционной неразберихой и т. п. Новый взрыв критической активности — в 1918–1920 гг. Впервые к долининской критике и эссеистике пореволюционных лет в эсеровских газетах «Воля народа», «Дело народа» (Пг.) и «Возрождении Севера» (Архангельск) обратился В.А. Туниманов, дав характеристику ряду их тем и трактовок. Так, ученый отметил полемическую приверженность Долинина к современной ему нереалистической литературе. В самом деле, по мысли последнего, «непоколебимый авторитет» реалиста Белинского перестал действовать уже для Чехова — «слишком иной он», а затем — для «еще больш[и]х чудак[ов] из <...> стран туманной мистики, голубой эфирности»: Мережковского, Сологуба, Розанова, Бальмонта, Белого, Брюсова... (№ 32). Выступая против «общественников» в литературе, Долинин, по наблюдению Туниманова, не остановился даже перед выпадом против своего учителя Венгерова, чей известный диалог с Достоевским об «утилитарном» значении Свидригайлова бывший университетский семинарист назвал «прекомическим» и бессмысленным в «постреалистическую» эпоху, определяемую Розановым и символистами (№ 41). Однако это не помешало ему горячо вступить за добрую память об учителе, отражая нападки вульгарно-социологических критиков, стремившихся угодить новой советской власти с ее марксистскими предпочтениями, на книгу Венгерова «Героический характер русской литературы». Долинин решительно разводит мнения о книге (которую можно считать «глубоко неверной, тенденциозной, узкопартийной, народнической и спорить с ней по существу») и о самом ее авторе («человеке с большими научными и литературными заслугами»). По мнению Долинина, писать о Венгерове «с усмешкой» — «недобропорядочно», суждения профессора основаны на глубоком знании русской литературы (№ 49).

Весной 1918 г., еще до отъезда в Архангельск, Долинин опубликовал несколько материалов под рубрикой «Литература и искусство» в газете «Дело народа», где также активно сотрудничали А.М. Ремизов, Е.И. Замятин, В.Я. Шишков, Б.М. Эйхенбаум, А.А. Гизетти и др. В статье, посвященной первому сборнику «Мысль», критик остановился на двух произведениях — повести Ремизова «Страница» и рассказе Замятина «Знамение». Первая показалась Долинину «необычайной» для пера Ремизова: «тон понижен», «образы <...> упрощены», «краски <...> бедные, точно от старости выцветшие», «нечто от агиографии, в соединении с библейскою простотою легендарно-религиозных сказок Толстого», «отказ <...> от интеллигентной сложности» как бы в расчете «на совершенно иного читателя».

Напротив, в рассказе Замятина «все опалено огнем революции, насыщено ее силой, стихийностью»: «суровые тона, мрачные густые тени», «образы острые и <...> яркие». Чудо совершается в результате полного слияния единичного с порывом массы, уничтожения личности в волнах «всеобщего экстаза». Затем возвращается «обыденное». Так Замятин передал переживание «приливов и отливов» первого года революции (№ 14).

В следующей статье Долинина в «Деле народа», посвященной московскому сборнику «Эпоха», наибольший интерес представляет анализ нового романа Сологуба «Заклинательница змей», на котором, по мнению критика, лежит «печать усталости». Если раньше творчество Сологуба «было строгим и выдержанным самоутверждением духа <...> над материей, над миром внешним», то здесь «жизнь, материя, материал» господствуют «над миром внутренним»; изображение «борьбы между трудом и капиталом», «демократический дух» романа делают его «тягучим», «куски» прежних образов скреплены в нем «отвлеченной идеей общественного характера». Также в статье уделено внимание повести М. Кузмина «Шелковый дождь» (в которой взгляд автора «светится <...> мягкой иронией» и «грезит видениями иного, более здорового, жизнерадостного мира, откуда и мерило его ценностей») и сказке Ал. Толстого «Синица» (которая «с первых же слов обдает ярким светом радости»; на фоне ее «здоровья» проигрывают многие другие произведения сборника), упомянута эссеистика В. Брюсова и А. Белого (№ 15).

Симптоматичен отзыв Долинина на «большое литературное событие», «в наши дни <...> даже самое крупное» — выход дополнительных томов собрания сочинений Достоевского с недавно атрибутированной ему литературной полемикой и статьями об искусстве 1840–1860-х гг., а также — подготовительными материалами и вариантами художественных произведений. Хотя, по мнению критика, нападки Достоевского на русскую революцию «запальчивы, тяжеловесны», оваяны «мрачным, злым и жестоким сарказмом», «гениальность его прозрений» в образах Петра Верховенского и Великого инквизитора «предугадывает то, что в наши дни стало фактом, приняло такие уродливые формы» (№ 16).

Именно Долинину, «одному из немногих, удалось <...> глубоко и точно определить суть творчества В. Розанова в статье-некрологе “Навозная жижица и золотые рыбки”. <...> Розанов “многосоставен”, он <...> сочетает в себе высокие идеалы, почти гениальные прозрения и низменные, отталкивающие, “подлые” движения <...>. Розанов, считает критик, первооткрыватель, исключительно своеобразный

мыслитель <...>» [20, с. 8]. Более того, именно Розанов, по Долинину, наиболее яркий выразитель символизма как мирозозерцания, а также — подлинный предтеча русской революции, «если верить, что она подготовлялась и в области духа» [7, с. 454].

В 1918 г. Долинин «с энтузиазмом откликнулся на “Плач <о гибели Русской земли>” Ремизова» [20, с. 11]¹²: «Художественно могуч» — и защитил писателя от обвинений в черносотенстве (№ 17). Этот случай через десятилетия и границы отозвался в письме Ремизова к В.И. Малышеву от сентября 1957 г.: «Очень тронули меня сообщения о памяти Аркадия Семеновича Долинина. Клянюсь ему низко. Что будет о Достоевском — пусть не забудет меня» [10, с. 213]. В унисон «огненному слову наших мистиков-идеалистов» Блока, Белого, Иванова-Разумника, Долинин размышляет о разворачивающейся русской революции: «Куда держим путь? Каков ее смысл? Не реальный, видимый, простым смертным доступный, а смысл взвинченный, религиозный, мистический ее смысл?». Приветствуя народный «христианский интернационализм» в духе Достоевского, в то же время Долинин встревожен выдвижением на историческую арену отвратительного ему русского «охлоса»: «Что же: Голгофа или смрадное место <...>? Двенадцать или тринадцать красногвардейцев идут впереди? С Христом или с... дьяволом?» (№ 17).

В архангельские годы Долинин, по справедливому наблюдению Туниманова, «во власти <...> историко-философских представлений и мифологем, восходящих к идеям и образам Чаадаева, Герцена, славянофилов, Достоевского» [20, с. 10], он приветствует революционное «мифотворчество» русского «народа-богоносца» (№ 22) и его проявления в стихах и прозе Блока, Белого, Н. Клюева, С. Есенина и других «скифов»: «... истинный пафос, беззаветное горение, стремление в даль, без оглядки, в чарующую, захватывающую неизвестность, <...> имеется у “Скифов”, у группы Иванова-Разумника» (№ 18). Как полярное «скифам» явление Долинин выделяет «сдержанно-спокойное, глубоко консервативное в лучшем смысле этого слова, <...> отстаивающее тенденции чистого искусства — Это. Московский сборник “Эпоха” во главе с Валерием Брюсовым и Федором Сологубом — самое яркое его выражение» (№ 45). «А третье течение занимало как бы среднее место между теми крайними. Сдержанное, менее порывное, оно тоже всматривалось в происходящее кругом и выражало тревогу за будущее, не щадя прошлого ближайших дней, своих и чужих ошибок в нем. Это сборник “Мысль” во главе с Вик-

¹² У Ремизова — «Слово о гибели Русской земли».

тором Черновым и Евгением Замятиным. И группа “Воля народа” с Алексеем Ремизовым <...>. И отчасти сюда можно причислить и Горького, хотя он стоял совершенно вне этих групп; и он знал тогда это состояние тяжелого раздумья, чувство огромной ответственности, а веры, выжигающей все сомнения, в безумии начертающей пути, не было у него» (№ 45).

Не оставляет Долинин и своих излюбленных литературно-критических сюжетов о психологии творческой личности, о ее взаимоотношениях с современниками, об обусловленности художественной формы внутренним миром писателя. Так, в статье «Обреченные» критик поднимает вопрос о противостоянии нарождающегося «массового человека» с его специфической «культурной душой» и глубинно-стихийных цельных гениев — Шекспира, Достоевского, Ремизова, Сологуба... (№ 19).

В «Аналогиях» Долинин сопоставляет поэму Блока «Двенадцать» и «Слово о гибели Русской земли» (называя его «Плачем...») Ремизова. Если от первой веет «непроходимой смертной тоской» кощунства, то автор второй как будто бросает камни, которые «глухо стучают о крышку гроба» России. Л. Толстой, по Долинину, «не решил <...>, свят народ или преступен», и потому не может слиться с революцией. И только один «консерватор» Достоевский «не усомнился бы в святости народа и во всяком случае от него он бы не отвернулся. Блуждал бы вместе с ним <...>» (№ 26).

В эти же месяцы Долинин пишет и публикует эссе «В погибавшем Риме. (Два монолога)», где проводит более масштабные аналогии: революционной современности — с античностью, Древним Римом, что, впрочем, было в духе эпохи¹³. Эссе представляет собой фантазию на темы «Анналов» Тацита. Автор якобы обращается к двум эпизодам из V книги сочинения древнего историка, с описанием бунта рабов против римских порядков после смерти императора Домициана (правил в 81–96 гг. н.э.), однако здесь очевиден анахронизм — действие в V книге «Анналов» происходит в 29 г. н.э., а в V книге его же «Истории» — в 70 г. н.э. Такие персонажи долининского эссе, как народный трибун Третий Гайус и художник Амфилох, в сочинениях Тацита отсутствуют. Но важнее их генезиса для нас в данном случае — созданный автором с помощью вневременных образов антиномичный портрет русской интеллигенции революционной эпохи: «Какое странное совпадение <...>!» В первом эпизоде просматриваются обобщенные, с опорой и на

¹³ См., например, сборники «Скифы» (1917–1918), статью А.А. Блока «Катилина» (1919) и др.

собственный опыт, этапы отношения русских литераторов к народной революции: «Вначале Трибун Гайус принял в бунте большое участие. Но когда масса пошла дальше, чем он думал, и когда <...> стали жечь прекрасные античные храмы и разбивать тонкие белые статуи на перекрестках и форуме, тогда “молодой политик” не выдержал: в нем заговорила жалость к погибающей античности и — отступился». Народный трибун, защитник демократии заговорил о «бессмысленной толпе», «черни» и «охлосе», от которых надо защитить «великую античную культуру» — иначе «будущим поколениям придется заново поднимать великий труд минувших веков, дабы вернуться к тому состоянию, что сейчас так мучительно умирает на наших глазах...» Во втором эпизоде художник Амфилох «тоже думает о бунте. В нем почувствовал он дуновение рока, влекущего старое к гибели и рождающего новое». Приветствуя революцию, Амфилох понимает собственную обреченность, однако верит, что будущая культура превзойдет гибнущую современную — поэтому не надо воскрешать «прошлое, старое», пусть «огнем очистительным снимется трупье с лика обновленной земли». У автора эссе позиция Амфилоха «не вызвала <...> особенной бодрости», он смущен тем, как «странно сдвинулись века», как «смешалось наше современное с далеким прошлым» (№ 46).

Творчеству Л. Толстого в контексте революционной современности посвящена статья «Логика и Толстой», где жизнь автора «Войны и мира» трактуется как «одна из самых интересных страниц из книги “Прения Разума с Душою” — сложное запутанное сказание об “уничижении паче гордости”, об осторожности и подозрительности и о страшном неслыханном коварстве» (№ 27). Критик имеет в виду «поражение» толстовской рациональности под напором жизненной стихии.

На 50-летний юбилей А.М. Горького¹⁴ газета откликнулась несколькими материалами. Сам Долинин пропел автору «Песни о Буревестнике» настоящий панегирик: «Русское общество ожило вместе с приходом Горького в литературу»; в нем «сила поднявшегося народа, юной стихии, неустанно творящей <...>». При этом критик несколько неожиданно для 1910-х гг., отмеченных резкими выпадами Горького против Достоевского, возвел генеалогию пролетарского писателя непосредственно к творцу «Бесов»: «Духовный сын бунтаря из бунтарей, Достоевского, русский юный дикарь, но с сердцем здоровым и духом смелый». Все творчество Горького До-

¹⁴ Отмечавшийся на год позже биографического.

линин назвал «сплошным “возвышенным обманом”, в который мы все верили, считая его даже реалистом»; на деле же «он романтик по строю своей души» (№ 28). Получается, что высокая оценка писателя обусловлена нереалистическим качеством его произведений. Последнее, как мы могли заметить, органично для Долинина-критика.

В 15-ю годовщину смерти Чехова Долинин публикует статью, вновь вопрошающую об истинном духовно-душевно облике «этой необычайно сложной, чрезвычайно загадочной <...> фигуры», черты которого ему не удалось обнаружить в известных воспоминаниях И.А. Бунина, А.М. Горького, В.Г. Короленко и А.И. Куприна (№ 34).

В одной из своих последних опубликованных в архангельской газете статей — обзоре русской литературы за 1919 г. — критик сетует на то, что в период Гражданской войны литература стала «разъединенной, раскиданной по разным углам» страны и узнать о судьбе выделенных в прошлогоднем обзоре (№ 18) трех течений теперь невозможно. Поэтому «волей-неволей» Долинину пришлось ограничиться обзором лишь местной, архангельской литературы. Особый интерес представляет оценка начинающего Л.М. Леонова. Отец будущего автора «Вора» и «Русского леса» был сослан в 1908 г. в Архангельск, где завел типографию и выпускал газету «Северное утро», в которой с 1915 г. стали появляться первые опыты Леонида: стихи, театральные рецензии, очерки. Печатался молодой Леонов и в «Возрождении Севера». По мнению Долинина, он подает «[б]ольшие надежды в прозе»: «Какая многообещающая безвкусица — его очень своеобразное, целиком ему принадлежащее “В столетиях”! И как прекрасно написан, с какой утонченной нежностью и милой наивной искренностью его <...> полуфантастический рассказ “Бор”» (№ 45).

В отличие от Леонова, также начинавшему в «Возрождении Севера» Б.В. Шергину «провинция не грозит никакой опасностью», так как он «вне быта; замыслы его в богатейших источниках прошлого, которое всегда будет захватывающе интересно». Выводы критика основываются на анализе сказочной повести Шергина «Любовь сильнее смерти», напечатанной в сборнике «На Севере дальнем» в 1919 г. «Несомненная большая талантливость» молодого прозаика сопоставляется с Ремизовым и А.Н. Толстым.

Еще одно открытие Долинина-критика в архангельские годы — поэт А.В. Туфанов. «Литературно образованный, усидчивый теоретик ритмики, он всегда творил <...> однообразно. И все же нередко поднимался до истинной поэзии, оставляя нам стихотворения сильные, образные и звучные» (№ 45). Дебют этого петроградского

поэта в 1917 г. прошел незаметно, и лишь переселившись в 1918 г. в Архангельск, он обрел свое творческое лицо как «Председатель Земного шара Зауми». В бытность в Архангельске Туфанов также организовал литературно-художественный кружок при газете «Возрождение Севера»¹⁵.

Как видим, Долинин был не только тонким истолкователем творчества уже признанных писателей-современников, но и проницательным вдохновителем молодых, еще неизвестных талантов.

Итак, главные черты Долинина-критика: метод биографико-психологического вчувствования; отрицание крайностей социологического («пыпинизм») и формально-эстетического («шкловскизм») [7, с. 352] подходов; принцип «вершинности»; приоритет художественной формы; интерес к религиозно-философским вопросам и преимущественное внимание к писателям-символистам и неореалистам.

Литература

1. *Абрамкин В.М., Лурье А.Н.* Писатели Ленинграда (библиографический указатель). Л.: Лениздат, 1964. 364 с.
2. *Альтман И.* Грубая фальсификация // *Знамя*. 1948. № 3. С. 179–183.
3. *Белов С.В.* Библиография работ А.С. Долинина // *Очерки по истории русской литературы / Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена*. Т. 309. Л.: Учпедгиз, Ленингр. отд., 1966. С. 372–375.
4. *Белов С.В.* Полвека с Достоевским. Воспоминания. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 212 с.
5. *Богданова О.А.* А.С. Долинин // *Русские литературоведы XX века: Библиографический словарь*. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. Т. I: А–Л. С. 299–300.
6. *Долинин А.А.* Долинин Аркадий Семенович // *Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь*. М.: Большая Российская энциклопедия; Фанит, 1992. Т. 2. С. 153–154.
7. *Долинин А.С.* Достоевский и другие: Статьи и исследования о русской классической литературе. Л.: Художественная литература, 1989. 478 с.
8. *Долинин А.С.* Из публицистики 1919 г. / публ. Е.Н. Дрыжаковой // *Русская литература*. 1991. № 4. С. 159–166.
9. *Дрыжакова Е.Н.* На переломе 1950-х: наши замечательные учителя А.С. Долинин и Ю.Г. Оксман // *Дрыжакова Е.Н. По живым следам Достоевского. Факты и размышления*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 443–478.
10. *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год*. Л.: Наука, 1979. 270 с.
11. *Зильберштейн И.С.* Новонайденные и забытые письма Достоевского // *Литературное наследство*. М.: Наука, 1973. Т. 86. С. 114–152.

¹⁵ Подробнее о взаимоотношениях А.С. Долинина и А.В. Туфанова в архангельский период см.: [13].

12. *Иванов В.И.* Достоевский и роман-трагедия // Иванов В.И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 282–306.
13. *Крусанов А. А.В.* Туфанов: архангельский период (1918–1919 гг.) // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 92–119.
14. *Крылов В.Н.* Структурные особенности литературно-критических статей Серебряного века // Крылов В.Н. Теория и история русской литературной критики: Учебное пособие. Казань, 2011. С.79–94.
15. *Мелетинский Е.М.* О происхождении литературно-мифологических сюжетных архетипов // Литературные архетипы и универсалии. М.: РГГУ, 2001. С. 73–149.
16. *Михайлова М.В.* Литературная критика: эволюция жанровых форм // Поэтика русской литературы конца XIX — начала XX века. Динамика жанра: Общие проблемы. Проза. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 620–704.
17. Письма Б.М. Эйхенбаума к А.С. Долинину / подгот. текста, предисл. и примеч. А.А. Долининой // Звезда. 1996. № 5. С. 176–189.
18. Пушкинский сборник памяти профессора Семена Афанасьевича Венгерова. Пушкинист IV / под ред. Н.В. Яковлева. М.; Пг.: Госиздат. 1922. XL, 363 с.
19. *Розанов В.В.* Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. М.: Республика, 1996. 702 с.
20. *Туниманов В.А.* Дон Искоз // Долинин А.С. Достоевский и другие. Л.: Художественная литература, 1989. С. 3–30.
21. *Фридлендер Г.М.* Памяти ученого // Русская литература. 1968. № 4. С. 232–234.
22. *Эйхенбаум Б.М.* Новое в области «пушкинизма» // Эйхенбаум Б.М. О литературе: Работы разных лет. М.: Советский писатель, 1987. С. 305–310.

Research Article

Literary Criticism and Essays by A. S. Dolinin. A Bibliography, 1906–1920

© 2021, Olga A. Bogdanova

A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: The bibliography of literary criticism and essays (articles, reviews, literary portraits and parallels, critical and biographical essays, etc.) by Arkady Semyonovich Dolinin (1880–1968), first published here, gives an idea of the field of interest of a great Soviet literary critics before the beginning of his scholarly activity, in the first decades of the XX century. The paper traces the path of Dolinin - literary critic, his appeal to the classical (F.M. Dostoevsky, L.N. Tolstoy, A.I. Herzen, etc.) and modern (A.P. Chekhov, B.K. Zaitsev, F. Sologub, D.S. Merezhkovsky, etc.) literature, his artistic and aesthetic preferences (from realism to modernism), and his religious and philosophical quest against the background of social and political struggle during the First World War, the Revolution and the Civil War. The paper gives an analysis of Dolinin's method: biographical and

psychological approach, Critical attitude to the sociological (“pypinism”) and formal-aesthetic (“shklovskism”) methods, comments on the ideological and creative relations with S.A. Vengerov, his teacher at Petrograd University. Special attention is paid to Dolinin's intensive critical work in 1918–1920 in the Arkhangelsk newspaper *Renaissance of the North*, where he chronicled Russian literary life at a historical turning point, reflecting on the works of V.V. Rozanov, L.N. Andreev, A.M. Gorky, A.M. Remizov, A.A. Blok, etc. An important achievement of Dolinin was the discovery of young, still unknown talents: L.M. Leonov, B.V. Shergin, A.V. Tufanov.

Keywords: A.S. Dolinin; Dostoevsky studies; literary criticism; essays; bibliography; Silver Age; Semen Vengerov; modernism; newspaper *Renaissance of the North*.

Information about the author: Olga A. Bogdanova, DSc in Philology, Leading Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: olgabogda@yandex.ru.

For citation: Bogdanova, O.A. “Literary Criticism and Essays by A.S. Dolinin. A Bibliography, 1906–1920.” *Literaturnyi fakt*, 2021, no. 1 (19), pp. 407–431. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-407-431>

References

1. Abramkin, V.M., Lur'e, A.N. *Pisateli Leningrada (biobibliograficheskii ukazatel') [Leningrad Writers (biobibliography)]*. Leningrad, Lenizdat publ., 1964. 364 p. (In Russ.)
2. Al'tman, I. “Grubaja fal'sifikacija” [“Gross falsification”]. *Znamja*, 1948, no 3, pp. 179–183. (In Russ.)
3. Belov, S.V. *Bibliografija rabot A.S. Dolinina [Bibliography of the works of A. S. Dolinin]. Ocherki po istorii russkoj literatury. Uchenye zapiski LGPI im. A.I. Gercena [Essays on the history of Russian Literature. Scientific notes of the Herzen State Pedagogical Institute]*, vol. 309. Leningrad, Uchpedgiz Publ., 1966, pp. 372–375. (In Russ.)
4. Belov, S.V. *Polveka s Dostoevskim. Vospominanija [Half a century with Dostoevsky. Memoirs]*. Saint-Petersburg, SPbGU Publ., 2007. 212 p. (In Russ.)
5. Bogdanova, O.A. “A.S. Dolinin.” *Russkie literaturovedy XX veka: Biobibliograficheskij slovar' [Russian Literary Critics of the twentieth century: A Biobibliographical Dictionary]*, vol. I: A–L. Moscow, Saint-Petersburg, Nestor-Istorija Publ., 2017, pp. 299–300. (In Russ.)
6. Dolinin, A.A. “Dolinin Arkadij Semenovich.” *Russkie pisateli. 1800-1917: Biograficheskij slovar' [Russian writers. 1800–1917: Biographical dictionary]*, vol. 2. G – K. Moscow, Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija; Fianit Publ., 1992, pp. 153–154. (In Russ.)
7. Dolinin, A.S. *Dostoevskij i drugie: Stat'i i issledovanija o russkoj klassicheskoj literature [Dostoevsky and Others: Articles and Research on Russian Classical Literature]*. Leningrad, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1989. 478 p. (In Russ.)
8. Dolinin A.S. Iz publicistiky 1919 g. [From the journalism of 1919], publ. by E.N. Dryzhakova, *USA. Russkajaliterature [Russian Literature]*, 1991, no 4, pp. 159–166. (In Russ.)
9. Dryzhakova, E.N. “Na perelome 1950-h: nashi zamechatel'nye uchitelja A.S. Dolinin i Ju.G. Oksman” [“At the Turning Point of the 1950s: our wonderful teachers A. S. Dolinin and Yu. G. Oxman”]. *Dryzhakova E.N. Po zhivym sledam Dostoevskogo. Fakty i razmyshlenija [In the living footsteps of Dostoevsky. Facts and reflections]*. Saint-Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2008, pp. 443–478. (In Russ.)

10. *Ezhгодnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1977 god* [Yearbook of the Manuscript department of the Pushkin House for 1977]. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 270 p. (In Russ.)

11. Zil'bershtejn, I.S. "Novonajdennye I zabytye pis'ma Dostoevskogo" ["Newfound and forgotten letters of Dostoevsky"]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 86. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 114–152. (In Russ.)

12. Ivanov, V.I. "Dostoevskij i roman-tragedija" ["Dostoevsky and the Novel-tragedy"]. Ivanov, V.I. *Rodnoe i vselenskoe* [Native and universal]. Moscow, Respublika Publ., 1994, pp. 282–306. (In Russ.)

13. Krusanov, A. "A.V. Tufanov: arhangel'skij period (1918–1919 gg.)" ["A.V. Tufanov: the Arkhangelsk period (1918–1919)"]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 1998, no 2 (30), pp. 92–119. (In Russ.)

14. Krylov, V.N. "Strukturnye osobennosti literaturno-kriticheskikh statej Serebrjanogo veka" ["Structural features of literary-critical articles of the Silver Age"]. Krylov, V.N. *Teorija I istorija russkoj literaturnoj kritiki: Uchebnoe posobie* [Theory and History of Russian Literary Criticism: Training manual]. Kazan', 2011, pp.79–94. (In Russ.)

15. Meletinskij, E.M. "O proishozhdenii literaturno-mifologicheskikh sjuzhetnyh arhetipov" ["On the origin of the literary and mythological archetypes narrative:"]. *Literaturnye arhetipy I universalii* [Literary archetypes and universalia], ed. E. M. Meletinsky. Moscow, RGGU Publ., 2001, pp. 73–149. (In Russ.)

16. Mihajlova, M.V. "Literaturnaja kritika: jevoljucija zhanrovyh form" ["Literary criticism: the Evolution of genre Forms"]. *Pojetika russkoj literatury konca XIX – nachala XX veka. Dinamika zhanra: Obshhie problemy. Proza* [Poetics of Russian Literature of the late XIX – early XX century. Genre dynamics: General problems. Prose]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2009, pp. 620–704. (In Russ.)

17. "Pis'ma B.M. Jejhenbauma k A.S. Dolininu" ["Letters of B. M. Eichenbaum to A. S. Dolinin"], ed. introd., comm. by A. A. Dolinin. *Zvezda*, 1996, no 5, pp. 176–189. (In Russ.)

18. *Pushkinskij sbornik pamjati professor Semena Afanas'evicha Vengerova. Pushkinist IV* [The Pushkin collection to the memory of Professor Semen Afanasevich Vengerov. Pushkinist IV], ed. by N.V. Yakovlev. Moscow; Petrograd, Gosizdat Publ., 1922. XL, 363 p. (In Russ.)

19. Rozanov, V.V. *Legenda o Velikominkvizitore F.M. Dostoevskogo* [The Legend of the Grand Inquisitor by F. M. Dostoevsky]. Moscow, Respublika Publ., 1996. 702 p. (In Russ.)

20. Tunimanov, V.A. "Don Iskoz." Dolinin, A.S. *Dostoevskij I drugie* [Dostoevsky and others]. Leningrad, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1989, pp. 3–30. (In Russ.)

21. Fridlender, G.M. "Pamjati uchenogo" ["In memoriam the scholar"]. *Russkaja literatura* [Russian Literature], 1968, no 4, pp. 232-234. (In Russ.)

22. Jejhenbaum, B.M. "Novoe v oblasti 'pushkinizma'" ["New in 'Pushkiniana'"]. Jejhenbaum, B.M. *O literature: Rabotyraznyh let* [On literature. Works of different years]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1987, pp. 305–310. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 1.02.2021

Дата публикации: 25.03.2021

The article was submitted: 1.02.2021

Date of publication: 25.03.2021

ПРИЛОЖЕНИЕ

Библиография
литературной критики и эссеистики А.С. Долинина: 1906–1920

1. [Искоз А.С. О символистах] // Das Wort. Wien, 1906. № 7. См.: [3, с. 372].
2. Б. п. Зайцев и Ремизов // Бюллетени литературы и жизни. М., 1912. № 4. С. 177–181.
3. Долинин А. Новый труд по истории русской литературы. «История русской литературы XIX века» под ред. Д.Н. Овсяннико-Куликовского (М., 1912) // Русская мысль. 1912. № 4. XVII. В России и за границей. С. 30–37.
Перепеч.: [7, с. 402–408].
4. Долинин А. Обреченный. (Сочинения А. Ремизова, тт. I–VIII) // Речь. 1912. 17 июня. С. 2.
5. Долинин А. Л.Я. Гуревич. «Литература и эстетика» (СПб., 1912) // Речь. 1912. 20 августа. С. 3.
6. Долинин А. «Тихие зори». (Рассказы Б. Зайцева) // Речь. 1912. 1 октября. С. 2–3.
7. Долинин А. Проблема смерти у Л.Н. Толстого // Речь. 1912. 8 ноября. С. 2–3.
8. Долинин А. Новое о Ф.М. Достоевском. В.Ф. Переверзев «Творчество Достоевского» (М., 1912); Ч. Ветринский. Достоевский в воспоминаниях современников (М., 1912); А.Е. Врангель. Воспоминания о Ф.М. Достоевском в Сибири (СПб., 1912) // Русская мысль. 1913. № 2. Отд. XXI. II. С. 12–16.
Перепеч.: [7, с. 402–408].
9. Долинин А. Акмеизм // Заветы. 1913. № 5. Отд. II. С. 152–162.
Перепеч.: [7, с. 408–418].
10. Долинин А. Отрешенный. (К психологии творчества Федора Сологуба) // Заветы. 1913. № 7. Отд. II. С. 55–85.
Перепеч.: [7, с. 419–451].
11. Долинин А. Путник-Созерцатель (Творчество А.П. Чехова) // Заветы. 1914. № 7. Отд. II. С. 64–102.
Перепеч.: [7, с. 289–331].
12. Долинин-Искоз А.С. «Цыгань» А.С.Пушкина // Пушкинист: Историко-литературный сборник. Т. 1 / под ред. проф. С.А. Венгерова. СПб.: Фототипия и типогр. А.Ф. Дресслера, 1914. С. 17–44.
13. Долинин А. Дмитрий Мережковский // Русская литература XX века. 1890-1910 / под ред. проф. С.А. Венгерова: в 3 т. М.: Т-во «Мир», 1914. Т. 1. С. 295–356.
Перепеч.: Русская литература XX века. 1890–1910. Под ред. проф. С.А. Венгерова: в 2 кн. М.: ИД «XXI век — Согласие», 2000. Кн. 1. С. 279–332; Русская литература XX века. 1890–1910. Под ред. проф. С.А. Венгерова / послесл., подгот. текста А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2004. С. 176–213.
14. Долинин А. «Мысль», сборник 1-й (изд. «Революционной мысли») // Дело народа. 1918. 21 (8) апреля. С. 4.
15. Долинин А. «Эпоха» (Книга первая) // Дело народа. 1918. 28 (15) апреля. С. 4.
16. Долинин А. О Достоевском. Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского, тт. 22 и 23, изд. «Просвещение» // Дело народа. 1918. 12 мая (29 апреля). С. 4.
17. Долинин А. Лев Толстой и его тень (О сущности русской души) // Воля народа. 1918. № 7 (май). С. 14–16.
18. Долинин А. Русская литература за 1918 год // Возрождение Севера. 1919. 1 января. С. 3–4.
19. Долинин А. Обреченные (Нечто вроде психологического этюда) // Возрождение Севера. 1919. 12 января. С. 2.
20. Долинин А. Повесть печали и надежды. (Об истинных победителях в этот страшный день) // Возрождение Севера. 1919. 18 января. С. 1.

21. *Алешин А.* Странная защита (Критический этюд) // Возрождение Севера. 1919. 19 января. С. 2.
22. *Алешин А.* Письмо (К вопросу о том, что такое историческое творчество) // Возрождение Севера. 1919. 26 января. С. 2. 2 февраля. С. 2.
23. *Алешин А.* «Окаменевшие рыцари» (К биографии искусства) // Возрождение Севера. 1919. 23 февраля. С. 2.
24. *Долинин А.* Святая масленица // Возрождение Севера. 1919. 1 марта. С. 2.
25. *Алешин А.* «Реликвии» (К вопросу о биографии) // Возрождение Севера. 1919. 9 марта. С. 2.
26. *Долинин А.* Аналогии (В эти дни) // Возрождение Севера. 1919. 16 марта. С. 2. Перепеч.: [8, с. 164–166].
27. *Долинин А.* Логика и Толстой // Возрождение Севера. 1919. 23 марта. С. 2. Перепеч.: [8, с. 162–164].
28. *Алешин А.* Певец весны, солнца и бури // Возрождение Севера. 1919. 20 апреля. (Под общим заголовком «Максим Горький»). С. 4.
29. *А.Д.* Кто он и как он жил? // Возрождение Севера. 1919. 20 апреля. (Под общим заголовком «Максим Горький»). С. 4.
30. *Алешин А.* С.Т. Аксаков в сороковые годы // Возрождение Севера. 1919. 18 мая. С. 3–4.
31. *Алешин А.* Две души // Возрождение Севера. 1919. 1 июня. С. 3–4.
32. *Алешин А.* Пленница Его Величества // Возрождение Севера. 1919. 15 июня. С. 2. 22 июня. С. 3.
33. *Долинин А.* Навозная жижица и золотые рыбки // Возрождение Севера. 1919. 6 июля. С. 3. Перепеч.: [7, с. 451–455].
34. *Долинин А.* Одинокий. (К характеристике личности Чехова по «воспоминаниям» его друзей) // Возрождение Севера. 1919. 15 июля. С. 3.
35. *А.С.* Художественная манера Чехова // Возрождение Севера. 1919. 15 июля. С. 3–4.
36. *А.Д.* Трагедия Чехова // Возрождение Севера. 1919. 16 июля. С. 3–4.
37. *Юрьев А.* Две души (Нечто в роде психологического этюда) // Возрождение Севера. 1919. 7 сентября. С. 3.
38. *Юрьев А.* Великое упование (Бакунин и творчество) // Возрождение Севера. 1919. 21 сентября. С. 2.
39. *Алексеев А.* Неоцененный // Возрождение Севера. 1919. 27 сентября. (Под общим заголовком «Памяти Леонида Андреева»). С. 2.
40. *Казанцев Б.* Непреодолимый ужас (Мотивы творчества Леонида Андреева) // Возрождение Севера. 1919. 27 сентября. (Под общим заголовком «Памяти Леонида Андреева»). С. 2.
41. *А.Д.* Писарев или Пушкин? (Вторая речь к читателю и о читателе) // Возрождение Севера. 1919. 28 сентября. С. 3.
42. *Алексеев А.* Бакунин (по Герцену) // Возрождение Севера. 1919. 12 октября. С. 3.
43. *Юрьев А.* Памяти Толстого // Возрождение Севера. 1919. 23 ноября. С. 4.
44. *Казанцев Б.* Чужие («Творчество», апрель–май 1919, Москва) // Возрождение Севера. 1919. 14 декабря. С. 4. 28 декабря. С. 4.
45. *Долинин А.* Литература в 1919 г. Обзор // Возрождение Севера. 1920. 1 января. С. 3–4.
46. *Долинин А.* В погибавшем Риме (Два монолога) // На Севере дальнем: Сборник стихов и рассказов. Архангельск: Б. и., 1919. С. 40–47.
47. *Юрьев А.* О жизни и творчестве А.И. Герцена // Возрождение Севера. 1920. 25 января. С. 3–4.
48. *Долинин А.* Памяти Герцена // Возрождение Севера. 1920. 1 февраля. С. 3.
49. *Долинин А.* О Мавриных (Письмо в редакцию) // Вестник литературы. 1920. № 12 (24). С. 12–13.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ
Научный журнал

2020 № 1 (19)

Основан в 2016 г.
Выходит 4 номера в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 — 67296 от 30 сентября 2016 г.

Адрес редакции: Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук. 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
Телефон: +7 (495) 690-50-30
Сайт: www.litfact.ru

Дизайн обложки А.В. Белоусова
Компьютерная верстка Н.Э. Чайковская
Подписано в печать 25.03.2021
Формат 60×90 1/16
Усл.-печ. л. 27,0
Тираж 500 экз.

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ №